193 394

21 VII
C 2919

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ

О

КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

ИЗДАНІЕ

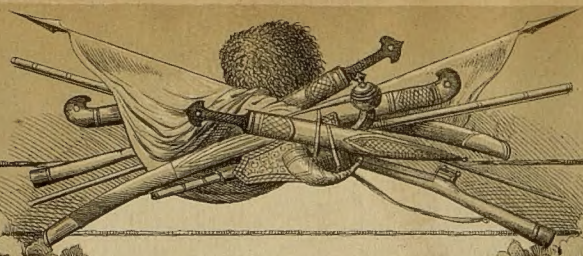
КАВКАЗСКАГО ГОРСКАГО УПРАВЛЕНІЯ.

ВЫПУСКЪ VII.

ТИФЛИСЪ.

—

1873.



СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

ИЗДАНІЕ

Кавказскаго Горскаго Управленія.

Выпускъ VII

ТИФЛИСЪ 1873.

Предметный Каталог
Донской Публичной библиотеки
им. К. Маркса

Библиотека
им. К. Маркса
Проверено
1937—38 г.

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

съ соизволенія

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Главнокомандующаго Кавказскою Арміею

при

КАВКАЗСКОМЪ ГОРСКОМЪ УПРАВЛЕНІИ.

С 22,12 21

ВЫПУСКЪ VII.

ТИФЛИСЪ.

1873.

Ростовская Публичная Библиотека им. К. Маркса
Р.С.Ф.С.Р.
БИБЛИОТЕКА им. К. Маркса
167267

Библиотека
Ростов н-Д.
КР
193·394
им. К. Маркса.
книгохранилище

Проверено
1937—38 г.

Въ Типографіи Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго.

Содержаніе.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Сказаніе очевидца о Шамилѣ, *Гаджи-Али* (переводъ съ арабскаго).

2) Бывшее Елисуйское султанство (съ картою), *И. П. Линевича*.

3) Нѣсколько данныхъ для опредѣленія экономическаго быта жителей Елисуйскаго наибства, Закатальскаго округа, ***.

4) Присяга по обычному праву осетинъ, *Джантемира Шанаева*.

5) Адаты Даргинскихъ обществъ.

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

1) Изъ осетинскихъ народныхъ сказаній: а) Нартовскія сказанія (два варіанта о Сосрыко—О томъ, какъ великанъ поймалъ Урызмага—Нарты и Сырдонъ—Гатагъ и его сыновья—Хатагъ-Барагъ), *Дж. Шанаева*; б) Сказаніе о св. Уастырджи, *Гуцыра Шанаева*.

2) Даргинскія сказанія о Муллѣ Насрэддинѣ, *М. Амирова*.

III. Этнографическіе очерки:

Среди горцевъ Сѣвернаго Дагестана (изъ дневника гимназиста), *Гаджи-Мурада Амирова*.

IV. Приложенія:

1) Преданія Адаевцевъ о святыхъ, секты Ханафіе, живши́хъ и умершихъ на Мангышлакѣ; 2) Воззваніе Мухаммедъ-Сафы къ Адаевцамъ въ 1870 г.; 3) Разсказъ и стихи тюркменскаго пѣвца Нури (съ острова Челекеня), 1870 г.; 4) О многочисленности и могуществѣ Уруса и 5) Киргизская пѣсня,—собр. и перев. *А. К.*

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

СКАЗАНІЕ ОЧЕВИДЦА О ШАМИЛѢ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Авторъ, преподнося рукопись на арабскомъ языкѣ своего «Сказанія» Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему Кавказскою Арміею, въ посвященіи ея высказалъ слѣдующее:

«Посвящая Вамъ этотъ ничтожный трудъ мой—книгу, въ которой я собралъ то, что видѣлъ и слышалъ о Шамилѣ отъ людей достовѣрныхъ, я проникнутъ желаніемъ, чтобы Ваше Высочество не смѣшивали оную съ подобными сочиненіями, написанными не очевидцами, а по разсказамъ другихъ, и имѣли бы терпѣніе прочитать ее отъ начала до конца. При этомъ надѣюсь, что какъ самъ Шамиль, такъ и мюриды и даже сыновья его, подтвердятъ все сказанное мною въ этой книгѣ».

Не смотря, однако, на такой самоувѣренный тонъ Автора, высказывающійся и далѣе, во многихъ мѣстахъ самого «Сказанія»,—нельзя не замѣтить, что оно заключаетъ въ себѣ много невѣрностей, особенно въ изложеніи дѣйствій нашихъ войскъ, что отчасти извиняется незнаніемъ со стороны Автора причинъ, вызывавшихъ таковыя дѣйствія. Но и въ изложеніи фактовъ, самолично извѣстныхъ Автору, едва-ли онъ успѣлъ всюду соблюсти истину и безпристрастіе. Тѣмъ не менѣе, и при упомянутыхъ недостаткахъ, помѣщаемое ниже «Сказаніе» можетъ представить значительный интересъ для историка Кавказ-

ской войны, какъ матеріалъ для обрисовки нѣкоторыхъ сторонъ характера Шамиля и его главныхъ сподвижниковъ, а также какъ свидѣтельство того, какъ нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ понимали и понимаютъ самые факты этой войны.

Переводъ «Сказанія» съ арабскаго языка принадлежитъ Г. А. Подхалюзину.

СКАЗАНІЕ ОЧЕВИДЦА
О
ШАМИЛѢ.

Вступленіе.

Великій Русскій Императоръ есть глава семи странъ (1). Онъ укрываетъ подъ сѣнію своего крыла всѣхъ земныхъ владѣтелей; его меча и силы боятся 62 народа; никто не въ состояніи сопротивляться ему и враждовать съ нимъ; могущество его потрясаетъ троны враговъ и дворцы противниковъ; онъ подчинилъ себѣ весь свѣтъ. Это—великій океанъ, снисходительный къ виновнымъ, щедрый къ просящимъ, прибѣжище всего міра; море благородства, великаго могущества и безчисленныхъ сокровищъ; рудникъ мужества и храбрости, источникъ благодѣяній и милостей.

(1) По понятіямъ мусульманъ, вся земля раздѣляется на семь частей. *Прим. перев.*

Причина сочиненія этой книги.

Я—катибъ (писатель) Гаджи-Али, сынъ Абдулъ-Малека-Эфенди, житель селенія Чохъ, изъ племени Нахабаши, общества Андалалъ, Дагестанской области. Родился я въ $\frac{1234}{1817}$ году 11 числа мѣсяца рамазана гиджры. Впродолженіи восьми лѣтъ учился я корану. Потомъ втеченіи 18-ти лѣтъ занимался изученіемъ арабскихъ наукъ, подъ руководствомъ ученыхъ Дагестана (²). Науки, которыя я изучалъ, слѣдующія: грамматика арабскаго языка, законовѣдѣніе, хадисъ (исторія Мухаммеда), тефсиръ (толкованіе корана), сіяръ (исторія войнъ, веденныхъ Мухаммедомъ), тавхидъ (наука объ единствѣ Божіемъ), сулюкъ или тарикатъ (наука о благочестіи и газаватѣ), арузъ (стихосложеніе) и нуджумъ (астрономія).

Въ 1251 году я изучалъ, подъ руководствомъ египетскаго инженера Гаджи-Юсуфа, математику и архитектуру, знаніе которыхъ необходимо каждому военному. Такимъ образомъ я достигъ того, что могъ отличать полезное отъ вреднаго и дурное отъ хорошаго. Истинное желаніе мое было вступить въ службу Русскому Императору, въ которой я засталъ отца моего при графѣ Паскевичѣ Эриванскомъ; въ 1226 году и въ 1231, онъ служилъ при баронѣ Розенѣ, при которомъ состоялъ переводчикомъ. Судьба однако-же при-

---

(²) Первые уроки арабскаго языка даны были мнѣ отцомъ моимъ; потомъ занимался я у Елисуйскаго Казанъ-Эфенди, Гидатлинскаго Муртаза-али, Салтинскаго Хасана, Карахскаго Мухаммедъ-Тагира, Сугратлинскаго Ахмедъ-Дебира и Дженгутаевскаго Айюба.

вела меня служить Шамилю, и я служилъ ему усердно и честно. Причина этому была слѣдующая. Я находился при Елисуйскомъ Даніэль-Султанѣ, а меньшой братъ мой былъ при князѣ Аргутинскомъ. Когда Шамиль явился въ Андалалъ и остановился въ селеніи Чохъ, то жители пришли къ нему и старались оклеветать насъ, говоря: «сыновья Малека-Эфенди бѣжали къ русскимъ, а самъ онъ уже давно находится въ ихъ службѣ ([3]); поэтому его нужно убить или арестовать.» Шамиль арестовалъ его и отправилъ въ селеніе Ансалты, для заключенія въ темницѣ, говоря: «Если ты желаешь жить, то призови къ себѣ дѣтей своихъ; въ противномъ случаѣ, эта темница будетъ твоимъ гробомъ». Потомъ, когда Шамиль въ $\frac{1256}{1839}$ году былъ разбитъ русскими подъ начальствомъ князя Аргутинскаго при Кюлюлю и Хозрекѣ и отступилъ изъ Кази-Кумухскаго ханства, я съ братомъ возвратился домой въ Чохъ. Не нашедши старика-отца дома и получивъ свѣдѣніе, что онъ арестованъ Шамилемъ и заключенъ въ темницу въ селеніи Ансалты, мы отправились туда. Когда мы пришли въ это селеніе, Шамиль освободилъ нашего отца изъ заключенія и отпустилъ его въ Чохъ, а меня съ братомъ оставилъ при себѣ. И такъ я долженъ былъ поступить въ службу къ Шамилю и былъ усерднѣйшимъ его слугой. По прошествіи семи лѣтъ, такъ сказать, испытанія, Шамиль сталъ ко мнѣ довѣрчивъ и поручилъ завѣдывать во всѣхъ 32-хъ наибствахъ постройками укрѣпленій и другими работами. Я былъ инженеромъ Шамиля, начальникомъ стражи, велъ счетъ его приходу и расходу, числу низама (войска) и иногда исправлялъ должность казначея и мирзы при немъ. Поэтому, я могъ вполнѣ слѣдить за его дѣйствіями, видѣть его распоряженія, знать его переписку, войска, ихъ число, количество орудій и снарядовъ, его казну, дѣйствія наибовъ и положеніе народа. Я никогда не разлучался съ Шамилемъ ни въ походахъ, ни дома, и онъ, наконецъ, убѣдившись въ моей преданности, поручилъ мнѣ слѣдить за поступками и поведе-

([3]) Въ это время отецъ мой, будучи преклонныхъ лѣтъ, въ чинѣ поручика, жилъ въ Чохѣ.

ніемъ его приближенныхъ и ученыхъ. Я нашелъ въ сердцахъ этихъ приближенныхъ и совѣтниковъ только зависть, клевету другъ на друга и жадность къ пріобрѣтенію богатствъ какими-бы то ни было способами, вопреки правиламъ, которыхъ держался самъ Шамиль. Слѣдя за ихъ поведеніемъ, я узналъ людей, державшихъ чистосердечно сторону Шамиля и покорявшихся ему по неволѣ, людей способныхъ къ управленію Дагестаномъ и домогавшихся имамства. Ознакомившись съ положеніемъ всѣхъ дѣлъ, я убѣдился въ непрочности власти Шамиля, въ неизбѣжномъ сокрушеніи его владычества и подпаденіи всего Дагестана подъ власть Русскаго Императора; потому что сподвижники Шамиля и его наибы крайне притѣсняли народъ и нисколько не заботились о справедливости и благосостояніи въ подвѣдомственныхъ имъ населеніяхъ. Они только думали о здѣшней жизни, старались обогатиться на счетъ народа и напрасно проливали кровь мусульманъ. Ихъ несправедливость, корыстолюбіе и притѣсненіе народа достигли наконецъ крайнихъ предѣловъ.

Въ книгахъ сказано: «Государство зависитъ отъ благосостоянія городовъ». Еще въ другомъ мѣстѣ говорится: «Власть съ угнетеніемъ не продолжительна». Размышляя о послѣдствіяхъ такого управленія, я пожелалъ описать вкратцѣ то, что самъ видѣлъ сътѣхъ-поръ, какъ я находился при Шамилѣ, а также и то, что я слышалъ отъ людей достовѣрныхъ; но не включилъ сюда народныхъ расказовъ и толковъ, потому что часто они бываютъ ложны, какъ я и встрѣчалъ много книгъ, наполненныхъ пустыми разсказами. не имѣющими никакой основательности.

Цѣль моя при составленіи этой книги была—заслужить вниманіе и благосклонность людей просвѣщенныхъ и чтобы она послужила нѣкоторымъ примѣромъ на будущее время. Начата она въ $\frac{1264}{1847}$ году, кончена въ $\frac{1276}{1859}$.

О Дагестанѣ вообще.

Дагестанъ населяютъ нѣсколько различныхъ племенъ, поселенія которыхъ разбросаны по неприступнымъ мѣстамъ: ущельямъ, лѣсамъ и горамъ, по скалистымъ берегамъ быстрыхъ рѣкъ, тѣснинамъ и горнымъ долинамъ. Горцы дики, какъ сама природа, окружающая ихъ, и хищны, какъ звѣри. Они добываютъ себѣ пропитаніе, тщательно обрабатывая каждый удобный клочокъ земли по склонамъ и уступамъ горъ.

Прежде они исповѣдывали разныя религіи и управлялись княземъ Сурака (4), изъ племени Руссовъ, столицею котораго было аварское селеніе Танусъ. Сурака былъ силенъ и могущественъ. Когда, въ 200 году гиджры, Абу-Муслемъ изъ Сиріи покорилъ Дагестанъ и силою оружія заставилъ горцевъ принять мухаммеданскую вѣру, Дагестанъ сдѣлался рудникомъ ученыхъ и храбрыхъ. Абу-Муслемъ, наложивъ посильную дань на дагестанскія племена, поставилъ въ каждомъ изъ нихъ хана изъ своихъ родственниковъ. Въ такомъ положеніи находился Дагестанъ долгое время. Поколѣнія и ханы смѣнялись, а съ ними измѣнялось положеніе горцевъ; они начали приходить въ упадокъ; каждый сталъ предаваться своимъ страстямъ и наклонностямъ; одни сдѣлались разбойниками, другіе ворами; стали дѣлать набѣги на Гурджистанъ, Тушъ и Мосокъ (5); съ тѣмъ вмѣстѣ возникли междоусобныя брани и родовая вражда племенъ. По словамъ стариковъ, земля Дагестана сдѣлалась смѣсью крови, дракъ и раздоровъ. Эти междоусобія, войны съ пограничными странами и, наконецъ, въ послѣднее время упорная война съ русскими при Кази-Мухаммедѣ, Гамзатъ-бекѣ и Ша-

---

(4) Въ Дагестанѣ есть преданіе, что аварцы суть пришельцы съ сѣвера, изъ племени Руссовъ, что они управлялись князьями изъ рода, именуемаго Сургатъ, который властвовалъ надъ Аваріею до смерти Омаръ-хана аварскаго въ 1801 году. *Прим. пер.*

(5) Грузія, Тушетія и Ахалцихская провинція.

милѣ не прекращались до сего дня. Теперь-же корень войны, безпорядковъ и смутъ пресѣченъ могуществомъ русскихъ.

Дагестанскіе ханы и ихъ избраніе.

Со временъ сирійскаго Абу-Муслемъ-хана, Дагестанъ большею частію управлялся потомками его, подъ именами хановъ и бековъ. Главнѣйшими изъ нихъ были ханы аварскіе, избраніе которыхъ было совершенно сходно съ избраніемъ русскихъ царей. На тронѣ аварскомъ не возсѣдалъ никто кромѣ хановъ изъ рода Сурака, до его пресѣченія въ мужскомъ и женскомъ колѣнѣ, какъ это извѣстно и подтверждается сохранившимися рукописями и преданіемъ. Если бы прекратился родъ аварскихъ хановъ, то на престолъ долженъ былъ быть избранъ ханъ изъ русскихъ, грузинъ или армянъ, что не могло случиться въ другихъ ханствахъ Дагестана. Избраніе прочихъ дагестанскихъ хановъ, какъ-то: шамхаловъ, хановъ цахурскихъ, казикумухскихъ, мехтулинскихъ и кайтагскихъ, было совершенно иное; потому что титулъ хана давался иногда не по праву наслѣдія, но тому, кто успѣвалъ присвоить его себѣ силою оружія, чему примѣровъ очень много. Порядокъ-же избранія аварскихъ хановъ по наслѣдству въ мужскомъ и женскомъ колѣнѣ былъ съ самаго начала до сего времени одинаковъ, безъ всякаго измѣненія.

Кази-Мухаммедъ, его дѣйствія и смерть.

Въ $\frac{1244}{1827}$ году, явился въ селеніи Гимры Кази-Мухаммедъ, сынъ Исмаила, человѣкъ ученый и храбрый. Онъ дѣйствовалъ на народъ

своимъ умомъ и знаніемъ, не проливалъ крови мусульманъ, не грабилъ ихъ имуществъ, не прельщался земными благами и не дорожилъ жизнью; однакожъ онъ имѣлъ немного послѣдователей и власть его простиралась только на нѣкоторыя общества. Онъ почти безуспѣшно дѣлалъ набѣги на Дербентъ, Чечню и Назранъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Народъ разсказываетъ про него многое, но вѣрить этимъ разсказамъ трудно, тѣмъ болѣе, что я рѣшился писать только то, что самъ видѣлъ и слышалъ отъ людей достовѣрныхъ. Въ $\frac{1249}{1832}$ году, баронъ-Розенъ предпринялъ экспедицію въ Гимры и послалъ къ Кази-Мухаммеду черезъ Казикумухскаго Асланъ-хана пословъ: тифлисскаго Сосія-бека, нухинскаго Али-Джанъ-бека и отца моего—чохскаго Абдулъ-Малека, съ словесными предложеніями и письмами о мирѣ. Кази-Мухаммедъ, прочитавъ письма барона Розена, послѣ двухдневныхъ совѣщаній съ находившимся въ то время въ Гимрахъ Гамзатъ-бекомъ, написалъ въ отвѣтъ слѣдующее: «что касается до того, чтобы прекратить непріязненныя дѣйствія и заключить миръ, то это дѣло далекое. Мы только просимъ у васъ пропустить одну тысячу конницы въ Мекку. Это будетъ миръ». Баронъ Розенъ, прочитавши отвѣтъ Кази-Мухаммеда и увидѣвши его уклончивость, двинулся противъ него съ отрядомъ изъ Чечни и осадилъ его въ Гимрахъ. Послѣ упорнаго сраженія, Кази-Мухаммедъ былъ убитъ, а Шамиль, бывшій въ то время его мюридомъ (6), раненный штыкомъ въ лѣвую сторону груди, бѣжалъ. Русскіе, взявъ большое число плѣнныхъ и добычу, возвратились въ Шуру, въ $\frac{1249}{1832}$ году режеба 3-го. Тѣло Кази-Мухаммеда отдано было русскими Шамхалу Тарковскому, который предалъ его землѣ въ сел. Таркахъ, что близъ г. Петровска. Кази-Мухаммедъ кончилъ

(6) Быть мюридомъ значитъ истинно вѣровать въ Бога и поклоняться ему; одинаково стараться дѣлать всѣмъ людямъ добро; не ослушиваться имама, не лгать передъ нимъ; не измѣнять ему ни въ чемъ, не брать взятокъ съ народа; не воровать, но если что нужно, то попросить; главное-же—исполнять безъ замедленія всѣ приказанія имама, какъ-бы они трудны ни были.

жизнь свою на 75 году. Онъ не имѣлъ дѣтей, кромѣ одной дочери, которая умерла 10-ти лѣтъ.

Гамзатъ-бекъ и его дѣйствія.

По смерти Кази-Мухаммеда собрались сподвижники его, мюриды, приближенные, ученые и другія лица, и избрали Гамзатъ-бека, сына Али-Эскендеръ-бека Гоцатлинскаго, имамомъ. Это было въ Гоцатлѣ $\frac{1251}{1834}$ года мѣсяца рамазана. Власть его сначала признали только Гоцатль, Ашильта, Гимры, Телетль и Могогъ. Онъ былъ ученъ и уменъ; въ Дагестанѣ никто не могъ соперничать съ нимъ въ храбрости; онъ употреблялъ всѣ усилія подчинить горцевъ своей власти и установить правильное управленіе. Однакожъ прочіе дагестанцы не признали его власти и объявили ему войну. Съ 300 человѣкъ Гамзатъ бросился на Андалалъ, и послѣ стычки, въ которой пало андалалцевъ 140 человѣкъ, подчинилъ это общество своей власти; оттуда онъ направился на Цудахаръ и Акушу, которые, послѣ битвы, въ которой пало 120 человѣкъ съ ихъ стороны, подчинились ему. Вслѣдъ за симъ признали власть его Гидатль, Караналъ, Тленсиръ, Тиндалъ, Бакалалъ, Титланъ, Хиндалалъ и Андалалъ. Собравъ войска отъ всѣхъ подчиненныхъ обществъ, Гамзатъ двинулся въ Аварію. Всѣ деревни аварскія, куда ни появлялся онъ съ войскомъ, изъявляли ему свою покорность. Дошедъ до Хунзаха, въ которомъ заключилась аварская ханша Паху-бике, съ своими сыновьями Нуцалъ-ханомъ, Умма-ханомъ и Булачемъ, Гамзатъ осадилъ его. Послѣ сраженія, аварскіе ученые, съ согласія ханши, сдѣлали предложеніе Гамзатъ-беку заключить миръ. Гамзатъ потребовалъ выдачи въ заложники младшаго сына ханши, Булачъ-хана. Не имѣя никакой надежды на помощь, просимую у кази-кумухскаго Асланъ-хана, и лишившись войска, ханша принужде-

па была согласиться на требованіе Гамзатъ-бека и вручить ему Булачь-хана. По заключеніи мира, Гамзатъ-бекъ приказалъ представить къ нему Нуцалъ-хана и Умма-хана, со всѣми учеными и почетными лицами Аваріи.

Зная хитрость и коварство Гамзатъ-бека и товарища его, Шамиля, Паху-бике рѣшилась послать двухъ своихъ сыновей съ горстью оставшихся при ней храбрецовъ, сказавши имъ: «О, герои! не страшитесь, будьте какъ львы и уповайте на Бога!» Гамзатъ-бекъ принялъ сыновей Паху-бике въ своей палаткѣ. Послѣ вечерней молитвы и проповѣди къ народу, Гамзатъ-бекъ и Шамиль скрылись изъ лагеря. Тотчасъ-же завязалась перестрѣлка между хунзахцами, прибывшими съ ханами, и мюридами. Нуцалъ-ханъ и Нуръ-Мухаммедъ Аварскій были убиты передъ палаткой, а Умма-ханъ въ палаткѣ. Хунзахцы, полагая, что Гамзатъ-бекъ находился въ то время въ палаткѣ, испещрили ее мѣткими выстрѣлами, какъ рѣшето. Такимъ образомъ погибли въ этотъ день два аварскихъ хана и много почетныхъ лицъ и героевъ Хунзаха, труны которыхъ были обнажены и оставлены среди лагеря. На другой день Гамзатъ-бекъ приказалъ умертвить старуху Паху-бике, убійство которой воспрещается законами. Гимринецъ Салихилау ворвался во дворъ ханши, которая въ то время читала коранъ, и, схвативъ ее за руку, ввелъ въ конюшню, гдѣ и отрубилъ ей голову шашкою. Шамиль, по приказанію Гамзатъ-бека, ограбилъ ханскій дворецъ, отправился съ Булачь-ханомъ въ Гоцатль, гдѣ, оставивъ его, возвратился самъ въ Гимры. Гамзатъ-бекъ поселился въ ханскомъ дворцѣ въ Хунзахѣ, а войска распустилъ по домамъ.

Народъ, видя несправедливые поступки Гамзатъ-бека, пересталъ за него молиться и сталъ говорить: «Гамзатъ поплатится жизнію за убійство преклонной ханши». И дѣйствительно, спустя нѣсколько времени Гамзатъ былъ изрубленъ въ куски въ мечети Османомъ, братомъ Гаджи-Мурада, и другими, въ отмщеніе за убійство хановъ. Тогда Аварія осталась безъ хана и начальника, какъ стадо безъ пастуха. Что касается до Асланъ-хана, у котораго ханша Паху-бике просила помощи, то онъ въ то время стоялъ со

всѣмъ войскомъ своимъ на Турчи-Дагѣ, откуда тайно посылалъ письма Гамзатъ-беку и ханшѣ, совѣтуя первому истребить всѣхъ членовъ аварскаго ханскаго дома, а второй отнюдь не покоряться Гамзатъ-беку и не принимать отъ него никакихъ предложеній (7), потому-что онъ былъ чанка (8), а она дочь Умма-хана, владѣтеля Дагестана; и вмѣстѣ съ тѣмъ обнадеживалъ ее, что онъ скоро прибудетъ къ ней на помощь со всѣмъ своимъ войскомъ.

Такимъ образомъ Аслапъ-ханъ склонилъ Гамзата къ такому низкому поступку—погубить аварскихъ хановъ, въ отмщеніе за ту вражду, которая была между нимъ и Паху-бике.

Шамиль и его имамство (9).

По умерщвленіи Гамзата, власть имама перешла къ Шамилю, сыну Мухаммеда Гимрійскаго, дагестанскому уздепю, родственнику

---

(7) Причиною вражды былъ отказъ Паху-бике въ рукѣ дочери Аслапъ-хану. Дочь эта была выдана впослѣдствіи за шамхала тарковскаго.

(8) Рожденный отъ неравнаго брака: отъ бека и простой.

(9) Шамиль родился въ 1216 году гиджры, т. е. въ 1799 году отъ Р. Х., отъ гимринца Мухаммеда и гимринки Баху-Меседу. Съ шести-лѣтняго возраста Шамиль сталъ читать коранъ подъ руководствомъ ученаго дяди своего по матери, Хазура, а потомъ учился у него другимъ наукамъ. Достигнувъ совершенполѣтія, Шамиль отправился съ Кази-Мухаммедомъ въ сел. Унцукуль, гдѣ занимался сначала подъ руководствомъ ученаго Кази-Мухаммеда, потомъ Ирганійскаго Гаджи-Мухаммеда, Хунзахскаго Лачинилау и другихъ ученыхъ Дагестана. Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ въ наукахъ познанія, коими превосходилъ своихъ товарищей. Шамиль былъ благонравнымъ юношей, между тѣмъ какъ отецъ его Мухаммедъ былъ очень пристрастенъ къ горячимъ напиткамъ. Въ первые дни послѣ принятія Кази-Мухаммедомъ имамства и распространенія имъ шаріата и тарпката, Шамиль не соглашался съ нимъ и не исполнялъ его приказаній, потомъ-же сдѣлался крыломъ его и другомъ, и вмѣстѣ съ нимъ

кази-кумухскихъ хановъ по матери. Народъ и ученые изъ нѣкоторыхъ деревень Хиндалала (Койсубу), собравшись въ Ашильту, избрали его имамомъ. Избраніе происходило такимъ образомъ: кадіи и народъ, собравшись въ главную ашильтинскую мечеть, послали за Шамилемъ. Онъ пришелъ въ мечеть пѣшкомъ, съ 5-ю мюридами, и сѣлъ въ михрабѣ (мѣсто въ мечети, гдѣ кадій совершаетъ общественную молитву). Тогда главный кадій обратился къ нему съ вопросомъ: «Согласенъ-ли ты быть нашимъ имамомъ, Шамиль»? Шамиль отвѣчалъ: «Согласенъ». Послѣ этого отвѣта, кадій сталъ молиться объ упроченіи имамства Шамиля, продленіи его жизни и дарованіи счастія и благополучія народу, признавшему надъ собою его власть. Затѣмъ кадій, поднявъ руки къ небу, произнесъ «фатиха», что значитъ: кончено, быть посему, и, по обычаю, погладилъ обѣими руками бороду; народъ тоже, поднявъ руки къ небу, отвѣчалъ: аминь, аминь, аминь! и гладилъ бороды. Окончивъ этотъ обрядъ, кадій, а за нимъ весь народъ и ученые, подходили къ Шамилю, цѣловали у него руку и поздравляли его, говоря: «да будетъ благословенно твое имамство». По избраніи, Шамиль отправился домой въ Гимры, гдѣ, по обычаю, угощалъ всѣхъ почетныхъ людей и ученыхъ.

отправился въ Кюринское ханство, къ извѣстному яраглинскому ученому Мухаммеду-Эфенди, для окончательнаго изученія шаріата. Мухаммедъ-Эфенди, передавъ имъ свои познанія въ тарикатѣ, позволилъ имъ распространять оный въ Дагестанѣ и выдалъ дочь свою за Кази-Мухаммеда.

Первою женою Шамиля была гимринка Хадисатъ, которой, давъ разводную, онъ женился на гимринкѣ Фатиматъ. Вслѣдъ за симъ онъ женился на гимринкѣ Джавгаратъ, которая, вмѣстѣ съ сыномъ отъ ней Садыкомъ, умерла въ Ахульго. Поселившись въ Дарги-Ведено, Шамиль женился на плѣнной армянкѣ Шуанетъ. Послѣ смерти Фатиматъ, матери сыновей его Джемалэддина, Кази-Мухаммеда и Шафи-Мухаммеда, Шамиль женился на дочери казикумухца Джемалэддина, Зайгдатъ, умершей въ селеніи Алистанджа, во время похода князя Воронцова въ Андію. Въ послѣднее время Шамиль женился еще на гимринкѣ Фатиматъ, съ которою развелся черезъ два года послѣ брака.

Шамиль былъ человѣкъ ученый, набожный, проницательный, храбрый, мужественный, рѣшительный и въ тоже время хорошій наѣздникъ, стрѣлокъ, пловецъ, борецъ, бѣгунъ, однимъ словомъ— никто ни въ чемъ не могъ состязаться съ нимъ. Онъ хорошо изучилъ народъ и землю Дагестана въ то время, какъ находился при Гамзатъ-бекѣ. Онъ былъ способенъ на все, чтобы не задумалъ предпринять.

Въ началѣ имамства Шамиля, власть его признавалась только койсубулинцами. Черезъ 15 дней послѣ избранія, Шамиль съ 100 человѣками отправился изъ Ашильты къ горѣ Атлада (въ Койсубу), около селенія Буцра, откуда послалъ въ Гоцатль 50 человѣкъ, съ приказаніемъ привезти оттуда казну и сокровища аварской ханши Паху-бике, а также сына ея Булачь-хана, который оставался тамъ, всѣ вещи байтуль-мала и оружіе, отобранное Гамзатомъ у народа въ видѣ залога мира. Мюриды, взявъ въ Гоцатлѣ 11-ти лѣтняго Булачь-хана, обучавшагося въ то время корану, всѣ вещи байтуль-мала и оружіе, на сорока лошадяхъ, а также и скотъ собранный прежде Гамзатъ-бекомъ (кромѣ наслѣдства, доставшагося ему отъ отца), привезли къ Шамилю. Онъ отправилъ всю казну въ Ашильту, а Булачь-хана оставилъ въ селеніи Харачи, что около Унцукуля, приказавъ жителямъ кормить и хранить его. Въ тотъ же день Шамиль, услышавши, что русскіе приближаются къ Гимрамъ, отправился туда съ 40 человѣками. Послѣ небольшой перестрѣлки, русскіе возвратились къ Эрпелямъ, а Шамиль въ Ашильту, куда онъ приказалъ привезти Булачь-хана и бросить его въ рѣку съ моста между Унцукулемъ и Гимрами. Салихилау, убійца матери Булачь-хана, исполнилъ это гнусное приказаніе. Послѣ этого Шамиль, окруживъ себя мюридами, разъѣзжалъ по селеніямъ Койсубу и вводилъ вездѣ въ дѣйствіе коранъ и шаріатъ. Постоянное пребываніе онъ имѣлъ преимущественно въ Ашильтѣ и Чиркатѣ.

Прибытіе генераловъ Клюки-фонъ-Клюгенау и Ланского съ отрядомъ въ Гоцатль.

Спустя мѣсяцъ послѣ убійства Гамзатъ-бека и утвержденія Шамиля имамомъ, въ началѣ осени $\frac{1251}{1834}$ года 12 джемалу-ахира, генералы Клюки-фопъ-Клюгенау и Ланской, прибывъ съ отрядомъ въ Гоцатль, расположились въ садахъ этого селенія и успѣли захватить въ добычу все имущество и стада жителей онаго. Въ этомъ отрядѣ участвовали шамхалъ съ братомъ, казикумухскій Аслапъ-ханъ, съ двумя сыновьями, Нуцалъ-ханомъ и Мухаммедъ-Мирзою и другими казикумухскими беками, мехтулинскій Ахмедъ-ханъ съ братомъ Али-Султапомъ, а также конница Андалала и Аваріи и всѣ почетные лица Дагестана. Здѣсь произошло совѣщаніе между главными русскими начальниками, ханами, учеными и почетными лицами, относительно назначенія временнаго хана въ Аварію и приведенія народа къ присягѣ на вѣрность Русскому Императору, съ обязательствомъ считать врагами всѣхъ враговъ Россіи, какъ-то Шамиля и ему подобныхъ. Всѣ ханы желали получить управленіе Аварскимъ ханствомъ. На площади Умманъ-Каута произошелъ долгій споръ. Наконецъ, всталъ ученый Асланъ-ханъ казикумухскій и сказалъ: «Знайте, что престолъ Аваріи есть престолъ русскаго князя Сурака,—такъ не простирайте вашихъ видовъ на него, потому что вы не изъ его поколѣнія. Въ случаѣ-же прекращенія этого рода, какъ въ мужскомъ, такъ и въ женскомъ колѣнѣ, я самый ближайшій наслѣдникъ аварскаго престола (мать Асланъ-хана была родная сестра Умма-хана аварскаго). Такъ гдѣ-же вамъ получить тронъ аварскій?» Высшее русское начальство осталось довольно его рѣчью и согласилось назначить сына Асланъ-хана, Мухаммедъ-Мирзу, правителемъ Аваріи на мѣсто убитаго Нуцалъ-хана, сына Паху-бике, впредь до совершеннолѣтія потомка Умма-хана (10). Но-

(10) Жена Нуцалъ-хана осталась послѣ него беременною и родила сына, который отправленъ былъ въ Россію и умеръ тамъ.

томъ генералъ Клюки-фонъ-Клюгенау принялъ присягу отъ 10—20 человѣкъ почетныхъ каждаго общества въ вѣрности. Изъ Андалала присягнуло 20 человѣкъ; первымъ присягнулъ изъ селенія Цугура, что въ Согратлѣ, Мухаммедъ-кади. Они поклялись и подтвердили, что будутъ въ точности исполнять приказанія русскаго правительства и отнюдь не будутъ слѣдовать внушеніямъ Шамиля. Потомъ Клюки-фонъ-Клюгенау, обратившись къ присягнувшимъ, сказалъ: «кто преступитъ эти обѣщанія и клятвы и послѣдуетъ ученію Шамиля, тотъ будетъ лишенъ своего званія и мѣста и подвергнется всей строгости наказанія клятвопреступниковъ, хотя-бы то былъ ханъ, бекъ, кадій или другое какое-либо другое лицо». При этомъ онъ подарилъ каждому присягнувшему по три голландскихъ червонца. Присягу давалъ Нуричъ изъ селенія Тухита; переводчикомъ въ то время былъ штабсъ-капитанъ Абдулъ-Малекъ. Приказавъ сжечь селеніе Гоцатль, Клюгенау съ отрядомъ возвратился въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Когда пришелъ Шамиль, то присягнувшіе первые изъявили ему покорность, а нѣкоторые сдѣлались его наибами. Объ этомъ я буду говорить подробно ниже.

Зиму того года Шамиль съ семействомъ и родственниками проводилъ въ Гимрахъ, Игали, Чиркатѣ и Ашильтѣ, откуда, научая мюридовъ, дѣлалъ набѣги на Аварію, отбивалъ у жителей скотъ, грабилъ и жегъ деревни.

Прибытіе генералъ-маіора Фези въ Аварію.

Когда Шамиль по возвращеніи Клюки-фонъ-Клюгенау изъ Гоцатля, началъ усиливаться и наносить вредъ аварцамъ, разоряя ихъ селенія, тогда почетнѣйшіе и ученые люди отправились, съ разрѣшенія Клюки-фонъ-Клюгенау, въ Тифлисъ къ Главнокомандующему просить помощи, говоря, что Шамиль ихъ врагъ и хочетъ истребить всѣхъ ихъ, подобно тому какъ истребилъ ихъ хановъ. Баронъ

Розенъ приказалъ отправиться генералъ-маіору Фези съ отрядомъ въ Аварію въ $\frac{1252}{1835}$ году. Фези, прибывъ къ Карадахскому мосту, остановился тамъ съ отрядомъ и приказалъ исправить дороги; потомъ, поднявшись въ Аварію, онъ расположился въ Хунзахѣ и занялся постройкою крѣпости, башенъ, укрѣпленіемъ опасныхъ мѣстъ и назначеніемъ стражи на границѣ съ враждебными обществами. По смерти казикумухскаго Аслапъ-хана и его сына, Нуцалъ-хана, Мухаммедъ-Мирза-ханъ оставилъ Аварію и принялъ Казикумухское ханство. На мѣсто его генералъ Фези назначилъ управляющимъ Аваріею Ягья-хана казикумухскаго, племянника Аслапъ-хана. Ягья-Гаджи-ханъ, видя безпокойное состояніе Дагестана, просилъ уволить его, и на мѣсто его былъ назначенъ Ахмедъ-ханъ мехтулинскій, на тѣхъ-же правахъ, какъ и Мухаммедъ-Мирза-ханъ. Услышавъ о безпорядкахъ въ Телетлѣ, генералъ Фези приказалъ Мухаммедъ-Мирзѣ-хану отправиться впередъ въ Телетль, а самъ съ главными силами послѣдовалъ за нимъ черезъ Голотлинскій мостъ, взявъ съ собою Ахмедъ-хана и конницу Аваріи.

Выступленіе Шамиля и Гаджи-Ташау въ Телетль на помощь Кибитъ-Мухаммеду.

Телетлинскій Кибитъ-Мухаммедъ, сынъ хана Хачулавъ-Мухаммеда, былъ человѣкъ бѣдный, но ученый. Онъ сопутствовалъ Гамзату и Шамилю во всѣхъ ихъ походахъ, съ завистью смотрѣлъ на ихъ власть и могущество и имѣлъ сильное желаніе достигнуть значенія въ народѣ и быть послѣ Шамиля имамомъ. Съ этою цѣлью, онъ, съ помощью хитрости, возмутилъ народъ и истребилъ телетлинскихъ бековъ (33 человѣка) въ одинъ день, сжегши ихъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Кибитъ-Мухаммедъ продолжалъ дѣйствовать такимъ образомъ и говорилъ, что онъ поступаетъ по шаріа-

ту. Генералъ Фези, узнавши о таковыхъ дѣйствіяхъ Кибитъ-Мухаммеда, выступилъ въ $\frac{1252}{1835}$ году противъ него съ отрядомъ изъ всего Дагестана, чтобы наказать его и захватить тамъ Шамиля и Ташау-Гаджи, чеченскаго ученаго друга Шамиля. Прибывъ къ Телетлю, онъ остановился на телетлинскихъ посѣвахъ и окружилъ аулъ. Послѣ сраженія, русскіе завладѣли половиною селенія. Шамиль и Кибитъ-Мухаммедъ заперлись въ мечети и 20-ти сакляхъ. Они ослабѣли отъ большой потери и голода, а потому, не имѣя силъ болѣе защищаться, послали секретно письма къ Мухаммеду-Мирзѣ-хану, прося его устроить миръ между ними и русскими. Мухаммедъ-Мирза-ханъ настаивалъ заключить миръ и успѣлъ обольстить генерала Фези. Миръ былъ заключенъ. Фези съ отрядомъ возвратился въ Аварію. Заложниками мира были: племянникъ Шамиля по сестрѣ, Гамзатъ, и племянникъ Кибитъ-Мухаммеда. Что касается до Ахмедъ-хана, то онъ желалъ погасить возмущеніе въ Дагестанѣ прекращеніемъ рода Кибитъ-Мухаммеда, взятіемъ Шамиля и его товарищей и разоренiемъ Телетля такъ, чтобы не осталось въ немъ камня на камнѣ. Поэтому между Ахмедъ-ханомъ и Мухаммедъ-Мирза-ханомъ возникла непріязнь за то, что сей послѣдній обманулъ генерала Фези и склонилъ его заключить миръ и тѣмъ помогъ Шамилю и Кибитъ-Мухаммеду избавиться отъ неизбѣжной гибели. Изъ Телетля Шамиль и Ташау-Гаджи, со спутниками своими, направились черезъ Гидатль въ Чиркатъ.

Здѣсь нужно замѣтить, что Шамиль выступилъ на помощь Кибитъ-Мухаммеду въ Телетль съ тремя-стами всадниковъ. Когда онъ прибылъ въ Карату, то жители Ахваха, узнавъ объ его памѣреніи, преградили ему путь между Ахвахомъ и Асабомъ; но послѣ угрозъ пропустили. Достигнувъ до селенія Асаба, что въ Гидатлѣ, онъ встрѣченъ былъ жителями Гидатля, какъ врагъ, и послѣ перестрѣлки, принужденъ былъ бѣжать обратно съ такою поспѣшностію, что женщины ахвахскія, встрѣтивъ сподвижниковъ его, завладѣли значками ихъ и отняли весь съѣстной запасъ. Шамиль съ трудомъ добрался до Зунуба (покосныя мѣста Караты) и укрывался въ одной пещерѣ 12 дней, съ небольшимъ числомъ спутниковъ; потомъ тай-

по почью пробрался черезъ ахвахскія деревни до моста Гида. Гидатлинцы не позволили ему перейти черезъ мостъ. Онъ обратился къ селен. Ратлу, перешелъ въ селеніи Кэхъ черезъ мостъ и достигнулъ Телетля черезъ возвышенности Каралалъ. Такого труда стоило Шамилю придти на помощь къ Кибитъ-Мухаммеду. На возвратномъ-же пути онъ не встрѣчалъ подобныхъ препятствій. Передъ прибытіемъ въ Телетль, Шамиль послалъ съ возвышенности Каралалъ въ Андалалъ письмо слѣдующаго содержанія: «Я и вы—братья по религіи. Двѣ собаки дерутся, но когда увидятъ волка, то, забывъ свою вражду, вмѣстѣ бросаются на него. Хотя мы враги между собою, но русскіе—волкъ нашъ, а потому прошу васъ соединиться со мною и сражаться противъ общаго врага; если-же вы не поможете мнѣ, то Богъ—моя помощь». Андалалцы не приняли его просьбы и съ генераломъ Фези пошли противъ него въ Телетль.

Въ слѣдующіе три года Шамиль дѣлалъ безпрестанные, но неуспѣшные набѣги на окрестныя сел. Койсубу: Игали, Харачи, Харадирихъ, Мушули; въ Гумбетъ и Андію. Но аварцы, подъ начальствомъ хунзахскаго Гаджи-Мурада, Кара-Киши, Химмадъ-бека, Шахъ-Ша-бека Дженгутаевскаго и другихъ, вездѣ препятствовали его успѣхамъ. Всѣ эти схватки были между одними мусульманами, безъ участія русскихъ.

Вступленіе Шамиля въ Ахульго и его укрѣпленіе.

Шамиль не извлекъ никакой пользы изъ своихъ набѣговъ. Лишившись всякой надежды на содѣйствіе и помощь дагестанцевъ, видя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ врагами, какъ русскими, такъ и вольными племенами Дагестана, не хотѣвшими подчиниться его власти, и слыша о приближеніи русскихъ, онъ избралъ Ахульго и, вошедъ въ него съ небольшимъ числомъ мюридовъ, приказалъ провести съ одной доступной стороны ровъ (Ахульго окру-

женъ съ трехъ сторонъ обрывомъ), укрѣпить его и построить для себя домъ, въ которомъ сталъ ожидать прихода русскихъ.

Въ началѣ лѣта $\frac{1256}{1839}$ года мѣсяца рабіуль-аввала, генералъ Граббе, съ отрядомъ, въ которомъ участвовали Мехтулинскій Ахмедъ-ханъ и вся конница Дагестана, прибылъ въ Ахульго и осадилъ его. Три мѣсяца продолжалась осада: русскіе предложили Шамилю выдать въ заложники одного изъ его сыновей. Онъ согласился и вручилъ имъ малолѣтняго своего сына, Джемалэддина. Потомъ потребовали, чтобы онъ самъ пріѣхалъ въ лагерь. Шамиль, опасаясь измѣны, отказался и рѣшился защищаться. Послѣ 12-ти часового штурма, русскіе завладѣли укрѣпленіемъ. Шамиль, съ семействомъ и семью приверженцами: Мухаммедомъ-Ахъ-Берды-Хунзахскимъ, гоцатлинцами: Мухаммедомъ Худапатъ-оглы, Гамматомъ-Мухаммедъ-бекъ-оглы, Пилятомъ Мухаммедъ-оглы, чиркеевцемъ Юнусомъ Мухаммедъ-оглы, Нуръ-Али Харадирихскимъ и Зираромъ Али-оглы Шагадійскимъ, спустился по обрыву на берегъ Койсу и скрывался тамъ подъ скалою три дня, откуда на четвертый сутки бѣжалъ ночью въ Шубутъ. Русскіе, получивъ въ добычу всю казну Шамиля и его имѣніе, взявъ въ плѣнъ много семействъ, возвратились черезъ Чиркей въ Шуру.

Вступленіе Шамиля въ Гехи и Чечню.

По мѣрѣ того, какъ усиливались притѣсненія генерала Пуло надъ чеченцами, увеличивались и просьбы послѣднихъ къ Шамилю, чтобы онъ пришелъ освободить ихъ. Шамиль съ радостію спѣшилъ исполнить ихъ желаніе. Въ $\frac{1256}{1839}$ году, спустя 5 мѣсяцевъ послѣ бѣгства изъ Ахульго, зимою, Шамиль явился съ горстью своихъ мюридовъ въ селеніе Атахъ, что въ Гехи, жители котораго тотчасъ-же признали его имамомъ. Такимъ-же образомъ покори-

лись всѣ селенія Гехи и Чечни. Потомъ, по приглашенію, Шамиль отправился въ Аухъ и Салатау, которые также признали его имамомъ. Шамиль, увлеченный успѣхомъ, прибылъ черезъ Чиркей со скопищемъ чеченцевъ, салатавцевъ и чиркеевцевъ въ селеніе Ишкарты, въ надеждѣ что шамхальцы такъ-же примутъ его. Посланный противъ него небольшой отрядъ русскихъ, съ шамхаломъ и Ахмедъ-ханомъ, былъ имъ окруженъ; но на другой день во-время подоспѣли главныя силы русскихъ, выручили шамхала и Ахмедъ-хана, и Шамиль принужденъ былъ отступить обратно черезъ Чиркей, Буртунай и Баянъ въ Дарги-Ведено, которыя онъ избралъ своею резиденціею. Число мугаджировъ (дезертировъ) постоянно возрастало; въ скоромъ времени Дарги стали многолюднымъ селеніемъ. Шамиль постоянно получалъ со всѣхъ сторонъ приглашенія придти съ войскомъ и никогда не отказывался. Онъ умѣлъ снискать своими ласками и обѣщаніями расположеніе дагестанцевъ, заслужить ихъ довѣріе и привлечь на свою сторону умныхъ, ученыхъ и вліятельныхъ людей, которыхъ назначалъ своими наибами. Такимъ образомъ ему подчинились: Чечня, Гумбетъ, Салатавія, Анди, Шубутъ, Кіялалъ, Ункратль, Чамалалъ, Нуцатли, Калалалъ, Боголалъ, Гидатль, Баклюкъ, Тетлалъ и Каралалъ. И не смотря на то, что горцы народъ дикій, склонный къ грабежамъ и разбоямъ, съ боязнію смотрящій на всякое нововведеніе, они признали его своимъ имамомъ и до такой степени предались ему, что по приказанію его жертвовали жизнію и сражались противъ своихъ отцовъ, братьевъ и дѣтей. Шамиль съ своей стороны заботился о подчиненныхъ, какъ о родныхъ дѣтяхъ. Упрочивши свою власть назначеніемъ преданныхъ ему людей наибами, Шамиль занялся приведеніемъ въ исполненіе шаріата, искорененіемъ обычаевъ, противныхъ его постановленіямъ, какъ-то: куренія табаку, употребленія горячихъ напитковъ и проч. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Гидатлѣ, Боголалѣ, Цунтѣ, Анцухѣ, Чамалалѣ и другихъ, женщины до Шамиля не носили штановъ. Прекративъ междоусобныя брани и родовыя непріязни, Шамиль слилъ общества въ одинъ народъ, готовый исполнять всѣ его приказанія. Горцы безпрекословно, наружно и внут-

ренно, принимали и исполняли всѣ его распоряженія. Шамиль былъ признателенъ къ нимъ и по заслугамъ награждалъ каждаго; онъ старался направить ихъ на истинный путь и доставить имъ пользу и удобства жизни, никогда не отступалъ отъ шаріата (исключая двухъ случаевъ); онъ велъ газаватъ, какъ предписываютъ коранъ и хадисъ. Слава и вліяніе его на Дагестанъ послѣ того со дня на день увеличивались впродолженіи пяти лѣтъ, до $\frac{1262}{1845}$ года.

Нападеніе Шамиля на Казикумухское ханство и покореніе его.

Въ концѣ $\frac{1257}{1840}$ года, Шамиль, по просьбѣ казикумухцевъ, направился съ войскомъ черезъ Андію, Карату, Телетль въ Казикумухское ханство и остановился въ Ругуджѣ. Въ тотъ-же день генералъ Фези прибылъ въ Чохъ. Поутру чохскіе старшины и ученые пришли къ Фези и просили его возвратиться. Фези согласился, но съ своей стороны приказалъ чохцамъ попросить Шамиля, чтобы онъ не приходилъ къ нимъ; въ противномъ случаѣ, если они позволятъ вступить ему, то всѣ чохскіе купцы, находящіеся въ Тифлисѣ и другихъ мѣстахъ, будутъ арестованы и сосланы въ Сибирь, а товары ихъ, въ которыхъ и они участники, будутъ конфискованы. По возвращеніи Фези, чохцы послали къ Шамилю въ Рагуджу двухъ ученыхъ, Мухаммеда-Пирау и Ахмада Ханзадъ-оглы, просить его возвратиться назадъ и передать ему слова генерала Фези. Шамиль, какъ будто, принялъ ихъ просьбу, сказалъ посламъ, что вечеромъ возвратится въ Телетль и просилъ ихъ быть покойными. Чохскіе послы возвратились. Шамиль-же, пользуясь туманнымъ днемъ, двинулся вслѣдъ за ними. Чохцы, узнавши отъ пословъ, что Шамиль возвратится къ вечеру въ Телетль, были совершенно покойны. Но вдругъ внизу послышался гимнъ мюридовъ «ла-илага-илля-ллагъ» и показались значки ихъ. Шамиль употребилъ такую хитрость по-

тому, что боялся сопротивленія чохцевъ. Онъ засталъ ихъ въ расплохъ. Чохцы не оказали никакого сопротивленія и убѣдительно просили Шамиля возвратиться. Шамиль согласился и сказалъ: «Я возвращаюсь въ Ругуджу только для освобожденія вашихъ купцовъ». Чохцы были очень благодарны. Ночью Шамиль изъ Ругуджи, освѣщая путь факелами, направился черезъ мостъ Анада къ Казикумухскому ханству. Къ утру онъ достигъ селенія Бухны и въ тотъ же день послѣ перестрѣлки вошелъ съ войскомъ въ сел. Кумухъ, убилъ тамъ дженгутаевскаго Ягъя-бека Будай-оглы съ тридцатью человѣками, плѣнилъ князя Грузинскаго, Мухаммедъ-Кадія-Цугура и нѣкоторыхъ другихъ жителей Кумуха. Взявъ въ заложники Махмудъ-хана Тагиръ-бекъ-оглы, племянника Аслапъ-хана, сына Гарунъ-бека Мирзу-Зану и многихъ другихъ почетныхъ лицъ и назначивъ наибомъ казикумухскимъ Гаджи-Ягья-хана, сына Тагиръ-бека, Шамиль возвратился съ большою добычею въ Дарги.

По прибытіи въ Дарги, Шамиль занялся литьемъ орудій и заготовленіемъ военныхъ припасовъ для войны съ русскими и мусульманами, не признававшими его власти, отдавъ приказаніе убивать всѣхъ мятежниковъ и людей подозрительныхъ, а имѣніе ихъ конфисковать. Отлитіемъ орудій занимались Гаджи-Джебраилъ Унцукульскій и Муса Казикумухскій; первый познакомился съ этимъ искусствомъ въ Египтѣ, во время путешествія своего въ Мекку, а второй былъ хорошій оружейный мастеръ и помогалъ ему.

Прибытіе посла египетскаго паши Ибрагима, инженера Юсуфа-Гаджи.

Въ $\frac{1257}{1840}$ году, пріѣхалъ черезъ Чечню изъ Египта, по просьбѣ Шамиля, инженеръ Юсуфъ-Гаджи Юсуфъ-Зада-оглы. Онъ обладалъ знаніями, неизвѣстными до того времени никому въ Дагестанѣ.

Онъ хорошо зналъ всѣ науки и въ особенности математику и архитектуру. Когда Шамиль увидѣлъ его громадныя знанія, то приказалъ мнѣ учиться у него математикѣ и архитектурѣ и Гаджи-Юсуфъ передалъ мнѣ всѣ свои познанія. Потомъ, по совѣту Гаджи-Юсуфа, Шамиль устроилъ низамъ (регулярное войско), раздѣливъ его на сотни и десятки, и поставилъ въ каждомъ обществѣ наиба. Юсуфъ-Гаджи занимался постройкою укрѣпленій и всячески старался содѣйствовать предпріятіямъ Шамиля по управленію и въ военныхъ дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ власть Шамиля въ Дагестанѣ еще болѣе увеличилась и приказанія его возъимѣли большую силу, чѣмъ прежде. Шамиль видѣлъ въ этомъ явную пользу и уважалъ Юсуфа, какъ виновника всѣхъ улучшеній. Однакожъ приближенные и наибы, видя сильное вліяніе Юсуфа, старались оклеветать его передъ Шамилемъ. Шамиль велъ переписку съ хункеромъ (турецкимъ султаномъ) и просилъ у него помощи. Хункеръ постоянно обѣщался прислать войско и съ своей стороны просилъ Шамиля не унывать и дѣйствовать. Такъ какъ письма хункера были писаны по-турецки, то никто, кромѣ Юсуфа, не могъ читать ихъ. Наибы воспользовались этимъ и сказали, что Юсуфъ передаетъ всѣ свѣдѣнія эти русскимъ. Шамиль повѣрилъ словамъ ихъ и прогнѣвался на Юсуфа, и не смотря на всѣ его заслуги, конфисковалъ его имѣніе и сослалъ въ селеніе Ахна, что въ Тинди, которое горцы называли Сибирью. Три года Юсуфъ провелъ въ изгнаніи, не смотря на всѣ ходатайства за него. Потомъ черезъ Чарби и Чахнеръ онъ бѣжалъ въ Грозную, гдѣ былъ благосклонно принятъ. Онъ скончался въ Грозной $\frac{1272}{1855}$ года, спустя восемь мѣсяцевъ послѣ бѣгства.

Военныя дѣйствія Шамиля въ Дагестанѣ и взятіе русскихъ укрѣпленій.

Когда увеличились притѣсненія русскихъ и мусульманскихъ

начальниковъ надъ подвластными русскому правительству дагестанскими племенами, то начали безпрерывно приходить изъ Унцукуля и другихъ селеній Дагестана, въ особенности изъ Аваріи, послы и письма, призывая Шамиля освободить ихъ отъ ига русскихъ, обѣщая повиноваться ему и въ точности исполнять всѣ его приказанія. Въ $\frac{1260}{1843}$ г., 1-го шайбана, Шамиль выступилъ изъ Дарго съ 10-ю тысячами конницы и 3-мя орудіями своего приготовленія. По прибытіи въ Мухиту, что между Унцукулемъ и Ашильтою, онъ приказалъ наибамъ, съ частію авангарда, подняться на гору передъ Унцукулемъ и опять поспѣшно спуститься назадъ, а когда унцукульцы выѣдутъ на тревогу, думая, что это набѣгъ одного какого-нибудь наиба, что и прежде часто случалось, то чтобы броситься на нихъ и наказать ихъ за дерзость. Наибы поступили, какъ приказалъ Шамиль. При появленіи авангарда на горѣ, унцукульскіе юноши выѣхали на тревогу и, полагая, что это партія какого-нибудь наиба, бросились на нихъ. Когда они подскакали на близкое разстояніе, то вся конница Шамиля бросилась на нихъ; унцукульцы обратились въ бѣгство; ихъ преслѣдовали до самой деревни, и они оставили на дорогѣ около ста тѣлъ. Потомъ Шамиль окружилъ селеніе Унцукуль. Послѣ нѣсколько-дневной осады, русскіе, подъ начальствомъ Клюки-фонъ-Клюгенау, пришли на помощь и остановились въ сел. Харачи. Клюки-фонъ-Клюгенау приказалъ части отряда занять унцукульскіе сады и завладѣть дорогою. Сады были заняты, но завладѣть дорогою въ Унцукуль русскіе не могли. Послѣ сраженія, въ которомъ русскіе потеряли 300 человѣкъ убитыми и два орудія, Клюки-фонъ-Клюгенау возвратился съ отрядомъ въ Аварію. Унцукульцы и русскій гарнизонъ, истощивъ силы и не имѣя надежды на помощь, послали пристава Кибитъ-Гаджи и поручика Аносова съ солдатами (около 150) просить пощады. Шамиль сказалъ Аносову: «зачѣмъ ты сражался со мною?» Аносовъ отвѣчалъ: «Потому что ты врагъ нашего царя, а мы его слуги и должны сражаться съ врагами, сколько достанетъ силы; я не могъ выиграть побѣды, но если-бы остались снаряды, то я не пересталъ-бы сражаться съ тобой». Крѣпость и селеніе, по приказанію Шамиля, были сожжены и разрушены, такъ-что не осталось камня

на каминѣ. Двѣ пушки, скотъ и прочее имущество унцукульцевъ и солдатъ были разграблены такъ, что не оставили даже иглы. На другой день Шамиль двинулся къ Балакапамъ. Послѣ небольшой перестрѣлки, поручикъ Думинскій, съ гарнизономъ и одною пушкою, сдался военно-плѣннымъ. Оттуда Шамиль направился въ Цатаныхъ, гдѣ стоялъ съ ротою храбрый капитанъ Дементьевъ. Неумолкаемая перестрѣлка происходила съ вечера до утра; за каждою амбразурою лежало по 1000 и больше гильзъ отъ патроновъ солдатскихъ; пушки у нихъ разгорѣлись отъ частыхъ выстрѣловъ, такъ что нельзя было прикоснуться къ нимъ рукою. Войско Шамиля потеряло много убитыми и ранеными. Изъ солдатъ никто не положилъ оружія. Наконецъ, силы Шамиля завладѣли укрѣпленіемъ и двумя пушками, со всѣми снарядами. Потомъ Шамиль прибылъ съ войскомъ въ Танусъ и, остановившись въ домѣ Мухаммеда, отправилъ нѣсколько партій по селеніямъ Аваріи, откуда, по прибытіи ихъ, всѣ приверженцы русскихъ бѣжали въ Хунзахъ, гдѣ находился въ то время Клюки-фонъ-Клюгенау съ отрядомъ. Въ селеніи Акачи былъ съ ротою прапорщикъ Золотовъ,—большой трусъ. Онъ безъ всякаго сопротивленія сложилъ оружіе и явился съ ротою, одною пушкою и всѣми снарядами къ Шамилю въ Танусъ. Въ селеніи Гоцатлѣ стоялъ съ двумя ротами капитанъ Кузьменко, цвѣтъ лица котораго былъ желѣзный. Это былъ настоящій храбрецъ. Шамиль послалъ противъ него Кибитъ-Мухаммеда и Абдурахмана Карахскаго, съ четырьмя тысячами. Послѣ продолжительной перестрѣлки, ему предложили сдаться военно-плѣннымъ, говоря, что прапорщикъ Золотовъ сдался и теперь находится у Шамиля и что нѣтъ никакой пользы сопротивляться такимъ силамъ съ этою горстью войска. Кузьменко не повѣрилъ и просилъ, чтобъ къ нему привели Золотова. Золотовъ былъ приведенъ и сказалъ ему: «Выходи, потому-что ты не въ силахъ сопротивляться; а если сдашься, то будетъ тебѣ большая польза». Кузьменко закричалъ на него изъ башни: «Да будешь ты проклятъ Богомъ! Ты ѣлъ хлѣбъ Царя Русскаго, носилъ его одежду, а теперь служишь его врагу. Я-же умру здѣсь!» Потомъ закричалъ ротѣ: «къ ружью!»—и завязалась перестрѣлка. Лафетъ у орудія русскихъ

былъ разбитъ; солдаты ослабѣли; укрѣпленіе было взято со всѣми запасами и орудіями. Капитанъ Кузьменко, съ оставшимися въ живыхъ 20-ю солдатами, былъ представленъ Шамилю въ Танусъ. Самъ генералъ Клюки-фонъ-Клюгенау былъ осажденъ въ Хунзахѣ. Такимъ образомъ дѣла продолжались до конца мѣсяца.

Прибытіе князя Аргутинскаго и осажденіе Шамиля въ Танусѣ.

Князь Аргутинскій, услышавъ, что Шамиль проникъ во внутренность Аваріи и осадилъ въ Хунзахѣ Клюки-фонъ-Клюгенау, двинулся изъ Казикумуха съ русскими, андалалцами, казикумухцами и цудахарцами и остановился въ укрѣпленіи Гергебиль. Наибы, узнавъ о прибытіи Аргутинскаго въ Гергебиль, немного испугались и хотѣли возвратиться съ добычею, которая была уже въ ихъ рукахъ. Шамиль, видя, что наибы струсили, пожелалъ секретно испытать ихъ. Онъ созвалъ ихъ и сказалъ: «дошло извѣстіе, что Аргутъ съ большими силами остановился въ Гергебилѣ; такъ что вы считаете за лучшее: возвратиться или остановиться здѣсь, чтобы сражаться? А этотъ проклятый Аргутъ—бурдюкъ обмановъ, коварный, хитрый, настоящая лисица». Наибы пришли въ испугъ и хотѣли возвратиться; но никто не рѣшался этого предложить. Кибитъ-Мухаммедъ сказалъ: «я предпочитаю лучше возвратиться». Шамиль разгнѣвался и сказалъ: «возвращайся ты, Кибитъ-Мухаммедъ! Мы знаемъ твою трусость, и ты въ подобныхъ случаяхъ говоришь, какъ женщина. Что-же касается до меня, то я не хочу возвращаться, чтобы вслѣдъ мнѣ смѣялся этотъ армянинъ и его товарищи—богоотступники! Я согласенъ скорѣе умереть, чѣмъ оставаться въ живыхъ и переносить такое посрамленіе! Вы можете возвратиться, куда хотите, а мнѣ достаточно этихъ товарищей»! И указалъ на мюридовъ. Послѣ такой рѣчи, наибы немного ободрились. Шамиль

послалъ на встрѣчу Аргутинскому наиба Нуръ-Али съ чарбинцами въ Бухната (мѣсто около Гоцатля). Послѣ упорнаго сраженія, наибъ и чарбинцы бѣжали. За нимъ Шамиль послалъ Гаджи-Мурада; онъ не въ силахъ былъ сразиться и возвратился съ войскомъ въ Тапусъ. Аргутинскій подошелъ къ Танусу. Клюки-фонъ-Клюгенау тоже вышелъ изъ Хунзаха и соединился съ нимъ. Послѣ семидневной осады, Аргутинскій, не находя возможности вытѣснить Шамиля изъ Тануса, возвратился и остановился съ войскомъ подъ селеніемъ Генечукъ (въ 2-хъ верстахъ отъ Тапуса). Шамиль тоже, видя безполезность пребыванія въ Тапусѣ и большую потерю войска, приказалъ Гаджи-Мураду сжечь аварскіе селенія и посѣвы, а жителей переселить въ Хиндалалъ. Гаджи-Мурадъ исполнилъ приказаніе имама, сжегъ аварскіе селенія и посѣвы, а жителей переселилъ въ Хиндалалъ. Шамиль возвратился въ концѣ лѣта въ Дарго, а войска распустилъ по домамъ, приказавъ имъ быть готовыми къ походу послѣ байрама, осенью. Въ этомъ походѣ горцы потеряли убитыми и ранеными около 1000 человѣкъ. Потеря у русскихъ убитыми не извѣстна, а въ плѣнъ взято 700 солдатъ, которые были розданы наибамъ.

Офицеровъ взялъ Шамиль съ собою въ Дарго. Въ этомъ походѣ отнято у русскихъ десять орудій со всѣми снарядами.

Походъ Шамиля на Гергебиль.

Спустя пять дней послѣ праздника, въ началѣ мѣсяца шувала $\frac{1260}{1843}$ года, Шамиль, съ 11,000 войска, выступилъ къ Гергебилю. Приблизившись къ селеніямъ Кикупы и Гергебилю, онъ приказалъ войску занять сады гергебильскіе. Подъ стѣнами укрѣпленія произошло сраженіе. Въ этомъ укрѣпленіи съ гарнизономъ стоялъ маіоръ Шагановъ, котораго храбрость завлекла противиться и сражаться съ

такими силами Шамиля. Ему три раза предлагали сдаться, но онъ не принялъ предложенія; на выручку его не приходилъ никто ни изъ Шуры, ни изъ Акуши; хотя какой-то генералъ поднялся изъ Шуры на Аймякинскія высоты, но не спускался къ укрѣпленію Гергебилю и скоро возвратился. Войска Шамиля воодушевились этимъ, а русскіе пали духомъ. Если-бы не показывался генералъ на возвышенности, то взять Гергебиль стоило-бы большого труда. Къ Шамилю присоединился цудахарскій кадій Асланъ, съ небольшою партіею. Тагановъ и солдаты, сражаясь днемъ и ночью безпрерывно, потеряли всякую надежду. Наибы окружили укрѣпленіе и начали осаждать, дѣлая подвижной завалъ изъ дровъ. Укрѣпленіе было обезсилено, вода отведена. Гергебиль былъ взятъ штурмомъ. Потомъ войска двинулись на плоскость и остановились въ Дженгутаѣ. Гаджи-Мурадъ сжегъ ханскій дворецъ Ахмедъ-хана. Оттуда Шамиль перешолъ въ Казанищи, гдѣ остановился въ домѣ шамхала и распредѣлилъ войска свои по селеніямъ Шамхальства: въ Кафыръ-Кумухѣ, Муслемъ-аулѣ, въ Большихъ и Малыхъ Казанищахъ и Буглени. Шамхалъ, съ семействомъ и пукерами, бѣжалъ въ Шуру. Шамилю покорилось Шамхальство и Даргинскій округъ и къ нему присоединился акушинскій кадій Мухаммедъ. Чтобы увеличить свои силы, Шамиль послалъ въ Чечню пословъ призвать всѣхъ всадниковъ подъ начальствомъ храбраго Шуаиба (чеченскаго ученаго). Чеченцы не замедлили придти. Тогда Шамиль сталъ совѣтоваться съ наибами о средствахъ взять укрѣпленіе Темиръ-Ханъ-Шуру. Созвавъ всѣхъ жителей Шамхальства и сдѣлавъ имъ наставленіе, Шамиль поставилъ на мѣсто шамхала брата его, Мухаммедъ-бека, потомъ приказалъ съ каждаго двора привезти по одной арбѣ дровъ и сложить около Муслемъ-аула. Народъ старательно исполнилъ приказаніе это. Впродолженіи мѣсяца наибы дѣлали набѣги на укрѣпленіе Бурное и грабили оное. Глухой Мухаммедъ-бекъ, съ конницею Шамхальства и нѣсколькими орудіями, разъѣзжалъ вокругъ Шуры, заводя перестрѣлки. Въ концѣ осени, черезъ 15 дней послѣ того, какъ Шамиль приказалъ свозить дрова къ Муслемъ-аулу, изъ Чечни пришли русскіе на освобожденіе Шуры и на другой день поутру двинулись на насъ. Завязалась битва между Муслемъ-аломъ и

Казанищами. Шамиль былъ разбитъ и, бросивши одно орудіе, бѣжалъ въ Эрпили.

Потеря наша простиралась: убитыми до 150 человѣкъ и около 300 ранеными. Шамиль черезъ Гимры отправился въ Дарго; конница черезъ Аймяки разъѣхалась по домамъ, а пѣхота и орудія черезъ Чиркей, Буртунай и Баянъ прибыли въ Дарго.

Походъ генерала Лидерса къ Карадахскому мосту.

Въ $\frac{1261}{1844}$ году, Шамиль выступилъ въ Салатавію и Аухъ противъ русскихъ войскъ, гдѣ оставался 15 дней, не имѣвъ ни одной перестрѣлки съ русскими. Потомъ изъ Даргинскаго округа и Акуши пришли лазутчики, съ просьбою, чтобы Шамиль явился туда. Онъ двинулся съ 4-мя тысячами конницы и съ десятью наибами, черезъ Гимры, Харкасъ и Кутиши въ Акушу и остановился въ домѣ акушинскаго Мухаммедъ-кадія. Вслѣдъ за нимъ прибыли туда койсубулинскіе наибы: гимринскій Ибрагимъ, балаканскій Муса и инхулійскій Саидъ, со всею пѣхотою Койсубу; а также Кибитъ-Мухаммедъ, съ тремя орудіями, глухой Гаджи-Мухаммедъ чохскій и сугратлинскій кадій Мухаммедъ. Тамъ собрались всѣ наибы Дагестана, исключая Кіялала, Ункратля, Чамалала, Тиндалала и Боголала и ихъ войскъ. Черезъ нѣсколько дней русскія войска, подъ начальствомъ генерала Лидерса и князя Аргутинскаго, выступили изъ укрѣпленія Темиръ-Ханъ-Шуры. Шамиль, услышавъ объ этомъ, созвалъ всѣхъ наибовъ и акушинскаго кадія Мухаммеда посовѣтоваться о предстоящихъ дѣйствіяхъ. Послѣ долгихъ преній, признали за лучшее сдѣлать отступленіе: Шамиль и наибы возвратились въ Бархалибъ и Хулибъ. Насъ преслѣдовалъ Аргутинскій и разбилъ,— и мы должны были бѣжать, потерявъ много убитыми. Шамиль, достигнувъ Цудахара, остановился въ домѣ Кади-Аслана; но оттуда при-

нужденъ былъ бѣжать тотчасъ, оставивъ въ рукахъ русскихъ три пушки и убитыми болѣе ста человѣкъ подъ ногами русской конницы. Добравшись съ остатками войска до Карадахскаго моста и переправившись черезъ оный, Шамиль приказалъ сломать его, сдѣлать на берегу завалы и поставить орудія. Лидерсъ началъ съ нами перестрѣлку, а Аргутинскій съ войскомъ черезъ мостъ въ Маали хотѣлъ идти въ Гоцатль. Шамиль послалъ, чтобы ауховцы поспѣшили прибыть къ нему на помощь. Черезъ 10 дней, на разсвѣтѣ, русскіе отступили. Мы преслѣдовали ихъ. Кибитъ-Мухаммедъ съ частію своею тоже бросился вслѣдъ за русскими черезъ Карадахскій мостъ. Но преслѣдованіе наше было безуспѣшно: мы потеряли тогда много убитыми, въ числѣ которыхъ было нѣсколько почетныхъ лицъ (11). Народъ, видя возвращеніе русскихъ, говорилъ, что они возвратились по причинѣ смерти какого-то вельможи; но я полагалъ, что у русскихъ не достало сухарей. Въ этотъ-же день выбѣжалъ къ Шамилю Елисуйскій Даніель-Султанъ. Онъ встрѣтился съ Шамилемъ у Карадахскаго моста. Шамиль приказалъ ему поселиться въ Каратѣ, а самъ, распустивъ войска по домамъ, возвратился въ Дарги-Ведено.

Походъ князя Воронцова въ Андію.

Главнокомандующій князь Воронцовъ двинулся съ трехъ сторонъ во внутренность Дагестана. Самъ онъ шелъ черезъ Чиркей, Аргутинскій изъ Казикумуха въ Телетль и одинъ генералъ изъ Шали,—съ силами и средствами, съ какими еще никогда не предпринимался ни одинъ походъ въ Дагестанѣ, говоря: я раздавлю Шамиля и его скопища и сотру съ лица земли его наибовъ и войска. Шамиль, получивши свѣдѣніе, что главнокомандующій остано-

(11) Въ этотъ день былъ убитъ аварскій ученый Исмаилъ-Мухаммедъ.

вился въ Буртунаѣ съ сильнымъ отрядомъ и большимъ количествомъ орудій и направляется прямо къ Дарги-Ведено, приказалъ чиркеевскому сотенному Реджебиль-Мухаммеду умертвить всѣхъ плѣнныхъ русскихъ офицеровъ, находившихся во всѣхъ селеніяхъ Дагестана и Чечни. Послѣ того, чѣрезъ нѣсколько дней, Шамиль со всѣми наибами приготовился выступить на встрѣчу главнокомандующему. Въ четвергъ мѣсяца рабіуль-аввала $\frac{1264}{1845}$ года, Шамиль выступилъ со всѣмъ войскомъ Дагестана въ селеніе Алмахъ, что въ Салатавіи. Здѣсь на совѣтъ собрались всѣ наибы Чечни и Дагестана. Шамиль сказалъ: «Главнокомандующій идетъ на насъ со всѣми силами Кавказа! Цѣль его должна быть или истребить насъ совершенно, или заключить съ нами миръ. Такъ знайте, что если кто-нибудь изъ васъ будетъ просить меня помириться съ русскими, то я убью того или зашью ему ротъ»! Эти слова Шамиль подтвердилъ клятвою. Наибы всѣ поклялись, что будутъ сражаться. Тогда Шамиль послалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ занять Анчимеэрскія высоты, чтобы пресѣчь русскимъ путь въ Андію и Гумбетъ. Черезъ нѣсколько дней, получивъ извѣстіе, что русскіе завладѣли Анчимеэромъ, наибы и Шамиль испугались и не знали что предпринять. Наконецъ, Шамиль рѣшился отправить противъ русскихъ войска и орудія въ укрѣпленный Буцрахѣ, и тотчасъ-же изъ Алмаха возвратился въ Дарги-Ведено. По прибытіи туда, онъ приказалъ жителямъ выселить ся немедленно въ Чечню или куда они сами пожелаютъ, а самъ того-же дня въ полдень отправился въ Андію и велѣлъ войску расположиться въ Буцрахъ. Русскіе поднялись на Гумбетовскія высоты и остановились тамъ. Черезъ три дня сдѣлалось холодно и выпалъ снѣгъ, который причинилъ большой вредъ войску и лошадямъ русскихъ. Отрядъ ихъ оставался тамъ около 10-ти дней. Шамиль выѣхалъ изъ Андіи осмотрѣть войско и укрѣпленіе Буцрахъ и, нашедши его невыгоднымъ, приказалъ войску размѣститься по деревнямъ Андіи. Войско перешло въ Андію. Шамиль остановился въ домѣ андійскаго наиба Рамазана, въ селеніи Анди. Авангардъ русской конницы устремился на Буцрахъ (изъ Буцраха видны всѣ селенія Андіи). Шамиль приказалъ сжечь всѣ селенія Андіи. Селенія

были зажженны и черезъ полчаса русская конница напала на насъ. Войско Шамиля безъ всякой перестрѣлки разбѣжалось. Главнокомандующій остановился надъ селеніемъ Анди. Войско русское гордилось своими успѣхами, Шамиль-же и наибы были въ страхѣ и не знали что дѣлать. Черезъ два дня Шамиль получилъ изъ Чечни отъ наибовъ и ученыхъ письмо, въ которомъ они просили его возвратиться въ Дарги, говоря: «Мы и наши жены кляпемся умереть за тебя и будемъ служить не такъ какъ дагестанцы, которые бѣжали, вовсе не сражаясь». Шамиль успокоился и возвратился съ мюридами и чеченцами въ Дарги-Ведено, оставивъ наибовъ въ Андіи стеречь дороги во всѣ мѣста. Главнокомандующій послѣдовалъ за нимъ въ Дарги и послѣ незначительной перестрѣлки завладѣлъ ими. Остановившись тамъ лагеремъ, главнокомандующій далъ отдыхъ войскамъ на 15 дней. Шамиль съ чеченцами скрылся въ лѣсахъ. Русскіе еще болѣе радовались. Черезъ нѣсколько дней ночью пришелъ отъ русскихъ лазутчикъ ауховецъ, и далъ знать Шамилю: «транспортъ съ провіантомъ русскихъ будетъ черезъ два дня идти черезъ Буртунай въ Андію къ Даргамъ; если ты постараешься отбить его, то русскіе отъ голода ослабѣютъ, а ты черезъ то выиграешь побѣду». Шамиль созвалъ всѣхъ наибовъ, передалъ имъ то, что разсказалъ ауховецъ, и, давши наставленіе, приказалъ войску сдѣлать засаду въ лѣсу. На другой день поутру показался на Андійскихъ возвышенностяхъ подъ достаточнымъ прикрытіемъ транспортъ съ провіантомъ. Замѣтивъ, что дорога пересѣчена, изъ транспорта дали изъ орудій знать, чтобы къ нимъ шли на помощь. Изъ главнаго лагеря двинулось тотчасъ-же много войскъ. Произошло большое сраженіе, подобнаго которому никогда не было въ Дагестанѣ. Русскіе были разбиты и принуждены бѣжать, потерявъ много убитыми. Шамиль завладѣлъ большею частію провіанта, двумя орудіями, большимъ количествомъ оружія и другихъ вещей. Войско и начальники русскіе испугались. Доставка провіанта и путь отступленія были невозможны. Солдаты отъ голода пришли въ изнеможеніе и страхъ. Черезъ три дня явился тотъ-же ауховецъ Махмудъ и извѣстилъ Шамиля, что главнокомандующій намѣренъ отступать черезъ

Чечню. Шамиль приказалъ чеченскимъ наибамъ занять дороги, а также велѣлъ всѣмъ наибамъ Дагестана придти на помощь. Русскіе, сжегши палатки (которыхъ было около 700), выступили изъ Дарго. Шамиль преслѣдовалъ ихъ впродолженіи трехъ дней. Русскіе понесли большой уронъ: лошади, вьюки и другія вещи и оружіе были отняты. Бѣднякъ, который прежде не имѣлъ осла, пріобрѣлъ нѣсколько лошадей и одѣлся въ суконную чуху; тотъ, кто прежде и палки въ рукахъ не держалъ, добылъ хорошее оружіе. Наибы и народъ, въ особенности чеченцы, которыхъ даже жены нападали на солдатъ и обирали ихъ, торжествовали, видя неожиданные свои успѣхи, какъ будто-бы русскихъ болѣе не осталось, кромѣ тѣхъ, которые убиты. Русскій отрядъ изъ Шали возвратился, не имѣвши никакого дѣла.

Князь Аргутинскій, получивъ извѣстіе, что главнокомандующій разбитъ и возвратился съ большою потерею, отступилъ съ пѣхотою изъ Телетля на Турчи-Дагъ, а конница его возвратилась въ Кази-Кумухъ. Аргутинскій шелъ въ Телетль черезъ селенія Магаръ и Карахъ. Ему покорились: весь Каралалъ, Тленсиръ, Гидатль и Андалалъ; Даніель съ нукерами и семействомъ принужденъ былъ бѣжать на Гунибъ; Кибитъ-Мухаммедъ былъ осажденъ имъ въ Телетлѣ и, какъ лисица, искалъ норы спрятаться. Въ этомъ году, Шамиль понесъ сильную потерю; многіе главные наибы были убиты: гумбетовскій Гитингу, чеченскій Сугаибъ, чеченскій Эльдаръ, делимскій Гаджи-бекъ, андійскій Мамадъ и многіе другіе ученыя и почетныя лица Чечни и Дагестана.

Походъ Шамиля противъ аула Кутиши.

По просьбѣ мугаджировъ изъ Джаробелоканскаго округа, Нухи и Ахтовъ, Шамиль выступилъ въ Елисуйскій округъ, во втор-

шикъ мѣсяца шувала $\frac{1263}{1846}$ года, съ 12000 конницы и пѣхоты, и остановился въ сел. Хачада, что въ Каралалѣ, въ домѣ Даніель-Султана. Здѣсь произошелъ совѣтъ, на которомъ мать Даніеля, Тутубике, не соглашалась съ мнѣніемъ Шамиля и просила его возвратиться съ войскомъ, говоря: «теперь приближается зима; если выпадетъ снѣгъ, то сообщенія пресѣкутся и можетъ погибнуть много мусульманъ». Шамиль согласился съ ея мнѣніемъ, перемѣнилъ прежнее направленіе и обратился къ сел. Цудахаръ. Войска Шамиля двинулись къ Чоху, откуда онъ приказалъ Даніель-Султану идти въ Казикумухъ, а самъ направился на Цудахаръ.

Послѣ сраженія, Шамиль вошелъ силою въ Цудахаръ и завладѣлъ всѣми стадами и имѣніемъ цудахарцевъ. Кибитъ-Мухаммедъ безъ всякаго сопротивленія вошелъ въ Хаджалъ-Махи, куда прибылъ Шамиль съ войскомъ и оставался тамъ три дня. Даргинцы прислали пословъ съ письмами, прося его придти. Шамиль послалъ съ частію войска Кибитъ-Мухаммеда въ Кутиши, куда выступилъ самъ черезъ нѣсколько часовъ. Когда я замѣтилъ безпорядокъ въ войскѣ и сказалъ Шамилю, что боюсь, чтобы намъ не понести большого урона въ этомъ походѣ и не очернить лицъ своихъ и что лучше-бы онъ не выступалъ отсюда, а оставался-бы въ этомъ селеніи (въ Хаджалъ-Махи), то Шамиль отвѣчалъ: «что предопредѣлено, то не измѣнится». Передъ вечеромъ Шамиль съ войскомъ достигъ Халатабъ-Кули. Въ то самое время, когда мы располагали остановиться, отрядъ русскихъ прибылъ и остановился на майданѣ Дирхубъ. Шамиль поспѣшилъ въ Кутиши и прибылъ туда въ полночь. На другой день русскіе напали на насъ. Войско Шамиля было разбито и обращено въ такое бѣгство, подобнаго которому не было ни прежде, ни послѣ. Мы понесли большую потерю, оставили одну пушку съ снарядами, платье Шамиля, его сѣкиру, всѣ пожитки, и возвратились въ селеніе Салты. Причиною этой неудачи было дурное распоряженіе Кибитъ-Мухаммеда, его трусость, не смотря на то, что подъ его начальствомъ было 6000 человѣкъ. Потомъ изъ Салтовъ, распустивъ войско по домамъ, Шамиль отправился въ Дарги-Ведено. Наша потеря

была: убитыми 140 человѣкъ и ранеными 200, не считая плѣнныхъ.

Причина ослабленія могущества Шамиля.

Въ концѣ того-же года ($\frac{1264}{1847}$), въ началѣ весны, Шамиль приказалъ собраться всѣмъ наибамъ, ученымъ, почетнымъ лицамъ и сотеннымъ начальникамъ Дагестана и Чечни въ сел. Балгитъ, что въ Ичкеріи. Здѣсь они признали сына Шамиля, Кази-Мухаммеда, имамомъ послѣ Шамиля и присягнули ему въ вѣрности. Народъ сталъ говорить тогда, что Шамиль передастъ сыну своему имамство, какъ родовое наслѣдство; что онъ заботится только о себѣ, чтобы возвыситься, но ни сколько не думаетъ о Богѣ, и подозрѣвалъ его, что онъ жаждетъ богатства. Съ этого времени между учеными наибами и Шамилемъ начали происходить разъединенность и несогласія. Нѣкоторые наибы, искавшіе власти, старались придать дѣламъ Шамиля дурное толкованіе и всѣ они вообще начали копить богатства и убивать напрасно мусульманъ, не различая между позволеннымъ и запрещеннымъ, между истиною и ложью. Они наружно только какъ-бы исполняли приказанія Шамиля, а въ сущности старались обманывать и ниспровергнуть его. Шамиль ихъ считалъ апостолами, а того не зналъ,что они измѣнники. Въ народѣ распространились притѣсненія, козни и сплетни, между-тѣмъ-какъ Шамиль объ этомъ ничего не зналъ. Онъ, какъ только замѣчалъ за наибами какую-нибудь несправедливость, тотчасъ смѣнялъ ихъ съ должности. Они клеветали передъ Шамилемъ другъ на друга, на нѣкоторыхъ ученыхъ и другихъ вліятельныхъ лицъ, истинно преданныхъ ему, что, будто-бы, тѣ домогаются имамства. Шамиль вѣрилъ имъ, удалялъ приближенныхъ и смѣнялъ наибовъ. Однако впослѣдствіи узналъ онъ коварства, низкіе поступки и зависть этихъ мнимыхъ доброжелателей и противозаконныя дѣйствія сыновей своихъ; но

это была такая болѣзнь, которую излѣчить или уничтожить не было средствъ и лѣкарствъ; оставалось только покориться волѣ Божіей и его предопредѣленію. Съ-тѣхъ-поръ шаріатъ нашъ обратился въ низамъ, потому-что наибы толковали его каждый по-своему; дѣла приняли дурное направленіе, потому-что поступки наибовъ были соединены съ несправедливостію, и всѣ старанія Шамиля поправить дѣла были тщетны. Онъ оставался одинъ, безъ помощниковъ, и часто повторялъ слова одного арабскаго поэта: «Я вижу тысячу человѣкъ, строющихъ зданіе, которое можетъ разрушить одинъ; то что-же можетъ построить одинъ человѣкъ, когда сзади его тысяча разрушителей»? И такъ, съ этого времени дѣла и предпріятія Шамиля начинаютъ быть безуспѣшны.

Я постараюсь объяснить, какимъ образомъ во всѣхъ походахъ и сраженіяхъ наибы поступали по своему желанію, вопреки его приказаніямъ, и описать поступки сыновей его.

Походъ Шамиля въ Кабарду къ черкесамъ.

Мѣсяца за четыре до предположеннаго Шамилемъ похода на Кутиши, пришли къ нему съ письмами изъ Кабарды около 10-ти человѣкъ, прося, чтобы онъ пришелъ туда съ войскомъ. Въ четвергъ (обычай Шамиля былъ выступать съ войскомъ или во вторникъ, или въ четвергъ), 14-го зуль-хаджа $\frac{1263}{1846}$ года, Шамиль выступилъ съ 4-мя тысячами конницы, 5-ю тысячами пѣхоты и 7-ю орудіями. Переправившись черезъ Терекъ, онъ размѣстилъ войска по кабардинскимъ деревнямъ. Но здѣсь запасы истощились и войска впродолженіи трехъ дней не получали ничего, кромѣ одного проса. Русскіе со всѣхъ укрѣпленій устремились на насъ и хотѣли окружить. Шамиль съ войскомъ ночью тайно началъ отступать и къ утру достигнулъ Терека. Наибы, видя, что русскіе заняли

переправу черезъ Терекъ, испугались и разбѣжались съ войскомъ. При Шамилѣ, кромѣ мюридовъ, никого не осталось. Въ это время Гаджи-Мурадъ подошелъ къ нему и сказалъ: «что это дѣлаютъ наибы»? Шамиль отвѣчалъ: «они ослушались и измѣнили мнѣ». Гаджи-Мурадъ сказалъ: «посмотри на мое войско»! И устремился съ конницею своею на русскихъ. Русскіе бѣжали и переправа была очищена. Шамиль переправился черезъ рѣку и такимъ образомъ спасся. Мы ничего не видѣли въ этомъ походѣ, кромѣ голода, жажды и страха. Если-бы не было тогда Гаджи-Мурада, то, кажется, погибла-бы половина войска. Посмотрите теперь на Гаджи-Мурада и наибовъ! Въ этомъ походѣ Шамиль потерялъ 165 человѣкъ.

Походъ князя Воронцова къ Салтамъ.

Въ $\frac{1264}{1847}$ году, 11-го шайбана, князь Воронцовъ устремился на укрѣпленіе Гергебиль и послѣ небольшой перестрѣлки, видя невозможность взять оное, возвратился на Турчи-Дагъ, гдѣ оставался два мѣсяца. Оттуда онъ съ отрядомъ спустился къ селеніямъ Кудали и Салты. Посредствомъ траншей русскіе взорвали половину Салтовъ и башню въ укрѣпленіи и погубили много народа. Мусульмане ослабѣли. Шамиль стоялъ то на горѣ Ифута, то на горѣ Мурада. Всѣ войска Шамиля, даже ученые и старики, были собраны и расположены по берегу рѣки Кара-Койсу. Шамиль поочередно посылалъ наибовъ въ Салты. Русскіе, окруживъ деревню, прекратили сообщеніе войска Шамиля съ гарнизономъ. Въ Салтахъ обнаружились между горцами голодъ и смертность. Омаръ Салтинскій, съ другими находившимися въ Салтахъ наибами: Муртаза-Али Телетлинскимъ, Мухаммедъ-кади Сугратлинскимъ, Чохскимъ Хади-Муса, Ботлихскимъ Хаджіеу, Нуръ-Мухаммедомъ Карахскимъ и Идрисомъ (который былъ убитъ при выходѣ изъ Салтовъ),—ночью оставилъ

укрѣпленіе и съ большою потеріею едва пробился сквозь ряды русскихъ. И Шамиль съ войскомъ возвратился въ Дарги-Ведено, потерявъ убитыми, ранеными и плѣнными 1700 человѣкъ. Идрисъ, наибъ Гергебиля, былъ убитъ. Лазутчики дали знать, что русскіе потеряли 7000 человѣкъ.

Походъ Шамиля въ Ахты.

По просьбѣ ахтинцевъ и ихъ мугаджировъ, Шамиль предписалъ наибамъ собрать войско и явиться въ Заибъ, что около Голотля. Въ четвергъ $\frac{1265}{1848}$ года 4-го шувала, Шамиль изъ Заиба направился въ Телетль, откуда написалъ Даніель-Султану въ Карахъ, гдѣ онъ былъ наибомъ, чтобы онъ собралъ свое войско для похода въ Ахты. Изъ Телетля Шамиль пошелъ къ Дурти-Дагу, а Даніелю приказалъ идти въ Рутулъ. Даніель, покоривъ весь Рутулъ, остановился въ селеніи Хозрекѣ, куда явился Шамиль и послалъ пословъ и письма въ Ахты. Изъ Ахтовъ пришелъ Мухаммедъ-Наби, эфенди ахтинскій, и сказалъ Шамилю: «Пойдемъ, имамъ, мы всѣ покорны тебѣ и желаемъ, чтобы ты пріѣхалъ». Шамиль поутру отправилъ туда съ войскомъ Даніель-Султана, а послѣ обѣда пріѣхалъ самъ. По прибытіи въ Ахты, Шамиль, собравъ ахтинцевъ и прочитавъ имъ наставленіе, сказалъ: «Вы народъ храбрый! Сколько разъ проливали вы кровь русскихъ и снимали съ нихъ одежду; но до-сихъ-поръ въ такой войнѣ вы были безъ помощника. Знайте-же, что я и весь Дагестанъ ваши помощники! Необходимо вытащить эту змѣю (русскихъ) изъ сердца вашего и удалить врага вашего изъ среды васъ». Ахтинцамъ понравились его наставленія и чарующія слова его. Они отвѣчали: «Мы клянемся умереть передъ тобою и сражаться съ врагами». Потомъ Шамиль окружилъ Ахтинское укрѣпленіе, осадилъ его и взорвалъ порохомъ башню.

Пороховой магазинъ былъ взорванъ мѣткимъ выстрѣломъ. Шамиль не переставалъ осаждать укрѣпленіе впродолженіи 15 дней; однакожъ наибы опасались, что онъ останется здѣсь зимовать, и измѣнически говорили такимъ образомъ между собою: «Если будетъ взято укрѣпленіе, то Шамиль не возвратится эту зиму домой; а потому намъ нѣтъ нужды стараться и помогать ему». Въ это время Аргутинскій черезъ горы зашелъ въ тылъ Шамилю; но, не могши напасть, отступилъ. Горцы преслѣдовали его до вечера. Черезъ 10 дней Аргутинскій вторично явился съ большею силою со стороны Хозра. Войско Шамиля, подъ начальствомъ Даніель-Султана и Гаджи-Мурада, выступило противъ него. Около Хозровъ произошло сраженіе; горцы бѣжали, оставили много тѣлъ за завалами; многіе горцы были убиты и взяты въ плѣнъ, по-большей-части изъ жителей Тленсира и Каралала. Шамиль возвратился изъ Ахтовъ въ Дарги-Ведено. Потеря мусульманъ простиралась до 300 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными.

Походъ князя Аргутинскаго къ Чоху и разрушеніе его.

Въ $\frac{1266}{1849}$ году, 21-го реджеба, князь Аргутинскій остановился съ отрядомъ на возвышенностяхъ Турчи-Дага; разработавъ дороги и спуски, онъ двинулся къ Чоху. Шамиль, услышавъ объ этомъ, собралъ 12,500 человѣкъ, и въ четвергъ 27-го реджеба, выступилъ и остановился у Чоха на площади Худубъ. Послѣ совѣщанія, онъ приказалъ наибамъ приблизиться къ Чоху и занять всѣ возвышенности и удобныя мѣста для сраженія. Впродолженіи семи дней мы копали рвы и устроили завалы. Русскіе пришли и остановились лагеремъ у Чоха. Сдѣлавъ рвы и насыпи, установивъ орудія и занявъ всѣ важные пункты, они начали бомбардированіе Чоха. Стѣны, построенные искуснымъ египетскимъ инженеромъ, были разбиты, двѣ башни разрушены; не осталось камня на камнѣ,

какъ будто-бы Чохъ не существовалъ. Если-бы взглянуть въ то время на крѣпость, то казалось, будто-бы она была взята и потомъ разрушена. Шамиль приказалъ наскоро сдѣлать завалы изъ бревенъ и корзинъ, насыпанныхъ землею. Однакожъ русскіе не заняли крѣпости, неизвѣстно почему; и черезъ 10 дней Аргутинскій возвратился съ отрядомъ на Турчи-Дагъ, а Шамиль въ Дарги-Ведено, потерявъ въ этомъ походѣ 260 человѣкъ убитыми и 340 ранеными.

Во время осады Чоха, Шамиль передъ алкораномъ поклялся наибамъ: «если Аргутинскій возьметъ Чохъ, то я съ васъ спиму чалмы». Поэтому наибы дѣйствовали усердно.

Походъ Шамиля на аулъ Гамаши.

Когда Аргутинскій возвратился изъ-подъ Чоха, Шамиль и наибы обрадовались, думая, что русскіе обезсилѣли и на землѣ не осталось ни одного солдата и человѣка, который могъ-бы противиться имъ. Между-тѣмъ лазутчики постоянно приходили къ Шамилю изъ Казикумуха и просили его, чтобы онъ пришелъ съ войскомъ туда. Поэтому Шамиль, 22 зуль-каада $\frac{1266}{1849}$ года, выступилъ съ войскомъ изъ Дарго и остановился въ Хунзахѣ, въ домѣ наиба Гаджи-Мурада. Ночью онъ секретно двинулся и достигъ къ утру селенія Гамаши. Послѣ сраженія, войско Шамиля вошло въ селеніе и не оставило никого изъ жителей: или убивали или плѣняли. Въ тоже время со стороны Казикумуха показалась рота солдатъ и казикумухская конница подъ начальствомъ переводчика Аргутинскаго Абду-Рахмана. (Онъ былъ потомъ убитъ Гаджи-Мурадомъ подъ Гамашами). Русскіе построились у селенія. Войско Шамиля, занятое грабежомъ, услышавъ о прибытіи русскихъ и не зная числа ихъ, бросилось въ безпорядкѣ бѣжать. Шамиль, покинутый наибами, съ одними мюридами долженъ былъ оставить Гамаши. Рота и конни-

ца съ ожесточеніемъ преслѣдовали бѣжавшихъ. Шамиль приказалъ наибамъ поворотиться и сразу броситься на русскихъ. Солдаты и казикумухцы, отступивъ немного, остановились и встрѣтили ихъ ружейными выстрѣлами. Изъ роты былъ захваченъ въ плѣнъ только одинъ солдатъ. Послѣ перестрѣлки, Шамиль возвратился въ селеніе Вара. Здѣсь въ совѣтѣ наибы рѣшили возвратиться домой. Шамиль приказалъ мнѣ (12) написать Даніель-Султану, отправившемуся съ отрядомъ въ Гули и Хозрекъ, чтобы онъ возвратился. Я сказалъ наибамъ (ихъ было 12 въ этомъ походѣ): «неужели вы не стыдитесь вашихъ женъ, чтобы возвратиться, проигравъ такое сраженіе. Ей-Богу, если мы такъ возвратимся, то и вдовы не будутъ бояться тебя, Шамиль, и васъ, наибовъ!» Но Шамиль и наибы возвратились, не дождавшись, пока кончатся чуреки, положенные женами въ сумки на походъ. Посмотрите на 12 наибовъ и роту солдатъ! Они измѣнили Шамилю. Шамиль смѣнилъ съ наибства Сугратлинскаго Абду-ллага и Муса-Гаджіеу Чохскаго за ихъ бѣгство съ Гамашей.

Вторичный походъ Шамиля на Гамаши.

Казикумухскіе беки стали убѣдительно просить Шамиля придти къ нимъ съ войскомъ. (Командующій войсками князь Аргутинскій отправился въ то время съ отрядомъ въ Курахъ, а въ Казикумухѣ оставалось немного русскихъ). Въ четвергъ 11-го зилькаада, въ $\frac{1267}{1850}$ году, Шамиль выступилъ съ 12,000 войска и остановился въ Ругуджѣ. На совѣтѣ здѣсь рѣшили послать благонадежнаго наиба съ войскомъ въ Табасаранъ, потому-что табасаранцы нѣсколько разъ также просили прихода Шамиля. Шамиль от-

---

(12) Въ это время я уже состоялъ при Шамилѣ въ качествѣ мирзы, (т. е. секретаря).

правилъ салтинскаго наиба Омара съ 1,500 челов., а самъ съ войскомъ остановился въ Чохѣ. Гоцатлинскій Сандъ бѣжалъ къ русскимъ (онъ потомъ поступилъ въ Дагестанскій конно-иррегулярный полкъ и потомъ обратно бѣжалъ въ горы, укравши 500 руб. сер., половину коихъ отдалъ Шамилю, за что и былъ прощенъ), и передалъ имъ, что горцы идутъ въ Табасарань и уже дошли до Чираха. Вслѣдствіе этого русскіе изъ Казикумуха съ конницею вышли на встрѣчу Омара и на Чирахскихъ возвышенностяхъ произошло сраженіе.

Омаръ съ 1500 чел. бѣжалъ отъ горсти русскихъ, потерявъ много убитыми и плѣнными. Когда Омаръ прибылъ къ Шамилю, то онъ смѣнилъ его съ наибства. По прибытіи Омара съ разбитымъ войскомъ, одинъ мюридъ сказалъ Шамилю: «Имамъ! Омаръ въ день сраженія не совершалъ утренней молитвы.» Омаръ отвѣчалъ: «Какъ я могъ молиться, когда это былъ страшный судъ»! Шамиль прогнѣвался на него и сказалъ: «Ты лѣнтяй и трусъ, бѣжалъ отъ роты съ 1500 челов. », и смѣнилъ его. Гаджи-Мурадъ сказалъ Шамилю: «Онъ только на словахъ храбръ, а на дѣлѣ нѣтъ». Потомъ Шамиль послалъ Гаджи-Мурада въ 500 ч. конницы въ Шамхальство. Гаджи-Мурадъ пробрался въ Буйнакъ, убилъ брата шамхала, Шагвали, взялъ въ плѣнъ его семейство, забралъ всѣ сокровища и отправился въ Табасарань, откуда былъ вытѣсненъ потомъ Аргутинскимъ. А Шамиль изъ Чоха съ 7000 человѣкъ, при 2-хъ орудіяхъ, поднялся на Турчи-Дагъ и послалъ войско въ сел. Гамаши. Баталіонъ подъ начальствомъ Ракуссы встрѣтилъ ихъ. Горцы и наибы бѣжали, и Шамиль не могъ удержать ихъ. Въ этомъ походѣ было 260 убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ. Убитъ гидатлинскій наибъ Мухаммедъ.

Прибытіе къ Шамилю нѣсколькихъ Терскихъ казаковъ.

Въ $\frac{1268}{1851}$ году, около 20 казаковъ, съ женами и дѣтьми и

двумя священниками, пришли въ Дарги-Ведено и просили у Шамиля земли, чтобы поселиться. Онъ указалъ имъ мѣсто, гдѣ-бы они могли построить дома и церковь. Чрезъ нѣсколько времени въ совѣтѣ Шамиля зашла о нихъ рѣчь. Одни наибы говорили, что имъ дозволяется укрываться здѣсь, а другіе отрицали. Шамиль сказалъ: «я не желаю, чтобы они здѣсь жили; ихъ нужно отослать къ ихъ церкви» (въ Гидатлѣ есть церковь, построенная грузинами въ $\frac{880}{1363}$ году гиджры; длина ея 9 аршинъ, ширина 5, высота 13 и толщина стѣнъ $1\frac{1}{4}$ арш.). Шамиль отправилъ ихъ въ Батлухъ, предписавши мѣстному наибу поселить ихъ тамъ, отвести землю для посѣва и охранять ихъ. Когда они увидѣли, что наибъ не исполняетъ относительно ихъ приказанія, то разбѣжались. Осталось ихъ человѣкъ шесть, и тѣхъ окрестные жители въ одну ночь умертвили. Я, услыша объ этомъ убійствѣ, сказалъ Шамилю: «Если мы оставимъ безъ вниманія это дѣло и не накажемъ виновныхъ, то тебѣ отъ народа будетъ стыдно, и Богъ прогнѣвается». Шамиль разсердился и приказалъ отыскать виновныхъ и взыскать съ нихъ; но наибъ не исполнилъ его приказанія, а только это послужило ему поводомъ изъ корыстолюбія ограбить нѣкоторыхъ бѣдняковъ. Наибъ измѣнилъ, а народъ упрекалъ Шамиля.

Прибытіе къ Шамилю изъ Герата дервиша Гаджи Хайру-ллага.

Въ $\frac{1269}{1852}$ году, пришелъ изъ Герата, что въ Афганистанѣ, дервишъ, по имени гаджи Хайру-ллагъ, чтобы только посмотрѣть на Шамиля и служить ему. Онъ былъ очень набоженъ. Братъ мой Даудилавъ принялъ его къ себѣ. Когда-же Шамиль удалилъ, по подозрѣнію, моего брата, то дервишъ этотъ жилъ долгое время въ мечети безъ всякаго присмотра и питался подаяніемъ. Когда Шамилю разсказали про его печальное положеніе, то онъ приказалъ

казначею своему Хаджіеу смотрѣть за нимъ. Казначей взялъ его къ себѣ въ домъ, гдѣ онъ находился нѣсколько лѣтъ, какъ плѣнникъ, съ пожелтѣвшимъ лицомъ и истощеннымъ тѣломъ. Когда мы замѣтили жалкое положеніе его, то сказали Шамилю: «Казначей твой не смотритъ за дервишемъ и не даетъ ему пищи. Прикажи ему обратить на него вниманіе, потому-что онъ твой гость, пришедшій издалека только ради твоего имени. Сжалься надъ нимъ! Онъ не проситъ у тебя денегъ. Если мы будемъ оставлять такихъ бѣдняковъ, то и Богъ оставитъ насъ». Шамиль призвалъ Хаджіеу и строго приказалъ ему лучше смотрѣть за дервишемъ и кормить его; но Хаджіеу не исполнялъ приказанія Шамиля. Когда жена Шамиля Загидатъ узнала о такомъ несчастномъ положеніи дервиша, то посылала ему съ нукеромъ хлѣбъ и иную пищу и одежду и была къ нему внимательна, какъ мать къ сыну. Взгляните на положеніе этого бѣдняка, на причину его прихода, и на дальній путь, и на ослушаніе казначея Хаджіеу! Дервишъ этотъ часто повторялъ: «государство Шамиля, его сокровища и самъ онъ не останутся въ такомъ положеніи, по причинѣ этого глупаго измѣнника Хаджіеу». Слова дервиша оправдались! Клянусь Богомъ, что никто болѣе не былъ такъ приверженъ къ Шамилю и не раздѣлялъ съ нимъ трудностей, какъ этотъ бѣднякъ, во всѣхъ мѣстахъ, въ особенности на Гунибѣ! Шамиль не обращалъ вниманія на слова народа, но все поручалъ сыновьямъ своимъ и казначею, думая, что они исполняютъ его приказанія, и не зналъ, что они ему измѣняютъ. Казначей измѣнялъ сначала, а подъ конецъ отдалъ казну, всѣ сокровища и книги Шамиля врагу его Кибитъ-Мухаммеду, который домогался имамства.

Походъ Шамиля на Закаталы.

Въ четвергъ 15-го зуль-каада $\frac{1269}{1852}$ года, Шамиль выступилъ съ

13,000 человѣкъ и нѣсколькими орудіями, чтобы соединиться съ войскомъ султана Абдулъ-Меджида. (До того времени изъ Карса отъ Керимъ-Паши и Селимъ-Паши приходили послы и письма, чтобы Шамиль съ войскомъ пробрался къ нимъ). Шамиль остановился на возвышенностяхъ передъ Закаталами и послалъ сына своего Кази-Мухаммеда и Даніель-Султана съ отрядомъ на Закаталы. На встрѣчу имъ выѣхали казаки, которые, въ перестрѣлкѣ потерявъ около 40 человѣкъ, возвратились въ укрѣпленіе; а горцы вошли въ селеніе Закаталы, жители которыхъ безъ всякаго сопротивленія впустили ихъ. Шамиль оставался на высотахъ, откуда опъ послалъ египетскаго инженера Юсуфа-Гаджи къ сыну для укрѣпленія занятаго селенія и постройки завала. Горцы построили между селеніемъ и укрѣпленіемъ большой завалъ. Войска въ такомъ положеніи оставались нѣсколько дней. Потомъ Шамиль послалъ Даніель-Султана со всею конницею на Алазань завладѣть переправою (паромомъ). Вечеромъ Даніель-Султанъ съ конницею двинулся мимо укрѣпленія къ Алазани. Начальникъ русскихъ, Орбеліани, находившійся въ укрѣпленіи, узнавъ намѣреніе горцевъ, пресѣкъ имъ путь. Произошло сраженіе. Конница Даніель-Султана раздѣлилась на двѣ части; часть бѣжала въ селеніе Талы, а другая къ Катеху. Даніель-Султанъ провелъ ночь въ Талахъ, въ лѣсу, а Рамазанъ съ частію своею ночевалъ въ Катехѣ. На другой день поутру они соединились и направились къ Белоканамъ, гдѣ и остановились. Генералъ съ войскомъ изъ Закаталъ вышелъ противъ нихъ и разбилъ ихъ. Даніель-Султанъ бѣжалъ къ Алазани, откуда отправился опъ къ Гюллюку, Зарна, Лакиту, Амирджанло (что въ Елисуйскомъ округѣ) и оставался тамъ около трехъ дней. У войска, которое оставалось при Шамилѣ, провіантъ истощился; пошли сильные дожди, а Даніель-Султанъ не возвращался. Шамиль на Даніель-Султана сильно разсердился и съ войскомъ и Кази-Мухаммедомъ спустился въ Катехъ и тамъ провелъ ночь. На другой день Шамиль поднялся ко вновь строившемуся укрѣпленію Меседель-Херъ (Золотой прудъ) и, расположившись вокругъ него, приготовился осаждать. Черезъ два дня Даніель-Султанъ возвратился и, сошедши съ лошади у палатки

Шамиля, поздоровался съ нимъ, взявши его за руку, и потомъ пошелъ въ свою палатку. Тогда Шамиль сказалъ мнѣ: «Если-бы Даніель былъ наибомъ въ этомъ походѣ, то я своеручно умертвилъ-бы его, потому-что онъ оставилъ моего неопытнаго сына съ пѣхотою передъ врагами, бросая его въ пасть льва, а самъ отправился съ конницею путешествовать по своимъ знакомымъ». Шамиль былъ недоволенъ Даніелемъ, но народъ этого не зналъ. (Въ этомъ походѣ я былъ при Шамилѣ казначеемъ). Шамиль осадилъ укрѣпленіе и пересѣкъ воду. Солдаты ослабѣли. Мы постоянно дрались съ ними у крѣпости. Вдругъ показался авангардъ князя Аргутинскаго на Закатальскихъ возвышенностяхъ, на той дорогѣ, по которой пришелъ Шамиль. Наибы испугались и собрались у палатки Шамиля, гдѣ произошелъ шумный споръ. Наступилъ вечеръ. Въ это время выбѣжалъ изъ укрѣпленія солдатъ и сказалъ: «Русскіе отъ голода и жажды умираютъ въ укрѣпленіи, и если простоите еще ночь, то вамъ достанется и укрѣпленіе, и все имущество, которое въ немъ». Но наибы, боясь Аргута, просили Шамиля отступить. Ночью, съ шумомъ, происходившимъ отъ быстраго отступленія, мы возвратились домой. Это тоже измѣна и трусость наибовъ. Здѣсь было 25 наибовъ. Изъ нихъ убитъ наибъ Чарби-Акъ-Булатъ. Потеря наша состояла изъ 30 убитыхъ, 50 раненыхъ и 14 плѣнныхъ.

Походъ Шамиля въ Кахетію и Шильды.

Шамиль давно собирался предпринять походъ въ Грузію, склоняясь на просьбы жителей Цунтала и Тиндала, отцы которыхъ прежде были во враждѣ съ грузинами; однакожъ онъ не могъ двинуться туда, потому что русскіе отвлекали его. Въ $\frac{1270}{1853}$ году, турецкій Омаръ-Паша, достигнувъ Кутаиса, прислалъ къ Шамилю письмо, чтобы онъ со всѣми силами пришелъ соединиться съ нимъ.

Шамиль выступилъ съ 15,000 человѣкъ и тремя орудіями изъ Дарго и остановился въ Зупубъ-Каритля, что около Караты. Здѣсь собрались всѣ наибы Дагестана и Чечни. Шамиль никому не объявлялъ цѣли похода. Черезъ три дня войска двинулись къ селенію Хуштада, а оттуда къ сел. Тинда и въ Цунта. Шамиль, прибывъ къ башнѣ, построенной на дорогѣ въ Грузію и занятой грузинами-милиціонерами, послалъ сына своего Кази-Мухаммеда съ 7-ю тысячами на плоскость Грузіи, а Даніель-Султана съ 5-ю тысячами въ Шильды; самъ-же съ остальнымъ войскомъ расположился у башни.

При восходѣ солнца Даніель съ пѣхотою вошелъ въ Шильды. Здѣсь произошло сраженіе, въ которомъ былъ убитъ наибъ Цунтала, Тиндинскій Гаджи-Мухаммедъ, и другіе, всего 40 человѣкъ, и 60 ранено.

Кази-Мухаммедъ, направившись къ Алазани съ конницею, ограбивъ нѣкоторыя селенія и забравъ въ плѣнъ нѣсколько грузинъ, соединился на возвышенностяхъ передъ Шильдами съ Даніель-Султаномъ, гдѣ вмѣстѣ провели ночь. На другой день поутру они отъ Шамиля получили предписаніе переправиться съ конницею черезъ Алазань. Кази-Мухаммедъ собралъ всѣхъ наибовъ и сдѣлалъ имъ наставленіе. Оставивъ худоконныхъ и пѣшихъ въ тѣсномъ мѣстѣ на дорогѣ въ Шильды, онъ съ остальнымъ войскомъ переправился черезъ Алазань. Кази-Мухаммедъ хотѣлъ напасть на Алаверды, но никто не зналъ туда дороги. Впереди шли цунтальцы и съ ними армянинъ Муса, который зналъ дорогу въ Цинондалы. По указанію этого Мусы, войско двинулось въ Цинондалы, гдѣ, ограбивъ домъ князя Чавчавадзе и взявъ въ плѣнъ княгинь и другихъ женщинъ и дѣтей, съ торжествомъ стали возвращаться. На пути, увидѣвъ, что русскіе заняли переправу черезъ Алазань, они отступили и переправились въ другомъ мѣстѣ. Подходя къ мѣсту, гдѣ была оставлена пѣхота, они замѣтили, что оно занято русскими, которые приближеніи ихъ, встрѣтили ихъ залпомъ изъ орудій. Кази-Мухаммедъ съ войскомъ бѣжалъ по дорогѣ къ Кварели и провелъ ночь въ лѣсу между Шильды и Кварели. На другой день русскіе оста-

вили дорогу и возвратились въ укрѣпленіе Кварели, а Кази-Мухаммедъ, достигнувъ до Шильды, остановился тамъ на ночлегъ. При этомъ быстромъ отступленіи мусульмане растеряли своихъ убитыхъ и раненыхъ, много скота и другихъ вещей. Въ Шильдахъ они получили свѣдѣніе, что генералъ, находившійся въ Закаталахъ, двинулъ на нихъ съ двухъ сторонъ войска: съ горъ и съ равнины. Если-бы они не получили этого свѣдѣнія, то напали-бы на другой день на Телавъ. Наибы испугались русскихъ и поднялись на возвышенность къ Шамилю, который между-тѣмъ взялъ двѣ башни, вмѣстѣ съ начальникомъ ихъ, грузинскимъ княземъ, который сдался военно-плѣннымъ. Шамиль приказалъ вывести изъ башни всѣхъ грузинъ и помѣстилъ тамъ плѣнныхъ княгинь и дѣтей. Въ числѣ плѣнныхъ была старая француженка. Грузинскій князь просилъ меня, чтобы я попросилъ у Шамиля позволеніе угостить ихъ чаемъ и тѣмъ, что было у него. Это ему было дозволено. Шамиль хотѣлъ оставаться тамъ болѣе 2-хъ мѣсяцевъ; но услыша, что закатальскій генералъ идетъ на него,—по просьбѣ наибовъ, возвратился въ Дарги, написавъ письмо къ Омеръ-Пашѣ слѣдующаго содержанія: «Я выходилъ къ вамъ съ большимъ войскомъ, но невозможно было наше соединеніе по причинѣ сраженія, бывшаго между нами и грузинскими князьями. Мы отбили у нихъ стада, имущество, женъ и дѣтей, покорили ихъ крѣпости и съ большою добычею и торжествомъ возвратились домой. Радуйтесь и вы»! На возвратномъ пути Шамиль позволилъ грузинскому князю провожать плѣнныхъ княгинь; по пріѣздѣ-же въ Дарги, Шамиль посадилъ его въ темницу, а плѣнницъ помѣстилъ въ своемъ дворцѣ, гдѣ и содержалъ ихъ, не стѣсняя ни въ чемъ. Получивъ письмо отъ Шамиля, Генерамъ Вильямсъ изъ Карса отвѣчалъ такъ: «Что это за разбой между вами? Развѣ вамъ не слѣдуетъ стараться наставлять народъ на истинный путь благоразумными совѣтами? Если ты такъ поступалъ и прежде, то нѣтъ сомнѣнія, что подъ конецъ дѣло твое испортится и впослѣдствіи ты потерпишь вредъ. Такъ подумай о послѣдствіяхъ и не покушайся въ другой разъ на такіе низкіе поступки, какъ брать въ плѣнъ женщинъ, малыхъ дѣтей и слабыхъ ста-

рухъ! Ты будешь послѣ раскаиваться и заслужишь презрѣніе всѣхъ королей!» Шамиль въ отвѣтъ написалъ приличное письмо и отправилъ съ тѣмъ-же посломъ, Ахмедомъ-Ага Самухійскимъ, который доставилъ письмо отъ Вильямса.

Шамиль потерялъ въ этомъ походѣ около 40 человѣкъ убитыми и 60 ранеными. Когда Шамиль достигъ съ плѣнницами Бежита, то получилъ извѣстіе, что князь Орбеліани сдѣлалъ набѣгъ на Буртунай и отбилъ стада, почему и поспѣшилъ возвратиться въ Ведено.

Походъ Шамиля въ Чечню послѣ нападенія на Грузію

По возвращеніи Шамиля изъ Грузіи съ большою добычею, наибы торжествовали и просили его сдѣлать еще нѣсколько подобныхъ набѣговъ. Шамиль не хотѣлъ увлекаться этимъ и говорилъ: «это радость, послѣ которой придется печалиться». Наибы думали, что весь свѣтъ находится въ ихъ власти и, не довольствуясь большою добычею и славою, упросили Шамиля, чтобы онъ собралъ наибовъ Дагестана идти въ Чечню. Въ четвергъ $\frac{1270}{1853}$ года, съ 8-ю тысячами конницы, 7-ю тысячами пѣшихъ и нѣсколькими орудіями, Шамиль выступилъ и остановился въ Хорочи. Чеченскіе лазутчики, думая, что онъ хочетъ сдѣлать набѣгъ на Казикумухъ, пришли туда и дали знать. Но на другой день Шамиль съ войскомъ двинулся на плоскость въ Чечню и остановился въ Шали. Сначала цѣль Шамиля была завладѣть селеніемъ Девлятъ-Гирей, потому-что жители его часто просили придти съ войскомъ. Однако-же Шамиль не могъ достигнуть этой цѣли, потому-что русскіе, узнавъ объ этомъ, заняли всѣ дороги. Шамиль съ пѣхотою устремился на Малчикъ. Здѣсь произошло сраженіе. Шамиль завладѣлъ половиною селенія. Потомъ, для отвлеченія русскихъ, послалъ конницу къ укрѣпленію

Ойсунгуръ. Но изъ Ойсунгура выѣхала на тревогу русская конница. Конные горцы бѣжали, а за ними пѣхота должна была отступить въ безпорядкѣ. Много горцевъ легло подъ ногами солдатъ. Они бѣжали по терновнику, все поободрали и исцарапались. Шамиль раскаивался въ своемъ походѣ, когда увидѣлъ такую трусость и измѣну наибовъ. Онъ остановился въ аулѣ Маіоръ-Тупъ, гдѣ провелъ три дня. Шамиль смѣнилъ тогда съ наибства начальника конницы Шагмапдариль-Хаджісу Чиркеевскаго и хотѣлъ убить его за трусость. Изъ Маіоръ-Тупа Шамиль послалъ сына своего Кази-Мухаммеда съ частію конницы въ Гехи, чтобы отбить скотъ у укрѣпленія Чахкаръ. Но онъ возвратился безъ успѣха. Шамиль обратно поѣхалъ въ Дарги-Ведено, потерявъ убитыми 60 человѣкъ и ранеными 108, раскаиваясь и печалясь.

Возвращеніе сына Шамиля Джемалэддина изъ Россіи.

Въ концѣ мѣсяца реджеба $\frac{1271}{1854}$ года, возвратился изъ Россіи сынъ Шамиля Джемалэддинъ. Всѣ были обрадованы его пріѣздомъ. По прибытіи своемъ онъ обратилъ вниманіе на состояніе и положеніе Шамиля и народа, осмотрѣлъ войска, артиллерію, устройство и порядокъ ихъ и остался недовольнымъ. Все это онъ счелъ ничтожнымъ, слабымъ (Джемалэддинъ былъ уменъ и щедръ). Потомъ разсказалъ отцу про русскаго царя, его войско и казну, и просилъ отца, чтобы онъ примирился съ нимъ. Шамиль не принялъ его словъ и даже разсердился, и затѣмъ, какъ самъ, такъ и братья, стали чуждаться его. Джемалэддинъ сдѣлался печальнымъ и раскаивался въ своемъ возвращеніи. Онъ былъ очень ученъ и свѣдущъ; но нерасположеніе отца и братьевъ не дозволили ему употреблять свои свѣдѣнія на какую-нибудь пользу для народа. Послѣ того онъ сильно простудился и получилъ кашель и грудную

болѣзнь, отъ которой и умеръ въ $\frac{1274}{1857}$ году, въ Каратѣ, гдѣ и погребенъ. Народъ говорилъ, что русскіе отравили его.

Походъ князя Орбеліани въ Старый Буртунай для постройки крѣпости.

Услышавъ, что князь Орбеліани съ отрядомъ черезъ Чиркей двинулся къ Старому Буртунаю, Шамиль, въ четвергъ, 15-го зулькаада $\frac{1273}{1857}$ года, съ войскомъ всего Дагестана и Чечни выступилъ изъ Дарги и остановился въ селеніи Новый Буртунай. Укрѣпивъ и окопавъ рвомъ Новый Буртунай, Шамиль оставилъ тамъ войско и наибовъ, а самъ расположился около селенія Чорто, откуда неоднократно посылалъ партіи въ Аухъ и къ Чиркею. Здѣсь, въ лѣсу, произошло сраженіе; горцы были разбиты и бѣжали, потерявъ много убитыми. Наибъ Технуцала Исмаилъ Ботлихскій остался подъ ногами солдатъ съ отрѣзанною головою. Мустафа-Ахмедъ Кудалинскій былъ тоже убитъ. Солдатамъ досталось много оружія и платья мусульманъ. Русскіе между тѣмъ занимались постройкою башенъ, рубкою лѣса и разработкою дорогъ, причемъ происходили перестрѣлки и схватки, въ которыхъ попеременно одерживали верхъ то русскіе, то мусульмане. Послѣдніе имѣли много потери убитыми и плѣнными. Джемалэддинъ желалъ устроить миръ между отцомъ и русскими и хотѣлъ упросить его послать къ русскимъ уполномоченнаго для заключенія мирныхъ условій съ Салаватомъ Эндреевскимъ, который приходилъ къ Шамилю отъ князя Орбеліани, съ этою-же цѣлію; но отецъ не только не согласился съ желаніемъ Джемалэддина, но даже не позволилъ ему поговорить съ посломъ русскимъ. Это очень сокрушило Джемалэддина. Простоявъ такимъ образомъ около Чорто два мѣсяца, Шамиль съ тремя сыновьями возвратился въ Дарго, оставивъ по-

ловину войска для охраненія Буртуная. Черезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ Шамиля, на разсвѣтѣ, полковникъ Ракусса подступилъ къ Новому Буртунаю. Войско и наибы, находившіеся въ немъ, разбѣжались, нисколько не сражаясь, и черезъ короткое время возвратились домой. Русскіе, завладѣвъ Новымъ Буртунаемъ, поставили тамъ свой гарнизонъ. Зимою русскіе пришли въ Кишень-Аухъ, для постройки укрѣпленія. Шамиль, выступивъ со всѣмъ войскомъ и остановившись въ сел. Биларъ-Кирганъ, приказалъ построить между селеніемъ Новый Буртунай и сел. Джаншко завалъ, для защиты коего оставилъ тамъ нѣсколько наибовъ. Храбрый князь Орбеліани пришелъ туда съ войскомъ. Произошло сраженіе. Наибы Шамиля были разбиты и бѣжали съ большою потерею. Наибъ Шамхалъ съ отрѣзанною головою палъ на мѣстѣ сраженія. Здѣсь было убито около 200 человѣкъ. Многіе были подавлены, падая при отступленіи другъ на друга. Послѣ этого во всѣхъ дѣлахъ Шамиль не имѣлъ успѣха и раскаивался во всемъ. Народъ говорилъ, что этотъ годъ принадлежитъ князю Орбеліани, а потому нѣтъ пользы сражаться съ нимъ. Потеря въ Кишень-Аухѣ и Буртунаѣ простиралась до 300 убитыми и 450 ранеными. Убито три храбрыхъ наиба: Гитинау, наибъ Гидатли, Шамхалъ, наибъ Тиндалала и Богалала, и Исмаилъ, наибъ Технуцала. Ни въ какомъ походѣ не было убито столько наибовъ. Съ постройкою крѣпости Буртуная, дѣла Шамиля начали клониться къ упадку. Русскіе никогда не могли-бы придти въ Ведено, если-бы не построили предварительно укрѣпленія въ Буртунаѣ. Послѣ постройки русскими укрѣпленія въ Буртунаѣ, Шамиля можно было уподобить овцѣ, схваченной волкомъ за шею и потерявшей всякую надежду на спасеніе.

Совѣщанія въ Чечнѣ.

Получивъ свѣдѣнія, что Евдокимовъ готовится идти на Дар-

ги-Ведено, Шамиль, осенью $\frac{1275}{1858}$ года, 16-го джумадуль-аввала, предписалъ всѣмъ наибамъ явиться съ войскомъ на общественное собраніе въ Шали, приказавъ также собраться туда всѣмъ ученымъ и другимъ почетнымъ лицамъ Чечни и Дагестана. Всѣ собрались и остановились на площади около укрѣпленія Шали. Здѣсь произошли большія совѣщанія и разсужденія относительно русскихъ. Шамиль сказалъ: «Не пугайтесь русскихъ! Я изъ Ахульго вышелъ съ 7-ю человѣками, а теперь я вотъ какимъ сдѣлался, съ помощію васъ! Не думайте, что я васъ оставлю безъ всякой помощи и уѣду въ горы! Нѣтъ, я умру здѣсь, въ землѣ вашей. Вы такіе смѣлые и храбрые! Будьте покойны и ничего не бойтесь!» Шамиль, сынъ его и наибы подтвердили это клятвою. Потомъ Шамиль приказалъ всѣмъ наибамъ, ученымъ и сотеннымъ начальникамъ дать клятву въ томъ, что они будутъ сражаться съ русскими. Они поклялись и въ свою очередь заставили покляться въ этомъ каждаго, кто только могъ. Потомъ Шамиль сказалъ: «О, народы и общества Дагестана и Чечни! Знайте, что я вамъ говорю истину. Я не требую отъ васъ денегъ. Нѣтъ! желаніе мое, чтобы вы сражались съ русскими и не имѣли-бы съ ними никакихъ сношеній. Ей-богу, они не имѣютъ никакой другой цѣли относительно этихъ бѣдныхъ жителей Чечни и Дагестана, расточая столько денегъ и погубляя солдатъ, какъ только то, чтобы брать васъ въ солдаты, а женъ вашихъ въ матушки (русская женщина). Они отберутъ у васъ оружіе и даже не позволятъ имѣть ножа. Всѣхъ почетныхъ вашихъ сошлютъ въ Сибирь, и вы будете, послѣ того, какъ мужики. Вы подождите немного—и увидите, что будетъ послѣ. Вы будете раскаиваться и грызть себѣ пальцы; но ничто вамъ тогда не поможетъ».

Походъ Евдокимова въ Дарги-Ведено.

Спустя мѣсяцъ послѣ возвращенія Шамиля изъ чеченскаго

собранія ([13]), 15-го числа реджеба $\frac{1275}{1858}$ г., Шамиль выступилъ противъ Евдокимова къ сел. Тавзанъ и приказалъ сдѣлать завалы въ оврагѣ, по которому подымается дорога къ Тавзану. Русскіе занялись рубкою лѣса и разработкою дорогъ. Въ лѣсу произошла большая перестрѣлка, въ которой русскіе много потерпѣли. Упрочивъ за собою всѣ стороны и исправивъ дороги, въ туманный день, Евдокимовъ, съ войскомъ, съ трехъ сторонъ пришелъ въ Тавзанъ. Войска Шамиля, бросивъ безъ выстрѣла завалы, бѣжали въ сел. Алистанджа. Шамиль оставался тамъ 20 дней и приказалъ построить завалы передъ этимъ селеніемъ. Потомъ приказалъ жителямъ сел. Дарги переселиться въ Ичича. Видя, что войско его много терпитъ отъ недостатка провіанта и отъ холода, потому-что тогда выпалъ снѣгъ, Шамиль приказалъ сжечь Алистанджу и отступить къ Даргамъ. Затѣмъ велѣлъ укрѣпить Дарги, исправить завалы и приготовить въ селеніи все къ защитѣ. Ночью на горѣ показался авангардъ конницы отряда Евдокимова, а пѣхота на площади около Дарги. Это мѣсто стало какъ небо въ ясную ночь, усѣянное звѣздами,—такъ много было палатокъ, лошадей, орудій и людей. Конница, сопровождаемая залпами—изъ пушекъ и ружей, бросилась къ Даргамъ. Мы вышли противъ русскихъ съ конницею и орудіями и мужественно защищались, бросая въ центръ ихъ ядра и гранаты. Мы стояли твердо, такъ, что русскіе не могли разстроить ряды наши и не нанесли намъ никакого вреда. Русскіе отступили и мы возвратились. Въ эту ночь всѣ наибы собрались въ домъ къ Шамилю и просили его, чтобы онъ вышелъ изъ Дарговъ. Шамиль согласился на ихъ убѣдительныя просьбы и, оставивъ въ Даргахъ сына своего Кази-Мухаммеда съ 3500-ми человѣкъ и 13-ю наибами, самъ съ приближенными и нѣкоторыми наибами вышелъ и остановился въ селеніи Эрсеной, въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Дарговъ. Каждый день послѣ того происходили перестрѣлки и схватки. Евдокимовъ окружилъ Дарги, однако-же не могъ взять ихъ лицомъ къ лицу, а успѣлъ въ

([13]) Въ это время Евдокимовъ съ войскомъ стоялъ въ сел. Басанъ-Мирза.

этомъ только своею хитростью. Онъ, траншеями дошедши до Дарговъ, началъ бросать туда ядра, бомбы и гранаты, что очень ослабило осажденныхъ. Поутру, въ четвергъ 23-го рамазана, цѣлый день продолжалась сильная канонада изъ всѣхъ орудій по Даргамъ, такъ что залпы сливались въ одинъ протяжный гулъ, и кромѣ дыму и пыли ничего не было видно. Вечеромъ, когда осажденные приготовились къ совершенію намаза, русскіе вдругъ, какъ саранча, бросились съ крикомъ съ четырехъ сторонъ на Дарги. Мусульмане не въ силахъ были выдержать штурма и бѣжали. Тамъ осталась только горсть храбрецовъ, чтобы забрать оставшіеся пожитки, захвативъ которые, они пришли вслѣдъ за главными силами въ Харачой.

Послѣ того, какъ русскіе завладѣли Чечнею, Шамиль, потерявъ всякую надежду на возвращеніе оной, отправился съ сыномъ Кази-Мухаммедомъ въ сел. старыя Дарги. Съ этого времени Шамиль день-ото-дня клонился къ упадку. Потеря въ этотъ разъ простиралась до 135-ти убитыми; раненыхъ было около 205-ти человѣкъ.

Сборъ Шамилемъ чеченцевъ послѣ взятія Дарговъ.

По взятіи русскими Дарги-Ведено, Шамиль, не видя средствъ удержать за собой чеченцевъ, приказалъ имъ вторично собраться. Они собрались въ сел. Эрсеной. Шамиль сказалъ имъ: «Во всемъ Дагестанѣ храбрѣе васъ нѣтъ, чеченцы! Вы свѣчи религіи, опора мусульманъ. Вы были причиною возстановленія исламизма послѣ его упадка. Вы много пролили русской крови, много забрали у нихъ имѣнія, плѣнили знатныхъ ихъ. Сколько разъ вы заставляли трепетать сердца ихъ отъ страха! Знайте, что я товарищъ вашъ и постоянный вашъ кунакъ, пока буду живъ. Ей-богу, я не уйду отсюда въ горы, пока не останется ни одного дерева въ Чечнѣ». Но че-

чещы, не видя никакой пользы отъ его рѣчи, оставили его и разбрелись по домамъ. Шамиль, потерявъ всякую надежду, возвратился съ своими приверженцами въ сел. Ичича.

Выступленіе Шамиля на возвышенность Килалъ изъ селенія Ичича.

Шамиль приказалъ всѣмъ наибамъ укрѣпить гору Килалъ и приготовить войска. Наибы провели рвы и возвели завалы. Килалъ былъ укрѣпленъ. Шамиль перевезъ туда всю казну, сокровища, орудія, снаряды и провіантъ,—перевезъ туда также женъ и дѣтей своихъ и, поселившись тамъ съ мюридами, приказалъ сыну своему Кази-Мухаммеду укрѣпить противоположный берегъ Андійскаго Койсу въ Ачабота, построить тамъ завалы и увеличить число башенъ, въ которыхъ поставить орудія. Шамиль думалъ, что жители окрестныхъ деревень прибудутъ къ цему на помощь, когда онъ ихъ попроситъ, и что тогда ихъ будетъ достаточно для сопротивленія русскимъ.

Послѣднее собраніе Шамилемъ наибовъ и ученыхъ Дагестана въ сел. Хунзахѣ.

Шамиль, услышавъ, что главнокомандующій князь Барятинскій выступилъ съ отрядомъ, предписалъ всѣмъ наибамъ, ученымъ и почетнымъ собраться на совѣтъ въ Хунзахъ. 12-го зуль-каада 1275 / 1859 года, Шамиль остановился въ сел. Гепичукъ, въ домѣ аварскаго наиба Дебира. Наибы, ученые и другіе собрались на возвышенности около Гепичука. Здѣсь произошло большое препіе относительно русскихъ. Шамиль, замѣчая, что наибы и народъ хотятъ

измѣнить ему и передаться русскимъ, приказалъ всѣмъ наибамъ, ученымъ, сотеннымъ начальникамъ и другимъ почетнымъ лицамъ дать клятву въ томъ, что они не измѣнятъ ему, будутъ сражаться съ русскими и никогда не примирятся съ ними. Всѣ поклялись, что если они измѣнятъ, то пусть жены бросятъ ихъ. Однако-же, всѣ измѣнили ему потомъ. Шамиль сказалъ тогда мнѣ: «Даніель-султанъ не клялся. Чего онъ хочетъ»? Я пошелъ къ Даніель-султану и сказалъ ему объ этомъ. Даніель пришелъ къ Шамилю въ домъ Дебира и поклялся. Потомъ Шамиль сказалъ мнѣ, что Даніель поклялся однакожъ не такъ, какъ другіе наибы. Шамиль остался недоволенъ его клятвою. Оттуда Шамиль отправился въ Карату, а потомъ на гору Ичича, гдѣ и сталъ ожидать прибытія русскихъ.

Походъ князя Барятинскаго въ Дагестанъ.

Долго длились безпорядки въ Дагестанѣ. Горцы, оставаясь подъ бичемъ наибовъ порабощенными, стѣсненными и не зная, какую принять сторону, съ терпѣніемъ переносили всю трудность своего положенія. Наибы продолжали напрасно убивать и грабить народъ. Шамиль пересталъ слушать совѣты благоразумныхъ, и всякаго здравомыслящаго сталъ считать за глупца, а вреднаго человѣка за полезнаго. И это продолжалось до-тѣхъ-поръ, пока онъ и его приближенные не потеряли всякую власть.

Въ $\frac{1276}{1859}$ году, главнокомандующій выступилъ съ большимъ отрядомъ черезъ Чечню и, остановившись на возвышенностяхъ Андійскихъ, у озера Анди-Ратлядъ, приказалъ разрабатывать дороги. Народъ толпами съ покорностію сталъ приходить къ нему со всѣхъ сторонъ. Главнокомандующій ласково принималъ покорныхъ и дѣлалъ имъ щедрые подарки, которыхъ они отъ Шамиля никогда не видѣли. Они забыли Шамиля и данную ему присягу, прельстясь золотомъ и серебромъ, а еще болѣе обѣщаніями оградить ихъ отъ переносимыхъ ими насилій и притѣсненій. Даже самые приближенные, довѣренные его лица, наибы, и самыя дѣти въ

тайнѣ хотѣли передаться русскимъ. А Шамиль между тѣмъ этого не зналъ. Мирза Шамиля, Эмиръ-Ханъ Чиркеевскій, услышавъ о щедрости главнокомандующаго, явился къ нему съ печатью имама; но, кажется, ничего не получилъ.

Баронъ Врангель, по приказанію главнокомандующаго, изъ Буртуная двинулся къ Сагритлохскому мосту. Шамиль, услыша объ этомъ, приказалъ наибамъ сломать мостъ, устроить на берегу завалы и защищать переправу. Но они не охотно защищали оную. Послѣ небольшихъ перестрѣлокъ, русскіе переправились черезъ Андійское Койсу, а наибы возвратились къ Шамилю. Тогда Шамиль самъ выѣхалъ съ войскомъ противъ барона Врангеля, но найдя это безполезнымъ, съ семействомъ возвратился въ Ичича. Всѣ окрестныя общества, послѣ переправы русскихъ черезъ Андійское Койсу, пришли съ покорностію къ барону Врангелю. Командующій войсками на Лезгинской линіи князь Меликовъ, по приказанію главнокомандующаго, съ отрядомъ выступилъ изъ Закаталъ черезъ Цунта во внутрь Дагестана и расположился въ мѣстѣ, называемомъ Ачабота. Съ появленіемъ его, пришли къ нему съ покорностію жители обществъ Цунта, Анцухъ, Ташъ, Тумаралъ, Анцросо, Хваналъ, Тебеляль и Тиндалъ. Въ это время Дагестанъ сдѣлался, какъ вдоль разрѣзанное брюхо, все содержимое котораго обнаружилось. Когда Шамиль услышалъ, что князь Меликовъ съ отрядомъ остановился въ Ачабота и ему покорились упомянутыя общества, то палъ духомъ и лишился всякой надежды; потому что онъ расчитывалъ на эти общества, которыя постоянно были во враждѣ съ русскими. Шамиль говорилъ, что Аварія принадлежитъ потомкамъ русскаго князя Сурака, и это ничего не значитъ, если русскіе завладѣютъ ею, потому что они и прежде ею владѣли, лишь-бы только тѣ общества остались въ нашей власти,—тогда они придутъ и помогутъ намъ.

Начальникъ Казикумухскаго ханства, генералъ-маіоръ князь Тархановъ, въ то-же время двинулся изъ Казикумуха къ укрѣпленію Чохъ. Чохцы и находившійся тамъ наибъ Исмаилъ сдались; потомъ сдались ему укрѣпленія Сугратль, Ирибъ, Рисибъ, Магаро. Послѣднихъ трехъ укрѣпленій наибомъ былъ Даніель-султанъ, ко-

торый прислалъ сначала сына своего Муса-бека къ Тарханову, а потомъ и самъ явился къ нему на высотахъ Чавзу-Меерѣ, Лардабора, откуда и отправился къ главнокомандующему.

Генералъ Манюкинъ изъ Шуры направился съ отрядомъ черезъ Ирганы и завладѣлъ укрѣпленіемъ Араканы. Ему покорились всѣ койсубулинцы. Начальникъ Даргинскаго округа, полковникъ Лазаревъ, изъ Кутишей двинулся съ отрядомъ и завладѣлъ Улле-Калою, Кикунами, Маалибомъ, Кородою, Куядою, жители которыхъ пришли къ нему съ покорностію. Послѣ этого горцы поступали по произволу: кто шелъ къ русскимъ, кто оставался дома, а нѣкоторые послѣдовали за Шамилемъ.

Бѣгство Шамиля съ горы Ичича (Килалъ) на Гунибъ.

Когда Шамиль увидѣлъ, что народъ, наибы и даже самые приближенные измѣнили ему и что онъ окруженъ съ четырехъ сторонъ русскими, то, оставивъ въ Ичичахъ орудія, желѣзо, хлѣбъ, мѣдную посуду, постели, одѣяла и много разной домашней утвари, бѣжалъ съ горстію мюридовъ на Гунибъ, взявъ съ собою: на 6-ти лошадяхъ золото и серебро, на каждой лошади по $^{4}/_{т.}$ руб.; на одной лошади разныя драгоцѣнности; на 17-ти лошадяхъ книги; на 3-хъ лошадяхъ ружья; на 3-хъ лошадяхъ шашки, пистолеты, кинжалы и панцыри; на 40 лошадяхъ разныя вещи, платья женъ, сукна и прочее. Въ четвергъ 4-го сафара $\frac{1276}{1859}$ года Шамиль выѣхалъ изъ Ичича съ гумбетовцами и ихъ наибомъ Уцми. Они провожали его до моста Конхидатльскаго, а тамъ, распростившись съ нимъ, со слезами на глазахъ возвратились домой. Достигнувъ на другой день селенія Карата, Шамиль остановился тамъ въ домѣ сына своего Кази-Мухаммеда. Но боясь, чтобы русскіе, которые были уже въ Аваріи, не пресѣкли ему пути, въ тотъ-же день съ 40

мюридами выѣхалъ онъ изъ Караты въ Гидатль. Со страхомъ добравшись до селенія Телетль, Шамиль остановился на площади, называемой Борештл-Тлюлибъ-Тляра. Здѣсь, вечеромъ, онъ узналъ отъ одного карахца, что чохцы покорились и русскіе заняли укрѣпленіе. Тогда онъ и сынъ его Кази-Мухаммедъ еще больше испугались и сказали: «Кажется, что лучше укрыться на горѣ Ротлата-Мееръ (Чемоданъ гора) (14) или-же поѣдемъ въ Тиндалъ (15). Это самый храбрый народъ Дагестана!» Нѣкоторые-же предлагали Шамилю ѣхать въ Табасарань. Шамиль и Кази-Мухаммедъ вызывали охотника, который-бы отправился на Гунибъ къ Шафи-Мухаммеду, чтобы освѣдомиться, дѣйствительно-ли взято укрѣпленіе Чохъ и вошли-ли туда русскіе. Они говорили: «Кто доставитъ намъ это свѣдѣніе, того мы щедро наградимъ». Всѣ молчали и никто не отвѣчалъ. Когда я замѣтилъ, что Шамиль въ большомъ безпокойствѣ и страхѣ, то сказалъ: «Я въ эту темную ночь сослужу тебѣ службу эту, имамъ, или умру на дорогѣ!» Верхомъ, съ товарищемъ, я отправился въ дорогу; передъ Ругуджею мы встрѣтили ругуджинскую стражу; товарищъ мой бѣжалъ. Остановивши меня, они спросили, куда я ѣду; и когда я разсказалъ имъ о цѣли своей поѣздки, то они, пропустивъ меня, указали путь. Получивъ отвѣтъ отъ Шафи-Мухаммеда, я къ утру возвратился обратно къ Шамилю, котораго я засталъ въ сильномъ волненіи. Онъ хотѣлъ было ѣхать въ Гидатль, но не рѣшался. Я подалъ ему письмо и передалъ саламъ отъ сына. Прочитавши письмо, Шамиль обрадовался, что сынъ его еще живъ и здоровъ (16). Доставивъ эти свѣдѣнія Шамилю, я былъ, такъ сказать, причиною того, что онъ рѣшился отправиться на Гунибъ. По дорогѣ къ Гунибу я встрѣтилъ между стражею нѣкоторыхъ знакомыхъ, которые секретно передали мнѣ,

(14) На Чемоданъ-горѣ, во время походовъ князя Аргутинскаго, Кибитъ-Мухаммедъ построилъ нѣсколько саклей, въ коихъ можно-бы было укрыться во время опасности.

(15) Въ то время Шамиль еще не имѣлъ извѣстій о занятіи Тиндала княземъ Маликовымъ.

(16) Нѣкоторые въ то время говорили, что сынъ Шамиля, Шафи-Мухаммедъ, убитъ.

что братъ мой Даудилау покорился, и что если Шамиль объ этомъ узнаетъ, мнѣ будетъ нехорошо! Я хотѣлъ-было тогда взять семейство свое и вещи и отправиться къ брату въ Чохъ, въ чемъ и просилъ содѣйствія встрѣтившихся мнѣ кунаковъ; но, узнавъ послѣ, что имѣніе мое, оставленное въ Карахѣ у Букъ-Мухаммадиль-Кула, было ограблено куядинцами, я принужденъ былъ ѣхать къ Шамилю на Гунибъ.

Вступленіе Шамиля на Гунибъ.

Въ среду 9-го сафара $\frac{1276}{1859}$ года, Шамиль съ семействомъ, нѣкоторыми приближенными и мюридами прибылъ на Гунибъ. Изъ всего имѣнія, казны и драгоцѣнностей, которыя онъ взялъ съ собою на вьюкахъ изъ Ичича, не осталось ничего, кромѣ оружія, которое было у него въ рукахъ, и лошади, на которой онъ сидѣлъ. Телетлинцы, ругуджинцы и куядинцы ограбили все это ночью на дорогѣ, не доѣзжая до Ругуджи; однако-же на Шамиля не нападали. Когда Шамиль прибылъ на Гунибъ, то начали стрѣлять изъ орудій въ знакъ радости. Я съ сыномъ оставался цѣлый день въ Ругуджѣ, но услышавъ, что имѣніе мое ограблено, и получивъ свѣдѣніе, что жена моя вслѣдъ за семействомъ Шамиля уѣхала на Гунибъ, въ четвергъ ночью и я отправился также туда. Увидя меня, Шамиль очень обрадовался, потому-что онъ полагалъ, что меня убили, и сказалъ: «Не безпокойся о потерѣ имѣнія. Я тебя вознагражу». Въ субботу, со всею конницею, которая находилась на Гунибѣ, Шамиль выѣхалъ осмотрѣть эту гору и дороги. Онъ приказалъ укрѣпить слабыя мѣста, поставить стражу, исправить завалы и прокопать въ иныхъ мѣстахъ рвы. Потомъ, Шамиль, когда взглянулъ на своихъ спутниковъ, то нашелъ около себя только немногихъ: андійскаго наиба Дебира, хунзахскаго Дебира, сугратлин-

скаго Нуръ-Мухаммеда и нѣсколько приближенныхъ; прочіе-же измѣнили ему и ограбили сокровища его. Тогда Шамиль, вспоминая прошедшее, печально продикламировалъ слѣдующіе стихи арабскаго поэта: «У меня были братья, которыхъ я считалъ панцырями; но вотъ они стали моими врагами. Я считалъ ихъ за мѣткія стрѣлы. Да! они были таковы; но только теперь—въ моемъ сердцѣ». Потомъ сказалъ: «Ей-богу, если-бы я довѣрялъ русскимъ, то непремѣнно помирился-бы теперь съ ними, съ тѣмъ чтобы они дозволили мнѣ уѣхать въ Мекку,—и потомъ посмотрѣлъ-бы на горцевъ, какъ они будутъ раскаиваться, когда русскіе начнутъ вертѣть на ихъ головахъ жернова мукъ и наказаній, каково будетъ положеніе наибовъ и дагестанцевъ, когда ихъ начнутъ брать въ солдаты и заставятъ ихъ заплатить за все потерянное ими, русскими, со времени Кази-Мухаммеда, Гамзатъ-бека и въ мое время до сего дня. Нѣтъ сомнѣнія, что это истина, но горцы этого не знаютъ! А если-бы я былъ въ Дагестанѣ, то русскіе не могли-бы этого сдѣлать, какъ не могли и прежде, когда я былъ въ Ахульго и Шубутѣ».

Прибытіе главнокомандующаго на возвышенность Кегеръ.

Главнокомандующій, прибывъ на возвышенность Кегеръ, приказалъ войскамъ, расположеннымъ въ окрестностяхъ Гуниба, окружить его и занять всѣ тропинки. До прибытія главнокомандующаго приходили жители Ругуджи, Хиндаха и Кудали, приносили соль и съѣстные продукты и передавали разныя извѣстія, но съ прибытіемъ главнокомандующаго всѣ тропинки были заняты такъ, что послѣ того никто не могъ пробраться на Гунибъ. Потомъ главнокомандующій приказалъ барону Врангелю послать къ Шамилю благонадежнаго человѣка для мирныхъ переговоровъ. Полковникъ Али-ханъ аварскій, посланный барономъ Врангелемъ, приблизился со стороны Хоточа къ Гунибу и закричалъ: «Эй! Подойдите для

мирныхъ перегобоpовъ! Главнокомандующій очень милостивъ и сожалѣетъ о вашихъ женахъ и дѣтяхъ, боясь, чтобы они не попали подъ ноги солдатъ. Вы будете послѣ раскаиваться, но это не принесетъ вамъ пользы!» Шамиль приказалъ отвѣтить, что онъ завтра вышлетъ своего сына, Кази-Мухаммеда, и чтобы Али-ханъ завтра пріѣхалъ съ Лазаревымъ и Даніель-султаномъ къ большому завалу, что у входа на Гунибъ.

Переговоры о мирѣ между Кази-Мухаммедомъ и полковникомъ Лазаревымъ.

Въ четвергъ 10-го сафара полковникъ Лазаревъ съ Даніель-султаномъ и другими лицами, по приказанію главнокомандующаго, пріѣхалъ и остановился у стѣны Гуниба, неподалеку отъ дома Мухаммеда кудалійскаго. Шамиль выслалъ къ нимъ меня и сына своего Кази-Мухаммеда (17). Мы подъѣхали къ русскимъ и начались переговоры. Полковникъ Лазаревъ сказалъ: «Мы собрались сюда для того, чтобы пріискать лучшее на настоящее и будущее время, оставить вражду и заключить миръ; успокоить Шамиля, его семейство и приближенныхъ, гдѣ захотятъ; а если Шамиль пожелаетъ отправиться въ Мекку, то онъ будетъ отпущенъ съ большими подарками отъ Императора». Долго продолжались переговоры. Кази-Мухаммедъ сказалъ, по приказанію Шамиля: «Вы измѣнники. Сколько разъ мы съ вами заключали миръ и оставляли сражаться, но ничего отъ васъ не видѣли, кромѣ измѣны и обмана. Мы никогда не повѣримъ словамъ главнокомандующаго или

---

(17) На мнѣ былъ тогда панцырь Шамиля, стоившій 400 рублей, который ему подарила жена Асланъ-хана кази-кумухскаго, вмѣстѣ съ другими вещами, во время взятія Шамилемъ Кази-Кумуха.

другого какого-либо лица. Мы не нашли въ словахъ генераловъ Граббе, Фези и Клюгенау ничего, кромѣ обмана и нарушенія договоровъ, прежде сего заключенныхъ. Какъ-же намъ теперь повѣрить вашимъ словамъ»? Полковникъ Лазаревъ отвѣчалъ: «Не возобновляй прошедшаго. Что было, то прошло. Лучше взгляни на настоящее и размысли о послѣдствіяхъ! Знай, что я желаю устроить ваше дѣло какъ возможно лучше. Ты не долженъ смѣшивать прежнихъ генераловъ съ настоящимъ главнокомандующимъ. Этотъ—намѣстникъ Императора. Каждое приказаніе его—слово и дѣло самого Императора. Онъ во всемъ довѣренное лицо Его». Эти слова Лазаревъ подтвердилъ клятвою. Потомъ продолжалъ: «Скажи Шамилю, чтобы онъ положился на мои слова! Здѣсь нѣтъ никакой измѣны. Я желаю вамъ добра и вы не должны обращать вниманія на слова другихъ. Пусть знаетъ Шамиль, что этотъ главнокомандующій дѣлаетъ то, что хочетъ, и никогда не измѣняетъ своихъ словъ». Послѣ этихъ словъ Лазаревъ возвратился, передавъ намъ сказать Шамилю слѣдующія условія мира: если угодно будетъ Шамилю отправиться въ Мекку, то онъ можетъ взять съ собою кого пожелаетъ; его проводятъ до границы Турціи, дадутъ конвой и лошадей подъ съѣздъ, и наконецъ, дадутъ ему какіе-нибудь подарки. Если-же онъ не захочетъ ѣхать въ Мекку, то можетъ выбрать мѣсто въ Дагестанѣ, гдѣ пожелаетъ, только не на Гунибѣ, и тамъ поселиться; остальныхъ-же его спутниковъ поселятъ и успокоятъ тамъ, гдѣ послѣдніе пожелаютъ.

Продолженіе переговоровъ и переписки о сдачѣ Шамиля и взятіе русскими Гуниба.

На другой день послѣ переговоровъ получено было письмо главнокомандующаго съ послами Курбанъ-Мухаммадиль-Бацадійскимъ, Мухаммедомъ Хуційскимъ и Мухаммедомъ Дженгутаевскимъ, въ которомъ подтверждались условія мира, предложенныя Лазаре-

вымъ. Мюриды были собраны и прочитано письмо. Произошло много толковъ. Шамиль говорилъ: «Это русскіе хитрятъ, чтобы только выманить насъ изъ Гуниба». Другіе говорили, что такіе люди, какъ сардаръ, не должны обманывать. Наконецъ, чтобы убѣдиться въ истинности содержанія полученнаго письма, Шамиль приказалъ хунзахскому наибу Дебиру и Чиркеевскому Юнусу отправиться къ главнокомандующему съ письмомъ (18) слѣдующаго содержанія: «Отъ раба божія, Шамиля, великому сардару, главному вождю, генералъ-адъютанту князю Барятинскому! Миръ вамъ, похвала и привѣтствіе! Къ намъ прибыли почтенные послы съ священнымъ письмомъ вашимъ. Мы прочитали его и поняли содержаніе. Посылаемъ къ вамъ отъ насъ двухъ пословъ для лучшаго объясненія условій мира и обезпеченія пути нашего въ Мекку. Мы надѣемся, что вы выслушаете ихъ и дадите отвѣтъ». Послы словесно предложили отъ Шамиля главнокомандующему слѣдующія условія мира: чтобы дать Шамилю около мѣсяца сроку, пока онъ приготовится къ дорогѣ въ Мекку; послать для сопровожденія его какого-нибудь благонадежнаго человѣка, чтобы на пути до границы Турціи никто его не обидѣлъ; а тѣхъ мюридовъ, которые останутся въ Дагестанѣ, успокоить тамъ, гдѣ они пожелаютъ». Когда послы возвратились, то Шамиль сказалъ народу: «Я хотѣлъ заключить миръ для васъ. Сардаръ предлагалъ хорошія условія, и чтобы убѣдиться въ справедливости оныхъ, я посылалъ къ нему двухъ пословъ. Теперь послушайте, что они скажутъ». Послы сказали: «Все что русскіе говорятъ—это ложь; потому-что у нихъ на языкѣ одно, а на сердцѣ другое. Мы отъ нихъ не получимъ никакой пользы»! Тогда народъ сказалъ: «Благодаримъ тебя, имамъ, что ты желалъ для насъ помириться; но если русскіе хитрятъ, то мы лучше будемъ сражаться, пока умремъ; и ты сражайся, имамъ»! На другой день Шамиль получилъ второе письмо, написанное по довѣренности главнокомандующаго, въ которомъ кратко было спрошено, согласенъ-ли Шамиль на упомянутыя предложенія, или нѣтъ. Когда письмо было получено, меня не было. По порученію Шамиля, Абдурахманъ, зять его,

(18) Письмо это было написано мною.

написалъ отвѣтъ (19) главнокомандующему, что съ мечемъ въ рукахъ они дожидаются русскихъ. Главнокомандующій, прочитавъ отвѣтъ Шамиля, приказалъ приступить къ осадѣ. Войска двинулись со всѣхъ сторонъ и заняли всѣ важные пункты. Нѣкоторые говорили, что Гунибъ нельзя взять, хотя онъ и осажденъ со всѣхъ сторонъ. И самъ Шамиль въ совѣщаніяхъ на Гунибѣ часто повторялъ: «Вы ничего не думайте о русскихъ! Они скоро увидятъ безполезность осады и возвратятся. А что они обложили насъ такою массою войскъ, такъ это только для того, чтобы испытать насъ. Сколько разъ они гонялись за нами! Однакожъ и мы будемъ преслѣдовать ихъ съ шашками и поступимъ теперь съ ними, какъ съ княземъ Воронцовымъ. Будьте покойны»! Такъ Шамиль ободрялъ осажденныхъ и одушевлялъ ихъ сражаться. Прошло нѣсколько дней. Мы, сколько могли, вели перестрѣлку, копали рвы и укрѣпляли Гунибъ. Шамиль помѣщался у главнаго завала, въ домѣ глухого Гаджи-Мухаммеда Кудалійскаго. Въ понедѣльникъ, ночью, 8-го рабіуль-аввала, за два съ половиною часа до разсвѣта, русскіе двинулись на Гунибъ со всѣхъ сторонъ. Во время утренней молитвы, мы услышали тревогу. Прискакавшій мюридъ извѣстилъ Шамиля, что русскіе взошли на Гунибъ съ южной стороны, и что Мухаммедъ Кудалійскій убитъ. Шамиль тотчасъ со мною и четырьмя мюридами, находившимися при немъ, отправился верхомъ въ селеніе; прочіе-же мюриды остались у главнаго завала внизу. Узнавъ по пушкѣ, которая послѣ выстрѣла была сброшена въ оврагъ, что Шамиль бѣжалъ въ селеніе, они прекратили перестрѣлку и хотѣли бѣжать вслѣдъ за Шамилемъ; но, замѣтивъ, что партія русскихъ идетъ навстрѣчу имъ, они укрылись въ лѣсу. Въ тоже время другая партія русскихъ прорвалась снизу черезъ главныя ворота и стала направляться въ селеніе. Пропустивъ сію послѣднюю, мюриды съ кинжалами бросились на нее и нанесли-бы ей много вреда, если-бы не подоспѣли на помощь ей войска, поднявшіяся со стороны Ругуджи. Всѣ эти мюриды были или убиты, или взяты въ плѣнъ; никто изъ нихъ не успѣлъ пробраться въ селеніе къ Шамилю. Это

(19) Къ этому отвѣтному письму не было приложено печати Шамиля.

были самые храбрѣйшіе. Если-бы эти мюриды успѣли достигнуть селенія, то дня три продолжалась-бы осада онаго. Шамиль, я и три мюрида вошли въ домъ его. Земля намъ тогда показалась тѣсною. послѣ такого простора! Всѣ хитрости Шамиля истощились, предположенія его не сбылись и его постигло раскаяніе. Онъ потерялъ все. Въ селеніи оставалось не болѣе 40 человѣкъ мужчинъ; женщины взяли ружья и шашки и приготовились къ защитѣ. Шамиль, со мною и нѣсколькими мюридами, отправился въ мечеть, гдѣ мы также приготовились защищаться. Кази-Мухаммедъ и Шафи-Мухаммедъ, преслѣдуемые русскими со стороны Хоточа, съ нѣсколькими мюридами прискакали въ селеніе, которое тотчасъ-же со всѣхъ сторонъ было окружено русскими. Пули сверху и снизу полились какъ градъ. Испуганныя женщины и дѣти съ крикомъ и плачемъ попадали на улицахъ. Но вдругъ русскіе ударили отбой и закричали къ намъ со всѣхъ сторонъ, чтобы мы выслали благонадежныхъ людей для переговоровъ.

Сдача Шамиля главнокомандующему.

Когда увеличились крики со всѣхъ сторонъ, чтобы кто-нибудь изъ довѣренныхъ Шамиля былъ высланъ къ главнокомандующему, Шамиль позвалъ меня и приказалъ идти заключить миръ съ русскими и просить пощады. Я вышелъ изъ селенія съ товарищемъ, Юнусомъ Чиркеевскимъ. Нѣкоторые мюриды стрѣляли по русскимъ,— я приказалъ имъ остановиться. Я посмотрѣлъ на всѣ четыре стороны: все было покрыто русскими. Когда они увидѣли меня, то закричали вдругъ: «Иди сюда! Иди сюда!» Я отправился къ тому, кто былъ поближе. Это былъ какой-то генералъ. Я спросилъ: «Кто это такой?» Мнѣ сказали, что это генералъ Кесслеръ. Затѣмъ ко мнѣ подошли поручикъ Смирновъ и армянинъ Захаръ и сказали, что генералъ Кесслеръ приказалъ отобрать отъ насъ оружіе и воз-

вратить, когда будетъ заключенъ миръ. Я отдалъ Захару шашку, а ружье и пистолетъ Ибрагиму Чохскому. Замѣтивъ, что черезъ Кесслера дѣло наше не можетъ быть покончено, я сказалъ Юнусу: «Пойдемъ отъ него; у него, кажется, не было другой цѣли, какъ только отобрать отъ насъ оружіе.» Оставивъ Кесслера и оружіе наше въ рукахъ его переводчиковъ, которые не возвратили намъ онаго и по сіе время, мы встрѣтили другого генерала, съ которымъ былъ Даніель-султанъ. Генералъ этотъ спросилъ насъ: «Гдѣ Шамиль, отчего онъ не сдается и зачѣмъ вы пришли?» Я отвѣчалъ: «Вы насъ звали.» Тогда этотъ генералъ приказалъ Гасанъ-хану казикумухскому отправить насъ къ главнокомандующему. Отъ Даніель-султана я узналъ, что это былъ баронъ Врангель. Я нашелъ его умнымъ человѣкомъ. На пути мы встрѣтили полковника Лазарева, который указалъ намъ дорогу къ главнокомандующему. Князь Барятинскій принялъ насъ очень ласково и сказалъ намъ, чтобы мы представили къ нему Шамиля. Возвратясь въ селеніе, мы застали Шамиля, Кази-Мухаммеда съ семействомъ и мюридами въ мечети. Мы сказали Шамилю, что главнокомандующій проситъ его, чтобы онъ пришелъ, и что не будетъ никакой измѣны. Но Шамиль уже приготовился защищаться, положивъ передъ собою шашку и заткнувъ полы за поясъ. Онъ рѣшился умереть, а потому отвѣчалъ намъ: «Вы должны сражаться, а не говорить мнѣ, чтобы я шелъ къ главнокомандующему! Я хочу сражаться и умереть въ этотъ день.» Кази-Мухаммедъ-же сказалъ Шамилю: «Я не хочу сражаться, я выйду къ русскимъ; а ты, если хочешь, то дерись!» Шамиль очень разсердился; даже женщины, которыя находились въ мечети съ оружіемъ въ рукахъ, стали стыдить и ругать Кази-Мухаммеда за его трусость, а нѣкоторые проклинали его. Въ такомъ положеніи мы оставались до четырехъ часовъ. Затѣмъ Шамиль, видя измѣну сына, согласился идти къ главнокомандующему. Мы всѣ обрадовались. Одѣвъ Шамиля, мы посадили его на лошадь, причемъ, онъ, обратясь къ дѣтямъ своимъ, сказалъ имъ: «Будьте покойны теперь, Кази-Мухаммедъ и Шафи-Мухаммедъ! Вы начали портить дѣла мои и докончили своею трусостью».

Шамиль выѣхалъ изъ селенія въ сопровожденіи пѣшихъ мюридовъ. Увидѣвъ его, всѣ войска, которыя находились вокругъ селенія, закричали: «Ура»! Шамиль испугался и возвратился въ селеніе, думая, что его обманутъ и убьютъ. Но одинъ изъ числа мюридовъ, Мухаммедъ Худанатъ-оглы гоцатлинскій, сказалъ Шамилю: «Если ты побѣжишь, то этимъ не спасешься; лучше я убью сейчасъ Лазарева и начнемъ газаватъ (драться за вѣру).» Въ это время впереди русскихъ отдѣльно стоялъ полковникъ Лазаревъ, который, замѣтивъ насъ, сказалъ: «Куда вы возвращаетесь? не бойтесь! между нами не будетъ измѣны». Шамиль возвратился и подъѣхалъ къ барону Врангелю, который, поздоровавшись съ нимъ, отправилъ его къ главнокомандующему. Доѣхавъ до ставки главнокомандующаго, Шамиль слѣзъ съ лошади; здѣсь взяли его и представили главнокомандующему. Между-тѣмъ баронъ Врангель приказалъ мнѣ привести къ нему Кази-Мухаммеда и Шафи-Мухаммеда съ женами, и все семейство Шамиля. Я вошелъ въ мечеть и нашелъ тамъ Кази-Мухаммеда и брата его съ мюридами. Когда онъ увидѣлъ меня, то спросилъ: «Гдѣ ты оставилъ отца моего»? Я отвѣтилъ ему: «Развѣ ты не знаешь, что я оставилъ отца твоего у сардара, который отвелъ его въ свою палатку». Потомъ сказалъ ему: «Чего ты хочешь теперь»? Кази-Мухаммедъ отвѣчалъ: «Я хочу сражаться, пока не убьютъ меня»! Я сказалъ ему: «Если-бы ты желалъ сражаться, то сражался бы прежде, а теперь война кончена. Вставай и пойдемъ со мною»! Я взялъ его съ братомъ и всѣмъ семействомъ и повелъ къ барону Врангелю, который дожидался ихъ недалеко отъ селенія. Баронъ Врангель, принявъ ихъ, сказалъ мнѣ: «Я очень доволенъ твоею службою и никогда этого не забуду». Послѣ того я уже не видалъ ни Шамиля, ни главнокомандующаго, ни барона Врангеля. Такимъ образомъ я былъ посредникомъ при заключеніи мира. Во время захожденія солнца я пошелъ къ своему семейству и нашелъ жену и дѣтей плачущими. Все имѣніе наше было разграблено милиціонерами, такъ-что даже иголки не осталось. Жена начала упрекать меня и сказала: «Ты столько лѣтъ служилъ Шамилю, что же ты получилъ? И въ этотъ день, когда всѣ стерегли свои вещи,

ты былъ посредникомъ между Шамилемъ и русскими, а имѣніе твое ограбили милиціонеры». Въ эту ночь я съ женою и дѣтьми, почти голыми, съ непокрытыми головами и босыми, пошли и, въ полночь достигши до Хиндаха, остановились тамъ у своихъ кунаковъ. Я понесъ тогда убытку на 2250 руб., кромѣ оружія, лошади и часовъ; кромѣ того 137 книгъ, которыя я получилъ отъ отца, были потеряны. У меня даже на абазъ не осталось имѣнія, кромѣ одежи и кинжала, которые были на мнѣ. Хотя жена моя и успѣла сберечь, привязавъ подъ рубашкою, вещей и денегъ почти на 280 руб., но черезъ семь дней и эти вещи и деньги пропали въ домѣ моего кунака, у котораго я остановился и отдалъ ихъ ему на сбереженіе, когда ѣздилъ къ полковнику Лазареву. Я знаю и теперь вижу, какъ воръ проживаетъ мои деньги и вещи, и прошу Бога, чтобы онъ помогъ мнѣ возвратить ихъ. Я еще не видѣлъ большаго несчастія, какъ въ день заключенія мира; тѣмъ болѣе, что жена и дѣти мои привыкли прежде къ сколько-нибудь порядочной жизни; послѣ того-же остались голодны, голы и босы. Но, однако, я постарался забыть это несчастіе; потому-что радъ былъ, что самъ остался живъ, и не посмѣлъ уже жаловаться, что имѣніе украдено. Русскіе начальники помогли мнѣ и дали средства содержать семейство.

Дѣти Шамиля и ихъ дѣйствія въ Дагестанѣ.

Что касается до старшаго сына Шамиля, Джамаледдина-Ахмеда, то онъ былъ умнѣйшій и образованный человѣкъ. Онъ умеръ (да смилосердится надъ нимъ Богъ!) въ $\frac{1274}{1857}$ году и погребенъ въ селеніи Карата. Младшій сынъ его, Шафи-Мухаммедъ, былъ юнъ и неопытенъ. Онъ не имѣлъ никакой власти, постоянно дѣлалъ скандалы и волочился; однако въ немъ было одно хорошее качество

—это щедрость. Что-же касается до средняго сына, Кази-Мухаммеда, то Шамиль подчинилъ ему всѣхъ наибовъ, передалъ ему власть надъ всѣмъ Дагестаномъ, думая, что онъ будетъ подражать ему. Шамиль говорилъ: «Я сдѣлался уже слабъ и голова моя уже посѣдѣла; потому хочу поручить всѣ дѣла сыну; самъ-же буду приготовляться къ смерти и молиться Богу». Народъ называлъ Кази-Мухаммеда имамомъ. Наибы постоянно льстили Шамилю, что сынъ его, Кази-Мухаммедъ, хорошъ, хвалили его поступки и скрывали отъ него дѣла его, заслуживающія порицанія. Этимъ они измѣняли Шамилю. Они упросили Шамиля поручить все Кази-Мухаммеду, чтобы пользоваться его слабостію и неопытностію. Они говорили въ лицо Шамилю: «Сынъ твой хорошъ и даже умнѣе тебя». Между-тѣмъ-какъ сами знали, что въ Кази-Мухаммедѣ скрывается много низкаго, что онъ скупъ, дурного характера и трусъ. Народъ считалъ его хорошимъ человѣкомъ, потому-что онъ, какъ женщина, постоянно улыбался каждому, даже самымъ большимъ врагамъ своимъ. Мугаджиры и храбрецы постоянно старались грабежомъ увеличить казну его. Сколько храбрыхъ Дагестана пало на берегахъ Куры и Алазани! Сколько героевъ было плѣнено и умерло въ русскихъ кандалахъ, жены и дѣти которыхъ остались безъ всякаго призрѣнія! Сколько мугаджировъ погибло на границѣ Акуши и Шамхальства, пронзенными въ грудь штыками солдатъ! Такимъ образомъ горцы старались возвысить Шамиля и доставить славу и богатство его сыну. Не смотря на то, что дагестанцы никогда не подчинялись узденямъ, подобнымъ себѣ, и были хищны, какъ волки, и какъ львы бросались, чтобы завладѣть добычею; но эту добычу они отдавали Шамилю! Многіе были убиваемы подъ предлогомъ, что они не отдавали законную часть въ байтулъ-малъ, и все ихъ имѣніе было конфискуемо. Сначала Шамиль, если приказывалъ убить кого-нибудь, то бралъ все имѣніе, пріобрѣтенное въ набѣгахъ и наслѣдственное, не оставляя ничего семейству убитаго, которое въ такомъ случаѣ принуждено было идти жить по чужимъ людямъ; потомъ-же онъ приказалъ наибамъ наслѣдственное имѣніе оставлять женамъ и дѣтямъ убитаго. Но наибы не исполняли приказанія Шамиля, и при содѣйствіи Кази-Мухаммеда, съ которымъ они по-поламъ дѣ-

лились, убивали многихъ, чтобы завладѣть имѣніемъ, и тѣмъ самымъ ослабили власть Шамиля и уронили духъ въ народѣ. Послѣдствіемъ такой мѣры было то, что число мужчинъ уменьшилось, а число женщинъ увеличилось. Настали неурожаи, и разныя болѣзни постигли народъ. Клянусь Богомъ, горцы иногда по десяти дней и болѣе принуждены были отъ голода ѣсть траву, и не смотря на такое свое положеніе, они повиновались Шамилю и его сыну. Наконецъ русскіе вошли со всѣхъ сторонъ въ Дагестанъ. Народъ не зналъ, что дѣлать. Шамиль, не обращая вниманія на подчиненныхъ, сжегъ многія селенія, бѣжалъ на Гунибъ и оставилъ горцевъ, какъ овецъ, разсыпавшихся въ разныя стороны. Гнѣвъ Божій снизошелъ на Шамиля, и Богъ попустилъ его врагамъ завладѣть казною его, драгоцѣнностями и имѣніемъ. Такъ неприлично-же Кази-Мухаммеду упрекать жителей Дагестана, что они поступили такъ, а не иначе, и оставили Шамиля и его семейство безъ всякой помощи. Неужели онъ не стыдится передъ тѣми, которые его очень хорошо знаютъ, такъ говорить и упрекать дагестанцевъ, когда они впродолженіи столькихъ лѣтъ были покорны Шамилю и ему, и такъ храбро сражались за нихъ. Ей-богу, если-бы горцы не были такъ храбры, то дѣти Шамиля теперь жили-бы въ Гимрахъ и занимались тѣмъ-же, чѣмъ занимались предки ихъ: схвативши осла за хвостъ, они гоняли его на плоскость и въ горы—лѣтомъ продавали курагу, а осенью лукъ. Дагестанцы перенесли отъ Кази-Мухаммеда все, что только можетъ перенесть человѣкъ; онъ даже душилъ нѣкоторыхъ своихъ мюридовъ, приближенныхъ и ученыхъ, когда нельзя было убивать ихъ открыто. Если-бы можно было горцевъ вьючить, какъ ишаковъ, и посылать въ лѣсъ за дровами, то это дѣлалъ-бы Кази-Мухаммедъ. Такъ поступалъ онъ и управлялъ народомъ, который, видя расположеніе Шамиля къ нему, боялся жаловаться на него. Что-же касается до его храбрости, то я разскажу одно случившееся въ Дагестанѣ происшествіе. Когда Асланъ-ханъ Казикумухскій прибылъ къ селенію Хосрекъ съ войскомъ, чтобы завладѣть престоломъ своего дяди, Сурхай-хана, который былъ не въ ладахъ съ русскими, то сынъ Сурхай-хана вышелъ съ войскомъ

на встрѣчу Асланъ-хана и сказалъ: «Ей-богу, я не возвращусь съ этого мѣста, пока не умру». И онъ дѣйствительно сражался до-тѣхъ-поръ, пока не былъ убитъ. Отецъ его вышелъ съ войскомъ и шелъ на помощь, но на дорогѣ встрѣтилъ его на носилкахъ, уже убитаго. Ему сказали: «Сынъ твой убитъ». Сурхай-ханъ отвѣчалъ: «Необходимо было такому сыну, какъ онъ, предпочесть жизни смерть, когда онъ видѣлъ, что такой отецъ, какъ я, лишается престола». Потомъ сказалъ несшимъ: «Погребите его», и даже не взглянулъ на лицо убитаго. Вотъ, какова должна быть храбрость! Если-бы въ сердцѣ Кази-Мухаммеда былъ хоть золотникъ храбрости, то онъ не выѣхалъ-бы изъ Караты, но съ обнаженнымъ мечемъ защищалъ-бы входъ въ Карату, пока не былъ-бы убитъ; или принялъ-бы ядъ и умертвилъ-бы себя, или пролилъ-бы хоть каплю крови изъ своего пальца при потерѣ такого государства, своего имамства, и такой казны. Такъ цѣнилъ онъ свою власть и имамство и такова была его храбрость! Онъ былъ очень скупъ. Приведу одинъ случай съ Мухаммедомъ Курдистанскимъ. Изъ Курдистана прибылъ одинъ мугаджиръ, по имени Мухаммедъ. Шамиль очень уважалъ его и давалъ ему все, что нужно для жизни. Во время осады Евдокимовымъ Дарги-Ведено, этотъ Мухаммедъ добровольно вошелъ въ укрѣпленіе, чтобы драться съ русскими. Шамиль отпустилъ изъ своего казначейства 1900 руб. сер. Кази-Мухаммеду и приказалъ раздавать бѣднымъ воинамъ и мугаджирамъ. Кази-Мухаммедъ давалъ по абазу каждому на четыре дня. Мухаммедъ этотъ приходитъ къ Кази-Мухаммеду и говоритъ, что у него нечего ѣсть. Кази-Мухаммедъ спрашиваетъ: «Кончился-ли срокъ»? Курдистанецъ отвѣтилъ, что сроку всего четыре дня, а онъ кормился на этотъ абазъ семь дней. Кази-Мухаммедъ, не размысливъ того, что этотъ странникъ пришелъ издалека, и что если онъ не дастъ, то ему неоткуда будетъ взять, и что притомъ-же онъ за него дерется,—не далъ ему ничего. Курдистанецъ сказалъ ему: «Тебя нельзя порицать, если ты не дашь; потому-что ты не видѣлъ, какъ даютъ султаны, и самъ ты не султанъ; а если дашь, то и хвалить тебя незачто, потому-что обычай султановъ щедро давать». Но Кази-Мухаммедъ все

таки не далъ. Курдистанецъ вышелъ изъ укрѣпленія и пошелъ къ Шамилю. Такова была скупость Кази-Мухаммеда! Дѣти Шамиля въ дѣтствѣ своемъ видѣли ежедневное возрастаніе власти и богатства отца,—какъ это извѣстно всѣмъ. Когда-же они достигли совершенолѣтія, то глаза ихъ не насыщались богатствомъ и славою, роскошью и женщинами. Они завладѣли всѣми сокровищами дагестанскихъ хановъ, даже богатствами грузинскихъ князей, не оставили въ рукахъ храбрыхъ горцевъ никакого хорошаго оружія; собрали со всей Чечни лучшихъ лошадей,—и все это брали, прося въ видѣ подарка, или безвинно убивая, чтобы только завладѣть; а между тѣмъ они и не думали о томъ, какъ живетъ отецъ ихъ, Шамиль, который предпочиталъ хинкалъ изъ кукурузы всѣмъ затѣйливымъ блюдамъ, и когда останавливался купакомъ у наибовъ, то просилъ угощать себя хинкаломъ и калмыцкимъ чаемъ. Но сыновья не довольствовались чуреками изъ чистой пшеницы, а ѣли еще пловъ изъ рису и кромѣ китайскаго чая пили кофе. Они не повиновались Шамилю, какъ прочіе, и очень часто нарушали его приказанія; однако-же отецъ, по своей снисходительности и любви къ нимъ, не наказывалъ ихъ за это, а пропускалъ, какъ будто не замѣчая. Наконецъ, они мюридами, друзьями и помощниками себѣ избрали пѣсенниковъ и иныхъ неблагопадежныхъ людей. Когда Шамиль замѣчалъ имъ это, то они говорили, что это хорошіе люди. Такимъ образомъ наибы подражали въ поступкахъ своихъ дѣтямъ Шамиля, такъ-что весь народъ началъ взывать къ Богу, чтобы онъ избавилъ ихъ отъ тирановъ. И Богъ дѣйствительно услышалъ ихъ молитву. Каждый человѣкъ долженъ прежде замѣчать пороки за собою, потомъ уже за другими; такъ и Кази-Мухаммедъ долженъ-бы взглянуть сначала на себя, а потомъ упрекать горцевъ.

Такимъ образомъ Шамиль долженъ былъ отвѣчать за зло своихъ дѣтей и наибовъ. Но если-бы Шамиль самъ былъ причиною такого зла, то онъ не былъ-бы принятъ такъ благосклонно Императоромъ,—а черезъ него и дѣти его, заслуживающія порицанія, приняты съ почтеніемъ.

Источники доходовъ и причина паденія Шамиля.

Шамиль получалъ большія богатства, выдѣляя себѣ пятую часть изъ добычи, пріобрѣтавшейся на всѣхъ границахъ въ набѣгахъ, производившихся наибами и охотниками. Онъ не имѣлъ никакихъ рудниковъ, откуда могъ-бы добывать золото или серебро. Извнутри онъ имѣлъ небольшіе доходы:

1) *Закатъ* (узаконенный шаріатомъ сборъ):

а) съ хлѣба въ зернѣ ежегодно собиралось въ байтулъ-малъ [20] не менѣе 523,102 мѣръ[21]. (Имѣющіе пятьдесятъ и болѣе мѣръ взносили съ каждыхъ пятидесяти мѣръ по шести).

б) съ овецъ—3200 штукъ. (Со ста овецъ взималась одна овца).

и в) съ денегъ ежегодно поступало въ байтулъ-малъ не менѣе 3200 руб. (Имѣющіе сорокъ рублей и болѣе ежегодно взносили съ каждыхъ десяти рублей по двадцати копѣекъ).

и 2) *Хараджъ* (подать) съ горныхъ кутановъ (пастбищныхъ мѣстъ) и нѣкоторыхъ селеній, которыя таковую прежде платили ханамъ. Такой подати получалось ежегодно не менѣе 4500 руб. сер. Закатъ и подать поставлены здѣсь въ цифрахъ, когда получалось самое меньшее количество; но иногда получалось въ два раза болѣе.

Я былъ при Шамилѣ секретаремъ и велъ счетъ всѣмъ его приходамъ и расходамъ. Самые большіе доходы Шамиля были со стороны Ириба и Уллу-кале, гдѣ жили мугаджиры. Оттуда они дѣлали набѣги на Грузію, Акушу и другія мѣста и изъ добычъ своихъ пятую часть удѣляли Шамилю. Въ $\frac{1269}{1852}$ году, когда была разбита почта около Елисаветополя, доходу было 15,230

---

(20) Байтулъ-малъ тоже, что государственное казначейство.

(21) Одна горская мѣра равна $\frac{5}{6}$ пуда.

руб. серебромъ; въ $\frac{1268}{1851}$ году—1613 руб. сер. и въ $\frac{1267}{1850}$ году—1000 руб. сер. Эти доходы съ каждымъ годомъ увеличивались и богатства Шамиля постоянно возрастали. Но подъ-конецъ русскіе, въ особенности охотники, начали занимать выходы, сначала на Лезгинской линіи, откуда однажды, въ $\frac{1271}{1854}$ году, изъ ста мугаджировъ возвратился только одинъ, вслѣдствіе чего прекратились набѣги на Джаро-белоканскій округъ, Ширванъ, Шеки и другія мѣста Южнаго Дагестана. Мугаджиры усилили тогда набѣги со стороны селенія Оглы на Цудахаръ, Даргинскій округъ, Акушу и другія восточныя мѣста, откуда также получали много добычи. Но въ $\frac{1269}{1852}$ году въ Кутишахъ было поставлено войско, построены башни, заняты выходы, и не только мюриды и мугаджиры перестали дѣлать набѣги, но часто и ихъ стада были отбиваемы храбрымъ кутишинскимъ начальникомъ, котораго они боялись. Нѣкоторые мугаджиры изъ Уллу-кале разбѣжались, иные были схвачены и подъ-конецъ ихъ осталось тамъ немного. Когда такимъ образомъ всѣ выходы для набѣговъ со стороны Чечни, Дагестана и Лезгинской линіи были заняты, то пограничный доходъ Шамиля прекратился. Имѣнія наибовъ начали уменьшаться. Горцы, по привычкѣ, начали грабить другъ друга, началась междоусобная вражда. Пошли въ ходъ доносы и насиліе. Наибы потворствовали такому безпорядку, потому-что имѣли случай пользоваться чужимъ имѣніемъ, наказывая виновныхъ и невиновныхъ по разнымъ несправедливымъ доносамъ. Часто изъ своихъ корыстныхъ видовъ они приказывали умерщвлять людей. Поэтому очень много челобитчиковъ стало приходить къ Шамилю, жалуясь на несправедливость наибовъ. Но наибы съ своей стороны употребили хитрость: они упросили Шамиля, чтобы для поддержанія уваженія къ наибамъ, онъ не принималъ жалобъ отъ тѣхъ, у которыхъ не будетъ бумаги отъ наиба. И Шамиль поддался ихъ гнусному обману. Наибы стали послѣ того походить на голодныхъ волковъ, которые съ жадностію растерзываютъ дѣтей своихъ. Народъ прибѣгалъ съ жалобами къ Шамилю, но онъ выслушивалъ только тѣхъ, которые имѣли бумаги отъ наибовъ. Понятно, что

наибъ никогда не давалъ бумаги тому, кого онъ самъ притѣснялъ. Горцы съ каждымъ днемъ безсилѣли и бѣднѣли; имъ уже надоѣло сражаться и они говорили: «Для насъ все равно, что-бы ни происходило на свѣтѣ». Сначала народъ, а потомъ и сами наибы начали вести переговоры съ пограничными русскими начальниками, которые ласково принимали ихъ и дѣлали имъ щедрые подарки. Шамиль-же не зналъ о такой низости наибовъ и вполнѣ полагался на нихъ. Такимъ образомъ власть Шамиля была уничтожена коварствомъ и измѣною наибовъ и его приближенныхъ, русскимъ войскомъ и золотомъ.

БЫВШЕЕ ЕЛИСУЙСКОЕ СУЛТАНСТВО *).

I.

Предѣлы султанства. Очеркъ заселенія грузинскихъ провинцій лезгинами и образованія Елисуйскаго султанства. Народныя сказанія и историческія свѣдѣнія о метрополіи султанства—Цахурскомъ владѣніи и о султанахъ.

Елисуйское султанство состояло изъ двухъ частей: Цахурскаго владѣнія, впослѣдствіи «Горный магалъ», входившаго въ составъ дагестанскихъ земель и заключавшаго въ своихъ предѣлахъ Цахуръ и окрестныя селенія, по долинѣ р. Самура, и изъ собственно Елисуйскаго султанства, занимавшаго пространство къ югу отъ Цахурскаго владѣнія (отъ котораго отдѣлялось главнымъ хребтомъ), до рр. Капычая, Алазани, Айри-чая и Кошка-чая.

Въ означенныхъ предѣлахъ считалось 2100 кв. верстъ и 21 т. душъ муж. пола.

*) Источники: 1) Обозрѣніе Россійскихъ владѣній за Кавказомъ въ статистическомъ, этнографическомъ, топографическомъ и финансовомъ отношеніяхъ. Спб. 1836 г. Часть I.

2) Очерки Елисуйскаго ущелья. Кавказъ. 1866 г. №№ 67, 68 и 70.

3) Очерки Закатальскаго округа. Кавказскій календарь 1866 г.

4) Природа и люди Закатальскаго округа. «Сборникъ свѣд. о кавк. горцахъ», вып. IV, 1870 года.

5) Журналы Закатальской сословно-поземельной коммисіи съ 1869 года и до послѣдняго времени.

6) Записка о бывшихъ Елисуйскихъ султанахъ, доставленная составителю настоящей статьи предсѣдателемъ Закатальской сословно-поземельной коммисіи.

7) Акты Кавказской археографической коммисіи, въ четырехъ томахъ, а также приготовленные къ изданію въ слѣдующемъ V томѣ.

8) Архивныя дѣла Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго и Кавказскаго Горскаго Управленія.

Пространство къ югу отъ главнаго хребта, какъ по народнымъ сказаніямъ, такъ и по историческимъ свѣдѣніямъ Грузіи, въ древнее время принадлежало грузинскому царству. Господствующимъ населеніемъ здѣсь были грузины, православнаго исповѣданія, отъ періода владычества которыхъ остались и досихъ-поръ развалины храмовъ и монастырей.

Кромѣ грузинъ на этомъ пространствѣ жили также мугалы, которыхъ одни считаютъ потомками монголовъ, оставшихся, по разнымъ случаямъ, со времени передвиженія ихъ полчищъ черезъ Кавказскій перешеекъ; другіе-же (докладная записка генералъ-маіора князя Меликова 1855 г. № 142)—переселенцами изъ нынѣшнихъ мусульманскихъ провинцій Закавказскаго края, водворившимися на свободныхъ земляхъ, когда послѣднія уже принадлежали лезгинамъ.

Въ половинѣ XV столѣтія грузинскій царь Георгій VIII раздѣлилъ Грузію между своими сыновьями на три царства: Кахетію, Карталинію и Имеретію; изъ нихъ Кахетинское—въ административномъ отношеніи также раздѣлено было на три эриставства: Кахетинское, Джарское и Курмухское (Кахское); въ составъ послѣдняго входило все пространство образовавшагося потомъ къ югу отъ главнаго хребта Елисуйскаго султанства.

Вслѣдствіе такого раздѣленія, Грузія не въ состояніи была разъединенными силами противодѣйствовать вторженіямъ персіанъ и турокъ, съ юга, и лезгинъ, опустошавшихъ особенно Джарскую и Кахскую провинціи,—съ сѣвера.

Живя въ ущельяхъ сѣверныхъ скалистыхъ отроговъ главнаго Кавказскаго хребта, въ мѣстности суровой по климату и крайне-бѣдной естественными произведеніями, лезгины не могли не обратить вниманія на богатство природы сосѣднихъ провинцій Джарской и Кахской, которое, посредствомъ небольшого труда одного только мѣстнаго населенія, обезпечило-бы, съ избыткомъ, всѣ ихъ потребности, и, не встрѣчая со стороны туземцевъ сильнаго противодѣйствія, утвердили надъ ними свое владычество; спустя короткое время грузины этихъ провинцій принуждены были оставить свою религію, приняли магометанство и, съ этого времени, стали называться ингелойцами (новообращенными).

По всей вѣроятности, такимъ именно путемъ совершилось занятіе лезгинами Джарской и Кахской грузинскихъ провинцій. По-крайней-мѣрѣ предположеніе это въ своемъ основаніи не про-

тиворѣчитъ ни, излагаемымъ ниже, народнымъ сказаніямъ лезгинъ, ингелойцевъ и мугалъ, ни свѣдѣніямъ, собраннымъ въ прежнее время лицами, интересовавшимися этимъ вопросомъ. Такъ, полковникъ Коцебу, въ составленныхъ имъ въ 1826 году статистическихъ свѣдѣніяхъ *), говоритъ, что народы, жившіе за первымъ снѣговымъ хребтомъ, извѣстные подъ общимъ именемъ *глуходаръ* (человѣкъ съ открытой грудью), примѣненномъ къ ихъ нищенскому состоянію отъ крайней скудности произведеній ихъ земли, приходили для заработковъ въ Кахетію. Грузины занимали ихъ самыми тяжелыми работами. Съ увеличеніемъ населенія въ горахъ, рабочихъ стало являться больше, чѣмъ было ихъ нужно, и, остававшіеся безъ работы, для удовлетворенія своего голода, обращались къ воровству и разбоямъ. Мало-по-малу хищничество глуходаръ усилилось до того, что, не смотря на потребность въ рабочихъ, кахетинцы рѣшились вовсе запретить имъ спускаться на плоскость. Тогда горцы, вынужденные бѣдностью и голодомъ, стали вторгаться въ Кахетію значительными вооруженными партіями; впослѣдствіи они пригласили къ себѣ сосѣднихъ жителей Дагестана и вмѣстѣ съ ними дѣлали въ Кахетіи страшныя опустошенія. Нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ кахетинцами надъ глуходарами, не могли имѣть выгодныхъ результатовъ, потому-что послѣдніе, въ случаѣ неудачи, всегда имѣли обезпеченное отступленіе въ свои неприступныя жилища, по привычнымъ для нихъ горнымъ тропинкамъ. Неизвѣстно, какъ долго длилась эта борьба, но послѣднимъ ея актомъ были рѣшительная побѣда глуходаръ надъ соединенными силами кахетинскаго царя и господство надъ $^2/_3$ Кахетіи, именно надъ Джарской и Елисуйской провинціями. Для большаго удобства управленія завоеваннымъ народомъ и, въ случаѣ надобности, защиты его, лезгины построили селенія при каждомъ выходѣ изъ ущелья къ югу отъ главнаго хребта, раздѣлились на пять обществъ, причислили къ каждому изъ нихъ соразмѣрное число подвластныхъ селеній, свои-же объявили владѣльческими.

Маіоръ Каргановъ, въ составленной имъ въ 1831 году запискѣ «Краткое свѣдѣніе о Чарской области», относительно заселенія лезгинами пространства къ западу отъ Елисуйскаго султанства, высказываетъ, что джарскіе лезгины вышли изъ Аваріи, по приглашенію грузинъ, и поселились въ Джарской провинціи, принявъ на себя защиту этой богатой грузинской

*) Дѣло Закатальскаго окружного управленія 1864 г. № 54. Часть III.

страны отъ своихъ соплеменниковъ. По ослабленіи-же Кахетіи персіанами и турками, они сами стали господствовать надъ туземнымъ населеніемъ и съ этого времени называться джарами («джары» — по-грузински войско).

Мусульманское владѣніе, образовавшееся въ Джарской провинціи, состояло изъ пяти обществъ (джарское, белоканское, и др.), имѣвшихъ одинаковое устройство; они управлялись избранными старшинами; важныя дѣла рѣшались въ каждомъ обществѣ на народныхъ собраніяхъ; дѣла, относившіяся до всѣхъ обществъ, рѣшались на съѣздахъ ихъ представителей. Болѣе могущественнымъ, и слѣдовательно вліятельнымъ при рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ, было джарское общество, вліяніе котораго, какъ увидимъ ниже, распространилось и на Елисуйское султанство.

Другая грузинская провинція, Кахская, занята была преимущественно цахурскими лезгинами и потому управленіе въ этой лезгинской колоніи сложилось по образцу, какой лезгины имѣли у себя въ Цахурскомъ владѣніи, и сдѣлалось для метрополіи и колоніи общимъ.

Подробныя историческія свѣдѣнія о древнемъ періодѣ Цахурскаго владѣнія и о переселеніи лезгинъ въ Елису имѣлись у султановъ Цахура, въ видѣ лѣтописей; но письменныя эти свѣдѣнія уничтожены приверженцами послѣдняго Елисуйскаго султана, Даніель-бека, послѣ бѣгства его въ 1844 году къ Шамилю. Поэтому, нѣкоторыя историческія данныя о Цахурскомъ владѣніи и его правителяхъ приходится заимствовать преимущественно изъ тѣхъ народныхъ сказаній, которыя не представляютъ рѣзкихъ несообразностей.

По преданію, первоначально весь цахурскій народъ, главнымъ населеннымъ пунктомъ котораго было сел. Цахуръ, составлялъ вольную общину. Впослѣдствіи, для поддержанія порядка, избранъ былъ изъ среды народа правитель; при избраніи послѣдующихъ правителей начались большіе безпорядки; народъ раздѣлился на тохумы (общины), которые, будучи между собою равносильны и равноправны, старались избирать правителя каждый изъ своего тохума; вслѣдствіе этого между общинами открылась сильная вражда. Желая положить конецъ раздорамъ, народъ рѣшилъ избирать правителей изъ среды, которой-бы были-бы одинаково близки или чужды интересы всѣхъ партій. Такимъ обра-

зомъ стали избирать правителей изъ бековъ, не принадлежавшихъ общинамъ и не имѣвшихъ съ ними участія въ пользованіи общинной землей, но проживавшихъ частными людьми въ Цахурѣ, куда они пришли изъ не существующаго нынѣ горнаго селенія Хицъ, будучи изгнанными народомъ.

Цахурскіе правители избирались лезгинами только изъ числа бековъ. Въ началѣ избраніе производилось въ Цахурѣ, потомъ въ сел. Елису.

По сказанію цахурскихъ жителей *), перенесеніе резиденціи въ Елису совершилось по слѣдующему обстоятельству. Получивъ доступъ къ управленію народомъ, пришельцы—беки—стали важничать и производить разныя безчинства, такъ-что выведенный изъ терпѣнія народъ рѣшилъ перебить всѣхъ бековъ съ женщинами и дѣтьми. Это было въ началѣ XVII стол. Замыселъ былъ исполненъ; но спаслась одна беременная бекская женщина, бывшая въ то время въ гостяхъ, въ сел. Мыхыхъ. Она бѣжала въ Елису, гдѣ и родила сына. Когда послѣдній подросъ, народъ, въ томъ числѣ и цахурцы, избралъ его въ правители подъ именемъ Али-бека I. Съ этихъ поръ цахурскіе правители стали жить въ Елису и называться султанами.

Съ утвержденіемъ другихъ предпріимчивыхъ и воинственныхъ лезгинскихъ обществъ въ Джарской провинціи, вліяніе ихъ начало распространяться и на Елисуйскихъ султановъ; вліяніе это особенно отражалось при избраніи или смѣнѣ послѣднихъ. Претенденты дарили джарцамъ иногда все свое состояніе, такъ-какъ поддержка ихъ имѣла рѣшительное значеніе.

Впрочемъ, по показанію жителей елисуйскихъ селеній, джарцы только одинъ разъ серьезно вмѣшались въ избраніе султана, употребивъ при этомъ насиліе, именно въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія. Султаномъ былъ Ханъ-Баба-бекъ. Когда народъ смѣнилъ его и избралъ Ахмедъ-хана, первый, поддерживаемый своей слишкомъ слабой партіей, обратился за помощью къ джарцамъ. Произошло сраженіе между приверженцами Ахмедъ-хана и, усиленной джарцами, партіей Ханъ-Баба-бека. Послѣдній побѣдилъ и сдѣлался султаномъ. Тогда Ахмедъ-ханъ обратился къ русскимъ, утвердившимся въ Грузіи, и, при ихъ посредствѣ, снова былъ назначенъ султаномъ.

---

*) Сказанія цахурскихъ жителей по этому предмету нѣсколько разногласятъ съ кахскими (см. гл. II).

Послѣ этого прекратились уже народные выборы султановъ и достоинство это сдѣлалось потомственнымъ въ родѣ Ахмедъ-хана.

О значеніи и правахъ по управленію цахурскихъ владѣтелей и елисуйскихъ султановъ народныя сказанія разныхъ обществъ не представляютъ противорѣчій; по преданію, правители и султаны, до вступленія ихъ въ подданство Россіи, не имѣли особенной власти. Вся ихъ обязанность заключалась въ томъ, чтобы, въ случаѣ преступленія кого-либо изъ лезгинъ, собирать джамаатъ (сходку старѣйшинъ), который опредѣлялъ наказаніе виновному; словомъ, правитель игралъ только роль старшины, но не одного селенія, а цѣлаго народа.

По утвержденіи-же власти лезгинъ на южныхъ склонахъ главнаго хребта, правители пріобрѣли надъ мѣстнымъ населеніемъ, мугалами и ингелойцами, большую власть.

Относительно поземельныхъ и имущественныхъ правъ правителей и султановъ, народное сказаніе говоритъ, что они пользовались доходами только съ указанныхъ имъ земель. Съ занятіемъ Кахской провинціи, они стали получать въ видѣ жалованья доходы съ покореннаго селенія Кахъ; впослѣдствіи, когда лезгины заняли деревни Алибегло и Мешабашъ, коренные жители послѣднихъ, ингелойцы, подведены были подъ общую категорію съ кахцами, т. е. поступили въ составъ султанскихъ удѣльныхъ имѣній; съ лезгинъ-же доходовъ, въ видѣ налоговъ или податей, султаны не получали; напротивъ, они сами иногда, вмѣсто назначенія жалованья, предоставляли вліятельнымъ лезгинамъ доходы съ части своихъ населенныхъ имѣній.

Первыя документальныя свѣдѣнія о метрополіи Елисуйскаго султанства мы имѣемъ въ грамотахъ персидскихъ шаховъ и турецкихъ султановъ, на имя бывшихъ цахурскихъ владѣтелей, признававшихъ власть шаха или султана, смотря потому, кто изъ нихъ утверждалъ свое господство въ Грузіи.

Грамотой отъ 1562 года, шахъ Тохмасъ I, заявляя, что цахурскій владѣтель Ади-Куркулу-бекъ состоитъ въ числѣ преданнѣйшихъ ему слугъ, повелѣвалъ, въ ознаменованіе своей монаршей милости, чтобы никто изъ должностныхъ лицъ въ грузинскомъ царствѣ не имѣлъ прикосновенія къ землямъ, подвѣдомственнымъ

цахурскому владѣтелю. Въ числѣ этихъ земель поименованы селенія, расположенныя въ юго-западныхъ предѣлахъ Кахской провинціи: Бабало, Шатоваръ и Караганъ *).

Спустя 30 лѣтъ, тотъ-же владѣтель получилъ отъ турецкаго султана грамоту на укрѣпленіе за нимъ, Ади-Куркулу-бекомъ, на правахъ очажества (потомственно-леннаго владѣнія), два подгорныхъ селенія, Кахъ и Мешабашъ.

Въ 1601 году совершилось нашествіе на Грузію и утвержденіе въ ней господства шаха Аббаса I. Данная въ это время шахомъ грамота на имя сына Ади-Куркулу-бека, Али-султана, заключаетъ въ себѣ повтореніе сказаннаго въ грамотѣ Тохмаса I—1562 г.

Въ 1609 году турецкій султанъ Османъ-ханъ II, фирманомъ на имя Али-султана цахурскаго, утвердилъ за нимъ на правахъ очажества, сс. Кахъ, Мешабашъ, Зарна, Лявитъ, Кумъ и Алагезъ (вѣроятно, Али-бегло).

Изъ этихъ грамотъ можно заключить: 1) цахурскіе владѣтели уже въ XVI столѣтіи господствовали въ странѣ, составлявшей грузинскую Кахскую провинцію; впрочемъ, грузинскій географъ XVIII столѣтія царевичъ Вахушта объясняетъ, что въ періодъ нашествія на Грузію шаха Аббаса бывшій въ Кахѣ грузинскій эриставъ Али-бекъ измѣнилъ своему царю, принялъ мусульманскую религію и отправился къ шаху, назначившему его султаномъ въ управляемой имъ провинціи. Такимъ образомъ, по сказанію Вахушты, Али-бекъ положилъ начало владычеству и фамиліи султановъ; онъ-же принялъ титулъ Елисуйскаго, по имени селенія, въ которое перенесъ свою резиденцію изъ сел. Кахъ;

2) цахурскіе владѣтели, завоевывавшіе Кахскую провинцію, по всей вѣроятности, постепенно, и, по географическому положенію своего основного владѣнія, не зависѣвшіе отъ прямого вліянія на нихъ шаха и султана, заискивали у послѣднихъ утвержденія своихъ правъ на завоеванныя ими грузинскія земли. Такое утвержденіе они и получали въ видѣ упомянутыхъ грамотъ, такъ-какъ въ расчетахъ и султана, и шаха, было поддерживать и усиливать цахурскихъ владѣтелей, которые въ свою очередь могли оказать имъ существенную поддержку въ дѣйствіяхъ противъ Грузіи.

Такъ, уже въ 1632 году, шахъ Сефи, утвердившій особой грамотой отъ 1627 года за Мамедъ-ханомъ цахурскимъ всѣ тѣ

*) Достовѣрность наименованія ихъ въ грамотѣ подлежитъ сомнѣнію. См. главу II.

земли въ Грузіи, которыя утверждались за его предками фирманами прежнихъ персидскихъ шаховъ, пожелалъ воспользоваться услугами Мамедъ-хана, предписавъ ему «опустошить и разорить Грузію, ибо царь Теймуразъ очернилъ себя (вѣроятно, сношеніями съ Россіей) и на его мѣсто грузинское царство предоставлено Рустемъ-хану».

Въ грамотѣ 1642 г. шаха Аббаса на имя Халиль-бека, сына цахурскаго владѣтеля Мамедъ-хана, говорится: «... въ ознаменованіе царской нашей милости, владѣніе цахурское, на такомъ-же основаніи, какъ оно было во владѣніи Мамедъ-хана, жалуемъ его сыну, Халиль-беку, въ тіуль (domaine, donné en usufruit), назначаемъ ему въ жалованье 155 тумановъ тавризскихъ, производившихся его отцу, и повелѣваемъ, чтобы ширванскіе должностные лица признавали цахурское владѣніе его тіулемъ и не оставляли производить ему означенное содержаніе».

Въ 1695 году шахъ Гусейнъ пожаловалъ цахурскому владѣтелю Али-султану грамоту на званіе владѣтеля и кафтанъ.

Въ другой грамотѣ отъ 1701 года, извѣщая его-же о движеніи 60,000 русскихъ на шамхала тарковскаго, предлагалъ, «по соглашенію съ шамхаломъ, если со стороны русскихъ замѣчено будетъ непріязненное движеніе, приступить къ истребленію этого проклятого племени».

Въ 1722 г., фирманомъ султана цахурское владѣніе утверждалось «за опытнымъ, храбрымъ и благочестивымъ эмиромъ Дагестана Али-султаномъ».

Грамотой Ибрагимъ-хана, племянника Надиръ-шаха, отъ 1747 г., Цахурское владѣніе утверждалось за Ахмедъ-ханомъ.

Исчисленныя грамоты сохранились въ фамиліи елисуйскихъ султановъ и по наслѣдству перешли къ послѣднему султану Даніелю, который предъявилъ ихъ русскому правительству *). По всей вѣроятности, онъ скрылъ нѣкоторыя изъ грамотъ, и именно тѣ, которыми обнаруживалась какая-либо особая зависимость прежнихъ султановъ отъ Грузіи, Персіи или Турціи, какъ компрометирующія значеніе султановъ.

*) Въ числѣ 35, изъ которыхъ прочія не имѣютъ для настоящей статьи интереса.

II.

Селенія, входившія въ составъ Елисуйскаго султанства. Происхожденіе ихъ. Отношенія къ султанамъ и бекамъ.

Селенія, составлявшія султанство, находились къ своему правителю въ различныхъ отношеніяхъ, сложившихся обычаемъ или установленныхъ, окрѣпшею подъ русскимъ господствомъ, властью султана.

Представляя краткія свѣдѣнія, по народнымъ сказаніямъ, о происхожденіи каждаго селенія, о степени установившейся зависимости и особенныхъ хозяйственныхъ условіяхъ ихъ быта, считаемъ нужнымъ оговориться, что всѣ нижеприводимыя цифровыя данныя взяты изъ періода наибольшаго развитія власти султановъ, именно съ 1830—1845 гг.

По степени зависимости, всѣ селенія можно раздѣлить на три группы:

1) подчинявшихся султану какъ правителю, но ни къ кому въ обязательныхъ отношеніяхъ не состоявшихъ;

2) обязанныхъ взносомъ податей и исполненіемъ разныхъ повинностей въ пользу султана, и

3) поступившихъ, по разнымъ случаямъ, подъ власть бековъ.

Къ первой группѣ принадлежатъ селенія, въ которыхъ жили исключительно лезгины, какъ по сѣверную сторону главнаго хребта, такъ и по южную, гдѣ лезгины утвердились въ занятыхъ или вновь основанныхъ ими селеніяхъ, преимущественно въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

Всѣ земли, принадлежавшія лезгинамъ, были сперва въ общественномъ пользованіи народа, нераздѣльномъ между обществами селеній. Съ увеличеніемъ-же числа дворовъ, такой порядокъ пользованія землей оказался неудобнымъ и потому лезгины, въ началѣ XVIII ст., раздѣлились на четыре группы: Цахурскую, Елисуйскую, Карадулакскую и Сувагильскую, подѣливъ между ними, съ общаго согласія, и земли, для пользованія обществами селеній каждой группы. При этомъ Цахурской группѣ отдѣлены были земли по р. Самуру и кромѣ того на южной сторонѣ главнаго хребта—ущелья Зарна и Лякитъ; Елисуйской и Карадулакской группамъ—ущелья Сарыбашъ, Елису и Кошкачай, и Сувагильской—ущелье того-же имени и Кумское.

Цахурскую группу составляли:

селенія:	Цахуръ	107	дворовъ.
	Хіяхъ	25	—
	Сюгютъ	20	—
	Муслякъ	120	—
	Мыхыхъ	50	—
	Гильмисъ	90	—
	Курдулъ	46	— и

колоніи Цахура, бывшія долгое время въ тѣсной связи съ своей метрополіей:

сел.	Зарна	109	дворовъ.
	Лякитъ	125	—
	Лякитъ-Малахъ . .	15 *)	—

Главнымъ и древнѣйшимъ изъ названныхъ селеній считается Цахуръ, существующій, по преданію, 18 столѣтій. Въ началѣ въ немъ было до 2000 дворовъ; съ увеличеніемъ числа ихъ, часть семействъ должна была, по недостатку мѣста для нихъ въ Цахурѣ, занять другой пунктъ, на которомъ основано ими сел. Хіахъ, и эмигрировать на южные склоны главнаго хребта. Сел. Сюгютъ основано цахурцами-же, но позднѣе, именно въ XVII ст. Остальныя селенія, по показанію жителей, также древни и всегда пользовались одинаковыми съ Цахуромъ правами.

Въ Цахурской группѣ населеніе состояло исключительно изъ лезгинъ, свободныхъ и равноправныхъ; въ обязательныхъ отношеніяхъ къ своему правителю и впослѣдствіи къ елисуйскому султану, по взносу податей или исполненію повинностей, они не были.

Жившіе въ давнее время въ Цахурѣ беки не имѣли ника-

---

*) Въ настоящее время число дворовъ въ каждомъ изъ названныхъ, собственно цахурскихъ, селеній вдвое меньше считавшихся даже въ сравнительно недавнее время. Такое уменьшеніе населенія объясняется слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ 1852 году, по политическимъ и военнымъ соображеніямъ, признано было необходимымъ все населеніе бывшаго Горнаго магала (Цахурскаго владѣнія) переселить въ Закатальскій округъ, съ воспрещеніемъ перекочевывать въ горы, даже на лѣто. Для новаго водворенія, имъ отведены были селенія Елисуйскаго наибства, и для пользованія—участки земли, бывшіе въ распоряженіи казны. Послѣ восьмилѣтняго пребыванія въ Закатальскомъ округѣ, небольшая часть навсегда осталась въ указанныхъ селеніяхъ; значительная часть, отъ непривычки къ мѣстному климату, вымерла и только половина изъ числа выселенныхъ воспользовалась въ 1860 году разрѣшеніемъ возвратиться на прежнія мѣста жительства.

ного значенія. Беки были также и въ сел. Мыхыхъ. Съ перенесеніемъ-же резиденціи султановъ въ Елису, переселились туда и всѣ бекскія фамиліи изъ Цахура и Мыхыха. Главнымъ промысломъ цахурскихъ лезгинъ, по мѣстнымъ условіямъ, всегда было скотоводство и, главнымъ его видомъ, овцеводство. Только поселившіеся въ сел. Зарна, Лякитъ и Лякитъ-Малахъ обратились и скоро привыкли къ другому промыслу—хлѣбопашеству и также шелководству. Поэтому цахурскіе лезгины, допустивъ, по раздѣлѣ земли по группамъ, еще раздѣлъ пастбищныхъ мѣстъ между своими старѣйшими селеніями, никогда не допускали выдѣла какой-либо части ихъ въ личную собственность. Всѣ лѣтнія пастбища считались собственностью каждаго селенія, за исключеніемъ сел. Хіахъ и Сюгютъ, которыя, какъ выселки, отдѣльныхъ пастбищъ для себя не получили; первому отведены были для этого мѣста у елисуйцевъ; сюгютцы-же имѣли пастбища общія съ цахурцами.

По бѣдности лѣсныхъ дачъ, цахурцы всегда дорожили ими и также съ давняго времени признали ихъ общественною собственностью, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ рощъ, которыя насажены были частными лицами. Для хлѣбопашества разработывались покатости горъ, защищаемыя отъ холодныхъ вѣтровъ сѣверными склонами; но урожай всегда былъ бѣденъ (самъ 3) и потому жители на доходъ отъ посѣвовъ не расчитывали.

Съ занятіемъ Кахской провинціи и съ раздѣленіемъ занятыхъ земель между лезгинскими группами, цахурцамъ отведено было, между прочимъ, пространство, на которомъ выходцы ихъ основали сел. Малахъ; затѣмъ, лѣтъ 150 назадъ, Зарна, и, 50 лѣтъ позже, сел. Лякитъ-Малахъ. Поэтому и земли этихъ селеній также входили въ составъ бывшихъ въ общественномъ пользованіи всей Цахурской группы. Цахурцы спускались на плоскость временно, только для обработки земель; впослѣдствіи-же нѣкоторые изъ нихъ остались тамъ на постоянное жительство.

Жаркій климатъ, съ которымъ свыклись поселенцы Зарна и обоихъ Лякитовъ, оказывался невыносимымъ для горцевъ, и потому послѣдніе условились съ своими соплеменниками, окончательно водворившимися въ названныхъ селеніяхъ, раздѣлить всѣ свои общественныя земли окончательно, оставивъ горы въ неприкосновенномъ владѣніи цахурцевъ, а плоскостныя земли—въ такомъ-же владѣніи ихъ выходцевъ.

По показанію жителя сел. Лякитъ, мугала, Абдулъ-Шери-

фа Гаджи-оглы, Цахуръ разошелся съ названными своими колоніями только въ недавнее время, именно при султанѣ Ахмедъ-ханѣ: Недовольный на сел. Зарна и Лякитъ за оказанное ему непослушаніе, султанъ обвинилъ ихъ въ неповиновеніи русскому правительству и пригласилъ войско, которое, для экзекуціи, расположилось лагеремъ вблизи селеній. Тогда, для удаленія русскихъ, жители рѣшились дать султану взятку въ 2 т. руб., предложивъ участвовать въ составленіи этой суммы и своимъ землякамъ цахурцамъ. Послѣдніе отказались. Съ этого времени прекратились и существовавшія между ними братскія отношенія. Тогда-же было рѣшено, съ заключеніемъ письменнаго условія: цахурцамъ не пользоваться землями на плоскости, лякитцамъ и зарнинцамъ—въ горахъ.

Ранѣе прочихъ лезгинами на плоскости заняты или основаны были селенія, составившія потомъ, при раздѣлѣ земель, Елисуйскую и Карадулакскую группы:

Сарыбашъ	149	дворовъ.
Елису	321	—
Ахчай	35	—
Кошкачай	100	—
Юхари-Малахъ	17	—
Ушаги-Малахъ	44	—
Амбарчай	64	—

Изъ нихъ жителямъ Сарыбаша, при послѣднемъ султанѣ, также отдѣлены были, по ихъ желанію, земли въ особое отъ прочихъ обществъ пользованіе.

По преданію, мѣстность, занятая названными селеніями, на которой въ давнее уже время существовало сел. Кахъ, была большею частью покрыта лѣсомъ. Открытыя мѣста были вначалѣ заняты самими лезгинами; лѣсныя-же — предоставлены переселившимся изъ другихъ пунктовъ.

Селенія Сарыбашъ и Елису, какъ видно и по географическому ихъ положенію, были первыми пунктами, основанными лезгинами при занятіи Кахской равнины.

Съ увеличеніемъ населенія, часть елисуйскихъ лезгинъ основала Ахчай и, затѣмъ, перешла въ Кошкачайское ущелье. Здѣсь первые поселенцы избрали мѣста особо для лѣтняго и осо-

бо для зимняго пребыванія. Первое назвали Кошкачай, второе —Амбарчай.

Амбарчай долгое время состоялъ изъ однихъ хуторовъ, пока, уже въ недавнее время, нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей, акклиматизировавшись, перестали уходить на лѣто въ Кашкачай. Земля въ обоихъ селеніяхъ раздѣлена была подворно и составляла собственность владѣльцевъ. Владѣвшіе землей въ обоихъ селеніяхъ оставили за собой тѣ участки, при которыхъ остались на жительствѣ; другіе-же продали или уступили ихъ на разныхъ условіяхъ. Селенія Юхари-Малахъ и Ушаги-Малахъ устроены лѣтъ 150 назадъ, по преданію, выходцами изъ Кубы и Ширвана, съ согласія и по приглашенію лезгинъ. Трудолюбіе, наклонность къ земледѣлію и несходство языка ихъ съ кайтагскимъ (цахурскихъ лезгинъ) подтверждаютъ народное преданіе. Въ составѣ прочихъ селеній входили преимущественно лезгины.

Бекскихъ семействъ было: въ Елису 2, въ Ахчаѣ 9, въ Кошкачаѣ 1 и въ Амбарчаѣ 9; по всей вѣроятности, они получили земли отъ султановъ, съ которыми перешли въ Кахскую провинцію.

Мугалы, въ числѣ 5 семействъ, были только въ Амбарчаѣ.

Изъ селеній Елисуйской и Карадулакской группъ, въ зависимыхъ отношеніяхъ къ султану было сел. Елису и только въ томъ, что выставляло 24 нукеровъ.

Овцеводство издревле составляло главный промыселъ лезгинъ описываемыхъ селеній. Какъ зимнія, такъ и лѣтнія пастбища ихъ входили въ составъ прочихъ, принадлежавшихъ всему цахурскому народу; впослѣдствіи-же, по раздѣлѣ земель, они отдѣлены были въ пользованіе Елисуйской и Карадулакской группъ. Лѣтомъ для пастьбъ занимались горныя мѣстности; зимой—долины къ югу отъ р. Айри-чая, перешедшія, въ недавнее уже время, въ собственность бековъ.

Земледѣліемъ въ значительныхъ размѣрахъ занимались только жители селенія Малахъ, рѣзко отличающіеся этимъ промысломъ отъ прочихъ лезгинъ.

Пашни составляли всегда собственность семействъ, предки которыхъ заняли ихъ въ давнее время и расчистили для этого извѣстные участки, или пріобрѣли ихъ покупкой. Лѣса въ предѣлахъ описываемыхъ группъ всегда были въ безусловномъ общественномъ пользованіи.

Сувагильскую группу составляли:

селенія:	Башъ-Сувагиль. . . .	153 двор.
	Касъ	25 —
	Каркай.	30 —
	Калалу	40 —
	Азъ-Гюллю (Азгилли).	20 —
	Джинджимахъ.	15 —
	Котукло	20 —
	Кумъ	200 — и
поселокъ	Сапунчи	5 —

Тѣмъ-же порядкомъ и съ тою-же цѣлью, какъ устроены были первыя селенія прочихъ группъ, лезгины основали селенія: Башъ-Сувагиль и затѣмъ Касъ, Каркай, Калалу и Кумъ.

Жители сел. Джинджимахъ, Азъ-Гюллю и часть Калалу считаютъ себя выходцами изъ сел. Калалъ, Самурскаго округа, откуда предки ихъ перешли сперва въ Цахуръ и потомъ, по указанію цахурцевъ, къ горѣ Нахчихой, образовавъ названныя селенія.

Сел. Котукло существуетъ всего около 70 лѣтъ и основано выходцами изъ Сувагиля и сосѣднихъ селеній той-же группы.

Поселокъ Сапунчи, въ настоящее время не существующій, состоялъ изъ пяти дворовъ, нанимавшихъ землю у кумскихъ собственниковъ; откуда они явились и по какому случаю бросили занятое мѣсто, достовѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ.

Все населеніе Сувагильской группы состояло изъ лезгинъ, за исключеніемъ сел. Кумъ, гдѣ водворилось 35 семействъ мугалъ, съ давнихъ поръ имѣющихъ одинаковыя съ лезгинами права по владѣнію и пользованію землей и лѣсомъ.

По отношенію къ султану описываемыя селенія въ особой зависимости не были; бековъ у себя не имѣли.

Овцеводство и въ Сувагильской группѣ служило важнѣйшимъ промысломъ. Земледѣліемъ въ значительныхъ размѣрахъ занимались жители сел. Котукло и особенно Кумъ. Обработанныя поля составляли, какъ и въ селеніяхъ другихъ группъ, частную собственность, но въ сел. Кумъ, пользованіе ими, въ видахъ нестѣсненія другихъ и развитія этого промысла, ограничивалось нѣкоторыми постановленіями обычая.

Въ сел. Кумъ развито было и шелководство.

Лѣсъ составлялъ всегда общественное достояніе.

Къ селеніямъ Елисуйскаго султанства, не входившимъ въ составъ описанныхъ группъ и не бывшимъ также въ особой зависимости отъ султана и бековъ, можно отнести *Амирджанло*, *Тангитъ* и *Дайкентъ*.

Амирджанло состояло изъ 140 дворовъ, изъ нихъ 90 лезгинъ и 50 мугалъ. Существующія въ этомъ селеніи 11 бекскихъ фамилій образовались только въ недавнее время, полученіемъ лезгинами бекскихъ правъ за заслуги передъ султаномъ и русскимъ правительствомъ; но, относительно исполненія повинностей и участія въ пользованіи землей, они были совершенно равны съ прочими жителями.

Первыми поселенцами Амирджанло были лезгины, водворившіеся здѣсь въ началѣ XVIII стол. изъ Елису и Сарыбаша. Малочисленность первыхъ поселенцевъ, сравнительно съ количествомъ занятой ими земли, заставила ихъ пригласить желающихъ поселиться съ ними; явились мугалы. Послѣдніе въ правахъ отличались отъ лезгинъ только тѣмъ, что не могли участвовать въ пользованіи пастбищами, принадлежавшими елисуйцамъ, которыми пользовались амирджанлинцы, какъ односельцы первыхъ, и кромѣ того не могли также быть участниками въ пользованіи пахатными землями лезгинъ, такъ-какъ тѣ сами воздѣлали эти земли; поэтому мугалы или нанимали пахатные участки у лезгинъ (обыкновенно за $^1/_6$ часть урожая), или покупали ихъ.

Главный промыселъ жителей этого селенія—земледѣліе; скотоводство также служило источникомъ ихъ благосостоянія.

Селенія: Тангитъ, изъ 11 дворовъ, и Дайкентъ, 5 дворовъ, основаны были въ давнее время и заселены мугалами, прибывшими изъ разныхъ мѣстъ, по приглашенію султановъ.

Главный промыселъ ихъ — хлѣбопашество. Прочія хозяйственныя условія не имѣли рѣзкихъ особенностей.

Въ полной зависимости отъ султана съ давняго времени были сел. *Кахъ*, *Алибегло* и *Мещабашъ*; при послѣднемъ султанѣ къ нимъ причислены были также сс. *Онджало*, *Бабало*, *Караганъ*, *Шатоваръ*, *Аллало* и *Сускентъ*.

По сказанію жителей, населеніе Каха и Цахура въ древности исповѣдывало христіанскую религію и, впродолженіи послѣднихъ 300 лѣтъ, было независимымъ отъ Грузіи. Около 200 лѣтъ назадъ, въ Цахурѣ и Кахѣ были владѣтелями два брата,

въ первомъ—Георгій-ханъ, въ послѣднемъ — Тарагай, въ честь котораго и селеніе называлось Тарагаемъ. Какъ цахурцы, такъ и кахцы, постоянно терпѣли отъ нападеній, жившихъ по сосѣдству, дагестанскихъ мусульманъ. Разъ тарагайцы были на голову разбиты жителями дагестанскаго сел. Хновъ и потеряли такъ много людей, убитыми и взятыми въ плѣнъ, что съ этого времени сел. Тарагай стало называться Кахомъ (по-грузински—искрошенные сушеные фрукты).

При посредствѣ Георгій - хана цахурскаго и союзника его Али-бека, хицскаго правителя, хновцы возвратили плѣнныхъ тарагайцевъ и допустили Тарагай къ управленію Кахомъ. Спустя нѣкоторое время хицкіе правители разгромили и Цахуръ и, изгнавъ потомковъ Георгій-хана, подчинили его своей власти. Затѣмъ одинъ изъ хицкихъ владѣтелей, по имени Али-бекъ, перенесъ свою резиденцію въ Цахуръ и сдѣлался родоначальникомъ цахурскихъ, впослѣдствіи елисуйскихъ, султановъ *).

По завоеваніи Цахурскаго владѣнія, жители его тогда-же обращены были въ мусульманство и подъ предводительствомъ своихъ новыхъ правителей, стали сильно тѣснить кахцевъ, оставшихся вѣрными христіанству, и обременять данью. Предпослѣдняго кахскаго правителя Каракиша, подстрекавшаго своихъ подвластныхъ не соглашаться на уплату дани, цахурцы убили; сынъ его, оставленный на время правителемъ, съ зависимостью отъ Цахура, также былъ убитъ, и тогда Кахъ окончательно присоединился къ Цахурскому владѣнію. Къ этому-же времени относится переселеніе лезгинъ на плоскость и насильственное введеніе въ Кахѣ мусульманства; многіе, не желавшіе принять его, бѣжали; другіе-же долго еще исповѣдывали христіанскую религію тайно.

По занятіи плоскости, лезгины, для упроченія своей власти, призвали, для поселенія въ Кахѣ, мусульманъ изъ сосѣднихъ провинцій, отводя имъ мѣста, оставшіяся отъ бѣжавшихъ христіанъ свободными; но такъ-какъ между коренными жителями и пришель-

*) Такимъ образомъ кахцы появленіе правителей и бековъ въ Цахурѣ объясняютъ насиліемъ, цахурцы-же (см. 1 главу) объясняютъ, что сами они избрали правителя изъ бековъ, проживавшихъ у нихъ частными людьми. Послѣднее объясненіе болѣе правдоподобно, если принять въ соображеніе, что правители Цахура и Елису, до оказанной имъ въ началѣ XIX ст. поддержки со стороны русскаго правительства, не пользовались особенными правами и властью.

цами не могло установиться согласіе, то христіане стали группироваться въ верхней части селенія; вселявшіеся-же мусульмане, преимущественно мугалы, въ нижней его части, причемъ земли мугаламъ отводились не кахцами, потерявшими всякое значеніе и вліяніе, а султанами и ихъ довѣренными. Такимъ образомъ произошло раздѣленіе сел. Кахъ на ингелоевскую и мугальскую части, сохранившееся и до настоящаго времени.

Въ Кахѣ считалось семействъ: бековъ 9, лезгинъ 23, мугалъ 77 и ингелойцевъ 130, всего 239 семействъ.

Селеніе Кахъ служило для султановъ главнымъ источникомъ доходовъ, такъ-какъ жители его обложены были поземельной податью и, притомъ, вначалѣ неопредѣленною: султанъ увеличивалъ или уменьшалъ эту подать по своему усмотрѣнію.

Кахскіе мугалы подчинялись и приносили доходъ непосредственно султану; поземельную-же подать съ ингелойцевъ султанъ часто отдавалъ во временное пользованіе, въ видѣ жалованья, своимъ родственникамъ, бекамъ и нукерамъ; время, на которое отдавался имъ въ пользованіе этотъ доходъ, никогда не назначалось продолжительнымъ; въ весьма рѣдкихъ случаяхъ оно доходило до 10 лѣтъ; впрочемъ, отъ усмотрѣнія султана зависѣло отнять подобный пожалованный доходъ ранѣе срока или передать его другому лицу; отъ его-же воли зависѣло отнять и землю у владѣльца; напр., для поддержки обѣднѣвшаго бека, султанъ отводилъ ему участокъ земли, находившійся во владѣніи ингелоевца (иногда мугала, но почти никогда—лезгина), который въ такомъ случаѣ оказывался въ чемъ-либо преступно-виновнымъ.

Такимъ образомъ земли считались лишь въ пользованіи кахскихъ жителей; исключеніе составляли *аху*—пахатные участки, расчищенные въ лѣсахъ и составлявшіе частную собственность воздѣлавшихъ аху.

По показанію нѣкоторыхъ изъ кахцевъ, права ихъ на землю были стѣснены только послѣднимъ султаномъ, Даніель-бекомъ; до него-же вся кахская земля составляла общественную собственность и разбиралась участками ежегодно по жребію. Кахскія-же лѣсныя дачи всегда составляли общественную собственность.

Вслѣдствіе захвата лезгинами лучшихъ и обширнѣйшихъ пастбищныхъ мѣстъ сел. Каха и отвода султаномъ послѣднихъ участковъ, оставшихся во владѣніи жителей, пришельцамъ изъ другихъ мѣстностей, скотоводство въ названномъ селеніи пало; взамѣнъ его развилось земледѣліе.

Кахское селеніе приносило послѣднему султану слѣдующіе доходы:

1) *Поземельную подать*. Ингелойцы платили съ каждаго участка земли (кешкеля), по числу 52 ½, по 3 тагара хлѣба (пшеницы и ячменя, по-поламъ), по 3 стиля шолку и по одному вьюку винограда. Мугалы, по числу 45 участковъ, — по одному тагару хлѣба и по одному стилю шолка.

Какъ ингелойцы, такъ и мугалы, поставляли еще султану съ каждаго участка по 1 вьюку саману и платили по 5 ченаховъ хлѣба султанскому цырюльнику столько-же султанскому поставщику ястребовъ.

Кромѣ того, ингелойцы, по числу 30 поземельныхъ участковъ, по давнимъ повеленіямъ султановъ, опредѣленную часть урожая въ подать платили разнымъ лицамъ, преимущественно бекскаго происхожденія.

2) *Съ Кахскаго базара*, въ которомъ числилось 48 лавокъ, принадлежавшихъ мѣстнымъ торговцамъ. За право торговли и пользованія мѣстомъ, занятымъ подъ лавки, уплачивалось султану по 6 руб. съ каждой. Кромѣ того султанъ бралъ съ торговцевъ еще значительные подарки, такъ что каждая лавка приносила дохода болѣе 15 руб.

3) *Съ красильни, перевѣски шолка* (смѣшанная статья) и съ *алазанской переправы*, относившейся къ доходной статьѣ съ сел. Каха.

4) *Съ усадьбы*, признанной собственностью султана, Даніель-бека, и состоявшей изъ двухъ каменныхъ и одного деревяннаго домовъ, огорода, шелковичнаго и виноградная садовъ.

Сел. Алибегло состояло изъ 80 дворовъ, исключительно ингелойцевъ. По показанію жителей, мѣстность этого селенія въ началѣ текущаго столѣтія покрыта была сплошнымъ лѣсомъ, крайне затруднявшимъ сообщенія и позволявшимъ лезгинскимъ и другимъ разбойничьимъ шайкамъ грабить владѣнія султана безнаказанно. Въ видахъ противодѣйствія этому злу, султанъ Ахмедъ-ханъ основалъ въ лѣсномъ пространствѣ селеніе, вызвавъ для водворенія въ немъ ингелойцевъ изъ другихъ пунктовъ. Вначалѣ здѣсь поселились только 25 семействъ, преимущественно изъ сел. Кахъ. Отведенная земля раздѣлена была имъ на три части: одна—подъ усадьбы; другая—подъ пашни, которыя хотя и были раздѣлены на участки по числу семействъ, но считались принадлежащими всему обществу; третью часть составляли лѣсныя дачи, бывшія

въ общественномъ пользованіи. Первые поселяне Алибегло, кромѣ исполненія военной повинности наравнѣ со всѣми прочими селеніями, обязаны были платить султану по одному тагару пшеницы, чалтыка и проса, съ каждаго поземельнаго участка.

Повинность эта вносилась непосредственно султану, въ селеніи Елису. Женитьба Даніель-бека, преемника султана Ахмедъхана, послужила поводомъ къ обложенію многихъ елисуйскихъ селеній, въ томъ числѣ и Алибегло, новой податью—шолкомъ по $1^1/_2$ стиля съ каждаго двора; затѣмъ, въ скоромъ времени, султанъ еще обязалъ алибеглинцевъ доставлять ему подать виноградомъ, мѣняя ежегодно размѣръ ея, и $^1/_{10}$ часть дохода съ поля Белюзекъ, которымъ жители до этого пользовались безплатно.

Въ послѣднее время алибеглинцы платили султану съ каждаго поземельнаго участка, по числу 46: шолку по $1^1/_2$ стиля, пшеницы, проса и чалтыка по 20 ченаховъ (каждаго сорта); винограда по $^1/_2$ вьюка и даргалуку по $3^1/_2$ ченаха.

Селенія Мешабашъ и *Онджало* устроены были почти одновременно съ селеніемъ Алибегло, также съ цѣлью открытія лѣсного пространства и противодѣйствія шайкамъ хищниковъ. Мешабашъ состоялъ изъ 20 дворовъ ингелойцевъ. Сохранившееся въ этомъ селеніи преданіе говоритъ, что въ отдаленныя времена противъ настоящаго селенія, на лѣвомъ берегу Курмуха, при опушкѣ густого, едва проходимаго лѣса, кахцы завели хутора, которые Ахмедъ-ханъ, по вышесказаннымъ соображеніямъ, обратилъ въ отдѣльное селеніе, водворивъ въ немъ еще ингелойцевъ изъ другихъ мѣстъ.

Случившееся скоро послѣ основанія Мешабаша наводненіе заставило жителей его перейти на правый берегъ Курмуха и тамъ-же положить основаніе существующему нынѣ селенію. Состоя въ распоряженіи султана, мешабашцы обязаны были: 1) платить ему часть съ урожая за пользованіе участкомъ земли Молла-Гассанъ, считавшимся его собственностью, и въ большіе праздники являться къ султану съ поздравленіемъ и приношеніемъ (водки, уксуса, орѣховъ и т. п.). 2) Платить подати бекамъ, по назначенію султана. Пользованіе податями съ извѣстнаго числа дворовъ предоставлялось бекамъ на опредѣленное время, въ видѣ жалованья и въ слѣдующемъ размѣрѣ: съ каждаго двора по четыре тагара хлѣба (по тагару чалтыка, пшеницы, ячменя и проса) и по $1^1/_2$ стиля шолка. Въ случаѣ свадьбы въ домѣ бека,

подвластные ему дворы мешабашцевъ, приглашаемые на свадьбу, обязаны были приносить по одному барану.

Сел. Онджало, основанное также Ахмедъ-ханомъ, состояло изъ 30 дворовъ мугалъ. Въ первыя 7 лѣтъ оно было изъято отъ всякихъ повинностей. Затѣмъ Даніель-султанъ обложилъ жителей этого селенія данью въ одинъ тагаръ хлѣба и одинъ стиль шолка съ каждаго двора; при свадьбахъ-же въ домѣ султана подносились особые подарки.

Главный промыселъ селеній Мешабашъ и Онджало—земледѣліе. Землей жители пользовались по общему соглашенію, раздѣляя ее на части и предоставляя выборъ частей жребію.

Лѣсомъ, на основаніи обычая, пользовались, какъ въ своихъ, такъ и сосѣднихъ дачахъ, безвозмездно.

Селенія Бабало, *Караганъ*, *Шатоваръ* и *Алмало*, по своему географическому положенію у границы владѣнія джарскихъ лезгинъ, были въ полной отъ нихъ зависимости и только при послѣднемъ султанѣ, по его ходатайству и распоряженію русскаго правительства, причислены къ султанству и въ непосредственное вѣдѣніе Даніель-бека; такое распоряженіе основывалось на предъявленныхъ Даніель-бекомъ фирманахъ турецкихъ султановъ и персидскихъ шаховъ, въ которыхъ названныя селенія поименованы въ составѣ земель, принадлежавшихъ елисуйскимъ султанамъ *).

Въ сел.	Бабало было	16	дворовъ	мугалъ.
—	Караганъ...	60	—	ингелойцевъ.
—	Шатоваръ..	27	—	— —
—	Алмало.....	210	—	мугалъ.

Селенія эти, платившія дань джарцамъ, по присоединеніи къ султанству, взносили султану: Бабало — по 2 тагара хлѣба, Караганъ и Шатоваръ—по 3, съ каждаго двора.

Часть сел. Алмало (около 30 дворовъ) пріобрѣтена была въ собственность Ахмедъ-ханъ-султаномъ; эта часть платила ему: $^1/_{10}$ часть урожая, по 7 чеваховъ даргалука и по 40 коп. за каж-

---

*) Въ настоящее-же время Закатальская сословно-поземельная коммисія признаетъ фактъ поименованія названныхъ селеній въ старыхъ фирманахъ подлежащимъ сомнѣнію. Дѣйствительно, по показанію жителей, только селенія Бабало и Алмало считаются древними; Шатоваръ-же основался въ началѣ XIX столѣтія на землѣ, принадлежавшей бабалинцамъ, и по ихъ приглашенію; сел. Караганъ также устроено было только въ 1808 году, джарцами.

дый садъ. Остальные дворы селенія были въ зависимости отъ 11 семействъ бековъ.

Главнымъ промысломъ названныхъ селеній было земледѣліе. Лѣса состояли въ общественномъ пользованіи.

Сускентъ состоялъ изъ 40 дворовъ: 15 лезгинъ, 4 мугалъ и 21 ингелойцевъ. Сел. это образовалось въ позднѣйшее время, во второй половинѣ XVIII ст., при Ханъ-Баба-бекѣ, на землѣ, принадлежавшей селенію Амирджанло и по его приглашенію, вслѣдствіе желанія лезгинъ увеличить населеніе занятой ими мѣстности и въ видахъ охраненія султанства отъ опасности со стороны сосѣдей. Амирджанлинцы приглашали занять свободныя ихъ земли безвозмездно, но явившіеся по этому приглашенію охотники изъ селеній Каха и Аліабада, находя невыгоднымъ воспользоваться подаркомъ, купили указанныя имъ мѣста за 120 тумановъ, съ тою цѣлью, чтобы предупредить всякіе поводы къ притязаніямъ амирджанлинцевъ на зависимость отъ нихъ новопришельцевъ и не лишиться въ будущемъ правъ на занятыя земли. По этому случаю составлена была купчая, въ которой точно обозначалась граница, купленной сускентцами, земли (подлинный документъ, относящійся къ 1786 году, уничтоженъ при нападеніи непріятельской партіи, разграбившей Сускентъ; но сохранилась копія съ него). Первые собственники, считая себя недостаточно безопасными, пригласили другихъ, желающихъ поселиться съ ними, съ условіемъ взноса обществу соотвѣтственной за отведенный участокъ суммы.

Когда собралось достаточное число семействъ, общество выдѣлило мѣсто подъ усадьбы и раздѣлило, какъ усадебныя, такъ и пахатныя мѣста, на 49 частей (по всей вѣроятности, по числу семействъ); каждое семейство получило участокъ въ свою собственность. Въ общественномъ пользованіи оставили только лѣсъ.

Такимъ образомъ условія, при которыхъ образовался Сускентъ, исключали зависимость его, какъ отъ селенія Амирджанло, такъ и отъ султана; дѣйствительно, до 1843 г. сускентцы были свободны отъ взноса податей и исполненія особыхъ повинностей въ пользу какого-либо лица. Въ общественныхъ-же повинностяхъ и въ рѣшеніи общихъ вопросовъ они участвовали наравнѣ съ прочими лезгинскими селеніями.

Въ 1843 году, Даніель-султанъ, по случаю своей свадьбы, въ первый разъ обложилъ сускентцевъ данью въ $1^1/_2$ стиля шолка и 2 чана бузы съ каждаго двора; съ этого-же времени они

признаны были состоящими въ непосредственномъ распоряженіи султана.

Почти всѣ беки считаютъ себя потомками господствовавшихъ султановъ въ прямой или боковой линіяхъ; въ дѣйствительности-же многіе изъ нихъ получили землю и право пользованія назначенными въ ихъ распоряженіе дворами только въ недавнее время, при русскомъ правительствѣ, за выслуги передъ султаномъ. Право это было временное, но послѣ бѣгства султана, бывшаго почти неограниченнымъ повелителемъ въ своемъ владѣніи, права бековъ, сословныя и поземельныя отношенія и вообще условія быта населенія Елисуйскаго султанства были такъ мало извѣстны намъ, что беки, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, почти всѣ сдѣлались потомственными владѣтелями земель и крестьянъ, находившихся въ временномъ ихъ пользованіи.

Въ составъ бекскихъ владѣній входили слѣдующія селенія:

Фистигло. Населеніе его состояло изъ 40 семействъ лезгинъ. Подобно Сускенту, селеніе Фистигло устроено на участкѣ земли, принадлежавшей селенію Амирджанло. Въ 1795 г., 8 семействъ лезгинъ изъ сел. Лякитъ пріобрѣли этотъ, большею частью покрытый лѣсомъ, участокъ за 120 тумановъ по купчей, въ которой подробно обозначены границы пріобрѣтенной земли. Рѣшивъ заселить новое мѣсто, лякитцы раздѣлили его на 50 равныхъ частей и вызвали желающихъ пріобрѣсти ихъ. Участки были разобраны въ скоромъ времени жителями разныхъ селеній, и между прочимъ Амирджанло; но открытыхъ мѣстъ оказалось немного; ихъ заняли лякитцы подъ свои усадьбы и пашни; всѣмъ же новымъ поселенцамъ пришлось расчищать лѣсъ, какъ для постановки домовъ, такъ и для открытія полей.

Недостатокъ въ готовыхъ угодьяхъ былъ причиной долго продолжавшихся переселеній семействъ, то въ селеніе Фистигло, то изъ него въ другія мѣста. Даже нѣкоторые изъ первыхъ пришельцевъ продали свои участки или уступили ихъ новымъ поселенцамъ безплатно. Вслѣдствіе этого число поселянъ и матеріальное ихъ благосостояніе развивались весьма медленно, не смотря на то, что въ началѣ они не платили податей и не несли никакихъ повинностей. При султанѣ Даніель-бекѣ положеніе ихъ стало еще хуже. Даніель обложилъ фистиглинцевъ податью шол-

комъ, по $1^1/_2$ стиля съ каждаго двора, и, по сказанію жителей, задумалъ совершенно присвоить себѣ все селеніе. Для этого ему необходимо было уничтожить купчую, свидѣтельствовавшую о правахъ селенія на свою землю. Султанъ потребовалъ купчую для разсмотрѣнія, но, получивъ отказъ, разрѣшилъ ампрджанлинскимъ лезгинамъ, получившимъ бекскія права, брать земли въ Фистигло въ свое пользованіе. Беки начали стѣснять селеніе, занимая участки ихъ земли одинъ за другимъ. На жалобы жителей султанъ постоянно отвѣчалъ требованіемъ купчей и, для большаго стѣсненія фистиглинцевъ, послалъ въ ихъ селеніе нѣсколькихъ своихъ нукеровъ, въ видѣ надсмотрщиковъ надъ доходами и поведеніемъ жителей. Нукеры совершенно разорили фистиглинцевъ, налагая на нихъ штрафы безъ всякаго суда и большею частью безъ всякой вины, и фистиглинцы впали въ такіе неоплатные долги, что назначенному отъ русскаго правительства, послѣ бѣгства Даніель-султана, приставомъ надъ елисуйскими селеніями, беку Гаджи-Ага удалось воспользоваться ихъ бѣдственнымъ положеніемъ и все селеніе закрѣпить за собой. Скупивши на выгодныхъ условіяхъ значительную часть долговъ фистиглинцевъ, Гаджи-Ага объявилъ, что они принадлежатъ ему со всѣмъ имуществомъ. Какъ-бы въ подтвержденіе своихъ правъ, Гаджи-Ага, при женитьбѣ сына своего на дочери нухинскаго хана, записалъ за ней все Фистигло; впослѣдствіи-же, передъ уходомъ въ Турцію, уступилъ (большею частью продалъ) свои права на это селеніе разнымъ лицамъ. Такимъ образомъ къ настоящему времени въ Фистигло почти не осталось свободныхъ собственниковъ изъ крестьянъ и только предстоящая сословно-поземельная реформа въ Закатальскомъ округѣ можетъ поддержать ихъ и дать способы къ обезпеченію ихъ благосостоянія.

Селенія *Ибахло*, *Кичикъ-Котукло*, *Беюкъ-Котукло*, *Узунъ-Тала*, *Кара-Тала*, *Казмаляръ* и *Байдарло* существуютъ, по преданію, съ давняго времени, но позже переселенія резиденціи султановъ въ Елису, и заселены выходцами изъ разныхъ сосѣднихъ мѣстъ, или по приглашенію бековъ (сел. Кичикъ-Котукло и Казмаляръ), или съ разрѣшенія султановъ (прочія селенія).

Селеніе Беюкъ-Котукло населено было плѣнными армянами; часть ихъ въ началѣ-же поселенія разбѣжалась; тогда, на оставленныхъ ими мѣстахъ, поселены были семейства ингелойцевъ.

Первыя семейства, прибывшія въ названныя селенія, по приглашенію султановъ и бековъ, никакихъ повинностей не несли.

Султаны покровительствовали имъ, видя въ нихъ силу для охраны своихъ владѣній и средство для поддержанія своего могущества. Въ зависимыя-же отношенія они поставлены были постепенно. Сначала султанъ наложилъ на нихъ незначительныя повинности; потомъ увеличилъ ихъ; впослѣдствіи-же сталъ передавать доходы съ нихъ бекамъ. Такимъ образомъ изъ непосредственныхъ данниковъ султана они переходили, по частямъ, въ зависимыхъ отъ бековъ.

Селеніе Ибахло, изъ 27 дворовъ, изъ нихъ 15 бековъ, прочіе—мугалы, въ первый разъ обложено было данью при султанѣ Ахмедъ-ханѣ, въ $7^1/_2$ тагаръ хлѣба и $7^1/_2$ стиля шолка, которая отдавалась въ видѣ жалованья бекамъ. Впослѣдствіи эта дань была увеличена (каждый дворъ платилъ по 3 стиля шолка и по 4 тагара хлѣба), по прежнему отдавалась бекамъ и за фамиліями ихъ осталась и до настоящаго времени.

Кичикъ-Котукло, изъ 15 дворовъ ингелойцевъ, платило бекамъ, на землѣ которыхъ было основано, $^1/_7$ часть урожая хлѣба, по 1 тагару даргалука и 1 стилю шолка; кромѣ того жители обязаны были давать лошадей для перевозки бековъ на лѣто въ с. Елису.

Беюкъ-Котукло, изъ 11 семействъ, 6 ингелойцевъ и 5 армянъ, было вначалѣ поставлено беками въ весьма стѣсненное положеніе; особенно тяжело было, по сказанію жителей, право бековъ, которымъ султанъ отдавалъ въ пользованіе доходы съ с. Беюкъ-Котукло, надъ вдовами и дѣвицами. Кромѣ неопредѣленныхъ поборовъ, жители взносили бекамъ подать въ размѣрѣ 3 тагаръ хлѣба и 1 стиля шолка съ каждаго двора.

Узунъ-Тала, изъ 5 сем. мугалъ, съ незапамятныхъ временъ платило бекамъ, съ каждаго двора, 4 тагара хлѣба, 3 стиля шолка и одну арбу сѣна или саману.

Кара-Тала, изъ 9 сем. мугалъ, вначалѣ платило бекамъ $^1/_7$ часть урожая; въ позднѣйшее время налогъ этотъ былъ усиленъ 1 тагаромъ даргалука и 1 стилемъ шолка съ каждаго двора и повинностью давать бекамъ лошадей при переѣздахъ на лѣто въ с. Елису.

Казмаллръ, изъ 40 сем., 17 бековъ, прочіе—мугалы, былъ обложенъ въ пользу бековъ данью въ $^1/_{10}$ часть урожая и повинностью —давать имъ перевозочныя средства при переѣздахъ на лѣто въ сел. Елису; кромѣ того, жители съ каждой свадьбы должны были

приносить подарки, по назначенію бековъ, соотвѣтственно средствамъ семействъ жениха и невѣсты.

Байдарло, изъ 22 сем. мугалъ, вначалѣ ни отъ кого не зависѣло, но вслѣдствіе частыхъ разбоевъ и грабежей, жители его начали искать покровительства цахурцевъ и обязались платить имъ за это ежегодно по 15 чанаховъ хлѣба съ каждаго двора. Съ усиленіемъ власти джарскихъ лезгинъ означенная подать перешла къ джарцамъ и впослѣдствіи къ елисуйскому султану. Право пользованія доходами съ байдарлинцевъ султанъ обыкновенно передавалъ бекамъ, которые, смотря по значенію ихъ у султана, увеличивали или уменьшали подати по своему усмотрѣнію; перевозка бековъ на лѣто въ сел. Елису также лежала на обязанности жителей.

Сс. Аманло и Кайсарло одного происхожденія и принадлежатъ одной бекской фамиліи. Селенія эти считаются древними. По преданію, на мѣстѣ, ими занятомъ, былъ дремучій лѣсъ. Предки настоящихъ поселянъ расчистили его для расположенія усадьбъ и открытія пахатныхъ полей и такимъ образомъ пріобрѣли воздѣланные участки въ собственность. Между-тѣмъ набѣги хищниковъ и другія бѣдствія, неразлучныя съ военнымъ временемъ, уничтожали сельско-хозяйственный трудъ и заставили жителей искать себѣ покровительства и защиты у кого-либо изъ вліятельныхъ и сильныхъ лицъ того времени. Съ этой цѣлью явился къ нимъ предокъ настоящей ихъ владѣтельной фамиліи, Али-Султанъ-Ушаги. Онъ предложилъ свое покровительство и заступничество, съ условіемъ ежегоднаго взноса ему опредѣленной доли съ урожая, и предупредилъ, что, въ случаѣ несогласія, онъ постарается поголовно истребить все населеніе. Аманло и Кайсарло приняли требованіе сильнаго и опаснаго бека и долгое время платили его фамиліи отъ 5 до 15 чанаховъ хлѣба съ каждаго двора. Дань эта взносилась до-тѣхъ-поръ, пока не сдѣлалось могущественнымъ и опаснымъ сосѣднее общество джарскихъ лезгинъ, противъ котораго владѣтели названныхъ селеній оказались безсильными. Поэтому, вслѣдствіе постоянно угрожавшей опасности со стороны джарцевъ, жители селеній Аманло и Кайсарло передали право покровительства и взиманія податей отъ бековъ джарцамъ; подать имъ взносилась въ размѣрѣ 6 чанаховъ хлѣба съ каждаго двора.

Такимъ доходомъ джарцы пользовались до времени усиленія власти елисуйскихъ султановъ, подчинившись которымъ, по распоряженію русскаго правительства, селенія Аманло и Кай-

сарло вновь стали платить дань бекской фамиліи Али-Султанъ-Ушаги, но уже въ большемъ размѣрѣ: 6 чанаховъ и 1 тагаръ хлѣба и 1 стиль шолка съ каждаго двора и $^1/_{10}$ часть съ урожая. Кромѣ того жители обязаны были перевозить своихъ бековъ на лѣто въ селеніе Елису.

Кромѣ владѣтельной фамиліи, въ селеніи Аманло было 12 семействъ и въ Кайсарло 19 семействъ мугалъ, занимавшихся преимущественно хлѣбопашествомъ; каждый домъ имѣлъ также сады, шелковичный и фруктовый. Лѣсъ у нихъ былъ только дровяной и состоялъ въ общественномъ пользованіи селеній.

Селенія: *Кипчахъ*, изъ 9 бекскихъ семействъ и 50 мугалъ, *Джалаиръ*—7 бекскихъ семействъ и 40 мугалъ, *Дегма-Дагельды*—35 семействъ мугалъ и *Шахляръ* — 20 семействъ, 5 потомковъ шейховъ, остальные мугалы,—по преданію, основаны и стали въ зависимость при тѣхъ-же условіяхъ, какъ и селенія Аманло и Кайсарло, за исключеніемъ Шахляра, въ которомъ первые поселенцы были шейхы, получившіе здѣсь земли въ подарокъ; занятый ими пунктъ названъ Шахляромъ—селеніе шейховъ—въ честь ихъ, и до-сихъ-поръ остается мѣстомъ поклоненія.

Кипчахскіе беки ведутъ свой родъ отъ Али-Гиркли-бека, одинъ изъ потомковъ котораго, Ханъ-Баба-бекъ, былъ елисуйскимъ султаномъ. Часть дворовъ селенія Кипчаха обязана была выставлять бекамъ, по требованію ихъ, конвой при ихъ поѣздкахъ, угощенія и для переѣзда въ лѣтнія помѣщенія—перевозочныя средства. Большая-же часть дворовъ, именно $^2/_3$, платили дань въ $^1/_7$ часть урожая хлѣба и неопредѣленное количество шолка, смотря по урожаю, обыкновенно по 2 стиля. Селенія Джалаиръ, Дегма-Дагельды и Шахляръ платили по 1 стилю шолка и $^1/_{10}$ часть урожая хлѣба султанамъ, которые право сбора этой дани передали впослѣдствіи бекамъ; за ними-же право это осталось до послѣдняго времени.

Подать съ жителей Елисуйскаго султанства въ пользу казны взыскивалась, со времени вступленія ихъ въ русское подданство (1803 г.), въ размѣрѣ 4400 рублей *) (около 1 р. 50 коп.

*) Вначалѣ подать платилась шолкомъ.

съ дыма); впослѣдствіи установленъ былъ новый сборъ на содержаніе милиціи въ 3000 руб.; съ присоединеніемъ по заявленію послѣдняго султана Даніель-бека деревень (Шатоваръ, Карагалъ и Алмало) отъ Джарскаго округа къ султанству, Даніель обязался еще платить съ нихъ, по числу дымовъ, 969 руб. Слѣдовательно, султанство давало казнѣ всего 8369 руб.

По соображеніи размѣра всѣхъ податей и повинностей, которыми обложены были селенія Елисуйскаго султанства въ пользу казны, султана и бековъ, казалось-бы, что положеніе жителей не было тяжело. Такой выводъ дѣйствительно будетъ вѣренъ, но только относительно того времени, когда султаны избирались народомъ и представляли въ своемъ лицѣ исполнительную власть Съ поступленіемъ-же Елису въ русское подданство, поддержка, оказанная султанамъ со стороны русскаго правительства по политическимъ соображеніямъ (не оправдавшимся результатами), и безконтрольность ихъ дѣйствій во внутреннемъ управленіи, такъ возвысили ихъ значеніе и могущество, что послѣдній султанъ, предпріимчивый и властолюбивый Даніель-бекъ, сталъ полновластнымъ повелителемъ въ своемъ владѣніи и придалъ своему управленію характеръ полнѣйшаго произвола, образецъ котораго онъ имѣлъ въ сосѣднихъ дагестанскихъ ханствахъ. Въ это время султанъ не только не ограничивался податьми и повинностями, опредѣленными въ небольшихъ размѣрахъ и освященными давностью, и подъ разными предлогами налагалъ временные поборы, усилившіе доходы султана, по заявленію самого Даніель-бека, до 40,000 руб. въ годъ, но имѣлъ жизнь и имущество каждаго въ своемъ безусловномъ распоряженіи. При такомъ управленіи положеніе народа, и особенно ингелойцевъ, не могло быть удовлетворительнымъ.

III.

Вступленіе Елисуйскаго султанства въ подданство Россіи. Историческій очеркъ устройства управленія въ султанствѣ.

Со вступленіемъ русскихъ войскъ въ Грузію, столкновенія ихъ, съ цѣлью защиты края отъ непріятельскихъ скопищъ, начались съ сосѣдними лезгинскими обществами Джарскимъ и Елисуйскимъ. Изъ нихъ вліяніе и значеніе перваго было такъ велико (и въ дѣлахъ Елису), что во всѣхъ предпріятіяхъ лезгинъ султанство составляло какъ-бы часть Джарской области; всѣ набѣги и грабежи, производившіеся въ предѣлахъ Грузіи, приписывались только джарцамъ. Поэтому, ихъ прежде всего необходимо было привести къ покорности.

Въ 1802 году, главнокомандующій въ Грузіи, генералъ-лейтенантъ Кнорингъ, обратился къ старшинамъ и всему народу, обитающему въ селеніяхъ джарскихъ, съ первымъ отъ русскаго правительства воззваніемъ: «По обнародованіи въ Тифлисѣ и въ прочихъ городахъ и селеніяхъ областей грузинскихъ Высочайше изданнаго Его Императорскимъ Величествомъ, моимъ Всемилостивѣйшимъ Государемъ Императоромъ, манифеста о принятіи Е. В. въ могущественное покровительство, защиту и управленіе своего народа грузинскаго и по приведеніи всѣхъ состояній онаго къ присягѣ на вѣрность Е. И. В., поставилъ я, яко главнокомандующій въ Грузіи, въ первую заботливость мою утвердить на прочномъ основаніи тишину и безопасность пограничныхъ обитателей Грузіи. И поелику селенія джарскія прилегаютъ къ предѣламъ Грузіи и доселѣ нѣкоторые изъ вѣтренныхъ, конечно болѣе къ движенію развратныхъ нравовъ своихъ, нежели съ согласія почтенныхъ старѣйшинъ и прочихъ благоразумныхъ соотчичей своихъ, покушались и производили на границахъ Грузіи хищничества, а нѣкоторые давали у себя пристанища лезгинамъ и другимъ дагестанцамъ, пропуская ихъ черезъ обитанія свои свободно на подобныя-же въ Грузіи злодѣянія: то, предавая забвенію все прошедшее, я желаю, и долгъ мой есть, всевысочайшими повелѣніями на меня возложенный, чтобы для совѣщанія, по дѣламъ касающимся спокойствія и обитателей грузинскихъ, и вашего, поспѣшили прибыть ко мнѣ въ Тифлисъ, черезъ семь дней по полученіи сего, почтенные и довѣренность заслужившіе въ обществахъ вашихъ, старѣйшины, которые безопасно здѣсь приняты

и обратно восвояси отпущены будутъ, съ объявленіемъ отъ меня народу нѣкоторыхъ миролюбныхъ предложеній. Я ожидаю, что старѣйшины на прибытіе сюда столь-же охотно рѣшатся, сколь пріятно мнѣ сохранить къ сосѣдямъ Грузіи доброе расположеніе, поколику оное со стороны ихъ наблюдаемо будетъ».

Но джарцы старшинъ не выслали и покорности не изъявили; мало того, они оказали существенную поддержку грузинскому царевичу Александру, бѣжавшему въ горы и возбуждавшему населеніе къ непріязненнымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ для изгнанія русскихъ съ Кавказа. Въ этотъ періодъ замѣчательны распоряженія новаго главнокомандующаго, князя Циціанова, рѣшившаго, во что-бы то ни стало, обезпечить границы Грузіи отъ ближайшихъ и опасныхъ сосѣдей.

Назначивъ генерала Гулякова съ отрядомъ для дѣйствій, въ случаѣ надобности, въ Джарской области, со стороны Сигнаха, князь Циціановъ поручилъ ему предварительно извѣдать истину о расположеніи къ намъ джарцевъ, которые, по свѣдѣніямъ, имѣютъ наклонность выдать намъ царевича Александра, требовать его выдачи рѣшительно и, въ случаѣ несогласія съ ихъ стороны, угрожать жестокимъ наказаніемъ, объявивъ, что «не останется у нихъ камня на камнѣ». (Февраль 1803 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ кн. Циціановъ писалъ къ Мамедъ-Гасанъ-хану нухинскому: «Джары и Белоканы, издревле принадлежащіе царству Грузинскому, втеченіи 80 лѣтъ не переставали дѣлать набѣги и опустошенія. Потому положилъ я за правило, или усмирить ихъ, или истребить съ лица земли; а какъ ваше высокостепенство объявили, что почитаете ихъ своими союзниками и желаете примирить ихъ, то я согласенъ принять посредничество на условіяхъ».

Опредѣлялось пять условій:

1) Джары не должны допускать къ себѣ царевича Александра.

2) Въ Джарахъ и Белоканахъ будетъ поставлено русское войнство, на собственномъ его содержаніи, для неотягощенія жителей.

3) Они должны платить дань шолкомъ, какъ платили царямъ грузинскимъ.

4) Дать по 5 человѣкъ аманатовъ (отъ Джаръ, Белоканъ и Елису) изъ лучшихъ фамилій.

5) По принятіи изложенныхъ условій, они будутъ оставлены, въ чемъ давалось вѣрное слово и обѣщаніе, при ихъ внутреннемъ управленіи и преимуществахъ.

Между тѣмъ, получившій большія уполномочія, начальникъ отряда генералъ Гуляковъ принужденъ былъ уже дѣйствовать рѣшительно. Въ мартѣ 1803 г., послѣ блистательной побѣды при Белоканахъ и страшнаго опустошенія, произведеннаго здѣсь собственно грузинскимъ войскомъ, генералъ Гуляковъ направился въ Джары, втеченіи шести недѣль покорилъ всю общину, построилъ на р. Алазани, у брода Урдо, редутъ, подъ названіемъ Александровскій (на 1 батальонъ), и посты по рѣкѣ, и, для непоколебимаго здѣсь утвержденія нашего владычества и для положенія преграды хищнымъ дагестанцамъ отъ Грузіи, выслалъ уполномоченныхъ отъ покоренной общины, въ томъ числѣ и отъ Елисуйскаго султанства, въ Тифлисъ.

Уполномоченные клятвой утвердили присоединеніе къ царству Грузинскому отторгнувшейся въ прошломъ столѣтіи Джарской провинціи. По прошенію ихъ, включено въ общее вѣрноподданство и «татарское Елисуйское султанство, яко издревле въ союзѣ съ ними находящееся».

Въ Джарской провинціи считалось тогда 16,000 дворовъ, до 90,000 душъ мужескаго пола; въ Елисуйскомъ султанствѣ 4000 двор., 20,000 душъ муж. пола *).

Обязательства, принятыя уполномоченными Джарскаго общества и Елисуйскаго султанства, заключались въ слѣдующемъ:

1) они налагаютъ на себя дань въ пользу русскаго правительства по 1100 литръ шолка, на тифлисскій вѣсъ, съ уплатой этой дани въ два срока (1-го августа и 1-го ноября);

2) принимаютъ къ себѣ русскія войска, которыя могутъ располагаться гдѣ имъ понадобится;

3) даютъ по аманату изъ лучшихъ и первѣйшихъ фамилій.

Въ томъ-же обязательствѣ говорилось: «главнокомандующій, именемъ Его Императорскаго Величества благоволитъ согласиться оставить народъ Джарской провинціи и всѣ наши вольныя общества на прежнихъ правахъ и преимуществахъ, не входя во внутреннее народа нашего управленіе».

«Сосѣдственнаго, союзнаго и всегда дружественнаго съ нами татарскаго елисуйскаго султана, Али-султана, и весь подвластный ему народъ включаемъ въ вѣрноподданство наше Е. И. В. по всѣмъ статьямъ повинностей нашихъ и Высочайше дарованнымъ намъ преимуществамъ, для утвержденія коихъ присланные отъ

*) Сами-же повѣренные показывали въ то время въ Джарской провинціи 8000 дворовъ, т. е. вдвое менѣе бывшихъ въ дѣйствительности.

народа и султана елисуйскаго повѣренные: Молла-юзбаши, Шокалы-юзбаши и Мирза-Гусейнъ-оглы, вообще съ повѣренными джарскаго народа, скрѣпили сіе постановленіе своими печатьми и участвовали въ присягѣ на вѣрноподданство Его Императорскому Величеству».

Во всеподданнѣйшемъ донесеніи (18 апрѣля 1803 г.) князь Циціановъ, между прочимъ, писалъ, что «въ разсужденіи Грузіи пріобрѣтеніе Джарской провинціи *) заслуживаетъ вниманія двоякимъ предметомъ: обезпеченіемъ предѣловъ грузинскихъ и водвореніемъ оружія и власти россійской въ самомъ гнѣздѣ хищнаго лезгинскаго народа. Наложенная на него дань, построенный редутъ, оставленный въ немъ гарнизонъ и занятые по р. Алазани важнѣйшіе посты могутъ быть достаточнымъ ручательствомъ, что если-бы подданство ихъ, подобно многимъ, числящимся таковыми, горскимъ народамъ, было не чистосердечно, то содѣлается для нихъ неизбѣжнымъ».

Дѣйствительно, джарцы плохо исполняли свои обязательства; мало того, что они укрывали у себя хищныя партіи горскихъ лезгинъ, но сами участвовали въ нападеніяхъ и грабежахъ грузинскихъ селеній и дань платили весьма неисправно.

Поэтому кн. Циціановъ, предоставивъ начальнику войскъ, расположенныхъ вблизи Джарской провинціи, генералу князю Орбеліани, имѣть ближайшія сношенія съ джарцами и наблюдать за ними, нѣсколько разъ обращался къ нимъ и самъ съ предупрежденіемъ и угрозами, указывая между прочимъ, что у нихъ противъ уплаты податей бунтуютъ купцы, желающіе «чужими руками жаръ загребать». Замѣчателенъ суровый и самоувѣренный тонъ подобныхъ обращеній, соотвѣтствовавшій обстоятельствамъ того времени и понятіямъ горскаго народа. Такъ, по поводу просьбы объ отсрочкѣ уплаты и уменьшенія податей, Циціановъ писалъ въ іюнѣ 1803 г.: «Джарской провинціи, старшинамъ и всему народу. Невѣрный народъ! безстыдные люди! Нужто думаете вы, что затѣмъ въ подданство нашего Государя Императора приняты, чтобы не держать слова даннаго?.. Кто силу въ рукахъ имѣетъ, тотъ съ слабымъ не торгуется, а повелѣваетъ имъ».

Въ октябрѣ кн. Циціановъ обратился съ болѣе суровымъ

*) Замѣчательно, что даже въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ подъ именемъ Джарской провинціи опредѣлялось и Елисуйское султанство,—такъ мало оно имѣло значенія и, слѣдовательно, такъ сильно было вліяніе Джаръ на Елису.

воззваніемъ: «Видно, вы не чувствуете моей жалости къ пролитію вашей крови рѣками... Ждите-же времени, соберите всѣхъ дагестанцевъ и готовьтесь перемерзнуть въ снѣгу между горъ, буде стоить устрашитесь! Не обманете меня въ другой разъ; потреблю васъ съ лица земли и не увидите вы своихъ селеній; пойду съ пламенемъ, по вашему обычаю! Увидимъ, помогутъ-ли вамъ дагестанцы выгнать меня. Знайте, что, писавъ это письмо, кровь моя кипитъ, какъ вода въ котлѣ, члены всѣ дрожатъ отъ ярости! Пойду къ вамъ самъ; землю вашу покрою кровью вашею, пока покраснѣетъ».

Не смотря на такія угрозы, джарцы, надѣясь на поддержку отъ горскихъ лезгинъ, въ счетъ дани за 1803 г. не додали 1000 червонцевъ, а за 1804 г. не уплатили ничего; вслѣдствіе-же разнесшихся слуховъ о движеніи къ нимъ русскихъ войскъ для наказанія, приготовились къ оборонѣ, и, по показанію лазутчиковъ, ожидали дагестанцевъ, обѣщавшихъ помочь имъ.

Въ мартѣ 1804 г. кн. Циціановъ вновь обратился къ джарцамъ: «невѣрные мерзавцы! я васъ много уговаривалъ, а вы призвали дагестанцевъ. Теперь хотите, чтобы я вамъ вѣрилъ! Дождетесь вы моего посѣщенія и тогда не домы ваши сожгу, — васъ сожгу, изъ дѣтей вашихъ и женъ утробы выну. Вы думаете до снятія хлѣба быть покорными? Богомъ васъ увѣряю, не будете вы ѣсть джарскаго хлѣба, пока не заплатите требуемаго. Вотъ вамъ послѣднее мое слово»!

На этотъ разъ джарцы поспѣшили прислать въ Тифлисъ своихъ старшинъ съ повинною, частью дани и объясненіемъ, что причиной неполной высылки дани былъ, будто-бы, Али-султанъ елисуйскій, не доставившій всего, что съ него слѣдовало.

Въ слѣдующемъ году дань также не была прислана и потому отношенія Циціанова къ джарцамъ и елисуйцамъ были въ прежнемъ духѣ. Въ это время джарцы смѣнили Али-султана, по донесенію генералъ-маіора князя Орбеліани, за то, что не пріѣхалъ къ нимъ съ назначенной съ султанства данью; на мѣсто Али избранъ былъ, поддержанный джарцами, Ахмедъ-ханъ, родственникъ перваго, прежде бывшій султаномъ. Между-прочимъ кн. Орбеліани, заявляя, что новый султанъ, *утвержденный джарцами въ родѣ хана*, беретъ на свою отвѣтственность взносъ податей съ султанства и всѣ шалости подвластныхъ ему, спрашивалъ: «на какомъ утвержденіи съ симъ султаномъ основаться»?

Скромное поведеніе въ этомъ дѣлѣ кн. Орбеліани, дѣйствуя

въ духѣ котораго впослѣдствіи мы получили плоды, предвидѣнные кн. Циціановымъ и тревожившіе его, вызвали сильнѣйшее негодованіе дальновиднаго главнокомандующаго. «Усматривая изъ вашихъ донесеній», писалъ онъ кн. Орбеліани, «что прежній султанъ смѣненъ и *новый утвержденъ въ родѣ хана*, вопрошаю ваше сіятельство, какъ могли вы позволить имъ (джарцамъ) приступить къ сей перемѣнѣ своевольно и смотрѣть безъ вниманія, (хотя в. с. стоите у нихъ на носу съ двумя полками), на то, что подъ руками, такъ сказать, вашими изъ джарской республики дѣлается ханство и еще доносите мнѣ съ такимъ хладнокровіемъ о сей важной перемѣнѣ, какъ-бы говорили о какомъ-нибудь полковомъ дѣлѣ»? При этомъ кн. Циціановъ приказывалъ собрать и прислать къ нему, для объясненія по этому дѣлу, старшинъ и извѣщалъ, что хотя совершившаяся перемѣна не противна его видамъ, но *Ахмедъ-ханъ будетъ утвержденъ не въ ханскомъ достоинствѣ, а въ видѣ наиба*. Кажется, Циціановъ введенъ былъ въ заблужденіе неясностью донесенія кн. Орбеліани, полагая, что Ахмедъ-ханъ назначенъ былъ *въ родѣ хана* не только для Елисуйскаго султанства, какъ было на самомъ дѣлѣ, но и для джарской общины, и притомъ съ правами, присвоенными ханамъ кавказскихъ мусульманскихъ ханствъ; но, не допуская политическихъ перемѣнъ такого характера въ народѣ, состоящемъ въ русскомъ подданствѣ, устанавливая назначеніе хановъ въ русскихъ провинціяхъ взглядъ правительства, долженствующій оставаться неизмѣннымъ и въ будущемъ, кн. Циціановъ былъ конечно правъ, когда выходилъ изъ себя въ обращеніи къ кн. Орбеліани, спокойно относившемуся къ вопросу объ избраніи лезгинами для себя султана, въ родѣ хана.

Въ томъ-же 1805 году кн. Циціановъ обратился прямо къ султану елисуйскому, требуя выдачи нѣкоторыхъ преступныхъ лицъ, изъ вліятельныхъ бековъ, нашедшихъ себѣ убѣжище въ султанствѣ, но такъ-какъ Ахмедъ-ханъ сначала дѣйствовалъ въ духѣ джарцевъ и подъ ихъ вліяніемъ и въ тоже время старался задобрить главнокомандующаго письменнымъ увѣреніемъ въ своей преданности, то кн. Циціановъ отвѣчалъ коротко: «Безстыдный и съ персидской душою султанъ! И ты еще смѣешь ко мнѣ писать? Ты принимаешь бѣглыхъ агаларовъ; Баба-хану (нухинскому) послалъ 300 человѣкъ войска!... Въ тебѣ собачья душа и ослиный умъ».

Пришлось, наконецъ, всѣ эти угрозы завершить экспеди-

ціей. Джарскіе и елисуйскіе лезгины были усмирены и наказаны, вновь приняли присягу на вѣрноподданство и заплатили недоимочную подать за прошлое время, кромѣ 2000 червонцевъ, оставшихся въ недоимкѣ за султаномъ, въ томъ вниманіи, что елисуйцы были передъ этимъ разорены кизикскими жителями.

Послѣ Циціанова значеніе елисуйскихъ султановъ начинаетъ усиливаться. Ахмедъ-ханъ старается входить, помимо джарцевъ, въ непосредственныя сношенія съ русскими правительственными лицами на Кавказѣ, заискиваетъ ихъ расположенія и поддержки.

Въ 1807 году Ахмедъ-ханъ прибылъ въ Тифлисъ со старшимъ, 13-ти лѣтнимъ, своимъ сыномъ, для личнаго изъявленія покорности, усердія и вѣрности, объяснивъ, что если онъ до этого не могъ на дѣлѣ показать истиннаго усердія и преданности, то единственно потому, что былъ окруженъ отовсюду безпокойными и непокорными сосѣдями, не могъ удержать въ должномъ послушаніи своихъ подвластныхъ, которые, будучи подстрекаемы прочими лезгинами, иногда участвовали съ ними въ хищничествѣ. За послѣднимъ-же покореніемъ ихъ силой русскаго оружія, султанъ просилъ отдѣлить его отъ прочихъ лезгинъ и защищать отъ притѣсненій, какія онъ нерѣдко терпѣлъ отъ нихъ за преданность свою Россіи. Для этого и для обезпеченія своевременнаго и полнаго сбора податей, султанъ просилъ поставить въ его владѣніи крѣпость и войско.

Въ доказательство-же истиннаго своего усердія и въ залогъ непарушимой вѣрности русскому государю, султанъ добровольно оставилъ своего сына аманатомъ въ Тифлисѣ и, первый изъ лезгинъ, просилъ отдать сына для обученія въ тифлисское благородное училище.

Во вниманіе къ такому искренно выраженному усердію и вѣрности, Ахмедъ-султанъ, по представленію главнокомандующаго графа Гудовича, пожалованъ былъ чиномъ полковника, съ производствомъ жалованья по чину, въ размѣрѣ 1200 р. въ годъ.

Цѣль султана—отдѣлаться отъ вліянія прочихъ лезгинъ—была достигнута, и хотя случалось, что елисуйцы по прежнему участвовали съ ними въ набѣгахъ и грабежахъ, но Ахмедъ-ханъ всегда въ подобныхъ случаяхъ предупреждалъ неудовольствіе русскаго начальства заявленіями о своей вѣрности и готовности содѣйствовать видамъ правительства.

Джарцы дѣйствовали прямѣе и хотя главнокомандующіе имѣли много поводовъ напоминать имъ о присягѣ на вѣрноподдан-

ство, но относились къ нимъ деликатно, называя джарцевъ «вѣрными, благородными, благомыслящими». Такія отношенія къ джарцамъ и султану установились въ этомъ періодѣ по недостатку боевыхъ средствъ, такъ-какъ, находившіяся въ распоряженіи главнокомандующаго, войска нужны были для дѣйствій противъ явно враждебныхъ намъ горцевъ и особенно для обезпеченія нашихъ предѣловъ со стороны Персіи и Турціи.

Въ эпоху управленія Кавказомъ генерала Ермолова также не совершилось въ султанствѣ важныхъ перемѣнъ. Ермоловъ поддерживалъ султана, какъ противовѣсъ непріязненнымъ намѣреніямъ джарцевъ *).

Съ своей стороны, и султанъ показывалъ русскому правительству особенное усердіе и преданность: такъ, онъ принялъ участіе въ войнѣ съ персіанами въ 1826 году и, принужденный оставить свое владѣніе, по случаю вторженія непріятеля въ его предѣлы, присоединился съ своими приближенными и милиціей къ русскому войску.

Въ это время джарцы стали дѣйствовать противъ насъ открыто, объявивъ себя отложившимися отъ русскаго подданства; поэтому, они, по изгнаніи персіанъ, при генералъ-фельдмаршалѣ Паскевичѣ были вновь покорены и тогда-же, вмѣстѣ съ Елисуйскимъ султанствомъ, должны были принять управленіе на новыхъ основаніяхъ.

По Высочайше утвержденному положенію, всѣ селенія джарцевъ образовали Джаро-белоканскую область, подчиненную военному начальнику. Для управленія областью по гражданской части учреждено было при начальникѣ области Временное Правленіе изъ 2-хъ русскихъ чиновниковъ, съ правомъ голоса, утверждающимъ опредѣленіе, и изъ шести туземцевъ, почетныхъ лицъ по выбору обществъ и съ утвержденія намѣстника кавказскаго, съ голосомъ совѣщательнымъ. Для исполненія распоряженій Временнаго Правленія назначены были къ нему два оберъ-офицера изъ русскихъ, преимущественно знающихъ туземный языкъ.

Для пріема казенныхъ денежныхъ и другихъ податей, при

---

*) Архивныя дѣла ермоловскаго періода, представляющія весьма богатый матеріалъ для изслѣдованія, требуютъ продолжительнаго и тщательнаго разсмотрѣнія; поэтому отношенія Ермолова къ частямъ Кавказскаго края, имѣвшимъ особое устройство и управленіе, будутъ предметомъ отдѣльной статьи.

Временномъ Правленіи учреждалось областное казначейство. Для сбора-же податей, опредѣлены были, сверхъ нужнаго числа почетныхъ старшинъ, два коммисара изъ русскихъ офицеровъ. При этомъ положеніемъ предлагалось Правленію собрать подробныя свѣдѣнія о поступающихъ съ жителей въ казну доходахъ, а также о тѣхъ, которыя могутъ быть взимаемы, сверхъ прежнихъ, безъ отягощенія жителей. Область раздѣлена была на 3 магала, или наибства, и султанство; въ начальники магаловъ должны были избираться народомъ достойнѣйшіе изъ туземцевъ. О порядкѣ-же назначенія или избранія султановъ положеніе не опредѣляло никакихъ правилъ.

На обязанности управленія возложено было:

принятіе мѣръ къ возвращенію жителей въ свои дома;

охраненіе области отъ внутреннихъ безпокойствъ и отъ набѣговъ хищныхъ горцевъ;

устройство, съ означенной цѣлью, милиціи изъ туземцевъ и распредѣленіе ея по кордонамъ;

возобновленіе торговыхъ сношеній, съ соблюденіемъ всѣхъ карантинныхъ предосторожностей;

приведеніе въ покорность и подданство Россійской Имперіи сосѣднихъ горскихъ народовъ, посредствомъ предварительныхъ съ ними сношеній и ласковаго убѣжденія.

Предположенія начальника области постановлялось исполнять на основаніи «учрежденія о губерніяхъ» (103 ст.), но въ случаѣ несогласія съ ними членовъ Правленія, мнѣнія послѣднихъ должны были представляться Намѣстнику.

Предоставляя джарцамъ и прочимъ обществамъ сохраненіе ихъ правъ и преимуществъ, «поколику сіе будетъ согласно съ общими законами и уставами Россійской Имперіи», положеніе Джаро-белоканской области допускало населенію имѣть для гражданскихъ дѣлъ національный медіаторскій судъ, съ тѣмъ, чтобы таковыя дѣла поступали изъ сего суда во Временное Правленіе къ разсмотрѣнію и рѣшенію по русскимъ законамъ, если этого пожелаетъ одна изъ тяжущихся сторонъ. Сужденіе-же дѣлъ уголовныхъ подлежало исключительно Временному Правленію.

Въ виду притѣненій, которымъ подвергались коренные жители, ингелойцы, джарскихъ и елисуйскихъ селеній отъ пришельцевъ-лезгинъ, и необходимости, изъ политическихъ видовъ, поддерживать первыхъ, положеніе освобождало ингелойцевъ отъ платежа особыхъ своимъ владѣльцамъ повинностей, кромѣ тѣхъ,

которыя должны были поступать въ казну, и давало имъ личную свободу. Въ случаѣ желанія переселиться въ другое мѣсто, ингелоецъ имѣлъ право взять съ собой все движимое имущество, недвижимое-же могъ пріобрѣсти въ собственность, уплативъ своему владѣльцу 10-лѣтнюю сложность приносимаго имуществомъ дохода.

На вышеизложенныхъ основаніяхъ къ составу области причислялось и Елисуйское султанство (§ 23 положенія), съ тою разницей, что оно оставалось, за исключеніемъ дѣлъ уголовныхъ, въ ближайшемъ распоряженіи султана, который подчинялся начальнику области, какъ лицу, имѣвшему вышій надзоръ за поведеніемъ жителей султанства и за внѣшнимъ охраненіемъ края.

Такимъ образомъ и Положеніе 1830 года, поставившее султанство въ нѣкоторую зависимость отъ начальника области, не могло безпокоить Ахмедъ-хана, какъ потому, что эта зависимость устанавливалась по предметамъ преимущественно военнаго характера, а такія дѣла не могли возникать въ султанствѣ, пока оно находилось въ мирѣ, такъ и потому, что султанъ убѣдился уже въ благорасположеніи къ нему русскаго правительства и самъ въ отношеніяхъ къ нему всегда былъ скроменъ и угодливъ.

Въ 1830 г. султанъ Ахмедъ-ханъ умеръ. Наслѣдникомъ ему назначенъ былъ 2-й сынъ его Муса, а послѣ его смерти въ томъ-же году,—слѣдующій сынъ Ахмеда, Даніель-бекъ. Оставляя изложеніе обстоятельствъ, при которыхъ совершились эти назначенія, и описаніе дѣятельности замѣчательной личности султана Даніеля до слѣдующей главы, обратимся къ нашимъ распоряженіямъ по устройству управленія въ султанствѣ.

Положеніе 1830 года, по своему характеру, составляло какъ-бы переходную степень къ гражданскому управленію. Но оно не измѣняло основныхъ свойствъ національнаго управленія джарцевъ и султанства и потому не вызвало ни малѣйшаго протеста со стороны населенія. Край былъ сравнительно спокоенъ и доволенъ своимъ положеніемъ, когда въ 1840 году послѣдовала новая перемѣна.

Вѣроятно, убѣдившись, что край совершенно подготовленъ, существовавшимъ въ немъ съ 1830 г. управленіемъ, ко введенію въ немъ гражданскаго устройства, кавказское начальство (главнокомандующимъ былъ генералъ Головинъ) ввело въ дѣйствіе Высочайше утвержденный 17 апрѣля 1840 г. проектъ преобразованія этого управленія на началахъ «учрежденія о губерніяхъ».

Джаро-белоканская область переименована была въ уѣздъ, съ причисленіемъ его къ Грузино-имеретинской губерніи; въ уѣздѣ учреждены: уѣздный судъ, попечительство государственныхъ имуществъ, комитетъ о земскихъ повинностяхъ, прокурорскій надзоръ и казначейство. Уѣздъ раздѣленъ былъ на три участка: Белоканскій, Енисельскій и Елисуйскій. Послѣдній состоялъ изъ всѣхъ земель султанства, но, по прежнему, подъ непосредственнымъ управленіемъ султана, долженствовавшаго изображать изъ себя участковаго засѣдателя *).

По введеніи гражданскаго управленія въ Белоканскомъ уѣздѣ, оказалось на первыхъ-же порахъ, что лезгинское населеніе его, менѣе другихъ уѣздовъ Закавказскаго края, приготовлено было къ воспріятію тѣхъ началъ гражданскаго устройства, которыя предположены учрежденіемъ 17 апрѣля 1840 г. Охраненіе границъ отъ вторженія хищниковъ, сборъ милиціи изъ полудикаго населенія, наблюденіе за сношеніями жителей съ непокорнымъ племенемъ и вообще за политическимъ направленіемъ народа, осторожный надзоръ за дѣйствіями мусульманскаго духовенства,—все это не согласовалось со средствами, предоставляемыми гражданской власти, и съ духомъ, лежащимъ въ основѣ гражданскихъ управленій; оно-же указывало на необходимость *возможнаго сосредоточенія и упрощенія управленія въ Белоканскомъ уѣздѣ* (мнѣніе военнаго министра, князя Чернышева) и установленія ближайшаго на мѣстѣ надзора такого лица, которое имѣло-бы большую противъ окружного начальника власть распоряженія и рѣшенія, и съ тѣмъ вмѣстѣ было-бы проникнуто убѣжденіемъ въ важности призванія его къ управленію краемъ, на который устремлены внимательные взоры племенъ намъ полупокорныхъ и даже враждебныхъ (мнѣніе главнокомандующаго генералъ-адъютанта Нейдгарта).

Въ 1842 году, по объѣздѣ Кавказскаго края, военный министръ князь Чернышовъ, высказывая вышеизложенную мысль, предложилъ генералу Головину: Белоканскій уѣздъ переименовать въ округъ и ввѣрить управленію военнаго штабъ-офицера; изъ

*) Эта реформа въ Елисуйскомъ султанствѣ однако-же была отмѣнена скоро послѣ ея объявленія. По протесту Даніель-бека, что замѣна правами участковаго засѣдателя тѣхъ правъ, которыми всегда пользовались султаны, слишкомъ унизительна для него, генералъ Нейдгартъ освободилъ его отъ обязанности участковаго засѣдателя, оставивъ султана, по прежнему, въ подчиненіи по дѣламъ гражданскаго управленія грузино-имеретинскому губернатору.

гражданскихъ учрежденій оставить тамъ только казначейство; дѣла уголовныя разбирать военнымъ судомъ въ закатальской судной коммисіи; дѣла гражданскія — шаріатомъ и третейскимъ судомъ; желающихъ разбираться судебнымъ порядкомъ по русскимъ законамъ отсылать въ ближайшій шекинскій судъ; народу предоставить, подъ надзоромъ русскаго начальства, выбирать себѣ старшинъ.

Это предложеніе военнаго министра, высказанное въ общихъ чертахъ, выражающее лишь характеръ предположеннаго имъ преобразованія Белоканскаго уѣзда, было тогда-же приведено въ исполненіе; уѣздъ былъ переименованъ въ округъ, съ предоставленіемъ начальнику его тѣхъ правъ въ разборѣ и окончательномъ рѣшеніи уголовныхъ и исковыхъ дѣлъ, которыя предоставлены были уѣзднымъ начальникамъ, и съ подчиненіемъ его гражданскому начальству Грузино-имеретинской губерніи. Производившіяся-же въ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ дѣла были переданы въ соотвѣтственныя учрежденія: уголовныя—въ закатальскую судную коммисію; гражданскія—въ шекинскій судъ; по завѣдыванію оброчными статьями — въ телавское уѣздное попечительство государственныхъ имуществъ.

Сельское управленіе, по прежде (до 1840 г.) существовавшему порядку, составляли: выборные народомъ *юзбаши*, *кевхи*, *табунъ-баши* и *чауши*.

На юзбаши лежала обязанность сельскихъ старшинъ; кевхи были старостами; табунъ-баши — помощниками старостъ и сборщиками податей; смотря по величинѣ селеній, ихъ бывало въ одномъ—отъ 2 до 5; чауши были ближайшими исполнителями приказаній юзбашей и кевхи, по сбору жителей на сходъ, по отводу квартиръ, объявленію дворамъ о времени взноса податей, выполненію разныхъ повинностей и проч.

По прошествіи года, въ управленіе краемъ генерала Нейдгарта, съ цѣлью приданія большей власти мѣстному начальнику, Джаро-белоканскій округъ и Елисуйское султанство въ военномъ отношеніи подчинены были начальнику лезгинской кордонной линіи, генералъ-маіору Шварцу, который получилъ титулъ—военно-окружного начальника Белоканскаго округа; начальникъ округа оставался по прежнему и подчинялся въ военномъ отношеніи генералу Шварцу, въ гражданскомъ—губернскому начальству.

Такъ-какъ военно-окружной начальникъ, по своей обязанности, могъ входить въ столкновенія съ гражданскимъ вѣдом-

ствомъ, то для предупрежденія неблагопріятныхъ столкновеній, ему дана была инструкція о степени участія, которое военно-окружной начальникъ могъ принимать въ гражданскомъ управленіи этого края.

Этой инструкціей постановлялось: что гражданскія власти должны безпрекословно и безъ малѣйшаго замедленія исполнять всѣ распоряженія военно-окружного начальника, клонящіяся къ поддержанію спокойствія и безопасности въ краѣ; что, съ этой цѣлью, ему подчиняется полиція и все управленіе въ краѣ, относительно общаго надзора за нимъ, и что обо всѣхъ распоряженіяхъ по гражданскому управленію, военно-окружной начальникъ долженъ доносить главнокомандующему, а начальникъ округа—губернскому начальству.

Въ скоромъ времени (1843 г.) однако-же оказалось, что изложенныя перемѣны, съ цѣлью установленія возможно-большихъ способовъ къ обезпеченію спокойствія въ краѣ,—не болѣе какъ полумѣра, весьма недостаточная при обстоятельствахъ того времени, когда театръ военныхъ дѣйствій, въ сопредѣльномъ съ Елисуйскимъ султанствомъ и Белоканскимъ округомъ Дагестанѣ, требовалъ усиленія надзора за жителями округа и султанства. Къ тому-же упраздненіе въ округѣ уѣздныхъ учрежденій ограничили сношенія окружного начальника съ поставленными надъ нимъ губернскими властями (по гражданскому управленію) мелкой перепиской; такъ, напр., съ губернскимъ правленіемъ — о ничтожныхъ доходахъ съ мѣстечка Новыя-Закаталы, объ опредѣленіи и увольненіи чиновниковъ *), съ палатою государственныхъ имуществъ — объ управленіи государственными поселянами и о податяхъ **).

Сношенія по предметамъ весьма незначительной важности или небольшого круга дѣятельности (о государственныхъ поселянахъ въ округѣ и султанствѣ) длили безъ нужды производство дѣлъ и могли еще поддерживать въ народѣ мысль о двойственности власти, не соотвѣтствовавшей понятіямъ азіатцевъ.

Поэтому генералъ Нейдгартъ рѣшилъ совершенно отдѣ-

---

*) На что имѣлъ сильное вліяніе военно-окружной начальникъ, такъ какъ, по § 15 инструкціи, въ случаѣ неблагонадежности чиновника, онъ могъ устранить его отъ должности.

**) Система которыхъ въ султанствѣ и округѣ должна была установиться на началахъ, по мѣстнымъ условіямъ различныхъ отъ прочихъ уѣздовъ Грузино-имеретинской губерніи.

лить округъ и входившее въ его составъ султанство отъ гражданскаго управленія Грузино-имеретинской губерніи, подчинивъ его непосредственно одному лицу, съ прежнимъ титуломъ «военно-окружного начальника Джаро-белоканскаго округа», и съ предоставленіемъ ему въ административномъ, финансовомъ, хозяйственномъ и гражданско-судебномъ отношеніяхъ правъ гражданскихъ губернаторовъ, а относительно утвержденія приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ—правъ начальниковъ дивизій.

Управленіе военно-окружного начальника по новому проекту было составлено: 1) изъ комитета по дѣламъ Джаро-белоканскаго округа и Елисуйскаго султанства; комитетъ, по возложеннымъ на него обязанностямъ, замѣнилъ губернскія присутственныя мѣста, и 2) изъ военаго управленія его по званію военно-окружного начальника. Низшія инстанціи составляли: 1) управленіе начальника Белоканскаго округа; 2) управленія городского коммисара и участковыхъ засѣдателей и 3) Елисуйское султанство.

Сельское управленіе и судъ остались на прежнихъ основаніяхъ.

Относительно степени подчиненія елисуйскаго султана, въ проектированномъ положеніи сказано было особо, что «онъ долженъ находиться къ военно-окружному начальнику въ тѣхъ-же отношеніяхъ, въ какихъ былъ къ начальнику Джаро-белоканской области, до введенія въ этомъ краѣ учрежденій 1840 года». Неустановившійся взглядъ на эти отношенія нѣсколько болѣе выясняется главнокомандующимъ Головинымъ (въ отзывѣ военному министру 1842 г. № 50): «вліяніе военно-окружного начальника на султанство должно быть совершенно такое, какое дербентскій военный и другіе, равные ему, мѣстные начальники имѣютъ на владѣльцевъ земель, въ кругу ихъ управленія находящихся; то есть, онъ (военный начальникъ) ограничивается надзоромъ за исполненіемъ со стороны султана обязанностей его, какъ къ правительству, такъ и по управленію подвластныхъ ему земель, предоставивъ султану Даніель-беку полную свободу внутреннихъ полицейскихъ распоряженій, судъ и расправу, кромѣ тяжкихъ уголовныхъ преступленій, подлежащихъ суду военному».

Слѣдовательно, и на этотъ разъ ни въ какую особую зависимость султанъ не былъ поставленъ; но характеръ взаимныхъ отношеній военно-окружного начальника и султана могъ опредѣлиться только личными свойствами и взглядами генерала Шварца и Даніель-бека; въ этомъ-же они разошлись въ самомъ началѣ.

Генералъ Шварцъ, дѣятельный, энергическій, рѣшительный, зная духъ и цѣль вновь устроеннаго и ввѣреннаго ему управленія, требовалъ безусловнаго исполненія его распоряженій въ предѣлахъ закона и подчиненія данной ему власти; Даніель-бекъ, привыкшій уже считать себя наслѣдственнымъ повелителемъ своего султанства и до-сихъ-поръ не подчинявшійся никому (оффиціально же считался подчиненнымъ то окружному, то губернскому начальству), также не намѣренъ былъ унижать свое достоинство даже наружнымъ изъявленіемъ своей подчиненности генералу Шварцу. Взаимныя ихъ требованія, противорѣчія и дерзкая неуступчивость со стороны султана привели къ тому, что султанъ измѣнилъ правительству (1844 г.), взволновалъ елисуйское населеніе и подвергся страшному разгрому. Рѣшительныя дѣйствія генерала Шварца заставили Даніеля искать спасенія у Шампля и въ короткое время возстановили полное спокойствіе въ взволнованномъ краѣ.

Тогда-же (1844 г.) Елисуйское султанство объявлено было упраздненнымъ и переформировано вначалѣ въ особый Елисуйскій округъ, съ подчиненіемъ военно-окружному начальнику Джаро-белоканскаго округа, а вслѣдъ затѣмъ—въ участокъ, съ причисленіемъ къ Джаро-белоканскому-же округу.

IV.

Генеологія елисуйскихъ султановъ. Личность Даніель-султана. Отношенія его къ русскому правительству. Упраздненіе султанства.

Предлагаемыя генеологическія свѣдѣнія о елисуйскихъ султанахъ составлены на основаніи документовъ, предъявленныхъ Даніель-бекомъ, и изысканій кавказской археографической коммисіи, произведенныхъ въ Закатальскомъ округѣ. Имена султановъ до Ахмедъ-хана (въ 1830 года) были приведены уже въ I и II гл.; всѣ они, по преданію, были одной фамиліи, но избирались народомъ не по нисходящей линіи, а по достоинству; слѣдовательно, султанскій престолъ не былъ наслѣдственнымъ, и только обыча-

емъ установился порядокъ замѣщенія его лицами одной фамиліи. По присоединеніи Елису къ Россіи, существовавшій порядокъ избранія султана, подъ вліяніемъ и руководствомъ джарской республики и безъ непосредственнаго вліянія русскаго правительства, былъ уже немыслимъ. Мы видѣли, какъ кн. Цицiановъ отнесся къ этому вопросу въ 1805 году, при избраніи Ахмедъ-хана. Спустя 25 лѣтъ, послѣ новаго покоренія джарцевъ, устройства у нихъ окружного управленія и оставленія за султаномъ правъ самостоятельнаго управленія владѣніемъ, обстоятельства измѣнились настолько, что русское правительство, заинтересованное въ выборѣ султана изъ лицъ наиболѣе способныхъ и благонадежныхъ, должно было взять на себя право назначенія султановъ, установивъ при первомъ-же случаѣ порядокъ подобнаго назначенія и на будущее время.

Въ 1830 году Ахмедъ-ханъ умеръ, оставивъ шесть сыновей: отъ первой жены, двоюродной сестры своей, Имранъ-Агу, отъ второй—сестры Асланъ-хана казикумухскаго, Муссу и Даніель-Агу, отъ третьей жены, Периджаны,—Мухаммеда, Халиля и Амиръ-хана.

Получивъ извѣстіе о смерти Ахмедъ-султана, главнокомандующій генералъ-фельдмаршалъ Паскевичъ предложилъ джарскому военно-окружному начальнику кн. Чавчавадзе развѣдать, кто изъ сыновей Ахмедъ-султана могъ-бы занять мѣсто отца, а, между-тѣмъ, управленіе султанствомъ поручилъ второму сыну умершаго, Мусса-Агѣ, такъ-какъ и при жизни отца, во время его отсутствія, онъ былъ оставляемъ правителемъ владѣнія. По изслѣдованію кн. Чавчавадзе оказалось, что управленіе султанствомъ можно-бы было предоставить Имранъ-Агѣ, какъ старшему сыну умершаго, но такъ-какъ во владѣніе султанствомъ всегда вступали избранные по личнымъ достоинствамъ, отнюдь не придерживаясь правъ первородства, между-тѣмъ Имранъ-Ага всѣми признавался неспособнымъ къ управленію и не имѣвшимъ приверженцевъ, то необходимо назначить второго сына, Мусса-Агу, какъ человѣка способнаго, преданнаго правительству и имѣющаго за себя сильную партію. Но еще до полученія такого мнѣнія кн. Чавчавадзе, елисуйцы прислали своихъ представителей къ главнокомандующему съ благодарностью за назначеніе Муссы; поэтому онъ и былъ утвержденъ въ султанскомъ достоинствѣ.

Въ томъ-же году Мусса умеръ. Въ управленіе султанствомъ временно вступилъ слѣдующій братъ Муссы, Даніель-бекъ, о ко-

торомъ и ранѣе имѣлись самые лестные отзывы. Дядя его, генералъ-маіоръ Асланъ-ханъ-казикумухскій, ходатайствовалъ о назначеніи Даніеля султаномъ, рекомендуя его, какъ человѣка умнаго, храбраго, могущаго быть полезнымъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ лезгинскихъ отрядахъ и имѣющаго сильное вліяніе на жителей Елисуйскаго султанства. Послѣ подобныхъ заявленій, главнокомандующій, при назначеніи Даніеля султаномъ, счелъ полезнымъ и поощрить его, испросивъ Высочайшее повелѣніе о пожалованіи его, не въ примѣръ прочимъ, чиномъ капитана, помимо младшихъ чиновъ, въ томъ вниманіи, что, въ періодъ кратковременнаго управленія султанствомъ послѣ смерти брата, Даніель-бекъ показалъ, что правительство находитъ въ немъ дѣятельнаго и преданнаго пользамъ Россіи правителя, ввѣренный-же ему народъ, видя особенное вниманіе къ нему правительства, будетъ имѣть больше уваженія и покорности. При этомъ воспослѣдовало также распоряженіе о распредѣленіи пенсіи въ 1200 руб., которую получалъ Ахмедъ-ханъ, между семействомъ Имранъ-Аги и Периджаны, вдовы Ахмедъ-хана (по 600 р. обоимъ семействамъ).

Условія, при которыхъ Даніель назначенъ былъ султаномъ, знаменательны въ томъ отношеніи, что, на первыхъ-же порахъ, дѣйствительно способствовали его возвышенію и укрѣпленію его значенія и власти, какъ того хотѣло наше правительство. Даніель-султана расхвалили, возвеличили и явно высказывали мысль, что, предоставляя султанство въ его владѣніе, отъ Даніеля требуется только удержаніе въ покорности своего народа и преданность нашему правительству. Даніель, какъ увидимъ ниже, воспользовался даннымъ ему оружіемъ и благопріятными обстоятельствами какъ нельзя лучше и объявилъ себя получившимъ султанство по наслѣдству, по праву.

Поэтому на личности Даніеля необходимо остановиться нѣсколько долѣе.

По полученіи извѣстія объ утвержденіи въ султанскомъ достоинствѣ, Даніель-бекъ обратился къ главнокомандующему съ докладной запиской: 1) о назначеніи ему пенсіи, такъ-какъ деревни, собственно ему принадлежащія (Кахъ, Мешабашъ), приносятъ весьма ничтожный доходъ, на который ему рѣшительно невозможно содержать себя соотвѣтственно своему достоинству; 2) о разслѣдованіи и удовлетвореніи его претензіи къ джарцамъ, которые захватили принадлежавшія его предкамъ се-

ленія Караганъ, Шатоваръ и Алмало; 3) о вознагражденіи за убытки, причиненныя ему въ 1826 г., при нашествіи на султанство Гаджи-хана Шекинскаго, эграбленіемъ его дома на 3000 р.

По этимъ просьбамъ, подкрѣпленнымъ и личнымъ ходатайствомъ Даніеля въ Тифлисѣ, разрѣшено было: выдавать ему ежегодно пенсію по 200 червонцевъ и возвратить въ распоряженіе султана деревни, на которыя онъ предъявлялъ свои права.

Въ 1832 г. случилось происшествіе, набросившее неблаговидное подозрѣніе на Даніель-бека, — убійство двухъ его единокровныхъ братьевъ, Мухаммеда и Халиль-бека; по разслѣдованіи оказалось, что Даніель, вмѣстѣ съ братомъ Мухаммедомъ, прибылъ по своимъ дѣламъ въ селеніе Багляръ (нынѣ не существуетъ); туда-же прибыли и другіе его братья, Имранъ и Халиль. На слѣдующій день всѣ они собрались у старшаго брата, Имрана, и кутили. Здѣсь Мухаммедъ съ Халилемъ такъ напились бузы, что начали буянить. Халиль поссорился съ султанскими нукерами, былъ за это побитъ султаномъ и, прогнанный изъ дому Имрана, уѣхалъ въ сел. Тангитъ. Мухаммедъ завязалъ ссору съ самимъ султаномъ, упрекалъ его въ двуличномъ поведеніи и въ измѣнѣ русскому правительству, и, обнаживъ кинжалъ, бросился на султана; но стоявшіе сзади Даніеля нукеры предупредили занесенный ударъ и сами поразили Мухаммеда кинжалами. Въ этотъ-же день въ сел. Тангитъ былъ убитъ и Халиль-бекъ, но при какихъ обстоятельствахъ—не было разслѣдовано.

Мать убитыхъ, Периджана, заявила утвердительно, что самъ султанъ истребилъ ея сыновей, какъ лицъ преданныхъ Россіи, часто упрекавшихъ султана въ неискренности отношеній его къ правительству, которымъ онъ былъ такъ облагодѣтельствованъ, и опасныхъ для султана, по наблюденію за его поведеніемъ.

Не смотря на это, начальникъ Джаро-белоканскаго округа высказалъ свое мнѣніе, что, по сдѣланному по горячимъ слѣдамъ разслѣдованію, Даніель-султанъ не оказывается виновнымъ въ убійствѣ братьевъ, и за преданность и усердіе русскому правительству и всегдашнюю готовность быть полезнымъ, заслуживаетъ отстраненія его отъ всякаго по этому дѣлу подозрѣнія. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Благоволенія къ султану кавказскаго начальства продолжались по-прежнему и особенно высказывались въ пожалованіи ему наградъ и въ полномъ довѣріи къ нему по управленію султан

ствомъ. Въ 1832 г. онъ былъ произведенъ въ маіоры за отличіе, оказанное имъ, въ союзѣ съ своимъ дядей Асланъ-ханомъ казикумухскимъ, при вторженіи въ Джарскую область Гамзатъ-бека, сообщника Кази-муллы, и при пораженіи нѣкоторыхъ шаекъ мятежниковъ, при обратномъ слѣдованіи ихъ въ горы. Въ 1837 году онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Станислава 3-й ст. и, за участіе съ 50 человѣками своей милиціи въ дѣйствіяхъ русскаго отряда при движеніи въ Дагестанъ, награжденъ особой пенсіей по чину, въ 2000 руб. ассигнаціями. Въ слѣдующій годъ, за военныя отличія, оказанныя имъ съ 200 челов. милиціи, произведенъ въ подполковники. Въ 1840 г., за такія-же отличія и преданность правительству получилъ право носить мундиръ лейбъ-гвардіи гродненскаго гусарскаго полка и произведенъ въ полковники. Въ 1842 и 1843 г., за участіе со 100 челов. милиціи въ отрядѣ кн. Аргутинскаго-Долгорукаго и военныя отличія, произведенъ въ генералъ-маіоры, награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степ. и жалованьемъ по чину, по 860 р. сер. въ годъ (взамѣнъ прежняго, съ производствомъ этого жалованья тогда только, когда онъ будетъ находиться на службѣ внѣ своего владѣнія). Вмѣстѣ съ тѣмъ ему разрѣшено было носить дома и во время походовъ національный костюмъ съ эполетами.

Но не столько эти награды, сколько оказанное ему довѣріе и полнѣйшее невмѣшательство во внутреннее управленіе его владѣніемъ, дали право и возможность Даніель-беку держать себя въ султанствѣ повелительно, управлять народомъ неограниченно, съ присвоеніемъ себѣ ханскихъ правъ, и относиться только къ высшимъ русскимъ властямъ и только съ изъявленіемъ своей преданности русскому правительству. Русскія власти оказывали ему также особенное вниманіе и почесть, какъ владѣтельной особѣ.

Такая обстановка развила въ Даніель-бекѣ крайнюю самоувѣренность, гордость и убѣжденіе, что для русскаго правительства онъ незамѣнимъ и опасенъ. Къ 1840 годамъ относятся извѣстныя намъ перемѣны въ управленіи Джаро-белоканскимъ округомъ и въ подчиненіи султана, сначала на правахъ участковаго засѣдателя, начальнику округа, затѣмъ грузино-имеретинскому губернатору и, наконецъ, военно-окружному начальнику, генералу Шварцу, на тѣхъ-же основаніяхъ, на какихъ султанъ подчинялся начальнику Джарской области, до введенія учрежденій 1840 года. Хотя перемѣна объ избавленіи султана отъ обязанностей

участковаго засѣдателя произошла вслѣдствіе сильнаго протеста Даніель-бека въ пользу своихъ султанскихъ правъ, но этимъ онъ уже не ограничился. Попытка къ ограниченію его правъ была; она могла, по его мнѣнію, и повториться. Поэтому, считая себя достаточно сильнымъ (при поддержкѣ, въ случаѣ надобности, непокорныхъ намъ горцевъ) и опаснымъ для русскаго правительства, онъ рѣшился предупредить подобныя попытки на будущее время и началъ дѣйствовать въ пользу своихъ правъ. Не унижая себя ближайшими сношеніями по этому дѣлу съ военно-окружнымъ начальникомъ, генераломъ Шварцомъ, и не оказывая ему вообще никакого вниманія, Даніель-бекъ вступилъ въ непосредственныя сношенія съ Государемъ Императоромъ, военнымъ министромъ и главнокомандующимъ на Кавказѣ. Письма къ нимъ Даніель-бека приводятся въ полномъ видѣ, какъ весьма интересныя по своему тону, содержанію и аргументамъ въ пользу его правъ.

Письмо къ Государю Императору (2-го марта 1842 г.): «Всеавгустѣйшій Монархъ, Всемилостивѣйшій Государь! Впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій предки мои, ознаменовавъ себя достойными подвигами, повергли себя милостивому вниманію азіатскихъ царей и, *получивъ отдѣльное владѣніе (?)*, постоянно оставались при неизмѣнной преданности повелителямъ своимъ, заслуживая разновременно царскія грамоты, изъ коихъ и донынѣ хранятся при мнѣ 35.

«По стеченію различныхъ переворотовъ между турецкимъ и персидскимъ державами, какъ предки мои, такъ и всѣ вообще дагестанскіе народы, оставались довольно продолжительное время независимыми отъ сихъ державъ, но предки мои всѣ были безпрерывно при владѣніи своемъ.

«Наконецъ, покойный отецъ мой, Ахмедъ-ханъ-султанъ, владѣя елисуйскимъ владѣніемъ и продолжая миролюбивыя (?) связи съ сосѣдними грузинскими царями, при принятіи Грузіи подъ великое покровительство Россійской державы, священнымъ долгомъ поставилъ себѣ прибѣгнуть къ великому покровительству Россійскаго престола *со всѣмъ своимъ владѣніемъ (?)*, не смотря ни мало на внѣшнія и внутреннія вѣроломства и безпокойствія сосѣднихъ ханствъ, даже и единовѣрцевъ дагестанцевъ. Устранивъ всѣ предвидимыя имъ опасности, Ахмедъ-ханъ съ 1803 г. постоянно и неизмѣнно исполнялъ священный и вѣрноподданническій долгъ присяги, получая отъ главнокомандующихъ въ Гру-

зіи похвальныя отзывы, за посвященіе себя на пользу службы и вѣрноподданство В. И. В.

«Не малымъ подвигомъ и выраженіемъ вѣрноподданства къ престолу В. И. В. ознаменовалъ себя покойный отецъ мой и при внезапномъ вторженіи персіянъ въ предѣлы Грузіи въ 1826 г., когда, сначала защищаясь съ жителями владѣнія своего противъ мятежниковъ, находившихся подъ командой самозванца Аджихана (нухинскаго), и, наконецъ, не имѣя средствъ къ отраженію ихъ, лишившись нѣсколькихъ человѣкъ въ сраженіи и будучи вынужденнымъ оставить владѣніе свое, присоединился съ семействомъ своимъ къ русскимъ войскамъ. Въ отмщеніе за таковую преданность, мятежники, единовѣрцы наши, разграбили почти все движимое имѣніе моего отца, болѣе чѣмъ на 30,000 руб.; отецъ-же мой *въ вознагражденіе потерь (?)* получилъ отъ главнокомандующаго графа Паскевича-Эриванскаго похвальный отзывъ (въ предписаніи 1827 года № 930).

«Въ 1830 году, по кончинѣ отца моего Ахмедъ-хана, султана елисуйскаго, и по смерти старшаго брата моего Муса-Аги, занявшаго уже мѣсто елисуйскаго владѣтеля, по ходатайству свѣтлѣйшаго князя варшавскаго, я имѣлъ счастье быть удостоеннымъ къ сему званію *по праву наслѣдства (??)*.

«Вступивъ, по удостоенію В. И. В., въ управленіе султанствомъ *преемникомъ предковъ моихъ* и управляя симъ владѣніемъ, при всемъ стремленіи моемъ къ достиженію высокой цѣли и совершенію предпріятій правительства, я имѣлъ счастье получить, за вѣрноподданническія заслуги, похвальные и лестные отзывы кавказскаго начальства, представлявшаго меня къ великимъ щедротамъ В. И. В.

«Всеавгустѣйшій Монархъ! Будучи увѣнчанъ щедрыми милостями и сохраняя въ глубочайшей памяти священныя и благодѣтельныя покровительства, В. И. В. изливаемыя на меня, пріемлю смѣлость поднести Высочайшему вниманію В. И. В., какъ заслуженные предками моими, въ подлинникѣ, 35 документовъ отъ прежнихъ царей, такъ равно и 23 предписанія, съ похвальными отзывами главнокомандовавшихъ, и двѣ грамоты, Высочайше пожалованныя родному брату моему Алхазу, убитому въ сраженіи съ турками подъ Ахалцихомъ, и при такомъ дерзновеніи моемъ передъ престоломъ Августѣйшаго Монарха, *осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить въ заключеніе сихъ документовъ удостоить меня снабженіемъ новою Высочайшею грамотой на владѣніе мое священною*

рукою Вашего Императорскаго Величества подписанною, Высочайше повелѣлъ записать меня въ число князей двора В. И. В. на правахъ мингрельскаго князя Дадіана. Щедрота таковой монаршей милости послужитъ крѣпкимъ огражденіемъ въ защиту и покровъ священной истины, впечатлѣвшейся велико-монаршимъ благоволѣніемъ въ исосѣненномъ сердцѣ вѣрноподданнѣйшаго, повергшаго себя подъ великое покровительство Августѣйшаго Монарха».

Письмо военному министру (1-го іюля 1842 г.): «Счастливая минута, которая повергла весь Закавказскій край великому вниманію Августѣйшаго Монарха, посредствомъ личнаго посѣщенія вашего сіятельства, подаетъ мнѣ смѣлость представить справедливому заключенію вашему о положеніи владѣнія моего, какъ лицу, уполномоченному отъ державнѣйшаго Императора. В. С. благоусмотрѣть изволите изъ представленныхъ мною грузино-имеретинскому губернатору *) 35 документовъ турецкихъ султановъ и персидскихъ шаховъ и 23 предписаній главнокомандовавшихъ въ Грузіи, что предки мои, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій *владѣя своимъ имѣніемъ безусловно (?)*, простирали свои права надъ всѣми подвластными имъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ кончается уже 40 лѣтъ, какъ и родитель мой Ахмедъ-ханъ-султанъ, со дня *добровольнаго поступленія своего подъ великое покровительство Россіи, оставался на тѣхъ-же правахъ при владѣніи своемъ (?)*, заслуживая у главнаго въ Грузіи начальства весьма похвальные отзывы, за сохраненіе всѣхъ своихъ подвластныхъ въ непоколебимой вѣрности и преданности, не смотря нимало на внѣшнія и внутреннія безпокойства и даже на самые перевороты, произшедшіе какъ въ сосѣдственныхъ ханствахъ, такъ и по всему Дагестану и въ самой Грузіи, въ особенности въ послѣднюю войну съ персіанами. За смертью-же родителя, *по праву наслѣдства моего (?)*, я удостоенъ былъ, съ Высочайшаго утвержденія въ 1831 г., на мѣсто его владѣтелемъ. *Получивъ свое наслѣдство*, я всегда посвящалъ себя на пользу службы съ усердіемъ, сохраняя владѣніе свое въ непоколебимой вѣрности, и былъ готовъ, по первому востребованію начальства, съ милиціею **) для наказанія измѣнниковъ, на собственномъ иждивеніи; заслуги мои, доведенныя до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, щедро были награждены Государемъ

*) При письмѣ на высочайшее имя.

**) Выходилъ большею частью съ 50—100 человѣками.

Императоромъ. Между тѣмъ въ 1840 году, при введеніи здѣсь новаго гражданскаго управленія, владѣніе мое включено въ составъ Белоканскаго уѣзда Грузино-имеретинской губерніи, какъ участокъ онаго, и хотя оставленъ при мнѣ носимый мною титулъ, но предписано мнѣ въ управленіи руководствоваться общими гражданскими уставами, наравнѣ съ участковыми засѣдателями. Покорясь такому распоряженію, *поколебавшему вѣковыя наслѣдственныя права моихъ предковъ* (?), я не могъ однако свыкнуться съ мыслью, чтобы на это была воля Г. И и чтобы Е. И. В., утвердивъ меня владѣтелемъ елисуйскимъ, дозволилъ, безъ всякой вины моей, уничтожить меня до званія участковаго засѣдателя; поэтому я и обратился съ просьбою къ главнокомандующему, но не получилъ еще рѣшительнаго отвѣта» *).

«Обращаясь нынѣ къ В. С., осмѣливаюсь повергнуть на благоусмотрѣніе ваше нижеслѣдующія просьбы мои: 1) оградивъ неприкосновенность правъ моего владѣнія на томъ основаніи, какъ владѣли мои предки и я самъ, до воспослѣдовавшаго въ 1840 г. распоряженія, освободить меня отъ подчиненности мѣстному губернскому начальству и всѣмъ формамъ и уставамъ общаго гражданскаго управленія Закавказскому краю дарованнаго, оставивъ *по прежнему* (?) въ зависимости прямо главнокомандующаго, черезъ котораго и обязанъ буду давать отчетъ *въ благосостояніи моихъ подчиненныхъ* и въ спокойствіи моего владѣнія, сохраненномъ мною до сего времени, не взирая на волненія и смуты въ сопредѣльномъ Дагестанѣ; 2) исходатайствовать у Августѣйшаго Монарха *утвержденіе меня въ княжескомъ достоинствѣ и въ наслѣдственномъ владѣніи настоящимъ елисуйскимъ султанствомъ на тѣхъ правахъ, кои дарованы были дому нашему* (?) *представленными мною царскими грамотами; милость эта, обнадеживъ меня и потомство мое въ спокойномъ обладаніи наслѣдіемъ нашимъ, (?)* поощритъ насъ и на дальнѣйшее время продолжать службу нашу правительству, съ тѣмъ-же пламеннымъ усердіемъ, которыми какъ родитель мой, такъ и я, постоянно отличались, считая первою священною обязанностью быть вѣрноподданнымъ Г. И. и ревностными исполнителями повелѣній главныхъ здѣсь начальствъ».

Рапортъ главнокомандующему генералъ-адъютанту Нейдгарту (12-го января 1843 года):

«Ваше Высокопревосходительство благоусмотрѣть изволите

*) Просьба рѣшена была для султана удовлетворительно.

изъ представленныхъ при семъ двухъ копій съ прошеній на Высочайшее имя и на имя военнаго министра, что какъ права на владѣніе мое, такъ правленіе онымъ, съ 1840 года приняли совершенно другой оборотъ. Не смѣя утруждать особу В. Впр. дальнѣйшимъ изъясненіемъ *всѣхъ переворотовъ потомственнаго моего основанія (?)*, принимаю смѣлость представить милостивому вниманію В. Впр. одно только то, что послѣ поступленія отца моего на вѣрноподданство Россіи, *40-лѣтнее управленіе наше, по праву, владѣніемъ своимъ (?)* доказывало, среди безпрерывно волновавшихся сосѣдственныхъ ханствъ и другихъ націй, непоколебимую преданность къ Всеавгустѣйшему Монарху, и всегда, при стеченіи различныхъ переворотовъ въ Закавказскомъ краѣ, подвластные наши, съ владѣтелемъ, оставались со всегдашнею готовностью и вѣрноподданническимъ усердіемъ къ исполненію воли правительства. *Желаніе такихъ-же связей (?)* побуждаетъ меня нынѣ утруждать В. Впр. всепокорнѣйшей просьбой не оставить исходатайствовать у Всемилостивѣйшаго Государя нашего Высочайшаго благоволенія, *какъ объ ограниченіи владѣнія моего потомственными нашими правами и управленіемъ (?)*, такъ и о прекращеніи производимаго мнѣ ежегодно жалованья 1822 р. сер., опредѣленнаго мнѣ послѣ новаго преобразованія въ 1840 году Закавказскаго края и султанства, послѣдняго въ участковое управленіе, *ибо я, какъ владѣтель въ своемъ владѣніи, имѣю многія средства управлять своимъ народомъ и безъ казеннаго содержанія* *); съ тѣмъ вмѣстѣ я считаю для себя большимъ униженіемъ состоять наравнѣ и въ званіи участковаго засѣдателя и *рѣшаюсь предъявить вышеизложенныя просьбы мои въ виду того, что о благосостояніи жителей моего владѣнія я, какъ владѣтель, всегда ручаюсь передъ правительствомъ, обязываюсь во всемъ самъ лично отвѣтствовать, въ чемъ и до сего времени отвѣтственность возлагалась на насъ»* **).

«Въ разрѣшеніе сего смѣю ожидать милостиваго и благосклоннаго вниманія Вашего Высокопревосходительства».

По требованіямъ, выраженнымъ въ этихъ письмахъ, можно видѣть, что Даніель-бекъ рѣшительно стремился къ цѣли утвер-

*) По полученіи султанства, тотъ-часъ-же сталъ хлопотать о назначеніи пенсіи, на томъ основаніи, что доходы съ владѣнія ничтожны.

**) При русскомъ правительствѣ; до этого-же народъ руководилъ султанами.

жденія Елисуйскаго султанства владѣніемъ самостоятельнымъ и потомственнымъ въ его домѣ, въ полной увѣренности, что изъ страха и непониманія его дѣйствительныхъ правъ въ султанствѣ, правительство уступитъ его требованіямъ.

Военно-окружной начальникъ, генералъ Шварцъ, ближе другихъ чувствовалъ самоувѣренность и заносчивость въ отношеніяхъ къ нему Даніель-султана и также началъ дѣйствовать къ его обузданію рѣшительно.

Но султанъ не обращалъ вниманія на требованія генерала Шварца, въ ожиданіи отвѣтовъ отъ Государя и военнаго министра. Разрывъ былъ неизбѣженъ. Между тѣмъ Даніель-бекъ заявилъ главнокомандующему, по поводу требованія генерала Шварца о сборѣ милиціи съ султанства и о присоединеніи ея, подъ начальствомъ самого султана, къ русскому отряду для дѣйствій въ Дагестанѣ, что хотя онъ съ милиціей былъ готовъ выступить, но оную остановилъ, и «*послѣдній разъ докладываетъ о томъ, что если правительству будетъ угодна его служба, то пусть удовлетворитъ его просьбы, тогда онъ по прежнему будетъ служить усердно*» (отвѣтъ не былъ данъ).

Въ іюнѣ 1844 г. генералъ Шварцъ получилъ, наконецъ, свѣдѣніе черезъ лазутчиковъ, что султанъ Даніель-бекъ торжественно присягнулъ въ мечети принять сторону Шамиля и заставилъ принести такую-же присягу свой народъ; свѣдѣніе это подтверждалось начавшимся волненіемъ въ народѣ, набѣгами хищниковъ и усилившимися происшествіями въ предѣлахъ, оберегаемыхъ нашими войсками; но для большаго убѣжденія въ справедливости показаній лазутчиковъ, генералъ Шварцъ предписалъ Даніель-беку немедленно явиться къ нему, для объясненій по дѣламъ службы, къ 8 іюня въ кр. Закаталы и, независимо этого, отвѣтить на предписаніе съ посланнымъ нарочнымъ, дабы, основываясь на этомъ отвѣтномъ донесеніи, довести до свѣдѣнія главнокомандующаго о тѣхъ предметахъ, по которымъ потребуется личное объясненіе Даніель-бека.

Султанъ отвѣчалъ генералу Шварцу, представивши и копію съ своего послѣдняго рапорта главнокомандующему, что дѣйствія елисуйской милиціи имъ пріостановлены, впредь до полученія отъ генералъ-адъютанта Нейдгарта удовлетворительнаго отвѣта, и что до этого онъ не намѣренъ участвовать въ экспедиціи и милиція будетъ оставаться на своихъ мѣстахъ; «присутствіе-же свое въ Закаталахъ считаю лишнимъ и если вашему

превосходительству угодно по сему предмету сдѣлать донесеніе начальству, то можете написать и безъ меня».

Такимъ образомъ, ожидая отвѣта на свои требованія, султанъ принялъ угрожающее положеніе, но отвѣтомъ ему не давалось; главнокомандующій ожидалъ распоряженій изъ Петербурга, на донесеніе отъ 4-го іюня, въ которомъ, представляя письма отъ Даніель-бека, сообщалъ о своемъ намѣреніи объявить султану, что «какъ власть и права каждаго вѣрноподданнаго Россійской имперіи проистекаютъ отъ Высочайшей Государя Императора воли, то Даніель-султану слѣдовало пользоваться дарованными ему преимуществами, не объявляя претензій на новыя, въ неумѣренномъ тонѣ, и что какъ по этой причинѣ, такъ и за неповиновеніе распоряженіямъ правительства касательно выступленія елисуйской милиціи и за безпорядки, возникшіе въ томъ краѣ, я, впредь до полученія Высочайшаго повелѣнія, устраняю его отъ управленія Елисуйскимъ султанствомъ, поручивъ оное во временное завѣдываніе довѣренному лицу»... «Впрочемъ, если особенныя причины не побудятъ меня въ скоромъ времени дать отвѣтъ султану въ такомъ смыслѣ», писалось въ заключеніи донесенія генералъ-адъютанта Нейдгарта, «то я буду стараться замедлить оный, впредь до полученія увѣдомленія о Высочайшихъ повелѣніяхъ по этому предмету, дабы, сообразуясь съ оными, примѣниться къ дальнѣйшему ходу дѣлъ въ этомъ краѣ».

Между-тѣмъ, по донесеніямъ о поведеніи султана, сдѣланы были изъ Тифлиса распоряженія объ отправленіи войскъ для усиленія лезгинскаго отряда и написано было всѣмъ начальникамъ колоннъ, находившихся вблизи елисуйскаго владѣнія, объ измѣнѣ султана и о принятіи мѣръ къ воспрепятствованію Даніель-беку возмутить сосѣднія султанству мусульманскія провинціи. Пока полученъ былъ отвѣтъ изъ Петербурга (отъ 12 іюня) *), гене-

*) На рапортѣ главнокомандующаго Государь Императоръ собственноручно отмѣтилъ: «согласно съ тѣмъ, что и Мы полагаемъ». Въ отвѣтѣ-же главнокомандующему писалось:

«Государь Императоръ соизволилъ отозваться, что измѣна елисуйскаго султана не должна отнюдь ни измѣнять, ни останавливать общихъ дѣйствій, ибо наилучшій способъ уничтожить послѣдствія сей измѣны есть уничтоженіе главной ея причины, т. е. скопищъ Шамиля и его управленія: Шамиль падетъ и все разрушится. Но притомъ, ежели есть какія справедливыя причины султану быть недовольнымъ, то должно справедливо его удовлетворить сейчасъ, требуя взамѣнъ, чтобы вѣрною службою загладилъ минутное заблужденіе; въ противномъ случаѣ лишить всего».

ралъ Шварцъ 10 іюня разбилъ скопище мятежниковъ и двинулъ отрядъ на Елису; 14 іюня, послѣ жаркаго боя, разбилъ на голову самого Даніель-бека, который послѣ этого пораженія бѣжалъ въ горы, по Сарыбашскому ущелью, отправивъ семейство заблаговременно въ Цахуръ.

Послѣ бѣгства Даніель-бека, волненія, какъ въ Елисуйскомъ султанствѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ горскихъ обществахъ; принимавшихъ участіе въ этомъ волненіи, утихли въ скоромъ времени; представители этихъ обществъ явились къ генералу Шварцу съ повинной, относя всю вину свою на Даніель-бека.

Тогда-же (1844 г.) званіе султана объявлено было упраздненнымъ и султанство получило новое управленіе *).

Дальнѣйшая судьба Даніель-бека не имѣетъ уже отношенія къ султанству. Обладая большими способностями и энергіей и будучи въ родствѣ съ Шамилемъ, онъ считался весьма дѣятельнымъ и полезнымъ сотрудникомъ имама въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ русскимъ, и это продолжалось до-тѣхъ-поръ, пока Шамиль былъ внѣ опасности. Когда-же обстоятельства имама измѣнились къ худшему, Даніель-бекъ едва-ли не изъ первыхъ вошелъ въ сношеніе съ русскимъ начальствомъ, предлагая свои услуги и содѣйствіе къ скорѣйшему уничтоженію Шамиля и выговаривая себѣ разныя льготы и между прочимъ пенсію.

Въ 1859 году онъ дѣйствительно не допустилъ Шамиля къ кр. Ирибу, гдѣ падавшій имамъ надѣялся найти себѣ послѣднее убѣжище; затѣмъ, перейдя въ русскій отрядъ, усилилъ его своей милиціей. За такія услуги Даніель-беку возвращены были генеральскій чинъ, ордена и пожалована пенсія; но онъ расчитывалъ на возвращеніе Елисуйскаго султанства, которое принадлежало ему, какъ онъ выражался «по праву наслѣдства». Расчеты его оказались ошибочными и Даніель-бекъ переселился (въ 1869 г.) въ Турцію.

И. Линевичъ.

11-го іюля, 1873 г.
г. Тифлисъ.

*) См. III гл.

КАРТА
БЫВШАГО ЕЛИСУЙСКАГО СУЛТАНСТВА
1873 Г.
Тифлисъ
Масштабъ 5 в. въ дюйм.
64°15'
64°30'
64°45'
41°45'
41°30'
41°15'
Джары
Катехи
ЗАКАТАЛЫ
Али-Абатъ
ОКР. ДЖАРО-БЕЛАКАНСКІЙ
КЮРИНСКОЕ ХАНСТВО
ЕЛИСУЙСКОЕ
СУЛТАНСТВО
Елису
р. Самуръ
Лучекъ
Г. Кара-дагъ
Г. Маги-дагъ
Борчъ
НУХИНСКОЕ (ШЕКИНСКОЕ) ХАНСТВО
р. Алазань
Дол. Бязыргенъ-чель

Примѣчаніе.

Объясненіе мѣстныхъ названій, упоминаемыхъ въ статьѣ «Бывшее Елисуйское султанство».

Даргалукъ—плата надсмотрщику, поставленному отъ султана, бековъ или общества.

Аху — пахатный участокъ, воздѣланный въ лѣсномъ пространствѣ.

Тавризскій туманъ=3 руб.

Туманъ=10 руб.

Тагаръ=четверти 6-ти четвериковой мѣры.

Ченахъ—мѣра въ $^1/_{30}$ часть тагара.

Чанъ—мѣра въ 6 бутылокъ.

Литра (груз. вѣсъ)=9 фунтамъ.

Стиль=$^2/_3$ фунта.

НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ

для опредѣленія экономическаго быта жителей Елисуйскаго наибства, Закатальскаго округа *).

Елисуйское наибство, образовавшееся изъ части земель бывшаго Елисуйскаго султанства, занимаетъ сѣверо-восточную часть Закатальскаго округа, ограниченную съ СВ—Главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, съ ЮВ — Нухинскимъ уѣздомъ, а съ прочихъ сторонъ—Мухахскимъ и Карасуйскимъ наибствами того-же округа. Въ такихъ границахъ оно заключаетъ въ себѣ до 12 кв. миль пространства, съ населеніемъ въ 11836 душъ обоего пола (2376 дымовъ), сосредоточеннымъ въ двадцати трехъ селеніяхъ **). Главную массу мѣстнаго населенія составляютъ лезгины (8269 душъ), занимающіе подгорную часть наибства, затѣмъ слѣдуютъ грузины (ингелойцы—2167 душъ ***), и наконецъ татары (мугалы, 1400 д.), живущіе, какъ тѣ, такъ и другіе, преимущественно на плоскости.

Земля, на которой расположены селенія, вся издревле раздѣлена между первыми поселенцами и теперь находится въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ. Селенія, лежащія въ верховьяхъ ущелій, какъ-то: Сувагиль, Касъ, Сарубашъ, Елису и Кашкачай, расположены весьма тѣсно: въ нихъ не только нѣтъ ни садовъ,

*) Матеріалами для настоящей статьи служили журналы Закатальской сословно-поземельной коммисіи, составленные на основаніи данныхъ, собранныхъ членами этой коммисіи, при объѣздѣ ими селеній округа.

**) Наименованія селеній, съ показаніемъ ихъ населенія, помѣщены въ VI выпускѣ «Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ».

***) При водвореніи русскаго владычества въ Закатальскомъ округѣ, все населеніе наибства исповѣдывало магометанскую вѣру; въ настоящее-же время большая часть ингелойцевъ (жители селеній Кахъ и Мешабашъ—2057 душъ) возвратились уже въ лоно православной церкви.

ни зелени, но почти нѣтъ при домахъ дворовъ и куруховъ *). Далѣе, по мѣрѣ спуска съ горъ, начинаетъ появляться растительность, преимущественно тутовые сады и отдѣльныя фруктовыя деревья, но все это въ такихъ малыхъ размѣрахъ, что на цѣлыя селенія: Ашага-Малахъ и Юхари-Малахъ требуется въ годъ менѣе одного фунта шелковичныхъ семянъ, затѣмъ на Каркай и на Азгилли хватаетъ на каждое по одному фунту, на Калалъ, и Кетукло по три фунта и т. д.; по мѣрѣ спуска на плоскость, размѣры тутовыхъ садовъ все болѣе и болѣе увеличиваются, такъ, что уже въ сел. Кахъ нѣкоторые сады занимаютъ пространство тагара въ два посѣва **). Въ подгорныхъ селеніяхъ можно брать листья для прокормленія червей только черезъ годъ, такъ-какъ тутовыя деревья, по случаю холода, не даютъ росту, достаточнаго для того, чтобъ можно было ежегодно срубать съ нихъ вѣтки. При хорошемъ урожаѣ, съ одного фунта сѣмянъ получается до одного пуда шелку. На плоскости, кромѣ шелковичныхъ—имѣются почти при каждой усадьбѣ виноградные сады и орѣшники. У ингелойцевъ большею частью виноградники занимаютъ протяженіе, одинаковое съ тутовыми садами, у мугалъже они значительно менѣе, но за то послѣдніе имѣютъ больше сѣнокосныхъ куруховъ. Изъ винограда давятъ вино преимущественно ингелойцы, остальные-же жители лакомятся имъ въ сыромъ видѣ или приготовляютъ изъ него сладкій напитокъ, называемый «бекмезъ» или «нарбекъ», и только немногіе продаютъ виноградъ, получая отъ 5 до 50 р. дохода съ одного сада, смотря по величинѣ послѣдняго. Въ селеніяхъ Фистихло, Амирджанло и Сускентъ, при всякомъ домѣ растетъ отъ 3 до 100 кустовъ орѣшника. Орѣхи большею частью мѣняются на соль, причемъ сбора съ пяти кустовъ бываетъ достаточно на покупку полутагара соли. При продажѣ выручается за тагаръ орѣховъ отъ 12 до 15 р., а съ двадцати кустовъ орѣшника можно собрать отъ 20 до 30 ченаховъ. Особыхъ фруктовыхъ садовъ нигдѣ не имѣется, а въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, какъ Мешабашъ, Зарна и Лякитъ, яблони и груши растутъ въ тутовникахъ, въ которыхъ также разво-

---

*) Курухомъ называется огороженное пространство вблизи дома, служащее иногда выгономъ для домашней скотины, иногда сѣнокосомъ, а въ нѣкоторыхъ селеніяхъ и мѣстомъ посѣва.

**) Тагаръ=четверти (шести четвериковой мѣры). Въ одномъ тагарѣ тридцать ченаховъ.

дятъ и виноградныя лозы. Фрукты мѣняются на хлѣбъ или служатъ для домашняго употребленія.

Дома въ горныхъ селеніяхъ каменные, съ плоскими крышами, а на плоскости—деревянные съ высокими камышевыми.

Мечети содержатся на счетъ дохода, получаемаго отъ добровольныхъ пожертвованій; если-же мечеть построена какимъ-либо частнымъ лицомъ, то она почти всегда поддерживается потомками основателя.

Цѣны усадьбъ весьма разнообразны и зависятъ отъ качества построекъ, количества усадебной земли и густоты населенія; такъ напр.: въ Агчаѣ можно купить усадьбу за 20 р., тогда-какъ въ Фистихло или въ Сускентѣ цѣны ихъ доходятъ до 300 руб. и болѣе.

Вслѣдствіе большого разнообразія почвенныхъ и климатическихъ условій, развитіе земледѣлія въ различныхъ мѣстностяхъ Елисуйскаго наибства крайне неодинаково: такъ, въ подгорныхъ селеніяхъ, гдѣ сама природа воздвигла непреодолимыя препятствія правильному земледѣлію, успѣхи послѣдняго весьма ограничены, тѣмъ болѣе, что и самые жители ихъ, лезгины, мало расположены къ этого рода занятіямъ. Вообще въ селеніяхъ: Сарубашъ, Елису, Агчай, Кашкачай, Сувагиль, Касъ, Каркай, Кетукло и Азгилли пахатной земли весьма мало и она вся, за малыми исключеніями, составляетъ частную собственность тѣхъ лицъ, которыя сами или ихъ предки очистили ее отъ лѣсу. Еще и въ настоящее время каждый лезгинъ имѣетъ право близъ своего селенія открывать новыя пашни (аху), гдѣ ему вздумается, лишьбы только этимъ не стѣснялось пространство, опредѣленное для лѣтнихъ пастбищъ, а такъ-какъ мѣстомъ послѣднихъ служатъ обнаженныя отъ лѣсу верхушки горъ, то ахуляры открываются, или внизу въ ущельи, или-же на лѣсныхъ скатахъ, выбирая въ послѣднемъ случаѣ мѣста не слишкомъ крутыя и не очень возвышенныя, такъ-какъ, при несоблюденіи перваго условія, случается, что сильная дождевая вода смываетъ весь посѣвъ, а распашка на мѣстахъ возвышенныхъ, при глубокихъ снѣгахъ, не даетъ иногда никакого урожая. Надобно замѣтить, что въ упомянутыхъ выше селеніяхъ жители, если и занимаются земледѣліемъ, то при этомъ они не столько расчитываютъ на урожай зерномъ, сколько на саманъ, необходимый имъ для зимняго корма домашней скотины.

По мѣрѣ спуска съ горъ на плоскость, природа все менѣе и менѣе оказываетъ препятствій правильному развитію земледѣ-

лія и уже въ селен. Амбарчаѣ, Юхари-Малахъ, Ашага-Малахъ и Кетукло большая часть жителей имъ занимается, ограничивая впрочемъ свои посѣвы только суходольными родами хлѣба (пшеница, ячмень и просо), причемъ урожай пшеницы самъ-третъ и въ рѣдкихъ случаяхъ самъ-пятъ считается хорошимъ. Затѣмъ Кумъ, Зарна, Лякитъ, Лякитъ-Малахъ, Фистихло, Сускентъ, Машабашъ, Кахъ (ингелойскій и мугалскій) и Амирджанло суть уже чисто земледѣльческія селенія и, за исключеніемъ Лякитъ-Малаха, вездѣ кромѣ суходольныхъ хлѣбовъ разводится еще и чалтыкъ (сарачинское пшено), урожай котораго бываетъ особенно хорошій въ сел. Зарна (до самъ-тридцать), причемъ отдыха почвѣ вовсе не дается и посѣвы прекращаются только вслѣдствіе необходимости просушить поля, которыя, отъ безпрерывной обработки и поливки въ теченіи 30 или 40 лѣтъ, обращаются въ совершенное болото, способное потопить въ себѣ людей и скотину. Въ такихъ случаяхъ дается обыкновенно почвѣ отдыхъ года на три, потомъ столько-же времени поле засѣвается суходольнымъ хлѣбомъ (пшеницею или просомъ), не столько для урожая, который бываетъ плохъ на болотѣ, сколько для лучшей просушки поля, и затѣмъ опять приступаютъ къ чалтычнымъ посѣвамъ. Такая непостоимость почвы должна быть приписана обилію ключевой воды, а главное трудолюбію зарнинцевъ; по-крайней-мѣрѣ въ сосѣднемъ селеніи Лякитъ, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, вслѣдствіе безпечности и лѣни жителей, отдыхъ чалтычнымъ полямъ дается чаще и урожай получается меньше (отъ самъ-семь до самъ-восемнадцати) и кромѣ того часть полей, вслѣдствіе застоявшейся на нихъ воды, превратилась въ совершенное болото и поросла камышемъ, такъ, что потребовалось-бы весьма много времени и труда, чтобы сдѣлать ихъ вновь годными къ посѣвамъ. Вообще, продолжительность отдыха, даваемаго пашнямъ, зависитъ отъ качества земли и отъ рода посѣва; такъ, напримѣръ, чалтычнымъ полямъ, не говоря о сел. Зарна и Лякитъ, составляющихъ исключеніе, дается болѣе продолжительный отдыхъ, чѣмъ суходольнымъ, которыя въ большинствѣ случаевъ остаются подъ паромъ столько-же времени, сколько прежде засѣвались; въ горныхъ-же селеніяхъ, гдѣ земля камениста и дурного качества, какъ напр. въ Сувагилѣ, приходится послѣ одного или двухъ лѣтъ посѣва давать отъ 5 до 6 лѣтъ отдыха. Пашни, оставляемыя подъ паромъ, служатъ обыкновенно сначала мѣстомъ сѣнокоса для своего хозяина, а потомъ общественнымъ выгономъ.

Посѣвы суходольныхъ хлѣбовъ не стѣсняются никакими адатами; чалтыкъ-же, въ виду необходимости правильной поливки, сѣется всѣми желающими, по опредѣленію общества, на одномъ какомъ-нибудь полѣ, которое раздѣляется между участниками.

Въ Елисуйскомъ наибствѣ вся земля, за исключеніемъ горныхъ ахуляровъ, поливается. Для поливки служатъ, или родниковая вода (кара-су), или вода, отведенная канавами изъ горныхъ рѣчекъ (агъ-су). Послѣдняя почти вся обращается для этой надобности, такъ, что въ знойные года, въ срединѣ лѣта, вода этихъ рѣчекъ до Алазани не доходитъ. Для поливки садовъ сельскими обществами проведены канавы и каждое селеніе получаетъ опредѣленное количество воды. Такъ-какъ въ жаркое время года лишней воды не остается, то, въ случаѣ образованія новаго селенія или значительнаго увеличенія стараго,—воды брать было-бы не откуда; поэтому каждое селеніе и общество весьма заботятся о сохраненіи своихъ правъ на воду, которая обезпечиваетъ правильность ихъ хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благосостояніе. Для поливки садовъ недостатка въ водѣ нигдѣ не ощущается, но, такъ-какъ, при повторяющихся неурожаяхъ шелка, чалтычныя поля даютъ болѣе выгоды хозяевамъ, чѣмъ тутовые сады, то нѣкоторыя сельскія общества не позволяютъ расширять садовъ, что по необходимости дѣлалось-бы въ ущербъ чалтычнымъ полямъ. Чалтыки поливаются постоянно втеченіи пяти мѣсяцевъ, начиная съ конца апрѣля; просо—раза два лѣтомъ; сады—отъ двухъ до четырехъ разъ въ годъ, весною и лѣтомъ; ячмень-же и пшеница—разъ или два въ годъ: осенью, послѣ посѣва, и весною, а если годъ дождливый, то послѣдніе сорты хлѣба вовсе не поливаются, хотя въ поливкѣ ихъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда поле расположено слишкомъ высоко или неудобно, обыкновенно не представляется никакихъ затрудненій, такъ-какъ пшеница и ячмень поливаются въ такое время года, когда вода для чалтыковъ не нужна; поэтому, никакое общество не отказываетъ въ отводѣ своей воды для поливки суходольныхъ полей чужой сельской дачи, не имѣющей собственной воды въ достаточномъ количествѣ.

Для присмотра за водою и для мелкихъ исправленій въ оросительныхъ канавахъ, сельскія общества нанимаютъ особыхъ караульныхъ (джуваровъ), съ раскладкой требующейся для найма ихъ платы на всѣхъ пользующихся водою.

Всякій имѣетъ право строить мельницы на своей землѣ и пользоваться для нихъ водою изъ оросительныхъ канавъ, но только съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы вода возвращалась въ ту-же канаву, изъ которой она взята. За перемолъ хлѣба владѣлецъ мельницы обыкновенно получаетъ $^1/_{20}$ часть помола.

По качеству почвы земля Елисуйскаго наибства въ немногихъ только мѣстахъ нуждается въ унаваживаніи, которое возможно впрочемъ только на плоскости, потому-что на покатостяхъ поневолѣ надобно избѣгать разрыхленія земли, чтобы предохранить ее отъ размывки дождевою водою. Унаваживаніе обыкновенно производится осенью, посредствомъ загона на ночь, на отдыхающую пашню, стада овецъ.

Цѣнность пахатныхъ участковъ измѣняется отъ 2-хъ до 100 р. за тагаръ посѣва. Она зависитъ не только отъ качества земли, но и отъ большей или меньшей густоты населенія въ извѣстной мѣстности; такъ, напр.: амирджанлинскія земли, не смотря на свое плодородіе, продаются отъ 10 до 35 р. за тагаръ, тогда-какъ елисуйскія, гдѣ населеніе гуще и хлѣбъ сѣется только для саману, отъ 30 до 40 р. за такой-же участокъ. Цѣнность чалтычныхъ полей, вездѣ гдѣ они имѣются, значительно превышаетъ цѣнность суходольныхъ пашенъ.

Продажа усадьбъ и собственныхъ пахатныхъ участковъ вездѣ свободна, только въ нѣкоторыхъ обществахъ существуетъ адатъ, чтобы предложеніе покупки предварительно было сдѣлано сосѣдямъ и родственникамъ продавца и, только въ крайнемъ случаѣ, при совершенномъ недостаткѣ средствъ, такія общества допускаютъ переходъ въ чужія руки поземельныхъ участковъ.

Хозяева, имѣющіе въ излишкѣ пахатныя земли или не желающіе сами заниматься обработкою (часто по недостатку рабочей скотины), отдаютъ ихъ въ наймы, причемъ плата производится въ натурѣ и опредѣляется: или по количеству урожая (малджаатъ), или-же по количеству посѣва (іохирь). Размѣръ малджаата простирается отъ $^1/_{10}$ до $^1/_4$ урожая; платящіе-же іохирь отдаютъ хозяину столько хлѣба зерномъ, сколько ими было посѣяно. Обработка земли часто также производится речбарами. Речбаръ это есть работникъ по найму, получающій въ свою пользу почти всегда половину урожая, причемъ сѣмена, рабочій скотъ и земледѣльческія орудія даются отъ землевладѣльца. Въ рѣдкихъ случаяхъ въ речбары поступаютъ обѣднѣвшіе лезгины, большинство-

же ихъ состоитъ изъ мугаловъ Закатальскаго округа и Нухинскаго уѣзда.

Лѣсъ во всѣхъ горныхъ обществахъ имѣется въ достаточномъ количествѣ и право пользованія имъ идетъ наравнѣ съ правомъ открывать аху. Каждое общество имѣетъ свои ущелья, въ которыхъ безпрепятственно и безъ права вмѣшательства другихъ открываетъ ахуляры и пользуется лѣсомъ. На продажу никто лѣсъ не вывозитъ по отдаленности рынковъ сбыта. Низовыя селенія, за исключеніемъ Фистихло, на земляхъ котораго весь лѣсъ вырубленъ, имѣютъ достаточно топлива и нуждаются только въ строевомъ лѣсѣ, который покупаютъ у сосѣдей, стараясь сберегать собственные участки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они еще имѣются. Лезгины прежде позволяли жителямъ низовыхъ селеній пользоваться ихъ лѣсомъ безплатно, по особому каждый разъ разрѣшенію, но въ послѣднее время, узнавъ цѣнность лѣса, постановили допускать рубку его не иначе, какъ за деньги.

Камышъ, въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ онъ имѣется, составляетъ общественную собственность, но каждый имѣетъ право рубить его только по мѣрѣ дѣйствительной надобности; большинство же жителей низовыхъ селеній, покрывающихъ камышемъ свои крыши, принуждено покупать его, платя за арбу отъ 60 к. до 1 р. или половину этой цѣны, за право рубки его на мѣстѣ.

Главное богатство жителей наибства лезгинскаго происхожденія, заключается въ принадлежащихъ имъ стадахъ овецъ *). При отсутствіи заботъ о заготовленіи фуража на зиму, все стремленіе лезгинъ обращается на пріисканіе пастбищъ, могущихъ прокормить ихъ стада, не только лѣтомъ и зимою, но также и весною, а еще болѣе осенью, такъ-какъ ко времени выпаденія снѣга въ горахъ, гдѣ овцы пасутся втеченіи лѣта, трава на зимнихъ пастбищахъ, совершенно выгорающая въ жаркое время года, не успѣваетъ настолько вырости, чтобы можно было-бы тогда-же пускать туда овецъ. Первоначально всѣ пастбища бывшаго Елисуйскаго султанства принадлежали нераздѣльно всему лезгинскому обществу, потомъ часть пастбищъ, именно зимнія, вздумали раздѣлить по фамиліямъ (тохумамъ); но, такъ-какъ вслѣдствіе этого большая часть зимнихъ пастбищъ сосредоточилась въ рукахъ немногихъ, болѣе богатыхъ людей,

*) За исключеніемъ селеній: Фистихло, Мешабашъ, Сускентъ и Лякитъ-Малахъ, не имѣющихъ вовсе овецъ, послѣднихъ наберется въ остальныхъ селеніяхъ до 60 т. штукъ.

преимущественно бековъ, отъ которыхъ остальнымъ лезгинамъ приходилось уже нанимать ихъ, то, убѣдившись на опытѣ въ неудобствахъ раздѣла общественнаго достоянія, лезгины, чтобы избавить оставшіяся у нихъ пастбища отъ подобной участи, наложили проклятіе на таковой раздѣлъ, и такимъ образомъ лѣтнія пастбища, которыми служатъ, окружающія лезгинскія селенія, обнаженныя отъ лѣса верхушки предгорій Главнаго Кавказскаго хребта, остались и по-нынѣ въ общественномъ владѣніи. Каждое изъ обществъ елисуйскихъ лезгинъ*) имѣетъ опредѣленное число горъ для лѣтнихъ пастбищъ, для распредѣленія коихъ овцеводы каждаго общества ежегодно собираются вмѣстѣ и раздѣляютъ овецъ на ятаги, съ такимъ расчетомъ, чтобы въ каждомъ было не менѣе 900 овецъ; потомъ выбираютъ ятажниковъ, преимущественно изъ числа людей вліятельныхъ и богатыхъ; далѣе, горы распредѣляются между ятажниками по жребію, для чего билетики съ именами послѣднихъ кладутся въ папаху и вынимаются кѣмъ-либо изъ постороннихъ: тотъ, чье имя вынется первымъ, выбираетъ лучшую по своему усмотрѣнію гору, затѣмъ второй — лучшую изъ оставшихся и т. д. Если ятаговъ окажется больше, чѣмъ горъ, то тѣмъ изъ ятажниковъ, которымъ по жребію не досталось особой горы, назначается двѣ изъ числа болѣе крупныхъ, уже разобранныхъ,— на коихъ ятаги ихъ пасутся помѣсячно, то на той, то на другой. При еще большей тѣснотѣ, пастбища нанимаются у бековъ или у другихъ обществъ, и наоборотъ, при излишкѣ таковыхъ, они отдаются въ наемъ постороннимъ жителямъ.

Прежде участники въ лѣтнихъ пастбищахъ ничего не платили, но въ послѣднее время установлена съ нихъ незначительная плата (отъ 10 до 30 р. съ ятага), для того, чтобы доставить возможность лицамъ, не имѣющимъ вовсе барановъ, получать нѣкоторую пользу отъ общественнаго достоянія. При этомъ опредѣленная съ ятага сумма уплачивается полностію ятажникомъ и затѣмъ взыскивается уже имъ съ соучастниковъ, сообразно съ числомъ барановъ каждаго. Вырученныя деньги распредѣляются между всѣми членами общества, не взирая на то, имѣетъ-ли кто барановъ, или нѣтъ, и большею частію употребляются на различныя общественныя надобности (постройки и ремонтъ

*) Елисуйскіе лезгины составляютъ четыре общества: Цахурское, Сувагильское, Карадулакское и Елисуйское.

мечетей, мостовъ и т. п.), на которыя безъ этого потребовался-бы особый денежный сборъ съ жителей, затѣмъ излишекъ поступаетъ въ счетъ слѣдующей съ общества подати или раздается на руки.

Мугалы и ингелойцы низовыхъ селеній, желающіе присоединить своихъ овецъ къ лезгинскимъ стадамъ на время лѣтней пастьбы, обыкновенно отдаютъ за это двухъ барановъ со ста или же вносятъ плату по взаимному соглашенію.

Хотя вообще лѣтнія пастбища составляютъ общественную собственность, однакожъ въ раіонѣ ихъ встрѣчается нѣсколько горъ, состоящихъ нынѣ въ частномъ владѣніи бекскихъ фамилій и казны, которая пріобрѣла ихъ послѣ конфискаціи въ 1844 году имущества послѣдняго елисуйскаго султана. Какимъ образомъ это общественное достояніе перешло въ частное владѣніе — свѣдѣній не имѣется.

Когда осенью на горахъ начинаетъ выпадать снѣгъ, стада спускаются на плоскость и остаются мѣсяца полтора или два на поляхъ низовыхъ селеній, преимущественно въ Карасуйскомъ наибствѣ, причемъ не взимается никакой платы, такъ-какъ пребываніе стадъ на пашняхъ послѣ уборки съ нихъ хлѣба способствуетъ удобренію почвы. Въ это время нанимается нѣсколько человѣкъ караульныхъ, которыхъ обязанность состоитъ въ наблюденіи, чтобы никто изъ лезгинъ, во избѣжаніе потравы чужихъ мѣстъ, не смѣлъ-бы гнать, подъ опасеніемъ штрафа, своихъ овецъ на зимнія пастбища, гдѣ трава послѣ лѣтнихъ засухъ не успѣла еще окрѣпнуть.

Зимними пастбищами служатъ степи (Сарыджа и Аджанауръ—Карасуйскаго наибства и Челогайскія — Елисаветпольскаго уѣзда), за право пользованія которыми лезгины платятъ отъ 80 до 120 р. въ годъ за ятагъ, круглымъ числомъ по 10 к. за каждаго барана). Такая дороговизна служитъ причиною, что менѣе состоятельные люди оставляютъ всю зиму стада свои на осенних пастбищахъ, гоняя ихъ въ это время въ Аджанауръ раза три на чалу (середина степи, на которой нѣтъ почти никакой растительности), гдѣ дозволяется безплатно пользоваться солью для овецъ.

Весною, когда трава въ степяхъ успѣетъ уже выгорѣть, а между-тѣмъ лѣтнія пастбища недостаточно еще покроются зеленью, стада останавливаются опять на нѣсколько недѣль на поляхъ низовыхъ селеній и затѣмъ уже направляются въ горы.

Какъ сказано выше, завѣдываніе каждымъ ятагомъ поручается особому ятажнику, обязанность котораго состоитъ въ пріисканіи и въ наймѣ зимнихъ пастбищъ и пастуховъ, а также въ снабженіи послѣднихъ необходимою посудою и сторожевыми собаками. Деньги за зимнія и за лѣтнія пастбища ятажникъ уплачиваетъ изъ собственности и затѣмъ взыскиваетъ ихъ съ участниковъ, сообразно съ числомъ овецъ каждаго; кромѣ того, въ Сувагильскомъ обществѣ онъ уплачиваетъ по 3 р. въ пользу тѣхъ ятажниковъ, которые по чопу (жребію) не получили горъ для лѣтнихъ пастбищъ и должны нанимать таковыя у другихъ обществъ, платя отъ 20 до 60 руб. за каждую. Пастухи присматриваютъ за овцами, доятъ ихъ и изъ молока всего ятага дѣлаютъ сыръ, который дѣлится между соучастниками, сообразно съ числомъ овецъ каждаго. Вознагражденіе за свои труды пастухи получаютъ натурою: овцами, молокомъ, сыромъ и мукою. Вознагражденіе-же ятажника состоитъ въ томъ, что молоко со всего ятага, со времени котки овецъ до подъема на горы, принадлежитъ ему и что, при удачномъ сборѣ сыру, выдѣляется ему лишнихъ одинъ или два мутала *) послѣдняго.

Со ста овецъ получается ежегодно чистаго дохода до 10 р., не считая приплода, штукъ въ двадцать пять.

Во всемъ напбствѣ имѣется до 4000 головъ рогатаго скота, до 500 лошадей и незначительное число ословъ. Въ горныхъ селеніяхъ скотъ и лошади пасутся лѣтомъ вмѣстѣ съ овцами, а зимою — частью отправляются на зимнія пастбища, частью-же оставляются въ селеніяхъ (дойныя коровы), гдѣ кормятся саманомъ (рубленною соломою), а тамъ, гдѣ есть курухи—сѣномъ; въ низовыхъ-же селеніяхъ скотъ зимою и лѣтомъ пасется: въ прилежащихъ лѣсахъ, на отдыхающихъ поляхъ и на курухахъ, только зимою прибавляются къ скудному подножному корму саманъ, бурьянъ, крошеныя древесныя вѣтки и сѣно, собираемое съ куруховъ, гдѣ такіе имѣются, а также скошенное въ садахъ и на чалтычныхъ поляхъ. Стоимость одной арбы сѣна доходитъ до 2 руб.

Пчеловодство, не смотря на выгодныя мѣстныя условія, развито весьма мало: только въ сел. Зарна имѣется до 250 ульевъ, затѣмъ разводятъ еще пчелъ въ Кумѣ, въ Лякитѣ и въ Лякитъ-Малахѣ, а въ остальныхъ селеніяхъ почти вовсе этимъ не занимаются. По мѣстнымъ цѣнамъ на медъ и на воскъ, съ 10-ти ульевъ можно получить около 3 р. годоваго дохода.

*) Муталъ—мѣшокъ, вмѣщающій въ себѣ до трехъ батмановъ. Батманъ=45½ ф.

Изъ предъидущаго обзора можно вывести заключеніе, что экономическія условія, въ которыя поставлено Елисуйское наибство, весьма выгодны: такъ, селенія, расположенныя на плоскости, имѣютъ достаточное количество отличной земли *), требующей незначительныхъ усилій, чтобы сторицею вознаградить трудъ земледѣльца; подгорные-же жители, хотя владѣютъ меньшими и худшаго качества пахатными участками, имѣютъ за то многочисленныя стада овецъ и хорошія для нихъ пастбища.

Казалось-бы, что, при подобной обстановкѣ, матеріальное благосостояніе жителей должно было-бы быть вполнѣ обезпеченнымъ; но на дѣлѣ это не совсѣмъ оправдывается, такъ-какъ упомянутыя блага распредѣлены между жителями весьма неравномѣрно и, какъ между лезгинами, такъ равно между мугалами и ингелойцами, находится много семействъ, живущихъ въ крайней бѣдности.

Причина бѣдности лезгинъ заключается въ ихъ лѣни, выработавшейся историческою жизнію этого племени, которое, до утвержденія русскаго правительства на Кавказѣ, жило войною и грабежомъ на счетъ сосѣднихъ племенъ и теперь еще не успѣло вполнѣ свыкнуться съ новымъ порядкомъ вещей. Лезгины, не имѣющіе ни пашенъ, ни овецъ, чаще всего нанимаются въ пастухи и, получая плату натурою (овцами), расчитываютъ со временемъ сдѣлаться сами стадовладѣльцами; другіе занимаются ремеслами, преимущественно лудильнымъ и войлочнымъ, или-же спускаются на плоскость, гдѣ нанимаются на разныя черныя работы. Лѣтомъ, во время самой прибыльной работы — жатвы хлѣба, рѣдкій лезгинъ, какъ-бы онъ бѣденъ ни былъ, остается на плоскости, вслѣдствіе существующаго между лезгинами убѣжденія въ разрушительномъ дѣйствіи на ихъ здоровье тамошнихъ жаровъ и лихорадокъ, что и дѣйствительно подтверждается значительною смертностью между лезгинами селеній Амбарчай и Амиранджало, которые, хотя уже успѣли тамъ нѣсколько акклиматизироваться, но все-таки въ большомъ числѣ гибнутъ жертвою желанія заняться земледѣліемъ болѣе раціонально.

Жители низовыхъ селеній—мугалы и ингелойцы,—не смотря на богатство земли, большею частью въ долгахъ и почти треть ихъ живетъ въ своихъ усадьбахъ въ качествѣ речбаровъ, отда-

*) Размежеваніе земель Елисуйскаго наибства еще не произведено, поэтому нельзя опредѣлить, сколько пахатной земли приходится среднимъ числомъ на каждый дымъ.

вая кредитору, въ счетъ уплаты долга и процентовъ, половину урожая. Вообще, существуетъ адатъ, что кредиторъ не имѣетъ права выгнать должника изъ его усадьбы до-тѣхъ-поръ, пока послѣдній будетъ исправно вносить слѣдующую съ него долю урожая, и обязанъ безпрекословно возвратить ему усадьбу, когда весь долгъ будетъ уплаченъ. При менѣе значительныхъ долгахъ, отдаются въ пользованіе кредиторовъ сады, впредь до уплаты долга. Заимодавцами обыкновенно бываютъ армяне, въ рукахъ которыхъ находится почти вся торговля въ наибствѣ. Они дѣлаютъ ссуды не менѣе какъ за 20%, и потому понятно, что при такихъ условіяхъ, для многихъ весьма трудно бываетъ расчитаться съ кредиторами и положеніе таковыхъ лицъ, дѣлаясь годъ-отъ-году все хуже и хуже, доводитъ ихъ въ концѣ концовъ до совершеннаго разоренія. Начало такого порядка вещей, по всей вѣроятности, относится ко временамъ правленія Елисуйскихъ султановъ, при которыхъ мугалы и ингелойцы, какъ племена подчиненныя лезгинамъ, были обременены въ пользу султановъ и бековъ разнаго рода налогами, размѣръ коихъ вполнѣ зависѣлъ отъ произвола правителей. Одинъ видъ этихъ налоговъ, извѣстный подъ именемъ кешкельной платы, сохранился и понынѣ въ сел. Кахъ, составлявшемъ какъ-бы удѣльное имѣніе послѣдняго султана, Даніель-бека. Единицей повинности при этомъ служитъ кешкель, который, какъ надо полагать, составлялъ первоначальный подымный надѣлъ, въ размѣрѣ отъ 4 до 6 тагаръ усадебной земли и отъ 6 до 12 тагаръ пашенъ. Въ настоящее время такой надѣлъ рѣдко находится во владѣніи одного дыма; большею-же частью до восьми и больше дымовъ пользуются однимъ кешкелемъ. Плата эта различна для мугалъ и для ингелойцевъ: первые платятъ съ кешкеля по одному стилю шелка и по одному тагару хлѣба, а послѣдніе втрое больше. Сборъ этого дохода съ нѣкоторыхъ кешкелей былъ предоставленъ султаномъ, въ видѣ наградъ, въ пользу частныхъ лицъ и утвержденъ заними нашимъ правительствомъ, которое, по конфискаціи имущества Даніель-бека въ 1844 году, взимаетъ, сверхъ общихъ государственныхъ повинностей, въ пользу казны и кешкельную плату въ упомянутомъ выше размѣрѣ съ жителей сел. Кахъ мухаммеданскаго вѣроисповѣданія; ингелойцы-же, возвратившіеся къ православію, освобождены отъ этого налога.

25 іюня 1873 г.

* * *

ПРИСЯГА ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ ОСЕТИНЪ.

Въ юридической жизни осетинъ присяга—*ард*—занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду тѣхъ дѣйствій, совокупность которыхъ составляетъ собственно обычное право осетинъ. Это, во-первыхъ, потому, что она была единственнымъ цѣлесообразнымъ и простымъ юридическимъ институтомъ, способнымъ, не разжигая страстей народа въ его и безъ того анархической жизни, погашать юридическія дѣйствія характера уголовнаго и гражданскаго; во-вторыхъ, потому, что она пріобрѣла большую популярность въ жизни осетинъ, регулированной обычаемъ, такую популярность, что въ самомъ сознаніи народа она долго и долго жила, и теперь не безъ борьбы уступитъ юридическую арену дѣйствію новыхъ судебныхъ реформъ, и въ-третьихъ, по своей оригинальности, какъ образчикъ правовой нормы въ сферѣ юридическихъ понятій и представленій осетинъ. Вотъ почему мнѣ кажется, что присяга по обычному праву осетинъ имѣетъ большой интересъ и заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Для разоблаченія извѣстнаго преступнаго дѣйствія или гражданскаго правонарушенія, которое тоже разсматривалось какъ преступленіе, обычнымъ правомъ осетинъ установлено три способа, которые вмѣстѣ съ тѣмъ составляли средства судебной защиты: 1) *комдзог*—доказчикъ, 2) *авдисан*—свидѣтель и 3) *ард*—присяга. Ими пользовался потерпѣвшій чрезъ посредство суда для обнаруженія виновника преступленія или нарушителя права; впрочемъ, онъ могъ пользоваться еще вещественными доказательствами.

Комдзог—свидѣтель, обличитель, который на судѣ долженъ былъ доказать совершеніе извѣстнаго преступленія обвиняемымъ; онъ долженъ былъ открыть субъектъ преступленія, указать послѣдовательно на всѣ обстоятельства, при которыхъ совершено

преступленіе или правонарушеніе,—очевидно, обязанность очень трудная при томъ самовластіи отдѣльнаго лица, которое характеризуетъ жизнь осетинъ. Поэтому, сознаніе народа соединило обязанность *комдзог'а* съ извѣстною страховою премією, въ видѣ матеріальнаго вознагражденія въ его пользу съ потерпѣвшаго, размѣръ котораго зависѣлъ отъ уговора комдзог'а съ потерпѣвшимъ. Къ тому-же трудность его обязанности еще болѣе увеличивалась тѣмъ, что, въ случаѣ безуспѣшности открытія субъекта правонарушенія или маловажнаго преступленія, онъ самъ становился на мѣстѣ отвѣтчика и удовлетворялъ потерпѣвшаго, какъ виновная сторона. Изъ этого ясно, что значеніе и роль комдзог'а отличны отъ значенія и роли другихъ свидѣтелей, служащихъ по преимуществу для представленія косвенныхъ уликъ, безъ обязанности открывать виновника преступленія; отчего онъ, *комдзог*, и получаетъ названіе *«доказчика»*, отличное отъ названія *«свидѣтель»—авдисан*. Что-же касается до этого послѣдняго, до значенія его въ судопроизводствѣ осетинъ, то, какъ я сказалъ выше, свидѣтели служатъ по преимуществу для преставленія косвенныхъ уликъ; они не обязаны непосредственно доказывать виновность обвиняемаго, или совершеніе имъ самаго преступленія. Сейчасъ сказанное о доказчикѣ и свидѣтеляхъ имѣетъ тѣсную связь съ настоящимъ предметомъ.

Если комдзог'ъ уличилъ подсудимаго въ совершеніи имъ преступленія такъ, что у судей (*тархоны лагта*) не осталось никакого сомнѣнія, или-же уличили свидѣтели, въ показанныхъ ими обстоятельствахъ, отъ которыхъ зависитъ разоблаченіе преступленія, то задача суда рѣшена: ему оставалось только, смотря по важности преступленія, опредѣлить мѣру матеріальнаго вознагражденія, провозгласить ее, и идея правосудія вполнѣ удовлетворена. Другое дѣло, когда показанія комдзог'а и свидѣтелей не убѣждали вполнѣ судей въ виновности обвиняемаго, что было, разумѣется, чаще всего при легальности мести въ жизни осетинъ, стѣснявшей совѣсть судей, или когда показанія комдзог'а и свидѣтелей требовали еще, по сознанію и разумѣнію судей, подтвержденія, или нуждались въ доказательной силѣ, или, наконецъ, когда потерпѣвшій привлекалъ обвиняемаго къ суду по одному голому подозрѣнію (дау, по-осетински), основанному чаще всего на неблагонадежности поведенія и, тѣмъ не менѣе, служившему, по обычному праву, за неимѣніемъ другихъ уликъ, достаточнымъ поводомъ привлеченія къ суду,—въ этихъ случаяхъ потерпѣвшему

стоило лишь произнести извѣстную фразу, служившую въ юридическомъ сознаніи народа актомъ преданія суду: «*Дѣло мое никуда не должно направляться отъ тебя, сердце мое неспокойно въ отношеніи тебя, подозрѣвать мнѣ больше некого, потому я требую отъ тебя «обычай страны»*,—и подозрѣваемый не могъ никакъ уклониться отъ суда. Въ этихъ только трехъ случаяхъ, а не безусловно всегда, какъ говоритъ ошибочно Д-ръ Пфафъ, въ своей статьѣ — «Народное право осетинъ» (см. Сборн. свѣд о Кавказѣ, стр. 214, т. 1), когда виновность судимаго не могла подлежать даже никакому сомнѣнію, судъ долженъ былъ назначать присягу—*ард*—отвѣтчику въ свое оправданіе и доказчику и свидѣтелямъ въ доказательство справедливости ими показываемаго противъ обвиняемаго. Я думаю, иначе и быть не могло: присяга никоимъ образомъ не могла быть назначаема всегда, когда даже истина и безъ того была очевидна для судей, и они не желали умышленно скрывать ее. Простой здравый смыслъ говоритъ, что въ послѣднемъ случаѣ присяга неумѣстна, и она была-бы лишь безцѣльною и безжизненною юридическою формальностью въ судопроизводствѣ осетинъ, не оправдываемой никакой цѣлью ни въ общественной, ни въ юридической жизни народа. Утверждать противное значило-бы—обвинять осетинъ въ крайнемъ безтолковіи, въ неумѣніи искать даже практическаго смысла и цѣлесообразности въ своихъ юридическихъ институтахъ; но больше всего это значило-бы—не понимать всей важности значенія присяги въ сознаніи народа, а равно и практическаго значенія ея въ его юридической жизни. О таковомъ значеніи присяги, какъ о самой сути, можно сказать, настоящаго предмета, я не пропущу сказать ниже въ своемъ мѣстѣ. А теперь, говоря о присягопріимцахъ, я долженъ сказать, что по общему началу обычнаго права осетинъ ими могутъ быть только *отвѣтчикъ, доказчикъ и свидѣтели*, первые съ присяжниками или безъ нихъ, всѣ въ зрѣломъ возрастѣ, низшій предѣлъ котораго 15 лѣтъ. Д-ръ Пфафъ слишкомъ произвольно относитъ къ нимъ истца или потерпѣвшаго. Почему назначалась присяга отвѣтчику или обвиняемому, когда виновность его могла подлежать еще сомнѣнію, это понятно, полагаю, всякому, даже незнатоку обычнаго права осетинъ: отвѣтчикъ не могъ быть обвиненъ судьями по критикѣ уликъ и по внутреннему убѣжденію, однако по обстановкѣ преступленія они сомнѣвались еще въ томъ, чтобы онъ былъ уже совершенно правъ, поэтому они давали ему въ руки средство судебной защиты, средство

оправдаться на судѣ, которое, по святости присяги въ народномъ сознаніи, вмѣстѣ съ тѣмъ, косвенно, служило средствомъ разоблаченія истины. Подъ присягой онъ долженъ былъ клятвой торжественной отрицать проявленіе своего дѣянія въ взводимомъ на него преступленіи. Судьи находились-бы въ безвыходномъ положеніи рѣшить дѣло; они не могли-бы кончить его при всемъ своемъ желаніи, ни въ смыслѣ присужденія, приговора, по недостаточности уликъ, ни въ смыслѣ отказа въ жалобѣ, по имѣющимся нѣкоторымъ основаніямъ, если-бы не выручалъ ихъ изъ такого безвыходнаго положенія юридическій инстинктъ народа установленіемъ въ своемъ правѣ *рѣшительной присяги.* Судьи назначали ее отвѣтчику, чтобы онъ «*очистился*» ею, какъ говорили и говорятъ осетины, отъ взводимаго на него дѣянія. До водворенія русской власти въ Осетіи, она назначалась *отвѣтчику одному*, во всѣхъ дѣлахъ, въ важныхъ и маловажныхъ. Со времени-же занятія Осетіи, въ дѣлахъ важныхъ, какъ, напримѣръ, кровныхъ, назначалась она *отвѣтчику съ присяжниками*, т. е. съ двумя, тремя и болѣе родственниками, которыхъ указывалъ обыкновенно потерпѣвшій. Русское правительство, замѣтивъ большую, кровную, родовую, солидарность между сородичами осетинскихъ родовъ, воспользовалось ею для приданія въ юстиціи народной большей важности присягѣ, установивъ и ближайшимъ родственникамъ обвиняемаго присягать за своего сородича, такъ-какъ предполагалось основательно, что въ силу таковой родовой солидарности они должны были знать — совершилъ-ли преступленіе или не совершилъ сородичъ ихъ. Требованіе это живо и крѣпко привилось къ судопроизводству осетинъ, такъ-какъ оно, какъ нельзя лучше, соотвѣтствовало родовымъ ихъ понятіямъ, и привилось такъ, что его невозможно принять за обычай, чуждый собственно осетинскаго творчества юридической жизни. Назначаемая для отвѣтчика присяга была въ самомъ дѣлѣ *очистительной*, почему она такъ и называлась въ практикѣ бывшаго окружного осетинскаго суда.

Затѣмъ, присяга—*ард* — назначалась доказчику одному въ дѣлахъ маловажныхъ и доказчику съ присяжниками въ дѣлахъ важныхъ (и здѣсь присяжники явились со времени русской власти въ Осетіи), если доказательства его или онъ самъ своею личностью, своимъ поведеніемъ въ обществѣ, заставляли сомнѣваться судей въ основательности и справедливости этихъ доказательствъ. Свидѣтелямъ-же назначалась она однимъ безъ присяжниковъ. Доказчикъ

съ своими присяжниками и свидѣтели клятвой торжественной должны были подтвердить свои улики противъ обвиняемаго. Такова была сущность присяги по обычному праву осетинъ.

Юридическія послѣдствія присяги — *ард'а* — зависѣли отъ того, принята-ли она отвѣтчикомъ съ его присяжниками и свидѣтелями, или не принята, такъ-какъ они могли принять ее или не принять. Принятіе присяги отвѣтчикомъ съ его присяжниками, если они назначались ему, оправдывало его по суду; равно какъ принятіе присяги доказчикомъ съ его присяжниками и свидѣтелемъ, въ доказательство справедливости ихъ уликъ и показаній противъ обвиняемаго, окончательно осуждало этого послѣдняго: онъ долженъ былъ уже удовлетворить потерпѣвшаго въ томъ размѣрѣ, какой будетъ указанъ судомъ въ его приговорѣ. Непринятіе присяги отвѣтчикомъ, или обвиняемымъ, съ его присяжниками влекло за собою безусловную обязанность послѣдняго удовлетворить потерпѣвшаго. Принятіе или непринятіе присяги столько-же зависѣло отъ самого обвиняемаго, сколько и отъ его присяжниковъ, если они назначались ему. Стоило одному или двумъ изъ присяжниковъ отказаться отъ присяги, не принять ее въ оправданіе обвиняемаго, *«не съѣсть присягу»*, какъ выражаются осетины, чтобы присяга считалась *«непринятою»*—*«несъѣденною»* и чтобы тѣмъ заставить отвѣчать отвѣтчика, какъ обвиненнаго. Можно понять отсюда, въ какой зависимости находился обвиняемый отъ своихъ присяжниковъ. Эту зависимость прекрасно понимали какъ присяжники, такъ и потерпѣвшій, и они часто, въ особенности въ послѣднія 30 лѣтъ, когда родовые распорядки и родовая солидарность быстро стали колебаться въ Осетіи, злоупотребляли ею: присяжникъ, не расположенный къ своему сородичу-обвиняемому, вымещалъ на немъ свое недоброжелательство, дѣлая его *«обвиненнымъ»* отказомъ своимъ принять присягу за него, хотя-бы онъ былъ убѣжденъ въ невиновности своего сородича; равнымъ образомъ и потерпѣвшій, желая заставить быть обвиненнымъ извѣстное лицо, указывалъ ему въ присяжники такихъ родичей, которые состояли съ нимъ въ открытой враждѣ или которые поклялись никогда и низачто не принимать присяги.

Непринятіе-же присяги доказчикомъ, его присяжниками и свидѣтелемъ тоже оправдывало обвиняемаго. Какъ видно изъ всего сказаннаго,—присяга по обычному праву осетинъ имѣла *рѣшительное значеніе*, подобно тому какъ это имѣетъ мѣсто въ обычномъ правѣ кабардинцевъ, чеченцевъ, кумыкъ и др. Такое-же

рѣшительное значеніе имѣла она въ грузинскомъ правѣ по Уложенію Вахтанга. Между-тѣмъ въ развитыхъ европейскихъ законодательствахъ присяга не имѣетъ такого рѣшительнаго значенія: тамъ свидѣтели ею подтверждаютъ, что показываемое будетъ только истина, такъ-что за присягой слѣдуетъ еще судъ, полная и свободная оцѣнка и критика уликъ, прямыхъ и косвенныхъ; притомъ, тамъ отвѣтчикъ не допускается къ присягѣ вовсе.

Понятно послѣ этого, что назначеніе присяги истцу ничѣмъ никакой логикой юридическихъ соображеній не оправдывалось-бы въ обычномъ правѣ осетинъ. Поэтому оно дѣйствительно и не выработано тамъ. Если гдѣ и назначалась иногда присяга истцу, то это ничто иное какъ отступленіе отъ общаго начала юридическихъ обычаевъ, которые положительно запрещаютъ истцу принимать присягу въ справедливость своего иска или своей жалобы. Напротивъ того, истецъ могъ не принимать ее даже относительно количества искомаго по суду вознагражденія, если-бы того требовалъ отвѣтчикъ. Если-бы обычай назначалъ присягу истцу, это-бы значило, что тотъ-же обычай косвенно санктировалъ-бы распущеніе суда и безсудіе въ юридической жизни, что очень и очень нелогично. Все сводилось-бы къ порядку совершенно частнаго компромисса между истцомъ и отвѣтчикомъ. Такъ-какъ присягой погашался искъ, т. е. обвиняемый считался принятіемъ присяги оправданнымъ, то принятіемъ присяги истцомъ тоже погашался-бы искъ, но въ смыслѣ безусловнаго удовлетворенія истца. Такъ, что при такомъ обычаѣ народъ очень скоро пришелъ-бы къ заключенію, что нѣтъ надобности ему въ судѣ, незачѣмъ ему безъ-толку усложнять свою расправу, когда дѣло всегда такъ или иначе можетъ рѣшиться между истцомъ и отвѣтчикомъ принятіемъ первымъ присяги или непринятіемъ. Принятіемъ присяги истцомъ искъ погашался-бы въ положительномъ смыслѣ; непринятіе-же присяги погашало-бы искъ въ смыслѣ отказа. При этомъ, какъ видите, судъ становился-бы излишнимъ, можно было-бы обойтись и безъ него. А между тѣмъ никто, конечно, не можетъ указать ни одного момента въ жизни осетинъ господства безсудія и порядка полюбовнаго частнаго соглашенія между сторонами. Господство *рѣшительной присяги* въ юстиціи осетинъ, можно сказать, вызвано и было поддерживаемо необходимостью. Раскрытіе истины, преступленій, субъектовъ преступленій путемъ косвенныхъ улпкъ въ судопроизводствѣ даннаго народа предпо-

лагаетъ значительное общее и юридическое развитіе его. Ни исторія, ни преданія, ни память старыхъ людей не указываютъ, а сами мы не застаемъ, постояннаго приложенія косвенныхъ уликъ въ процессуальныхъ пріемахъ осетинскаго суда. Жизнь осетинъ до нашихъ дней была полна патріархальностью и родовыми распорядками. А при такихъ условіяхъ невозможно было постоянное прложеніе косвенныхъ уликъ въ процессѣ: безпристрастіе и совѣсть судей должны были постоянно находиться подъ давленіемъ силы каждаго заинтересованнаго лица и его рода. Свободная критика уликъ, представлявшихся противъ обвиняемаго, была опасною для судей: она могла быть понята какъ фактъ недоброжелательства судей къ обвиняемому и его роду, и потому послужить для послѣдняго основаніемъ къ преслѣдованію судей, какъ недруговъ. При такомъ порядкѣ весьма естественно, если въ процессѣ осетинъ господствовала *рѣшительная присяга*, если большая часть дѣлъ рѣшалась такой присягой. Возникаетъ вопросъ: заключала-ли присяга—*ард*—столько гарантіи для правосудія народа, чтобы она могла служить раціональной процессуальной формой и средствомъ раскрытія истины впродолженіи, по-крайней-мѣрѣ, многихъ столѣтій, если не тысячелѣтій, въ народной юстиціи осетинъ? На этотъ вопросъ, не задумываясь долго, отвѣчу: Да, заключала, и до-тѣхъ-поръ заключала, пока религіозныя представленія, суевѣрія и миѳологія, составлявшія основу присяги, были крѣпки въ народѣ, а стали онѣ ослабѣвать только теперь, при столкновеніи осетинъ съ европейскою жизнью и цивилизаціею. Осетины вѣровали, и отчасти вѣруютъ и теперь, въ покровительствующія божества—*дзуары*, кромѣ вѣрованія въ единаго Бога по догмѣ христіанской или мухаммеданской религій, которое передъ перваго рода вѣрованіями всегда отходило на второй планъ. Каждая мѣстность Осетіи имѣла своего *дзуара*, покровителя. Были впрочемъ и общіе *дзуары*, какъ *Уастырджи* и *Тбауацилла*. За этими общими божествами тянется цѣлый сонмъ второстепенныхъ мѣстныхъ божествъ, какъ *Хархы-дзуаръ* на Военно-Грузинской дорогѣ, *Фарныджи-дзуаръ* въ Ганалгомѣ въ горахъ, *Уасхо* въ Кани, *Кау-задъ* въ Тмени-кау въ горахъ, *Фырыдзуаръ* въ Даргавсѣ, *Дзивгисы-дзуаръ* въ Куртатахъ, *Дзиридзуаръ*—тоже, *Мкалы-габырта* въ Аллагирѣ, *Холысты-Саниба*—тоже, *Хетаджи-дзуаръ* въ Суадагѣ, *Гудзи-дзуаръ* въ Редантѣ, *Татар-Тупъ* ниже Николаевской станицы, *Аларды* въ Куртатахъ въ Кора, *Авзандаджи-дзуаръ* въ Куртатахъ въ Кора,

Тхостъ въ Аллагирѣ въ Уналѣ, *Саубараджи-дзуаръ* въ Аллагирѣ, *Тутыры-дзуаръ* въ Нарахъ и т. д. По представленіямъ и вѣрованіямъ народа, они были даятелями всякихъ земныхъ благъ, заступниками и покровителями несчастныхъ и гонимыхъ, наставниками людей въ добрѣ и злѣ и неумолимыми карателями за людскія прегрѣшенія. Вѣрованья въ дзуары пользовались всегда большимъ уваженіемъ, большимъ кредитомъ у осетинъ: они, такъ сказать, были проникнуты до мозга костей этими вѣрованіями. Съ какого времени осетины держатся этихъ вѣрованій — неизвѣстно. Предметы живого почитанія составляли еще: память покойниковъ—*мардтае*, которая была дорога и свята для всякаго осетина, можно сказать, до самопожертвованія: осетинъ готовъ былъ пожертвовать собой, лишь-бы память его покойниковъ осталась непоруганною, въ неприкосновенности; святость неба; святость земли и, въ періодъ христіанства и мухаммеданства, святость «*Бога всемогущаго, Бога единаго, создателя свѣта*».

Всякія прегрѣшенія передъ *дзуарами*, *небомъ*, *землею*, передъ *своими покойниками* и *Богомъ* считались всегда страшными преступленіями, за которыя эти божества наказывали людей неумолимо строго, не только за прямую вину передъ ними, блиставшими въ сознаніи народа страшною карательною мощью, но и за одинъ призывъ, одно обращеніе къ нимъ, сдѣланное въ свое оправданіе ложно, и, какъ увидимъ ниже, не менѣе строго наказывались и общественною совѣстью. Оскорбившіе дзуара бранымъ словомъ наказывались имъ или лишеніемъ языка, лишеніемъ зрѣнія, или какимъ-либо неизлѣчимымъ увѣчьемъ или тяжкою продолжительною болѣзнью, или ударомъ молніи его самого или кого-либо изъ его ближнихъ. Глумившіеся надъ дзуарами превращались ими въ горныя скалы (см. «Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ» вып. III); неисправные и неопрятные жертвоприносители—тяжкою продолжительною болѣзнью или ударами плети самого дзуара. Отвѣдавшіе изъ яствъ, предназначавшихся для воздаянія и приношенія дзуару, прежде совершенія обряда воздаянія, будутъ-ли тѣ мужчины, женщины или маленькія дѣти, — наказывались искалѣчиваньемъ. Но самая страшная кара дзуара постигала похитителей даровъ его изъ капища, лицъ, переставшихъ вѣровать въ него и приносить жертвы, и клятвопреступниковъ его именемъ: они не только со всѣмъ домомъ, но и цѣлымъ родомъ обрекались на поголовную гибель,— по-осетински, *бын*. Оскорбившіе покойниковъ своихъ и провинившіеся передъ ними нака-

зывались или нищетой, тяжкою болѣзнью или гибелью цѣлымъ домомъ. А такими оскорбителями покойниковъ и виновными передъ ними считались ближайшіе родственники, которые сами поносили или допустили постороннихъ лицъ поносить ихъ и посвящать имъ разные гады, а не тѣ постороннія лица, которыя непосредственно оскорбляли ихъ. Оскорблявшіе-же святость неба и земли наказывались или ударомъ молніи, или нищетой, или гибелью цѣлымъ домомъ отъ заваловъ горныхъ, отъ наводненія и проч. Оскорблявшіе и оскорбляющіе святость «Бога единаго, Бога всемогущаго и создателя свѣта» наказывались и наказываются безконечно разнообразно по волѣ Божіей.

Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ вѣрованья осетинъ. Изъ этихъ общихъ чертъ можно уже видѣть, что они заключали много въ себѣ слишкомъ грознаго, суроваго, подобно природѣ горной Осетіи, дѣйствовавшаго застращивающимъ образомъ на воображеніе и сознаніе народа, чтобы заставить его боязненно благоговѣть передъ тѣми высшими существами, вокругъ которыхъ группируются эти вѣрованья. Ложный призывъ или произнесеніе имени высшаго существа, или святости, въ свое оправданіе или въ справедливость показываемаго, считались дерзкимъ попраніемъ и поруганіемъ этого имени, слѣдовательно нарушеніемъ вѣры, за которыя должно ожидать свыше, по понятію народа, въ возмездіе страшныя кары — *фыдах*, далеко превозмогавшія всѣ выгоды, ожидавшіяся за ложнымъ призывомъ или произнесеніемъ имени. Отсюда понятно, какимъ высокимъ значеніемъ, кредитомъ должно было пользоваться въ обществѣ это обращеніе къ имени высшаго существа или высшей святости, какъ трудно было для осетина легкомысленно призывать высшее имя, не рискуя своимъ благоденствіемъ, земнымъ счастіемъ. Въ виду такой святости высшаго имени въ обществѣ, юридическое сознаніе осетинъ эксплуатировало его въ пользу народной юстиціи, установивъ присягу этимъ именемъ. И дѣйствительно, *ард*—присяга—была для всякаго осетина всегда не только святымъ актомъ, которымъ онъ, такъ сказать, застраховывался въ вѣрности и истинѣ, но самое слово «*присяга*» поражало его суевѣрную натуру даже своимъ чисто внѣшнимъ фонетическимъ строемъ: одинъ звукъ *ард'а* былъ страшенъ для осетина и онъ выслушивалъ его всегда съ какимъ-то благоговѣйнымъ страхомъ. Всякій осетинъ думалъ и былъ убѣжденъ, что онъ обратитъ карательную силу присяги на себя

и своихъ ближнихъ, — «*манг-ард іл фацаудзан*» (ложная присяга обратится на него), какъ говорятъ осетины, — если только присягнетъ ложно. «Родъ Дудіевыхъ принялъ ложную присягу, говоритъ преданіе, именемъ *Саубараджи-дзуара* (патрономъ чернаго всадника, т. е. воровъ) въ Аллагирѣ и потому его постигла поголовная гибель—*быт*. Дуда М. съ его потомствомъ тоже, продолжаетъ преданіе, потому погибъ. Для Беслана С. съ его 7-ю сыновьями ничего не было святого,—ничего они не боялись, обижали бѣдныхъ людей, наводили на нихъ ужасъ своимъ хищничествомъ. Принять присягу для нихъ ничего не значило; когда даже видѣли ихъ въ лицо,—они легко отдѣлывались принятіемъ присяги. За это ихъ и постигла ложная присяга: они были сосланы въ Сибирь, гдѣ и погибли всѣ до одного». Вотъ нѣсколько изъ многихъ тысячъ преданій, въ которыхъ разсказываетъ народъ, какъ сила ложной присяги поражаетъ присягопріимца и его ближнихъ. Святость присяги такъ далеко зашла въ сознаніи народа, что сама «*присяга*»—*ард*—стала святостью, которой можно было присягать. Такъ, осетины клянутся и говорятъ теперь еще: «*Именемъ присяги божіей увѣряю тебя*»! «*Да обратится на меня* присяга божія, *если я сдѣлалъ, слышалъ*»! «*Да обратится на меня присяга земли*»! «*Да обратится на меня присяга вотъ этого хлѣба*»! «*Да обратится на меня присяга золота, серебра*»! «*Присягой этимъ свѣтомъ клянусь, я тебя не видѣлъ*»! «*Присягой вотъ этими людьми*»! А слова: «*Да обратится на тебя присяга божія,—да обратится на тебя присяга земли*»! и т. п. были словами пожеланія страшнаго проклятія Бога, земли и тому подобное. «Вѣдь одно слово «*ард*» великое дѣло»! восклицали и восклицаютъ и теперь осетины: «*какъ ее принять*»! Святость присяги была такъ велика въ сознаніи осетинъ, что было предосудительно прибѣгать къ ней часто; частое принятіе присяги умаляло честь и доброе имя каждаго присягопріимца въ глазахъ общества, ибо предполагалось, что обращавшіеся къ этой святости часто—непремѣнно, хоть одинъ разъ, да нарушали ее, такъ-что на каждаго изъ нихъ смотрѣли какъ на смѣлаго и дерзкаго грѣшника, злоупотреблявшаго именемъ святости, и потому какъ на человѣка съ очень подозрительною честью и репутаціею, для котораго ничего не существовало святого или недозволеннаго. Ихъ окрещивали «*манг-ард'ами*»—*лжеприсяжниками*, хотя-бы они не были никогда уличены или обвинены въ лжеприсягѣ, — или «*не имѣющими присяги*», и они не могли уже пользоваться въ об-

ществѣ репутаціей «*почетныхъ и справедливыхъ мужей*» (хорз раст лагта). Вотъ, почему было всегда очень много лицъ въ осетинскихъ обществахъ, которые, страшась святости присяги вообще, зарекались разъ навсегда никогда не принимать присяги, при какихъ-бы то ни было обстоятельствахъ, чтобы не рисковать «обратить на себя ложную присягу»; потому они часто становились даже кровниками, уплачивали охотно за мнимую кровь или съ стоическимъ самопожертвованіемъ сами дѣлались невинными жертвами кровоместниковъ, оставаясь вѣрными все-таки своему зароку—«*не присягать ни за что и никогда*». Однако изъ того, что частое принятіе присяги колебало и роняло репутацію присягопріимца, не слѣдуетъ еще, какъ думаютъ нѣкоторые, не понимающіе значенія присяги въ судопроизводствѣ осетинъ, чтобы онъ имѣлъ право оскорбляться требованіемъ потерпѣвшаго—«*дать ему обычай страны*», т. е. присягнуть: присяга была судебнымъ доказательствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для обвиняемаго средствомъ судебной защиты. Значитъ, по обычному праву, прибѣгать къ ней можно было каждый разъ, когда это кому нужно было и, разумѣется, никто не имѣлъ права думать, что требованіемъ присяги отъ лица покушаются на его доброе имя, ибо потерпѣвшій, требуя присяги—*ард*—отъ подозрѣваемаго, требовалъ только удовлетворенія по народному праву, не больше.

Наконецъ, было много обстоятельствъ, которыя укрѣпляли и возвышали святость присяги еще болѣе въ сознаніи осетинъ. Легкомысленныхъ и недобросовѣстныхъ присягопріимцевъ общественная совѣсть наказывала непомѣрно строго: она публично, черезъ *крикуна* (*фидіог'а*) безславила ихъ, оглашая «*мангард'ами*» т. е. лжеприсяжниками, и съ той поры имъ уже буквально невозможно было оставаться въ томъ обществѣ, гдѣ они обезславлены, ибо они лишались всякаго кредита въ томъ обществѣ, и оно избѣгало ихъ, какъ опаснѣйшихъ своихъ враговъ; а въ частной жизни осетинъ ругань «*манг-ард*» — «лжеприсяжникъ»—служила очень часто началомъ кровавыхъ расправъ и родовой мести. Во-вторыхъ, *публичность*, въ иныхъ мѣстахъ Осетіи, и особенная *обрядность* и *торжественность*, съ коими сопровождалось принятіе присяги, обаятельно располагали къ признанію святости присяги. Такъ-какъ принятіе присяги считалось дѣломъ весьма важнымъ въ общественномъ сознаніи, то оно,

понятно, всегда интересовало общество и происходило постоянно на его глазахъ. Въ важныхъ дѣлахъ, о днѣ и мѣстѣ присяги оповѣщались родные и знакомые, какъ потерпѣвшаго, такъ и присягопріимца, которые сходились къ назначенному для присяги мѣсту, по преимуществу—къ капищу мѣстнаго дзуара, такъ-какъ присяги по большей-части принимались именемъ дзуара; или къ могилѣ убитаго, или къ спорной землѣ и т. д. Собранія были особенно многолюдны на присягахъ по кровнымъ дѣламъ. Сюда стекались всѣ сородичи потерпѣвшаго и присягопріимца въ полномъ вооруженіи. Въ почтительномъ отдаленіи отъ мѣста клятвы, по одну сторону становились одни, по другую—другіе, по серединѣ частные люди, обязанность которыхъ состояла въ обезоруженіи родственниковъ потерпѣвшаго и присягопріимца на мѣстѣ присяги, въ свидѣтельской роли принятія присяги и въ устраненіи возможнаго столкновенія между сторонами, если-бы возникло какое-либо недоразумѣніе относительно присяги. Затѣмъ, выступали потерпѣвшій и за нимъ уже присягопріимецъ съ своими присяжниками, становились передъ дзуаромъ и, съ простертою простою палочкою или съ снятою съ головы шапкою по направленію дзуара, торжественно и громко, обнаживъ голову, произносили клятву именемъ дзуара: «*О Уацилла* (или о Уастырджи)! *да съѣмъ болѣзни твои,—сила твоя велика! если я знаю что-либо лихого или добраго касательно взводимаго на меня дѣла, то погуби меня вотъ со всѣми тѣми родственниками! да обрати присягу твою на мое потомство*»! или именемъ дзуара и Бога вмѣстѣ: «*о Боже, создатель свѣта! о великіе дзуары! если я знаю что-либо добраго или лихого по настоящему дѣлу, то обратите на меня и потомство мое проклятіе ваше! Если же меня напрасно не оставляютъ въ покоѣ, то не прощайте имъ этого*»! Послѣ произнесенія клятвы, присягопріимецъ бросалъ впередъ палочку, которую держалъ въ рукѣ. Палочка служила, по народному понятію, присягопріимцу средствомъ отвода страшныхъ послѣдствій присяги отъ себя и своихъ ближнихъ: полагали, что присяга «*обращалась къ палочкѣ*». Бросая отъ себя палочку, присягопріимецъ какъ-бы бросалъ отъ себя вмѣстѣ съ палочкой и послѣдствія присяги. По принятіи присяги обвиняемымъ, все многочисленное собраніе, оставивъ принявшаго присягу еще на мѣстѣ, поспѣшно, обыкновенно скорымъ бѣгомъ, удалялось оттуда и расходилось по домамъ, стараясь еще долго послѣ того, недѣли двѣ по-крайней-мѣрѣ, не встрѣчаться съ присягнувшимъ,

ибо каждый осетинъ, какъ я сказалъ выше, былъ того убѣжденія, что присягнувшій обращаетъ силу ложной присяги не только противъ себя и своихъ ближнихъ, но и противъ каждаго члена общества, который первый встрѣтится съ нимъ по принятіи ложной присяги. Поэтому неудивительно, что въ каждомъ говорило чувство самосохраненія и оттого каждый отъ присягнувшаго убѣгалъ и прятался долго, не исключая даже домашнихъ; оттого и онъ самъ, заранѣе заготовивъ себѣ достаточную провизію въ какомъ-либо уединенномъ мѣстѣ, не возвращался обыкновенно впродолженіи двухъ и болѣе недѣль домой. Особенно торжественно принималась присяга въ обществахъ Нарскомъ, Заккинскомъ и Мамисонскомъ. Тамъ присяга была обставлена болѣе обрядностью и торжественностью, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Сѣверной и Южной Осетіи. Вотъ какъ разсказываетъ о принятіи присяги въ этихъ обществахъ одинъ выходецъ изъ Заккинскаго общества: «Въ этихъ обществахъ присягали именемъ *Хохы-дзуара* (горный дзуаръ). За недѣлю до принятія присяги, присягопріимецъ и его присяжники, если онъ присягалъ съ присяжниками, соблюдали необыкновенную чистоту, опрятность, скромность и воздержаніе въ половомъ отправленіи. Въ день принятія присяги, вечеромъ, они одѣвались въ бѣлое одѣяніе, въ бѣлую шапку и носки изъ бѣлой бумажной матеріи и, объявивъ жителямъ, что присягопріимецъ и его присяжники идутъ на присягу и чтобы поэтому никто не выходилъ изъ дому, отправлялись на присяжное мѣсто, гдѣ и принимали присягу. Однажды назначила намъ, нашей фамиліи, фамилія Гаджита присягу въ лицѣ лучшихъ мужей своихъ. Дѣло было такъ: какой-то Боба́ изъ Гаджита, нарскій житель, былъ на охотѣ, свалился гдѣ-то въ пропасть и погибъ тамъ. Гаджита стали подозрѣвать насъ, именно Эпре изъ нашей фамиліи, въ убійствѣ Бобà, на томъ основаніи, что у Эпре была такая-же жирничка, какъ у Бобà; потому они стали требовать отъ него «обычай страны», т. е. присягу. Мы-же, родственники Эпре, убѣдились, что на него наговорили напрасно, поэтому согласились принять присягу. Въ присяжники Эпре фамилія Гаджита назначила: Таги, Цега, Идарыко, Занг'а и Бурдын'а. Вечеромъ они отправились къ сборному мѣсту—къ перевалу, взявъ съ собой шашлыкъ, араку и пышекъ. Гаджита были уже тамъ. Утромъ другого дня, не взошло еще солнце, какъ Эпре, съ своими присяжниками, и Гаджита пришли къ присяжному мѣсту—къ *Хохы-дзуару*. «*О Боже и Хохы-дзуаръ! если Дзайта* (это наша фамилія) виновны, *то*

пожалѣйте насъ *), *если-же не виновны, не накажите насъ, а накажите тѣхъ людей, которые подстрекали насъ»!* взмолился Хабилы Гаджита до присяги. Наши приступили къ присягѣ: *«О Боже! не знаемъ даже, что за мужчина былъ Боба. О Хохы-дзуаръ! клянемся именемъ твоимъ, что мы ничего не знаемъ по настоящему дѣлу! Я-бы не заставилъ*, добавилъ Эпре, *своихъ родственниковъ вмѣсто кровной платы принимать ложную присягу»!* Такъ приняли они присягу и воротились къ перевалу. Здѣсь провели весь день, по наступленіи-же ночи они разошлись. Съ того времени всѣ наши родственники ежегодно, по очереди, въ день принятія присяги устраивали торжественное моленіе. Тауканъ Гаджита къ концу года погибъ, Хабилы тоже къ концу года,—Гаута Гаджита тоже: это потому, что они заставили насъ напрасно присягнуть. Говорятъ, когда Хабилы умиралъ, онъ воскликалъ: «Говорилъ я вамъ: не заставляйте напрасно присягать!—Сыновья! рѣжетъ меня *Хохы-дзуаръ*»!!.. Да, я забылъ сказать тебѣ, куда дѣлся Боба. Спустя немного времени послѣ принятія присяги нашей фамиліей, одинъ охотникъ нашелъ въ пропасти трупъ Боба; жирничка тоже оказалась при немъ. Вѣрно, онъ былъ снесенъ обваломъ». Въ этомъ разсказѣ довольно хорошо и полно изображена самая процедура присяги, а потому я отдѣльно повторять процедурную сторону присяги уже не буду.

Сказавъ о сущности, значеніи и процедурѣ присяги—*ард'а*, я скажу теперь о родахъ и видахъ присяги. Родовъ присяги два: первый родъ—положительныхъ присягъ, т. е. *произнесеніе клятвы именемъ народныхъ божествъ и святостей, въ широкомъ смыслѣ слова*; второй родъ *фгдкаенд* или *фгнгкаенд*, т. е. *соизволеніе посвящать покойникамъ гадовъ и падалъ*.

Къ присягамъ перваго рода относится присяга *дзуар'ами*. Она считалась всегда присягой первостепенной важности, по такой-же важности и святости самихъ *дзуаровъ* въ сознаніи народа. Поэтому, къ ней прибѣгали чаще всего: въ ней

*) Т. е. иносказательно: «накажите Дзайта».

больше другихъ присягъ находили залога къ открытію истины. Она назначалась по преимуществу въ важныхъ дѣлахъ, какъ то: въ дѣлахъ по убійству — кровныхъ, покаленію, растлѣнію и изнасилованію дѣвицъ и женщинъ, по противоестественному совокупленію, по крупнымъ кражамъ и т. п., исключительно по желанію потерпѣвшаго, а въ дѣлахъ маловажныхъ,—въ малыхъ кражахъ,—судомъ.

Другой видъ присяги этого рода—присяга Богомъ—*ард хуцауой*, по правиламъ религій христіанской и мухаммеданской. Клятва произносилась и произносится именемъ Бога Всемогущаго. Присяга эта стала входить въ употребленіе сравнительно очень недавно. Христіанство было извѣстно съ давняго времени осетинамъ, благодаря Грузіи. Только оно никогда не могло привиться къ нимъ, какъ формальная религія съ своими догмами. Они такъ-же легко, какъ принимали христіанство изъ устъ миссіонеровъ, приходившихъ изъ Грузіи періодически сѣять, возобновлять и освѣжать слово Божіе въ Осетіи *),— промѣнивали его опять на свои языческія вѣрованья и представленія, къ которымъ они, по уходѣ грузинскихъ миссіонеровъ, такъ охотно возвращались въ виду отсутствія правильной, постоянной пропаганды изъ школъ и церквей. Потому и въ своей юстиціи они, сроднившись съ собственными языческими представленіями, присягали по преимуществу именами своихъ народныхъ святынь и божествъ—дзуаровъ, сопоставляя впрочемъ также часто въ клятвѣ слово «*дзуаръ*» съ христіанскимъ «*Богомъ*—создателемъ свѣта», что видно изъ вышеприведенныхъ клятвъ. Это преобладаніе дзуаровъ въ вѣрованьяхъ осетинъ продолжалось очень долго, вплоть до нашихъ дней. Оно порождало и преобладаніе присяги «дзуарами» надъ присягой «Богомъ», продолжавшееся тоже почти до нашихъ дней.

Въ 1858 году, полковникъ Мусса Кундуховъ, бывшій начальникъ Осетинскаго округа, въ своей прокламаціи и запискахъ увѣщевалъ подвѣдомственныхъ ему осетинъ отказаться отъ «бездушныхъ истукановъ и идоловъ, заслуживающихъ лишь презрѣніе», и молиться христіанамъ и мухаммеданамъ въ церквахъ и мечетяхъ.

---

*) Послѣднимъ миссіонеромъ, разсказываютъ, въ Осетіи былъ Николай Самаргуліанъ, проповѣдывавшій около 1820 г.

Съ утвержденіемъ русской власти въ Осетіи, т. е. съ 1831 года, правительство, въ устроенныхъ имъ для народа судахъ, требовало отправленія присяги по христіанскому или мухаммеданскому обрядамъ; съ того времени присягали, и то только въ правительственныхъ судахъ, по обрядамъ этихъ религій. Но народъ все-таки предпочиталъ свою присягу и потому чуть-ли не большинство его не обращалось къ правительственнымъ судамъ, кончая дѣла въ средѣ своей присягой дзуарами. Главнымъ образомъ и присяга передъ алкораномъ, по преимуществу въ мечети, не могла имѣть мѣста въ правосудіи осетинъ почти до водворенія русской власти въ Осетіи, т. е. до 1825 года, такъ-какъ только около этого года сталъ распространяться исламизмъ въ Дигоріи, въ Тагаурскомъ обществѣ—въ аулахъ Кобанѣ, Саниба, Кани, Цми, Фудхузъ, жители коихъ частью впослѣдствіи выселились на плоскость, и отчасти въ Куртатинскомъ и Аллагирскомъ обществахъ. Съ 1831 года правительство стало въ своихъ судахъ требовать отъ мухаммеданъ отправленія присяги по мухаммеданскому обряду. Не смотря на это, мухаммедане-осетины въ своей средѣ, въ своихъ медіаторскихъ судахъ, не прибѣгали къ этой присягѣ вплоть до шестидесятыхъ годовъ; они видѣли въ ней мало святости и каръ для клятвопреступниковъ и, слѣдовательно, мало залога для открытія истины. Отъ этого, какъ мухаммедане, такъ и христіане, гораздо охотнѣе принимали мухаммеданскую или христіанскую присягу, чѣмъ собственно осетинскую народную присягу, шли даже на ложную присягу, оправдываясь: «что это за присяга (мухаммеданская или христіанская)! вотъ наша присяга, такъ это присяга настоящая, ее трудно принять»! Христіанская и мухаммеданская присяги получили окончательно постоянное дѣйствіе и примѣненіе въ юридической жизни осетинъ только съ правильной организаціей правительственныхъ судовъ, т. е. съ 1858 года, съ устройствомъ горскаго словеснаго суда.

Къ этому-же роду присягъ относится *присяга убитымъ лицомъ*. Эта присяга была очень популярна въ жизни осетинъ и потому къ ней прибѣгали очень часто. Она состояла въ слѣдующемъ: лицо, которое подозрѣвали въ убійствѣ, — присягопріимецъ,—при многочисленномъ стеченіи народа, самъ одинъ или въ сопровожденіи присяжниковъ, долженъ былъ явиться на могилу убитаго, взяться за памятникъ убитаго одной рукой и произнесть слѣдующую фразу: «*Покойникъ! Если я къ чему-либо причастенъ*

въ убійствѣ твоемъ, да буду тебѣ конемъ на томъ свѣтѣ, да взятъ мнѣ всѣ грѣхи твои на томъ свѣтѣ»!, послѣ которой три раза обходилъ могилу покойника кругомъ. По произнесеніи этой клятвы присягопріимцемъ, потерпѣвшіе протягивали ему руку примиренія, и онъ считался уже правымъ. Клятву эту называли *самопосвященіемъ—кіфаелдисгн.* Въ ней заключалось, по понятію народа, довольно много сраму для присягопріимца, потому мало кто рѣшался принять эту присягу, дѣлаясь охотнѣе кровникомъ, чѣмъ выносить посрамлявшее дѣйствіе этой присяги, и тѣмъ болѣе еще, что принявшіе эту присягу пользовались подозрительною репутаціей,—ихъ называли *фаелдгст—посвященными.* Посрамлявшее дѣйствіе ея увеличивалось еще болѣе, когда потерпѣвшіе, имѣя темныя догадки или предчувствія о совершеніи убійства присягопріимцемъ, чтобы сдѣлать принятіе присяги болѣе труднымъ или даже невозможнымъ, надѣвали ему на шею животную кишку съ кровью, называвшуюся *красной кишкой*, и, водя его кругомъ могилы и коля кинжалами кишку, чтобы текла изъ нея кровь, заставляли произносить вышеприведенную фразу.

Далѣе, присяги *золотомъ*, *серебромъ*, *скотомъ* и *хлѣбомъ*, тоже виды этого рода присяги, имѣли мѣсто при кражахъ или причиненныхъ убыткахъ въ такого-же рода имуществахъ, т. е. въ *вещахъ золотыхъ*, *серебряныхъ* и т. п. Подозрѣваемый въ похищеніи золотыхъ и серебряныхъ вещей обыкновенно присягалъ: «*Клянусь присягой вотъ этого золота или серебра,—я ничего не знаю по настоящему дѣлу!*» или: «*да обратится на меня присяга этого золота или серебра, если только я знаю что-либо по настоящему дѣлу*»! При такихъ присягахъ присягопріимецъ и потерпѣвшій имѣли передъ собой какое-либо оправленное въ золото или серебро оружіе. Что-же касается до присяги *скотомъ*, то она состояла въ слѣдующемъ: присягопріимецъ подходилъ къ какой-либо скотинѣ и, взявъ ее за ухо, произносилъ: *Да постигнетъ меня присяга вотъ этимъ скотомъ (указывается при этомъ на весь скотъ), если только я виновенъ въ этомъ дѣлѣ*»! или: «*Да погубитъ меня создатель этой скотины, если только я виновенъ*»! Присяга *хлѣбомъ* совершалась тоже просто: присягопріимецъ бралъ хлѣбъ въ руку, или указывалъ только рукой на хлѣбъ въ скирдахъ, и произносилъ: «*Да обратится на меня присяга хлѣбомъ, если въ чемъ я виновенъ*»!

Сюда-же надо причислить еще два вида оригинальныхъ при-

сягъ, къ которымъ обращались очень часто. Въ народѣ существовало повѣрье, что клятвопреступникъ именемъ земли въ день смерти не находитъ мѣста для успокоенія въ лонѣ земли, что земля отказываетъ ему въ покоѣ, поэтому онъ испытываетъ страшно-мучительную агонію, служащую, по понятію народа, признакомъ грѣшной земной жизни умирающаго. Въ виду этого повѣрья, такъ-какъ оно достаточно заключало въ себѣ страха для всякаго суевѣрнаго осетина, обычнымъ правомъ установлена присяга *землей* въ поземельныхъ спорахъ. Ее принималъ обыкновенно отвѣтчикъ слѣдующимъ образомъ: присягопріимецъ, набравши въ полу черкески или бешмета земли, долженъ былъ, обходя границы спорнаго участка и сыпя по нимъ находившуюся у него въ полѣ землю, произносить: «*Да обратится на меня присяга вотъ этой земли, если только по эти границы не принадлежитъ мнѣ земля эта*»! Обошедъ такимъ образомъ участокъ, онъ становился уже безспорнымъ его собственникомъ, ибо присяга принята.

Существовалъ еще слѣдующій видъ присяги. Потерпѣвшій подходилъ публично къ подозрѣваемому и требовалъ отъ него— протянуть ему, потерпѣвшему, «руку правдивую такого-то покойника своего», въ свое оправданіе. Избирался потерпѣвшимъ самый почтенный покойникъ подозрѣваемаго. Если подозрѣваемый, произнося: «На тебѣ правдивую руку моего такого-то покойника» (котораго онъ называлъ по имени), протягивалъ ему руку, то, значитъ, присяга принята. Это была важная присяга: передъ нею, такъ сказать, пасовали даже отъявленные воры.

«Въ Нарскомъ обществѣ, Л. К. признался передъ потерпѣвшимъ, когда этотъ послѣдній потребовалъ у него «*протянуть ему руку славнаго своего дяди Д.*, что онъ, Ка....въ, въ воровствѣ двухъ лошадей его виновенъ».

Второй родъ присяги — *фгдкаенд* или *фгнгкаенд*, т. е. *соизволеніе посвящать покойниковъ подозрѣваемаго лица разныя гадости*, въ широкомъ смыслѣ слова. По повѣрьямъ и миѳологическимъ представленіямъ осетинъ, покойники на томъ свѣтѣ живутъ такъ-же, какъ и мы живемъ: они имѣютъ надъ собою властелина, подобно намъ, въ лицѣ своего начальника *Барастыра* и, подобно намъ, тоже не могутъ быть безъ пищи; на этомъ пос-

лѣднемъ основывается дѣланіе поминокъ покойникамъ у осетинъ. Память покойниковъ составляла большую святость для всякаго осетина. Посвященіе-же гадостей, какъ-бы вмѣсто поминокъ, покойникамъ считалось поруганіемъ надъ ними, которое всякій осетинъ обязанъ былъ отводить отъ своихъ покойниковъ. Въ виду этого, обычай давалъ право потерпѣвшему отъ кражи эксплуатировать эту святость памяти покойниковъ въ пользу открытія похитителей или недоносителей-свидѣтелей, и ею дѣйствительно пользовались потерпѣвшіе отъ кражи. Они посвящали покойникамъ воровъ и свидѣтелей-недоносителей разныя гадости. Это посвященіе происходило слѣдующимъ образомъ: потерпѣвшій, на публичномъ мѣстѣ, при стеченіи народа, на вколоченной въ землю вѣхѣ вѣшалъ кошекъ или собакъ и разстрѣливалъ ихъ, произнося слѣдующую фразу: «*Эти кошки и собаки да дудутъ посвящены покойникамъ того, кто укралъ у меня лошадь, или кто, зная вора, скрываетъ его*»! Или онъ выходилъ съ большой палкой въ рукѣ, становился около навоза, или падали, и громко посвящалъ: «*Да съѣдятъ все это покойники того, кто укралъ у меня лошадь, или кто скрываетъ вора*»! Такія посвященія были страшны для осетинъ, потому воръ признавался въ кражѣ, а свидѣтели открывали вора и тѣмъ предупреждали эти оскорбительныя для покойниковъ посвященія. Иносказательно эти посвященія народъ называлъ *вытаскиваніемъ покойниковъ на солнце*.

Было еще посвященіе другого рода: потерпѣвшій вынималъ кинжалъ подозрѣваемаго изъ ноженъ, втыкалъ его въ навозъ и, обратившись къ подозрѣваемому, говорилъ ему: «*если ты правъ, то пойди и возьми свой кинжалъ*». Если онъ бралъ свой кинжалъ, то считался оправданнымъ; въ противномъ случаѣ отвѣчалъ за кражу.

Наконецъ, существовала еще присяга, которую нельзя отнести ни къ одному изъ этихъ двухъ родовъ присяги; она основывалась на суевѣріи и состояла въ слѣдующемъ. При пропажахъ и кражахъ движимаго имущества, по преимуществу-же мелкихъ женскихъ вещей, подозрѣваемому назначалась потерпѣвшимъ лицомъ присяга: «*перепрыгиваніе черезъ зажженную волчью жилу*». Бралась высушенная волчья жила, зажигалась и клалась въ небольшую яму; потомъ прикрывалась землей, чтобы могла дымиться. Подозрѣваемый долженъ былъ перепрыгнуть черезъ нее.

Если подозрѣваемый былъ виновенъ въ похищеніи вещи и ложно, однако, присягнулъ, т. е. «перепрыгнулъ черезъ волчью жилу», то онъ, полагали, долженъ «*сдѣлаться калѣкой*», долженъ «*искривиться*».

Таковы роды и виды присяги по обычному осетинскому праву.

Джантемиръ Шанаевъ.

АДАТЫ ДАРГИНСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ *).

Въ Даргинскомъ округѣ существуютъ адаты:

1) Общіе для всего округа.

2) Частные въ каждомъ изъ семи обществъ, входящихъ въ составъ округа.

3) Адаты, установленные на нѣкоторые случаи между жителями Даргинскаго округа и смежныхъ съ нимъ округовъ.

Жалобы между жителями двухъ разныхъ деревень, хотя-бы деревни эти принадлежали къ одному обществу, разбираются и рѣшаются по общимъ адатамъ.

Жалобы между жителями одной деревни, если въ обществѣ, къ которому принадлежитъ эта деревня, существуютъ соотвѣтствующіе жалобѣ частные адаты, разбираются и рѣшаются по частнымъ адатамъ, а изъ общихъ адатовъ примѣняются только тѣ, которые въ томъ обществѣ существуютъ безъ измѣненія.

Жалобы между жителями двухъ отселковъ (махи), принадлежащихъ къ одной деревнѣ, разбираются по частнымъ адатамъ, какъ и жалобы между односельцами.

Жалобы между жителями Даргинскаго округа и смежныхъ округовъ разбираются и рѣшаются по общимъ адатамъ; но въ тѣхъ случаяхъ, на которые между округами, къ коимъ принадлежатъ спорящіе, установленъ особый адатъ, общіе адаты замѣняются особо установленными.

а) ОБЩІЕ АДАТЫ.

Въ Даргинскомъ округѣ по адатамъ разбираются и рѣшаются претензіи по слѣдующимъ предметамъ:

*) Даргинскія общества (Акуша, Цудакаръ, Мугя, Микахя, Хюраки, Усиша и Сиргуа) въ административномъ отношеніи составляютъ Даргинскій округъ.

1) По убійству.

2) По пораненію; но удовлетвореніе за рану и увѣчье опредѣляется шаріатомъ.

3) По ссорамъ, дракамъ и побоямъ.

4) По увозу женщинъ.

5) По изнасилованію женщинъ.

6) По разврату.

7) По воровству.

8) По грабежу.

9) По поджогамъ.

10) По порчамъ чужаго имущества.

11) По потерямъ и находкамъ.

12) По гражданскимъ спорамъ и искамъ всякаго рода; но сюда не относятся: а) тяжбы о принадлежности имущества, б) споры по куплѣ, продажѣ и мѣнѣ и в) дѣла о наслѣдствѣ и духовныхъ завѣщаніяхъ. Дѣла этихъ трехъ категорій разбираются по шаріату.

Тяжбы относительно принадлежности недвижимаго имущества, если они возникли между частнымъ лицомъ и цѣлымъ обществомъ деревни (джамаатомъ), разбираются по адату.

Дѣла по бракамъ разбираются по шаріату; но если послѣ помолвки бракъ почему-либо не состоится и возникнетъ споръ относительно подарковъ, сдѣланныхъ женихомъ невѣстѣ и невѣстою родственникамъ жениха, то споръ этотъ разбирается и рѣшается по адату.

Предъявленіе претензій. Претензіи предъявляются или самимъ обиженнымъ или ближайшимъ его родственникомъ *).

Когда баранта находится на пастьбѣ въ общихъ стадахъ, то претензіи по всѣмъ дѣламъ касательно стадъ предъявляетъ старшій пастухъ (одоманъ или хола-букунъ) **). Онъ-же отвѣчаетъ за сдѣланныя стадами потравы, а также по всѣмъ претензіямъ по воровству, взводимымъ на пастуховъ стада, если только дѣйствительно виновный пастухъ не будетъ извѣстенъ.

---

*) По дѣламъ бывшихъ рабовъ (куловъ и каравашекъ) предъявляли за нихъ претензіи, а также отвѣчали по взведеннымъ на нихъ претензіямъ владѣльцы ихъ.

Всѣ претензіи между кулами и каравашками одного владѣльца разбирались самимъ владѣльцемъ.

**) Одоманъ—названіе старшаго пастуха, общее во всемъ округѣ; хола-букунъ—тоже названіе на Акушинскомъ нарѣчіи.

Право предъявлять претензіи переходитъ къ наслѣдникамъ, если умершему слѣдовало удовлетвореніе и онъ не потерялъ почему-либо права на оное, по слѣдующимъ дѣламъ: по убійству родственниковъ, по воровству, грабежу, поджогамъ, порчѣ имущества, потерямъ и находкамъ и по гражданскимъ спорамъ и искамъ.

Равнымъ образомъ по этимъ-же дѣламъ, за смертію отвѣтчика, претензія можетъ быть взведена на наслѣдниковъ и родственниковъ его, но тогда только, если обвиненіе на умершаго заявлено еще при жизни его. По гражданскимъ искамъ, а также по воровству, когда уворованное найдено, претензіи принимаются, хотя-бы онѣ были заявлены и по смерти отвѣтчика.

Если истецъ состоитъ должнымъ отвѣтчику, то обязанъ сперва уплатить долгъ, безъ чего претензія его не разбирается. Исключеніе допускается только по такимъ дѣламъ, когда кредиторъ дѣлается кровнымъ врагомъ своего должника.

До окончательнаго рѣшенія одного дѣла, тяжущіеся не могутъ взводить другъ на друга новыхъ претензій, кромѣ такихъ, справедливость коихъ очевидна и не требуетъ никакихъ доказательствъ; но если при первоначальномъ предъявленіи жалобы истецъ объявилъ претензію на одно лицо по нѣсколькимъ предметамъ, то разборъ всѣхъ претензій допускается и въ одно время.

Когда тяжущіеся согласились предоставить споръ свой разбору по маслаату *), то они не могутъ требовать разбора тогоже дѣла по адату, если маслаатное рѣшеніе уже состоялось.

Претензіи по подозрѣніямъ. По однимъ подозрѣніямъ, безъ всякихъ другихъ поводовъ къ обвиненію, претензіи допускаются по убійству, воровству, поджогу, порчѣ чужаго имущества и утайкѣ найденной вещи.

Если невинность обвиняемаго будетъ очевидна для разбирающихъ дѣло, то претензія по одному подозрѣнію не принимается.

Не допускаются претензіи по одному подозрѣнію ни по какимъ дѣламъ, кромѣ убійства:

1) На кадіевъ, картовъ, мангушей, будуновъ и гаджіевъ.
2) На давшихъ обѣтъ передъ джамаатомъ не воровать.
3) На безумныхъ и сумасшедшихъ.

---

*) Разборъ черезъ посредниковъ.

4) Претензіи другъ на друга лицъ, состоявшихъ въ супружествѣ и потомъ разведенныхъ.

5) Претензіи между членами двухъ семействъ, состоящихъ между собою въ кровной враждѣ *).

Претензіи между дальнѣйшими родственниками двухъ семействъ, состоящихъ между собою во враждѣ, а также между дальнѣйшими родственниками одного изъ этихъ семействъ и ближайшими членами другого, допускаются по подозрѣнію, но истецъ долженъ принять присягу *хатунъ-талахъ* **), съ двумя родственниками, въ томъ, что онъ взводитъ обвиненіе не по враждѣ.

Если кто былъ прежде обвиненъ не доказательствами, а только по подозрѣнію въ одномъ изъ слѣдующихъ преступленій: воровствѣ, поджогѣ, порчѣ имущества и утайкѣ найденной вещи и, потомъ, до истеченія года со времени обвиненія на него будетъ взведено тѣмъ-же лицомъ новое обвиненіе въ одномъ изъ означенныхъ преступленій опять по одному подозрѣнію, или онъ взведетъ обвиненіе, тоже по подозрѣнію, на того, кто прежде обвинитъ его,—то такія претензіи хотя и принимаются, но разборъ ихъ отлагается до истеченія года со времени прежняго обвиненія.

Подозрѣніе можетъ быть объявлено въ одно время только на одно лицо.

Объявившій подозрѣніе на одного можетъ впослѣдствіи объявить по тому-же дѣлу подозрѣніе на другого, но сперва долженъ потребовать отъ перваго обвиненнаго очистительную присягу, безъ чего претензія на другого не принимается.

Претензія по подозрѣнію по одному и тому-же дѣлу можетъ переходить такимъ-же порядкомъ на семь человѣкъ; на восьмого претензія безъ доказательствъ уже не принимается.

Присяга. При разборѣ дѣлъ по адату, для дознанія справедливости иска, обвиненія или подозрѣнія, требуется, смотря по обстоятельствамъ дѣла, или присяга истца, или очистительная присяга отъ отвѣтчика, или присяга свидѣтелей ***).

---

*) Въ числѣ членовъ семейства считаются всѣ родственники главы семейства первыхъ трехъ степеней, хотя-бы они жили отдѣльно.

**) См. ниже, о присягѣ.

***) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ показанія этихъ лицъ принимаются безъ присяги, что объяснено ниже по каждому роду дѣлъ.

Истецъ и отвѣтчикъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и свидѣтели, присягаютъ съ своими родственниками.

Присяга, смотря по роду дѣла, требуется: или кораномъ, или кебиномъ жены (хатунъ-талахъ). Если откроется, что присяга хатунъ-талахъ принята ложно, то присягнувшій долженъ развестись съ своею женою, и кебинъ, данный имъ женѣ при вступленіи въ бракъ, не возвращается ему.

Имѣющій нѣсколькихъ женъ присягаетъ кебиномъ одной изъ женъ по своему желанію и долженъ упомянуть объ этомъ въ присягѣ.

Когда тотъ, кто долженъ присягнуть хатунъ-талахъ, не женатъ или далъ обѣтъ никогда не присягать хатунъ-талахъ, то присягаетъ кораномъ.

Въ какихъ случаяхъ требуется присяга истца и въ какихъ случаяхъ очистительная присяга отъ отвѣтчика, будетъ объяснено ниже по каждому роду дѣлъ порознь.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда присяга требуется отъ истца, онъ, если не по желаетъ присягать, можетъ потребовать отъ отвѣтчика очистительную присягу *).

По претензіямъ, предъявленнымъ лицами, давшими обѣтъ никогда не присягать, въ тѣхъ случаяхъ, когда положено присягу требовать отъ истца, всегда принимаетъ очистительную присягу отвѣтчикъ.

По претензіямъ на женщинъ, взводимымъ по одному подозрѣнію, присяга истца допускается только по убійству; по прочимъ-же дѣламъ, если подозрѣваемая не была прежде обвинена въ подобномъ преступленіи, присяга истца не допускается, а требуется очистительная присяга. При этой присягѣ всегда требуется 6-ть родственниковъ, хотя-бы по роду дѣла требовалось для присяги и больше родственниковъ.

Когда претензія предъявлена по одному подозрѣнію и за смертію отвѣтчика переходитъ на наслѣдниковъ, то всегда тре-

---

*) При разборѣ дѣлъ, возникающихъ между жителями Кабардинскаго магала, а также по дѣламъ жителей этого магала съ жителями другихъ обществъ, присяга истца допускается только по убійству, грабежу и порапенію при ограбленіи, а также по нѣкоторымъ видамъ воровства, а въ остальныхъ дѣлахъ всегда требуется очистительная присяга отъ отвѣтчика.

буется очистительная присяга отъ наслѣдниковъ. Присяга-же истца допускается только по подозрѣнію въ убійствѣ.

Когда претензія по подозрѣнію взведена была на одного и съ него потребована очистительная присяга, то по объявленіи подозрѣнія по тому-же дѣлу на другихъ, присяга истца уже не допускается, а требуется очистительная присяга отъ обвиняемыхъ.

Но если истецъ при объявленіи перваго подозрѣнія изъявилъ готовность самъ присягнуть и только по просьбѣ подозрѣваемаго предоставилъ ему очистить себя присягою, то по объявленіи имъ подозрѣнія на другого, можетъ и самъ принять присягу.

Если потребуется очистительная присяга отъ лицъ, давшихъ обѣтъ никогда не присягать, то вмѣсто ихъ присягаютъ два ближайшіе родственника, и если присяга требуется хатунъ-талахъ, но родственники эти не женаты, то присягаютъ кораномъ. Число этихъ родственниковъ не увеличивается и тогда, если по роду дѣла отъ отвѣтчика слѣдовала-бы присяга съ бо́льшимъ числомъ родственниковъ.

За женщинъ, малолѣтнихъ, безумныхъ и сумасшедшихъ, когда они должны принять присягу въ качествѣ истцовъ или очистительную присягу по взводимымъ на нихъ претензіямъ, вмѣсто ихъ присягаетъ ближайшій родственникъ *), а за замужнихъ женщинъ присягаетъ мужъ.

Если въ назначенный для присяги истца, день, онъ или кто изъ родственниковъ его не можетъ явиться, то истецъ долженъ объявить объ этомъ и представить уважительную причину; если-же онъ этого не исполнитъ, или-же если кто изъ родственниковъ его откажется присягнуть, то отвѣтчикъ можетъ принять очистительную присягу, и истецъ теряетъ всякое право по претензіи своей.

Когда присяга требуется отъ отвѣтчика и онъ или кто изъ родственниковъ его въ назначенный день не явится и не объявитъ объ этомъ, а равно если онъ или родственники откажутся присягнуть, то отвѣтчикъ обвиняется.

Отказъ отвѣтчика или родственниковъ его принять очистительную присягу, считается полнымъ доказательствомъ его ви-

*) А если присяга требуется хатунъ-талахъ, то ближайшій женатый родственникъ.

ны, наравнѣ съ доказательствомъ свидѣтелями или собственнымъ сознаніемъ, хотя-бы претензія на него была взведена по одному подозрѣнію.

Во всѣхъ дѣлахъ, разбираемыхъ по адату, когда нужна присяга свидѣтелей, требуется не болѣе двухъ свидѣтелей; если-же болѣе одного свидѣтеля нѣтъ, то свидѣтель этотъ долженъ присягнуть съ двумя своими родственниками, которые присягаютъ хатунъ-талахъ.

Свидѣтели всегда требуются отъ истца или обвиняющаго; отъ отвѣтчика-же свидѣтели требуются тогда только, когда онъ объявитъ, что взводимая на него претензія уже удовлетворена имъ, а также когда искъ предъявленъ цѣлымъ обществомъ на частныхъ лицъ.

Свидѣтели, представляемые истцомъ, должны быть жители той деревни или отселковъ той деревни, къ которой принадлежитъ отвѣтчикъ.

Кунакъ отвѣтчика можетъ быть представленъ въ свидѣтели истцомъ, если онъ его односелецъ; но если онъ житель другой деревни того общества, къ которому принадлежитъ истецъ, или посторонняго общества, то онъ въ свидѣтели не допускается.

Кунакъ истца, если онъ житель той деревни, или отселковъ той деревни, къ которой принадлежитъ отвѣтчикъ, можетъ быть представленъ въ свидѣтели истцомъ.

Кунакъ истца или отвѣтчика присягаетъ всегда съ двумя родственниками хатунъ-талахъ, и потому другого свидѣтеля съ нимъ не требуется.

Женщина допускается въ свидѣтели тогда только, если она куначка истца или отвѣтчика, но вмѣсто нея присягаютъ два родственника ея, сама-же она присягаетъ тогда только, когда потребуютъ этого присягающіе за нее родственники.

Не допускаются вовсе въ свидѣтели:

1) Давшіе обѣтъ никогда не присягать.

2) Родственники истца, если они имѣютъ участіе въ разбираемомъ дѣлѣ.

3) Кулы и караваши, пока они состоятъ въ рабствѣ *).

4) Имѣющіе тяжбу съ отвѣтчикомъ, до окончанія тяжбы.

---

*) Этотъ обычай существовалъ до освобожденія рабовъ въ Дагестанѣ.

5) Должники отвѣтчика, пока не уплатятъ долга *).

Состоящіе въ кровной враждѣ съ отвѣтчикомъ или-же родственниками его, хотя-бы и дальними, а также всѣ родственники лицъ, состоящихъ въ кровной враждѣ съ отвѣтчикомъ, въ свидѣтели не допускаются.

Если-же отвѣтчикъ дальній родственникъ одного изъ двухъ семействъ, состоящихъ между собою въ кровной враждѣ, то дальніе-же родственники другого изъ этихъ семействъ въ свидѣтели принимаются, но должны, кромѣ свидѣтельской присяги, присягнуть въ томъ, что они свидѣтельствуютъ не по враждѣ. Присяга въ этомъ случаѣ требуется такая-же, какъ и по претензіямъ между кровными врагами.

Если въ назначенный для присяги день свидѣтели не могутъ явиться, то истецъ долженъ предварительно объявить объ этомъ, въ противномъ-же случаѣ теряетъ всякое право претендовать.

Если изъ представленныхъ свидѣтелей кто-либо, на основаніи вышеизложеннаго, или по шаріату, не можетъ быть допущенъ къ свидѣтельству, или, если бывъ допущенъ въ свидѣтели, не можетъ дать свѣдѣній, нужныхъ для удовлетворенія въ справедливости претензіи, то другіе свидѣтели вмѣсто него допускаются только въ такомъ случаѣ, когда истецъ объявилъ при самомъ представленіи свидѣтелей, что у него есть еще свидѣтели. Въ противномъ-же случаѣ другіе свидѣтели не принимаются, а требуется очистительная присяга отъ отвѣтчика, и по принятіи отвѣтчикомъ присяги, истецъ теряетъ право иска.

Тоже самое наблюдается, когда свидѣтель долженъ былъ присягнуть съ родственниками, но родственники его отказались отъ присяги.

Если обнаружится, что представленные истцомъ свидѣтели подкуплены имъ, то онъ теряетъ всякое право претендовать.

Для подтвержденія подкупа свидѣтелей требуется: собственное сознаніе истца или подкупленныхъ свидѣтелей, или-же самыя ясныя доказательства, не требующія ничьей присяги.

Вышеизложенные адаты относительно свидѣтелей истца примѣняются и къ свидѣтелямъ отвѣтчика или прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, когда отъ нихъ будутъ потребованы свидѣтели.

---

*) Если лица, означенныя въ пунктахъ 4 и 5, кунаки истца, то они допускаются въ свидѣтели наравнѣ съ прочими.

Присяга родственниковъ. Число родственниковъ, съ которыми требуется присяга тяжущихся или свидѣтелей, и случаи когда присяга допускается безъ родственниковъ, будутъ означены ниже по каждому роду дѣлъ особо.

Когда за женщину принимаетъ очистительную присягу мужъ или ближайшій ея родственникъ, то съ нимъ по всѣмъ дѣламъ присягаетъ 6 родственниковъ.

Къ присягѣ требуются ближайшіе родственники присягающаго съ отцовской стороны, мужчины, достигшіе 15-ти лѣтъ.

Когда присяга должна быть хатунъ-талахъ, то требуются ближайшіе женатые родственники.

Не требуются вовсе къ присягѣ:

1) Родственники, находящіеся за Дербентомъ, за снѣговымъ хребтомъ Уркхи, за Андійскимъ Койсу и за Сулакомъ; но если присяга съ родственниками требуется отъ отвѣтчика или его свидѣтелей, и истецъ не согласится, чтобы вмѣсто находящагося далѣе означенныхъ границъ родственника присягнулъ другой, то долженъ ожидать возвращенія отсутствующаго.

2) Переселившіеся на постоянное жительство въ другую деревню, хотя-бы и своего общества. Переселившіеся въ отселки своей деревни призываются наравнѣ съ состоящими на лицо.

3) Давшіе обѣтъ никогда не присягать.

4) Состоящіе въ кровной враждѣ съ однимъ изъ тяжущихся. Съ свидѣтелемъ также не могутъ присягать родственники его, состоящіе съ нимъ въ кровной враждѣ.

5) Тѣ родственники присягающаго, которые еще прежде, до начала разбираемаго дѣла, объявили ему при джамаатѣ, что они никогда не будутъ присягать за него.

Когда присяга должна быть хатунъ-талахъ, то не требуются къ присягѣ родственники, давшіе обѣтъ не присягать хатунъ-талахъ.

Состоящіе въ тяжбѣ и ссорѣ съ однимъ изъ тяжущихся отъ присяги не освобождаются, и если они откажутся присягнуть, то должны доказать основательность такого отказа.

Для призыва родственниковъ, находящихся въ отлучкѣ, полагается 15 дней.

Когда кто изъ ближайшихъ родственниковъ, по одной изъ причинъ, изложенныхъ выше, не можетъ присягнуть, то вмѣсто него требуется родственникъ, слѣдующій за нимъ по степени родства; но всегда наблюдается: 1) чтобы число родственниковъ

было то, какое требуется адатомъ, и 2) чтобы не были представлены для присяги дальніе родственники, когда есть другіе, ближе ихъ по степени родства, могущіе быть допущенными къ присягѣ.

Поэтому присягающій съ родственниками принимаетъ другую присягу кораномъ въ томъ, что ближе представленныхъ имъ родственниковъ у него нѣтъ такихъ, которые должны быть представлены къ присягѣ.

За нарушеніе этого правила истцомъ, онъ теряетъ право иска; если-же присяга требовалась отъ отвѣтчика и онъ скроетъ ближайшихъ родственниковъ, то онъ признается виновнымъ и дѣло рѣшается въ пользу истца.

Порядокъ удовлетворенія претензіи и платежа взысканій, налагаемыхъ на обвиненныхъ. Если по рѣшеніи дѣла спорная вещь возвращается тому, кто признанъ законнымъ ея владѣльцемъ, то она должна быть передана въ такомъ видѣ, въ какомъ была до неправильнаго завладѣнія ею. За приведеніе ея въ лучшій видъ или отдѣлку возвращающій оную никакого вознагражденія не получаетъ, но тѣ улучшенія, которыя могутъ быть отдѣлены отъ вещи безъ поврежденія ея, могутъ быть оставлены возвращающимъ у себя.

Если возвращаемая вещь испорчена, то два постороннія лица, знавшія ее прежде, опредѣляютъ за присягою хатунъ-талахъ количество вознагражденія, которое долженъ получить владѣлецъ вещи съ неправильно владѣвшаго ею.

Когда, при возвращеніи вещи, на неправильно завладѣвшаго ею налагается еще какое-нибудь взысканіе въ пользу истца, въ видѣ наказанія, то за порчу вещи истецъ никакого удовлетворенія не получаетъ.

Получающій обратно скотину, если во время неправильнаго владѣнія ею, отъ нея былъ приплодъ, можетъ требовать удовлетвореніе и за приплодъ, если можетъ представить доказательства, что приплодъ былъ и употребленъ въ свою пользу неправильно владѣвшимъ этою скотиною.

За пользованіе спорною вещью съ неправильно завладѣвшаго ею взысканіе опредѣляется по шаріату.

Когда по рѣшенію предоставляется истцу, взамѣнъ уворованной у него или испорченной вещи, получить другую по выбору, то для этого выбирается у постороннихъ три вещи, подобныя той, взамѣнъ которой предоставляется выборъ, но луч-

шаго качества, а скотина выбирается одинаковыхъ лѣтъ, также лучшая. Одна вещь или скотина берется изъ того селенія, къ которому принадлежитъ обвиненный, а двѣ съ другихъ деревень округа. Изъ этихъ трехъ вещей истецъ беретъ по своему выбору одну.

Если хозяинъ выбранной вещи не согласится уступить ее, то истецъ выбираетъ другую изъ этихъ трехъ вещей.

Если ни одинъ изъ трехъ хозяевъ выбранныхъ вещей не согласится на добровольную уступку, то берется вещь одного изъ нихъ по жребію и безъ согласія.

Хозяинъ выбранной вещи получаетъ за нее объявленную имъ самимъ цѣну отъ обвиняемаго.

По нѣкоторымъ дѣламъ опредѣлено два размѣра взысканія: большее, когда обвиненіе доказано свидѣтелями, сознаніемъ или другими фактами, и меньшее, когда обвиненіе взведено по одному подозрѣнію. Послѣдняя степень взысканія налагается только тогда, когда претензія взведена была по одному подозрѣнію и подозрѣніе это подтверждено только присягою истца. Но если была потребована очистительная присяга отъ отвѣтчика, и онъ или призванные для присяги съ нимъ родственники не присягнули, то на отвѣтчика налагается взысканіе, опредѣленное для обвиненныхъ доказательствами, хотя-бы претензія первоначально взведена была на него по одному подозрѣнію.

На покрытіе падающаго на обвиняемаго взысканія, если онъ не можетъ уплатить всего, что присуждено съ него рѣшеніемъ, можетъ быть взято все имущество его и жены, за исключеніемъ необходимаго платья и оружія, а также пропитанія на нѣсколько дней.

Имущество жены не обращается на пополненіе падающаго на мужа взысканія только въ такомъ случаѣ, когда она сама заявила заблаговременно, что мужъ ея дѣлаетъ непомѣрные долги или другія обязательства, превышающія его состояніе, или когда она первая объявила о сдѣланномъ мужемъ ея преступленіи и притомъ представила несомнѣнныя доказательства.

Имущество мужа также можетъ быть обращено на пополненіе взысканія, присуждаемаго съ жены. Но если взысканіе на жену налагается по дѣлу, возникшему до вступленія ихъ въ бракъ, то мужъ своимъ имуществомъ не отвѣчаетъ.

Когда, на пополненіе взысканія, имущества обоихъ супруговъ окажется недостаточно, то недостающее количество нала-

гается на родственниковъ обвиняемаго. Для этого назначаются 40 ближайшихъ родственниковъ обоего пола, по 20-ти со стороны отца и со стороны матери обвиненнаго.

Родственники жены, когда взысканіе налагается на мужа, а также родственники мужа, когда взысканіе налагается на жену, взысканію не подвергаются.

Равнымъ образомъ не подвергаются взысканію лица, состоящія въ супружествѣ съ тѣми родственниками и родственницами обвиненнаго, на которыхъ налагается взысканіе при несостоятельности самого обвиненнаго.

Въ случаѣ смерти обвиненнаго, наложенное взысканіе платятъ наслѣдники изъ перешедшаго къ нимъ имущества умершаго. Если-же имущества этого окажется недостаточно, то взысканіе дѣлается съ родственниковъ, какъ и при несостоятельности *).

Если несостоятельный впослѣдствіи пріобрѣтетъ имущество, то родственники, платившіе за него, могутъ требовать отъ него возврата всего ими уплаченнаго.

Если по рѣшенію присуждено будетъ кому-либо удовлетвореніе отъ мечети, то такія претензіи удовлетворяются цѣлымъ джамаатомъ.

Если взысканіе сдѣлано по одному подозрѣнію и впослѣдствіи откроется дѣйствительно виновный, то онъ обязанъ вознаградить неправильно обвиненнаго за сдѣланное съ него взысканіе.

Убійство.

Претензіи объ удовлетвореніи за кровь убитаго предъявляются ближайшими его родственниками.

Въ убійствѣ всегда обвиняется только одинъ, а если убитому нанесено нѣсколько ранъ, то два, но не болѣе, хотя-бы число убійцъ или число нанесенныхъ ранъ было и болѣе.

---

*) Относительно отвѣтственности родственниковъ въ случаѣ несостоятельности или смерти обвиненнаго, въ каждомъ обществѣ (кромѣ Акушинскаго и Усишинскаго) существуетъ и свой особый адатъ; поэтому, когда за несостоятельнаго или умершаго родственники должны удовлетворить нѣсколько истцовъ, между которыми есть односельцы отвѣтчика и жители другихъ деревень или обществъ, то первые удовлетворяются по частнымъ адатамъ своего общества, а послѣдніе по общимъ адатамъ.

Если есть постороннія лица, видѣвшія, что всѣ раны нанесены убитому однимъ, или если убійца самъ это объявилъ, то обвиненіе другого не допускается, а обвиняется всегда только одинъ.

Когда при совершеніи убійства не было постороннихъ лицъ и убійца не объявилъ самъ о сдѣланномъ имъ убійствѣ, то для подтвержденія взводимаго истцомъ обвиненія отъ него требуется присяга съ 6-ю родственниками кораномъ.

Если убійство совершено нѣсколькими лицами, а также когда оно произошло въ дракѣ, нападеніи и вообще въ такомъ столкновеніи, гдѣ участвовало нѣсколько человѣкъ, то истецъ, по его усмотрѣнію, обвиняетъ изъ участвовавшихъ одного или двухъ и обвиненіе свое подтверждаетъ присягою съ 6-ю родственниками кораномъ.

Если убійца самъ сознался въ убійствѣ, то обвиненіе на другого не допускается, хотя-бы истецъ представилъ свидѣтелей въ томъ, что убійство совершено не сознающимся, а другимъ.

Умирающій отъ раны присягаетъ одинъ, кораномъ, въ томъ, кѣмъ онъ раненъ.

Если смертельно раненый указалъ виновныхъ, но не присягнувъ умеръ, то претендующій за кровь можетъ взвести обвиненіе и присягнуть только на тѣхъ, кого обвинилъ умирающій.

Число обвиненныхъ раненымъ должно быть не болѣе того, какое допускается по числу ранъ вообще.

Когда виновные указаны самимъ раненымъ, то ни собственное сознаніе другихъ и никанія доказательства невинности обвиненныхъ не принимаются и кромѣ ихъ никто не можетъ быть обвиненъ.

Претензія въ убійствѣ можетъ быть взведена по одному подозрѣнію, но только на одного, хотя-бы убитому было нанесено нѣсколько ранъ.

Если почему-либо не можетъ быть допущена присяга истца, или онъ не желаетъ самъ принять присягу, то требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго съ 12-ю родственниками кораномъ.

Въ нижеслѣдующихъ случаяхъ убійство считается *кара*:

1) Если кто убитъ на собственной своей землѣ.

2) Если кто, отправившись на воровство или съ другимъ

какимъ-либо злымъ умысломъ, будетъ открытъ хозяиномъ и, стараясь скрыться, убьетъ хозяина.

3) Убійство съ цѣлью ограбить убитаго.

4) Если кто убьетъ, хотя и не съ цѣлью ограбить, но по совершеніи убійства возьметъ какую-нибудь вещь, принадлежащую убитому.

5) Если кто задержитъ чужую скотину на своей пашнѣ или покосѣ, а хозяинъ скотины будетъ сопротивляться этому задержанію и убьетъ задержавшаго.

6) Убійство соннаго и вообще убійство совершенное не открытымъ нападеніемъ, а такимъ образомъ, что убитый не могъ защититься отъ удара.

7) Убійство при нападеніи изъ засады.

8) Когда кто будетъ вызванъ обманомъ въ безлюдное мѣсто и тамъ убитъ.

9) Когда совершившій убійство будетъ стараться скрыть преступленіе.

10) Убійство ночью.

11) Убійство въ мечети.

12) Убійство въ присутствіи кадія и картовъ при разборѣ ими жалобъ и общественныхъ дѣлъ.

13) Всякое убійство на урочищахъ: Дюзъ-майданѣ, Чумракака, Ая-кака, Диква-Дюзъ, Какбарцъ, Маква-Цильда, Чартла-Ирца и Уркутъ *).

14) Убійство по подкупу другихъ.

Когда убійца не открытъ, а обвиненіе взводится на кого-либо присягою истца по подозрѣнію, то обвиненный отвѣчаетъ, какъ за убійство кара.

Но когда истецъ присягаетъ только для указанія убійцы изъ числа участвовавшихъ, то обвиненный такою присягою отвѣчаетъ какъ за простое убійство, если нѣтъ другихъ причинъ считать убійство за кара.

Обвиненый въ убійствѣ считается кровнымъ врагомъ (башъ-канлы) родственниковъ убитаго и до примиренія подвергается кровомщенію.

---

*) Убійство на этихъ мѣстностяхъ положено считать кара, потому что по безлюдности и отдаленности ихъ отъ населенныхъ мѣстъ здѣсь часто повторялись случаи убійства.

Вмѣстѣ съ нимъ считаются малъ-канлы 6-ть ближайшихъ его родственниковъ изъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ *).

Если въ убійствѣ обвинено двое, то малъ-канлы считается трое родственниковъ—одинъ убійцы и двое—другого.

За убійство взыскивается съ башъ-канлы:

1) За кровь убитаго (алумъ), наслѣдникамъ его 7 быковъ, въ 4 рубля каждый, и 49 *кары* бязи **), и 2) джамаату того селенія, откуда убитый, для примиренія двухъ джамаатовъ, 1 быкъ.

За убійство кара къ алуму прибавляется еще 7 быковъ въ ту-же цѣну, а если убійство произошло при ограбленіи, то и штрафъ тургакамъ ***) всего Даргинскаго округа (букъ)—7 котловъ, по 2 рубля каждый.

Если башъ-канлы два, то съ обоихъ вмѣстѣ дѣлается взысканіе, равное опредѣленному выше за убійство кара, безъ различія, было-ли убійство кара или нѣтъ.

За убійство однимъ нѣсколькихъ человѣкъ, малъ-канлы считается тоже число родственниковъ, но взысканіе въ пользу родственниковъ дѣлается порознь за каждаго убитаго полностію, штрафъ-же всегда взыскивается по числу башъ-канлы.

За неумышленное убійство взыскивается, какъ и за умышленное, но если неумышленно нанесена смертельная рана и умирающій отъ оной проститъ ранившаго, то послѣдній никакому взысканію не подвергается.

За убійство по подкупу подкупавшій никакому взысканію не подвергается.

За убійство беременной женщины, сверхъ обыкновеннаго взысканія по адату, опредѣляется взысканіе по шаріату.

За убійство кула и каравашки дѣлается вознагражденіе владѣльцу и болѣе никакому взысканію виновный не подвергается. За убійство куломъ кого-либо взысканіе дѣлается съ владѣльца и онъ-же дѣлается канлы родственниковъ убитаго. Но если владѣлецъ не согласится быть канлы, то долженъ освободить кула изъ

---

*) *Канлы*—кровный врагъ: такъ называется убійца въ отношеніи родственниковъ убитаго, подвергающійся ихъ преслѣдованію. Въ нѣкоторыхъ обществахъ, вмѣстѣ съ убійцею, дѣлаются канлы и родственники или соучастники убійцы, которые называются *малъ-канлы*, а убійца въ такихъ случаяхъ называется *башъ-канлы*. Канлы бываютъ также по увозу женщинъ, изнасилованію и др.

**) *Кары*—мѣра длины, составляющая $^3/_4$ аршина.

***) *Тургаки*—лица, ведущія въ деревняхъ порядокъ въ отбываніи общественныхъ повинностей, а также исполняющія всѣ полицейскія обязанности.

крѣпостной зависимости, и тогда кулъ, сдѣлавшись свободнымъ (узденемъ), признается самъ канлы *).

Если кто застанетъ свою жену, или родственницу, въ прелюбодѣйной связи съ постороннимъ мужчиною и убьетъ обоихъ, то убійца никакому взысканію не подвергается; но если будетъ убитъ только мужчина, то убійца подвергается взысканію на общемъ основаніи. Если-же будетъ убита женщина, а мужчина, бывшій съ нею въ связи, остался живъ, то подвергается взысканію за убійство и дѣлается канлы родственникамъ убитой женщины не убійца, а мужчина, бывшій съ нею въ связи.

Въ нижеслѣдующихъ случаяхъ убійца не подвергается никакому взысканію:

1) За убійство своего кровнаго врага (башъ-канлы).

2) Если кто совершитъ убійство, защищаясь отъ нападенія, сдѣланнаго изъ засады.

3) При защитѣ отъ ограбленія, и

4) если кто, отправившись на воровство или съ другимъ злымъ умысломъ, будетъ застигнутъ на мѣстѣ хозяиномъ и хозяинъ убьетъ его.

Если въ общей дракѣ будутъ убитые съ обѣихъ сторонъ, то за каждаго убитаго дѣлается взысканіе по адату и избираются канлы, кромѣ двухъ случаевъ:

1) если двое нанесутъ другъ другъ смертельныя раны, отъ которыхъ оба умрутъ, и

2) если убитый одного будетъ самъ убитъ родственникомъ убитаго имъ.

Право кровомщенія принадлежитъ всѣмъ родственникамъ убитаго.

Башъ-канлы можетъ быть убитъ вездѣ при встрѣчѣ съ родственниками убитаго имъ.

Малъ-канлы хотя и не могутъ быть убиты, но до примиренія должны избѣгать встрѣчи съ родственниками убитаго и не имѣютъ права выѣзжать въ ту деревню, гдѣ живутъ эти родственники.

Каждый родственникъ убитаго, имѣющій надобность быть въ той деревнѣ, гдѣ живетъ его башъ-канлы, обязанъ предупредить его объ этомъ.

Если-же онъ зайдетъ въ деревню, не предупредивъ объ

---

*) Адаты о кулахъ и каравашахъ имѣли, безъ сомнѣнія, примѣненіе до ихъ освобожденія.

этомъ канлы, то джамаатъ той деревни можетъ задержать его и заставить примириться съ канлы, причемъ если родственники убитаго примирятся съ канлы только лично за себя, то другіе родственники не теряютъ права кровомщенія.

Если кто изъ жителей той деревни, гдѣ живетъ канлы, будетъ содѣйствовать убійству его, то онъ подвергается наказанію, опредѣленному за это въ каждомъ обществѣ.

Когда родственники убитаго согласятся примириться, то канлы платитъ имъ условленную сумму *) и дѣлаетъ угощеніе. Послѣ этого вражда между ними прекращается.

Малъ-канлы могутъ примириться съ родственниками убитаго, когда сами пожелаютъ, но при примиреніи каждый изъ нихъ долженъ дать этимъ родственникамъ одного быка.

Если канлы умретъ до примиренія, то ближайшій родственникъ его обязанъ заплатить родственникамъ убитаго этимъ канлы 13 рублей деньгами или вещами.

Если-же канлы будетъ убитъ по кровомщенію родственниками убитаго имъ или хотя посторонними, но будетъ доказано, что убійство совершено по подкупу кровомстителей, то упомянутые 13 рублей не платятся и кромѣ того уплаченный отъ канлы первоначально алумъ возвращается наслѣдникамъ его, и также въ этомъ случаѣ штрафъ джамаату, букъ, и взыскиваемые съ малъ-канлы по одному быку не возвращаются.

Если родственники убитаго, желая изъ кровомщенія убить канлы, нанесутъ какой-нибудь ущербъ имуществу его, напр., убьютъ или ранятъ подъ нимъ лошадь и т. п., то безъ различія, будетъ-ли или не будетъ убитъ при этомъ канлы, они должны вознаградить за убытки канлы, а если онъ убитъ, то его родственниковъ.

Если по одному убійству бываетъ два башъ-канлы, то смерть или примиреніе одного изъ нихъ не освобождаетъ другого отъ преслѣдованій со стороны родственниковъ убитаго.

Если канлы обвиненъ по одному подозрѣнію и впослѣдствіи откроется дѣйствительный убійца, то вмѣсто неправильно обвиненнаго дѣлается канлы дѣйствительный убійца.

---

*) Съ учрежденіемъ окружного управленія установлена одна общая сумма, которую канлы долженъ дать при примиреніи родственникамъ убитаго, а именно: или деньгами 100 рублей, или вещами на 120 рублей.

Пораненіе.

Если кому нанесена рана, то раненый, или родственники его, обязаны тотчасъ-же объявить объ этомъ джамаату, безъ чего впослѣдствіи жалоба не принимается.

Взысканіе полагается за всякую рану, требующую лѣченія.

Для опредѣленія, дѣйствительно-ли нанесена рана, требующая лѣченія, посылается по одному довѣренному отъ джамаатовъ, къ которымъ принадлежатъ ранившій и раненый.

Когда при пораненіи не было постороннихъ лицъ и ранившій не сознается въ пораненіи, тогда истецъ долженъ подтвердить взводимое имъ обвиненіе присягою кораномъ, безъ родственниковъ.

Если пораненіе сдѣлано въ дракѣ, нападеніи и вообще при участіи нѣсколькихъ лицъ, то раненый взводитъ обвиненіе на одного изъ участвовавшихъ въ дракѣ, по своему усмотрѣнію, подтверждаетъ обвиненіе присягою.

Если въ дракѣ, нападеніи и проч. одному нанесено нѣсколько ранъ, то обвиненіе можетъ быть взведено на столькихъ изъ участвовавшихъ, сколько нанесено ранъ. При этомъ, хотя-бы одинъ изъ участвовавшихъ самъ сознался, что рана нанесена имъ, а также, когда нанесено нѣсколько ранъ, хотя-бы одинъ изъ участвовавшихъ объявилъ, что всѣ раны нанесены имъ однимъ, то такія сознанія не принимаются, и раненый, въ первомъ случаѣ, можетъ обвинить того, кого находитъ дѣйствительно виновнымъ, а во-второмъ — взвести обвиненіе на столькихъ изъ участвовавшихъ, сколько ему нанесено ранъ. Свидѣтели отъ сознающихся не принимаются.

Если потерпѣвшій не можетъ быть допущенъ къ присягѣ или-же самъ не пожелаетъ присягнуть, то требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, съ 12-ю родственниками, кораномъ.

Если пораненіе сдѣлано въ дракѣ, нападеніи и проч., то, по принятіи очистительной присяги отъ перваго обвиненнаго, потерпѣвшій можетъ взвести обвиненіе на другого изъ участвовавшихъ.

За нанесеніе раны взыскивается съ виновнаго въ пользу раненаго 3 рубля.

Рана лѣчится на собственный счетъ раненаго.

По излѣченіи раны, сверхъ взысканія по адату, опредѣляется удовлетвореніе по шаріату.

Если раненый умретъ отъ раны, то съ виновнаго взыскивается какъ за убійство.

За нанесеніе нѣсколькихъ ранъ, если всѣ онѣ нанесены однимъ, взысканіе полагается тоже, что и за одну рану.

Если въ покушеніи обвинены нѣсколько лицъ, то каждый обвиненный платитъ полную сумму.

За нанесеніе ранъ однимъ человѣкомъ нѣсколькимъ лицамъ, онъ платитъ каждому раненому выше опредѣленную сумму.

За неумышленное покушеніе взысканіе дѣлается тоже что и за умышленное.

За покушеніе по подкупу подкупившій не отвѣчаетъ *).

Если кто застанетъ жену или родственницу свою въ прелюбодѣйной связи съ мужчиною и ранитъ одного изъ нихъ или обоихъ, то никакому взысканію не подвергается.

Взысканіе за покушеніе не дѣлается также въ тѣхъ случаяхъ, когда не полагается взысканіе и за убійство **).

При обоюдномъ покушеніи, оба могутъ требовать удовлетворенія по шаріату. Но если обоюдное покушеніе произошло при обстоятельствахъ, при которыхъ не полагается взысканіе за убійство, то тѣ лица, за убійство коихъ въ этихъ случаяхъ никакого взысканія не полагается, и за раны не получаютъ удовлетворенія, а за нанесеніе ими ранъ противной сторонѣ дѣлается съ нихъ опредѣленное взысканіе.

Если при покушеніи раненый убьетъ ранившаго, то за рану никакого удовлетворенія не получаетъ, а за убійство или отвѣчаетъ на общемъ основаніи, или, какъ указано въ предъидущемъ пунктѣ, не подвергается никакой отвѣтственности.

Если покушеніе сдѣлано въ дракѣ и ранившій въ той-же дракѣ убьетъ кого-нибудь, то за рану получаетъ удовлетвореніе, а за убійство подвергается отвѣтственности; если-же убитый былъ родственникъ ранившаго, то за рану удовлетвореніе не дѣлается.

Ссоры, драки и побои.

За нанесеніе мужчинѣ побоевъ, хотя-бы остались и знаки,

*) За нанесеніе раны куду или каравашкѣ удовлетвореніе опредѣлялось по шаріату.

**) См. выше, стр. 16.

а также за нанесеніе раны, не требующей лѣченія, виновный никакому взысканію не подвергается.

За нанесеніе побоевъ женщинѣ, если не она первая начала драку, взыскивается въ ея пользу одинъ бычокъ.

Если женщина была беременна и послѣдствіемъ побоевъ былъ выкидышъ, то сверхъ того дѣло разбирается по шаріату.

Если въ ссорѣ кто-либо изъ ссорящихся сдѣлаетъ выстрѣлъ, съ намѣреніемъ убить противника, то съ него взыскивается одинъ бычокъ въ пользу того, по кому сдѣланъ выстрѣлъ.

Но если онъ только обнажилъ оружіе или намѣревался сдѣлать выстрѣлъ, то никакому взысканію не подвергается.

Увозъ женщинъ.

За увозъ дѣвицы и вдовы или разведенной съ мужемъ, если она увезена съ ея согласія, съ увезшаго взыскивается: въ пользу родственниковъ увезенной 30 рублей, штрафъ въ пользу тургаковъ всего округа (букъ), т. е. 7 котловъ, по 2 руб. каждый.

За насильственный увозъ, вмѣсто 30 руб., взыскивается 50 руб.

За увозъ замужней женщины, съ ея согласія, съ увезшаго взыскивается: въ пользу мужа 50 рублей и кебинъ ихъ поступаетъ въ собственность мужа; штрафъ тотъ же, какъ и за увозъ дѣвицы, вдовы и разведенной *).

За содѣйствіе къ увозу женщины взыскивается опредѣленный выше штрафъ тургакамъ (букъ) съ каждаго содѣйствовавшаго.

Изнасилованіе женщинъ.

Изнасилованная должна огласить крикомъ сдѣланное надъ нею насиліе и тогда никакихъ доказательствъ болѣе не требуется. Если-же она этого не сдѣлаетъ, то жалоба отъ нея не принимается.

Если насиліе сдѣлано въ безлюдномъ мѣстѣ, то потерпѣвшая должна объявить объ этомъ при входѣ въ деревню.

---

*) Относительно увоза замужней женщины насильно адата не существуетъ, такъ-какъ не было еще такого случая.

Отъ женщины, извѣстной своимъ развратнымъ поведеніемъ, жалобъ объ изнасилованіи не принимается.

За изнасилованіе женщины замужней, вдовы и дѣвицы совершеннолѣтней и несовершеннолѣтней въ пользу ея взыскивается съ виновнаго 30 руб. и штрафъ джамаату, по его усмотрѣнію.

Если-же изнасиловавшій при этомъ задержитъ изнасилованную у себя въ домѣ или въ другомъ мѣстѣ, то въ пользу изнасилованной взыскивается, вмѣсто 30 руб., 50 руб.

За намѣреніе изнасиловать, даже за прикосновеніе къ женщинѣ, если она огласитъ это крикомъ, дѣлается тоже взысканіе, какъ и за изнасилованіе.

Развратъ.

Обвиненіе въ прелюбодѣйной связи мужчины съ женщиною тогда только допускается, когда есть хотя одинъ очевидецъ этой связи. Въ этомъ случаѣ не требуется болѣе никакихъ доказательствъ. Но если не было очевидцевъ, то претензія не принимается.

За прелюбодѣйную связь мужчины и женщины дѣлается тоже взысканіе, какъ за увозъ женщины по ея согласію.

За мужеложство, соединенное съ насиліемъ, если подвергшійся насилію огласилъ крикомъ сдѣланное надъ нимъ насиліе, виновный подвергается взысканію, какъ и за убійство, и дѣлается канлы *).

Воровство.

О сдѣланномъ воровствѣ заявляется тотчасъ-же кадію.

Если хозяинъ уворованной вещи или скотины опознаетъ ее въ другомъ аулѣ, то представляетъ того, у кого опознано уворованное, вмѣстѣ съ уворованною вещью, кадію того общества или селенія, гдѣ найдено уворованное, и по распоряженію кадія опознанное оставляется или у кунака опознавшаго, или у кого другого. Послѣ этого хозяинъ уворованнаго представляетъ къ своему кадію двухъ односельцевъ своихъ, знавшихъ уворованное (айнамалъ-шагатъ). Кадій, разспросивъ представленныхъ лицъ о примѣтахъ, по которымъ можно узнать уворованную вещь,

*) Случаевъ мужеложства по обоюдному согласію не было.

и о времени пропажи, отправляетъ ихъ вмѣстѣ съ хозяиномъ къ тому кадію, въ вѣдѣніи котораго оставлена опознанная вещь, при бумагѣ (айнамалъ-кагазъ). Въ айнамалъ-кагазѣ должно быть непремѣнно объяснено: 1) кто у кого и что именно опозналъ; 2) кто именно лицо, удостовѣряющее принадлежность вещи опознавшему; 3) время пропажи вещи; 4) примѣты уворованной вещи, а если это скотина, то и лѣта ея. Кадій того селенія, гдѣ оставлена опознанная вещь, повѣряетъ противъ айнамалъ-кагаза показанія представленныхъ лицъ, требуетъ отъ нихъ присягу хатунъ-талахъ въ томъ, что они не видѣли опознанной вещи, ни при опознаніи, ни прежде съ того времени, какъ она уворована. Потомъ лица эти указываютъ опознанную вещь, которая для этого помѣщается между нѣсколькими подобными-же вещами, сходными съ нею по примѣтамъ. Затѣмъ вещь передается тому, кто такимъ образомъ доказалъ принадлежность ему оной, а айнамалъ-кагазъ тому, у кого вещь отобрана.

Если одно изъ лицъ, представленныхъ для указанія вещи, не укажетъ этой вещи, то опознавшій ее и другой, представленный имъ, односелецъ присягаютъ хатунъ-талахъ, что вещь эта дѣйствительно принадлежитъ опознавшему.

Получившій айнамалъ-кагазъ передаетъ его тому, отъ кого пріобрѣтена отобранная вещь, и такимъ образомъ айнамалъ-кагазъ переходитъ изъ рукъ въ руки между лицами, владѣвшими уворованною вещью.

Кто изъ получившихъ айнамалъ-кагазъ не можетъ указать, отъ кого пріобрѣлъ вещь, тотъ подвергается взысканію, опредѣленному за воровство.

Если получившій айнамалъ-кагазъ укажетъ, отъ кого пріобрѣтена имъ вещь, а тотъ откажется, что вещи этой у него не было и онъ ея не передавалъ, то отъ указывающаго требуется присяга хатунъ-талахъ съ 6-ю родственниками или свидѣтели, которые присягаютъ также хатунъ-талахъ, въ томъ, что вещь получена имъ отъ того, на кого онъ указываетъ, и съ обвиненаго этою присягою или свидѣтелями дѣлается взысканіе за воровство.

Если опознана скотина и одинъ изъ владѣвшихъ ею можетъ доказать, что она его доморощенная, то долженъ присягнуть въ этомъ (хатунъ-талахъ) съ двумя свидѣтелями, односельцами.

Если скотина однимъ изъ владѣвшихъ ею пріобрѣтена гдѣ-

нибудь въ дальнихъ мѣстахъ, именно дальше сосѣдняго округа, такъ что розыскать продавца не представится возможности, то въ такомъ случаѣ требуется завѣреніе, также присягою хатунъ-талахъ, съ двумя свидѣтелями. Свидѣтели эти могутъ быть и изъ постороннихъ деревень. При такомъ-же случаѣ, если отобрана другая какая-нибудь вещь, а не скотина, дѣло разбирается по шаріату.

Если одинъ изъ владѣвшихъ скотиною объявитъ, что она находилась у него раньше показаннаго въ айнамалъ-кагазѣ времени пропажи скотины у отобравшаго, то дѣло разбирается по шаріату.

Во всѣхъ такихъ случаяхъ, когда неправильность отобранія будетъ доказана, отобранное возвращается тому, у кого отобрано.

Если опознанъ уворованный баранъ, то опознавшій и пастухъ его, послѣдній съ однимъ родственникомъ, присягаютъ хатунъ-талахъ въ томъ, что баранъ этотъ дѣйствительно принадлежитъ опознавшему. Но если опознаніе сдѣлано не въ стадѣ, то тотъ, у кого баранъ найденъ, можетъ послѣ этой присяги присягнуть также въ томъ, что баранъ этотъ его доморощенный, и такимъ образомъ опровергнуть присягу опознавшаго.

Если найдены такія уворованныя вещи, о которыхъ постороннія лица не могутъ подтвердить, что онѣ дѣйствительно принадлежатъ претендующему на нихъ, то обвиненіе на того, у кого такія вещи найдены, допускается только какъ по подозрѣнію вообще, т. е. какъ если-бы изъ уворованнаго ничего не было найдено.

Не допускается ни въ какомъ случаѣ опознаніе и отобраніе такихъ вещей, которыя не могутъ имѣть особенныхъ примѣтъ, напр., нескроенная матерія, хлѣбъ въ зернѣ и въ мукѣ и проч. На того, у кого найдены такія вещи, допускается только обвиненіе по подозрѣнію.

Если найдены уворованныя вещи, но въ числѣ этихъ вещей есть часть такихъ, которыя могутъ быть опознаваемы, а другая часть такихъ, которыя не могутъ быть опознаны, то принадлежность первыхъ доказывается вышеуказаннымъ порядкомъ, а о послѣднихъ претензія предъявляется какъ по подозрѣнію.

Когда уворованная вещь найдена лежащею во дворѣ, или въ другомъ подобномъ мѣстѣ, и хозяинъ двора объявитъ, что она подброшена, то двумя посланными отъ джамаата осматри-

вается, была-ли возможность пройти во дворъ не черезъ ворота, и если найдено будетъ, что вещь могла быть принесена во дворъ безъ вѣдома хозяина, то претензія допускаетя только какъ по подозрѣнію. Если-же по осмотрѣ найдено будетъ, что вещь не могла быть подброшена, а также если замѣчено будетъ, что хозяинъ двора старался ее скрыть, то вещь отбирается, и съ хозяина двора дѣлается взысканіе, какъ за воровство, хотя-бы найденная вещь принадлежала къ такимъ вещамъ, которыя не могутъ быть опознаны.

Если найдены будутъ у кого въ домѣ мясо, голова, кожа или только часть кожи уворованной скотины, или обломки и обрѣзки уворованной вещи, и тотъ, у кого сдѣлано воровство, признаетъ, что это отъ скотины, или вещи, уворованной у него, то долженъ подтвердить это присягою. Виновнымъ въ воровствѣ признается или хозяинъ дома, гдѣ найдено вышеозначенное, или тотъ, отъ кого вещь ему передана.

Кто не допуститъ домъ свой до обыска, а равно, если тотъ, у кого опознана уворованная вещь, не дозволитъ исполнить все, что требуется при опознаніи, тотъ признается воромъ наравнѣ съ тѣмъ, вина котораго доказана; но хозяинъ дома можетъ прежде обыска самъ обыскать пришедшихъ для обыска, не принесеноли ими такихъ вещей, которыя могутъ быть подброшены.

Если вмѣстѣ съ найденною вещью были уворованы и другія вещи, принадлежащія тому-же самому, или другому лицу, то хозяинъ уворованныхъ и не найденныхъ вещей можетъ объявить подозрѣніе въ этомъ воровствѣ на того, кто обвиненъ въ воровствѣ найденной вещи, хотя-бы прежде на него обвиненіе по подозрѣнію не допускалось.

Если на мѣстѣ воровства оставлена воромъ какая-нибудь собственная вещь, то хозяинъ этой вещи признается за вора, и болѣе никакихъ доказательствъ не требуется *).

Если изъ уворованныхъ вещей ничего не найдено и никакихъ уликъ къ обвиненію нѣтъ, то допускается обвиненіе или свидѣтелями, которые присягаютъ хатунъ-талахъ, или по подозрѣнію.

---

*) Для доказательства, что оставленная вещь дѣйствительно принадлежитъ обвиняемому, требуется, чтобы принадлежность ему этой вещи подтвердили односельцы его безъ присяги, безъ чего претензія можетъ быть взведена только какъ по подозрѣнію вообще.

Если обыскъ сдѣланъ только въ одномъ домѣ и ничего не найдено, то на хозяина этого дома претензія по подозрѣнію не допускается. Если-же обыскъ сдѣланъ въ нѣсколькихъ домахъ, то подозрѣніе допускается и на хозяевъ этихъ домовъ, хотя-бы при обыскѣ ничего не найдено.

Когда претензія предъявляется по одному подозрѣнію, то истецъ присягаетъ кораномъ, съ родственниками. Число родственниковъ при присягѣ опредѣляется цѣнностью уворованнаго: если цѣна уворованнаго не превышаетъ стоимости одной лошади, то присягаютъ 6-ть родственниковъ; при воровствѣ на большую сумму—12-ть родственниковъ.

Когда потребуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ кораномъ, съ родственниками, также сообразно цѣнѣ уворованнаго.

Кто былъ прежде обвиненъ въ воровствѣ, не по одному только подозрѣнію, а доказательствами, тотъ, въ случаѣ учиненной у него покражи, не можетъ ни на кого присягать по подозрѣнію, а если не можетъ представить свидѣтелей, то требуется очистительная присяга отъ подозрѣваемаго.

Оцѣнка уворованныхъ вещей дѣлается безъ присяги посторонними, знавшими уворованное. Оцѣнку такихъ вещей, которыхъ посторонніе не могли знать, напр. домашняя утварь и проч., дѣлаютъ также два постороннія лица, безъ присяги, основываясь на показаніи хозяина, сколько какихъ вещей уворовано, и опредѣляютъ цѣну уворованнаго, а хозяинъ эту оцѣнку подтверждаетъ присягою съ двумя родственниками хатунъ-талахъ.

За воровство опредѣляется слѣдующее взысканіе:

1) Когда уворованная вещь найдена, то возвращается, а если уворована скотина, то при этомъ истцу дается еще одна такая-же.

2) Если вещь не возвращается, или когда обвиненіе сдѣлано по подозрѣнію, то дается подобная уворованной вещи, по выбору истца.

3) Если уворована скотина, и она адатнымъ порядкомъ опознана, то сверхъ опредѣленнаго въ 1 п. взысканія, берется съ обвиняемаго за издержки на отысканіе уворованнаго (рушпетъ): за каждую лошадь, или каждаго буйвола, катера, по 2 р.; за быка и корову (не менѣе трехъ лѣтъ), жеребенка (менѣе 3-хъ лѣтъ) и эшака 1 рубль. За прочую скотину и за другія вещи рушпетъ не платится.

Сверхъ удовлетворенія потерпѣвшаго, взыскивается штрафъ, опредѣленный въ томъ обществѣ, къ которому принадлежитъ обвиняемый.

За воровство изъ мечети, мельницы, съ пашни и гумна и хлѣба въ колосьяхъ штрафъ взыскивается вдвое.

Если воръ сознается добровольно въ учиненномъ воровствѣ, когда на него не падало никакого подозрѣнія, и другой въ воровствѣ этомъ не былъ обвиненъ по подозрѣнію, то кромѣ возврата уворованнаго, онъ никакому взысканію не подвергается.

Если хозяинъ уворованнаго самъ прежде подвергался взысканію за воровство, то, кромѣ удовлетворенія по цѣнѣ воровства, онъ ничего не получаетъ.

При обвиненіи въ одномъ воровствѣ нѣсколькихъ человѣкъ, штрафъ берется съ каждаго, а удовлетвореніе хозяину дѣлается всѣми обвиненными въ этомъ воровствѣ.

За уворованную чужую вещь удовлетворяетъ хозяина тотъ, у кого она уворована, и потомъ онъ-же розыскиваетъ вора, и если найдетъ, то получаетъ съ него удовлетвореніе.

Если воръ пойманъ на воровствѣ, то взыскивается съ него только одинъ быкъ въ пользу того, кто поймалъ этого вора.

За покушеніе на воровство, если ничего не уворовано и воръ не пойманъ, никакого взысканія не дѣлается.

За взломъ при воровствѣ взысканія не полагается, но если отъ взлома сдѣлана порча имуществу, то съ вора взыскивается соотвѣтственно убытку, произшедшему отъ этой порчи.

За сокрытіе вора и ворованыхъ вещей взысканіе опредѣлено въ каждомъ обществѣ особое.

Кто найдетъ уворованную у него вещь и, не объявивъ объ этомъ джамаату, самъ получитъ удовлетвореніе съ вора, тотъ подвергается взысканію, опредѣленному за это особо въ каждомъ обществѣ.

Грабежъ.

Для доказательства ограбленія истецъ долженъ принять присягу кораномъ съ 6-ю родственниками.

Если ограбившій будетъ при этомъ раненъ, или оставитъ свою вещь, и односельцамъ его будетъ извѣстно, что вещь эта дѣйствительно принадлежитъ обвиняемому, то никакихъ доказательствъ не требуется.

Цѣнность отнятыхъ вещей подтверждается присягою потерпѣвшаго отъ грабежа, съ 6-ю родственниками, кораномъ; но если истецъ принимаетъ присягу для подтвержденія обвиненія, то въ этой-же присягѣ упоминаетъ и о цѣнѣ ограбленнаго.

Если грабежъ произведенъ человѣкомъ неизвѣстнымъ ограбленному и впослѣдствіи послѣдній найдетъ у кого-либо свои вещи, то претензія ведется какъ и при опознаніи уворованныхъ вещей.

Отъ обвиненнаго въ грабежѣ отбираются ограбленныя вещи или взыскивается ихъ стоимость и штрафъ, опредѣленный за воровство въ томъ обществѣ, откуда обвиняемый.

Если у кого отняты находившіяся у него чужія вещи, то онъ за вещи эти не отвѣчаетъ, пока не будетъ найденъ виновный.

За нападеніе съ цѣлью ограбить, если не сдѣланъ грабежъ, никакого взысканія не полагается.

Поджоги.

Для доказательства справедливости претензіи по поджогу требуются свидѣтели; если-же свидѣтелей нѣтъ, то—присяга истца или очистительная присяга обвиняемаго.

Оцѣнка понесенныхъ убытковъ опредѣляется, какъ и по воровству.

За поджогъ взыскивается:

1) когда вина отвѣтчика доказана: въ пользу понесшаго убытки взыскивается вдвое противъ стоимости сгорѣвшаго;

2) когда отвѣтчикъ обвиненъ только по подозрѣнію, взыскивается только стоимость сгорѣвшаго.

Сверхъ того взыскивается въ штрафъ тургакамъ Даргинскаго округа 7 котловъ, по 2 руб.; но при обвиненіи по подозрѣнію штрафъ не берется.

При неумышленномъ поджогѣ поджогшій пополняетъ убытки, но штрафъ съ него не берется*).

Хозяинъ дома, гдѣ произошелъ пожаръ, отвѣчаетъ за сгорѣвшія въ его домѣ чужія вещи.

---

*) Неумышленнымъ считается поджогъ, когда виновный самъ объявитъ объ этомъ тотчасъ-же.

Порча чужого имущества.

Если порча сдѣлана тайно и виновный не сознается, то доказательства претензіи требуются тѣже, какъ и по воровству, и оцѣнка порчи дѣлается тоже какъ по воровству.

Съ обвиненнаго въ порчѣ чужого имущества взыскивается цѣна порчи и сверхъ того штрафъ, установленный въ томъ обществѣ, къ которому принадлежитъ обвиненный, и таргакамъ всего округа (букъ) 7 котловъ, по 2 рубля.

Если умышленная порча сдѣлана въ мечети, на мельницѣ, на гумнѣ или на пашнѣ (кромѣ потравы), то штрафъ тургакамъ (букъ) взыскивается вдвое.

Если кто ранитъ или инымъ образомъ испортитъ чужую скотину, то испорченная отдается испортившему, а на мѣсто ея хозяинъ получаетъ другую, по выбору, и штрафъ, опредѣленный въ томъ обществѣ, откуда обвиненный. Если-же обвиненіе въ порчѣ сдѣлано по одному подозрѣнію, то вмѣсто испорченной лошади хозяину дается другая, ей подобная, но не по выбору, а за порчу другой скотины доплачивается только по цѣнѣ порчи, и испорченная скотина остается у хозяина, причемъ штрафъ не берется.

Если кто обрѣжетъ хвостъ или гриву у чужой лошади, то съ виновнаго взыскивается въ пользу хозяина 1 быкъ и въ пользу джамаата штрафъ, особый въ каждомъ обществѣ; но при обвиненіи по подозрѣнію штрафъ не берется. Если-же при этомъ повреждена и кожа лошади, то взысканіе дѣлается какъ за покалѣченіе или порчу чужой лошади *).

За неумышленную порчу чужого имущества штрафъ ни въ какихъ случаяхъ не берется.

За намѣреніе сдѣлать порчу никакого взысканія не полагается.

За порчу нанятой скотины или вещи, взятой для пользованія за плату, разборъ производится по шаріату.

За потраву посѣвовъ, покосовъ и пастбищъ дѣлается тоже взысканіе, какъ и за порчу чужой собственности; но штрафъ тургакамъ (букъ) не взыскивается.

---

*) Если хвостъ обрѣзанъ у другой скотины, то взысканіе дѣлается только тогда, когда порѣзана кожа.

Потери и находки.

Какъ потерявшій, такъ и нашедшій какую-либо вещь, долженъ заявить о потерѣ или находкѣ кадію и картамъ.

Если кѣмъ-либо представлена будетъ найденная вещь и найдется хозяинъ ея, то, для доказательства принадлежности ему этой вещи, онъ долженъ объяснить ея примѣты и потомъ отъ него требуется присяга кораномъ.

Если потерявшій вещи опознаетъ ихъ у кого-нибудь, или часть ихъ, или-же только части одной вещи, то дѣло разбирается какъ и по опознанію уворованныхъ вещей.

Потерявшій вещь можетъ заявить на кого-либо обвиненіе или подозрѣніе въ находкѣ и утайкѣ его вещи, и отъ заподозрѣннаго требуется очистительная присяга съ родственниками по цѣнѣ утерянныхъ вещей *).

Нашедшій возвращаетъ вещи хозяину въ такомъ видѣ и въ такомъ количествѣ, какъ найдены, и никакой части изъ найденнаго не получаетъ.

Если нашедшій самъ объявилъ о найденныхъ вещахъ, но хозяинъ вещей будетъ претендовать, что вещи утеряны въ лучшемъ видѣ или въ большемъ количествѣ противъ того, какъ онѣ представлены нашедшимъ, то отъ нашедшаго требуется очистительная присяга въ томъ, что вещи найдены имъ въ томъ видѣ и въ такомъ количествѣ, какъ представлены; не принявшій присяги обвиняется въ утайкѣ или порчѣ вещей.

Въ вышеозначенныхъ случаяхъ отъ потерявшаго вещь претензія принимается тогда только, когда онъ заявитъ о потерѣ вещи.

Обвиненный въ утайкѣ найденной вещи подвергается взысканію, какъ и за воровство; но не считается утайкою, если найдена будетъ въ стадѣ чужая скотина, приставшая отъ другого стада.

За потерю чужой вещи отвѣчаетъ потерявшій и дѣло разбирается по шаріату.

Гражданскіе иски и споры.

Для доказательства справедливости претензіи по спорамъ и

*) По подозрѣніямъ въ утайкѣ и продажѣ найденной въ полѣ пригульной скотины допускается и присяга истца.

искамъ требуются отъ истца свидѣтели, которые присягаютъ хатунъ-талахъ.

При неимѣніи свидѣтелей, отъ отвѣтчика берется очистительная присяга кораномъ съ родственниками, число коихъ опредѣляется цѣною иска.

Когда искъ предъявленъ цѣлымъ обществомъ на частное лицо, то свидѣтели требуются не отъ претендующаго общества, а отъ отвѣтчика, и если онъ свидѣтелей не представитъ, то обвиняется.

Когда искъ предъявленъ частнымъ лицомъ на общество, то безъ свидѣтелей претензія не принимается.

Если отвѣтчикъ отзовется, что предъявленная на него претензія уже удовлетворена, то для дознанія справедливости такого отзыва доказательства требуются уже не отъ истца, а отъ отвѣтчика, а при неимѣніи доказательствъ требуется очистительная присяга отъ истца.

По исковымъ дѣламъ удовлетвореніе дѣлается по цѣнѣ иска, признаннаго справедливымъ.

О лицахъ, извѣстныхъ своею расточительностію или не платящихъ долговъ и вообще замѣченныхъ въ неблаговидныхъ поступкахъ, а также о безумныхъ,—объявляется въ мечети, для того чтобы никто не вступалъ съ ними ни въ какія обязательства. Поэтому всѣ условія и обязательства, заключенныя съ такими людьми, послѣ опубликованія ихъ, считаются недѣйствительными и претензіи на нихъ по гражданскимъ спорамъ и искамъ не принимаются.

б) ЧАСТНЫЕ АДАТЫ *).

Адаты Акушинскаго общества.

Предъявленіе претензій. Претензіи по подозрѣнію не допускаются только на кадія и картовъ.

*) Изъ *частныхъ* адатовъ Даргинскихъ обществъ будутъ перечислены ниже только тѣ, которые составляютъ отступленія отъ *общихъ*.

Въ числѣ членовъ семейства, не могущихъ претендовать по подозрѣнію, считаются только родители, дѣти, братья и сестры.

На лицъ, посвятившихъ себя изученію духовныхъ книгъ, претензіи по подозрѣнію допускаются только по убійству; по прочимъ-же дѣламъ претензіи по одному подозрѣнію не допускаются, если лица эти прежде никогда не были обвинены въ подобномъ-же поступкѣ.

Претензія по подозрѣнію можетъ быть взведена въ одно время только на одного; но по убійству, если къ подозрѣнію есть достаточныя причины, допускается обвиненіе и нѣсколькихъ лицъ.

Претензія по подозрѣнію можетъ переходить обычнымъ порядкомъ на семь человѣкъ; но по убійству, послѣ очистительной присяги первоначально обвиненныхъ, на другого подозрѣніе не допускается.

Присяга. Истецъ и свидѣтели, если должны присягнуть хатунъ-талахъ, но они не женаты, или дали обѣтъ не присягать хатунъ-талахъ, присягаютъ кораномъ. Когда-же отвѣтчикъ долженъ присягнуть хатунъ-талахъ, но онъ не женатъ, или далъ обѣтъ не присягать хатунъ-талахъ, то вмѣсто него присягаетъ ближайшій женатый родственникъ. Родственникъ, присягающій вмѣсто неженатаго отвѣтчика, можетъ, для своего удостовѣренія, потребовать отъ того, за кого присягаетъ, присягу кораномъ.

У жителей Акушинскаго общества издавна установился адатъ на то, что никто изъ нихъ не можетъ принимать никакой присяги, за что-бы то ни было возложенной на него, впродолженіи промежутка времени, отъ той поры когда станетъ колоситься на нивахъ хлѣбъ и до окончательной уборки хлѣба съ поля. По истеченіи-же этого промежутка времени, присяга должна быть выполнена установленнымъ порядкомъ и тѣмъ лицомъ, на которое въ вышеозначенное время она была возложена.

По претензіямъ, предъявленнымъ, за смертію отвѣтчика, на наслѣдниковъ, присяга истца допускается на общемъ основаніи по всѣмъ дѣламъ.

Когда претензія по подозрѣнію взведена была на одного и отъ него потребована очистительная присяга, то при объявленіи подозрѣнія на другихъ, истецъ можетъ или потребовать очистительную присягу отъ подозрѣваемаго, или-же самъ присягнуть, если нѣтъ другихъ причинъ, по которымъ-бы онъ не могъ быть допущенъ къ присягѣ.

Отъ лицъ, давшихъ обѣтъ никогда не присягать, очистительная присяга никогда не требуется, а если истецъ на основаніи адатовъ не можетъ быть допущенъ къ присягѣ, то долженъ для подтвержденія своей претензіи представить свидѣтелей или другія доказательства.

Вдовы, разведенныя и совершеннолѣтнія дѣвицы могутъ присягать сами; но если участникомъ въ тяжбѣ есть совершеннолѣтній родственникъ, а у вдовы или разведенной есть совершеннолѣтній сынъ, то сами онѣ не присягаютъ. За замужнихъ женщинъ присягаетъ мужъ; за малолѣтнихъ, безумныхъ и сумасшедшихъ—ближайшій родственникъ.

По претензіямъ, по подозрѣнію взводимымъ на малолѣтнихъ, присяга истца допускается только по убійству; по прочимъ-же дѣламъ всегда требуется очистительная присяга отъ родственниковъ малолѣтняго.

Свидѣтели должны быть жители той деревни, къ которой принадлежатъ тяжущіеся, или-же жители отселковъ этой деревни.

Женщины въ свидѣтели допускаются только въ такомъ случаѣ, когда одинъ свидѣтель есть мужчина, причемъ двѣ женщины считаются за одного свидѣтеля.

Не допускаются въ свидѣтели карты и тургаки, пока состоятъ въ этихъ званіяхъ.

Показаніе кадія безъ присяги считается наравнѣ съ показаніемъ двухъ свидѣтелей за присягою.

Когда представленные свидѣтели не приняты, то другіе свидѣтели вмѣсто ихъ не принимаются, а требуется очистительная присяга отъ отвѣтчика, послѣ чего претендующій теряетъ право иска.

Когда присяга должна быть съ родственниками, то для присяги требуются ближайшіе родственники—совершеннолѣтніе мужчины со стороны отца. Допущеніе къ присягѣ родственниковъ по матери зависитъ отъ противной тяжущейся стороны.

Когда требуется присяга хатунъ-талахъ, то неженатые родственники присягаютъ кораномъ.

За ложную присягу взыскивается штрафъ въ пользу джамаата, три руб.

Порядокъ удовлетворенія претензій и платежа взысканій, налагаемыхъ на обвиненныхъ. Когда, по рѣшенію, истцу предоставляется получить вещь по выбору взамѣнъ уворованной или ис-

порченной, то онъ выбираетъ по желанію своему въ цѣломъ селеніи и принадлежащихъ къ оному отселкахъ вещь, подобную той, взамѣнъ которой предоставляется ему выборъ, но лучшаго достоинства. Если хозяинъ выбранной вещи не согласится ее продать, то претендующій выбираетъ другую.

По выборѣ трехъ вещей, если ни одинъ изъ хозяевъ не уступитъ вещь добровольно, то берется одна изъ нихъ, безъ согласія хозяина, по жребію.

За оказавшихся несостоятельными по несчастному какому-либо случаю родственники платить не обязаны.

Адаты по убійству. Въ убійствѣ можетъ быть обвинено столько человѣкъ, сколько нанесено убитому ранъ.

Если для подтвержденія обвиненія по убійству потребуются доказательства, то претендующій долженъ или представить свидѣтелей, которые присягаютъ хатунъ-талахъ, или самъ присягнуть кораномъ, съ 6-ю родственниками, причемъ наблюдается:

1) Когда обвиненіе подтверждено присягою свидѣтелей, то обвиняются только тѣ, на которыхъ укажутъ свидѣтели, хотя-бы число этихъ обвиненныхъ было и меньше числа нанесенныхъ ранъ.

2) Если число обвиняемыхъ свидѣтелями будетъ превышать число нанесенныхъ убитому ранъ, то изъ нихъ признаются убійцами столько человѣкъ, по указанію претендующаго, сколько на убитомъ ранъ.

3) Если свидѣтелей нѣтъ, то претендующій можетъ обвинить по своему усмотрѣнію столькихъ, сколько на убитомъ ранъ, и принять въ этомъ присягу.

Когда убійство произошло въ столкновеніи, гдѣ участвовало нѣсколько лицъ, то претендующій можетъ обвинить въ убійствѣ столько человѣкъ изъ участвовавшихъ, сколько на убитомъ ранъ, хотя-бы были постороннія лица, видѣвшія, что всѣ или нѣсколько изъ этихъ ранъ нанесены однимъ лицомъ.

Если одинъ или нѣсколько убійцъ сами сознаются, то обвиненіе другихъ допускается тогда только, когда убійцы объявятъ, что нѣкоторыя изъ ранъ на убитомъ нанесены не ими.

Обвиненіе по подозрѣнію можетъ быть взведено на столькихъ лицъ, сколько на убитомъ ранъ, если только къ подозрѣнію есть достаточныя причины; въ противномъ-же случаѣ подозрѣніе допускается только на одного.

Если вмѣсто присяги претендующаго будетъ потребована отъ обвиняемаго очистительная присяга, то онъ присягаетъ съ 12-ю родственниками хатунъ-талахъ.

Обвиненный въ убійствѣ присягою претендующаго по подозрѣнію можетъ обвинить въ взводимомъ на него убійствѣ другого, и отъ того, на кого онъ укажетъ, требуется очистительная присяга. Если этотъ послѣдній откажется присягнуть, то обвиняется въ убійствѣ, а обвиненный прежде—оправдывается; если-же присягнетъ, то обвиненный прежде не можетъ уже ни на кого взвесть обвиненіе и признается убійцею.

Убійство считается *кара* въ тѣхъ-же случаяхъ, какъ и по общему даргинскому адату, кромѣ убійства по подкупу; сверхъ того убійство считается кара, если два имѣющіе тяжбу отправятся вмѣстѣ для шаріатскаго разбора и на дорогѣ одинъ другого убьетъ.

Если обвиненіе въ убійствѣ сдѣлано присягою претендующаго по подозрѣнію, то убійство не считается кара, если оно не принадлежитъ къ кара по другимъ причинамъ.

Обвиненный въ убійствѣ дѣлается одинъ канлы; малъ-канлы не назначаются.

Если въ убійствѣ обвинены нѣсколько человѣкъ, то всѣ они считаются за башъ-канлы.

За убійство взыскивается:

1) Алумъ наслѣдникамъ убитаго — два быка, если-же быковъ нѣтъ, то деньгами по 8 руб.—16 рублей.

2) Родственникамъ убитаго, не получающимъ алума, одинъ быкъ; но только въ такомъ случаѣ, когда убійство сдѣлано открыто въ деревнѣ и родственники эти вышли на мѣсто убійства съ оружіемъ.

3) Штрафъ джамаату семь быковъ, но при обвиненіи по подозрѣнію присягою истца штрафъ не берется.

За убійство кара алумъ взыскивается вдвое.

Если въ убійствѣ обвинены нѣсколько человѣкъ, то съ нихъ взыскивается сообща: алумъ—вдвое и родственникамъ, не получающимъ алума, одинъ быкъ, штрафъ-же полный съ каждаго виновнаго порознь.

За убійство однимъ нѣсколькихъ, опредѣленное взысканіе дѣлается полностію за каждаго убитаго.

За убійство кула и каравашки, кромѣ удовлетворенія владѣльца, взыскивался и штрафъ, опредѣленный за убійство.

Въ случаяхъ, когда, по общимъ адатамъ, убійца не подвергается никакому взысканію, у акушинцевъ убійца не только не подвергается никакому взысканію, но сверхъ того, если кто от-

кроетъ въ своемъ домѣ вора или пришедшаго съ другимъ какимъ-либо злымъ умысломъ и убьетъ его на мѣстѣ, то родственники убитаго обязаны дать еще хозяину дома одного быка за дозволеніе вынесть тѣло убитаго.

Отецъ, убившій сына или дочь, дѣлается канлы родственниковъ своей жены, и наоборотъ, мать, за убійство сына или дочери, дѣлается канлы родственниковъ мужа. Но если убитый имѣлъ свое семейство, то убійца дѣлается канлы этого семейства.

За убійство мангуша, алумъ и штрафъ взыскиваются вчетверо; за убійство тургака—вдвое.

Если убійство совершено чужимъ оружіемъ и окажется, что оно было дано для совершенія этого убійства, то съ хозяина оружія взыскивается штрафъ—одинъ быкъ.

Если хозяинъ оружія заявитъ, что оружіе дано было имъ не для совершенія убійства, то отъ него требуется присяга хатунъ-талахъ съ однимъ родственникомъ. Если-же онъ объявитъ, что оружіе взято безъ его вѣдома, то долженъ присягнуть кораномъ съ двѣнадцатью родственниками.

Канлы, тотчасъ-же по совершеніи убійства или по смерти раненнаго имъ, а если обвиненіе требовало подтвержденія присягою, то по признаніи его канлы, долженъ удалиться съ мѣста жительства и не можетъ возвратиться въ свою деревню до примиренія съ родственниками убитаго.

Если онъ замедлитъ выходомъ изъ своей деревни, то съ него взыскивается въ пользу джамаата столько быковъ, сколько было призывовъ на молитву втеченіи промедленнаго имъ времени.

Канлы можетъ поселиться въ каждой деревнѣ, гдѣ нѣтъ родственниковъ убитаго, но въ отселкахъ своей деревни ему поселиться не дозволяется.

Если канлы до примиренія придетъ въ свою деревню или отселки оной и родственники убитаго окружатъ домъ, гдѣ онъ укрылся, но убить его посторонніе не допустятъ, то съ него взыскивается за приходъ въ деревню одинъ быкъ родственникамъ убитаго.

Если кто изъ жителей той деревни, гдѣ живетъ канлы, будетъ содѣйствовать убійству его, то съ него взыскивается штрафъ джамаату семь быковъ. Если-же канлы черезъ содѣйствіе это будетъ убитъ, то сверхъ того домъ содѣйствовавшаго разоряется.

Если канлы умретъ до примиренія, то родственники его должны дать родственникамъ убитаго имъ—быка и 12 кусковъ

бумажной матеріи (мирчей), а до уплаты ближайшій родственникъ умершаго считается каплы.

Если-же каплы будетъ убитъ по кровомщенію, то родственники убитаго имъ ничего не получаютъ и сверхъ того обязаны возвратить алумъ.

Адаты по пораненію. Взысканіе налагается за всякую рану, хотя-бы она и не требовала лѣченія, а также за всякій знакъ отъ удара на лицѣ и вообще на головѣ.

За нанесеніе раны взыскивается съ виновнаго въ штрафъ джамаату: за рану—быкъ, въ 4 рубля; за знакъ на лицѣ и головѣ, если ударъ нанесенъ камнемъ или палкою,—2 рубля, а если рукою—1 рубль.

Раненый никакого удовлетворенія не получаетъ.

Если одинъ нанесетъ раны нѣсколькимъ лицамъ, то онъ удовлетворяетъ каждаго раненаго по шаріату и штрафъ платитъ какъ и за одного.

При обоюдномъ пораненіи, штрафъ, опредѣленный за пораненіе, взыскивается съ каждаго, хотя-бы раненые и не претендовали другъ на друга за пораненіе.

Если пораненіе сдѣлано чужимъ оружіемъ, то хозяинъ оружія отвѣчаетъ какъ и по убійству чужимъ оружіемъ.

Въ нижеслѣдующихъ случаяхъ штрафъ въ пользу джамаата взыскивается вдвое:

1) за пораненіе карта, мангуша, тургака и будуна, при исполненіи ими своихъ обязанностей, и

2) если кто, отправившись на воровство или съ другимъ злымъ умысломъ, будетъ открытъ и, стараясь скрыться, ранитъ хозяина дома.

Адаты по ссорамъ, дракамъ и побоямъ. За нанесеніе мужчинѣ побоевъ, хотя-бы остались и знаки на тѣлѣ (кромѣ знаковъ на лицѣ и вообще на головѣ), виновный никакому взысканію не подвергается.

За нанесеніе побоевъ женщинѣ, если не она первая начала драку, взыскивается въ пользу ея и джамаата по 1 быку, по 4 рубля каждый, а если она была беременна, то и взысканіе по шаріату.

За выстрѣлъ въ ссорѣ взыскивается штрафъ въ пользу джамаата—одинъ бычокъ. Если-же выстрѣлъ сдѣланъ покушавшимся на воровство или на другой какой-либо злой умыселъ, то штрафъ въ пользу джамаата семь быковъ. Сверхъ того въ обо-

ихъ случаяхъ взыскивается одинъ бычокъ въ пользу того, въ кого сдѣланъ былъ выстрѣлъ.

Съ обнажившаго оружіе взыскивается штрафъ въ пользу джамаата 2 рубля.

За выстрѣлъ или обнаженіе оружія въ присутствіи кадія и на базарѣ, оружіе ломается и взыскивается штрафъ—одинъ быкъ.

За нанесеніе побоевъ и обоюдную драку въ присутствіи кадія и картовъ, при разборѣ ими дѣлъ, съ виновныхъ взыскивается по одному быку въ пользу джамаата.

За нанесеніе побоевъ карту, мангушу, будуну и тургаку (послѣднему только при исполненіи имъ своихъ обязанностей) взыскивается штрафъ въ пользу джамаата два быка, по 4 рубля.

Адаты по увозу женщинъ. За увозъ дѣвицы, вдовы и разведенной съ мужемъ, по ея согласію, съ обоихъ взыскивается штрафъ по семи быковъ въ пользу джамаата. Увезшій сверхъ того долженъ сдѣлать угощеніе родственникамъ увезенной.

За насильственный увозъ съ одного увезшаго взыскивается штрафъ, семь быковъ, и если родственники увезенной согласятся на бракъ, то онъ платитъ деньгами или вещами: за дѣвицу—ей 100 рублей и родственникамъ ея 100 рублей; за вдову и разведенную, какъ ей, такъ и родственникамъ ея, по 50 рублей. Если же родственники не согласятся на бракъ, то увезшій на годъ удаляется изъ деревни, если только онъ изнасиловалъ увезенную *).

Если женщина сама бѣжитъ къ мужчинѣ, то съ нея взыскивается въ пользу джамаата семь быковъ, а отъ мужчины требуется присяга съ 6-ю родственниками хатунъ-талахъ въ томъ, что онъ не былъ съ нею въ связи; если онъ не очиститъ себя присягою, то штрафъ взыскивается и съ него, и кромѣ того онъ на годъ дѣлается канлы родственниковъ бѣжавшей и удаляется изъ деревни, а по окончаніи срока платитъ имъ 50 руб. и дѣлаетъ угощеніе.

Удаляемый на годъ канлы не подвергается кровомщенію, но не долженъ до истеченія срока входить въ свою деревню; за нарушеніе этого адата взыскивается съ него по одному быку за каждый приходъ въ пользу родственниковъ увезенной.

За содѣйствіе къ увозу взыскивается по одному быку джамаату съ каждаго содѣйствовавшаго.

---

*) Случаевъ увоза замужней женщины въ Акушинскомъ обществѣ не было.

Адаты по изнасилованію женщинъ. Для доказательства обвиненія по изнасилованію, сверхъ огласки, требуется еще присяга свидѣтелей хатунъ-талахъ. Если-же свидѣтелей нѣтъ, то отъ обвиняемаго требуется очистительная присяга съ 7-ю родственниками хатунъ-талахъ.

Отъ женщины, извѣстной развратнымъ поведеніемъ, претензіи принимаются наравнѣ съ прочими.

За изнасилованіе женщины взыскивается: родственникамъ ея 1 быкъ; штрафъ джамаату 7 быковъ. Виновный дѣлается канлы родственникамъ изнасилованной и подвергается преслѣдованію ихъ, какъ и по убійству.

За намѣреніе изнасиловать опредѣляется тоже взысканіе, какъ и за изнасилованіе, но виновный не дѣлается канлы, а долженъ сдѣлать угощеніе родственникамъ женщины.

За прикосновеніе къ женщинѣ, если не будетъ доказано намѣреніе изнасиловать ее, взыскивается штрафъ джамаату одинъ быкъ.

Если обвиненіе будетъ падать на карта, мангуша, тургака или будуна, то опредѣленное взысканіе налагается вдвое.

За содѣйствіе къ изнасилованію взыскивается по одному быку джамаату съ каждаго содѣйствовавшаго.

Адаты по разврату. Обвиненіе признается не требующимъ никакого доказательства, если мужчину и женщину застанетъ въ прелюбодѣйной связи хотя одинъ человѣкъ, а также, если застанутъ посторонняго мужчину ночью въ саклѣ наединѣ съ женщиною.

За прелюбодѣйную связь взыскивается шрафъ въ пользу джамаата по семи быковъ, и сверхъ того мужчина, обвиненный въ связи съ замужней женщиной, дѣлается канлы мужа. Если-же мужъ разведется съ женою, то какъ мужчина, такъ и женщина, дѣлаются канлы родственниковъ ея. Обвиняемый въ связи съ незамужнею женщиною дѣлается канлы родственниковъ ея тогда только, когда не согласится жениться на ней.

Канлы по прелюбодѣйной связи подвергается преслѣдованію наравнѣ съ убійцами.

Адаты по воровству. Если хозяинъ уворованной вещи опознаетъ ее въ своей-же деревнѣ, то тотъ, у кого уворованное опознано, долженъ указать, отъ кого вещь эта ему досталась; по указанію этому отыскивается виновный, какъ и по передачѣ айнамалъ-кагаза. Айнамалъ-кагазъ выдается тогда только, когда

при розыскѣ виновнаго окажется, что опознанная вещь пріобрѣтена изъ другой деревни, или когда уворованное опознано въ другомъ отселкѣ своей деревни.

Если изъ уворованныхъ вещей ничего не найдено, то допускается претензія или по обвиненію свидѣтелями, которые присягаютъ кораномъ, или по подозрѣнію.

Когда потребуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ слѣдующимъ числомъ родственниковъ:

При воровствѣ лошади, одной и нѣсколькихъ..... 12.
— — кобылицъ: одной..... 7
— — — нѣсколькихъ..... 12
— — жеребятъ (менѣе 3-хъ лѣтъ), быковъ, коровъ и эшаковъ, одной штуки..... 6
— — нѣсколькихъ..... 12
— — теленка и барана, одного..... 2

(если нѣсколько штукъ, то за каждую прибавляется по одному родственнику).

За прочія вещи—сообразно съ ихъ цѣною, примѣняясь къ означенному числу, но не болѣе 12 родственниковъ.

Оцѣнка уворованнаго дѣлается на основаніи общихъ адатовъ, но при оцѣнкѣ такихъ вещей, которыхъ посторонніе не могли знать, хозяинъ дома присягаетъ съ двумя родственниками не хатунъ-талахъ, а кораномъ.

За воровство опредѣляется слѣдующее взысканіе:

1) Если вещь найдена, то возвращается хозяину, а если не найдена, то хозяинъ получаетъ подобную ей по выбору; сверхъ того въ обоихъ случаяхъ взыскивается еще девять вещей одной цѣны съ уворованною.

2) Если обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію по присягѣ истца, то онъ получаетъ вещь, подобную уворованной, по выбору.

3) Деньги всегда взыскиваются въ томъ-же количествѣ, въ какомъ уворованы.

4) Рушпетъ платится виновнымъ на основаніи общаго адата.

5) Во всѣхъ случаяхъ, когда воровство сдѣлано со двора, то сверхъ всего, за приходъ вора во дворъ, въ пользу хозяина взыскивается 3 барана.

Штрафъ за воровство берется въ пользу джамаата 7 быковъ, по 4 рубля каждый; но при обвиненіи по одному подозрѣнію штрафъ не берется.

За воровство изъ мечети штрафъ взыскивается:

1) Джамаату 17 быковъ, по 4 рубля каждый.

2) Мангушу и тургакамъ 17 быковъ, по 4 рубля каждый.

3) Тургакамъ цѣлаго общества 5 котловъ, по 3 рубля, или 7 быковъ, по 3 рубля.

4) За открытіе дверей, будуну 1 быкъ. Остальное взысканіе полагается какъ за воровство вообще.

За воровство изъ мельницы, пашни, гумна и за воровство хлѣба въ колосьяхъ штрафъ вдвое. Когда-же обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію, то налагается обыкновенное взысканіе.

Подвергавшійся прежде взысканію за воровство получаетъ удовлетвореніе за уворованное у него наравнѣ съ прочими.

Если воръ пойманъ на мѣстѣ, то съ него взыскивается штрафъ, какъ за воровство, и въ пользу поймавшаго его 1 быкъ. А если онъ приходилъ во дворъ, то и хозяину 3 барана. Если онъ пойманъ самимъ хозяиномъ, то хозяинъ получаетъ только одного быка.

Если обвиняемый задержанъ въ намѣреніи сдѣлать воровство и не будетъ достаточныхъ причинъ къ обвиненію его, то дозволяется ему очистить себя присягою съ 12-ю родственниками кораномъ, въ томъ, что онъ не имѣлъ намѣренія воровать.

За покушеніе на воровство опредѣляется тоже взысканіе, кромѣ одного быка, положеннаго поймавшему вора *).

Если воръ приходилъ черезъ сосѣдній дворъ или токъ, то въ пользу сосѣда-хозяина взыскивается 3 барана **).

Обвиненный въ сокрытіи вора и воровскихъ вещей признается соучастникомъ въ воровствѣ и подвергается взысканію наравнѣ съ воромъ; но скрывавшій вещи можетъ присягнуть съ 6-ю родственниками хатунъ-талахъ, въ томъ, что онъ не зналъ, что вещи тѣ уворованныя.

Обвиняемый въ томъ, что зналъ вора, но не объявилъ,

---

*) Доказательствомъ покушенія на воровство можетъ служить и то обстоятельство, что покушавшійся на воровство оставитъ на мѣстѣ свою вещь, по которой и будетъ открытъ, а если уликъ никакихъ нѣтъ, то требуется очистительная присяга.

**) Взысканіе это, при обвиненіи присягою истца по одному подозрѣнію, не дѣлается, но когда обвиненіе доказано, то взысканіе дѣлается и въ такомъ случаѣ, когда было только намѣреніе сдѣлать воровство, но ничего не украдено.

если не очиститъ себя присягою съ двумя родственниками хатунъ-талахъ, отвѣчаетъ наравнѣ съ воромъ.

Если хозяинъ уворованнаго найдетъ вора, но, не объявивъ объ этомъ, получитъ съ него удовлетвореніе, по обоюдному согласію, то съ него взыскивается одинъ быкъ въ пользу тургаковъ и онъ лишается права претендовать по этому воровству, а съ вора взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство.

Обвиненный въ воровствѣ можетъ указать соучастниковъ, отъ которыхъ требуется, чтобы 12-ть родственниковъ каждаго очистили ихъ присягою; изъ этихъ родственниковъ 4 присягаютъ хатунъ-талахъ, а 8 кораномъ; если-же они не присягнутъ, то обвиняемые въ соучастіи подвергаются отвѣтственности наравнѣ съ воромъ.

Адаты по поджогамъ. Для доказательства претензіи по поджогу претендующій присягаетъ одинъ, кораномъ.

Когда потребована будетъ очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ шестью родственниками хатунъ-талахъ.

Оцѣнка убытковъ дѣлается такъ-же, какъ и оцѣнка уворованныхъ вещей; но если потребуется присяга претендующаго, то онъ присягаетъ хатунъ-талахъ.

Обвиненный въ поджогѣ удовлетворяетъ хозяина сгорѣвшаго имущества: если вина доказана — вдвое; если-же обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію, то по цѣнѣ убытковъ. Сверхъ того съ него взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство.

Хозяинъ, отъ неосторожности котораго произойдетъ пожаръ въ его-же домѣ, отвѣчаетъ за всѣ убытки, если отъ этого пожара сгоритъ имущество его сосѣдей.

Хозяинъ дома отвѣчаетъ за сгорѣвшія въ его домѣ чужія вещи, если причина пожара не зависѣла отъ хозяина, а поджогъ сдѣланъ другимъ; если-же поджогъ произошелъ по неосторожности того, у кого были чужія вещи, или членовъ его семейства, то дѣло разбирается по шаріату.

Адаты по порчамъ чужого имущества. Для доказательства требуется показаніе одного посторонняго лица, безъ присяги.

Если нѣтъ свидѣтеля, то требуется или присяга претендующаго, кораномъ, или очистительная присяга хатунъ-талахъ отъ обвиняемаго, съ родственниками *).

*) По потравамъ, сдѣланнымъ днемъ, присяга претендующаго не допускается, а всегда требуется очистительная присяга.

Оцѣнка явной порчи и потравы, сдѣланной днемъ, дѣлается двумя лицами, назначенными отъ истца и отвѣтчика. Оцѣнка тайной порчи и ночной потравы опредѣляется присягою хозяина съ двумя родственниками хатунъ-талахъ. При неумышленной потравѣ назначаются по одному лицу со стороны истца и отвѣтчика, которые осматриваютъ потравленное мѣсто и по снятіи посѣвовъ сравниваютъ умолотъ съ потравленнаго мѣста съ прочимъ и такимъ образомъ опредѣляютъ количество убытковъ отъ потравы.

Обвиненный въ порчѣ чужой собственности вознаграждаетъ хозяина по оцѣнкѣ и сверхъ того за умышленную порчу взыскивается штрафъ—1 быкъ въ пользу джамаата.

За порчу, сдѣланную въ мечети, мельницѣ, гумнѣ и на пашнѣ (кромѣ потравы), взыскивается штрафъ вдвое и сверхъ того въ пользу тургаковъ всего округа 14 котловъ, по 2 рубля.

Если кто ранитъ чужую скотину или сдѣлаетъ ей другую порчу, то скотина эта отдается испортившему, а на его счетъ хозяинъ беретъ другую такую-же скотину по выбору.

Если кто обрѣжетъ хвостъ у лошади, то въ пользу хозяина взыскивается одинъ быкъ; но когда хвостъ обрѣзанъ такъ, что прорѣзана кожа, то взысканіе дѣлается какъ за пораненіе *).

Въ обоихъ предъидущихъ случаяхъ взыскивается штрафъ въ пользу джамаата одинъ быкъ, если обвиненіе сдѣлано не по одному подозрѣнію.

За потраву, сверхъ удовлетворенія хозяина, опредѣляется штрафъ въ пользу джамаата: если скотина усмотрѣна на мѣстѣ потравы и при ней находился хозяинъ или пастухъ—7 быковъ, по 4 рубля; если-же будетъ только извѣстно, чьей скотиной сдѣлана потрава, то штрафъ 3 рубля.

За неумышленную потраву и въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію присягою истца,—штрафъ не берется.

Для предупрежденія потравъ установлены слѣдующіе адаты:

1) Ни одному хозяину не дозволяется держать во дворѣ болѣе двухъ барановъ; если-же кто будетъ держать болѣе этого, то хозяину дѣлается замѣчаніе, потомъ взыскивается штрафъ въ пользу тургаковъ отъ 20 до 25 копѣекъ, а послѣ этого, если

---

*) Если хвостъ обрѣзанъ у другой скотины, кромѣ лошади, и не прорѣзана при этомъ кожа, то взысканіе не полагается.

хозяинъ будетъ держать въ дворѣ барановъ, то тургаки могутъ зарѣзать ихъ.

2) Зимою дозволяется держать въ деревнѣ барановъ и болѣе двухъ.

3) Въ то время, когда лошади и скотъ всего селенія ходятъ вмѣстѣ, въ деревнѣ дозволяется держать однихъ только жеребцовъ, а также рогатую скотину, когда она нужна; если-же другая скотина не будетъ выгнана въ стадо, то съ хозяина взыскивается въ пользу тургаковъ штрафъ по усмотрѣнію джамаата.

Адаты по потерямъ и находкамъ. По потерямъ и находкамъ въ Акушинскомъ обществѣ существуютъ общіе даргинскіе адаты, съ тою только разницею, что по претензіямъ объ утайкѣ найденной чужой вещи требуются свидѣтели, которые присягаютъ кораномъ. Когда-же свидѣтель одинъ, то вмѣстѣ съ нимъ присягаетъ и претендующій; если-же претензія предъявляется по одному подозрѣнію, то очистительная присяга отъ обвиняемаго требуется, какъ и по воровству.

Адаты по гражданскимъ искамъ и спорамъ. По спорамъ, возникающимъ относительно подарковъ, дѣлаемыхъ женихомъ невѣстѣ и невѣстою родственникамъ жениха, установлены слѣдующіе адаты:

1) Когда причиною несостоявшагося брака былъ женихъ, то онъ долженъ возвратить невѣстѣ полученные отъ нея подарки; сдѣланные-же имъ невѣстѣ подарки остаются у нея.

2) Если бракъ не состоялся по несогласію невѣсты, то она должна возвратить полученные отъ жениха подарки вдвое, а ея подарки женихомъ не возвращаются.

3) Если женихъ откажется отъ брака, потому что замѣтилъ невѣсту въ развратномъ поведеніи, то относительно подарковъ поступаютъ какъ если-бы бракъ не состоялся по несогласію невѣсты, но обвиненіе свое женихъ долженъ подтвердить присягою съ двумя свидѣтелями хатунъ-талахъ, а если свидѣтель одинъ, то вмѣстѣ съ нимъ присягаетъ и женихъ, кораномъ.

4) При спорѣ относительно количества подарковъ требуется завѣреніе тѣхъ лицъ, черезъ которыхъ подарки передавались; безъ этихъ завѣреній никакія претензіи не принимаются.

Адаты Микахинскаго общества.

Предъявленіе претензій. Претензіи по воровству, поджогу,

порчѣ имущества и утайкѣ найденной вещи, предъявляемыя, за смертію самихъ обиженныхъ, наслѣдниками ихъ, безъ доказательства, по однимъ подозрѣніямъ, не принимаются, если претензіи эти не начаты еще самимъ умершимъ.

Претензіи по подозрѣнію не допускаются только на кадіевъ и картовъ.

Претензія по подозрѣнію можетъ быть взведена въ одно время только на одного; но по убійству, если убитому нанесено нѣсколько ранъ и одинъ виновный самъ сознался, то можетъ быть взведено подозрѣніе еще на другого, но не болѣе.

Претензія по подозрѣнію можетъ переходить порядкомъ общихъ адатовъ на семь человѣкъ только по воровству, поджогу, порчѣ имущества и утайкѣ найденной вещи; по убійству-же, послѣ очистительной присяги одного обвиненнаго, на другого подозрѣніе не допускается.

Присяга. Когда тотъ, кто долженъ присягнуть хатунъ-талахъ, не женатъ или далъ обѣтъ не присягать хатунъ-талахъ, то присягаетъ кораномъ и кромѣ того одинъ женатый его родственникъ, по выбору противной тяжущейся стороны, присягаетъ за него хатунъ-талахъ.

По претензіямъ на женщинъ допускается или присяга претендующаго, или очистительная присяга отвѣтчицы, какъ и по претензіямъ на прочихъ лицъ.

Отъ лицъ, давшихъ обѣтъ никогда не присягать, очистительная присяга никогда не требуется, а если претендующій на основаніи адатовъ не можетъ быть допущенъ къ присягѣ, то для подтвержденія претензіи своей долженъ представить свидѣтелей или другія доказательства.

Вдовы, разведенныя и совершеннолѣтнія дѣвицы присягаютъ сами, а за замужнихъ женщинъ присягаютъ мужья. За малолѣтнихъ присягаетъ ближайшій родственникъ; но достигшій 7 лѣтъ, когда отъ него требуется очистительная присяга, присягаетъ и самъ кораномъ. За безумныхъ и сумасшедшихъ присягаютъ родственники.

Когда на основаніи общихъ адатовъ одинъ свидѣтель присягаетъ съ 2 родственниками, то родственники эти требуются къ присягѣ по выбору того, противъ кого представленъ свидѣтель.

Свидѣтели должны быть жители той деревни, къ которой принадлежатъ тяжущіеся, или-же жители отселковъ этой деревни.

Женщины въ свидѣтели допускаются только въ томъ слу-

чаѣ, когда одинъ свидѣтель есть мужчина. Въ такомъ случаѣ двѣ женщины считаются за одного свидѣтеля.

Не допускаются въ свидѣтели сверхъ лицъ, указанныхъ въ общихъ адатахъ: 1) кадій и карты; 2) тургаки, по такимъ дѣламъ, по которымъ въ ихъ пользу можетъ быть взысканъ штрафъ.

Когда представленные отвѣтчикомъ свидѣтели не приняты, то другіе свидѣтели вмѣсто ихъ не принимаются, а требуется очистительная присяга отъ отвѣтчика.

Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ томъ, когда свидѣтели въ назначенный день не явились или оказались подкупленными, претендующій не теряетъ права объявить обвиненіе по тому-же дѣлу на другого, но это допускается только по тѣмъ дѣламъ, по которымъ обвиненіе можетъ переходить на нѣсколькихъ.

Когда свидѣтели присягали хатунъ-талахъ и впослѣдствіи окажется, что присяга ихъ ложна, то сверхъ обязанности развестись съ женою, съ нихъ взыскивается штрафъ по одному быку въ пользу джамаата.

Когда присяга требуется съ родственниками, то для присяги требуются, смотря по роду дѣла: или ближайшіе родственники со стороны отца, или-же тѣ родственники, на которыхъ укажетъ противная тяжущаяся сторона. Въ послѣднемъ случаѣ родственники должны быть выбраны поровну съ отцовской и материнской сторонъ, если только мать присягающаго не изъ другой деревни.

Когда присяга требуется кораномъ, то въ числѣ родственниковъ могутъ быть и женщины.

Порядокъ удовлетворенія претензій и платежа взысканій, налагаемыхъ на обвиненныхъ. Когда истцу предоставляется получить вещь по выбору, то для этого выбираются три вещи изъ того селенія, гдѣ живутъ тяжущіеся, и изъ принадлежащихъ къ нему отселковъ, и изъ этихъ трехъ истецъ беретъ одну.

Если хозяинъ выбранной вещи не согласится уступить ее, то обвиненный платитъ истцу деньгами ту сумму, во что будетъ оцѣнена выбранная вещь.

При несостоятельности обвиненнаго взысканіе дѣлается съ родственниковъ его обоего пола слѣдующимъ порядкомъ:

1) Сперва берется имущество самаго ближайшаго родственника; если-же имущества этого окажется недостаточно, то берется имущество слѣдующаго за нимъ по степени родства, и такимъ порядкомъ подвергаются взысканію всѣ родственники, со-

стоящіе съ обвиненнымъ въ такой степени родства, въ которой, по мусульманской религіи, не допускается вступленіе въ бракъ.

2) Каждый родственникъ, у котораго уже взято все имущество, при переходѣ обязанности платить къ слѣдующему за нимъ родственнику, долженъ присягнуть хатунъ-талахъ въ томъ, что у него болѣе нѣтъ никакого имущества. Присягу эту онъ принимаетъ съ двумя родственниками (тусевами). Родственниковъ для присяги выбираетъ тотъ, къ кому переходитъ обязанность платить за обвиненнаго.

3) Если имущества всѣхъ родственниковъ, состоящихъ въ означенной выше степени родства, окажется недостаточно на пополненіе всѣхъ взысканій, то для платежа остального количества назначаются слѣдующіе родственники—15 со стороны отца и 15 со стороны матери, которые и уплачиваютъ падающее на нихъ взысканіе поровну.

За оказавшихся несостоятельными по несчастному какому-нибудь случаю родственники платить не обязаны.

Адаты по убійству. Въ убійствѣ всегда обвиняется только одинъ; но если убитому нанесено нѣсколько ранъ и одинъ убійца самъ сознается, то можетъ быть обвиненъ еще одинъ, но не болѣе.

Обвиненіе двоихъ при нѣсколькихъ ранахъ допускается и въ такомъ случаѣ, когда есть посторонніе, видѣвшіе, что всѣ раны нанесены однимъ.

Когда обвиненіе требуется подтвердить, то претендующій присягаетъ хатунъ-талахъ съ 6-ю родственниками (тусевами).

Отъ претендующаго зависитъ обвинить въ убійствѣ, кого онъ считаетъ виновнымъ, и въ такомъ случаѣ, когда другой самъ сознается. Въ такомъ случаѣ считается убійцею тотъ, кого обвинилъ претендующій.

Если убитому нанесено нѣсколько ранъ и убійца сознается, то претендующій можетъ взвести обвиненіе еще на одного, и обвиняются оба.

Если убитому нанесено нѣсколько ранъ и двое сознаются въ убійствѣ, то и въ такомъ случаѣ истецъ можетъ одного изъ сознавшихся отстранить, а на мѣсто его обвинить кого пожелаетъ.

Предоставляемое претендующему право обвиненія допускается тогда только, когда убійство совершено въ дракѣ, нападеніи и вообще въ столкновеніи, при участіи нѣсколькихъ лицъ, на ко-

торыхъ можетъ быть взведено обвиненіе, или когда убійство совершено въ безлюдномъ мѣстѣ, гдѣ не было постороннихъ.

Умирающій отъ раны присягаетъ съ двумя родственниками хатунъ-талахъ въ томъ, кѣмъ онъ раненъ.

Когда нужна очистительная присяга, то она требуется не отъ обвиняемаго, а отъ его родственниковъ. Число родственниковъ опредѣляется претендующимъ и бываетъ отъ 6-ти до 40 человѣкъ. Когда претендующій потребуетъ менѣе 12-ти родственниковъ, то берутся тусевы и присягаютъ хатунъ-талахъ, а когда болѣе 12-ти, то берутся ближайшіе родственники и присягаютъ кораномъ. Родственники эти могутъ требовать, чтобы прежде присягнулъ обвиняемый *).

Убійство считается *кара* въ тѣхъ-же случаяхъ, которые исчислены въ общихъ адатахъ, и сверхъ того убійство кадія, карта и тургака, при исполненіи ими служебныхъ обязанностей.

Обвиненный въ убійствѣ считается канлы одинъ; малъканлы не назначаются.

За убійство взыскивается: 1) алумъ (наслѣдникамъ убитаго): съ обвиненнаго—два быка и бычокъ трехгодовалый; съ семейства его 1 рубль; съ 14 ближайшихъ родственниковъ по 50 копѣекъ; 2) штрафъ съ обвиненнаго—два быка въ пользу джамаата.

За убійство кара прибавляется къ алуму и къ штрафу по два быка.

Если въ убійствѣ обвинены двое, то и другой подвергается тому-же взысканію.

За убійство однимъ нѣсколькихъ человѣкъ взысканіе въ пользу родственниковъ убитыхъ дѣлается порознь за каждаго убитаго, а штрафъ взыскивается по числу канлы.

Если убитый и убійца принадлежали къ двумъ семействамъ, состоящимъ между собою въ кровной враждѣ (за исключеніемъ убійства башъ-канлы), то съ убійцы взыскивается штрафъ вдвое.

При убійствѣ родственникомъ родственника, убійца или дѣлается канлы, или остается безъ преслѣдованія, по усмотрѣнію прочихъ родственниковъ; въ первомъ случаѣ съ него взыскивается алумъ и штрафъ. При разногласіи родственниковъ опредѣленіе дѣлается по большинству голосовъ; при равенствѣ голосовъ убійца дѣлается канлы.

---

*) Когда потребована будетъ очистительная присяга отъ родственниковъ обвиняемаго и они присягнутъ, то обвиненіе другого въ томъ-же убійствѣ уже не допускается.

Канлы тотчасъ-же по совершеніи убійства или по смерти раненнаго имъ, а если обвиненіе требовало подтвержденія присягою, то по признаніи его канлы, долженъ удалиться съ мѣста жительства и не можетъ возвратиться въ свою деревню до примиренія съ родственниками убитаго.

Если онъ замедлитъ выходомъ изъ своей деревни, то съ него взыскивается въ пользу джамаата столько быковъ, сколько было призывовъ на молитву втеченіи промедленнаго имъ времени *).

Канлы можетъ поселиться въ каждой деревнѣ, гдѣ нѣтъ родственниковъ убитаго, но въ отселкахъ своей деревни ему поселяться не дозволяется.

Если канлы до примиренія придетъ въ свою деревню, или ея отселки, и родственники убитаго окружатъ домъ, гдѣ онъ укрылся, но убить его посторонніе не допустятъ, то съ него взыскивается за приходъ въ деревню два быка въ пользу джамаата.

Если кто изъ жителей той деревни, гдѣ живетъ канлы, будетъ подозрѣваемъ въ содѣйствіи убійству канлы, то отъ подозрѣваемаго требуется очистительная присяга хатунъ-талахъ, съ двумя родственниками, по выбору хозяина дома, гдѣ живетъ канлы. Если подозрѣваемый не очиститъ себя присягою, то съ него взыскивается штрафъ въ пользу джамаата 8 быковъ и домъ его разоряется.

Если канлы умретъ до примиренія, то за дозволеніе привезти тѣло его для погребенія въ свою деревню родственники его обязаны дать родственникамъ убитаго одного быка.

Если-же канлы будетъ убитъ по кровомщенію родственниками убитаго имъ или по ихъ подкупу, то они не только ничего не получаютъ, но должны возвратить полученный ими алумъ.

Если одинъ изъ главныхъ родственниковъ убитаго не пойдетъ на угощеніе къ канлы, то послѣдній посылаетъ ему 20 сабъ пшеницы вмѣсто угощенія.

Адаты по нанесенію. Взысканіе полагается за всякую рану, хотя-бы она и не требовала лѣченія.

Порядокъ обвиненія и число обвиняемыхъ полагаются тѣже, какъ и по убійству, но претендующій присягаетъ не съ 6-ю, а съ двумя родственниками **).

---

*) Въ селеніяхъ-же Хинта, Гурки и Бутри, въ этомъ случаѣ съ канлы взыскиваются, вмѣсто быковъ, бараны.

**) Но свидѣтели, бывшіе при нанесеніи, не принимаются. Если ранив-

За нанесеніе раны взыскивается: штрафъ джамаату: 1) если рана нанесена огнестрѣльнымъ или острымъ оружіемъ—2 быка; 2) если рана нанесена камнемъ, палкою и т. п. — одинъ быкъ; 3) за рану, не требующую лѣченія,—3 рубля. Раненому, только за огнестрѣльную рану, одинъ бычокъ.

Рана лѣчится на счетъ виновнаго.

До излѣченія раны ранившій не долженъ встрѣчаться съ раненнымъ и родственниками его, но можетъ оставаться въ своей деревнѣ, хотя-бы раненый жилъ въ той-же деревнѣ.

За неисполненіе этого адата съ него взыскивается въ штрафъ джамаату одинъ быкъ, и если отъ встрѣчи его съ раненымъ или родственниками его произойдетъ драка и онъ будетъ раненъ, то не получаетъ за рану никакого удовлетворенія.

Если одинъ нанесетъ раны нѣсколькимъ лицамъ, то онъ удовлетворяетъ каждаго раненаго полностію, а штрафъ платитъ одинъ.

За неумышленное нараненіе удовлетвореніе дѣлается тоже, какъ и за умышленное, но штрафъ не взыскивается.

При обоюдномъ нараненіи, штрафъ взыскивается съ каждаго, хотя-бы раненые и не претендовали другъ на друга за нараненіе.

Въ нижеслѣдующихъ случаяхъ штрафъ въ пользу джамаата взыскивается вдвое:

1) за нанесеніе раны кадію и карту;

2) за нанесеніе раны тургаку при исполненіи имъ своей обязанности;

3) если кто, отправившись на воровство, или съ другимъ злымъ умысломъ, будетъ открытъ и, стараясь скрыться, ранитъ хозяина дома;

4) если ранившій и раненый принадлежатъ къ двумъ семействамъ, находящимся въ кровной враждѣ между собою *).

Адаты по ссорамъ, дракамъ и побоямъ. За нанесеніе побоевъ мужчинѣ, хотя-бы остались и знаки, если не нанесено раны, никакого взысканія не полагается.

За нанесеніе женщинѣ побоевъ, если не она первая начала драку, виновный долженъ дать ей, по своему усмотрѣнію: или

шій не сознается самъ въ нараненіи, то обвиняется присягою раненаго съ родственниками, хотя-бы даже нараненіе случилось на глазахъ всего джамаата.

*) Этотъ адатъ не относится до нараненія канлы изъ кровомщенія.

деньгами 1 рубль 50 копѣекъ, или шесть сабъ пшеницы, или сдѣлать ей угощеніе съ 15 родственниками. Сверхъ того съ него взыскивается штрафъ въ пользу джамаата одинъ быкъ. Если же женщина была беременна, то и взысканіе по шаріату.

Если въ ссорѣ сдѣлаетъ кто-нибудь выстрѣлъ, то съ выстрѣлившаго взыскивается въ пользу того, по кому сдѣланъ выстрѣлъ, одинъ бычокъ и штрафъ, въ пользу джамаата одинъ быкъ. Если-же выстрѣлъ сдѣланъ покушавшимся на воровство или имѣвшимъ другой какой-либо умыселъ, то штрафъ взыскивается вдвое.

Съ обнажившаго въ ссорѣ оружіе или намѣривавшагося сдѣлать выстрѣлъ взыскивается штрафъ въ пользу джамаата 3 руб.

За нанесеніе побоевъ и обоюдную драку въ присутствіи кадія и картовъ, при разборѣ ими дѣлъ, съ виновныхъ взыскивается по одному быку въ пользу джамаата.

За нанесеніе побоевъ тургаку при исполненіи имъ своихъ обязанностей, взыскивается штрафъ въ пользу джамаата одинъ быкъ. Если-же побои тургаку нанесены на пастбищныхъ мѣстахъ, въ то время когда онъ замѣтилъ, что стадо не на мѣстѣ, то взыскивается одинъ козелъ въ пользу тургаковъ и штрафъ 3 руб. въ пользу джамаата.

Адаты по увозу женщинъ. За увозъ дѣвицы, вдовы и разведенной съ мужемъ взыскивается:

1) Если она увезена по ея согласію, взыскивается въ пользу джамаата по четыре быка съ обоихъ.

2) За насильственный увозъ штрафъ въ четыре быка взыскивается только съ увезшаго и онъ долженъ сдѣлать угощеніе родственникамъ увезенной.

3) Если женщина увезена въ другую деревню, то въ обоихъ случаяхъ штрафъ взыскивается вмѣсто четырехъ по восьми быковъ *).

Въ деревняхъ Микахинскаго общества, находящихся на сѣверозападѣ отъ горнаго хребта Хапъ, опредѣленный въ 1 и 2 п. штрафъ взыскивается вдвое.

Если увезшій укроется съ увезенною въ той-же деревнѣ, въ чужомъ домѣ, и хозяинъ дома дозволитъ имъ остаться вмѣстѣ и не разведетъ ихъ по разнымъ саклямъ, то съ хозяина взыскивается штрафъ одинъ быкъ въ пользу джамаата.

---

*) Случаевъ увоза замужней женщины никогда не было.

За содѣйствіе въ увозѣ женщины взыскивается по одному быку въ пользу джамаата.

Адаты по изнасилованію женщинъ. Если не было очевидцевъ сдѣланнаго надъ женщиною насилія и обвиняемый самъ не сознается, то, хотя-бы женщина и огласила крикомъ сдѣланное надъ нею насиліе, при предъявленіи жалобы, для доказательства ея справедливости, требуется или присяга хатунъ-талахъ съ 7-ю ея родственниками (тусевы), или очистительная присяга хатунъ-талахъ отъ обвиняемаго съ 6-ю родственниками (тусевы).

Отъ женщины извѣстной развратнымъ поведеніемъ претензіи принимаются наравнѣ съ прочими.

За изнасилованіе незамужней женщины съ виновнаго взыскивается: въ пользу изнасилованной пахатное мѣсто, цѣна котораго не опредѣлена, и одинъ бычокъ, и штрафъ въ пользу джамаата—четыре быка. Сверхъ того виновный долженъ сдѣлать угощеніе всѣмъ родственникамъ изнасилованной.

Если обвиненіе взведено присягою родственниковъ женщины, то взыскивается только штрафъ и дѣлается угощеніе ея родственникамъ.

За изнасилованіе замужней женщины взыскивается штрафъ джамаату четыре быка и виновный удаляется изъ деревни.

Удаленный за изнасилованіе замужней женщины, хотя и не можетъ быть убитъ, какъ канлы по убійству, но до примиренія съ мужемъ изнасилованной не долженъ приходить въ свою деревню.

Если удаленный изъ деревни придетъ въ оную, то съ него взыскивается въ пользу джамаата два быка за каждый приходъ.

Когда мужъ изнасилованной согласится примириться съ изнасиловавшимъ, то послѣдній долженъ удовлетворить его по обоюдному условію и тогда можетъ возвратиться въ свою деревню.

За намѣреніе изнасиловать и за прикосновеніе къ женщинѣ взысканіе дѣлается тоже, какъ и за изнасилованіе. Но обвиненный въ намѣреніи изнасиловать незамужнюю женщину, если на ней не осталось никакихъ знаковъ насилія и обвиненіе подтверждено только присягою родственниковъ ея, платитъ только штрафъ джамаату два быка и дѣлаетъ угощеніе 15-ти родственникамъ обвинившей его.

За содѣйствіе изнасилованію взыскивается по одному быку въ пользу джамаата.

Адаты по разврату. Если кто застанетъ женщину въ прелюбодѣйной связи съ мужчиною, то болѣе никакихъ доказательствъ не требуется и съ обоихъ взыскивается штрафъ въ пользу джамаата по четыре быка, а если эта женщина замужняя, то мужчина, находящійся съ нею въ связи, сверхъ того подвергается отвѣтственности, опредѣленной за изнасилованіе замужней женщины.

Если незамужняя женщина сама сознается въ связи съ мужчиною, то отъ обвиняемаго ею требуется очистительная присяга хатунъ-талахъ съ 6-ю родственниками (тусевами).

Если-же сознавшаяся женщина, по освидѣтельствованіи ея черезъ женщинъ, окажется беременною, то взводимое ею обвиненіе подтверждается присягою хатунъ-талахъ семи ея родственниковъ (тусевовъ).

Съ отказавшагося принять очистительную присягу или обвиненнаго присягою родственниковъ взыскивается штрафъ четыре быка въ пользу джамаата.

Но если обвиненіе, сдѣланное самою женщиною, не будетъ доказано, то съ предъявившихъ жалобу ея родственниковъ взыскивается штрафъ въ пользу джамаата восемь быковъ.

По мужеложству съ насиліемъ требуется, чтобы изнасилованный огласилъ крикомъ сдѣланное надъ нимъ насиліе, и сверхъ того: или присяга хатунъ-талахъ семи родственниковъ (тусевовъ) изнасилованнаго, или очистительная присяга хатунъ-талахъ семи родственниковъ (тусевовъ) обвиняемаго.

За мужеложство съ насиліемъ съ виновнаго взыскивается штрафъ въ пользу джамаата два быка. Онъ дѣлается канлы родственниковъ изнасилованнаго и удаляется изъ деревни, какъ и за убійство. Но право мщенія принадлежитъ одному изнасилованному.

За намѣреніе изнасиловать взысканія не дѣлается.

За скотоложство взыскивается въ пользу хозяина скотины одна пара поршней, но тогда только, когда обвиненіе будетъ доказано присягою хатунъ-талахъ, или двухъ свидѣтелей, или одного свидѣтеля и хозяина скотины.

Адаты по воровству. Если хозяинъ уворованной вещи опознаетъ ее въ своей-же деревнѣ, то тотъ, у кого уворованное опознано, долженъ указать, отъ кого вещь эта ему досталась;

по указанію этому отыскивается виновный, какъ и по передачѣ айнамалъ-кагаза; айнамалъ-кагазъ-же выдается тогда только, когда при розыскѣ виновнаго окажется, что опознанная вещь пріобрѣтена изъ другой деревни, или когда уворованное опознано въ другомъ отселкѣ своей деревни.

Когда тотъ, у кого опознана вещь или у кого она находилась прежде, укажетъ, что она досталась ему отъ его односельца, а этотъ односелецъ откажется, что вещи этой у него не было и онъ ея не передавалъ, и если притомъ свидѣтелей къ обвиненію его нѣтъ, то отъ отказывающагося требуется очистительная присяга съ 6-ю ближайшими родственниками, кораномъ.

Обвиненіе по оставленной на мѣстѣ воровства вещи допускается какъ и по общимъ адатамъ; но для доказательства, что оставленная на мѣстѣ воровства вещь дѣйствительно принадлежитъ обвиняемому, требуется показаніе свидѣтелей, знающихъ эту вещь, за присягою хатунъ-талахъ.

Когда претензія предъявляется по одному подозрѣнію, то претендующій присягаетъ кораномъ съ слѣдующимъ числомъ ближайшихъ родственниковъ:

по воровству:	число родственниковъ:
одного барана	3.
двухъ —	4.
трехъ —	5.
четырехъ — и болѣе	6.
одного быка и эшака	7.
двухъ быковъ и эшаковъ и болѣе	12.
одной коровы	5.
двухъ коровъ	10.
трехъ — и болѣе	12.
лошадей, буйволовъ и катеровъ, безъ различія числа штукъ	12.
одного жеребенка, менѣе 3-хъ лѣтъ	6.
— теленка одного года	3.
— бычка двухъ лѣтъ	5.
— — трехъ —	6.
одной телки двухъ —	3.
— — трехъ —	5.
одного буйволенка одного года	5.
— — двухъ лѣтъ	6.
— — трехъ —	12.

По воровству другихъ предметовъ взыскивается по цѣнѣ уворованнаго, примѣняясь къ означенному выше числу.

Если потребована будетъ очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ такимъ-же числомъ родственниковъ; но когда претензія предъявлена лицомъ, подвергавшимся прежде взысканію за воровство, и очистительная присяга требуется потому, что претендующій присягнуть самъ не можетъ, то родственники для присяги требуются не ближайшіе, а тусевы.

Оцѣнка уворованныхъ вещей дѣлается на основаніи общихъ адатовъ, но родственники при присягѣ хозяина требуются не ближайшіе, а тусевы.

За воровство опредѣляется слѣдующее взысканіе:

1) Если уворованое найдено, возвращается вдвое, а за воровство барана вдесятеро.

2) Если взысканіе дѣлается по найденнымъ остаткамъ вещей, то дается одна вещь, подобная уворованной, по выбору, и другая одной цѣны съ уворованною.

3) Въ остальныхъ случаяхъ претендующему дается вещь, подобная уворованой, по выбору.

4) Деньги взыскиваются въ томъ-же количествѣ, какъ уворованы.

5) Рушпетъ платится виновнымъ на основаніи общаго на этотъ случай адата.

6) Во всѣхъ случаяхъ, если воровство сдѣлано со двора, то сверхъ всего, за приходъ вора во дворъ, въ пользу хозяина взыскивается одинъ бычокъ.

Штрафъ въ пользу джамаата взыскивается:
за воровство на сумму до 1 рубля — 2 быка, по 8 рублей.
— — — выше 1 — — — 4 — — — —

Подвергавшійся прежде взысканію за воровство получаетъ удовлетвореніе за уворованное у него наравнѣ съ прочими.

Кадій, карты, мангуши, тургаки, будуны и гаджіи, обвиненные въ воровствѣ, платятъ штрафъ вдвое.

Если воръ пойманъ на воровствѣ, то съ него взыскивается штрафъ въ пользу джамаата четыре быка и въ пользу поймавшаго его одинъ бычокъ. Если воръ для воровства приходилъ во дворъ, то и хозяину двора одинъ бычокъ, въ 3 рубля. Если вора поймалъ самъ хозяинъ двора, то получаетъ только одного бычка.

За покушеніе на воровство взыскивается (только тогда,

если покушавшійся на воровство приходилъ во дворъ) въ пользу хозяина одинъ бычокъ. Доказательствомъ покушенія на воровство можетъ служить оставленная вещь. Если-же никакихъ уликъ къ обвиненію нѣтъ, то отъ обвиняемаго требуется очистительная присяга хатунъ-талахъ съ 6-ю родственниками (тусевами).

За укрывательство вора и скрытіе уворованныхъ вещей съ виновнаго взыскивается штрафъ джамаату четыре быка; но если тотъ, у кого скрывались вещи, приметъ присягу хатунъ-талахъ, что онъ не зналъ, что вещи тѣ воровскія, то съ него никакого взысканія не дѣлается.

Если хозяинъ уворованнаго найдетъ вора, но, не объявивъ объ этомъ, получитъ съ него удовлетвореніе по обоюдному согласію, то онъ лишается права претендовать по этому воровству, а съ вора взыскивается штрафъ—четыре быка.

Обвиненный въ воровствѣ можетъ указать соучастниковъ, отъ которыхъ требуется очистительная присяга кораномъ съ 6-ю родственниками, ближайшими, и если они не очистятъ себя присягою, то подвергаются отвѣтственности наравнѣ съ воромъ.

Адаты по поджогамъ. Для доказательства претензій по поджогу претендующій присягаетъ съ женою или съ однимъ ближайшимъ родственникомъ, кораномъ.

Когда потребована будетъ очистительная присяга отъ отвѣтчика, то онъ присягаетъ кораномъ съ 12-ю ближайшими родственниками.

О цѣнѣ убытковъ претендующій упоминаетъ въ своей присягѣ; если-же требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, то предварительно претендующій объявляетъ безъ присяги о цѣнѣ убытковъ.

Обвиненный въ поджогѣ удовлетворяетъ хозяина сгорѣвшаго имущества на основаніи общихъ адатовъ по поджогу.

Сверхъ того съ него взыскивается штрафъ въ пользу джамаата четыре быка; но если обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію, то штрафъ не берется.

Хозяинъ, отъ неосторожности котораго произошелъ пожаръ въ его-же домѣ, отвѣчаетъ за всѣ убытки, если отъ этого пожара сгорятъ имущество сосѣдей.

Хозяинъ дома отвѣчаетъ за сгорѣвшія въ его домѣ чужія вещи, если причина пожара не зависѣла отъ хозяина и поджогъ сдѣланъ другимъ; если-же поджогъ произошелъ по неосторожно-

сти того, у кого были чужія вещи, или членовъ его семейства, то дѣло разбирается по шаріату.

Адаты по порчамъ чужого имущества. Если порча сдѣлана тайно, то для подтвержденія обвиненія требуется присяга претендующаго кораномъ:

при порчѣ до 1 рубля съ 3-мя ближайшими родственниками.
— 2 руб. — 6-ю — — —
— 3 — — 9-ю — — —
— 4 — и болѣе — 12-ю — — —

Когда требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ кораномъ съ тѣмъ-же числомъ родственниковъ.

Оцѣнка порчи опредѣляется двумя посторонними лицами, назначаемыми отъ джамаата, безъ присяги. Послѣ этого хозяинъ подтверждаетъ присягою кораномъ, съ женою или съ однимъ ближайшимъ родственникомъ, что дѣйствительно порча стоитъ столько, во сколько оцѣнена назначенными отъ джамаата лицами.

Обвиненный удовлетворяетъ за порчу хозяина по цѣнѣ и сверхъ того съ него взыскивается штрафъ въ пользу джамаата: за порчу до 1 рубля одинъ быкъ, а свыше 1 рубля два быка; но при обвиненіи по одному подозрѣнію и за неумышленную порчу штрафъ не берется.

За порчу, сдѣланную въ мечети, мельницѣ, гумнѣ и на пашнѣ (кромѣ потравы), какъ убытокъ, такъ и штрафъ, взыскиваются вдвое и сверхъ того тургакамъ всего округа 14-ть котловъ, по 2 рубля.

Если кто ранитъ или инымъ образомъ испортитъ чужую скотину, то скотина эта отдается испортившему, а онъ долженъ дать хозяину другую такую-же скотину, по выбору самого хозяина.

Если кто обрѣжетъ хвостъ или гриву у чужой лошади, то въ пользу хозяина взыскивается одинъ бычокъ; если хвостъ обрѣзанъ у другой скотины, то взыскивается, или одинъ баранъ, или 1 рубль, или 4 сабы пшеницы. Если-же при этомъ обрѣзана кожа, то взысканіе дѣлается какъ за покалѣніе. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, взыскивается и штрафъ въ пользу джамаата — одинъ быкъ, если только обвиненіе сдѣлано не по одному подозрѣнію.

За намѣреніе сдѣлать порчу никакого взысканія не полагается.

За порчу скотины или вещи, взятой для пользованія за плату, разборъ дѣлается по шаріату.

За потраву, хозяину дѣлается вознагражденіе въ половину противъ сдѣланной оцѣнки и дается одинъ трехъ-годовалый бычокъ; кромѣ того взыскивается штрафъ въ пользу джамаата, одинъ быкъ.

За неумышленную потраву, а также когда обвиненіе сдѣлано присягою истца по подозрѣнію, хозяинъ получаетъ только вознагражденіе въ половину противъ оцѣнки, а штрафъ не берется. Но если скотина задержана на пашнѣ, то въ пользу тургаковъ взыскивается штрафъ два серпа, сверхъ удовлетворенія хозяина.

Если скотина зайдетъ на покосное мѣсто, то взыскивается съ хозяина скотины, а если она принадлежитъ нѣсколькимъ хозяевамъ, то съ каждаго хозяина, штрафъ въ пользу джамаата по 3 рубля, или по одному бычку, хотя-бы скотина и не была умышленно выгнана на покосы.

Для предупрѣжденія потравъ установлены слѣдующіе адаты:

1) Никому не дозволяется держать въ деревнѣ болѣе одного барана или одного козла; если-же кто будетъ держать больше этого, то тургаки имѣютъ право зарѣзать.

2) Въ то время, когда лошади и скотъ всего селенія ходятъ вмѣстѣ, въ деревнѣ дозволяется держать только жеребцовъ, рабочую скотину и каждому хозяину одного эшака. Ели-же будетъ другая скотина не выгнана въ стадо, то за каждый день взыскивается въ пользу тургаковъ 2 серпа, по 20 копѣекъ, со всей принадлежащей одному хозяину скотины.

За рубку лѣса безъ дозволенія кадія и картовъ взыскивается штрафъ въ пользу джамаата одинъ быкъ.

Адаты по потерямъ и находкамъ вещей. Для доказательства принадлежности найденной вещи требуется присяга хатунъталахъ свидѣтелей, а если свидѣтель одинъ, то присяга свидѣтеля и самого претендующаго; безъ свидѣтелей-же претензія не принимается.

По претензіямъ объ утайкѣ потерянной вещи требуются также свидѣтели, но если претензія предъявлена по одному подозрѣнію, то очистительная присяга отъ обвиняемаго требуется съ такимъ числомъ ближайшихъ родственниковъ, какое опредѣлено по воровству.

Адаты по гражданскимъ искамъ и спорамъ. По спорамъ, возникающимъ относительно подарковъ, дѣлаемыхъ женихомъ

невѣстѣ и невѣстою родственникамъ жениха, если послѣ помолвки бракъ не состоится, существуютъ слѣдующіе адаты:

1) Если причиною несостоявшагося брака былъ женихъ, то онъ долженъ возвратить невѣстѣ подарки, сдѣланные ею родственникамъ его; подарки-же, сдѣланные имъ невѣстѣ, остаются у нея и сверхъ того въ пользу джамаата съ него взыскивается одинъ быкъ въ 8 рублей.

2) Если-же бракъ не состоялся по причинамъ со стороны невѣсты, то она подвергается такому-же взысканію и возвращаетъ подарокъ вдвое.

3) Если женихъ объявитъ, что кромѣ подарковъ, сдѣланныхъ имъ невѣстѣ при посторонихъ людяхъ, онъ дѣлалъ ей еще другіе подарки, то требуется очистительная присяга отца и матери невѣсты, причемъ отецъ присягаетъ хатунъ-талахъ; если-же у невѣсты нѣтъ родителей, то она присягаетъ съ двумя ближайшими родственниками.

4) По претензіямъ этого рода, взводимымъ невѣстою на жениха, требуется такимъ-же порядкомъ очистительная присяга жениха.

Адаты Мугинскаго общества.

Предъявленіе претензій. Согласившіеся на разборъ претензіи по маслаату не могутъ требовать разбора ея по адату, если уже назначены лица для маслаатскаго разбора.

Претензіи по подозрѣнію не допускаются только на кадія и будуновъ.

Претензіи по подозрѣнію между членами двухъ семействъ, состоящихъ въ кровной враждѣ, не допускаются только по воровству *).

Не допускается раньше года претензія по подозрѣнію прежде обвиненнаго на обвинившаго; взводившій-же прежде претензію по подозрѣнію можетъ и раньше года предъявить новую претензію на того-же.

Претензіи по воровству, поджогу, порчѣ имущества и утай-

*) Въ числѣ членовъ семейства, не могущихъ претендовать по подозрѣнію въ воровствѣ, считаются только родители, дѣти, братья и сестры. Присяга въ томъ, что претензія взводится не по враждѣ, ни въ какихъ случаяхъ не требуется.

ѣ найденной вещи, взводимые, за смертію обвиняемаго, на наслѣдниковъ, по однимъ подозрѣніямъ, не допускаются.

Присяга. Если тотъ, кто долженъ присягнуть хатунъ-талахъ, не можетъ или далъ обѣтъ никогда не принимать этой присяги, то присягаетъ кораномъ; но съ истцомъ и отвѣтчикомъ, когда они женаты, но не могутъ присягнуть хатунъ-талахъ по обѣту, присягаетъ одинъ ближайшій женатый родственникъ, независимо отъ тѣхъ родственниковъ, которые вообще требуются при присягѣ.

За ложную присягу взыскивается съ виновнаго штрафъ въ пользу джамаата одинъ быкъ, въ 4 рубля.

По претензіямъ на женщинъ допускается или присяга истца, или очистительная присяга, какъ и по претензіямъ на прочихъ лицъ.

Отъ лицъ, давшихъ обѣтъ никогда не присягать, очистительная присяга никогда не требуется; но если претендующій, на основаніи адатовъ, не можетъ быть допущенъ къ присягѣ, то для подтвержденія претензіи своей онъ долженъ представить свидѣтелей или другія доказательства.

Вдовы, разведенныя и совершеннолѣтнія дѣвицы присягаютъ сами, а за замужнихъ женщинъ присягаетъ мужъ. За малолѣтнихъ, безумныхъ и сумасшедшихъ присягаетъ ближайшій родственникъ; но малолѣтній отвѣтчикъ, достигшій 7 лѣтъ, вмѣстѣ съ присягающимъ за него родственникомъ, присягаетъ и самъ.

Когда требуется засвидѣтельствовать случай, произшедшій въ полѣ или на мельницѣ, то достаточно подтвержденіе безъ присяги одного свидѣтеля—мужчины, женщины или и несовершеннолѣтняго.

Свидѣтели должны быть жителями той деревни, къ которой принадлежатъ тяжущіеся, или отселковъ той деревни.

Женщины допускаются также въ свидѣтели по претензіямъ объ изнасилованіи; по этимъ претензіямъ признается достаточнымъ показаніе одной женщины, безъ присяги.

Показаніе кадія, безъ присяги, по всѣмъ дѣламъ считается наравнѣ съ показаніемъ двухъ свидѣтелей за присягою.

Когда представленные отвѣтчикомъ свидѣтели не приняты, то другіе свидѣтели вмѣсто ихъ не допускаются, а требуется очистительная присяга отвѣтчика.

Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ томъ, когда свидѣтели въ назначенный день не явились или оказались подкупленными,

претендующій не теряетъ права объявить обвиненіе по тому-же дѣлу на другого; но это допускается только по тѣмъ дѣламъ, по которымъ, на основаніи общихъ даргинскихъ адатовъ, обвиненіе можетъ переходить на нѣсколькихъ.

Когда для присяги требуется менѣе 12-ти родственниковъ, то всѣ они должны быть со стороны отца; если-же 12 или болѣе, то требуется ихъ поровну со стороны отца и матери, но только при условіи, чтобы мать присягающаго была не уроженка другой деревни. Женщины для присяги въ числѣ родственниковъ не допускаются.

Не требуются вовсе къ присягѣ, кромѣ родственниковъ, означенныхъ въ общихъ адатахъ, еще и родственники, отсутствующіе изъ своего общества, если мѣсто нахожденія ихъ неизвѣстно.

Родственники, переселившіеся въ другую деревню (ближе границъ, означенныхъ при исчисленіи общаго на такой случай адата*), если они родились въ той деревнѣ, откуда присягающій, требуются къ присягѣ наравнѣ съ состоящими налицо.

Порядокъ удовлетворенія претензій и платежа взысканій, налагаемыхъ на обвиненныхъ. Когда истцу предоставляется получить вещь по выбору, то для этого выбираются три вещи у жителей всего селенія, гдѣ живетъ отвѣтчикъ, и изъ этихъ трехъ истецъ беретъ одну.

Для опредѣленія вознагражденія за порчу назначаются каіемъ два человѣка, знавшіе прежде испорченную вещь, которые и оцѣниваютъ порчу безъ присяги.

При несостоятельности обвиненнаго платятъ сперва родители, братья и сестры его. Когда имущества ихъ окажется недостаточно, то требуется отъ нихъ присяга хатунъ-талахъ, въ томъ, что болѣе у нихъ нѣтъ никакого имущества, и для платежа назначаются 10 ближайшихъ родственниковъ, по 5 со стороны отца и со стороны матери, съ которыхъ взыскивается по одному быку, въ 10 рублей каждый. Если сумма эта окажется недостаточною, то назначаются такимъ-же порядкомъ слѣдующіе 10 родственниковъ, и какъ съ нихъ, такъ и съ заплатившихъ прежде, взыскивается опять по одному быку; потомъ, если то нужно, прибавляется еще 10 родственниковъ и вновь взыскивается по одному быку уже со всѣхъ 30-ти, и т. д., прибавляя по 10 родственниковъ, пока не пополнится все взысканіе.

---

*) См. стр. 9.

Родственники не могутъ требовать возврата уплаченнаго ими, хотя-бы несостоятельный впослѣдствіи и пріобрѣлъ имущество.

Адаты по убійству. Въ убійствѣ обвиняются всѣ дѣйствительно участвовавшіе, но не болѣе числа ранъ, оказавшихся на убитомъ; если-же при убійствѣ не было постороннихъ, которые могли-бы указать виновныхъ, и сами убійцы не сознаются, то обвиняется только одинъ.

Для обвиненія въ убійствѣ требуется или собственное сознаніе виновнаго, или показаніе одного свидѣтеля безъ присяги; если-же виновный самъ не сознался и если при убійствѣ не было постороннихъ свидѣтелей, то допускается обвиненіе присягою претендующаго съ 6-ю родственниками, кораномъ.

Умирающій отъ раны присягаетъ также съ 6-ю родственниками. Показаніе умирающаго допускается въ тѣхъ-же случаяхъ, какъ и присяга претендующаго за кровь.

Если при убійствѣ не было постороннихъ свидѣтелей и виновный не сознался, но смертельно-раненый самъ указалъ убійцу и, не присягнувъ, умеръ, то претендующій за кровь его родственникъ можетъ предъявить претензію только на обвиненнаго умершимъ.

Обвиненіе по одному подозрѣнію взводится также присягою претендующаго.

Когда вмѣсто присяги претендующаго потребована очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ 12-ю родственниками хатунъ-талахъ.

Убійство ни въ какомъ случаѣ не считается *кара*.

Обвиненный въ убійствѣ дѣлается канлы одинъ; малъ-канлы не назначаются.

Съ обвиненнаго взыскивается: алумъ (наслѣдникамъ убитаго): два лучшихъ быка и 14 кары бязи; родственникамъ убитаго, не получающимъ алума, если только они не сдѣлаютъ убійцѣ никакого вреда и оскорбленія,—на 8 рублей вещей или деньгами.

Если убійца старался скрыть свое преступленіе и обвиненъ онъ не присягою претендующаго, а показаніемъ свидѣтелей, или потому что онъ самъ отказался, или-же кто изъ родственниковъ его, принять очистительную присягу, то сверхъ алума у него берется въ пользу наслѣдниковъ убитаго пахатное мѣсто въ 40 рублей.

Если въ убійствѣ обвинено нѣсколько человѣкъ, то всѣ они дѣлаются канлы; но опредѣленное выше взысканіе платятъ всѣ сообща, въ томъ-же размѣрѣ.

За убійство однимъ нѣсколькихъ человѣкъ, съ убійцы взыскивается алумъ и проч. полностію, за каждаго убитаго порознь, и убійца всѣмъ родственникамъ убитаго дѣлается канлы.

Обвиняемый присягою претендующаго по подозрѣнію можетъ самъ объявить подозрѣніе въ томъ-же убійствѣ на другого, какъ по подозрѣнію вообще, и отъ того, на кого онъ объявитъ подозрѣніе, требуется очистительная присяга съ 12-ю родственниками хатунъ-талахъ; но послѣ этой присяги подозрѣніе на другого уже не допускается, а виновнымъ признается тотъ, на котораго присягнулъ претендующій.

Адаты относительно канлы тѣ-же, что и въ Микахинскомъ обществѣ, съ нижеслѣдующими измѣненіями:

Если канлы придетъ въ свою деревню или отселокъ ея и родственники убитаго окружатъ домъ, гдѣ онъ укрылся, но убить его посторонніе не допустятъ, то съ него взыскивается одинъ быкъ родственникамъ убитаго.

Если кто изъ жителей той деревни, гдѣ живетъ канлы, будетъ содѣйствовать убійству его, то домъ его разоряется.

Если-же кто изъ жителей самъ убьетъ канлы по подговору или подкупу кровомстителей, то сверхъ обыкновенной отвѣтственности за убійство и наказанія, опредѣленнаго за содѣйствіе къ убійству, съ него взыскивается одинъ быкъ хозяину дома, гдѣ жилъ канлы.

По смерти канлы, если она послѣдовала не отъ кровомщенія, родственники его должны дать родственникамъ убитаго имъ одного быка, въ 12 рублей, за дозволеніе перевезти тѣло его для погребенія въ свою деревню.

Если-же канлы будетъ убитъ по кровомщенію, то быкъ не дается, и сверхъ того убійцы должны возвратить родственникамъ убитаго алумъ, взысканный съ него при удаленіи съ мѣста жительства.

Адаты по нанесенію. Относительно обвиненій по нанесенію существуютъ тѣ-же адаты, какъ и по убійству, но раненый присягаетъ безъ родственниковъ, кораномъ.

Собственное сознаніе виновнаго принимается только въ томъ случаѣ, когда сознающійся неизвѣстенъ въ дурномъ поведеніи.

Очистительная присяга требуется отъ обвиняемаго съ 6 родственниками хатунъ-талахъ.

За нанесеніе раны взыскивается штрафъ въ пользу джамаата 10 рублей; по излѣченіи раны, ранившій дѣлаетъ угощеніе раненому, съ родственниками его, число которыхъ опредѣляетъ лѣчившій рану.

Рана лѣчится на счетъ виновнаго.

Если одинъ нанесетъ раны нѣсколькимъ лицамъ въ одно время, то онъ платитъ тотъ-же штрафъ и лѣчитъ всѣхъ раненыхъ, а по излѣченіи ранъ каждому дѣлаетъ угощеніе съ родственниками.

За неумышленное покалѣченіе штрафъ взыскивается въ половинномъ количествѣ и число родственниковъ при угощеніи должно быть вдвое меньше.

Не подвергается взысканію за покалѣченіе тургакъ, если при исполненіи имъ своей обязанности онъ встрѣтитъ сопротивленіе и въ произшедшей отъ этого дракѣ ранитъ кого-нибудь.

При обоюдномъ покалѣченіи, штрафъ, опредѣленный за покалѣченіе, взыскивается, хотя-бы раненые и не претендовали другъ на друга за покалѣченіе.

Штрафъ за покалѣченіе взыскивается вдвое: 1) за покалѣченіе въ мечети и на кладбищѣ; 2) за покалѣченіе тургака при исполненіи имъ своей обязанности.

За покалѣченіе женщины, опредѣленное за покалѣченіе взысканіе дѣлается на половину, а за неумышленное покалѣченіе—четвертая часть.

Адаты по ссорамъ, дракамъ и побоямъ. За побои женщинѣ, если не она первая начала драку, нанесшій побои долженъ заплатить ей отъ 1 до 2 руб.

За выстрѣлъ въ ссорѣ никакого взысканія не положено; но если выстрѣлъ сдѣланъ изъ засады, то взыскивается въ пользу того, по кому сдѣланъ выстрѣлъ, 10 рублей.

Если-же изъ засады стрѣляли нѣсколько человѣкъ и однимъ изъ нихъ учинено убійство или покалѣченіе, то прочіе за стрѣльбу никакому взысканію не подвергаются.

За нанесеніе побоевъ кадію, карту, мангушу, тургаку и будуну, при исполненіи ими своихъ обязанностей, хотя-бы и они первые начали драку, взыскивается штрафъ въ пользу джамаата одинъ быкъ, въ 10 рублей.

Адаты по увозу женщинъ. За увозъ дѣвицы, вдовы и раз-

веденной съ мужемъ, по обоюдному согласію, взыскивается: штрафъ въ пользу джамаата съ обоихъ по 12 рублей и сверхъ того съ увезшаго родственникамъ увезенной 8 рублей; самъ увезшій дѣлается канлы ихъ и удаляется изъ деревни, а увезенная возвращается.

За насильственный увозъ, съ увезенной штрафъ не взыскивается; увезшій-же подвергается тому-же взысканію, какъ и за увозъ по согласію. Но если родственники насильно увезенной согласятся на бракъ ея съ увезшимъ, то и съ нея взыскивается штрафъ.

Канлы по увозу незамужнихъ женщинъ не подвергаются кровомщенію, но до примиренія не должны входить въ свою деревню. За нарушеніе этого адата взыскивается по одному быку, въ 8 рублей, въ пользу родственниковъ увезенной за каждый приходъ.

За увозъ замужней женщины, по ея согласію: 1) взыскивается съ обоихъ штрафъ по 12 рублей, 2) имѣніе жены поступаетъ въ собственность мужа и 3) оба дѣлаются канлы мужа и родственниковъ увезенной и подвергаются преслѣдованію ихъ, какъ по убійству.

Если мужъ возвратитъ къ себѣ жену, то увезшій можетъ возвратиться въ свою деревню и безъ примиренія съ мужемъ и родственниками; но смерть одного изъ канлы не освобождаетъ другого канлы отъ преслѣдованія.

Если увезшій укроется съ увезенною въ той-же деревнѣ, въ чужомъ домѣ, и хозяинъ дома дозволитъ имъ остаться вмѣстѣ и не разведетъ ихъ по разнымъ саклямъ, то съ хозяина взыскивается штрафъ одинъ быкъ, въ 4 рубля, въ пользу джамаата.

За содѣйствіе къ увозу женщины взыскивается по одному быку въ пользу джамаата съ каждаго содѣйствовавшаго.

Если незамужняя женщина сама бѣжитъ къ мужчинѣ, то, кромѣ штрафа, ни она, ни мужчина никакому взысканію не подвергаются.

Адаты по изнасилованію женщинъ. Для доказательства насплія требуется, чтобы женщина огласила крикомъ сдѣланное надъ нею насиліе. Если-же насиліе надъ женщиною сдѣлано не въ деревнѣ, а также хотя и въ деревнѣ, но въ ночное время, то долженъ быть одинъ свидѣтель, показаніе котораго принимается безъ присяги; если-же свидѣтеля нѣтъ, то отъ обвиняемаго требуется очистительная присяга, съ двумя родственниками, хатунъ-талахъ.

По изнасилованію ночью принимается также за доказательство, когда у женщины останется какая-нибудь вещь изнасиловавшаго и посторонніи лица подтвердятъ, что вещь эта принадлежитъ обвиняемому.

Отъ женщины извѣстной развратнымъ поведеніемъ претензія по изнасилованію принимается наравнѣ съ прочими.

За изнасилованіе женщины и за намѣреніе изнасиловать, а равно за прикосновеніе къ ней, виновный подвергается той-же отвѣтственности, какъ и за насильственный увозъ.

За содѣйствіе къ изнасилованію женщины, взыскивается по одному быку въ пользу джамаата съ каждаго содѣйствовавшаго.

Адаты по разврату. По связи съ женщиною обвиненіе взводится какъ по изнасилованію въ ночное время и внѣ деревни, а если незамужняя женщина забеременѣетъ, то показаніе ея принимается безъ всякихъ доказательствъ.

Взысканіе за связь опредѣляется какъ и за увозъ по обоюдному согласію.

По мужеложству былъ только одинъ случай: обвиненіе въ мужеложствѣ съ насиліемъ подтверждено было показаніемъ одного свидѣтеля, безъ присяги; съ виновнаго взысканъ въ пользу родственниковъ изнасилованнаго одинъ быкъ и самъ онъ признанъ канлы, какъ за убійство.

Адаты по воровству. Если хозяинъ уворованной вещи опознаетъ ее въ своей-же деревнѣ, то тотъ, у кого уворованное опознано, долженъ указать, отъ кого вещь эта ему досталась; по указанію этому отыскивается виновный, какъ и по передачѣ айнамалъ-кагаза; этотъ-же послѣдній дается тогда только, когда при розыскѣ виновнаго окажется, что опознанная вещь пріобрѣтена изъ другой деревни, или когда уворованное опознано въ другомъ отселкѣ своей деревни.

Если одинъ изъ владѣвшихъ вещью укажетъ, что она ему досталась отъ его односельца, односелецъ-же этотъ покажетъ, что вещи этой у него не было и онъ ее не передавалъ, то требуется присяга двухъ свидѣтелей хатунъ-талахъ, а если свидѣтель одинъ, то онъ присягаетъ съ двумя родственниками и вмѣстѣ съ нимъ присягаетъ самъ указывающій; если-же свидѣтелей вовсе нѣтъ, то отъ отказывающагося требуется очистительная присяга съ шестью родственниками хатунъ-талахъ.

Когда хозяинъ дома, у котораго при обыскѣ найдено будетъ во дворѣ что-нибудь изъ уворованныхъ вещей, объявитъ,

что вещи тѣ подброшены, то разборъ дѣлается на основаніи, указанномъ на такой случай въ общихъ адатахъ, съ тою только разницею, что требующуюся при этомъ присягу претендующій принимаетъ съ тремя родственниками кораномъ; но если хозяинъ двора объявитъ, что вещь подброшена кѣмъ-нибудь изъ пришедшихъ для обыска, то отъ обвиняемаго въ этомъ требуется очистительная присяга съ двумя родственниками хатунъ-талахъ.

Когда претензія предъявляется по одному подозрѣнію, то претендующій присягаетъ съ тремя родственниками кораномъ.

Очистительная присяга отъ обвиняемаго требуется съ 6-ю родственниками хатунъ талахъ.

Подвергавшійся прежде взысканію за воровство по взводимымъ имъ претензіямъ можетъ присягать наравнѣ съ прочими.

Когда претензія по подозрѣнію предъявляется на того, кто прежде не былъ замѣченъ въ воровствѣ, то присяга претендующаго не допускается, а всегда требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, но въ такомъ случаѣ съ нимъ должны присягнуть, кромѣ родственниковъ, и два ближайшіе сосѣда *).

За воровство опредѣляется слѣдующее взысканіе:

1) Если уворованное найдено, то возвращается; если-же не найдено, то въ пользу истца взыскивается вещь, подобная уворованной, по выбору.

2) Сверхъ того въ обоихъ случаяхъ истецъ получаетъ отъ обвиняемаго: если воровство сдѣлано на сумму 30 рублей и болѣе—еще одну вещь, такую-же, какъ и уворованная; если воровство сдѣлано на сумму менѣе 30 рублей, то въ 9 разъ противъ уворованнаго.

3) Если для воровства была отворена дверь, или ворота, черезъ которыя воръ прошелъ, то сверхъ всего взыскивается еще въ пользу хозяина три барана.

4) Когда обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію присягою претендующаго, то въ пользу его взыскивается по его выбору вещь, подобная уворованной.

Штрафъ за воровство въ пользу джамаата взыскивается три быка, по 4 рубля; но при обвиненіи по одному подозрѣнію штрафъ не берется.

За воровство изъ мечети, если обвиненіе сдѣлано не по

*) Сосѣди должны быть женатые и не состоящіе въ родствѣ или враждѣ съ претендующимъ или обвиняемымъ.

одному подозрѣнію, сверхъ означеннаго взысканія, домъ виновнаго сожигается.

Подвергавшійся прежде взысканію за воровство получаетъ удовлетвореніе за уворованное у него наравнѣ съ прочими.

Если воръ пойманъ на мѣстѣ, то съ него взыскивается штрафъ въ пользу джамаата, какъ за воровство; въ пользу поймавшаго взыскивается съ вора одинъ быкъ, въ 4 рубля, и сверхъ того, если онъ приходилъ во дворъ, то подвергается взысканію въ пользу хозяина трехъ барановъ.

Если воръ не пойманъ, но оставилъ свою вещь, то съ него взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство, хотя-бы воровство и не было сдѣлано, а если онъ оставилъ вещь въ домѣ или во дворѣ, то въ пользу хозяина дома взыскивается съ вора три барана.

За покушеніе на воровство, если въ этомъ покушеніи воръ не уличенъ оставленною вещью, никакого взысканія не дѣлается.

За взломъ при воровствѣ и при покушеніи на воровство опредѣляется тоже взысканіе, какъ и за открытіе дверей въ домѣ, но только тогда, когда вина будетъ доказана.

За укрывательство вора, а также если кто зналъ, кѣмъ воровство сдѣлано, но не объявилъ объ атомъ, взысканіе не опредѣлено.

За сокрытіе уворованныхъ вещей взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство; но если скрывавшій уворованныя вещи очиститъ себя присягою хатунъ-талахъ (безъ родственниковъ), въ томъ, что онъ не зналъ, что вещи тѣ уворованы, то никакому взысканію не подвергается.

За полученіе съ вора удовлетворенія безъ вѣдома джамаата взысканіе не опредѣлено.

Обвиненный въ воровствѣ можетъ указать соучастниковъ, отъ которыхъ требуется очистительная присяга, какъ по обвиненію въ воровствѣ; не присягнувшіе отвѣчаютъ наравнѣ съ воромъ.

Адаты по поджогамъ. Для доказательства претензіи по поджогу претендующій присягаетъ съ 3-мя родственниками кораномъ.

Когда потребована будетъ очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ 6-ю родственниками хатунъ-талахъ.

О цѣнѣ убытковъ претендующій присягаетъ съ 6-ю родственниками хатунъ-талахъ.

Обвиненный въ поджогѣ удовлетворяетъ хозяина сгорѣвшаго имущества: за убытки на сумму 30 рублей и болѣе — вдвое; при убыткѣ меньше этой суммы—вдесятеро. Сверхъ того съ него взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство.

При неумышленномъ поджогѣ удовлетвореніе опредѣляется по шаріату.

Адаты по порчамъ чужого имущества. Для доказательства претензіи требуются свидѣтели, которые присягаютъ хатунъ-талахъ, а когда свидѣтелей нѣтъ, то претендующій присягаетъ съ тремя родственниками съ отцовской стороны кораномъ.

Очистительная присяга отъ обвиняемаго требуется также съ тремя родственниками съ отцовской стороны хатунъ-талахъ.

Оцѣнка порчи опредѣляется двумя постороннимп лицами, безъ присяги, и по этой оцѣнкѣ удовлетворяется претендующій *).

За порчу въ мечети, на мельницѣ, гумнѣ и пашнѣ (кромѣ потравы) убытокъ взыскивается вдвое (кромѣ порчи жернововъ на мельницѣ, за что взыскивается вдесятеро). Сверхъ того берется штрафъ въ пользу тургаковъ всего округа—14 котловъ, по 2 рубля.

Если кто ранитъ или испортитъ чужую скотину или обрѣжетъ у нея хвостъ или гриву, то испорченная скотина отдается испортившему, а на его счетъ хозяинъ беретъ одну по выбору.

Если-же обвиненіе въ порчѣ скотины сдѣлано по одному подозрѣнію присягою претендующаго, то съ обвиненнаго взыскивается въ пользу хозяина скотины: за порчу лошади одинъ быкъ, въ 10 рублей; за порчу всякой другой скотины котелъ, въ 2 рубля.

За потраву удовлетвореніе дѣлается по оцѣнкѣ.

Если чужая скотина будетъ задержана на посѣвѣ или покосѣ ночью, то отъ хозяина ея требуется очистительная присяга хатунъ-талахъ въ томъ, что скотина неумышленно пущена на посѣвы; если-же онъ не присягнетъ, то, сверхъ удовлетворенія по оцѣнкѣ, взыскивается въ пользу хозяина посѣва или покоса 4 рубля.

Для предупрежденія потравъ установлены слѣдующіе адаты:

1) Съ послѣдняго мѣсяца весны до половины осени, въ

*) Штрафъ за порчу чужого имущества не опредѣленъ.

деревнѣ не дозволяется держать никому изъ хозяевъ болѣе одного барана, въ противномъ случаѣ тургаки имѣютъ право зарѣзать невыгнанныхъ барановъ.

2) За невыгонъ втеченіи того-же времени въ стадо скотины взыскивается за каждый день по одному серпу, въ 20 копѣекъ, въ пользу тургаковъ, но рабочую скотину дозволяется держать въ деревнѣ, а также и лошадь, 1 день.

Адаты по потерямъ и находкамъ. Для доказательства утайки найденной вещи требуются свидѣтели безъ присяги, а если свидѣтель одинъ, то присягаетъ хатунъ-талахъ. Когда-же претензія предъявляется по одному подозрѣнію, то отъ обвиняемаго требуется очистительная присяга съ двумя родственниками хатунъ-талахъ.

Для удостовѣренія, что вещи найдены въ такомъ видѣ и въ такомъ количествѣ, въ какомъ представлены отъ нашедшаго, требуется очистительная присяга хатунъ-талахъ безъ родственниковъ.

За утайку найденной чужой вещи взыскивается только штрафъ въ пользу джамаата 4 рубля.

Адаты по искамъ и спорамъ. При разборѣ дѣлъ по искамъ и спорамъ очистительная присяга отъ отвѣтчика требуется съ 6-ю родственниками хатунъ-талахъ.

По спорамъ, возникающимъ относительно подарковъ, дѣлаемыхъ женихомъ невѣстѣ и невѣстою родственникамъ жениха, установлены слѣдующіе адаты:

1) Когда причиною несостоявшагося брака былъ женихъ, то онъ долженъ возвратить невѣстѣ полученные отъ нея подарки; сдѣланные-же имъ невѣстѣ подарки остаются у нея.

2) Если бракъ не состоялся по несогласію невѣсты, то она должна возвратить полученные отъ жениха подарки вдвое, а ея подарки женихомъ не возвращаются.

3) Сверхъ того тотъ изъ нихъ, кто былъ причиною размолвки, платитъ штрафъ въ пользу джамаата три быка, по 4 рубля.

4) Если женихъ откажется отъ брака по развратному поведенію невѣсты, то бракъ считается несостоявшимся по винѣ невѣсты. Обвиненіе это женихъ долженъ подтвердить показаніемъ одного свидѣтеля безъ присяги.

5) При спорѣ относительно количества подарковъ, которые должны быть возвращены, требуется присяга хатунъ-талахъ отъ того, кто, по обычаю, передаетъ подарки, а безъ такого подтвержденія претензія не принимается.

Адаты Сиргинскаго общества.

Предъявленіе претензіи. Въ порядкѣ предъявленія претензіи примѣняются общіе даргинскіе адаты, съ тою лишь разницею, что:

1) претензія принимается по одному подозрѣнію на всякаго, и

2) подозрѣніе можетъ быть взведено въ одно время только на одного, но по воровству скотины въ одно время можетъ быть заподозрѣно столько человѣкъ, сколько штукъ скота уворовано.

Присяга. Если тотъ, кто долженъ присягнуть, женатъ, то всегда присягаетъ хатунъ-талахъ, а если неженатъ, то — кораномъ *).

По подозрѣніямъ на женщинъ допускается или присяга претендующаго, или очистительная присяга отвѣтчицы, какъ и по претензіямъ на прочихъ лицъ.

Когда претензія по подозрѣнію взведена была на одного и отъ него потребована очистительная присяга, то при объявленіи подозрѣнія на другихъ претендующій можетъ или потребовать очистительную присягу отъ подозрѣвавшаго, или-же самъ присягнуть, если нѣтъ другихъ причинъ, по которымъ-бы онъ не могъ быть допущенъ къ присягѣ.

Отъ лицъ, давшихъ обѣтъ никогда не присягать, очистительная присяга никогда не требуется, а если претендующій на основаніи адатовъ не можетъ быть допущенъ къ присягѣ, то для подтвержденія претензіи своей долженъ представить свидѣтелей или другія доказательства.

Женщины присягаютъ сами, кораномъ; но когда онѣ присягаютъ, какъ претендующія или отвѣтчицы, то мужъ, или ближайшій родственникъ, подтверждаетъ присягу эту своею присягою хатунъ-талахъ. Если присяга должна быть съ родственниками, то въ числѣ родственниковъ присягнувшій уже мужъ или родственникъ присягаетъ вторично. За малолѣтнихъ, безумныхъ и сумасшедшихъ присягаетъ ближайшій родственникъ. Но малолѣтній отвѣтчикъ, достигшій 7-и лѣтъ, вмѣстѣ съ присягающимъ за него родственникомъ, присягаетъ и самъ.

Когда больше одного свидѣтеля нѣтъ, но свидѣтель этотъ

---

*) Давшихъ обѣтъ не присягать хатунъ-талахъ и присягающихъ кораномъ, въ обществѣ нѣтъ.

женатъ или былъ женатъ, но овдовѣлъ или развелся съ женою, то присягаетъ одинъ, безъ родственниковъ, и болѣе доказательствъ не требуется; если-же онъ не былъ женатъ, то съ нимъ присягаетъ одинъ женатый родственникъ его хатунъ-талахъ.

Свидѣтели должны быть жители той деревни, къ которой принадлежатъ тяжущіеся, или-же жители отселковъ этой деревни.

Женщины въ свидѣтели допускаются только тогда, когда одинъ свидѣтель есть неженатый мужчина. Въ такомъ случаѣ двѣ женщины считаются за одного свидѣтеля.

Лица, давшія обѣтъ не присагать, въ свидѣтели принимаются, и показаніе ихъ безъ присяги считается наравнѣ съ присяжнымъ показаніемъ.

По воровству, грабежу, поджогамъ и порчѣ, если претензія предъявлена за смертію обвиняемаго на наслѣдниковъ, свидѣтели не допускаются, а всегда требуется очистительная присяга отъ наслѣдниковъ.

Для присяги требуются ближайшіе женатые родственники присягающаго, безъ различія—будутъ-ли они съ отцовской стороны или съ матерней. Вдовцы и разведенные съ женами допускаются наравнѣ съ женатыми.

Когда требуется присята съ 40 родственниками, то въ числѣ родственниковъ допускаются неженатые мужчины и женщины.

Порядокъ удовлетворенія претензіи и платежа взысканій, налагаемыхъ на обвиненныхъ. Количество доплаты при возвращеніи вещи испорченною опредѣляется двумя знавшими ее лицами, за присягою.

Когда претендующему предоставляется получить вещь по выбору, то для этого выбирается три вещи со всего селенія, гдѣ живетъ отвѣтчикъ, и отселковъ онаго, и изъ этихъ вещей претендующій беретъ одну.

Если ни одинъ изъ трехъ хозяевъ выбранныхъ вещей не согласится продать свою вещь, то выбираются другія три вещи.

При несостоятельности обвиненнаго взысканіе дѣлается съ родственниковъ его обоего пола слѣдующимъ порядкомъ:

1) Сперва берется имущество самаго ближайшаго родственника, если-же имущества его окажется недостаточно, то берется имущество слѣдующаго за нимъ по степени родства, и т. д. подвергаются взысканію всѣ родственники, состоящіе съ обвиненнымъ въ такой степени родства, въ которой, по мусульманской религіи, не допускается вступленіе въ бракъ.

2) Каждый родственникъ, у котораго уже взято его имущество, при переходѣ обязанности платить къ слѣдующему за нимъ родственнику, долженъ присягнуть съ двумя родственниками въ томъ, что у него болѣе нѣтъ никакого имущества.

3) Если имущества всѣхъ родственниковъ, состоящихъ въ означенной выше степени родства, окажется недостаточно для пополненія всѣхъ взысканій, то для платежа остального количества назначаются слѣдующіе 40 родственниковъ, по 20-ти со стороны отца и со стороны матери, которые и уплачиваютъ падающее на нихъ взысканіе поровну.

Родственники не могутъ требовать возврата уплаченнаго ими, хотя-бы несостоятельный впослѣдствіи и пріобрѣлъ имущество.

Адаты по убійству. Въ убійствѣ всегда обвиняется одинъ, хотя-бы число убійцъ или число нанесенныхъ ранъ было и болѣе.

Когда при убійствѣ не было постороннихъ лицъ и самъ убійца не объявилъ о сдѣланномъ имъ убійствѣ и потому обвиненіе нужно подтвердить, то отъ претендующаго требуется присяга съ 12-ю родственниками.

Если умирающій отъ раны самъ указалъ виновнаго, то болѣе никакихъ доказательствъ не требуется, и обвиненный умирающимъ признается убійцею.

Если обвиненіе взводится по одному подозрѣнію, то претендующій присягаетъ съ 12-ю родственниками.

Если потребована будетъ очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ, по назначенію претендующаго, или съ 24-мя родственниками, или съ 40 родственниками.

Убійство считается *кара* въ тѣхъ-же случаяхъ, какіе указаны въ общихъ адатахъ, и сверхъ того убійство кадія, карта, мангуша, тургака и будуна, при исполненіи ими своихъ обязанностей.

Если обвиненіе въ убійствѣ сдѣлано присягою претендующаго по подозрѣнію, то убійство не считается кара, если только оно не принадлежитъ къ кара по другимъ причинамъ.

Вмѣстѣ съ обвиненнымъ (башъ-канлы), избираются шесть малъ-канлы изъ родственниковъ башъ-канлы. Если-же въ убійствѣ участвовало нѣсколько лицъ, то малъ-канлы избираются изъ участвовавшихъ. Выборъ малъ-канлы зависитъ отъ претендующихъ за кровь.

Съ обвиненнаго въ убійствѣ взыскивается:

1) Алумъ наслѣдникамъ убитаго: 22 рубля серебромъ; одинъ быкъ, по выбору получающихъ алумъ; семь кары бязи;2) родственникамъ убитаго, не получающимъ алума: одинъ быкъ въ 12 рублей, три сабы пшеницы; 3) штрафъ въ пользу джамаата 6 руб.

За убійство кара взыскивается вдвое.

За убійство однимъ нѣсколькихъ человѣкъ, малъ-канлы выбираются по 6-ти за каждаго убитаго, и опредѣленное выше взысканіе дѣлается также полностію за каждаго убитаго.

За неумышленное убійство дѣлается опредѣленное взысканіе, какъ и за умышленное, если только претендующіе за кровь убитаго родственники не согласятся простить убійцу. Взысканіе это налагается и тогда, когда неумышленно нанесена смертельная рана и умирающій отъ этой раны проститъ ранившаго.

За убійство беременной женщины, сверхъ обыкновеннаго взысканія за убійство и взысканія по шаріату, взыскивается еще 30 рублей родственникамъ убитой.

Если кто откроетъ въ своемъ домѣ вора или пришедшаго съ другимъ какимъ-либо злымъ умысломъ и убьетъ его на мѣстѣ, то убійца не только не подвергается никакому взысканію, но родственники убитаго обязаны дать еще хозяину дома одного быка, за дозволеніе вынесть тѣло.

Если убившій въ дракѣ будетъ самъ убитъ родственниками убитаго имъ, то взысканіе дѣлается на общемъ основаніи, именно: за убитаго прежде дѣлается удовлетвореніе за кровь, а убитый послѣ считается убитымъ по кровомщенію, и потому родственники его никакого удовлетворенія не получаютъ. Если-же двое нанесутъ другъ другу раны и оба умрутъ отъ этихъ ранъ, то ни за одного изъ нихъ родственники не получаютъ удовлетворенія.

Отецъ, за убійство сына или дочери, платитъ только штрафъ.

При убійствѣ братомъ брата, сестры, если у убійцы нѣтъ жены и дѣтей, онъ дѣлается канлы одинъ, безъ малъ-канлы.

При убійствѣ родственникомъ родственника, малъ-канлы назначаются только тогда, когда у убійцы есть родственники ближе той степени, въ которой онъ состоялъ съ убитымъ.

Башъ-канлы, тотчасъ-же по совершеніи убійства или по смерти раненнаго имъ, а если обвиненіе требовало подтвержденія присягою, то по признаніи его канлы, долженъ удалиться съ мѣста жительства и не можетъ возвратиться въ свою деревню до примиренія съ родственниками убитаго.

Вмѣстѣ съ нимъ удаляются и малъ-канлы на 40 дней.

Если канлы замедлятъ выходомъ изъ своей деревни, то съ каждаго промедлившаго взыскивается въ пользу джамаата столько быковъ, сколько было призывовъ на молитву втеченіи промедленнаго имъ времени.

Канлы могутъ поселиться въ каждой деревнѣ, гдѣ нѣтъ родственниковъ убитаго, но въ отселкахъ своей деревни имъ поселяться не дозволяется.

Если башъ-канлы прійдетъ въ свою деревню или ея отселокъ и родственники убитаго окружатъ домъ, гдѣ онъ укрылся, но убить его посторонніе не допустятъ, то съ него взыскивается за приходъ въ деревню одинъ быкъ родственникамъ убитаго.

За каждый пріѣздъ малъ-канлы туда, гдѣ живутъ родственники убитаго, съ него также взыскивается одинъ быкъ въ пользу этихъ родственниковъ.

Родственники убитаго ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ права зайти въ ту деревню, гдѣ живетъ башъ-канлы; если-же кто изъ нихъ зайдетъ, то джамаатъ можетъ заставить его примириться съ канлы.

Если кто изъ жителей той деревни, гдѣ поселился башъ-канлы, будетъ содѣйствовать убійству его, то, безъ различія, будетъ-ли черезъ его содѣйствіе канлы убитъ или не будетъ,—съ него взыскивается въ пользу джамаата штрафъ 30 рублей.

Если кто изъ жителей той деревни, гдѣ поселился башъ-канлы, убьетъ его, то отъ убійцы требуется очистительная присяга съ 24-мя родственниками, въ томъ, что убійство это сдѣлано имъ не по подкупу. Если онъ очиститъ себя присягою, то подвергается взысканію, какъ за убійство вообще; если-же откажется принять очистительную присягу, то съ него взыскивается въ пользу джамаата 30 руб. и убійство это считается *кара*.

Малъ-канлы, по истеченіи 40 дней, примиряются съ родственниками убитаго и ничего при этомъ не платятъ. Но если убійство произошло въ дракѣ, причемъ убитому было нанесено нѣсколько ранъ и малъ-канлы были выбраны изъ участвовавшихъ къ этой дракѣ, то, по истеченіи 40-ка дней, родственники убитаго выбираютъ изъ малъ-канлы такое число, чтобы вмѣстѣ съ башъ-канлы оно равнялось числу ранъ, нанесенныхъ убитому, и требуютъ отъ этихъ выбранныхъ малъ-канлы очисти-

тельную присягу съ 24-мя родственниками каждаго въ томъ, что раны не ими были нанесены. Съ отказавшихся принять присягу взыскивается по 20 рублей въ пользу родственниковъ убитаго.

Если башъ-канлы умретъ до примиренія, то хотя-бы причиною смерти его было кровомщеніе, родственники его, за дозволеніе перевезти тѣло въ свою деревню, должны дать родственникамъ убитаго имъ одного быка, въ 10 рублей; алумъ-же, уплаченный канлы, ни въ какомъ случаѣ не возвращается.

По смерти башъ-канлы, малъ-канлы, если 40-а-дневный срокъ удаленія ихъ еще не окончился, возвращаются въ свою деревню въ такомъ только случаѣ, когда причиною смерти башъ-канлы было кровомщеніе. Если-же смерть башъ-канлы послѣдовала отъ другой причины, то малъ-канлы не возвращаются до истеченія 40-ка-дневнаго срока. Но тѣ изъ малъ-канлы, отъ которыхъ должна быть отобрана присяга въ томъ, что не ими были нанесены раны убитому, во всякомъ случаѣ остаются до окончанія срока.

Если умретъ до истеченія 40-ка-дневнаго срока малъ-канлы, отъ котораго слѣдовало отобрать очистительную присягу, то присяга эта требуется отъ 24-хъ родственниковъ его; если-же они не присягнутъ, то платятъ установленные 20 рублей.

Обвиненный въ убійствѣ остается башъ-канлы до примиренія, даже и въ такомъ случаѣ, если-бы впослѣдствіи обнаружилось, что онъ обвиненъ неправильно и открытъ былъ дѣйствительно виновный.

Адаты по пораненію. Взысканіе дѣлается за всякую рану, хотя-бы она не требовала лѣченія.

Для доказательства претензіи по пораненію требуются или свидѣтели, или присяга претендующаго съ 12 родственниками.

Если пораненіе сдѣлано въ дракѣ и вообще при участіи нѣсколькихъ лицъ и претендующій не представитъ свидѣтелей, которые могли-бы указать виновныхъ, то онъ можетъ обвинить присягою только одного изъ участвовавшихъ, хотя-бы раненому было нанесено нѣсколько ранъ. Въ этомъ случаѣ претендующій можетъ обвинить, кого находитъ виновнымъ, даже и въ такомъ случаѣ, когда другой участвовавшій въ дракѣ самъ объявитъ, что рана нанесена имъ.

Если потребуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ 24-мя родственниками.

За нанесеніе раны взыскивается: штрафъ въ пользу джа-

маата 1 рубль и по излѣченіи раны ранившій дѣлаетъ угощеніе раненому, съ нѣсколькими его родственниками.

Рана лѣчится на счетъ виновнаго.

Если одинъ нанесетъ раны нѣсколькимъ, то удовлетворяетъ каждаго раненаго и платитъ штрафъ полный за каждаго.

При обоюдномъ покалѣніи, оба раненые могутъ претендовать другъ на друга за покалѣніе, но штрафъ, опредѣленный за покалѣніе, взыскивается полностію съ каждаго порознь, хотя-бы раненые и не претендовали другъ на друга.

Адаты по ссорамъ, дракамъ и побоямъ. За нанесеніе побоевъ мужчинѣ, хотя-бы остались и знаки, никакого взысканія не дѣлается.

За нанесеніе побоевъ женщинѣ, если не она первая начала драку, взыскивается: въ пользу ея одинъ быкъ и 3 сабы пшеницы, штрафъ въ пользу джамаата—одинъ бычокъ въ 3 рубля; причинившій побои на 40 дней удаляется изъ деревни, наравнѣ съ малъ-канлы по убійству, а по истеченіи 40-ка дней дѣлаетъ ей угощеніе съ 40-ка родственниками.

Если женщина была беременна и послѣдствіемъ побоевъ былъ выкидышъ, то сверхъ опредѣленнаго взысканія по адату и удовлетворенія по шаріату, въ пользу ея взыскивается еще 30 рублей *).

За выстрѣлъ и обнаженіе оружія въ ссорѣ и дракѣ, никакого взысканія не положено; но если выстрѣлъ сдѣланъ изъ засады, то взыскивается въ пользу того, въ кого стрѣляли, 3 рубля и штрафъ въ пользу джамаата 3 рубля.

За нанесеніе побоевъ кадію, карту, мангушу и тургаку, при отправленіи ими своихъ обязанностей, если только не они первые начали драку, взыскивается штрафъ въ пользу джамаата одинъ бычокъ и нанесшій побои дѣлаетъ угощеніе обиженному.

За ссору и драку въ присутствіи кадія и картовъ взыскивается штрафъ—1 саба пшеницы.

Адаты по увозу женщинъ. За увозъ, по обоюдному согласію, дѣвицы, вдовы и разведенной съ мужемъ взыскивается съ увезшаго и увезенной штрафъ въ пользу джамаата по 3 рубля и

*) Взысканіе этихъ 30-ти рублей дѣлается и тогда, если женщина первая начала драку.

сверхъ того съ увезшаго въ пользу родственниковъ увезенной — 3 сабы пшеницы и одинъ быкъ.

За насильственный увозъ, взысканіе это дѣлается съ одного увезшаго.

Въ обоихъ-же случаяхъ, если родственники увезенной не согласятся выдать ее замужъ за увезшаго, то отъ него требуется очистительная присяга, съ 24-мя родственниками, въ томъ, что онъ не имѣлъ съ увезенной связи, и если онъ не очиститъ себя присягою, то удаляется изъ деревни на 40 дней, какъ малъ-канлы по убійству. По истеченіи 40-ка дней онъ можетъ возвратиться въ свою деревню и дѣлаетъ угощеніе родственникамъ увезенной.

За увозъ замужней женщины, по ея согласію, дѣлается тоже взысканіе, какъ и за увозъ незамужней, и увезшій удаляется на 40 дней изъ деревни, какъ малъ-канлы по убійству, и по истеченіи срока платитъ мужу увезенной 30 рублей *).

За содѣйствіе къ увозу женщины взыскивается по 3 рубля въ пользу джамаата съ каждаго содѣйствовавшаго.

Адаты по изнасилованію женщинъ. Отъ женщины, извѣстной развратнымъ поведеніемъ, претензіи объ изнасилованіи принимаются, но должны быть представлены свидѣтели; если-же свидѣтелей нѣтъ, то отъ обвиняемаго требуется очистительная присяга съ 24-мя родственниками.

За изнасилованіе женщины взыскивается: близкимъ родственникамъ изнасилованной 30 рублей; дальнимъ родственникамъ одинъ быкъ въ 12 рублей и 3 сабы пшеницы; штрафъ въ пользу джамаата — 3 рубля. Виновный на 40 дней дѣлается канлы родственникамъ изнасилованной и подвергается удаленію изъ деревни, наравнѣ съ малъ-канлы по убійству.

По претензіямъ о намѣреніи изнасиловать женщину, отъ обвиняемаго требуется очистительная присяга съ 24-мя родственниками; если-же онъ не очиститъ себя присягою, то подвергается тому-же взысканію, какъ и за изнасилованіе.

За содѣйствіе къ изнасилованію взыскивается съ виновнаго штрафъ въ пользу джамаата 3 рубля.

Адаты по разврату. Для доказательства претензіи по прелюбодѣйной связи мужчины съ женщиною достаточно показанія хотя одного очевидца, безъ присяги; если-же очевидцевъ нѣтъ,

*) Случая насильственнаго увоза замужней женщины не было.

то отъ обвиняемаго требуется очистительная присяга съ 24-мя родственниками.

За прелюбодѣйную связь мужчины и женщины, съ нихъ взыскивается какъ и за увозъ женщины по ея согласію, и оба удаляются на 40 дней изъ деревни, какъ малъ-канлы по убійству.

Если незамужняя женщина забеременѣетъ и сама сознается, отъ кого она забеременѣла, то болѣе никакихъ доказательствъ не требуется, и какъ съ мужчины, такъ и съ женщины, взыскивается штрафъ въ пользу джамаата по 30 рублей, а мужчина сверхъ того подвергается и прочему взысканію, опредѣленному за связь съ женщиною.

Съ женщины, подозрѣваемой въ развратномъ поведеніи, джамаатъ можетъ потребовать очистительную присягу съ 24-мя родственниками, и если она не очиститъ себя присягою, то подвергается взысканію, какъ и за связь съ мужчиною.

За сводничество съ виновнаго взыскивается въ пользу джамаата 30 рублей.

По мужеложству, соединенному съ насиліемъ, относительно обвиненія и взысканія существуютъ тѣ-же адаты, какъ и по изнасилованію женщины; случаевъ-же мужеложства по обоюдному согласію не было.

Адаты по воровству. Если хозяинъ уворованной вещи опознаетъ ее въ своей-же деревнѣ, то тотъ, у кого уворованное опознано, долженъ указать, отъ кого вещь эта ему досталась; по этому указанію отыскивается виновный, какъ и по передачѣ айнамалъ-кагаза. Этотъ-же послѣдній выдается тогда только, когда при розыскѣ виновнаго окажется, что опознанная вещь пріобрѣтена изъ другой деревни, или если уворованное опознано въ другомъ отселкѣ своей деревни.

Если тотъ, у кого въ дворѣ найдены уворованныя вещи или только остатки вещей, объявитъ, что вещи тѣ подброшены, то безъ всякихъ предварительныхъ удостовѣреній въ томъ, могло-ли быть подброшено, нашедшій вещь объявляетъ обвиненіе на хозяина дома и подтверждаетъ обвиненіе присягою, съ 12-ю родственниками; но если вещи найдены въ дворѣ состоящаго въ кровной враждѣ съ хозяиномъ вещей, то отъ послѣдняго требуется еще присяга и въ томъ, что вещи эти не подброшены имъ изъ мести.

Если-же замѣчено, что хозяинъ дома старался скрыть найденное у него, то нашедшій вещи присягаетъ съ 6-ю родственниками.

Не допустившій домъ свой до обыска не подвергается никакой отвѣтственности; но если тотъ, у кого опознано уворованное, не допуститъ исполнить все требующееся при опознаніи, то признается воромъ.

Если изъ уворованныхъ вещей ничего не найдено, то допускается претензія по подозрѣнію.

Когда претензія предъявляется по одному подозрѣнію, то требуется присяга претендующаго съ 12-ю родственниками.

Когда претензія по подозрѣнію взводится на нѣсколькихъ человѣкъ, то претендующій не можетъ въ одинъ день присягать на всѣхъ подозрѣваемыхъ, а присягаетъ въ одинъ день на одного, въ другой день на другого и т. д.

Когда потребована очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ 24-мя родственниками; но по воровству изъ мечети, мельницы, съ гумна и пашни можетъ быть потребована очистительная присяга отъ обвиняемаго съ 40-ка родственниками.

Подвергавшійся прежде взысканію за воровство, по взводимымъ имъ претензіямъ можетъ присягать наравнѣ съ прочими.

Оцѣнка уворованныхъ вещей дѣлается двумя посторонними, знавшими уворованное, безъ присяги; но о цѣнѣ такихъ вещей, которыхъ посторонніе не могли знать, объявляетъ самъ хозяинъ, за присягою съ двумя родственниками.

За воровство опредѣляется слѣдующее взысканіе:

1) Если уворованное найдено, то возвращается хозяину.

2) Если оно не найдено, то взысканіе дѣлается по цѣнѣ уворованнаго, но за уворованную скотину, если она не возвращается, взыскивается вдесятеро противъ цѣны.

3) Когда обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію присягою претендующаго, то этотъ послѣдній получаетъ удовлетвореніе по цѣнѣ, а если уворована скотина, то получаетъ одну, подобную уворованной, по выбору, а другую одной цѣны съ уворованною.

4) Деньги взыскиваются всегда въ томъ-же количествѣ, въ какомъ уворованы.

5) За воровство скотины, сверхъ опредѣленнаго выше, взыскивается въ пользу хозяина: за лошадь 3 рубля, за быка, корову и эшака 1 рубль и за барана 20 копѣекъ,—если, однако, хозяинъ уворованнаго докажетъ, что на отысканіе вора дѣйствительно издержаны имъ эти деньги.

6) Во всѣхъ случаяхъ, если воровство сдѣлано изъ дому или со двора, сверхъ означеннаго въ предъидущихъ пунктахъ взысканія, виновный платитъ хозяину 1 рубль.

Штрафъ за воровство въ пользу джамаата взыскивается 2 рубля.

За воровство изъ мечети, мельницы, съ пашни и гумна и за воровство хлѣба въ колосьяхъ, уворованное взыскивается вдесятеро и штрафъ въ пользу джамаата—30 рублей.

Если воръ сознался добровольно въ воровствѣ, когда на него не подало подозрѣнія и другой не былъ обвиненъ по подозрѣнію, то съ него опредѣляется слѣдующее взысканіе: если онъ сознался въ мечети, въ дни курбанъ-байрама и ураза-байрама, то удовлетворяетъ хозяина уворованнаго по цѣнѣ и штрафа не платитъ; если-же сознался въ другой день, то хозяина удовлетворяетъ по цѣнѣ и платитъ штрафъ, установленный за воровство.

Подвергавшійся прежде взысканію за воровство получаетъ удовлетвореніе наравнѣ съ прочими.

Если воръ пойманъ на мѣстѣ, то съ него взыскивается: штрафъ, опредѣленный за воровство, въ пользу поймавшаго 3 рубля и кромѣ того поймавшій можетъ отобрать отъ него всѣ собственныя его вещи, находившіяся на немъ. Если воръ приходилъ въ домъ или во дворъ, то сверхъ того подвергается взысканію, опредѣленному выше въ п. 6.

За покушеніе на воровство, взыскивается 1 рубль въ пользу того, къ кому приходили воровать, но только въ такомъ случаѣ, если воръ заходилъ на дворъ.

Доказательствомъ покушенія на воровство можетъ служить оставленная вещь; если-же никакихъ уликъ нѣтъ, то отъ обвиняемаго требуется очистительная присяга съ 24-мя родственниками.

За сокрытіе вора и воровскихъ вещей взысканіе не опредѣлено.

Если хозяинъ уворованнаго найдетъ вора, но, не объявивъ объ этомъ, получитъ съ него удовлетвореніе по обоюдному согласію, то онъ лишается права претендовать по этому воровству, а съ вора взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство.

Обвиненный въ воровствѣ можетъ объявить соучастниковъ, кромѣ тѣхъ, на которыхъ претензія по подозрѣнію не допускается; отъ обвиненныхъ имъ требуется очистительная присяга съ 24-мя родственниками, и если они не присягнутъ, то обвиненные подвергаются взысканію наравнѣ съ воромъ.

Адаты по поджогамъ. Для доказательства претензіи тре-

буется присяга свидѣтелей и каждый изъ нихъ присягаетъ съ 2-мя родственниками. Одинъ свидѣтель не принимается.

Когда двухъ свидѣтелей нѣтъ, то присяга претендующаго, или очистительная присяга отъ отвѣтчика, требуется какъ и по воровству.

Оцѣнка убытковъ опредѣляется какъ и по воровству.

Обвиненный въ поджогѣ удовлетворяетъ хозяина сгорѣвшаго имущества по цѣнѣ. Сверхъ того съ него взыскивается штрафъ въ пользу джамаата 30 рублей, но только въ такомъ случаѣ, если поджогъ былъ умышленный *).

Хозяинъ дома, въ которомъ произошелъ пожаръ, отвѣчаетъ за всѣ сгорѣвшія въ его домѣ чужія вещи и за всѣ убытки, причиненные пожаромъ сосѣднмъ.

Адаты по порчамъ чужого имущества. Для доказательства претензіи требуются свидѣтели; если свидѣтель одинъ, то присягаютъ свидѣтель и претендующій.

Если претензія взводится по одному подозрѣнію, то требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго съ двумя родственниками.

Оцѣнка порчи дѣлается двумя посторонними лицами, назначаемыми отъ джамаата, безъ присяги.

Съ обвиненнаго въ порчѣ чужого имущества взыскивается цѣна порчи, а за умышленную порчу и штрафъ въ пользу джамаата, 1 рубль.

За порчу въ мечети, на мельницѣ, гумнѣ и пашнѣ (кромѣ потравы), взыскивается убытокъ вдесятеро и штрафъ въ пользу джамаата 30 рублей; за порчу водопроводной канавы къ мельницѣ, штрафъ взыскивается 3 рубля и виновный исправляетъ порчу.

Если кто ранитъ или сдѣлаетъ какую-либо порчу чужой скотинѣ, то удовлетворяетъ хозяина по опредѣленію посторонихъ лицъ, которыя оцѣниваютъ, насколько потеряла цѣны скотина отъ этой порчи, и платитъ штрафъ въ пользу джамаата 3 рубля.

Если кто обрѣжетъ хвостъ или гриву у чужой лошади, то взыскивается въ пользу хозяина одинъ бычокъ въ 3 рубля и штрафъ въ пользу джамаата 3 рубля; если-же при этомъ порѣ-

*) Умышленнымъ считается поджогъ, если виновный самъ не объявилъ о поджогѣ тотчасъ-же.

Ростовская ... Р.С.Ф.С.Р

зана кожа, то взысканіе дѣлается какъ за порчу. Но если хвостъ или грива обрѣзаны потому, что лошадь заходила на чужіе посѣвы или покосы и хозяинъ оныхъ предупреждалъ прежде объ этомъ хозяина лошади, то виновный никакому взысканію не подвергается *).

За потраву посѣвовъ и покосовъ виновный платитъ хозяину по цѣнѣ потравы и штрафъ въ пользу джамаата 3 рубля.

Въ сел. Цагни и Урари, для предупрежденія потравъ, въ лѣтнее время не позволяется держать въ деревнѣ барановъ; прочая скотина должна быть также выгоняема въ стадо. За неисполненіе этого взыскивается штрафъ въ пользу тургаковъ: за барана 20 коп., за прочую скотину одна саба пшеницы. Лошадь дозволяется держать въ деревнѣ безъ надобности три дня **).

Адаты по потерямъ и находкамъ. По претензіямъ объ утайкѣ найденной вещи разборъ дѣлается какъ и по претензіямъ о воровствѣ.

Для удостовѣренія, что вещи найдены въ такомъ видѣ и въ такомъ количествѣ, какъ и представлены, требуются отъ нашедшаго свидѣтели; если-же свидѣтелей онъ не представитъ, то хозяинъ найденнаго можетъ принять присягу съ 12-ю родственниками въ томъ, что порча найденныхъ вещей или утайка части ихъ сдѣлана самимъ нашедшимъ.

Адаты по гражданскимъ искамъ и спорамъ. Очистительная присяга отъ отвѣтчика требуется всегда съ 24-мя родственниками.

По спорамъ, возникающимъ относительно подарковъ, дѣлаемыхъ женихомъ невѣстѣ, установлены слѣдующіе адаты:

1) Если причиною несостоявшагося брака былъ женихъ, то сдѣланные имъ невѣстѣ подарки остаются у нея, а если невѣста, то она должна возвратить жениху подарки ***).

2) Сверхъ того, тотъ, кто былъ причиною размолвки, платитъ штрафъ въ пользу джамаата 3 рубля.

3) Если женихъ откажется отъ брака по развратному поведенію невѣсты, то бракъ считается несостоявшимся по винѣ невѣсты, но только въ такомъ случаѣ, если развратное поведеніе невѣсты будетъ обнаружено или она забеременѣетъ.

---

*) Если обрѣзанъ хвостъ у другой скотины, то взысканіе не полагается.

**) Въ прочихъ деревняхъ Сиргинскаго общества такого ограниченія нѣтъ.

***) Невѣста подарковъ жениху не дѣлаетъ.

4) При спорѣ относительно количества подарковъ требуется присяга отъ трехъ ближайшихъ родственниковъ невѣсты.

Эти-же адаты примѣняются и тогда, когда возникнетъ споръ относительно подарковъ между мужемъ и женою при разводѣ; но при этомъ штрафъ не берется, а при спорѣ о количествѣ подарковъ требуется присяга мужа съ двумя родственниками или очистительная присяга жены, также съ двумя родственниками.

Адаты Урахлинскаго (Хюркилинскаго) общества.

Предъявленіе претензій. Претензіи по подозрѣнію не допускаются только на кадія и картовъ.

Претензіи по воровству, поджогу, порчѣ имущества и утайкѣ найденной вещи, предъявляемыя наслѣдниками, если эти претензіи не были начаты умершими,—безъ доказательствъ, по одному подозрѣнію, не принимаются.

Присяга. По претензіямъ на женщинъ допускается или присяга претендующаго, или очистительная присяга, какъ и по претензіямъ на мужчинъ.

Когда претензія по подозрѣнію взведена была на одного и отъ него потребована очистительная присяга, то, при объявленіи подозрѣнія на другихъ, претендующій можетъ или потребовать очистительную присягу отъ подозрѣваемаго, или-же самъ присягнуть, если нѣтъ причинъ, по которымъ-бы онъ не могъ быть допущенъ къ присягѣ.

Отъ лицъ, давшихъ обѣтъ никогда не присягать, очистительная присяга не требуется, а если претендующій на основаніи адатовъ не можетъ быть допущенъ къ присягѣ, то для подтвержденія претензіи своей долженъ представить свидѣтелей или другія доказательства.

Вдовы, разведенныя и совершеннолѣтнія дѣвицы присягаютъ сами, а за замужнихъ женщинъ присягаютъ мужья. За малолѣтнихъ и безумныхъ присягаетъ ближайшій родственникъ, но малолѣтній отвѣтчикъ, достигшій 7-ми лѣтъ, вмѣстѣ съ присягающимъ за него родственникомъ присягаетъ и самъ.

Свидѣтели должны быть жители той-же деревни, къ которой принадлежатъ тяжущіеся, или-же жители отселковъ этой деревни.

Женщины въ свидѣтели допускаются только тогда, когда

одинъ свидѣтель есть мужчина. Въ такомъ случаѣ двѣ женщины считаются за одного свидѣтеля.

Не допускаются въ свидѣтели карты и тургаки, пока состоятъ въ этихъ званіяхъ.

Показанія кадія безъ присяги считается наравнѣ съ показаніемъ двухъ свидѣтелей за присягою.

За ложную присягу, съ претендующаго, отвѣтчика или свидѣтеля взыскивается въ штрафъ джамаату одинъ быкъ.

Когда присяга требуется съ родственниками, числомъ не болѣе 6-ти, то для присяги требуются родственники со стороны отца—мужчины; но когда присяга требуется съ 40-ка родственниками, то въ числѣ ихъ могутъ быть и женщины, а также родственники со стороны матери; если-же мать присягающаго уроженка другого аула, то всѣ родственники должны быть со стороны отца. При этомъ, если у присягающаго нѣтъ 40-ка родственниковъ, то изъ присягнувшихъ родственниковъ присягаетъ въ другой разъ столько человѣкъ, сколько не достаетъ до сорока.

Когда требуется присяга хатунъ-талахъ, то родственники, не женатые и давшіе обѣтъ не присягать хатунъ-талахъ, присягаютъ кораномъ.

На представленіе родственниковъ, находящихся въ отлучкѣ, полагается: если для присяги требуется 6-ть родственниковъ—3 дня, если 40 родственниковъ—15 дней.

Порядокъ удовлетворенія претензій и платежа взысканій, налагаемыхъ на обвиненныхъ. Порядокъ этотъ такой-же, какой установленъ адатами Микахинскаго общества (стр. 45—46), съ тѣмилишь измѣненіями, что 1) при несостоятельности обвиняемаго, когда за него взыскивается съ его родственниковъ, каждый изъ этихъ послѣднихъ, при переходѣ обязанности платить къ слѣдующему за нимъ родственнику, долженъ присягнуть хатунъ-талахъ въ томъ, что у него болѣе нѣтъ никакого имущества, и присягу эту онъ принимаетъ съ 4-мя родственниками по выбору того, кто послѣ него долженъ платить за обвиненнаго; и 2) если имущества всѣхъ родственниковъ, состоящихъ въ опредѣленной степени родства, окажется недостаточно на пополненіе всѣхъ взысканій, то для платежа остального количества назначаются слѣдующіе родственники — 3 со стороны отца и 2 со стороны матери, изъ которыхъ четыре уплачиваютъ падающее на несостоятельнаго взысканіе въ пользу претендующаго, а пятый уплачиваетъ налагаемые на несостоятельнаго штрафы.

Адаты по убійству. Въ убійствѣ всегда обвиняется одинъ, хотя-бы участвовало въ убійствѣ нѣсколько лицъ и убитому было нанесено нѣсколько ранъ.

Когда убійца самъ не сознается, то для подтвержденія обвиненія претендующій присягаетъ съ 40-ка родственниками кораномъ.

Если въ убійствѣ участвовало нѣсколько лицъ или когда оно произошло въ дракѣ, то претендующій обвиняетъ, по своему усмотрѣнію, одного изъ участвовавшихъ и обвиненіе это подтверждаетъ также присягою съ 40-ка родственниками кораномъ.

Умирающій отъ раны присягаетъ съ 6-ю родственниками кораномъ, въ томъ, кѣмъ онъ раненъ.

Если смертельно раненный указалъ виновнаго, но, не присягнувъ, умеръ, то претендующій за кровь родственникъ его присягаетъ съ 6-ю другими родственниками кораномъ.

Если обвиненіе взводится по одному подозрѣнію, то претендующій присягаетъ съ 40-ка родственниками кораномъ.

Если, вмѣсто присяги претендующаго, потребуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ 40-ка родственниками кораномъ.

Если обвиненіе въ убійствѣ сдѣлано присягою претендующаго по подозрѣнію, то убійство не считается *кара*, если оно не принадлежитъ къ кара по другимъ причинамъ.

Вмѣстѣ съ обвиненнымъ въ убійствѣ (башъ-канлы), признаются малъ-канлы три ближайшихъ родственника его; малъ-канлы могутъ быть и женщины, если онѣ, по степени родства, ближайшія родственницы обвиненнаго, а если онъ женатъ, то первымъ малъ-канлы назначается жена.

Если убійство произошло въ дракѣ, при участіи нѣсколькихъ лицъ, то, за назначеніемъ изъ участвовавшихъ одного башъ-канлы, изъ остальныхъ избираются малъ-канлы, вмѣсто родственниковъ башъ-канлы.

За убійство полагается слѣдующее взысканіе съ башъ-канлы: 1) алумъ наслѣдникамъ убитаго положенъ въ восемь быковъ, но взысканіе дѣлается такимъ образомъ: два быка или, вмѣсто ихъ, деньгами по 8 рублей за каждаго; вмѣсто четырехъ быковъ, взыскивается: 5 сабъ пшеницы, одинъ коверъ мѣстной работы въ 2 рубля, одинъ котелъ въ 2 рубля, одинъ баранъ, одинъ козелъ, 14 кары бязи; вмѣсто остальныхъ четырехъ быковъ берется па-

хатное мѣсто, соотвѣтствующее стоимости четырехъ быковъ; 2) въ пользу тургаковъ взыскивается штрафъ одинъ быкъ.

За убійство кара добавляется къ алуму два быка и къ штрафу одинъ быкъ.

За неумышленное убійство, штрафъ взыскивается, хотя-бы умирающій отъ неумышленно нанесенной раны и простилъ ранившаго.

При убійствѣ по подкупу, подкупившій считается малъ-канлы, вмѣсто самаго близкаго родственника убійцы. Но если подкупъ сдѣланъ по кровомщенію, то подкупившій никакой отвѣтственности не подвергается.

При обвиненіи въ подкупѣ требуется или присяга свидѣтелей, хатунъ-талахъ, или очистительная присяга отъ обвиняемаго съ шестью родственниками, кораномъ.

Если убійство совершено при защитѣ отъ ограбленія, то убійца не считается канлы и никакому взысканію не подвергается.

Если кто застанетъ родственника своего на мужеложствѣ съ другимъ мужчиною и убьетъ обоихъ, то не подвергается никакой отвѣтственности.

При обоюдномъ нанесеніи ранъ, если оба раненые умрутъ, родственники умершаго прежде получаютъ алумъ съ родственниковъ умершаго послѣ.

Если убитый и убійца принадлежали къ двумъ семействамъ, состоящимъ между собою въ кровной враждѣ (за исключеніемъ убійства башъ-канлы), то съ убійцы взыскивается штрафъ вдвое.

Если убійство совершено чужимъ оружіемъ, то съ хозяина оружія взыскивается штрафъ въ пользу тургаковъ одинъ быкъ.

Но когда будетъ доказано, что оружіе дано было именно для совершенія убійства, то слѣдующій родственникамъ убитаго алумъ разлагается поровну на убійцу и хозяина оружія.

За убійство своего кадія избирается семь башъ-канлы изъ участвовавшихъ въ убійствѣ; если убійца одинъ, то шесть башъ-канлы избираются изъ его родственниковъ. Съ нихъ взыскивается 7 алумовъ и штрафъ восемь быковъ. Семь домовъ канлы или ихъ родственниковъ разоряются до основанія.

За убійство карта въ своей деревнѣ взыскивается два алума и штрафъ восемь быковъ.

Отецъ, за убійство сына, дѣлается канлы только тогда, когда у убитаго есть жена и дѣти.

При убійствѣ братомъ брата или сестры, если у убійцы нѣтъ жены и дѣтей, онъ дѣлается канлы одинъ, безъ малъ-канлы.

При убійствѣ родственникомъ родственника, малъ-канлы назначаются только въ такомъ случаѣ, когда у убійцы есть родственники ближе той степени, въ которой онъ состоялъ съ убитымъ.

Башъ-канлы, тотчасъ-же по совершеніи убійства, или по смерти раненнаго имъ, а если обвиненіе требовало подтвержденія присягою, то по признаніи его канлы, долженъ удалиться съ мѣста жительства и не можетъ возвратиться въ свою деревню до примиренія съ родственниками убитаго.

Вмѣстѣ съ нимъ удаляются и малъ-канлы—одинъ изъ нихъ на годъ, а остальные два на 40 дней.

Если канлы замедлятъ выходомъ изъ своей деревни, то съ каждаго промедлившаго взыскивается въ пользу джамаата столько быковъ, сколько было призывовъ на молитву втеченіи промедленнаго имъ времени.

Канлы могутъ поселиться въ каждой деревнѣ, гдѣ нѣтъ родственниковъ убитаго, но въ отселкахъ своей деревни имъ поселяться не дозволяется.

Если башъ-канлы до примиренія прійдетъ въ свою деревню или ея отселки и родственники убитаго окружатъ домъ, гдѣ онъ укрылся, но убить его посторонніе не допустятъ; то съ него взыскивается за приходъ въ деревню одинъ быкъ въ пользу родственниковъ убитаго и одинъ быкъ въ пользу джамаата.

За каждый пріѣздъ малъ-канлы туда, гдѣ живутъ родственники убитаго, съ него также взыскивается одинъ быкъ въ пользу джамаата и одинъ быкъ въ пользу живущихъ тамъ родственниковъ убитаго.

Если кто изъ жителей той деревни, гдѣ живетъ башъ-канлы, будетъ содѣйствовать убійству его, то съ него взыскивается: одинъ быкъ въ пользу тургаковъ, два быка въ пользу джамаата, два быка въ пользу хозяина дома, въ которомъ поселился канлы, и жилище его разоряется; онъ дѣлается канлы хозяина дома, гдѣ жилъ канлы, къ убійству котораго онъ содѣйствовалъ, на годъ изгоняется изъ деревни и подвергается преслѣдованію наравнѣ съ малъ-канлы.

Если-же черезъ содѣйствіе это канлы будетъ убитъ, то содѣйствовавшій, сверхъ означеннаго взысканія, дѣлается башъ-канлы родственниковъ убитаго канлы.

Если кто изъ жителей той деревни, гдѣ поселился башъ-

канлы, убьетъ его, то отъ убійцы требуется очистительная присяга съ 40-ка родственниками, кораномъ, въ томъ что убійство это сдѣлано имъ не по подкупу. Если онъ очиститъ себя присягою, то подвергается взысканію, какъ за убійство вообще; если-же откажется принять очистительную присягу, то съ него дѣлается взысканіе, опредѣленное за содѣйствіе къ убійству канлы, и оно считается кара.

Малъ-канлы, по истеченіи срока своего изгнанія, возвращаются въ свою деревню и дѣлаютъ угощеніе родственникамъ убитаго.

Если канлы, удаленный изъ своей деревни, умретъ до примиренія, то онъ можетъ быть перевезенъ для погребенія въ свою деревню; но за дозволеніе перевезти умершаго башъ-канлы, родственники его обязаны дать родственникамъ убитаго имъ трехъгодовалаго бычка.

По смерти башъ-канлы, ни алумъ, ни штрафъ не возвращаются; но малъ-канлы могутъ возвратиться въ свою деревню, хотя-бы срокъ изгнанія ихъ и не кончился.

Обвиненный по одному подозрѣнію, канлы не возвращается, хотя-бы впослѣдствіи обнаружилось, что онъ обвиненъ неправильно, и открытъ былъ дѣйствительный убійца.

Адаты по пораненію. Взысканіе полагается за всякую рану, хотя-бы она и не требовала лѣченія, а также за всякій знакъ на тѣлѣ отъ удара оружія или рукою.

Когда при пораненіи не было постороннихъ и ранившій самъ не сознается, то для подтвержденія обвиненія отъ претендующаго требуется присяга съ 6-ю родственниками, кораномъ.

Если пораненіе сдѣлано въ дракѣ и вообще при участіи нѣсколькихъ лицъ, то обвиненіе взводится изъ участвовавшихъ только на одного, по выбору раненаго, а если нанесено нѣсколько ранъ, то на двоихъ, но не болѣе. Въ этомъ случаѣ требуются два свидѣтеля, которые присягаютъ хатунъ-талахъ; если-же двухъ свидѣтелей нѣтъ, то присягаетъ раненый. Одинъ свидѣтель не принимается.

Когда одинъ изъ участвовавшихъ въ дракѣ самъ сознался въ нанесеніи раны или когда онъ объявитъ, что всѣ раны нанесены имъ однимъ, то обвиненіе на другого не допускается.

Когда потребуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ 6-ю родственниками, кораномъ.

За нанесеніе раны взыскивается съ виновнаго:

1) За рану до кости, за рану въ грудь или въ животъ, проходящую вовнутрь и за сквозную рану: раненому одинъ быкъ, въ 10 рублей, и штрафъ въ пользу тургаковъ одинъ быкъ, въ 8 рублей; по излѣченіи раны, ранившій долженъ сдѣлать угощеніе раненому, съ 40-ка его родственниками.

2) За всякую рану, требующую лѣченія, кромѣ означенныхъ въ 1 п., раненому и штрафъ въ пользу тургаковъ по 5 рублей и угощеніе родственникамъ раненаго, число коихъ опредѣляетъ лѣчившій рану.

3) За рану, не требующую лѣченія: раненому пять кары бязи и угощеніе съ 6-ю родственниками.

4) За ударъ, отъ котораго остался знакъ на тѣлѣ: штрафъ въ пользу тургаковъ три котла, по 50 копѣекъ каждый. Того-же, кому нанесенъ ударъ, долженъ угостить съ двумя родственниками.

Рана, требующая лѣченія, лѣчится на счетъ виновнаго.

Если одинъ нанесетъ раны нѣсколькимъ лицамъ, то онъ удовлетворяетъ каждаго раненаго полностію, а штрафъ платитъ одинъ.

За неумышленное пораненіе, удовлетвореніе дѣлается тоже, какъ и за умышленное, но штрафъ не взыскивается.

При обоюдномъ пораненіи, оба раненые могутъ претендовать другъ на друга за пораненіе, но штрафъ взыскивается полный съ каждаго изъ нихъ, хотя-бы они и не претендовали другъ на друга.

Если ранившій и раненый принадлежатъ къ двумъ семействамъ, находящимся между собою въ кровной враждѣ, то съ ранившаго штрафъ въ пользу тургаковъ взыскивается вдвое. Адатъ этотъ не относится къ тому случаю, когда башъ-канлы раненъ по кровомщенію.

Если кто, отправившись на воровство или съ другимъ какимъ-нибудь злымъ умысломъ, будетъ открытъ хозяиномъ и, стараясь уйти, ранитъ хозяина, то съ него, какъ удовлетвореніе раненому, такъ и штрафъ, взыскивается вдвое.

Если рана нанесена чужимъ оружіемъ, то съ хозяина оружія взыскивается въ пользу тургаковъ одинъ быкъ.

За пораненіе кадія и карта опредѣленное по адату удовлетвореніе раненому взыскивается вдвое и штрафъ въ пользу тургаковъ восемь быковъ.

За нораненіе тургака удовлетвореніе раненому и штрафъ взыскиваются вдвое.

Адаты по ссорамъ, дракамъ и побоямъ. За нанесеніе побоевъ мужчинѣ, если на тѣлѣ не осталось никакихъ знаковъ, виновный никакому взысканію не подвергается.

За нанесеніе побоевъ женщинѣ, хотя-бы она первая начала драку, взыскивается въ пользу тургаковъ штрафъ 5 рублей.

За нанесеніе побоевъ карту взыскивается два быка, за побои тургаку—одинъ быкъ,—въ обоихъ случаяхъ въ пользу тургаковъ.

За выстрѣлъ въ ссорѣ и дракѣ взыскивается одинъ бычокъ въ пользу того, въ кого послѣдовалъ выстрѣлъ, и одинъ быкъ въ 8 рублей тургакамъ.

За обнаженіе оружія и намѣреніе сдѣлать выстрѣлъ взыскивается въ пользу тургаковъ $1^1/_2$ рубля.

Если покушавшійся на воровство или имѣвшій какой-нибудь другой умыселъ будетъ открытъ и, стараясь скрыться отъ преслѣдованія, сдѣлаетъ выстрѣлъ, то къ выше опредѣленному взысканію добавляется еще одинъ быкъ въ пользу тургаковъ.

Если кто выйдетъ на мѣсто драки, случившейся днемъ, съ ружьемъ или пистолетомъ, хотя-бы онъ и не участвовалъ въ дракѣ, то съ него взыскивается въ пользу тургаковъ одинъ быкъ *).

За ссору и драку въ присутствіи кадія и картовъ, при разборѣ ими дѣлъ, взыскивается въ пользу тургаковъ по одному быку съ каждаго изъ ссорившихся.

Адаты по увозу женщинъ. За увозъ, по обоюдному согласію, дѣвицы, вдовы и разведенной съ мужемъ, взыскивается съ обоихъ въ пользу джамаата штрафъ по одному быку въ 8 рублей и оба удаляются изъ деревни на 40 дней.

За насильственный увозъ, или намѣреніе увезти, если увезенная и родственники ея не согласятся на бракъ, увезшій платитъ штрафъ два быка и удаляется на 40 дней. Если-же согласятся на бракъ, то увезшій, сверхъ штрафа, долженъ дать родственникамъ увезенной пахатное мѣсто: за дѣвушку на 8 сабъ, а за вдову и разведенную на 4 сабы посѣва **).

За увозъ замужней женщины, по ея согласію, взыскивается

---

*) На драку, происшедшую ночью, дозволяется выходить и съ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

**) Родственники увезенной, и при согласіи на бракъ, могутъ требовать удаленія изъ деревни увезшаго на 40 дней.

съ обоихъ штрафъ въ пользу джамаата по три быка, и сверхъ того:

1) если мужъ согласится развестись съ увезенною женою, то съ увезшаго взыскивается въ пользу мужа 100 рублей, все имущество жены остается въ пользу мужа и оба, увезшій и увезенная, удаляются изъ деревни на одинъ годъ;

2) если-же мужъ потребуетъ жену обратно, то увезшій въ пользу мужа ничего не платитъ и одинъ удаляется изъ деревни на годъ *).

Адаты относительно удаляемыхъ по убійству малъ-канлы распространяются и на удаляемыхъ по увозу женщинъ на годъ или на 40 дней.

Если увезшій укроется съ увезенною въ той-же деревнѣ, въ чужомъ домѣ, и хозяинъ дома дозволитъ имъ оставаться вмѣстѣ и не разведетъ ихъ по разнымъ саклямъ, то съ хозяина взыскивается штрафъ одинъ быкъ въ 8 рублей въ пользу джамаата.

Съ содѣйствовавшихъ къ увозу женщины взыскивается штрафъ въ пользу джамаата по одному быку съ каждаго.

Адаты по изнасилованію женщинъ. Для доказательства насилія требуется, чтобы женщина огласила крикомъ сдѣланное надъ нею насиліе.

Отъ женщины, извѣстной своимъ развратнымъ поведеніемъ, жалоба принимается, если она представитъ свидѣтелей, которые присягнутъ хатунъ-талахъ, или другое доказательство.

За изнасилованіе женщины, съ виновнаго взыскивается:

семь быковъ, по 8 рублей, изнасилованной, два быка джамаату и одинъ быкъ тургакамъ; виновный дѣлается на годъ канлы родственникамъ изнасилованной, наравнѣ съ малъ-канлы по убійству.

За намѣреніе изнасиловать взыскивается:

если у женщины изорвано платье или остались другіе знаки насилія, взысканіе дѣлается, какъ и за изнасилованіе; если-же никакихъ знаковъ нѣтъ, а также и за прикосновеніе къ женщинѣ, то взыскивается два быка ей и одинъ быкъ тургакамъ.

За содѣйствіе къ изнасилованію взыскивается по одному быку въ пользу тургаковъ.

Адаты по разврату. Если кто застанетъ свою жену, или

*) Случаевъ насильственнаго увоза замужней женщины не было.

родственницу, въ прелюбодѣйной связи съ мужчиною и оба они успѣютъ бѣжать, то болѣе никакихъ доказательствъ связи ихъ не требуется; если-же обвиняемые не бѣжали и будутъ отказываться отъ взводимаго на нихъ обвиненія, то требуется или присяга свидѣтелей хатунъ-талахъ, или очистительная присяга отъ обвиняемаго мужчины съ 40-ка родственниками, кораномъ.

Если женщина сама сознается въ связи своей съ мужчиною, то болѣе никакихъ доказательствъ не требуется.

За прелюбодѣйную связь взыскивается съ мужчины и женщины штрафъ въ пользу джамаата по два быка и въ пользу тургаковъ по одному быку и оба на годъ удаляются изъ деревни.

Если женщина—замужняя, и мужъ ея пожелаетъ развестись съ нею, то съ обвиняемаго въ связи съ нею взыскивается сверхъ того въ пользу мужа 100 рублей.

За мужеложство по обоюдному согласію, если оба не убиты на мѣстѣ родственниками, взыскивается въ пользу джамаата по три быка съ каждаго, дома ихъ разоряются и оба удаляются изъ деревни на годъ.

Если мужеложство совершено по насилію, то съ насиловавшаго взыскивается: родственникамъ изнасилованнаго восемь быковъ, въ пользу джамаата одинъ быкъ, домъ его разоряется и онъ удаляется на годъ изъ деревни.

За скотоложство опредѣляется взысканіе только съ совершеннолѣтняго (15-ти лѣтъ), и если скотоложство совершено надъ скотиною, мясо которой употребляется въ пищу; въ такомъ случаѣ съ виновнаго взыскивается: въ пользу джамаата одинъ быкъ и въ пользу хозяина скотины одна пара поршней *).

По мужеложству и скотоложству, для обвиненія достаточно показаніе одного или двухъ человѣкъ, безъ присяги; но по мужеложству допускается обвиненіе и безъ свидѣтелей, и въ такомъ случаѣ требуется очистительная присяга обвиняемаго: въ мужеложствѣ съ 40-ка родственниками и скотоложствѣ съ 7-ю родственниками, кораномъ.

Относительно удаляемыхъ по обвиненію въ развратѣ существуютъ тѣже адаты, какъ и относительно малъ-канды по убійству.

Адаты по воровству. Если хозяинъ уворованной вещи опознаетъ ее въ своей-же деревнѣ, то тотъ, у кого уворованное

*) Конина считается дозволенною въ пищу.

опознано, долженъ указать, отъ кого вещь эта ему досталась; по указанію этому отыскивается виновный, какъ и по передачѣ айнамалъ-кагаза; этотъ-же послѣдній выдается тогда только, когда при розыскѣ виновнаго окажется, что опознанная вещь пріобрѣтена изъ другой деревни, или если уворованное опознано въ другомъ отселкѣ своей деревни.

Обвиненіе по оставленной воромъ на мѣстѣ воровства вещи дѣлается какъ и по общему даргинскому адату; но для доказательства, что оставленная на мѣстѣ воровства вещь дѣйствительно принадлежитъ обвиняемому, требуется или показаніе постороннихъ лицъ, безъ присяги, или присяга претендующаго.

Когда претензія предъявляется по подозрѣнію, то претендующій присягаетъ одинъ кораномъ.

Когда потребуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ 6-ю родственниками кораномъ.

Когда претензія по подозрѣнію взведется на того, кто прежде не былъ обвиненъ въ воровствѣ, то присяга претендующаго не допускается, а всегда требуется очистительная присяга.

Оцѣнка уворованныхъ вещей дѣлается на основаніи общихъ адатовъ, но о цѣнѣ такихъ вещей, коихъ посторонніе не могутъ оцѣнить, хозяинъ дома присягаетъ кораномъ съ двумя родственниками.

За воровство дѣлается слѣдующее взысканіе:

1) За воровство скотины (кромѣ барановъ):

Если уворованная скотина найдена, то возвращается хозяину и, сверхъ того, съ виновнаго взыскивается въ пользу хозяина:

за лошадь, катера и буйвола одинъ быкъ, въ 10 рублей.

— быка—одинъ бычокъ въ 6 рублей.

— корову и эшака—3 рубля.

— молодую скотину (менѣе 3-хъ лѣтъ)—половина противъ большой.

Если уворованная скотина не найдена, то хозяинъ, взамѣнъ каждой уворованной, получаетъ одну такую-же скотину, по выбору, и двѣ подобныхъ, одной цѣны съ уворованною.

2) За воровство барановъ взыскивается по десяти барановъ за каждаго.

3) Когда обвиненіе въ воровствѣ скота и барановъ взведено по одному подозрѣнію, то хозяинъ получаетъ, взамѣнъ уворованной, только такую-же скотину, по выбору.

4) За воровство другихъ предметовъ: если уворованное

найдено, то возвращается, а если не найдено, то хозяинъ получаетъ вещь, подобную уворованной, по выбору.

5) Если воровство сдѣлано изъ дому или со двора, то, сверхъ опредѣленнаго за воровство взысканія, въ пользу хозяина взыскивается еще за приходъ вора въ дворъ трехъ-годовалый бычокъ.

Штрафъ за воровство взыскивается:

1) если обвиненіе доказано, то въ пользу джамаата два быка и въ пользу тургаковъ одинъ быкъ, по 8 рублей каждый;

2) если обвиненіе взведено по одному подозрѣнію присягою претендующаго, то только въ пользу тургаковъ 5 рублей.

За воровство изъ мечети, какъ уворованное, такъ и штрафъ, взыскивается вдвое; за воровство изъ мельницы, если взысканіе дѣлается не по одному подозрѣнію, уворованное взыскивается въ 10 разъ и шрафъ вдвое; за воровство съ пашни, гумна и за воровство хлѣба въ колосьяхъ взысканіе полагается обыкновенное.

Подвергавшійся прежде взысканію за воровство получаетъ удовлетвореніе за уворованное у него наравнѣ съ прочими.

Если воръ пойманъ на воровствѣ, то съ него взыскивается въ пользу поймавшаго одинъ быкъ, штрафъ, опредѣленный за доказанное воровство, а если онъ для воровства приходилъ во дворъ, то и хозяину двора одинъ бычокъ. Если воръ пойманъ во дворѣ хозяиномъ, то съ него взыскивается въ пользу хозяина два быка и за приходъ во дворъ одинъ бычокъ и штрафъ какъ за воровство.

За покушеніе на воровство, если воръ не пойманъ, взыскивается въ пользу того, къ кому онъ приходилъ воровать, одинъ бычокъ и штрафъ какъ за воровство, но взысканіе это налагается только въ такомъ случаѣ, когда воръ заходилъ на дворъ *).

За укрывательство вора и сокрытіе уворованныхъ вещей съ виновнаго взыскивается штрафъ три быка; но если тотъ, у кого скрывались вещи, приметъ присягу хатунъ-талахъ, что онъ не зналъ, что вещи тѣ ворованныя, то съ него взыскивается штрафъ только одинъ быкъ.

Съ того, кто хотя не скрывалъ вора и вещей, но зналъ, кѣмъ сдѣлано воровство, взыскивается штрафъ одинъ быкъ.

---

*) Доказательствомъ покушенія на воровство можетъ служить оставленная воромъ вещь; если-же никакихъ уликъ къ обвиненію нѣтъ, то отъ обвиняемаго въ покушеніи на воровство требуется очистительная присяга съ 6-ю родственниками, кораномъ.

Если хозяинъ уворованнаго найдетъ вора и, не объявивъ объ этомъ, получитъ съ него удовлетвореніе по обоюдному согласію, то съ него взыскивается одинъ быкъ въ пользу тургаковъ и онъ лишается права претендовать по этому воровству, а съ вора взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство.

Кадіи, карты, мангуши, тургаки, будуны и гаджіи, обвиненные въ воровствѣ, платятъ штрафъ вдвое.

Обвиненный въ воровствѣ можетъ указать соучастниковъ (кромѣ тѣхъ лицъ, на кихъ обвиненіе по одному подозрѣнію не допускается); показаніе свое онъ долженъ подтвердить присягою съ 6-ю родственниками, кораномъ. Присяга эта допускается и тогда, когда въ соучастіи обвиняется не подвергавшійся прежде взысканію за воровство.

Адаты по поджогамъ. Для доказательства претензіи по поджогу требуется или присяга претендующаго, кораномъ, безъ родственниковъ, или очистительная присяга, кораномъ, отъ обвиняемаго, съ 6-ю родственниками.

Цѣна убытковъ объявляется тремя старшими членами семейства, за присягою кораномъ.

Обвиненный въ поджогѣ удовлетворяетъ хозяина сгорѣвшаго имущества по цѣнѣ.

Сверхъ того, за умышленный поджогъ взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство.

За поджогъ хлѣба на корнѣ или въ стогахъ, убытки взыскиваются вдесятеро; но если обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію, то дѣлается обыкновенное взысканіе.

Хозяинъ дома, въ которомъ произошелъ пожаръ, отвѣчаетъ за всѣ убытки, причиненные пожаромъ имуществу сосѣдей.

Хозяинъ дома, въ которомъ произошелъ пожаръ, отвѣчаетъ за сгорѣвшія въ его домѣ чужія вещи, если причина пожара не зависѣла отъ хозяина и поджогъ сдѣланъ другимъ; если же пожаръ произошелъ по неосторожности того, у кого были чужія вещи, или членовъ его семейства, то дѣло разбирается по шаріату.

Адаты по порчамъ чужого имущества. Для доказательства претензіи по порчамъ чужого имущества требуются свидѣтели, которые присягаютъ хатунъ-талахъ.

Если нѣтъ свидѣтелей, или когда претензія предъявляется по одному подозрѣнію, то присягаетъ претендующій одинъ, кораномъ.

Если будетъ потребована очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ 6-ю родственниками, кораномъ.

Оцѣнка порчи дѣлается какъ и по воровству.

Обвиненный въ порчѣ чужой собственности обязанъ исправить порчу и сверхъ того съ него взыскивается штрафъ за порчу: въ пользу джамаата два быка и въ пользу тургаковъ одинъ быкъ.

За порчу въ мечети, на мельницѣ, гумнѣ и пашнѣ взыскивается убытокъ вдвое. За порчу на мельницѣ жернова — вдесятеро.

Если кто умышленно ранитъ чужую скотину или сдѣлаетъ ей другую порчу, то скотина эта отдается испортившему, а на его счетъ хозяинъ беретъ другую такую-же скотину, по выбору.

Если кто обрѣжетъ хвостъ у лошади, то въ пользу хозяина взыскивается одинъ быкъ; но когда хвостъ обрѣзанъ такъ, что прорѣзана кожа, то взысканіе дѣлается какъ за пораненіе.

Если хвостъ обрѣзанъ у другой скотины, кромѣ лошади, и не прорѣзана при этомъ кожа, то взысканія не полагается.

Въ обоихъ случаяхъ, сверхъ взысканія въ пользу хозяина, взыскивается и штрафъ въ пользу тургаковъ: когда вина отвѣтчика доказана — одинъ быкъ, если-же онъ обвиненъ только по подозрѣнію присягою претендующаго—5 котловъ, по 50 копѣекъ.

За выпускъ скотины на пашни до сбора посѣвовъ, если еще не показались колосья, въ пользу хозяина пашни взыскивается за каждую лошадь, буйвола и катера одна саба, за быка $^1/_2$ сабы, за корову и эшака два саха, за теленка, барана и козла одинъ сахъ. Взысканіе это дѣлается только въ томъ случаѣ, если скотина задержана хозяиномъ пашни, безъ различія, была-ли потрава, или только истоптаны скотиною посѣвы.

Если-же на посѣвѣ есть колосья, то платится убытокъ по цѣнѣ въ такомъ только случаѣ, когда была потрава.

Сверхъ того, если при скотинѣ будетъ хозяинъ оной или пастухъ, или если будетъ доказано, что она выпущена на пашню съ умысломъ, или-же хотя она зашла на пашню и отъ недосмотра хозяина, но если будетъ задержана тургакомъ, то въ пользу тургаковъ дѣлается взысканіе, опредѣленное выше въ пользу хозяина пашни, на которой еще не было колосьевъ. Штрафъ этотъ взыскивается, безъ различія, были-ли колосья на пашнѣ, или нѣтъ.

За выгонъ на общественное покосное или пастбищное мѣс-

то общественнаго стада не въ дозволенное время, взыскивается съ пастуховъ въ пользу тургаковъ: за барановъ — два лучшихъ барана, за рогатую скотину—одинъ быкъ въ 5 рублей.

Если-же зайдетъ на пашню одна или нѣсколько штукъ скота, то взыскивается съ хозяина онаго за каждую лошадь, катера, буйвола и быка по 1 рублю, за каждую корову и эшака по 50 коп., но въ такомъ только случаѣ, если скотина будетъ задержана тургакомъ.

Если скотина зайдетъ на чужое покосное мѣсто, то въ пользу хозяина покоса взыскивается по цѣнѣ убытковъ, и въ пользу тургаковъ штрафъ 3 рубля. Штрафъ этотъ взыскивается въ тѣхъ-же случаяхъ, какъ и за выпускъ скота на пашню.

Для предупрежденія потравъ установлены слѣдующіе адаты:

1) Ни одинъ хозяинъ не имѣетъ права держать въ деревнѣ болѣе одного барана или одного козла. За другого барана съ него взыскивается въ пользу тургаковъ одинъ сахъ пшеницы или ячменя. Если-же кто будетъ держать болѣе двухъ барановъ или козловъ, то тургаки имѣютъ право зарѣзать ихъ.

2) Когда лошади находятся въ табунѣ, то хозяинъ не имѣетъ права держать въ конюшнѣ лошадь болѣе 3-хъ дней. За продержку сверхъ этого времени съ хозяина взыскивается штрафъ въ пользу тургаковъ 3 рубля.

3) Когда скотина ходитъ въ стадѣ, то съ каждаго хозяина, не выгнавшаго въ стадо свою скотину, взыскивается: за быка и буйвола 1 рубль, за корову и эшака $^1/_2$ сабы и за теленка одинъ сахъ пшеницы *).

За самовольную рубку лѣса взыскивается штрафъ въ пользу тургаковъ одинъ быкъ.

Адаты по потерямъ и находкамъ. По дѣламъ о потеряхъ и находкахъ примѣняются общіе даргинскіе адаты, но для доказательства принадлежности найденной вещи претендующему, допускается и присяга свидѣтелей хатунъ-талахъ.

Адаты по спорамъ и искамъ. По гражданскимъ спорамъ и искамъ примѣняются общіе даргинскіе адаты, съ тою разницею, что очистительная присяга всегда требуется съ шестью родственниками, кораномъ.

По спорамъ, возникающимъ относительно подарковъ, дѣлаемыхъ женихомъ невѣстѣ и невѣстою родственникамъ жениха,

*) Въ рабочую пору дозволяется рабочую скотину не выгонять въ стадо.

если послѣ помолвки бракъ не состоится, установлены слѣдующіе адаты:

1) Когда причиною несостоявшагося брака былъ женихъ, то онъ долженъ возвратить невѣстѣ всѣ подарки, сдѣланные ею родственникамъ его; подарки-же, сдѣланные имъ невѣстѣ, остаются у нея. Сверхъ того съ него взыскивается въ пользу джамаата штрафъ одинъ быкъ, въ 8 рублей.

2) Если-же бракъ не состоялся по причинамъ со стороны невѣсты, то она подвергается тому-же взысканію.

3) Если женихъ объявитъ, что кромѣ подарковъ, сдѣланныхъ имъ невѣстѣ при посторонникъ, онъ дѣлалъ ей еще другіе, о которыхъ не можетъ представить свидѣтелей, то отъ невѣсты требуется очистительная присяга съ 12-ю родственниками. Родственники присягаютъ хатунъ-талахъ.

4) Отъ невѣсты претензія, подобная изложенной въ 3 п., если нѣтъ посторонникъ свидѣтелей, не принимается.

Изложенные адаты примѣняются и въ тѣхъ случаяхъ, когда возникнетъ споръ о подаркахъ между мужемъ и женою при разводѣ, но только въ такомъ случаѣ, если разводъ состоялся до истеченія года со дня вступленія въ бракъ; при разводахъ-же по истеченіи года претензіи относительно подарковъ не принимаются.

Адаты Усишинскаго общества.

Предъявленіе претензій. Отъ наслѣдниковъ не принимаются претензіи, основанныя на одномъ подозрѣніи, если подозрѣніе это не было заявлено умершимъ.

По гражданскимъ искамъ, претензіи на наслѣдниковъ и родственниковъ отвѣтчика принимаются во всякомъ случаѣ. По прочимъ-же дѣламъ, за смертію отвѣтчика, на наслѣдниковъ и родственниковъ принимаются только тѣ претензіи, по которымъ еще при жизни отвѣтчика названы были свидѣтели, которые могутъ подтвердить справедливость претензіи, или-же назначенъ былъ день для присяги претендующаго или отвѣтчика. Если-же этого не было сдѣлано при жизни отвѣтчика, или если претензія предъявлена по смерти его, то должны быть представлены явныя доказательства, не требующія ничьей присяги.

Согласившіеся на разборъ претензіи по маслаату не мо-

гутъ требовать разбора оной по адату, когда уже назначены лица для маслаатскаго разбора.

Претензіи по одному подозрѣнію не допускаются только: 1) на кадія, 2) на безумныхъ и сумасшедшихъ и 3) другъ на друга лицъ, состоявшихъ въ супружествѣ и потомъ разведенныхъ.

Претензія по подозрѣнію можетъ быть взведена въ одно время только на одного; но по убійству допускается и на нѣсколькихъ лицъ въ одно время.

Присяга. Когда претендующій, или отвѣтчикъ, долженъ присягнуть хатунъ-талахъ, но онъ не женатъ или далъ обѣтъ не присягать хатунъ-талахъ, то вмѣсто него присягаетъ родственникъ, который, для своего удостовѣренія, можетъ потребовать отъ того, за кого присягаетъ, присягу кораномъ. Свидѣтели, если они не женаты или дали обѣтъ не присягать хатунъталахъ, присягаютъ кораномъ.

Вмѣсто лицъ, давшихъ обѣтъ никогда не присягать, очистительную присягу принимаетъ самый близкій ихъ родственникъ, съ такимъ числомъ другихъ родственниковъ, какое потребуется по роду дѣла.

Когда претензія на этихъ лицъ взведена по одному подозрѣнію, то присяга претендующаго не допускается, а всегда требуется очистительная присяга.

Вдовы, разведенныя и совершеннолѣтнія дѣвицы присягаютъ сами, а за замужнихъ женщинъ присягаетъ мужъ. За малолѣтнихъ, безумныхъ и сумасшедшихъ присягаетъ ближайшій ихъ родственникъ.

По претензіямъ между ближайшими членами (родители, дѣти, братья и сестры) двухъ семействъ, состоящихъ въ кровной враждѣ, предъявляемымъ по одному подозрѣнію, присяга претендующаго не допускается, а всегда требуется очистительная присяга.

Свидѣтели должны быть жители той деревни, къ которой принадлежатъ тяжущіеся, или-же жители отселковъ этой деревни.

Женщины въ свидѣтели не допускаются.

Лица, давшія обѣтъ никогда не присягать, допускаются въ свидѣтели, но вмѣсто ихъ присягаетъ ближайшій родственникъ.

Не допускаются въ свидѣтели карты, мангуши и тургаки, пока состоятъ въ своихъ званіяхъ.

Показаніе кадія безъ присяги считается наравнѣ съ показаніемъ двухъ свидѣтелей за присягою.

За ложную присягу претендующаго, отвѣтчика или свидѣтеля, съ виновнаго взыскивается штрафъ въ пользу джамаата 12 рублей.

Когда присяга требуется съ родственниками, то срокъ на представленіе отсутствующихъ родственниковъ опредѣляется противною тяжущеюся стороною, но не менѣе 3-хъ дней. Претендующій, когда присягаетъ отвѣтчикъ, можетъ требовать, чтобы вмѣсто находящихся въ ближней отлучкѣ родственниковъ присягнули слѣдующіе за ними по степени родства наличные родственники, и присягающій не имѣетъ права отказаться отъ этого требованія.

Порядокъ удовлетворенія претензій и платежа взысканій, налагаемыхъ на обвиненныхъ. Когда претендующему предоставляется получить вещь по выбору, то для этого выбираются три вещи у жителей всего селенія, въ которомъ живетъ отвѣтчикъ, и принадлежащихъ къ оному отселковъ, и изъ этихъ трехъ вещей претендующій беретъ одну.

За оказавшихся несостоятельными по несчастному какому-либо случаю родственники платить не обязаны.

Адаты по убійству. Въ убійствѣ можетъ быть обвинено столько человѣкъ, сколько убитому нанесено ранъ.

Если для подтвержденія обвиненія по убійству потребуются доказательства, то претендующій долженъ предоставить свидѣтелей, которые присягаютъ хатунъ-талахъ, каждый съ 1 своимъ родственникомъ; если свидѣтель одинъ, то онъ присягаетъ съ 6-ю родственниками; если свидѣтелей нѣтъ, то присягаетъ претендующій хатунъ-талахъ тоже съ 6-ю родственниками.

Когда обвиненіе подтверждено присягою свидѣтелей, то обвиняются только тѣ, на которыхъ укажутъ свидѣтели, хотя-бы число этихъ обвиненныхъ было и меньше числа нанесенныхъ ранъ.

Если число обвиненныхъ свидѣтелями будетъ превышать число нанесенныхъ убитому ранъ, то изъ обвиненныхъ признаются убійцами столько человѣкъ, по указанію претендующаго, сколько на убитомъ ранъ.

Если свидѣтелей нѣтъ, то претендующій можетъ обвинить, по своему усмотрѣнію, столькихъ, сколько ранъ на убитомъ, и принять въ томъ присягу.

Если убійство произошло въ столкновеніи, въ коемъ участвовало нѣсколько лицъ, то истецъ можетъ обвинить въ убійствѣ столько человѣкъ изъ участвовавшихъ, сколько на убитомъ ранъ, хотя-бы были постороннія лица, видѣвшія, что всѣ или нѣсколько изъ этихъ ранъ нанесены однимъ лицомъ.

Если убитому ненесена одна рана и убійца самъ сознается, то обвиненіе на другого не допускается; но когда убитому нанесено нѣсколько ранъ, то хотя-бы сознавшійся въ убійствѣ объявилъ, что всѣ раны нанесены имъ однимъ, обвиненіе можетъ быть взведено, кромѣ сознавшагося, и на другихъ; но отстранить сознавшагося и на мѣсто его обвинить другого— претендующій не можетъ.

Когда обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію, то претендующій присягаетъ съ 6-ю родственниками хатунъ-талахъ.

При обвиненіи по подозрѣнію, когда убитому нанесено нѣсколько ранъ, подозрѣніе на нѣсколькихъ человѣкъ въ одно время допускается только въ такомъ случаѣ, если къ этому подозрѣнію есть достаточныя причины, а въ противномъ случаѣ подозрѣніе можетъ быть взведено только на одного.

Когда требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ: или хатунъ-талахъ съ 6-ю родственниками, или кораномъ, съ родственниками отъ 12 до 40 человѣкъ. Назначеніе, какая должна быть присяга и какое число родственниковъ при присягѣ кораномъ, зависитъ отъ претендующаго.

Убійство считается *кара*, согласно общихъ адатовъ, и сверхъ того: убійство своего кадія, во всякомъ случаѣ, а убійство карта, мангуша и тургака, при исполненіи ими служебныхъ обязанностей.

Если обвиненіе въ убійствѣ сдѣлано присягою претендующаго по подозрѣнію, то убійство не считается кара, если оно не принадлежитъ къ кара по другимъ причинамъ.

Обвиненные въ убійствѣ дѣлаются канлы одни; малъ-канлы не назначаются.

За убійство взыскивается: 1) алумъ родственникамъ убитаго: одинъ быкъ безъ оцѣнки, одинъ быкъ въ 10 рублей, одинъ баранъ въ 2 рубля, 3 сабы пшеницы и 7 кары бязи; 2) штрафъ въ пользу джамаата 3 рубля.

За убійство кара, алумъ и штрафъ взыскиваются вдвое.

Во всѣхъ случаяхъ, если обвиненіе сдѣлано присягою претендующаго по подозрѣнію, штрафъ не берется.

Если въ убійствѣ обвинено нѣсколько человѣкъ, то алумъ и штрафъ взыскиваются полностію съ каждаго порознь.

За убійство однимъ нѣсколькихъ человѣкъ, алумъ взыскивается за каждаго убитаго, а штрафъ одинъ.

За неумышленное убійство взыскивается какъ и за умышленное; но если неумышленно нанесена смертельная рана и умирающій отъ оной простилъ раненшаго, то послѣдній платитъ только штрафъ.

Если убійство сдѣлано по подкупу, то съ подкупившаго взыскивается штрафъ въ пользу джамаата 12 рублей, въ пользу тургаковъ 6 рублей и алумъ наслѣдникамъ убитаго, независимо отъ алума, взыскиваемаго съ убійцы. Но если убитый былъ канлы подкупившаго, то послѣдній никакому взысканію не подвергается.

Если кто откроетъ въ своемъ домѣ вора или пришедшаго съ другимъ какимъ-либо злымъ умысломъ и убьетъ его на мѣстѣ, то родственники убитаго обязаны дать хозяину дома одного быка за дозволеніе вынесть тѣло.

Если кто застанетъ родственника своего въ мужеложствѣ съ другимъ мужчиною и убьетъ обоихъ, то не подвергается никакой отвѣтственности.

При обоюдномъ нанесеніи смертельныхъ ранъ, взыскивается съ родственниковъ обоихъ раненыхъ только штрафъ; но съ родственниковъ умершаго на мѣстѣ драки штрафъ не берется.

Если убійство сдѣлано чужимъ оружіемъ и окажется, что оружіе дано было для совершенія этого убійства, то съ хозяина оружія взыскиваются алумъ и штрафъ, независимо отъ алума и штрафа, платимыхъ убійцею.

Для доказательства, что оружіе дано съ умысломъ, требуется или присяга свидѣтелей (какъ и по убійству), хатунъ-талахъ, или очистительная присяга хозяина оружія: хатунъ-талахъ съ 6-ю родственниками, или корапомъ съ 12-ю родственниками.

Отецъ, убившій сына или дочь, дѣлается канлы прочихъ дѣтей.

Адаты относительно канлы тѣ-же, что и въ Акушинскомъ обществѣ, съ слѣдующими измѣненіями:

Если доказано будетъ, что канлы приходилъ на землю, принадлежащую къ той деревнѣ и отселкамъ той деревни, откуда онъ удаленъ, то съ него взыскивается штрафъ въ пользу джамаата на 4 рубля.

Если кто изъ жителей той деревни, гдѣ живетъ канлы, будетъ содѣйствовать убійству его, то съ него, безъ различія, убитъ-ли канлы при его содѣйствіи, или не убитъ, взыскивается штрафъ въ пользу джамаата три быка, по 12 рублей, и домъ его сожигается.

Если кто изъ жителей той деревни, гдѣ поселился канлы, убьетъ его, то отъ него требуется очистительная присяга съ шестью родственниками, хатунъ-талахъ, или съ 12-ю родственниками, кораномъ, въ томъ, что убійство это сдѣлано имъ не по подкупу. Если онъ очиститъ себя присягою, то подвергается взысканію, какъ за убійство вообще; если-же откажется принять очистительную присягу, то сверхъ общаго взысканія за убійство съ него взыскивается въ пользу джамаата штрафъ, три быка, по 12 рублей, и домъ его сожигается.

Если канлы умретъ до примиренія, то за дозволеніе привезти тѣло для погребенія въ свою деревню, родственники его обязаны дать родственникамъ убитаго этимъ канлы одного быка, въ 12 рублей.

Если-же канлы будетъ убитъ по кровомщенію родственниками убитаго имъ, или по ихъ подкупу, то они не только ничего не получаютъ, но должны возвратить полученный ими алумъ.

Адаты по пораненію. За нанесеніе раны взыскивается: раненому 3 вакіи масла *) и 3 кары бязи; по излѣченіи раны, ранившій долженъ сдѣлать раненому угощеніе, съ 15-ю его родственниками; штрафъ въ пользу джамаата на 3 рубля **).

Рана лѣчится на счетъ ранившаго.

Если одинъ нанесетъ раны нѣсколькимъ лицамъ, то онъ удовлетворяетъ каждаго раненаго полностію, а штрафъ платитъ одинъ.

За неумышленное пораненіе удовлетвореніе дѣлается тоже, какъ и за умышленное, но штрафъ не взыскивается.

При обоюдномъ пораненіи, оба раненые могутъ претендовать другъ на друга за пораненіе, но штрафъ взыскивается полный съ каждаго изъ нихъ, хотя-бы они и не претендовали другъ на друга.

Въ нижеслѣдующихъ случаяхъ въ пользу раненаго и штрафъ взыскивается вдвое:

---

*) 1 вакія = $1^1/_2$ фунта.

**) Когда обвиненіе взведено на участвовавшихъ въ дракѣ присягою претендующаго, то штрафъ не берется.

1) за пораненіе кадія и будуна;

2) если кто, отправившись на воровство, или съ другимъ умысломъ, будетъ открытъ и, стараясь уйти, ранитъ хозяина дома.

При пораненіи чужимъ оружіемъ, съ хозяина онаго берется штрафъ 3 рубля на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и по убійству.

Адаты по ссорамъ, дракамъ и побоямъ. За нанесеніе мужчинѣ побоевъ, хотя-бы остались и знаки на тѣлѣ, и раны, за которую, по общему даргинскому адату, не слѣдуетъ удовлетвореніе, а равно и за драку, съ виновныхъ взысканіе дѣлается по усмотрѣнію кадія и картовъ.

За нанесеніе побоевъ женщинѣ, виновный долженъ дать ей новую рубаху и платокъ и сдѣлать угощеніе съ 6-ю родственниками; сверхъ того взыскивается штрафъ, по усмотрѣнію кадія и картовъ.

За нанесеніе побоевъ будуну, ему дѣлается угощеніе, съ 15-ю родственниками, и штрафъ въ пользу картовъ 3 рубля.

За нанесеніе побоевъ тургаку, ему дается поясъ изъ бумажной матеріи и штрафъ картамъ, по усмотрѣнію кадія.

За нанесеніе побоевъ гаджію, дѣлается взысканіе по усмотрѣнію кадія и картовъ.

За выстрѣлъ и обнаженіе оружія въ дракѣ взыскивается штрафъ по усмотрѣнію кадія и картовъ; сверхъ того, если сдѣланъ выстрѣлъ, то въ пользу того, въ кого былъ выстрѣлъ, взыскивается бычокъ въ 4 рубля.

Адаты по увозу женщинъ. За увозъ дѣвицы, вдовы и разведенной съ мужемъ, по обоюдному согласію, взыскивается съ обоихъ штрафъ по 3 рубля, и если родственники увезенной не согласятся на бракъ, то оба дѣлаются канлы ихъ, какъ по убійству.

За насильственный увозъ, увезшій платитъ штрафъ 6 рублей, и если родственники не согласились на бракъ, то онъ одинъ дѣлается канлы ихъ.

Съ родственниковъ увезенной, согласившихся на бракъ ея съ увезшимъ, взыскивается въ пользу джамаата штрафъ на 50 рублей.

Если женщина увезена въ другую деревню, то съ увезшаго, за все время до его возвращенія, взыскивается столько быковъ въ пользу джамаата, сколько было призывовъ на молитву со времени увоза.

Если увезшій укроется съ увезенною въ той-же деревнѣ, въ чужомъ домѣ, и хозяинъ дома дозволитъ имъ остаться вмѣстѣ и не разведетъ ихъ по разнымъ саклямъ, то съ хозяина взыскивается штрафъ 3 рубля.

За содѣйствіе къ увозу взыскивается штрафъ по одному быку въ 3 рубля съ каждаго содѣйствовавшаго *).

Адаты по изнасилованію женщинъ. Изнасилованная должна огласить крикомъ сдѣланное надъ нею насиліе, и тогда никакихъ доказательствъ болѣе не требуется. Если-же она этого не сдѣлала, то при предъявленіи претензіи требуется очистительная присяга обвиняемаго, съ 6-ю родственниками, хатунъ-талахъ, другія-же никакія доказательства не допускаются.

Отъ женщинъ, извѣстныхъ развратнымъ поведеніемъ, претензіи принимаются наравнѣ съ прочими.

За изнасилованіе и за намѣреніе изнасиловать женщину и даже за одно прикосновеніе къ ней, виновные подвергаются тому-же взысканію, какъ и за насильственный увозъ.

За содѣйствіе къ изнасилованію взыскивается по одному быку въ 3 рубля въ пользу джамаата съ каждаго содѣйствовавшаго.

Адаты по разврату. По претензіямъ о прелюбодѣйной связи мужчины и женщины, для доказательства обвиненія требуются свидѣтели, которые присягаютъ хатунъ-талахъ съ родственниками, какъ по убійству; если-же свидѣтелей нѣтъ, то требуется очистительная присяга обвиняемаго, какъ и по изнасилованію.

За связь мужчины съ незамужнею женщиною, виновные подвергаются тому-же взысканію, какъ и за увозъ по обоюдному согласію.

За связь мужчины съ замужнею женщиною взыскивается съ обоихъ штрафъ по одному быку въ пользу джамаата; оба дѣлаются канлы мужа и родственниковъ женщины, какъ и по убійству; все имущество жены переходитъ въ собственность мужа.

За посредничество въ связи взыскивается штрафъ въ пользу джамаата одинъ быкъ.

По мужеложству съ насиліемъ, для обвиненія требуется: если насиліе сдѣлано надъ малолѣтнимъ, то присяга 7 родственниковъ хатунъ-талахъ, или-же очистительная присяга обвиняемаго, съ 6-ю родственниками, хатунъ-талахъ, или съ 12-ю родственника-

*) Случаевъ увоза замужнихъ женщинъ не было.

ми, кораномъ, по требованію претендующихъ; если сдѣлано насиліе надъ совершеннолѣтнимъ, то относительно обвиненія существуетъ тотъ-же порядокъ, какъ и по изнасилованію женщины, но допускается и присяга свидѣтелей, какъ по убійству.

За мужеложство съ насиліемъ, съ виновнаго взыскивается одинъ быкъ и онъ дѣлается канлы родственниковъ изнасилованнаго, какъ по убійству.

За содѣйствіе къ изнасилованію дѣлается тоже взысканіе.

По скотоложству, для обвиненія требуются свидѣтели; если-же свидѣтелей нѣтъ, то очистительная присяга обвиняемаго, съ 6-ю родственниками, хатунъ-талахъ. Съ обвиненнаго взыскивается штрафъ въ пользу джамаата 3 рубля, скотина отдается ему, а вмѣсто нея онъ долженъ хозяину дать другую.

Адаты по воровству. Если хозяинъ уворованной вещи опознаетъ ее въ своей-же деревнѣ, то тотъ, у кого уворованное опознано, долженъ указать, отъ кого вещь эта ему досталась; по указанію этому отыскивается виновный, какъ и по передачѣ айнамалъ-кагаза; этотъ-же послѣдній выдается тогда только, когда при розыскѣ виновнаго окажется, что опознанная вещь пріобрѣтена изъ другой деревни, или если уворованное опознано въ другомъ отселкѣ своей деревни.

Обыскъ въ домѣ дозволяется дѣлать только одинъ разъ.

Если изъ уворованныхъ вещей ничего не найдено, то допускается претензія по подозрѣнію.

Если претензія предъявлена по подозрѣнію, то претендующій присягаетъ одинъ, кораномъ.

Когда потребуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ, по желанію претендующаго, или съ 6-ю родственниками хатунъ-талахъ, или съ 12-ю родственниками кораномъ.

За воровство опредѣляется слѣдующее взысканіе:

1) Хозяинъ получаетъ уворованное у него вдесятеро. Если-же обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію, присягою претендующаго, то, вмѣсто уворованной, хозяинъ получаетъ подобную ей вещь, по выбору.

2) Деньги всегда возвращаются въ томъ-же количествѣ, какъ уворованы.

3) Рушпетъ взыскивается на основаніи общаго на этотъ случай адата.

4) Если воровство сдѣлано со двора, то за приходъ вора во дворъ, въ пользу хозяина взыскивается одинъ быкъ.

Штрафъ за воровство полагается: джамаату одинъ быкъ въ 12 рублей, картамъ четыре котла, по 75 коп. *), и тургакамъ одна саба пшеницы. При обвиненіи по одному подозрѣнію, штрафъ не взыскивается.

За воровство изъ мечети, мельницы, съ пашни и гумна и за воровство хлѣба въ колосьяхъ, взысканіе увеличивается вдвое.

Подвергавшійся прежде взысканію за воровство получаетъ удовлетвореніе за уворованное у него наравнѣ съ прочими.

Если воръ пойманъ на воровствѣ, то онъ подвергается штрафу, опредѣленному за воровство; сверхъ того, съ него взыскивается въ пользу поймавшаго одинъ быкъ въ 12 рублей. Если онъ приходилъ во дворъ, то въ пользу хозяина одинъ быкъ. Но если онъ пойманъ самимъ хозяиномъ, то хозяинъ получаетъ только одного быка.

За покушеніе на воровство, взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство; сверхъ того, если воръ приходилъ во дворъ, то и въ пользу хозяина двора взыскивается одинъ быкъ.

Обвиненіемъ въ покушеніи на воровство служитъ оставленная вещь; если-же вещь не оставлена, то отъ обвиняемаго требуется очистительная присяга.

За укрывательство вора и сокрытіе уворованныхъ вещей взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство. Если имѣвшій у себя уворованныя вещи присягнетъ съ двумя родственниками хатунъ-талахъ, что онъ не зналъ, что вещи тѣ уворованы, то никакому взысканію не подвергается.

Съ того, кто хотя не скрывалъ вора и вещей, но зналъ, кѣмъ сдѣлано воровство, взыскивается штрафъ одинъ быкъ.

Если хозяинъ уворованнаго найдетъ вора и, не объявивъ объ этомъ, получитъ съ него удовлетвореніе по обоюдному условію, то какъ съ него, такъ и съ вора, взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство, и хозяинъ уворованнаго лишается уже права претендовать по этому воровству.

Съ кадія, обвиненнаго въ воровствѣ, штрафъ взыскивается вдвое.

---

*) Изъ опредѣленныхъ картамъ четырехъ котловъ, они два отдаютъ хозяину, у котораго сдѣлано воровство, независимо отъ прочаго, слѣдующаго въ его пользу, удовлетворенія.

Обвиненный въ воровствѣ можетъ указать соучастниковъ, отъ которыхъ требуется очистительная присяга, какъ и по обвиненію въ воровствѣ; не присягнувшіе отвѣчаютъ наравнѣ съ воромъ.

Адаты по поджогамъ. Для доказательства претензіи по поджогу требуются свидѣтели, которые присягаютъ хатунъ-талахъ, съ такимъ числомъ родственниковъ, какое назначитъ обвиненный, но не болѣе 6-ти.

Когда претензія взводится по одному подозрѣнію, то присяга требуется какъ и по воровству.

Оцѣнку убытковъ опредѣляетъ хозяинъ, за присягою съ двумя ближайшими родственниками.

Обвиненный въ поджогѣ удовлетворяетъ хозяина сгорѣвшаго имущества по цѣнѣ. Сверхъ того, съ него взыскивается штрафъ въ пользу джамаата одинъ быкъ въ 12 рублей; но если обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію, а также за неумышленный поджогъ, то штрафъ не берется.

Хозяинъ дома, въ которомъ произошелъ пожаръ, отвѣчаетъ за всѣ убытки, причиненные пожаромъ имуществу сосѣдей.

Хозяинъ дома отвѣчаетъ за сгорѣвшія въ его домѣ чужія вещи, если причина пожара не зависѣла отъ хозяина и пожаръ сдѣланъ другимъ; если-же пожаръ произошелъ по неосторожности того, у кого были чужія вещи, или членовъ его семейства, то дѣло разбирается по шаріату.

Адаты по порчѣ чужого имущества. Для доказательства претензіи требуются свидѣтели, которые присягаютъ хатунъталахъ, каждый съ 1 родственникомъ. Если свидѣтель одинъ, то присягаетъ и самъ претендующій *).

Когда претензія предъявляется по подозрѣнію, то требуется присяга, какъ и по воровству.

Оцѣнка убытка опредѣляется двумя посторонними лицами, безъ присяги, или-же однимъ, за присягою кораномъ; если-же виновный самъ сознался, то оцѣнщики назначаются по одному отъ претендующаго и отвѣтчика.

Обвиненный въ порчѣ пополняетъ убытки по оцѣнкѣ; штрафъ взыскивается 3 рубля въ пользу джамаата только за умышленную порчу, и притомъ когда умыселъ будетъ доказанъ.

---

*) По потравамъ посѣвовъ и покосовъ достаточно показанія одного свидѣтеля, безъ присяги.

За умышленную порчу въ мечети, на мельницѣ, гумнѣ и пашнѣ, убытокъ взыскивается вдвое, штрафъ въ пользу джамаата одинъ быкъ въ 12 рублей и въ пользу тургаковъ всего округа 14 котловъ, по 2 рубля.

Если кто умышленно ранитъ чужую скотину или сдѣлаетъ ей другую порчу, то скотина эта отдается испортившему, а на его счетъ хозяинъ беретъ другую скотину, по выбору.

Если кто обрѣжетъ хвостъ у лошади, то въ пользу хозяина взыскивается одинъ быкъ; но когда хвостъ обрѣзанъ такъ, что прорѣзана кожа, то взысканіе дѣлается какъ за пораненіе. Въ обоихъ случаяхъ назначается штрафъ, а если сдѣлана порча скотины или обрѣзанъ у ней хвостъ во дворѣ, то и взысканіе въ пользу хозяина, какъ и по воровству.

Если обрѣзанъ хвостъ у быка или другой скотины и при этомъ не порѣзана кожа, то въ пользу хозяина взыскивается одинъ баранъ, а штрафъ въ пользу джамаата опредѣляется по усмотрѣнію кадія и картовъ.

За потравы дѣлается удовлетвореніе по оцѣнкѣ и взыскивается штрафъ въ пользу тургаковъ:
за потраву посѣвовъ днемъ—1 рубль.
— — — — ночью—3 рубля.
— — — — покосовъ—1 серпъ, въ 20 коп., или 1 сахъ пшеницы.

Когда взысканіе дѣлается по одному подозрѣнію, то штрафъ не берется.

Для предупрежденія потравъ установленъ слѣдующій адатъ: въ деревнѣ дозволяется держать каждому хозяину: отъ выгона скота на кутаны (хутора) до перевода на горы—не болѣе трехъ барановъ; съ этого времени до начала лѣта—не болѣе двухъ барановъ, и потомъ до спуска съ горъ скота—не болѣе одного барана. Лишнихъ противу положеннаго числа тургаки могутъ зарѣзать. Зимою дозволяется держать дома и больше барановъ.

За рубку общественнаго лѣса взыскивается штрафъ въ пользу джамаата: если порублено менѣе эшачьяго вьюка — 3 рубля, если вьюкъ болѣе—одинъ быкъ.

За впускъ скота въ лѣсъ взыскивается штрафъ въ пользу джамаата одинъ быкъ, въ 12 рублей.

Адаты по потерямъ и находкамъ. Для доказательства принадлежности найденной вещи, предъявляющій на оную права присягаетъ хатунъ-талахъ съ двумя родственниками.

По претензіямъ объ утайкѣ найденной вещи требуется отъ обвиняемаго очистительная присяга, какъ по воровству.

Адаты по гражданскимъ искамъ и спорамъ. При разборѣ дѣлъ по искамъ и спорамъ, очистительная присяга всегда требуется съ 6-ю родственниками, кораномъ.

По спорамъ, возникающимъ относительно подарковъ, дѣлаемыхъ женихомъ невѣстѣ, установлены слѣдующіе адаты:

1) Если причиною несостоявшагося брака былъ женихъ, то сдѣланные имъ невѣстѣ подарки остаются у нея; а если невѣста, то она должна возвратить жениху подарки вдвое *).

2) Сверхъ того, тотъ, кто былъ причиною размолвки, платитъ штрафъ въ пользу джамаата 3 рубля.

3)Если женихъ откажется отъ брака, потому-что замѣтитъ невѣсту въ развратномъ поведеніи, то бракъ считается несостоявшимся по винѣ невѣсты и съ нея дѣлается взысканіе, опредѣленное въ 1 п. Но обвиненіе свое женихъ долженъ подтвердить присягою хатунъ-талахъ двухъ свидѣтелей, каждаго съ однимъ родственникомъ, или одного свидѣтеля съ 6-ю родственниками.

4) При спорѣ относительно количества подарковъ, требуется присяга хатунъ-талахъ съ тремя родственниками отъ того, черезъ кого подарки посылались, а безъ этого претензія не принимается.

Адаты Цудахарскаго общества.

Предъявленіе претензій. Претензіи по подозрѣнію не допускаются только на кадія и картовъ.

По претензіямъ по подозрѣнію между дальними родственниками двухъ семействъ, состоящихъ въ кровной враждѣ, претендующій присягаетъ въ томъ, что обвиненіе взводится имъ не по враждѣ, съ тремя своими родственниками, по указанію подозрѣваемаго.

Не допускается раньше года претензія по подозрѣнію обвиненнаго прежде на обвинившаго; взводившій-же прежде претензію по подозрѣнію можетъ и раньше года предъявить новую претензію на того-же.

Претензія по подозрѣнію можетъ быть взведена въ одно

*) Невѣста подарковъ жениху не дѣлаетъ.

время только на одного, а по воровству въ нѣкоторыхъ случаяхъ на двухъ, но не болѣе.

Претензія по подозрѣнію можетъ переходить общимъ адатнымъ порядкомъ на семь человѣкъ, но по убійству вообще, послѣ очистительной присяги первоначально обвиненныхъ, на другихъ подозрѣніе не допускается.

Присяга. Когда тотъ, кто долженъ присягнуть, женатъ, то всегда присягаетъ хатунъ-талахъ, а если не можетъ, то кораномъ. Давшихъ обѣтъ не присягать хатунъ-талахъ въ Цудахарскомъ обществѣ нѣтъ.

По претензіямъ на женщинъ допускается или присяга претендующаго, или очистительная присягаотвѣтчика, какъ и по другимъ претензіямъ.

Отъ лицъ, давшихъ обѣтъ никогда не присягать, очистительная присяга никогда не требуется, а если претендующій, на основаніи адатовъ, не можетъ быть допущенъ къ присягѣ, то для подтвержденія претензіи своей долженъ представить свидѣтелей или другія доказательства.

Свидѣтелей можетъ быть два или одинъ. Въ обоихъ случаяхъ они присягаютъ всегда съ 6-ю своими родственниками.

Свидѣтели должны быть жители той-же деревни, къ которой принадлежатъ тяжущіеся, или жители отселковъ этой деревни.

Женщины въ свидѣтели не допускаются.

Лица, состоящія въ первыхъ четырехъ степеняхъ родства съ претендующимъ, въ свидѣтели не принимаются, хотя бы они и не имѣли участія въ спорномъ дѣлѣ.

Не допускаются въ свидѣтели тургаки и карты, пока состоятъ въ этихъ званіяхъ.

Показаніе кадія безъ присяги считается наравнѣ съ показаніемъ двухъ свидѣтелей за присягою.

По воровству, грабежу и порчѣ, когда претензія за смертію обвиняемаго предъявляется на наслѣдниковъ, свидѣтели къ обвиненію умершаго не принимаются, а требуется отъ наслѣдниковъ и родственниковъ его очистительная присяга.

Число родственниковъ, съ которыми требуется присяга тяжущихся, означено ниже по каждому роду дѣлъ особо. Свидѣтели-же присягаютъ всегда съ шестью родственниками.

Для присяги требуются всегда ближайшіе родственники со стороны отца—мужчины; но при присягѣ съ 40-ка родственниками, только 20-ть должны быть непремѣнно со стороны отца,

въ числѣ-же остальныхъ 20-ти, при недостаткѣ родственниковъ по отцу, могутъ быть и родственники со стороны матери, если она не уроженка другого аула, и даже посторонніе.

Срокъ для представленія отсутствующихъ родственниковъ опредѣляется по обоюдному согласію тяжущихся, но не болѣе 40-ка дней.

Порядокъ удовлетворенія претензій и платежа взысканій, налагаемыхъ на обвиненныхъ, въ Цудахарскомъ обществѣ тотъ-же, что и въ Мискахинскомъ, только съ слѣдующими измѣненіями:

1) если при переходѣ обязанности платить за несостоятельнаго къ одному изъ его родственниковъ, этотъ послѣдній объявитъ, что у родственника, платившаго прежде него, осталось какое-нибудь имущество, то долженъ представить двухъ постороннихъ лицъ, могущихъ подтвердить это безъ присяги, и

2) если имущества всѣхъ родственниковъ окажется недостаточно на пополненіе всѣхъ взысканій, то для платежа остального количества назначаются слѣдующіе родственники—12 со стороны отца и 12 со стороны матери, которые и уплачиваютъ падающее на нихъ взысканіе поровну.

Адаты по убійству. Въ убійствѣ всегда обвиняется одинъ; но когда нанесено нѣсколько ранъ и умирающій отъ нихъ самъ назоветъ убійцъ, а также если убійцы сами сознаются, то можетъ быть обвинено двое, но не болѣе.

Если-же кто, бывши на мѣстѣ убійства (т. е. при совершеніи убійства), не укажетъ убійцу, то самъ признается убійцей.

Если при убійствѣ не было постороннихъ лицъ и виновный самъ не сознается, то тотъ, кого претендующій за кровь обвинитъ въ этомъ убійствѣ, удаляется на 40 дней изъ деревни, а по истеченіи 40 дней отъ него требуется очистительная присяга съ 40 родственниками, и если онъ не очиститъ себя присягою, то признается убійцею.

Если обвиняемый окажется раненнымъ или замѣчена будетъ у него кровь на платьѣ или на оружіи, а также если обвиняется односелецъ убитаго и будетъ замѣчено стараніе его вынести изъ дому своего вещи, то очистительная присяга отъ обвиняемаго не требуется, и онъ признается убійцею безъ всякихъ другихъ доказательствъ.

Если убійство произошло въ дракѣ и вообще при участіи нѣсколькихъ лицъ, то претендующій за кровь можетъ по своему

усмотрѣнію обвинить одного изъ участвовавшихъ, и отъ него требуется очистительная присяга.

Если умершій отъ раны самъ указалъ виновнаго, то болѣе никакихъ доказательствъ не требуется и обвиненный умершимъ признается убійцею.

По обвиненіямъ, взводимымъ по одному подозрѣнію, требуется очистительная присяга.

Если обвиненный приметъ очистительную присягу, то обвиненіе въ томъ-же убійствѣ другого не допускается.

Вмѣстѣ съ обвиненнымъ считается канлы и все семейство его, живущее въ одномъ съ нимъ домѣ; оно подвергается кровомщенію родственниковъ убитаго наравнѣ съ самимъ убійцею.

Обвиненный въ убійствѣ подвергается слѣдующему наказанію: 1) платитъ алумъ родственникамъ убитаго: два быка или деньгами 16 рублей; три сабы пшеницы, 1 батманъ курдючьяго сала *), 7 кары бязи;

2) домъ его разоряется и садъ вырубливается;

3) лѣсъ изъ дому, деревья изъ сада и все движимое имущество, какое будетъ найдено въ домѣ, обращается въ пользу родственниковъ убитаго **);

4) если у обвиненнаго есть баранта на кутанѣ, то онъ долженъ перевести ее на нѣкоторое время на другой кутанъ.

За убійство кара къ алуму прибавляется два быка и взыскивается штрафъ въ пользу тургаковъ всего округа 7 котловъ, по 2 рубля каждый.

Если въ убійствѣ обвинены двое, то каждый изъ нихъ подвергается выше опредѣленному взысканію.

За неумышленное убійство дѣлается выше опредѣленное взысканіе, если только претендующіе за кровь убитаго родственники не согласятся простить убійцу. Взысканіе это дѣлается и въ такомъ случаѣ, если-бы умирающій отъ неумышленно нанесенной раны самъ простилъ ранившаго.

За убійство кровнаго врага не дѣлается взысканіе только съ тѣхъ, кто имѣлъ право мстить.

При убійствѣ отцомъ сына, отецъ дѣлается канлы одинъ; если-же убитый сынъ жилъ отдѣльно, то дѣлаются канлы всѣ

---

*) 1 батманъ=6 фунт.

**) Если обвиненный успѣетъ вынесть что-нибудь изъ движимаго имущества изъ своего дома въ другое мѣсто, то такое имущество не берется.

жившіе съ убійцею въ одномъ домѣ. Неотдѣленные сыновья его (братья убитаго) могутъ, если пожелаютъ, сами принять на себя отмщеніе за кровь брата и тогда не дѣлаются канлы.

При убійствѣ родственника, жившаго съ убійцею въ одномъ семействѣ, если у убійцы нѣтъ жены и дѣтей, онъ дѣлается канлы одинъ.

Право кровомщенія принадлежитъ родственникамъ убитаго не далѣе четвертой степени родства.

Кровомщенію подвергается какъ канлы, такъ и все его семейство, живущее въ одномъ домѣ.

Канлы, тотчасъ-же по совершеніи убійства или по смерти раненнаго имъ, долженъ удалиться съ семействомъ изъ мѣста жительства и не имѣетъ права возвращаться до примиренія съ родственниками убитаго.

Если канлы, или кто изъ семейства его, замедлитъ выходомъ изъ своей деревни, то съ каждаго промедлившаго взыскивается въ пользу джамаата столько быковъ, сколько было призывовъ на молитву втеченіи промедленнаго имъ времени.

Канлы и семейство его могутъ поселиться въ каждой деревнѣ, гдѣ нѣтъ родственниковъ убитаго; но въ отселкахъ своей деревни имъ поселяться не дозволяется.

Канлы не дозволяется ни продать оставшееся въ прежнемъ мѣстѣ жительства его недвижимое имущество, ни пользоваться этимъ имуществомъ до примиренія.

Если канлы, или кто-либо изъ членовъ его семейства, прійдетъ до примиренія въ свою деревню, или отселки оной, и родственники убитаго окружатъ домъ, гдѣ онъ укрылся, но убить его посторонніе не допустятъ, то съ него взыскивается за приходъ въ деревню одинъ быкъ родственникамъ убитаго.

Если кто изъ жителей той деревни, гдѣ живетъ канлы и его семейство, будетъ содѣйствовать родственникамъ убитаго убить канлы или кого изъ его семейства и убійство будетъ совершено, то содѣйствовавшій дѣлается канлы родственниковъ убитаго при его содѣйствіи, цѣлаго своего джамаата и хозяина дома, гдѣ жилъ канлы; все что останется отъ разоренія его дома получаетъ тотъ, въ чьемъ домѣ жилъ убитый канлы *).

---

*) Алумъ съ содѣйствовавшаго взыскивается только родственникамъ убитаго канлы.

Если канлы не убитъ, то за содѣйствіе никакого взысканія не опредѣлено.

Когда родственники убитаго согласятся примириться, то канлы платитъ имъ условленную сумму и дѣлаетъ угощеніе; послѣ этого вражда прекращается, и какъ канлы, такъ и семейство его, могутъ возвратиться на прежнее мѣсто жительства.

Если канлы, или кто изъ удаленныхъ съ нимъ членовъ его семейства, умретъ до примиренія, то можетъ быть перевезенъ для погребенія въ свою деревню; но за дозволеніе перевезти родственники его обязаны дать родственникамъ убитаго трехгодоваго бычка.

По смерти канлы (если она послѣдовала не по кровомщенію) семейство его остается въ изгнаніи и сверхъ того ближайшій его родственникъ изъ оставшихся на мѣстѣ жительства платитъ родственникамъ убитаго 30 руб., а до уплаты считается канлы.

Если канлы, или одинъ изъ членовъ семейства его, находящагося въ изгнаніи, будетъ убитъ по кровомщенію родственниками убитаго имъ, или по ихъ подкупу, то остальное семейство канлы возвращается на прежнее мѣсто жительства и получаетъ обратно, какъ алумъ, взысканный съ канлы при удаленіи его, такъ и всѣ убытки, причиненные разореніемъ его дома и сада, а равно и взятое родственниками убитаго движимое имущество. Но если кровомщеніе совершено на землѣ, принадлежащей той деревнѣ, съ ея отселками, откуда удаленъ канлы и куда онъ и семейство его не имѣли права приходить, то ни алумъ, ни убытки не возвращаются; семейство-же можетъ возвратиться на родину.

Обвиненный въ убійствѣ самимъ умирающимъ остается канлы до примиренія и въ такомъ случаѣ, если-бы впослѣдствіи открылось, что онъ обвиненъ несправедливо и виновный въ убійствѣ самъ сознался.

Адаты по пораненію. Взысканіе полагается за всякую рану, требующую лѣченія, а также за всякую рану на головѣ, хотя-бы рана эта и не требовала лѣченія.

Когда при пораненіи не было постороннихъ и ранившій самъ не сознается, то для подтвержденія обвиненія отъ претендующаго требуется присяга съ 6-ю родственниками.

Если поранепіе сдѣлано въ дракѣ и вообще при участіи нѣсколькихъ лицъ, то обвиненіе взводится только на одного изъ

участвовавшихъ, по усмотрѣнію раненаго, а если претендующему нанесено нѣсколько ранъ, то на двухъ, но не болѣе. Въ этомъ случаѣ также требуется присяга претендующаго.

Когда одинъ изъ участвовавшихъ въ дракѣ самъ сознается въ нанесеніи раны, или одинъ объявитъ, что всѣ раны нанесены имъ, то обвиненіе другого не допускается.

Когда требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ присягаетъ съ 6-ю родственниками.

Послѣ очистительной присяги обвиненіе на другого уже не допускается.

За нанесеніе раны взыскивается штрафъ въ пользу джамаата одинъ быкъ; раненый-же никакого удовлетворенія не получаетъ.

Если одинъ нанесетъ раны нѣсколькимъ лицамъ, то онъ удовлетворяетъ по шаріату каждаго раненаго, а штрафъ платитъ одинъ.

За неумышленное нораненіе удовлетвореніе дѣлается тоже, какъ и за умышленное, но штрафъ не взыскивается.

За нораненіе канлы или кого-либо изъ его семейства по кровомщенію, не дѣлается никакого взысканія, если нораненіе сдѣлано такимъ родственникомъ убитаго канлы, который имѣлъ право на кровомщеніе; прочіе-же родственники за нораненіе канлы отвѣчаютъ наравнѣ съ посторонними.

При обоюдномъ нораненіи, оба раненые могутъ претендовать другъ на друга за нораненіе, но штрафъ взыскивается полный съ каждаго изъ нихъ, хотя-бы они и не претендовали за нораненіе.

Адаты по ссорамъ, дракамъ и побоямъ. За нанесеніе мужчинѣ побоевъ и раны, за которую не полагается взысканіе, виновный не подвергается никакой отвѣтственности.

За нанесеніе побоевъ женщинѣ, если не она первая начала драку, взыскивается въ пользу джамаата одинъ быкъ.

За нанесеніе побоевъ въ присутствіи кадія и картовъ, при разборѣ ими дѣлъ, съ виновныхъ взыскивается по одному быку въ пользу джамаата.

За выстрѣлъ въ ссорѣ взыскивается одинъ быкъ въ пользу того, въ кого сдѣланъ выстрѣлъ.

Адаты по увозу женщинъ. За увозъ женщинъ взыскивается:

1) родственникамъ увезенной (алумъ): 3 сабы пшеницы, 1 батманъ курдючьяго сала, 1 палась въ 50 копѣекъ; изъ до-

машней утвари вещей на 3 рубля; сѣна, хлѣба или другихъ продуктовъ на 6 рублей; съ дома снимается крыша, или-же увезшій долженъ заплатить родственникамъ увезенной еще 2 рубля;

2) штрафъ: за увозъ замужней женщины, въ пользу джамаата два быка и въ пользу тургаковъ всего округа 7 котловъ, по 2 рубля каждый; за увозъ незамужней женщины: если она укрыта въ той-же деревнѣ—въ пользу джамаата одинъ быкъ; если она увезена изъ деревни въ отселки своей деревни—въ пользу джамаата одинъ быкъ и въ пользу тургаковъ 7 котловъ; если она увезена въ другую деревню—въ пользу джамаата два быка и въ пользу тургаковъ 7 котловъ.

Если женщина увезена въ другое общество, то увезшій дѣлается канлы родственниковъ увезенной и подвергается преслѣдованію, какъ и канлы по убійству, но удаляется изъ деревни одинъ, безъ семейства.

Увезшій замужнюю женщину, если и примирится съ мужемъ увезенной, то остается канлы родственниковъ ея.

Если увозъ женщины сдѣланъ по ея согласію, то и съ нея взыскивается штрафъ въ пользу джамаата два быка.

Увезенную въ другую деревню женщину мужъ или родственники не могутъ возвратить, хотя-бы она была увезена насильно.

Если увезшій укроется въ своей деревнѣ, въ чужомъ домѣ, и потомъ хозяинъ дома дозволитъ ему уйти съ увезенною въ другую деревню, то съ хозяина взыскивается штрафъ одинъ быкъ, въ пользу джамаата.

Если увозъ сдѣланъ насильно и при содѣйствіи другихъ, то одинъ изъ содѣйствовавшихъ, по выбору родственниковъ увезенной, подвергается тому-же взысканію, какое опредѣлено за увозъ, но канлы не дѣлается. Прочіе-же содѣйствовавшіе никакому взысканію не подвергаются.

Адаты по изнасилованію женщинъ. Претензіи по изнасилованію принимаются безъ всякихъ доказательствъ, по одному показанію изнасилованной.

Претензія по одному показанію принимается и въ томъ случаѣ, когда женщина извѣстна своимъ развратнымъ поведеніемъ.

За изнасилованіе полагается тоже взысканіе, какъ и за увозъ.

Штрафъ взыскивается: за изнасилованіе незамужней женщины—одинъ быкъ въ пользу джамаата; за изнасилованіе замуж-

ней женщины—въ пользу джамаата два быка и въ пользу тургаковъ 7 котловъ, по 2 рубля каждый.

Если незамужняя женщина изнасилована своимъ односельцемъ, но въ другой деревнѣ, то штрафъ взыскивается, какъ за изнасилованіе замужней женщины.

Если изнасилованіе сдѣлано на мельницѣ, то, кромѣ алума изнасилованной, берется съ изнасиловавшаго въ пользу хозяина мельницы одинъ быкъ въ 4 рубля.

Содѣйствовавшій изнасилованію подвергается тому-же взысканію, какъ изнасиловавшій, но канлы не дѣлается, и если изнасилованію содѣйствовало нѣсколько человѣкъ, то обвиняется изъ нихъ одинъ.

За намѣреніе изнасиловать и даже за прикосновеніе къ женщинѣ опредѣляется тоже взысканіе, какъ и за изнасилованіе.

Если женщина изнасилована односельцемъ своимъ въ чужой деревнѣ и послѣ изнасилованія задержана изнасиловавшимъ, то послѣдній дѣлается канлы родственникамъ изнасилованной, какъ и по увозу.

Адаты по разврату. Основаніями къ обвиненію въ прелюбодѣйной связи мужчины съ женщиною, служатъ: 1) сознаніе самой женщины и 2) обнаруженіе кѣмъ-либо связи ихъ на мѣстѣ.

Мужчина за прелюбодѣйную связь съ женщиною подвергается тому-же взысканію, какъ за увозъ и изнасилованіе.

Штрафъ взыскивается: 1) за связь съ замужнею женщиною—въ пользу джамаата два быка и въ пользу тургаковъ семь котловъ, по 2 рубля каждый; 2) за связь съ незамужнею женщиною—одинъ быкъ въ пользу джамаата; но если въ связи обвинены мужчина и незамужняя женщина, находящіеся въ своей деревнѣ, то штрафъ взыскивается какъ за связь съ замужней женщиною.

Если въ связи обвинены мужчина и женщина, находящіеся въ чужой деревнѣ, то мужчина дѣлается канлы, какъ и по увозу.

Съ женщины взыскивается штрафъ въ пользу джамаата два быка, но только въ такомъ случаѣ, если, по обнаруженіи связи ея съ мужчиною, она бѣжала съ нимъ.

По мужеложству съ насиліемъ обвиненіе и взысканіе дѣлаются какъ и по изнасилованію незамужней женщины въ своей деревнѣ, и сверхъ того взыскивается въ пользу тургаковъ всего округа семь котловъ, по 2 руб. каждый *).

*) Случаевъ мужеложства по обоюдному согласію не было.

За скотоложство взыскивается только съ совершеннолѣтняго (15 лѣтъ) одинъ быкъ въ пользу картовъ.

Для доказательства жалобы по скотоложству требуется присяга хозяина съ 6-ю родственниками; очистительная присяга не допускается.

Адаты по воровству. Если хозяинъ уворованной вещи опознаетъ ее въ своей-же деревнѣ, то тотъ, у кого уворованное опознано, долженъ указать, отъ кого вещь эта ему досталась; по указанію этому отыскивается виновный, какъ и по передачѣ айнамалъ-кагаза; этотъ-же послѣдній выдается тогда только, когда при розыскѣ виновнаго окажется, что опознанная вещь пріобрѣтена изъ другой деревни, или если уворованное опознано въ другомъ отселкѣ своей деревни.

Когда тотъ, у кого опознана вещь или у кого она находилась прежде, укажетъ, что она досталась ему отъ односельца его, а этотъ односелецъ покажетъ, что вещи этой у него не было и онъ ея не передавалъ, то отъ указывающаго требуются свидѣтели; если-же свидѣтелей нѣтъ, то отъ того, на кого онъ указываетъ, требуется очистительная присяга съ 6-ю родственниками, въ томъ, что опознанной вещи у него не было и онъ ея не передавалъ.

Когда изъ уворованныхъ вещей ничего не найдено и никакихъ уликъ къ обвиненію не открыто, то допускается претензія по подозрѣнію.

Когда претензія предъявляется по одному подозрѣнію, то обвиненіе можетъ быть взведено въ одно время только на одного; если-же по количеству уворованныхъ вещей можно заключать, что воровство не могло быть сдѣлано однимъ лицомъ, а также если уворовано больше одной скотины, то подозрѣніе можетъ быть объявлено въ одно время на двоихъ, но не болѣе.

При предъявленіи претензіи по подозрѣнію, относительно присяги соблюдается слѣдующее: 1) когда подозрѣніе взведено на того, кто и прежде былъ подвергаемъ взысканію за воровство, то претендующій присягаетъ одинъ, безъ родственниковъ, или требуетъ очистительную присягу отъ подозрѣваемаго, съ родственниками его.

2) Когда претензія по подозрѣнію взводится на того, кто прежде никогда не былъ обвиненъ въ воровствѣ, то присяга претендующаго не допускается, а требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, съ его родственниками.

3) Но если претендующій не согласится допустить обвиняемаго очистить себя присягою, то карты выбираютъ изъ общества 3-хъ человѣкъ, которымъ предлагается, чтобы они очистили присягою обвиняемаго, и если изъ нихъ хотя двое присягнутъ за обвиняемаго, то присяга претендующаго уже не допускается, а принимаетъ очистительную присягу обвиняемый, съ родственниками.

4) Послѣ этой присяги подозрѣніе на другого уже не допускается.

5) Если-же изъ 3-хъ выбранныхъ картами двое откажутся присягнуть, то только тогда допускается присяга претендующаго съ родственниками.

6) По обоюдному согласію претендующаго и обвиняемаго, претендующій можетъ присягнуть одинъ, безъ родственниковъ, но тогда получаетъ меньшее удовлетвореніе *).

7) Если претендующій за воровство прежде самъ подвергался взысканію за воровство-же, а подозрѣніе взводитъ на того, кто прежде въ воровствѣ никогда не былъ обвиняемъ, то всегда требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго, который присягаетъ одинъ, безъ родственниковъ, а присяга претендующаго и выбранныхъ картами лицъ не допускается.

Когда присяга претендующаго, или отвѣтчика, должна быть съ родственниками, то требуется слѣдующее число родственниковъ:

по воровству лошади и катера, а также по воровству вещей изъ сакли 12

во всѣхъ остальныхъ случаяхъ ..... 6.

Когда претензія по воровству предъявлена на одомана, то онъ, если не пожелаетъ очистить присягою всѣхъ пастуховъ стада отъ взводимаго на нихъ обвиненія, можетъ предоставить претендующему обвинить одного изъ пастуховъ, самъ-же отвѣчаетъ только за воровство, учиненное имъ самимъ.

Цѣнность уворованнаго претендующій упоминаетъ въ принимаемой имъ присягѣ; если-же требуется присяга отъ отвѣтчика, то претендующій, прежде этой присяги, объявляетъ о цѣнѣ уворованнаго, безъ присяги.

Если-же у претендующаго уворована чужая вещь, за кото-

---

*) См. ниже.

рую онъ долженъ удовлетворить хозяина оной, то о цѣнѣ такой вещи присягаетъ хозяинъ ея съ 6-ю родственниками.

За воровство опредѣляется слѣдующее взысканіе:

1) Если обвиненіе сдѣлано по какимъ-либо доказательствамъ или по отказу обвиняемаго отъ очистительной присяги, то уворованное возвращается вдесятеро.

2) Если обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію, то уворованное возвращается вдвое.

3) Если претендующій, по обоюдному согласію съ отвѣтчикомъ, присягалъ одинъ, то съ обвиненнаго взыскивается только стоимость уворованнаго.

4) Если цѣнность уворованнаго менѣе рубли, то, кромѣ удовлетворенія по цѣнѣ, никакого взысканія не полагается.

5) Рушпетъ взыскивается на основаніи общаго адата.

Штрафъ берется: если взысканіе дѣлается на основаніи вышеприведеннаго 1 п., то въ пользу джамаата 1 быкъ и въ пользу тургаковъ всего округа семь котловъ, по 2 руб. каждый; если взысканіе дѣлается на основаніи 2-го п., то только въ пользу джамаата 4 руб. 80 коп.

За воровство изъ мечети штрафъ берется вдвое, уворованное взыскивается вдесятеро, обвиненный дѣлается канлы всего джамаата, какъ и за убійство, и удаляется изъ деревни.

Если обвиненіе взведено по одному подозрѣнію, то подозрѣваемый удаляется на 40 дней изъ деревни, а по истеченіи этого времени отъ него требуется очистительная присяга съ 40-ка родственниками, и если онъ не присягнетъ, то подвергается взысканію, опредѣленному выше.

За воровство съ мельницы, пашни, гумна и за воровство хлѣба въ колосьяхъ, штрафъ взыскивается вдвое.

Подвергавшійся прежде взысканію за воровство получаетъ удовлетвореніе за уворованное у него наравнѣ съ прочими.

Если воръ пойманъ на мѣстѣ, то съ него взыскивается: въ пользу джамаата 1 быкъ, въ пользу тургаковъ всего округа семь котловъ, по 2 руб. каждый, и поймавшему одинъ быкъ.

Если воръ не пойманъ, но оставилъ свою вещь, по которой и открытъ, то съ него взыскивается штрафъ въ пользу джамаата 4 руб. 80 коп. и въ пользу тургаковъ семь котловъ, по 2 руб.

Обвиняемый въ покушеніи на воровство, если онъ не пойманъ и не оставилъ своей вещи, долженъ очистить себя при-

сягою съ 6-ю родственниками; если-же онъ не присягнетъ, то съ него взыскивается одинъ быкъ въ пользу картовъ.

За взломъ при воровствѣ взыскивается въ пользу хозяина 4 руб. 80 коп., но съ обвиняемаго присягою претендующаго по одному подозрѣнію взысканіе это не дѣлается.

За укрывательство вора и сокрытіе уворованныхъ вещей, съ виновнаго взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство; но если тотъ, у кого скрывались вещи, приметъ присягу, что онъ не зналъ, что вещи тѣ уворованныя, то съ него никакого взысканія не дѣлается.

Когда хозяинъ уворованнаго найдетъ вора, но, не объявивъ объ этомъ, получитъ съ него удовлетвореніе по обоюдному согласію, то онъ лишается права претендовать по этому воровству, а съ вора взыскивается штрафъ, опредѣленный за доказанное воровство.

Адаты по поджогамъ. Для доказательства претензіи по поджогу требуется присяга претендующаго съ 6-ю родственниками.

Когда потребована очистительная присяга отъ обвиняемаго, то онъ также присягаетъ съ 6-ю родственниками.

Оцѣнка убытковъ дѣлается, какъ по воровству.

Обвиненный въ поджогѣ удовлетворяетъ хозяина сгорѣвшаго имущества, если вина доказана, вдесятеро; если-же обвиненіе сдѣлано по подозрѣнію, вдвое.

Сверхъ того, за умышленный поджогъ взыскивается штрафъ, опредѣленный за воровство.

Хозяинъ дома, въ которомъ произошелъ пожаръ, отвѣчаетъ за всѣ убытки, причиненные пожаромъ сосѣдямъ.

Хозяинъ дома отвѣчаетъ за сгорѣвшія въ его домѣ чужія вещи, если причина пожара не зависѣла отъ хозяина и поджогъ сдѣланъ другимъ; если-же пожаръ произошелъ по неосторожности того, у кого были чужія вещи, или членовъ его семейства, то дѣло разбирается по шаріату.

Адаты по порчѣ чужого имущества. Если порча имущества сдѣлана тайно, то доказательства обвиненія требуются какъ и по поджогамъ.

О цѣнѣ порчи претендующій упоминаетъ въ своей присягѣ; если-же виновный самъ сознался, то порча оцѣнивается двумя посторонними, безъ присяги.

Обвиненный въ порчѣ удовлетворяетъ хозяина по цѣнѣ, и

сверхъ того, за умышленную порчу взыскивается штрафъ въ пользу картовъ 4 руб. 80 коп.

За порчу на мельницѣ взыскивается убытокъ вдесятеро и, сверхъ общаго штрафа, еще въ пользу тургаковъ всего округа четырнадцать котловъ, по 2 руб.; но если обвиненіе сдѣлано по одному подозрѣнію, то дѣлается обыкновенное взысканіе.

Если кто ранитъ или инымъ образомъ испортитъ чужую скотину, или обрѣжетъ у лошади хвостъ или гриву, то испорченная скотина возвращается испортившему, а на мѣсто ея хозяинъ получаетъ насчетъ виновнаго другую, по выбору. Сверхъ того, съ виновнаго взыскивается штрафъ за порчу*).

За потраву посѣвовъ, покосовъ и пастбищъ опредѣляется тоже взысканіе, какъ и за порчу, а за выпускъ на эти мѣста скотины, если потравы не сдѣлано, взыскивается только штрафъ.

Для предупрежденія потравъ, не дозволяется держать въ деревнѣ барановъ болѣе двухъ штукъ къ каждомъ дворѣ; если-же у кого окажется болѣе этого, то тургаки имѣютъ право зарѣзать ихъ.

За рубку чужими лицами для своей надобности лѣса, принадлежащаго мечети, взыскивается въ пользу джамаата: если нарублено не болѣе эшачьяго вьюка—1 рубль, если болѣе—одинъ быкъ.

Адаты по потерямъ и находкамъ. При предъявленіи объ утайкѣ найденной вещи требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго; но если утеряна скотина, то допускается и присяга претендующаго. Какъ претендующій, такъ и отвѣтчикъ, присягаютъ: за лошадь съ 12-ю родственниками, а въ остальныхъ случаяхъ—съ 6-ю родственниками.

Адаты по спорамъ и искамъ. Очистительная присяга всегда требуется съ шестью родственниками.

По спорамъ между женихомъ и невѣстою относительно подарковъ, никакія доказательства о количествѣ подарковъ не требуются, такъ-какъ обычаемъ установлено, какіе должны дѣлать подарки другъ другу вступающіе въ бракъ, и сверхъ того, что установлено этимъ обычаемъ, никакихъ подарковъ не дѣлается.

Если послѣ помолвки бракъ почему-либо не состоится, то женихъ и невѣста получаютъ обратно сдѣланные ими другъ другу подарки.

---

*) Если обрѣзанъ хвостъ у другой скотины, кромѣ лошади, и при этомъ не порѣзана кожа, то никакого взысканія не дѣлается.

B) Адаты, установленные на нѣкоторые случаи между жителями Даргинскаго округа и сосѣднихъ съ нимъ частей Дагестана.

Предъявленіе претензій. По претензіямъ между жителями Цудахарскаго общества и жителями Казикумухскаго округа, одоманъ (старшій пастухъ) отвѣчаетъ только за потравы; за воровство-же, учиненное кѣмъ-либо изъ пастуховъ, онъ не отвѣчаетъ.

Претензіи по одному подозрѣнію не допускаются на шамхала, хановъ, уцміевъ и бековъ, происходящихъ отъ бывшихъ въ Дагестанѣ владѣтельныхъ фамилій, а также претензіи этихъ лицъ на жителей Даргинскихъ обществъ.

Присяга. Евреи допускаются къ присягѣ только по взводимымъ ими претензіямъ, когда требуется доказать цѣну иска; въ остальныхъ случаяхъ, ни по своимъ дѣламъ, ни по взводимымъ на нихъ претензіямъ, евреи къ присягѣ не допускаются и въ свидѣтели не принимаются.

Относительно присяги претендующаго и отвѣтчика установлены слѣдующія отступленія отъ общихъ даргинскихъ адатовъ:

1) По дѣламъ даргинцевъ со всѣми жителями Кайтаго-Табасаранскаго округа, кромѣ сел. Мюрага, присяга претендующаго допускается только по убійству, покаленію и грабежу, а по остальнымъ дѣламъ требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго.

2) По дѣламъ даргинцевъ съ жителями Казикумухскаго округа, присяга претендующаго никогда не допускается, а всегда требуется очистительная присяга отъ обвиняемаго.

3) По дѣламъ жителей Урахлинскаго общества съ жителями Мехтулинскаго ханства и Шамхальства Тарковскаго *), присяга претендующаго допускается только по убійству, покаленію и грабежу.

4) По дѣламъ жителей Сергинскаго общества со всѣми сосѣдними частями Дагестана, присяга претендующаго никогда не допускается **).

---

*) Нынѣ Т.-Х.-Шуринскій округъ.

**) Въ 1862 году, по взведенному жителями сел. Согратль (Андалалскаго общества, Гунибскаго округа) на жителя сел. Хули (Цудахарскаго общества, Даргинскаго округа) по подозрѣнію въ убійствѣ родственника, возникъ вопросъ, кому должна быть предоставлена въ этомъ дѣлѣ присяга: претендующимъ-

Когда отъ обвиняемаго требуется присяга съ 40-ка родственниками, но у него нѣтъ этого числа родственниковъ со стороны отца, то отъ претендующаго зависитъ: или допустить къ присягѣ родственниковъ со стороны матери, или потребовать, чтобы изъ родственниковъ со стороны отца присягнули въ другой разъ столько человѣкъ, сколько не достанетъ до 40-ка.

Удовлетвореніе претензій. На удовлетвореніе претензій и взысканій берется все имущество отвѣтчика и его семейства; но родственники его и отдѣленные сыновья платить за него не обязаны.

Убійство. Въ убійствѣ всегда обвиняется одинъ; если-же убитому нанесено нѣсколько ранъ, то можетъ быть обвинено двое, но только тогда, когда оба убійцы сами сознаются, или-же укажутся посторонними лицами, бывшими при убійствѣ.

При убійствѣ въ столкновеніи, при участіи нѣсколькихъ лицъ, если убитому нанесено нѣсколько ранъ, и одинъ изъ убійцъ самъ сознается, то претендующій можетъ взвесть обвиненіе еще на одного изъ участвовавшихъ и обвиненіе свое подвердить присягою; если-же присяга претендующаго не можетъ быть допущена, то онъ можетъ требовать отъ всѣхъ участвовавшихъ очистительную присягу съ 40-ка родственниками, хатунъ-талахъ.

Если сознавшійся въ убійствѣ объявитъ, что всѣ раны нанесены имъ, то и въ такомъ случаѣ претендующій можетъ потребовать очистительную присягу отъ прочихъ участвовавшихъ.

По претензіямъ съ жителями Казикумухскаго и Гунибскаго округовъ, убійство никогда не считается *кара*; съ шамхальцами-же, мехтулинцами и кайтаго-табасаранцами, въ отношеніи

ли за кровь убитаго родственникамъ его, или-же подозрѣваемому? Такъ-какъ до того времени между этими обществами не было подобнаго случая, и потому адата не существовало, то для постановленія новаго адата вызваны были свѣдущіе люди отъ обоихъ обществъ. Но вслѣдствіе происшедшаго между ними разногласія, претензія согратлинцевъ на хулинца передана была на обсужденіе и рѣшеніе Дагестанскаго народнаго суда, съ тѣмъ чтобы рѣшеніе этого суда было принято Андалалскимъ и Цудахарскимъ обществами въ адатъ на будущее время въ соотвѣтствующихъ случаяхъ. Народный судъ, рѣшеніемъ, состоявшимся въ 17 день октября 1864 года, постановилъ: присягу, согласно существующему въ Цудахарскомъ обществѣ адату, предоставить обвиняемому съ 40-ка его родственниками, съ тѣмъ что если впослѣдствіи будутъ найдены какіе-нибудь факты и доказательства, изобличающіе виновнаго въ дѣлѣ, то приговоръ, основанный на присягѣ, можетъ подлежать отмѣнѣ.

признанія убійства за кара, примѣняются адаты того общества, къ которому принадлежитъ убитый.

Штрафъ въ пользу тургаковъ (букъ) за убійство никогда не берется.

Если канлы умретъ до примиренія, то опредѣленные общимъ даргинскимъ адатомъ на такой случай 13 рублей не платятся.

Покаленіе. По покаленію, если виновные сами не сознаются и постороннія лица, бывшія при покаленіи, не укажутъ, кѣмъ нанесены раны, то обвиняется всегда только одинъ.

При покаленіи въ столкновеніи, при участіи нѣсколькихъ лицъ, обвиненіе допускается, какъ и по убійству.

За покаленіе даргинцемъ шамхальца, мехтулинца или кайтаго-табасаранца, а также и этими даргинца, взыскивается въ пользу раненаго 3 руб., рана лѣчится на счетъ виновнаго и болѣе никакого удовлетворенія, ни по адату, ни по шаріату, раненый не получаетъ. Претензіи по покаленію даргинцевъ съ казикумухцами и андалалцами удовлетворяются только по шаріату.

Ссоры и драки. За выстрѣлъ, которымъ никакого вреда не причинено, взысканіе не дѣлается.

Увозъ женщинъ. За увозъ женщинъ взысканіе адатомъ не опредѣлено и удовлетвореніе дѣлается по обоюдному согласію увезшаго и родственниковъ увезенной. Только между даргинцами и кайтаго-табасаранцами, за насильственный увозъ женщинъ, опредѣлено взыскивать алумъ, положенный по общему даргинскому адату за убійство.

Изнасилованіе женщинъ. По претензіямъ объ изнасилованіи женщины, требуется отъ обвиняемаго очистительная присяга съ 40-ка родственниками, кораномъ. По дѣламъ съ кайтаго-табасаранцами, вмѣсто этой присяги, допускаются очистительная присяга съ 12 родственниками, хатунъ-талахъ, или-же свидѣтели.

За изнасилованіе женщины полагается взысканіе: по претензіямъ съ шамхальцами и мехтулинцами—три платья изъ синей бязи и сверхъ того изнасилованной дѣлается угощеніе съ 40-ка родственниками; по претензіямъ съ казикумухцами—половина алума, опредѣленнаго по общему даргинскому адату за убійство.

Между мискахинцами и шамхальцами положено изнасилованной давать одну овцу съ барашкомъ.

Связь съ женщиною. По связи мужчины и женщины, между

даргинцами и кайтаго-табасаранцами положено обвиненіе считать не требующимъ никакихъ доказательствъ, когда мужчину и женщину застанутъ наедині въ домѣ, если только мужчина, пришедшій къ женщинѣ, не кунакъ ея.

За связь съ женщиною, между даргинцами и кайтаго-табасаранцами положено взыскивать алумъ, какъ за убійство.

Воровство. Обыскъ дома между даргинцами и казикумухцами не допускается.

Уворованная вещь возвращается въ такомъ видѣ, какъ она найдена, хотя-бы она была и испорчена; но уворованная скотина возвращается съ доплатою противъ прежней цѣны и съ опредѣленнымъ рушпетомъ; если-же уворованное не найдено, то удовлетвореніе дѣлается по цѣнѣ, объявленной претендующимъ за присягою съ двумя родственниками, кораномъ.

Между даргинцами и казикумухцами положено, за уворованную кобылицу, если она не возвращается, платить не по цѣнѣ, а всегда 20 рублей.

Порча чужого имущества. Если кто обрѣжетъ хвостъ у чужой лошади или-же инымъ образомъ испортитъ лошадь или другую скотину, то испорченная скотина отдается испортившему, а съ него взыскивается такой-же цѣны скотина.

За потраву удовлетвореніе дѣлается по цѣнѣ убытковъ, но штрафъ не берется.

Примѣчанія.

1) Напечатанный выше сборникъ даргинскихъ адатовъ составленъ въ 1865-мъ году Даргинскимъ Окружнымъ Управленіемъ. Редакція „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ", печатая эти адаты, позволила себѣ сдѣлать нѣкоторыя отступленія отъ первоначальной формы ихъ изложенія, касающіяся, впрочемъ, нумераціи параграфовъ, оглавленія отдѣловъ и исключенія нѣкоторыхъ повтореній.

2) Каждое изъ Даргинскихъ обществъ управлялось въ прежнее время своимъ кадіемъ, а съ 1867 года эти общества, вошедши въ составъ Даргинскаго округа, образовали шесть наибствъ, для управленія коими назначены наибы, на основаніи общаго положенія для всей Дагестанской области. Въ обществахъ Акушинскомъ, Цудахарскомъ и Сиргинскомъ званіе кадія было наслѣдственнымъ, въ остальныхъ-же кадіи избирались народомъ на опредѣленный срокъ.

3) Примѣненіе въ полной мѣрѣ всѣхъ изложенныхъ адатныхъ постановленій имѣло мѣсто только въ прежнее время, до образованія Даргинскаго Окружнаго Управленія. Само собою разумѣется, это такія адатныя постановленія, какъ, напр., сожиганіе или разореніе дома отвѣтчика, въ настоящее время не могутъ уже имѣть примѣненія.

4) Для болѣе систематическаго ознакомленія съ адатами Даргинскихъ обществъ, какъ равно и съ адатами жителей прочихъ частей Дагестана, мы отсылаемъ читателей къ статьѣ г. Комарова: „Адаты и судопроизводство по нимъ", помѣщенной въ первомъ выпускѣ нашего „Сборника". Въ этой-же статьѣ находятся и объясненія нѣкоторыхъ мѣстныхъ словъ, встрѣчающихся въ текстѣ даргинскихъ адатовъ.

НАРОДНЫЯ СКАЗАНІЯ

КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

ИЗЪ ОСЕТИНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ СКАЗАНІЙ.

НАРТОВСКІЯ СКАЗАНІЯ *).

I.

Варіантъ о Сосрыко.

Выпалъ однажды глубокій, преглубокій снѣгъ у Нартовъ, такъ-что никто изъ нихъ не могъ выйти выгнать скотину. Сосрыко, однако, проложилъ дорогу и сталъ кликать: «Эй, Нарты! Если кто изъ васъ еще живъ и хочетъ выгнать скотину на пасьбу, пусть выгоняетъ»!—«Да умножатся дни жизни твоей, Сосрыко»! благодарили Нарты и стали отовсюду гнать къ нему скотину. Собравши скотину, Сосрыко погналъ ее на пасьбу къ самому берегу Чернаго моря. Въ морѣ у берега былъ большой камень. На камнѣ этомъ были ступеньки. Сосрыко взобрался по нимъ на камень, посмотрѣлъ оттуда въ подзорную трубу и увидѣлъ вдали, подъ большими скалами, приближавшагося къ нему, огромнаго роста, человѣка. Ѣхалъ онъ прямо на него.

«Ну, это непростой всадникъ», сказалъ съ нѣкоторой боязнью про себя Сосрыко. И въ самомъ дѣлѣ, это былъ непростой всадникъ, а *Тхы-фиртъ* **) *Мукара*. Подъѣхавъ близко къ Сосрыко, онъ привѣтствовалъ его: «Добрый день тебѣ, добрый мужъ! да умножится стадо твое»!—«Да будетъ тебѣ милость

*) См. «Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ», вып. V.

**) *Тхъ* (тыхъ)—сила. *Фиртъ*—сынъ. Отсюда *тхы-фиртъ*—сынъ силы, силичъ.

божья!» отвѣтилъ Сосрыко.—«Ты, добрый мужъ, выглядишь Нартовцемъ»?—«Да, я Нартовецъ», былъ отвѣтъ Сосрыко.—«Такъ ты долженъ знать Нартовскихъ знаменитостей». —«Знаю, какъ не знать. Знаменитѣе всѣхъ прежде всего Урызмагъ, потомъ Хамицъ, потомъ Сосланъ и затѣмъ Батразъ», перечислилъ Сосрыко Нартовскихъ мужей, за исключеніемъ себя.—«Но ты самого знаменитаго не упомянулъ,—какъ же ты не упомянулъ Сосрыко?! Онъ считается знаменитѣе всѣхъ».—«Да, и онъ знаменитъ», отвѣтилъ едва слышно Сосрыко. О себѣ ему не хотѣлось отзываться съ похвалой. —«Значитъ, ты долженъ знать, какъ у васъ играютъ».—«Да, знаю, какъ играютъ у насъ».—«Ну, такъ слѣзай съ камня и покажи, какъ играютъ у васъ«. Нехотя слѣзъ Сосрыко съ камня, горюя въ душѣ, что этотъ здоровякъ не оставитъ его, не причинивши какой-либо бѣды. «А вотъ какъ у насъ играютъ: я помѣчу себѣ на груди, стану поодаль, а ты долженъ попасть мнѣ въ помѣченное мѣсто на груди стрѣлой; если я выдержу—это значитъ хорошо; или ты станешь, а я буду стрѣлять», сказалъ Сосрыко.—«Хорошо: стрѣляй ты, а я стану», сказалъ Мукара и сталъ поодаль, обнаживши грудь. Сосрыко порадовался, конечно, что избавится отъ безумнаго страшилища. Пустилъ онъ ему въ грудь одну стрѣлу, другую, третью, четвертую и много еще другихъ, но ни одна не брала изъ нихъ, хотя онъ попадалъ въ помѣченное мѣсто: стрѣлы ломались и отскакивали назадъ.—«Нѣтъ, плохая, пустая игра эта»! воскликнулъ Мукара: «покажи что-нибудь другое».—«Покажу: есть у насъ еще другія игры», сказалъ Сосрыко, измышляя средство вѣрнѣе избавиться отъ него. «Есть у насъ еще слѣдующія игры: я стану вотъ подъ этой скалой и подставлю тебѣ свой лобъ, а ты ступай наверхъ, и попади мнѣ камнемъ въ лобъ; если выдержу—хорошо; а то ты подставь свой лобъ, я буду попадать въ него камнемъ», сказалъ Сосрыко.—«Хорошо, иди попадай ты», пригласилъ Мукара Сосрыко и подставилъ лобъ. А Сосрыко только этого и желалъ. Взобрался онъ на скалу и сбросилъ ему на лобъ величиною вотъ съ этотъ домъ камень. Ударившись о лобъ, разсыпался камень по сторонамъ мелкимъ пескомъ. «И это пустая игра»! злобно усмѣхнулся Мукара. «Покажи что-нибудь еще». Сосрыко отчаявался уже въ душѣ, что не можетъ найти средства избавиться отъ страшилища.—«Еще есть у насъ игры: вотъ стань въ морѣ; когда оно замерзнетъ отъ верху до низу, то повернись въ немъ и разбей ледъ,—это—хорошая игра; если сможешь,—ты богатырь», сказалъ Сосрыко. Мукара полѣзъ въ воду. Сосрыко-же, снявъ

шапку, взмолился Богу: «О Боже боговъ *)! если ты создалъ меня на что-нибудь, пошли такой морозъ, чтобы это море отъ верху и до низу покрылось сплошнымъ льдомъ»! Такъ-какъ Богъ ни въ чемъ не отказывалъ Нартамъ, то и молитва Сосрыко была услышана, и онъ послалъ такой морозъ, что море замерзло отъ верху до низу. Попытался Мукара повернуться, но гдѣ-же ему взломать сплошной морской ледъ.!—«Что-же мнѣ теперь дѣлать съ тобой»? спросилъ Сосрыко.—«Надулъ ты меня, Нартовецъ! Ты хочешь убить меня; но своимъ оружіемъ тебѣ не убить меня, поэтому ступай къ моей женѣ, въ *галуанъ* **) мой,—вонъ, видишь, она смотритъ на насъ,—и возьми въ *хадзаръ* ***) булатный кинжалъ мой въ шерстяномъ чехлѣ: этимъ только кинжаломъ ты убьешь меня». Попробовалъ-было Сосрыко своимъ кинжаломъ снять ему голову, но кинжалъ не бралъ. Онъ отправился въ галуанъ Мукара; Мукара былъ князь скалъ. На дорогѣ встрѣтился онъ съ одиночной ****). Одиночная посовѣтовала ему войти въ хадзаръ Мукара, не говоря ни единаго слова. «Въ противномъ случаѣ, если скажешь что-нибудь, кинжалъ соскочитъ съ гвоздя и вонзится тебѣ въ грудь», предупредила одиночная. Онъ поблагодарилъ ее за совѣтъ. Пришедши въ галуанъ, онъ вошелъ молча въ хадзаръ, взялъ кинжалъ и возвратился къ Мукара.

— «Провелъ меня, Нартовецъ»! воскликнулъ съ досады Мукара, когда увидѣлъ, что кинжалъ былъ въ рукѣ Сосрыко и не причинилъ ему никакого вреда. Сосрыко снялъ голову Мукара. Затѣмъ отправился въ его галуанъ, взялъ красавицу жену его и все его имущество. Пріѣхавши домой, онъ кликнулъ: «Эй, Нарты! Идите каждый къ своей скотинѣ, и если у кого что пропало, пусть заявитъ, я могу заплатить»! Вышли Нарты и загнали каждый свою скотину. Сосрыко пригналъ добычу и привелъ жену Мукара къ Са́танѣ, которая много радовалась подви-

*) Обращеніе къ Богу, въ высшей степени ярко характеризующее религіозныя представленія осетинъ.

**) *Галуанъ*—это усадьба въ видѣ крѣпости, съ башнею; такъ строили осетины свои усадьбы въ горахъ, чтобы онѣ могли служить оплотомъ противъ нападеній.

***) *Хадзаръ*—это помѣщеніе, комната, соотвѣтствующая кухнѣ у европейцевъ и служащая иногда пріемною у осетинъ.

****) *Хулбадаг-ус*—собственно значитъ *одиночная вдова*. Въ сказаніяхъ осетинъ этихъ вдовъ рисуютъ обыкновенно или злыми колдуньями, или вѣдуньями, вѣщими женщинами, предсказывающими тайны будущаго.

гамъ своего нерожденнаго сына. Справила она много *чиндз-ахсавовъ* *), гдѣ Нарты, по обыкновенію, много веселились.

Еще варіантъ о Сосрыко.

Однажды Сосрыко отправился изъ дому куда-то на семь лѣтъ; ни одинъ изъ Нартовъ не узналъ объ этомъ. «Пропалъ Сосрыко»! сказали Нарты. «Онъ былъ единственнымъ славнымъ мужемъ между нами, единственнымъ весельчакомъ, приводившимъ насъ въ живость, заставлявшимъ забывать насъ тяжелые часы жизни»! И не на шутку стали горевать Нарты: перестали веселиться, пѣть пѣсни, танцовать или играть на скрипкѣ. Вышелъ къ нимъ однажды Сырдонъ и спросилъ съ усмѣшкой: «Что вы, Нарты, горюете: перестали веселиться, словно кого оплакиваете»?! — «Эта собака все пристаетъ съ своимъ весельемъ, когда намъ не до веселья: пропалъ у насъ мужъ, котораго не стоили всѣ Нарты; а онъ намъ говоритъ, чтобы мы веселились»! отвѣтили обиженные Нарты.

— «Подождите немного, ваши дома увидятъ, какъ онъ пропалъ» **)! сказалъ имъ Сырдонъ. Сосрыко, между-тѣмъ, отправившись изъ дому на семь лѣтъ, нанялся гдѣ-то къ одному армянину. По прошествіи семи лѣтъ, онъ сталъ уходить отъ армянина. «Уходишь, мой добрый малый»? спросилъ армянинъ Сосрыко. (Армянинъ этотъ впродолженіи семи лѣтъ не узналъ, что къ нему нанялся Сосрыко Нартовскій). «Ухожу», отвѣтилъ Сосрыко. Армянинъ между-тѣмъ собрался ѣхать въ одно мѣсто, гдѣ играли въ альчики. Онъ взялъ три альчика и отправился. Съ нимъ отправился также смотрѣть, какъ армянинъ будетъ играть, Сосрыко. Сталъ армянинъ играть и объигралъ всѣхъ; его-же никто не могъ объиграть. Альчики были какіе-то особенные, не простые. Сосрыко смотрѣлъ, какъ армянинъ объигралъ всѣхъ, и много дивился чуднымъ альчикамъ.

---

*) *Чиндз-ахсавъ* — невѣстина ночь. Такъ называется вечерній пиръ, устраиваемый обыкновенно осетинами на третью ночь по взятіи невѣсты въ домъ жениха, по случаю представленія невѣсты къ домашнему очагу жениха.

**) *«Ваши дома увидятъ, какъ онъ пропалъ»*. Здѣсь заключается угроза въ такомъ смыслѣ, что Сосрыко возвратится и причинитъ каждому изъ нихъ, Нартовъ, такую бѣду, которая отзовется на домѣ каждаго изъ нихъ. Эта аллегорія весьма употребительна въ обыкновенномъ языкѣ осетинъ.

Вернулся армянинъ домой съ Сосрыко. «Семь лѣтъ я служилъ у тебя», обратился Сосрыко къ армянину, и ты впродолженіи этихъ семи лѣтъ не могъ узнать, кто я такой,—знай-же: я Сосрыко Нартовскій. Желаю тебѣ, чтобы семилѣтняя служба моя пошла тебѣ на пользу. Я прошу у тебя теперь одного: отдай мнѣ эти три альчика за семилѣтнюю работу мою,—больше я у тебя ничего не прошу». — «Отдамъ, отдамъ, сдѣлаю все, что хочется тебѣ», отвѣтилъ армянинъ и отдалъ ему сейчасъ-же альчики, вмѣсто слѣдовавшей ему платы. «Не зналъ я до-сихъ-поръ, что ты Нартовецъ; теперь я не пущу тебя пѣшкомъ», сказалъ армянинъ и отдалъ ему хорошаго коня съ сѣдломъ, съ уздой, съ плетью и проч. Сосрыко отправился домой. Сатана *) очень любила Сосрыко, хотя и не родила его. Со дня отлучки Сосрыко, она каждый день отправлялась на седьмой этажъ своего дома и оттуда въ подзорную трубу старалась высмотрѣть его. Однажды она увидѣла ѣхавшаго по берегу моря всадника, конь котораго взбрасывалъ землю большими комками. «Если поищетъ онъ броду», сказала Сатана про себя, «то онъ простой всадникъ, не мой сынъ и не изъ нашихъ; если-же онъ не простой человѣкъ, то въѣдетъ въ самую глубь моря». Проѣхавши немного еще по берегу моря, всадникъ въѣхалъ въ самую глубь моря и подобно рыбѣ переплылъ на своемъ *бѣломъ шаулохѣ* **) море. «Ѣдетъ къ вамъ, Нарты, отрядъ цѣлый или по-крайней-мѣрѣ полотряда—такой всадникъ будетъ здѣсь сейчасъ»! увѣдомила Сатана Нартовъ въ ныхасѣ ***).

Когда подъѣхалъ всадникъ къ ныхасу, Сатана узнала въ немъ Сосрыко. Она начала обнимать его: «Гдѣ ты пропадалъ семь лѣтъ, нерожденный сынъ мой»?! восклицала Сатана много разъ. Она задала пиръ по случаю благополучнаго возвращенія Сосрыко изъ дальняго странствованія, куда были приглашены всѣ Нарты. Нарты тоже много радовались возвращенію Сосрыко. Явился сюда-же и бѣдовый Сырдонъ: «О, Нарты, Нарты! вы семь лѣтъ чуть не носили траура по Сосрыко. Говорилъ я вамъ, что онъ возвратится,—что ему не писана смерть. Теперь видите его, и онъ опять покажетъ вамъ себя въ чемъ-нибудь».—«Семь лѣтъ, Сосрыко, ты странствовалъ,—ты долженъ показать намъ какую-нибудь новую игру»! пристала къ нему Нартовская молодежь.

*) Это сестра и вмѣстѣ съ тѣмъ жена Нартовскаго героя Урызмага.

**) Т. е. на бѣломъ конѣ изъ завода Шаулохова, который славится на сѣв. Кавказѣ между всѣми кабардинскими заводами.

***) *Ныхасъ*—говорильня.

—«Да, я знаю игры», сказалъ Сосрыко: «кто играетъ въ альчики, пусть идетъ со мною играть». Многіе вызвались играть съ Сосрыко. «Ну, какъ, на какихъ условіяхъ играютъ обыкновенно у васъ»? спросилъ Сосрыко.—«Какъ и на какихъ условіяхъ будешь играть ты, такъ и мы будемъ», отвѣчали ему.—«Если кто выиграетъ у меня, сказалъ Сосрыко, «тотъ можетъ или отрубить мнѣ руку, или отрѣзать ухо, или выколоть глазъ, или-же снять мнѣ со спины кожу на подобіе ремня длиннаго, а я кого объиграю, тому сдѣлаю то-же самое: кто на такихъ условіяхъ играетъ, тотъ пусть играетъ». —«Всѣ мы играемъ», отвѣтили молодые Нарты,—«потому мы и славимся храбрыми, что не побоимся и на этотъ разъ».—«Ну такъ хорошо», сказалъ Сосрыко: «будемъ играть».

Да будетъ такъ врагу твоему, что онъ надѣлалъ имъ: объигралъ ихъ, поэтому кому отрѣзалъ руку, кому—носъ, кому выкололъ глазъ,—словомъ, изуродовалъ всѣхъ,—и такимъ образомъ разошлись по окончаніи игры. Встрѣтился имъ Сырдонъ: «А-а-а, Нарты! Вотъ вы семь лѣтъ носили трауръ по Сосрыко, а теперь вы видите, надѣюсь, что онъ живъ: надѣлалъ онъ вамъ добрыя тавра,—теперь вы нигдѣ не можете пропасть: признаки хороши! Кто изъ васъ былъ съ носомъ — теперь безъ носа, кто съ ухомъ—теперь безъ уха, кто съ рукой—теперь безъ руки!... Хорошо погибъ Сосрыко,—нечего сказать»! Злились на Сырдона Нарты, но что-же дѣлать, когда все это была правда,—оставалось имъ только попрятаться по угламъ своимъ.

Узнавши о проказахъ Сосрыко, Сатана стала укорять его: «Ай, ай, Сосрыко! Нарты семь лѣтъ по тебѣ трауръ носили, никто изъ нихъ не взялъ скрипки въ руки за эти семь лѣтъ,— а ты ихъ теперь такъ изуродовалъ, — не слѣдовало тебѣ такъ поступать»!—«Что-же дѣлать,—какъ условились при игрѣ, такъ я и поступилъ», отвѣтилъ Сосрыко.

У славнаго Нартовца *Уазина* былъ единственный сынъ, по имени *Дзехъ*. Дзехъ умеръ. «О боже, я доволенъ тобою: ты далъ мнѣ этого отрока, потомъ ты-же разсудилъ и отнялъ его у меня»! взмолился Уазинъ. Могила Дзеха очутилась возлѣ *Барастыра* *) по волѣ божіей. Богу показался слишкомъ уже оскорбительнымъ поступокъ Сосрыко, поэтому могилу Дзеха вдругъ сталъ освѣщать тонкій лучъ на подобіе паутины. Дзехъ заше-

*) По миѳологическимъ представленіямъ осетинъ, это начальникъ покойниковъ, усопшихъ.

велился въ могилѣ, которую разметалъ потомъ, взбросивъ доски могильныя вверхъ, и всталъ; поклонился онъ Барастыру въ ноги и сталъ просить отпустить его на этотъ свѣтъ. «Какъ-же я отпущу тебя? Эти покойники пойдутъ тоже всѣ за тобой». —«Я найду средство удержать ихъ здѣсь, только отпусти меня», сказалъ Дзехъ.—«Въ такомъ случаѣ—ступай», согласился Барастыръ и отпустилъ. Дзехъ взмолился: «О Боже боговъ! пошли такой снѣгъ, который хваталъ-бы по колѣно»! Богъ послалъ ему такой снѣгъ. Тогда онъ подковалъ свою лошадь подковами назадъ, одѣлся и выѣхалъ. Покойники ринулись было за нимъ, но ихъ остановили. Они стали жаловаться, что не пускаютъ ихъ, тогда-какъ кто-то поѣхалъ. «Подите посмотрите, куда направленъ слѣдъ: впередъ или назадъ»? приказалъ Барастыръ. —«Слѣды направлены назадъ, къ намъ», донесли ему.—«Ну, такъ упасть по могиламъ! Это кто-нибудь ѣдетъ къ намъ», успокоилъ ихъ Барастыръ. Покойники попадали по своимъ могиламъ. Дзехъ между-тѣмъ пріѣхалъ на игорную площадь Нартовскую. «Сосрыко, выйди къ гостю»! кликнулъ Дзехъ къ Сосрыко. — «Взжай сюда»! отозвался ему въ отвѣтъ Сосрыко изъ дому.—«Нельзя мнѣ туда, — выйди ко мнѣ сюда»! кликнулъ опять Дзехъ. — «Нѣтъ, не выйду туда»! былъ отвѣтъ отъ Сосрыко.—«Ай, ай! какъ мало у тебя уважается гость»! укорилъ мальчикъ Сосрыко. Сосрыко не вышелъ къ нему. На ночь онъ остался на томъ мѣстѣ, легши около своего коня. Утромъ посмотрѣла Сатана на игорную площадь и увидѣла вчерашняго мальчика, спавшаго около своего коня. «Ну, нерожденный сынъ мой, иди испробуй себя и съ этимъ всадникомъ. Онъ ожидаетъ тебя». Сѣлъ Сосрыко на коня и выѣхалъ къ нему. «Сосрыко, отчего въ глазахъ твоихъ гость такъ мало значитъ»? спросилъ мальчикъ. «Пріѣхалъ я къ тебѣ узнать и увидѣть какую-нибудь новую игру, а ты и глазъ не кажешь».—«Прости меня, гость, не зналъ я этого и не могъ явиться къ тебѣ вчера», извинялся Сосрыко. — «На этотъ разъ прощаю, но покажи что-нибудь новаго». — «Играю я въ альчики», сказалъ Сосрыко. — «Хорошо, — будемъ играть въ альчики». — «Если ты объиграешь меня три раза, дѣлай со мной, что заблагоразсудится тебѣ; если я объиграю тебя, я сдѣлаю съ тобой, что мнѣ захочется». — «Хорошо, идетъ», согласился мальчикъ. Начали они такимъ образомъ играть. «Начни», сказалъ Сосрыко. —«Нѣтъ, начни ты, ты старше: мнѣ не слѣдуетъ начинать прежде тебя», отвѣтилъ

мальчикъ. Бросилъ Сосрыко три альчика на землю,—изъ нихъ вылетѣло три голубя, которые сѣли на деревѣ. Бросилъ потомъ альчики Дзехъ,—изъ нихъ вылетѣло три коршуна, которые кинулись на голубей и обезглавили ихъ. Поблѣднѣлъ Сосрыко: не легко ему было на сердцѣ, что съ такимъ необыкновеннымъ мальчикомъ заспорилъ. «Ну, теперь я не стану бросать первымъ, бросай ты», закапризничалъ было Сосрыко.—«Нѣтъ, нельзя: я не имѣю права бросать первымъ»! отказался мальчикъ. Бросилъ опять Сосрыко альчики: изъ нихъ вышла красивая арба, нагруженная просомъ. Улыбнулся Дзехъ и бросилъ тоже альчики: изъ нихъ выскочили тысяча насѣдокъ съ цыплятами, которыя жадно бросились на арбу и не оставили тамъ ни одного зернышка. «Брось теперь ты»! горячился Сосрыко.—«Нѣтъ, Сосрыко, я не смѣю: ты старше меня,—бросай,—кстати, это послѣдній разъ»! отвѣтилъ мальчикъ. Сосрыко бросилъ третій разъ альчики. Изъ нихъ выскочили три кабана, которые бросились бѣжать. Потомъ бросилъ Дзехъ; изъ альчиковъ выскочили три борзыя собаки, которыя пустились за кабанами, догнали ихъ и разорвали на мелкіе куски. Тогда мальчикъ сѣлъ на коня. Онъ то дернетъ за ухо Сосрыко, то за носъ, то потеребитъ ему руку или поднесетъ ему къ глазу кончикъ своего булатнаго кинжала, съ руганью, что онъ, Сосрыко, такъ безцеремонно наругался надъ Нартовскою молодежью. Наконецъ, когда мальчикъ въ свою очередь наругался надъ Сосрыко вдоволь, то всадилъ ему пику въ воротъ и, поднявши на воздухъ, сталъ таскать его на остріе пики. «Что ты мучаешь меня? Если что хочешь сдѣлать со мною, опусти меня на землю и дѣлай, что хочешь»! взмолился Сосрыко. Когда тотъ потаскалъ его довольно долго, то бросилъ его на землю; Сосрыко лежалъ на землѣ, какъ мертвый, не вставалъ на ноги. «Это тебѣ за безчинство противъ Нартовъ», сказалъ Дзехъ; «знай, что ты наказанъ сыномъ Уазина, Дзехомъ». Немного еще оставалось до захода солнца, такъ онъ пріударилъ коня и поспѣшилъ на тотъ свѣтъ, взмолившись прежде: «О Боже боговъ! останови еще немного солнце, чтобы я свѣтомъ добрался до мѣста». Богъ внялъ его просьбѣ и остановилъ солнце. Вотъ, теперь вечеромъ солнце, при заходѣ, бросаетъ красные лучи: это, говорятъ, въ память того событія. «Ахъ, нерожденный сынъ мой, говорила я тебѣ: наткнешься когда-нибудь на равнаго себѣ, вотъ такъ и случилось», говорила Сатана Сосрыко, который, прихрамывая, на-силу дотащился до Сатаны. «Такъ мнѣ надо», сказалъ Сосрыко: «я слишкомъ многое позволялъ себѣ».

О томъ, какъ великанъ поймалъ Урызмага *).

Однажды Урызмагъ возвратился изъ странствія, а Нарты сидѣли въ ныхасѣ **) и, какъ видно было, унывали что-то сильно: едва привѣтствовали, сказавшаго «добрый день»!, Урызмага. «Что это съ Нартами, что такъ пріуныли»? спросилъ Урызмагъ у Сàтаны. — «Да прислушались къ своему желудку», отвѣтила Сàтана. — «Ай, ай, молодые Нарты, вы такъ упали духомъ, что, подумаешь, каждый изъ васъ похоронилъ того, кто ему былъ дороже всего на свѣтѣ»! упрекнулъ нартовскую молодежь Урызмагъ, когда вошелъ въ ныхасъ. «Такъ, кто зовется мужемъ, садись: поѣдемъ со старымъ малымъ, авось раздобудемъ чего-нибудь»! Поѣхали лучшіе представители Нартовъ съ Урызмагомъ. Ѣхали они долго-долго. Наконецъ до того стали изнемогать отъ усталости и голода, что хотѣли остановиться и протянуть ноги. Вдругъ Урызмагъ замѣтилъ у подошвы горъ пастуха громаднаго росту, со стадомъ овецъ. «Ну, младшіе, кто поскачетъ и привезетъ намъ на ужинъ барановъ вонъ изъ того стада»? спросилъ Урызмагъ своихъ младшихъ. Никто изъ Нартовъ не отозвался. «Видно, старому самому придется поѣхать», проговорилъ Урызмагъ и полетѣлъ стрѣлой къ пастуху. Прискакавъ къ нему, онъ соскочилъ съ лошади, какъ рѣзвый парень, и поймалъ лучшаго барана, величиною съ порядочнаго быка. Онъ не могъ удержать барана: баранъ поволокъ его за собой, и Урызмагъ попался въ руки косому — одноглазому великану-пастуху. «А, мое солнышко Бодзолъ ***)! Спасибо тебѣ, что доставилъ мнѣ, чѣмъ можно будетъ вечеромъ помазать себя по-крайней-мѣрѣ по губамъ и по пальцамъ», обрадовался великанъ и бросилъ Урызмага въ пастушью суму. «Что ты тамъ шевелишься? Вѣдь если придавлю вотъ этакъ, ребра у тебя посыпятся во внутрь! Сиди тамъ смирно»! грозилъ великанъ шевелившемуся въ сумѣ Урызмагу, который принялся за съѣстные припасы великана. Между-тѣмъ солнце заходило; великанъ, поэтому, пригналъ свое стадо домой, — въ одну пещеру, входъ въ которую заваливалъ за

*) Сказаніе это очень интересно: какъ увидитъ читатель, оно напоминаетъ намъ одинъ эпизодъ изъ странствованій Одиссея: Одиссей у Полиѳема, и имѣетъ, значитъ, историческій смыслъ.

**) Говорильня.

***) Это имя любимаго барана великана.

собою громадной скалой, а она, скала эта, такъ плотно приходилась, что не пропускала въ пещеру ни одного луча дневнаго свѣта. «Поди принеси, сынокъ, вертелъ, и вотъ лакомый кусокъ зажарю, который сегодня притащилъ мнѣ Бодзолъ»! обратился великанъ къ сыну. Сынъ принесъ желѣзный вертелъ. Великанъ взялъ вертелъ и надѣлъ на него Урызмага и поставилъ его у огня, а самъ, усталый, въ ожиданіи шашлыка, повалился у очага спать. Вертелъ не прошелъ сквозь Урызмага, а прошелъ между тѣломъ и платьемъ; поэтому, только великанъ повалился спать и захрапѣлъ, Урызмагъ соскочилъ съ вертела, разжегъ вертелъ докрасна и воткнулъ его въ хорошій глазъ великана. Поревѣлъ, побѣсновался великанъ и, слѣпой, долженъ былъ усмириться, пригрозивъ только, что все-таки онъ и слѣпой доберется до маленькаго лукавца. Урызмагъ убилъ и сына его. Съ досады и злости, великанъ кусалъ себѣ пальцы, но ничто не помогало, разумѣется: отомстить онъ, слѣпой, не могъ. Къ утру овцы стали блеять,—это значило: настало утро и пора выпускать ихъ на пасьбу. «Но будетъ бѣда дому твоему. Ты отъ меня все-таки не уйдешь»! пригрозилъ великанъ опять Урызмагу и, отваливъ отъ входа скалу, сѣлъ на порогъ и сталъ по-одиночкѣ выпускать овецъ. Въ стадѣ великана былъ большой бѣлый съ длинными рогами козелъ, любимый козелъ великана. Урызмагъ наскоро зарѣзалъ этого козла, снялъ съ него шкуру съ рогами, одѣлся въ нее и пошелъ на четверенькахъ первымъ. «Это Гурчи *),—иди умница, Гурчи, иди попаси стадо до вечера, и пригони вечеромъ домой; да, я ужъ слѣпъ, къ тому-же хочу мерзавца наказать! Иди, иди»!... Онъ погладилъ его по шерсти и пустилъ. Урызмагъ выскочилъ такимъ образомъ и ожидалъ выхода всего стада. Когда стадо вышло, онъ вскрикнулъ: — «А я здѣсь вѣдь, слѣпой оселъ»! Великанъ съ досады тутъ-же околѣлъ. Урызмагъ погналъ большое стадо къ Нартамъ, а Нарты чуть живые. Сталъ онъ рѣзать барановъ и угощать Нартовъ. —«Ну, что, Нарты, довольны? Еще»? спрашивалъ Урызмагъ, угощая ихъ.—«Довольны, сыты»! сказали Нарты. Что уцѣлѣло отъ стада, они, отправившись домой, погнали съ собой. Пригнали овецъ въ ныхасъ, и стали дѣлить. Подѣлили поровну между всѣми. «Не такъ, не такъ, господа»! сказалъ одинъ Нартовецъ: «Урызмагу слѣдуетъ еще доля старшаго; мы умерли-бы съ голоду, если

*) *Гурчи*—это названіе любимаго козла великана.

бы не повелъ насъ снѣжно-бородый (т. е. Урызмагъ), — все это вѣдь досталъ Урызмагъ»! Никто не сталъ возражать: каждый изъ нихъ отдѣлилъ извѣстную часть своей доли для Урызмага, и Урызмагъ получилъ еще такимъ образомъ долю старшаго. Стали веселѣй высматривать Нарты.

Нарты и Сырдонъ.

Однажды собрались странствовать *Сосрыко*, *Урызмагъ*, *Хамицъ* и *Сосланъ*. За младшаго *) они пригласили сопровождать ихъ Сырдона. «Да какъ-же сопровождать васъ, господа мои, — бѣда мнѣ, право, съ вами: опять наградите меня изъ быковъ трехлѣтками, изъ овецъ — первоплодными, опять обидите меня» **)! сказалъ Сырдонъ. — «Не бойся, не бойся: такая доля будетъ тебѣ, какая будетъ намъ, если только раздобудемъ чего-нибудь», обнадежили Нарты хитраго Сырдона. Отправились Нарты. На дорогѣ пришлось имъ переправляться черезъ одну рѣку. Такъ-какъ у Сырдона не было лошади, то онъ взялъ за хвостъ Сосрыкова коня. Посреди рѣки Сосрыко обратился къ Сырдону: «Сырдонъ, а скажи-ка, когда удобнѣе всего срѣзать ногти съ пальцевъ»? — «Когда вспомнишь», послѣдовалъ отвѣтъ. — «Ну, такъ тебѣ немного будетъ трудно, что постоишь въ водѣ,» сказалъ Сосрыко. Онъ остановилъ коня и, доставъ изъ-подъ кинжала ножъ ***), сталъ тихонько срѣзать ногти, а Сырдонъ, стоя въ водѣ, готовъ былъ умереть съ досады, что такъ легко дался въ обманъ. Но дѣлать было нечего, — надо было стоять до-тѣхъ-поръ, пока Сосрыко не срѣзалъ всѣ ногти. Сырдонъ поклялся въ душѣ отомстить за это. Переправились они черезъ рѣку и поѣхали дальше, — ѣхали они долго. Наконецъ на ночь они остановились въ одномъ мѣстѣ. Когда они, усталые, заснули, Сырдонъ поворовалъ у нихъ кресала. Утромъ поѣхали они далѣе, — ѣхали опять

---

*) Обычай — быть сопровождаемымъ младшими во время странствія, обязанность которыхъ состоитъ въ услуженіи старшимъ, существуетъ и теперь.

**) Здѣсь Сырдонъ выражаетъ скрытую радость, именно: быть награждену именно такою скотиною, хотя выражаетъ ее въ смыслѣ нежеланія, ибо Нартовцы поступаютъ во всемъ совершенно противно желаніямъ и стремленіямъ Сырдона.

***) Ножи хранятся обыкновенно въ особыхъ чехлахъ подъ ножнами кинжала.

долго. Къ вечеру они завернули въ одинъ лѣсъ, съ цѣлью переночевать тамъ. Нужно было озаботиться имъ на счетъ ужина, — поэтому, одни пошли выгонять дичь, а другіе сдѣлали засаду. Какъ хорошіе стрѣлки, Нарты не дали, конечно, маху: убили большого оленя. Затѣмъ, хотѣли они развести огонь: одинъ хватится за кресало—нѣтъ его, другой — нѣтъ, третій—нѣтъ, и такъ ни у кого изъ нихъ не оказалось кресала, — всѣ сказали, что потеряли кресала. — «Ну, вы не младшіе» *)! сдѣлалъ Урызмагъ укоръ своимъ товарищамъ: «вонъ, посмотрите, между подушкой и сѣдломъ должно быть у меня запасное кресало», продолжалъ Урызмагъ. Посмотрѣли—не оказалось его: Сырдонъ постарался пріупрятать и запасное кресало Урызмага. Нечего было дѣлать, стали они сидѣть безъ огня. Наконецъ, было уже около полуночи, какъ замѣтили они огонекъ вдали. Отправили они Сосрыко за огнемъ къ мѣсту, откуда свѣтился огонекъ, — это было жилище семи великановъ. Сталъ Сосрыко кликать хозяевъ. На кликъ его вышелъ одинъ изъ великановъ и пригласилъ его въ хадзаръ. Тамъ подставили ему вотъ этакое кресло, съ точеными ножками. Сосрыко сѣлъ въ кресло и не могъ уже встать: кресло полили великаны растопленнымъ воскомъ. «Да пусть не выпуститъ оттуда Богъ Сосрыко! Иди, Сосланъ, ты,—что онъ тамъ засидѣлся такъ долго»! дивились Нарты и послали затѣмъ Сослана, когда Сосрыко не являлся долго. Пришелъ къ великанамъ Сосланъ и тоже позвалъ хозяевъ. На зовъ его вышелъ одинъ изъ великановъ и пригласилъ войти въ хадзаръ. «Да пусть не выпуститъ тебя Богъ отсюда! Что ты сидишь, когда мы ожидаемъ тебя»? обратился Сосланъ къ сидѣвшему молча Сосрыко и самъ сѣлъ въ подставленное ему кресло. Онъ также не могъ встать. Когда Сосланъ не возвращался долго, явился къ великанамъ самъ Урызмагъ. Онъ сталъ бранить Сосрыко и Сослана: «чтобъ вамъ не выйти уже отсюда болѣе! пришли и сѣли себѣ, а тамъ ихъ ожидаютъ»! Онъ также сѣлъ въ кресло и не могъ встать. На мѣстѣ остался одинъ Сырдонъ. Онъ развелъ огонь и управился съ убитымъ оленемъ такъ, какъ ему было угодно. Когда насытился вдоволь, отправился онъ туда-же, привязавъ одну тре-

*) Въ кругъ обязанностей младшихъ при старшихъ входитъ также обязанность быть готовымъ на всякій случай и надобность: имѣть у себя запасы-ремня, шило, огниво, и проч. Слѣдовательно, послѣ этого понятенъ укоръ Урызмага.

бушину къ одному усу и другую—къ другому *). «Доброй ночи вамъ, мои господа Нарты и великаны! Что, Нарты, вѣдь олень-то былъ очень хорошъ, а вы здѣсь засѣлись». Между-тѣмъ онъ хорошо зналъ, почему они сидятъ; внутренно радовался нашъ Сырдонъ, что отомстилъ Нартамъ. Завелъ онъ потомъ бесѣду съ великанами: «А вы, великаны, вы глядите кузнецами»?—«Да, мы кузнецы», отвѣтили они.—«Какой изъ инструментовъ лучше всего: молотъ-ли, щипцы-ли или наковальня»?, продолжалъ Сырдонъ, стараясь поссорить ихъ между собой. Одинъ говоритъ —молотъ, другой говоритъ: «нѣтъ, щипцы лучше всего», третій: «нѣтъ, наковальня», и такимъ образомъ они заспорили между собою; споръ перешелъ у нихъ отъ слова до дѣла: вступили онъ въ рукопашный бой и уничтожили другъ друга. «Ну, Нарты, какъ я съ вами поступилъ»? спросилъ Нартовъ Сырдонъ, смѣясь.—«Хорошо», отвѣчалъ Сосрыко: «какъ поступаетъ мужъ». —«А если я освобожу васъ отсюда, — хорошо-ли будетъ это»?! Тогда Нарты взмолились Сырдону, чтобы онъ освободилъ, избавилъ-бы ихъ отъ постигшей напасти. Сырдонъ сдѣлалъ имъ укоры, что они обижаютъ и унижаютъ его и что потомъ тани при надобности просятъ его помощи; затѣмъ взялъ кипятокъ и разлилъ его подъ ними. Тогда они вскочили съ своихъ мѣстъ, такъ-какъ были приклеены къ кресламъ желтымъ растопленнымъ воскомъ, который размягчился отъ кипятка. Забрали они все добро великановъ и подѣлили поровну между собою. «Но, господа мои Нарты, мнѣ-бы слѣдовала еще доля младшаго», сказалъ Сырдонъ.—«Правда, правда, Нарты: ему слѣдуетъ еще доля младшаго», поддержалъ Урызмагъ и сейчасъ-же отдѣлилъ нѣкоторую часть своей доли и передалъ ее Сырдону. Примѣру Урызмага, какъ старшаго, послѣдовали всѣ другіе.

Гатагъ и его сыновья.

Гатагъ былъ отецъ Сырдона и Цаугара. Умирая, Гатагъ позвалъ сыновей и сказалъ: «Сыновья мои! чѣмъ буду доволенъ

*) Очевидно, этимъ онъ хотѣлъ подразнить Нартовъ, которые все время оставались голодными.

вами на томъ свѣтѣ»? Сырдонъ отвѣчалъ: «Если умрешь, отъ меня будетъ тебѣ хорошая могила, хорошее одѣяніе погребальное и хорошія похороны; цѣлый годъ по субботамъ буду справлять по тебѣ поминки, поставлю Нартамъ въ память твою хорошій *кабакъ* *) и выставлю быка; а также въ день твоей смерти справлю по тебѣ поминки, изъ *Дзилатъ* **) пущу скачку. Если надую тебя въ чемъ-нибудь изъ этого обѣщаннаго, да буду тебѣ конемъ на томъ свѣтѣ».—«Ну, Цаугара, вотъ Сырдонъ обѣщаетъ похоронить меня хорошо, въ день смерти устроить хорошія поминки, поставить *кабакъ*, цѣлый годъ по субботамъ дѣлать поминки, — а ты что обѣщаешь мнѣ?—«Я», отвѣтилъ Цаугара, «буду стрѣлять хорошо въ *кабакъ*, буду участвовать на скачкѣ, сдѣлаю толстую липовую палку и сяду съ тѣми ***), которые соберутся на поминки. Если надую тебя въ чемъ-либо изъ этого обѣщаннаго, то пусть на томъ свѣтѣ будетъ тебѣ конемъ Цаугара» ****).

Отецъ умеръ. Сырдонъ, что обѣщалъ отцу, все исполнилъ, какъ слѣдовало: сдѣлалъ въ самомъ дѣлѣ поминки, гдѣ сидѣлъ и Цаугара, устроилъ скачку, гдѣ участвовалъ и Цаугара, поставилъ хорошій кабакъ, въ который стрѣляли три знаменитыя Нартовскія фамиліи: Ахсартакката, Алагата и Бората. Нарты смѣялись надъ Цаугара: «у Цаугара умеръ отецъ, а онъ садится на поминкахъ и участвуетъ въ скачкѣ»! Какъ ни много стрѣляли Нарты въ кабакъ, однако никто не попадалъ въ него. Цаугара смотрѣлъ долго на все это,—наконецъ, побѣжалъ домой и взялъ ружье. «Что имъ давать еще быка, мы сами съ Сырдономъ зарѣжемъ его»,

*) *Кабакъ*—это длинный шестъ, водруженный въ землю однимъ концомъ и съ досчатой цѣлью на другомъ, выставляемый въ память усопшаго родственниками обществу для состязательной пальбы; сбившій цѣль или попавшій въ нее получаетъ премію изъ быка или барановъ. Обычай этотъ впрочемъ поддерживается еще только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Горной Осетіи, на плоскости-же вездѣ оставленъ.

**) *Дзилатъ* — это минаретъ, что на лѣвой сторонѣ р. Терека между стан. Николаевской и Зиѣйской, почти противъ аула Элхота.

***) По обычаю осетинъ, ближайшіе родственники покойника, по которому справляютъ поминки, не имѣютъ права садиться съ приглашенными на поминки лицами. Цаугара-же, очевидно, идетъ противъ этого обычая, обѣщивая отцу сдѣлать услугу, что сядетъ съ приглашенными.

****) Имя—*Цаугара*—кажется, происходитъ отъ словъ: *цауга*—идти и *арра* — дуракъ, сумасшедшій, безумный, т. е. *шляющійся дуракъ*; наконецъ, на это указываетъ отчасти и роль его въ сказаніи, которая во многомъ, впрочемъ, рисуетъ его и умнымъ.

сказалъ онъ, прицѣлился и пуля его унесла куда-то дощечку. Быкъ остался у него. Сырдонъ ежесубботно справлялъ поминки, Цаугара-же, взявъ толстую липовую палку, садился на почетномъ мѣстѣ съ приглашенными и ѣлъ съ ними, не обращая никакого вниманія на упреки и смѣхъ людей. Когда кончился годъ обязательствъ Сырдона относительно завѣщанія отца, приходитъ къ Сырдону Цаугара и говоритъ ему: «Ну, что и какъ намъ дѣлать теперь»?—«Что можешь, дѣлай для себя, иди куда можешь, со мною ты ничего не имѣешь», отвѣтилъ Сырдонъ.—«Ну, такъ нечего съ тобой дѣлать, можетъ быть и я гдѣ-нибудь найду житье», сказалъ Цаугара и, взявъ свою большую палку, отправился. Пришелъ онъ въ одинъ большой городъ и прямо къ кузнецамъ, на краю города. «Добрый день»! привѣтствовалъ онъ кузнецовъ. —«Здравствуй, и да будетъ тебѣ милость божья»! отвѣтили радушно кузнецы.—«Не возьмете-ли къ себѣ ученика»? спросилъ Цаугара —«Мы давно уже ищемъ его, возьмемъ, отчего не взять»!—«Къ какому времени выучите меня»? спросилъ Цаугара.—«Къ слѣдующему году», былъ отвѣтъ кузнецовъ.—«Ахъ, вы, собачьи сыны! я къ вамъ на годъ поступлю развѣ! выучите меня въ одинъ мѣсяцъ». За такую ругань они начали бить и колотить его горячими молотами, и онъ, поколоченный сильно, бѣжалъ оттуда. Пошелъ онъ далѣе по улицѣ и встрѣтилъ одного добраго человѣка. «Да будетъ прямъ путь твой»! привѣтствовалъ добрый человѣкъ Цаугара.—«Да будетъ прямо дѣло твое», отвѣтилъ Цаугара. —«Не наймешься-ли ко мнѣ, добрый человѣкъ»? былъ спрошенъ Цаугара.—«Для чего нанимаешь меня»? спросилъ Цаугара.—«Есть у меня немного гусей; ты могъ-бы стеречь ихъ: ты выглядишь хорошимъ малымъ».—«Собачій сынъ! да развѣ ты не знаешь, что я Нартовецъ? На тебѣ-бы слѣдовало изломать вотъ эту большую палку за это», отвѣтилъ Цаугара. Человѣкъ этотъ оторопѣлъ и не зналъ, что ему дѣлать, поэтому поскорѣй пошелъ своей дорогой. Цаугара вышелъ изъ этого города, пришелъ въ другой, еще большій, чѣмъ первый, городъ и прямо къ серебрякамъ. Онъ очень обрадовался, про себя говоря: «это славное занятіе для меня, спокойное»!—«Не возьмете ли ученика»? спросилъ онъ серебряковъ.—«Какъ не возьмемъ: мы давно ищемъ ученика»! отвѣтили радостно серебряки.—«Къ какому-же времени выучите меня»? спросилъ Цаугара.—«Къ слѣдующему году», отвѣтили они. —Ахъ, вы, собаки! да останусь-ли я у васъ на годъ»?!—«А какъ же»? спросили они.—«А такъ, что выучите меня, собаки, въ одинъ

Публичная библиотека Р.С.Ф.С.Р.

мѣсяцъ». Они напали на него и давай бить его, кто чѣмъ попалъ. Отправился онъ и оттуда, пришелъ ужъ на этотъ разъ въ столицу, да къ мастеру, который вытачивалъ деревянныя затычки для бурдюковъ. «Отличное занятіе для меня», подумалъ Цаугара и спросилъ: «Нельзя-ли и мнѣ научиться у тебя этому занятію»?—«Очень хорошо», сказалъ токарь и сейчасъ-же засадилъ его за токарный станокъ. Онъ началъ точить и въ самомъ дѣлѣ выучился хорошо этому дѣлу. У хозяина сталъ онъ какъ родной. Однажды, наконецъ, онъ обратился къ хозяину: «Какъ-бы ты познакомилъ меня со всѣмъ, что есть у васъ въ городѣ, а то я еще ничего не видѣлъ здѣсь»? Хозяинъ долго водилъ его по городу, показывая достопримѣчательности городскія. Проходя мимо царскаго казнохранилища, Цаугара спросилъ: «А это что»? —«Это казнохранилище царское», отвѣтилъ хозяинъ. День былъ базарный,—поэтому Цаугара сталъ просить хозяина идти съ нимъ на базаръ. «Идемъ», отвѣтилъ старикъ, и пошли на базаръ. Цаугара купилъ тамъ двѣ лопаты. «Теперь мы повозимся около казнохранилища царскаго», сказалъ Цаугара.—«Охъ, губишь ты бѣднаго человѣка»! сопротивлялся-было хозяинъ.—«Не бойся: я не погублю тебя,—а ты и я будемъ богаты»! завѣрялъ старика Цаугара. Онъ согласился. Начали они подкапываться подъ казнохранилище; подкопались, наконецъ. Цаугара забрался въ казнохранилище и вынесъ оттуда много денегъ. Тогда, ночью, конечно, имъ легко было припрятать ихъ подальше. На другой день, когда сторожа хватились, увидѣли, что кто-то обокралъ царскія сокровища. Донесли объ этомъ царю. Онъ разгнѣвался и разослалъ всюду извѣщенія о покражѣ и приказы найти воровъ. Гдѣ-же можно было подозрѣвать бѣдныхъ затычечниковъ?! Сторожа-же положили, что воры, должно быть, еще посѣтятъ казнохранилище. Поэтому они вырыли глубокую яму въ мѣстѣ прокопа и прикрыли ее слегка, чтобы воры провалились въ нее. Цаугара, въ самомъ дѣлѣ, ободренный успѣхомъ, еще хотѣлъ захватить изъ царскихъ сокровищъ и присталъ къ хозяину съ просьбой отправиться еще съ нимъ къ казнохранилищу. Хозяинъ, нечего было дѣлать, согласился, только на этотъ разъ выговорилъ себѣ право—войти въ казнохранилище. Онъ вошелъ дѣйствительно благополучно въ казнохранилище: не упалъ въ яму. Набралъ много денегъ, столько, что подъ тяжестью присѣдалъ. Только хотѣлъ онъ перешагнуть черезъ яму, какъ вдругъ провалился туда. «Ахъ, бѣда теперь»! возопилъ старикъ.—«Ничего! дай только мѣшокъ

сюда», сказалъ Цаугара. Онъ подалъ ему мѣшокъ. «Дай и кинжалъ сюда»! Онъ и кинжалъ подалъ ему. Цаугара срѣзалъ старику голову, бросилъ ее въ мѣшокъ и пустился бѣжать. «Гдѣ нашъ старикъ»? спросила хозяйка Цаугара.—«Сейчасъ придетъ», отвѣтилъ онъ, и стали они вдвоемъ убирать деньги. Она стала рыдать, когда увидѣла голову мужа. Цаугара пригрозилъ ей, и она замолчала: не стала плакать. Убрали между тѣмъ и голову, и деньги. Сторожа и царская прислуга утромъ нашли тѣло безъ головы и много дивились; дивился и самъ государь, говоря: «человѣкъ безъ головы обокралъ мои сокровища»! Поставили тѣло на базарѣ, полагая, что кто-нибудь да опознаетъ его. Никто однако не опозналъ его. Жена, между-тѣмъ, стала опять плакать, и когда она не переставала, Цаугара посовѣтовалъ ей: «Иди къ рѣкѣ, набери въ эти кувшины воды и пройдись около того мѣста, гдѣ поставленъ безголовый. Когда ты дойдешь до него, то упади, будто спотыкнулась; кувшины твои побьются, и ты можешь плакать, сколько тебѣ вздумается. Тогда будетъ у тебя причина плакать; можешь разодрать щеки, изорвать волосы, и говори, что боишься, что тебя будутъ ругать дома за кувшины». Женщина послушалась его: взяла кувшины, отправилась по воду и, когда дошла до того мѣста, гдѣ было тѣло, упала и разбила свои кувшины. Стала она плакать и рыдать: «теперь меня и въ домъ не пустятъ», кричала она. Она долго тамъ плакала. Люди подумали, что это должно быть мужъ ея, что она оплакиваетъ его. Спросили ее, ея-ли мужъ это. «Нѣтъ, не мой», отвѣчала она: «я несла воду, испугалась его и уронила кувшины, поэтому и плачу». Не повѣрили ея словамъ и засадили ее въ тюрьму. Цаугара *привѣсилъ себѣ на шею камень* *) *и отправился къ царю жаловаться*. «Что я, бѣдный человѣкъ, сдѣладъ? Жена моя пошла по воду, взявши кувшины, и теперь, какъ оказывается, засадили ее въ тюрьму, —за что обижаютъ бѣдныхъ людей, царь»? Царь велѣлъ выпустить женщину изъ тюрьмы.—Цаугара купилъ осла и отпра-

*) Это оригинальный юридическій обычай въ прошлой жизни осетинъ: въ былыя времена (впрочемъ, это сохранялось и до 40-хъ годовъ настоящ. столѣтія), обиженный привѣшивалъ къ шеѣ камень и шелъ жаловаться къ подлежащей власти. Символическое значеніе этого обычая понятно: навѣшиваніе камня на шею означаетъ тяготѣніе несправедливости, обиды. Этотъ оригинальный обычай замѣчателенъ еще тѣмъ, что онъ указываетъ, что въ прошломъ осетинъ существовали и власти, къ которымъ можно было обращаться съ надеждой найти помощь противъ обиды.

вился въ лѣсъ, выжегъ тамъ два куля угля и, навьючивши на осла, привезъ домой. На другой день сталъ онъ возить кули эти по городу, приглашая жителей продавать ему все, кто что хочетъ, такъ-какъ онъ имѣетъ два куля денегъ. Повозилъ ихъ до вечера по городу; никто къ нему не подходилъ. На ночь не у кого было остановиться ему. «Иди, бѣдный человѣкъ, я тебѣ *фысымъ**),—вотъ и безголоваго отдалъ мнѣ царь на сохраненіе», пригласилъ его богатый купецъ, который въ самомъ дѣлѣ взялся сохранить безголоваго, когда царь спрашивалъ своихъ подданныхъ, кто возьмется сохранить безголоваго подъ отвѣтственностью головой. «Какъ! ты называешь бѣднымъ человѣкомъ того, который имѣетъ два куля денегъ и осла?! Мнѣ пойти къ тебѣ, чтобы этотъ безголовый и у меня похитилъ два куля денегъ и осла! Очень хорошо,—какъ-бы не такъ»!—«Ничего, заплачу, если похититъ», отвѣтилъ купецъ и повелъ его къ себѣ. На деньги, которыя имѣлъ при себѣ, Цаугара началъ покупать напитки и угощать купца, угостилъ его дотого, что купецъ опьянѣлъ совсѣмъ. Тогда онъ отперъ тѣ двѣ двери, за которыми былъ безголовый, взялъ его, взвалилъ вмѣстѣ съ кулями на осла и повезъ домой. Привезши домой, онъ похоронилъ его, предупредивъ жену, чтобы она не проболталась никому о видѣнномъ. Была еще ночь, такъ онъ возвратился назадъ къ купцу и легъ спать. Утромъ, когда встали, увидѣли, что двери отперты, оселъ уведенъ, кулей не оказалось тоже, но, самое главное, не оказалось также безголоваго. Когда увѣдомили объ этомъ гостя, онъ началъ плакать и рвать на себѣ волосы, что потерялъ все, чѣмъ онъ жилъ и что составляло утѣху его жизни: «говорилъ я тебѣ, что этотъ безголовый, котораго никто не принялъ къ себѣ изъ другихъ людей, учинитъ мнѣ какую-нибудь бѣду»! Когда купецъ отказался удовлетворить его, онъ пошелъ жаловаться царю: «Всесильный государь! я, бѣдный человѣкъ, купилъ осла, который составлялъ поддержку и утѣху моей жизни; на немъ я привезъ тѣ деньженки, какія имѣлъ, на базаръ для покупокъ. Богатый купецъ зазвалъ меня на ночлегъ къ себѣ, у него-же былъ тотъ безголовый, который обокралъ твои сокровища. Напился пьянымъ хозяинъ мой; этимъ воспользовался безголовый, разломалъ двери и скрылся съ моимъ добромъ. Чѣмъ мнѣ прикажешь жить теперь? Теперь я просто погибъ»! Царь велѣлъ произвести слѣдствіе, и дѣйствительно

---

*) Хозяинъ гостя называется—*фысымъ*.

оказалось такъ. Онъ велѣлъ (да будетъ такъ и съ врагомъ твоимъ!) сослать купца, заставивъ его прежде уплатить за весь вредъ, какой онъ причинилъ Цаугара. А онъ заплатилъ Цаугара много денегъ, потому-что Цаугара увѣрилъ царскихъ служителей, что два куля были съ деньгами. Пошелъ онъ потомъ опять къ царю и говоритъ ему: «Вѣдь ты—всесильный царь,—какъ же ушелъ отъ тебя тотъ безголовый, который обокралъ сокровища твои? Какъ тебѣ послѣ этого не бояться и за дочь»? Царь испугался въ самомъ дѣлѣ за дочь и потому отправилъ ее къ архіерею въ Тифлисъ, съ просьбой, чтобы онъ приберегъ дочь его, такъ-какъ къ нему, къ царю, повадился какой-то странный безголовый человѣкъ. Когда Цаугара узналъ объ этомъ, онъ поскакалъ въ Тифлисъ, явился къ архіерею, поклонился ему низко и сказалъ: «Архіерей, да съѣмъ болѣзни твои! къ тебѣ шлетъ царь свою дочь; но зачѣмъ ручаться тебѣ за благополучіе ея? Ты погубишь себя, если примешь ее; этотъ страшный человѣкъ, если угрожаетъ царю, который зовется у насъ всесильнымъ, который имѣетъ войско, то развѣ на найдетъ тебя здѣсь? Онъ пріѣхалъ уже сюда, какъ я слышалъ, и будетъ преслѣдовать тебя. Вотъ, посади ее въ этотъ сундукъ». Архіерей испугался и посадилъ царевну въ сундукъ, который Цаугара взвалилъ себѣ на спину и принесъ обратно къ царю. «Вотъ дочь твоя единственная, береги ее самъ: какъ ты полагаешься на архіерея? ты самъ царь, и лучше убережешь свою дочь», сказалъ Цаугара.—«Такъ я возвожу тебя въ цари, что ты такъ честно соблюдаешь мой интересъ»! обрадовался царь.—«Не хочу быть царемъ,—за исключеніемъ этого, чѣмъ наградишь, буду благодаренъ».—«Ну, такъ она должна быть твоею женою»! сказалъ царь. «Вотъ, дарю тебѣ землю съ людьми и живи тамъ», продолжалъ царь. Въ самомъ дѣлѣ, царь подарилъ ему большую землю; Цаугара поселился тамъ, женившись на дочери царя; жилъ тамъ, нажилъ большое потомство, а потомъ куда дѣлся—одинъ Богъ знаетъ.

Хатагъ-Барагъ *).

Красавица Балсу не хотѣла ни за кого выходить замужъ, кромѣ Хатагъ-Барага **). Сколько къ ней являлись свататься! Всѣмъ отказывала. Поэтому, оставили ее. У одной одиночной вдовы былъ сынъ, который, какъ видно, уродился молодцомъ. У мальчика заговорило сердце къ Балсу, которая сидѣла обыкновенно на седьмомъ этажѣ мѣдной башни. Онъ смастерилъ скрипку, на которой на удивленіе всѣхъ игралъ такія пѣсни, какихъ не слышалъ еще ни одинъ изъ смертныхъ; пошелъ и, сѣвши подъ окнами Балсу, игралъ на ней свои удивительныя пѣсни. Красавицѣ Балсу пріятно было слушать такія пѣсни: она оставляла работу и высовывалась въ окно, слушала долго-долго, потомъ осыпала руганью мальчика: «А-а, ты, собачій сынъ, садишься играть подъ моими окнами! Ты до-тѣхъ-поръ будешь играть, *пока я не велю продать тебя, когда пріѣдетъ Хатагъ-Барагъ*, на разныя шелковыя матеріи для исподней и рубахъ» ***).

Мальчикъ ударилъ скрипку о мѣдную башню, которая отъ удара задрожала. Скрипка, конечно, разсыпалась въ дребезги. На другой день онъ тоже сдѣлалъ скрипку, но лучшую, на которой сталъ играть и лучшія пѣсни подъ окнами Балсу ****). Она опять, оставивъ работу, цѣлый день слушала его; наконецъ, вечеромъ, когда смеркалось, она опять осыпала его бранью: «Подожди, подожди,—недолго будешь играть у меня подъ окнами! Когда пріѣдетъ Хатагъ-Барагъ, онъ покажетъ тебѣ»! Онъ опять ударилъ скрипку въ сердцемъ о башню, которая задрожала отъ могучаго удара, и ткнулъ въ землю палочкой, которая ушла въ нее по самый конецъ, и сказалъ: «Ты думаешь, что нѣтъ ужь мужа, кромѣ Хатагъ-Барага»?! На третій день, онъ, сдѣлавъ

*) Это сказаніе тоже относятъ къ циклу нартовскихъ сказаній.

**) Хатагъ-Барагъ значитъ собственно «странствующій наѣздникъ».

***) Здѣсь, очевидно, намекъ на ничтожное происхожденіе и состояніе мальчика: онъ черезъ свое одиночество, непринадлежность къ могущественному роду, который охранялъ-бы его, какъ своего сочлена, отъ всякаго насилія, и возрастное безсиліе, представлялъ собою добычу для всякаго лихого наѣздника, который могъ продать, промѣнять его гдѣ-нибудь на товары, какъ угрожаетъ здѣсь Балсу.

****) Игра на скрипкѣ подъ окнами Балсу мальчикомъ живо напоминаетъ намъ средневѣковыхъ серенадниковъ у оконъ своихъ возлюбленныхъ. Въ новыхъ осетинскихъ сказаніяхъ мы нигдѣ не видимъ подобной манеры объясненія въ любви.

скрипку, опять игралъ неслыханныя пѣсни подъ окнами Балсу. Она опять слушала его, а вечеромъ осыпала бранью: «Я тебѣ покажу, когда пріѣдетъ Хатагъ-Барагъ! продамъ тебя на матеріи»!—«Ну, пусть ужъ не будетъ другого мужа на свѣтѣ, кромѣ него»!—отвѣтилъ обиженный мальчикъ. Между-тѣмъ показался Барагъ; весь свѣтъ заблисталъ и засіялъ отъ него. «Вотъ, теперь я покажу тебѣ! видишь: онъ возвратился»?! угрожала Балсу. —«Да будетъ мнѣ въ удѣлъ гнѣвъ твоего Хатагъ-Барага: я не боюсь его нисколько; не будь я рожденъ отъ отца своего, если испугаюсь его»,—былъ смѣлый отвѣтъ мальчика. На третій день по пріѣздѣ, Хатагъ-Барагъ, подстрекаемый Балсу, крикнулъ къ мальчику: «Выходи-ка изъ дому, поросенокъ! гдѣ ты»?! — «Я не поросенокъ, но, клянусь именемъ отца, я выйду къ тебѣ»! отвѣтилъ мальчикъ и сталъ сѣдлать коня и нацѣплять оружіе на себя.—«Что-же ты пропалъ, или не выйдешь»? кричалъ сердито Хатагъ-Барагъ.—«Что? не дашь собраться мнѣ»! отвѣтилъ мальчикъ и, собравшись совсѣмъ, выѣхалъ скоро. Поѣхали они въ поле; здѣсь они начали драться. Хотя Хатагъ-Барагъ и похвалился, что хочетъ унести поросенка и продать на матеріи, но однако во всемъ одерживалъ верхъ мальчикъ. Поѣхали затѣмъ они къ морю. Стали соперничать теперь на морѣ. Но море чуть было не унесло Хатагъ-Барага, который сталъ кричать мальчику: «Эй, спаси меня! погибаю»! — «А-а-а! ты кричишь и просишь о спасеніи своемъ меня, котораго ты хотѣлъ продать»! засмѣялся мальчикъ, рынулся въ море и вытащилъ за воротъ Хатагъ-Барага вмѣстѣ съ конемъ. «Ну, такъ не спорь-же со мною! не спорь, если не можешь спорить»! сказалъ мальчикъ. «Балсу-же не твоя, а моя», продолжалъ мальчикъ и, выхвативши шашку, отрубилъ ему голову. Потомъ, онъ надѣлъ ее на палку и поѣхалъ домой къ Балсу. «Балсу? не хочешь-ли отвѣдать головы»? крикнулъ онъ къ Балсу и бросилъ голову къ ней въ окно. «Она, говорятъ, очень вкусна»! продолжалъ мальчикъ. Балсу плакала и рыдала, но дѣлать было нечего: должна была перестать плакать. Она стала сама напрашиваться мальчику взять ее за себя. Но онъ сначала гордо отказывался, и, когда порядочно помучилъ ее, взялъ ее себѣ въ жены.

Джантемиръ Шанаевъ.

СКАЗАНІЕ О СВ. УАСТЫРДЖИ *).

Въ одномъ зажиточномъ осетинскомъ горномъ аулѣ жили три брата-бѣдняка. Они трудились и работали изъ всѣхъ силъ, по провидѣніе, какъ-бы съ намѣреніемъ, не благословляло всѣ ихъ добрыя начинанія: благосостояніе ихъ не только не улучшалось, но видимо съ каждымъ днемъ приходило въ упадокъ. Обстоятельство это, однако, не уменьшало усилій трехъ братьевъ; напротивъ, они съ особеннымъ, лихорадочнымъ жаромъ продолжали неутомимо работать, и такимъ образомъ въ потѣ лица коротать свой вѣкъ—то на покосахъ, то въ пахотѣ. Не только односельцы сожалѣли о бѣдной долѣ трехъ братьевъ, но, казалось, неприступныя вершины горъ, вѣчно холодные и безмолвные свидѣтели человѣческихъ дѣлъ, досадовали, глядя на жалкую долю бѣдныхъ тружениковъ. Было время покосное. Три брата, по обыкновенію, находились на работѣ. Въ полдень, во время отдыха отъ работъ, когда братья сѣли за скудную свою трапезу, мимо ихъ проѣзжалъ на бѣлой лошади какой-то незнакомецъ. Одинъ изъ братьевъ, увидѣвъ всадника, обратился къ остальнымъ съ такими словами: «предложимъ путнику божій хлѣбъ и соль»!—На это одинъ изъ братьевъ отвѣтилъ: «что его приглашать на черствый хлѣбъ и воду? Если-бы мы могли предложить ему, какъ другіе, чашку браги и жирный кусокъ баранины, то это конечно было-бы пріятно для него и не стыдно намъ; если-же мы этого не можемъ сдѣлать, то что за охота выставлять на показъ свою бѣдность»? — «Во время голода и жажды не только хлѣбъ, но и вода находка не послѣдняя»! отозвался тотъ, который хотѣлъ предложить путнику гостепріимство. Тогда три брата, послѣ непродолжительнаго совѣщанія, разсудили, что если путникъ и откажется отъ скромной ихъ пищи, отъ хлѣба и воды, то и тогда

*) *Уастырджи* — покровитель Осетіи. Нѣкоторые христіане изъ осетинъ Уастырджи переводятъ: св. Георгій.

они исполнили обычай своихъ предковъ, которые считали стыдомъ ѣсть тайкомъ божій хлѣбъ. Послѣ такого рѣшенія братьевъ, одинъ изъ нихъ обратился къ проѣзжавшему съ привѣтствіемъ: «счастливый путь» (да будетъ прямъ путь твой)! Затѣмъ, не дождавшись отвѣта, взялъ у путника лошадь подъ уздцы и предложилъ ему отвѣдать то, что Богъ послалъ; но въ тоже время предупредилъ, что, кромѣ воды, хлѣба и соли, они не имѣютъ ничего. Путникъ принялъ предложеніе одного изъ братьевъ съ большою радостью; потому-что, какъ онъ объяснилъ, ѣхалъ онъ издалека и ему именно предлагаютъ то, въ чемъ онъ больше всего нуждается, т. е., онъ жаждетъ и умираетъ съ голоду.

Утоливши голодъ и жажду, незнакомецъ началъ говорить съ братьями и во время разговора высказалъ имъ, что другими косцами, мимо которыхъ приходилось ему проѣзжать, онъ не такъ доволенъ, потому-что никто изъ нихъ не предложилъ своего гостепріимства такъ, какъ предложили они ему. — «Вы, говорилъ незнакомецъ, не смотря на бѣдную трапезу, все-таки охотно ее со мною раздѣлили». При этомъ незнакомецъ выразилъ мысль, что Богъ навѣрно не лишитъ ихъ своихъ щедротъ и навѣрно поможетъ имъ во всѣхъ дѣлахъ. На это одинъ изъ братьевъ отозвался: «Гость — божій даръ. Какъ ты видишь, божій человѣкъ, мы всегда поступаемъ такъ со всѣми, т. е. даемъ наше гостепріимство каждому страннику, какъ завѣщали намъ наши предки; кромѣ того, мы трудимся и работаемъ въ потѣ лица; но Богъ насъ будто-бы забылъ: трудъ нашъ не вознаграждается, живемъ въ такой бѣдности, въ какой живутъ лишь лентяи и дармоѣды». Тогда гость обратился къ братьямъ съ такимъ вопросомъ: «А что, если-бы Богъ обратилъ на васъ Свои взоры, напр., помогъ-бы вамъ стать счастливыми и довольными жизнью, то въ чемъ именно и въ какомъ дѣлѣ вы полагаете ваше счастье: т. е. чего-бы вы у Него просили»?—Съ грустью отвѣтили братья: «Много мы молились, много мы говорили о нашихъ бѣдахъ, но видно не суждено было дойти нашимъ мольбамъ до неба; на голосъ нашъ только горы отзывались, и то лишь пустымъ эхо!» При этомъ старшій братъ началъ говорить, что они устали, измучились за неблагодарнымъ трудомъ, убиваютъ ежегодно свои силы въ пахотѣ и въ косьбѣ, между-тѣмъ, осенью, когда добрые люди наполняютъ свои житницы, они съ полей своихъ едва собираютъ на сѣмена. Потомъ, тотъ-же старшій братъ, съ выраженіемъ на

лицѣ полнѣйшаго невѣрія въ возможность осуществленія давнишнихъ своихъ желаній увеличить свой достатокъ, продолжалъ говорить такъ: «для меня не было-бы другого счастья въ жизни, если-бы я, вмѣсто того чтобы убивать свои силы въ безполезномъ трудѣ—какъ это дѣлаю теперь ежедневно—возвращался-бы домой усталый отъ работъ вслѣдствіе избытка хлѣба; если-бы я видѣлъ свой токъ полнымъ скирдами разнаго хлѣба; если-бы я уставалъ отъ молотьбы и вѣянія этого хлѣба, — вотъ, какъ я полагаю, въ чемъ можетъ заключаться счастіе каждаго человѣка»! . . . Незнакомецъ, отозвавшись одобрительно о пожеланіяхъ старшаго брата, обратился между прочимъ съ вопросомъ къ слѣдующему за нимъ: «А ты-же въ чемъ полагаешь свое счастье?» На вопросъ этотъ средній братъ отвѣчалъ: «Надоѣло мнѣ таскаться и убивать время въ покупкахъ ягнятъ и барановъ для жертвоприношенія во время (извѣстныхъ) праздничныхъ дней; но еще больше надоѣло это мнѣ потому, что за жертвы эти приходится потомъ расчитываться съ людьми своимъ потомъ, отчего у меня сильно уже болитъ сердце и я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе чувствую, какъ оставляютъ меня мои сили; поэтому, если-бы я просилъ Бога, то лишь объ одномъ: о такомъ количествѣ барановъ, что-бы я могъ приносить жертвы изъ своего стада, и ходя съ нѣсколькими пастухами за своими баранами, безпечно посвистывалъ-бы на своей свирѣли»? Въ то время когда гость обратился къ третьему брату и хотѣлъ его спросить, чего-бы онъ желалъ отъ Бога, послѣдній, не давъ ему сдѣлать вопроса, въ свою очередь обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Братья мои разсказываютъ тебѣ каждый о своихъ желаніяхъ и нуждахъ такъ много и подробно, что какъ будто-бы Богъ вотъ-вотъ дастъ имъ все то, чего они только желаютъ».— «Очень можетъ быть»! отвѣтилъ путникъ. «Нѣтъ ничего удивительнаго, если и вправду исполнятся желанія твоихъ братьевъ. Вѣдь Богъ милостивъ и блага Его безпредѣльны; что-же тутъ труднаго для него исполнить такія незатѣйливыя желанія»?—«Въ такомъ случаѣ», прибавилъ третій братъ, нѣсколько ободренный послѣ минутнаго сомнѣнія, «я все-таки, не посовѣтовавшись, не могу высказать своихъ желаній; потому-что я такъ еще молодъ, такъ мало жилъ еще на своемъ вѣку, что у меня, конечно, не можетъ быть ни такихъ сильныхъ желаній, какъ у братьевъ, ни такого разумнаго выбора, какой они способны сдѣлать. И такъ, сознавая, что я далеко не могу спорить съ братьями въ

способности правильно смотрѣть на жизнь и на блага міра, я прошу у тебя, дорогой гость, дозволенія сбѣгать за совѣтомъ къ братьямъ моей матери *), отъ которыхъ только отъ однихъ и можно получить истинный родственный совѣтъ». На это путникъ замѣтилъ: «хотя я и не дождусь сегодня твоего возвращенія, однако—дѣлать нечего—подожду до завтра. Вы люди добрые, я васъ полюбилъ отъ души, потому съ большой радостью готовъ переночевать съ вами до другого дня, чтобы, дождавшись возвращенія меньшого брата вашего, узнать за одно и его желанія».

Побѣжалъ меньшой братъ за совѣтомъ къ братьямъ своей матери. Встрѣтивъ меньшого дядю, сѣдого, но совершенно бодраго и свѣжаго еще мужчину, онъ тотчасъ передалъ ему до мельчайшихъ обстоятельствъ свое знакомство съ загадочнымъ путникомъ и затѣмъ въ концѣ концовъ предложилъ ему такой вопросъ: «Чего я долженъ желать просить у Бога для своего счастья? Это неотступно хочетъ знать нашъ гость». Похвалилъ дядя поступокъ своего племянника, что онъ не забываетъ старшихъ и, не положившись на свой умъ, пришелъ посовѣтоваться къ старику: «Старика» — говорилъ дядя—«молодые люди не должны избѣгать, не должны брезгать имъ лишь за то, что онъ не выглядываетъ уже, какъ это бываетъ обыкновенно въ молодости, такимъ щеголемъ, что онъ такъ неопрятенъ, что ему подчасъ приходится даже утирать носъ; но за то — продолжалъ дядя—старикъ холоднымъ своимъ разсудкомъ можетъ дать и даетъ трезвый совѣтъ молодости, способной всегда увлекаться». Затѣмъ меньшой дядя, не давъ племяннику положительнаго отвѣта на предложенный ему вопросъ, посовѣтовалъ ему отправиться къ среднему брату. Пришелъ племянникъ къ среднему брату, кото-

*) Чтобы понять, почему дается такая вѣра совѣтамъ братьевъ со стороны матери, для этого надо знать, что, по обычному праву осетинъ, открывшееся наслѣдство есть достояніе того рода, въ которомъ оно открывается. Такимъ образомъ, женщина, поступившая изъ одного рода въ другой и принесшая съ собою въ родъ этотъ какую-нибудь имущественную цѣнность, никогда по смерти своей не передаетъ имущество это въ прежній родъ. Если такъ строго проводится теорія родового начала въ отношеніи женщинъ, поступившихъ изъ другихъ родовъ, то еще строже таже теорія примѣняется къ самымъ родовичамъ, по смерти которыхъ наслѣдниками ни въ какомъ случаѣ не могутъ являться члены другихъ родовъ, какъ-бы они ни были близки по кровнымъ связямъ. И такъ, если въ данномъ случаѣ племянники ссылаются на безкорыстность совѣтовъ дядей со стороны матери, то въ этомъ вполнѣ отразилась особенность духа осетинской правоспособности.

рый хоть не былъ такъ сѣдъ, какъ меньшой, однако на лицо былъ нѣсколько старѣе. Племянникъ передалъ ему все, что говорилъ младшему его брату, потомъ сказалъ, что его прислали просить совѣта. Но средній братъ тоже не далъ отвѣта и послалъ племянника къ старшему своему брату. Этотъ послѣдній съ виду былъ какъ будто-бы совершенно молодымъ человѣкомъ: у него не было еще ни одной сѣдинки въ бородѣ. Такъ-какъ во дворѣ и въ кунацкой не было никого, кто-бы могъ доложить о намѣреніи племянника видѣться съ дядей, то первый прямо отправился въ комнату послѣдняго. Войдя въ комнату, племянникъ увидѣлъ, что дядя спитъ, а жена вѣточкою отгоняетъ отъ него мухъ; пола отъ длиннаго бешмета жены находилась подъ головою мужа. Хотя, по обычаю, тетка должна была привстать при появленіи племянника, однако она это сдѣлала не тотчасъ и видимо въ ней происходила борьба между чувствомъ страха нарушить обычай предковъ и боязнь потревожить своего мужа. Наконецъ, послѣ нѣкотораго замѣшательства и борьбы—между необходимостью нарушить обычай страны или нарушить сонъ мужа—она рѣшилась на послѣднее, т. е. выдернула полу изъ-подъ головы мужа и этотъ послѣдній сейчасъ-же проснулся; междутѣмъ жена привстала и любезно привѣтствовала своего племянника. Мужъ, не замѣчая присутствія гостя, выразилъ неудовольствіе на жену, что она, причиняя ему безпокойство, увеличиваетъ этимъ число сѣдинъ въ его бородѣ. Затѣмъ, увидѣвъ своего племянника, онъ довольно нѣжно обратился къ нему съ такимъ вопросомъ: «что тебѣ надо, мое солнышко»? Тогда, на вопросъ дяди, племянникъ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ объяснилъ ему причину своего прихода. Дядя, подумавъ нѣсколько минутъ, добродушно произнесъ: «Вмѣсто того, чтобы навязывать тебѣ свои убѣжденія; вмѣсто того, чтобы учить тебя смотрѣть на жизнь, какъ я смотрю, и желать отъ жизни того, чего я желаю, мнѣ прежде всего хочется обратить твое вниманіе на то обстоятельство, которое произошло за нѣсколько минутъ до моего пробужденія. Если-бы ты могъ хорошенько подумать о той нѣжной заботливости и привязанности, которыя питаетъ ко мнѣ жена моя; если бы при этомъ сообразилъ ты и оцѣнилъ ту счастливую и беззаботную жизнь, которой, опять-таки, благодаря своей женѣ, я живу, то ты-бы, и безъ моего совѣта, пожелалъ лишь одного: имѣть хорошую жену! Но все-таки ты, мое солнышко, поступилъ весьма хоро-

шо, что не положился на одинъ свой умъ и пришелъ посовѣтоваться со старшими. Теперь—продолжалъ дядя—я объясню тебѣ, почему ты долженъ желать хорошей жены, а не чего-нибудь другого. Ты видѣлъ меньшого моего брата; онъ, бѣдникъ, черезъ сварливую свою жену преждевременно постарѣлъ и посѣдѣлъ. Затѣмъ, жена средняго брата, не отличающаяся ни особеннымъ умомъ, ни особенной добротою, сдѣлала жизнь своего мужа тоже ни особенно хорошею, ни особенно счастливою. Вообще, жизнь семейнаго человѣка, сопровождающая каждаго семьянина ежечасно и ежеминутно, отразилась на лицѣ моего средняго брата, который хотя и старше меньшого твоего дяди, однако смотритъ нѣсколько моложе его. Между-тѣмъ я, будучи старше ихъ по лѣтамъ, на лицо кажусь моложе обоихъ. Вотъ, что значитъ въ жизни нашей, полной тревогъ и лишеній, хорошая или дурная жена! Надѣюсь, мое солнышко, теперь тебѣ становится ясно, что, если ты будешь имѣть хорошую жену, то она будетъ способствовать прежде всего продленію твоей жизни; потомъ, если-бы ты былъ бѣденъ и осужденъ испытывать нѣкоторыя лишенія, то даже самыя лишенія эти не будутъ казаться тебѣ такъ невыносимы и тяжелы, какъ это было-бы при другихъ условіяхъ. И такъ, если умная и добрая жена является, съ одной стороны, другомъ и утѣшителемъ; съ другой стороны, если она изъ небольшого твоего труда съумѣетъ извлечь какъ можно больше выгодъ и пользы, какъ для себя, такъ и для тебя, и такимъ образомъ способствуетъ накопленію твоего богатства, то такая жена, говорю, не есть-ли истинная находка въ жизни»? Выслушавъ такой сердечный совѣтъ дяди, племянникъ, поблагодаривъ его и попрощавшись, отправился обратно въ дорогу. Пришелъ онъ очень скоро къ своему загадочному незнакомцу. Желаніе просить себѣ хорошую жену—какъ будто-бы толкало его сзади. Явясь наконецъ передъ незнакомцемъ, давно поджидавшимъ его возвращенія, онъ услышалъ его вопросъ: «ну, что посовѣтовали тебѣ твои дяди»?—«Хорошую, умную хозяйку посовѣтовалъ мнѣ мой старшій дядя». — «Не ошибся твой дядя: посовѣтовалъ онъ тебѣ по опыту». Тутъ гость сталъ собираться въ дорогу, и когда онъ садился на коня, обратился къ братьямъ съ такою рѣчью: «Знайте-же, добрые люди, что у васъ гостилъ св. Уастырджи и я въ молитвахъ своихъ, за оказанное вами мнѣ вниманіе, буду просить Бога, чтобы Онъ даровалъ вамъ все то, что каждый изъ васъ пожелалъ». Затѣмъ, распрощавшись съ радушными и

изумленными братьями, Уастырджи отправился въ путь. Спустя года два или три, желанія братьевъ стали осуществляться: трудами старшаго брата наполнился скирдами токъ; второй братъ пріобрѣлъ огромное стадо барановъ; третій-же братъ женился на молоденькой, хорошенькой, доброй и умной дѣвушкѣ. По прошествіи еще нѣсколькихъ лѣтъ, братья не поладили и, подѣлились между собою, стали жить отдѣльно другъ отъ друга. Затѣмъ каждый сталъ заниматься своимъ дѣломъ.

Прошло много лѣтъ съ-тѣхъ-поръ, какъ св. Уастырджи первый разъ встрѣтился съ тремя братьями. Теперь вздумалось ему посмотрѣть на житье-бытье ихъ и узнать, по-прежнему-ли они гостепріимны и по-прежнему-ли они сострадательны къ людямъ. Одѣлся св. Уастырджи бѣднякомъ и, взявъ подъ мышку нѣсколько плетеныхъ корзинокъ и метелокъ, отправился съ ними къ току старшаго брата, которому предложилъ купить за хлѣбъ что-нибудь изъ своего товара. При торгѣ, бѣднякъ упрашивалъ, чтобы хозяинъ прибавилъ ему хоть одну пригоршню пшеницы, увѣряя при этомъ, что такая надбавка, при его круглой бѣдности, можетъ оказать ему нѣкоторую помощь. На это старшій братъ, грубо отказавъ, отвѣтилъ: «Много проходитъ нищихъ мимо моего тока и если я буду всякому давать даромъ по пригоршнямъ, то навѣрное придется самому остаться голоднымъ». — «Будешь каяться», сказалъ бѣднякъ, «дай лучше добромъ»! Но старшій братъ не только не далъ ни одного лишняго зерна пшеницы, но даже хотѣлъ нищаго прогнать по шеямъ. Тогда св. Уастырджи назвалъ, кто онъ такой, и какъ скареднаго хозяина, такъ и полный токъ его, превратилъ въ груду камней. Превратившись изъ нищаго опять въ нарядnаго путника, Уастырджи сѣлъ на хорошаго коня и отправился къ среднему брату, который пасъ свое стадо далеко отъ аула. Пріѣхалъ Уастырджи къ среднему брату передъ вечеромъ и, отыскавъ его стадо, встрѣтилъ хозяина такимъ привѣтствіемъ: «Да умножитъ Богъ стадо твое»! Потомъ, объяснивъ ему, что онъ съ товарищами своими остановился ночевать недалеко отъ рѣки, и не имѣя ничего на ужинъ, сталъ просить, по обычаю, одного барана. Хозяинъ стада отказалъ ему на отрѣзъ въ просьбѣ. Тогда Уастырджи попросилъ хоть ягненка. Но и на эту просьбу онъ получилъ такой отвѣтъ: «Если буду давать каждому проѣзжающему по ягненку, то мнѣ придется разстаться съ своимъ стадомъ». Послѣ такого грубаго отказа, Уастырджи пробовалъ и этого брата увѣ-

щевать, но послѣдній не обратилъ никакого вниманія на слова его. Тогда Уастырджи превратилъ стадо барановъ въ муравьиныя кучи. Расчитавшись такимъ ужаснымъ образомъ съ двумя неблагодарными братьями, Уастырджи отправился навѣстить меньшого брата.

Уже вечерело, когда путникъ остановился у воротъ дома третьяго брата. Такъ-какъ во дворѣ не видно было никого, черезъ кого-бы гость могъ дать знать о своемъ пріѣздѣ, то Уастырджи крикнулъ нѣсколько разъ и, спустя довольно долгое время, на голосъ его вышла хозяйка дома. Въ ту минуту, когда въ первый разъ крикнулъ гость, въ домѣ происходило слѣдующее: два или три дня тому назадъ хозяйка родила сына и ребенокъ этотъ во все это время находился при смерти; когда-же раздался голосъ гостя, то въ эту самую минуту умеръ новорожденный. Услышавъ призываемый голосъ посторонняго человѣка, хозяйка нѣкоторое время не знала, что дѣлать: спѣшить-ли къ гостю и, принявъ его, ухаживать за нимъ, или-же подумать о томъ, чтобы убрать покойника. Послѣ нѣкотораго колебанія и раздумья— что ей дѣлать и на что рѣшиться, хозяйка запеленала мертваго ребенка, положила въ люльку, какъ живого, и вышла на встрѣчу гостю съ такимъ привѣтствіемъ: «Гость—божій человѣкъ! Слѣзай съ походнаго коня; хотя хозяина нѣтъ дома, но онъ недолго заставитъ себя ждать и, вѣроятно, скоро будетъ дома». Послѣ этого, хозяйка, проводивъ гостя въ домъ, засуетилась, чтобы отыскать и купить у кого-нибудь изъ сосѣдей барашка, котораго, по обычаю, рѣжутъ почти всегда для каждаго болѣе или менѣе порядочнаго гостя. Наконецъ, хозяйка возвратилась съ барашкомъ и предложила самому гостю зарѣзать его. Когда зарѣзанный барашекъ былъ сваренъ и поданъ на низенькомъ трехножномъ столикѣ, тогда гость, взявъ на хлѣбъ баранью ляшку и не приступая еще съ молитвою къ Богу, обратился къ хозяйкѣ съ такимъ вопросомъ: «Что-же я не вижу отрока, который-бы послѣ молитвы могъ отвѣдать *) и невинными устами своими благословить этотъ божій даръ»? Хозяйка, вмѣсто отвѣта, тяжело вздохнула, и чтобы скрыть отъ гостя навернувшіяся слезы, обернулась къ малюткѣ. Не получая никакого отвѣта на предложенный вопросъ, гость просилъ, чтобы хозяйка распеленала ребенка и

*) Аходенъ—отвѣдать. По понятіямъ осетинъ, прикосновеніе къ пищѣ невинныхъ устъ ребенка есть какъ-бы символъ благословенія божьяго.

поднесла-бы его къ нему, чтобы исполнить обрядъ благословенія божьяго прикосновеніемъ невинныхъ устъ ребенка. Когда не оставалось никакихъ средствъ, чтобы скрыть о смерти сына, хозяйка разсказала гостю все, что случилось до его пріѣзда. Тогда гость, положивъ хлѣбъ и баранью ляшку на столъ, сказалъ: «Я не рѣшусь безъ благословенія божьяго ѣсть хлѣбъ», и при этомъ, сдѣлавъ видъ, какъ будто-бы что-то забылъ, всталъ и поспѣшно удалился. Уходя изъ дома, гость сказалъ хозяйкѣ, что онъ вернется скоро опять къ ней и чтобы за это время она никому не говорила о смерти своего ребенка. Уастырджи, какъ только вышелъ изъ воротъ, прямо полетѣлъ за ангелами смерти. Когда догналъ онъ ангеловъ смерти, то, обратясь къ Богу съ молитвою, просилъ Его, чтобы Онъ сдѣлалъ такой знойный день, отъ котораго-бы ангелы смерти пришли въ изнеможеніе. Когда Богъ исполнилъ желаніе Уастырджи, то онъ подошелъ къ ангеламъ смерти и предложилъ имъ, чтобы они отдали ему того бѣлаго барашка, котораго, въ числѣ другихъ, гнали передъ собою: «за это», говорилъ Уастырджи, «я съ своей стороны обѣщаюсь въ такой знойный день укрыть васъ подъ тѣнью деревъ и утолить жажду вашу холодными струями ручья, который будетъ журчать въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ».

Ангелы смерти на предложенный вопросъ отвѣтили отказомъ, объясняя его такимъ образомъ: «невинная душа эта стóитъ многихъ тѣхъ, которыхъ ты видишь вмѣстѣ съ нею». Затѣмъ они по-прежнему продолжали свой путь въ царство усопшихъ душъ. Уастырджи, видя, что ангелы смерти не поддаются, оставилъ ихъ испытывать мученія жажды еще на нѣкоторое время. Наконецъ, когда уже ангелы смерти не въ состояніи были больше бороться съ страшными мученіями жажды и зноя, то Уастырджи, перерѣзавъ дорогу ангеламъ смерти, сдѣлалъ имъ опять свое предложеніе. Тогда они, доведенные до полнаго изнеможенія, наконецъ согласились на предложеніе Уастырджи. Онъ-же помолился Богу о томъ, чтобы въ пустынномъ и безводномъ этомъ мѣстѣ явился лѣсъ, съ густою тѣнью и съ прохладнымъ источникомъ. Когда Богъ исполнилъ просьбу Уастырджи, ангелы смерти отдали ему бѣлаго барашка, съ которымъ онъ и поспѣшилъ вернуться къ огорченной матери. Въ это время хозяинъ уже былъ дома. Обмѣнявшись обычными привѣтствіями, Уастырджи обратился къ хозяину съ такими словами: «Такъ-какъ два старшихъ твоихъ брата, послѣ дарованнаго мною имъ добра и

счастья, не сдѣлались лучшими, а напротивъ, богатство какъ будто-бы ожесточило ихъ противъ людей, которымъ они въ бѣдности нѣкогда протягивали руки, то я лишилъ ихъ того состоянія, въ которомъ они когда-то полагали свое счастье. Что-же касается до тебя, то я изъ поступковъ твоей жены убѣдился, что счастье тебя не испортило и что ты остался такимъ-же гостепріимнымъ и сострадательнымъ къ бѣднымъ, какимъ былъ прежде. Поэтому, я не только возвращаю тебѣ умершаго твоего сына, но также даю тебѣ состояніе двухъ твоихъ братьевъ». Послѣ всего этого, Уастырджи сдѣлалъ хозяину такое нравоученіе: «У Бога много милости и добра; Онъ знаетъ, кому давать и отъ кого отнимать».

Гуцыръ Шанаевъ.

ДАРГИНСКІЯ СКАЗАНІЯ

О МУЛЛѢ НАСРЭДДИНѢ *).

I.

Мулла Насрэддинъ и кадій.

Однажды мулла Насрэддинъ приготовилъ для себя пловъ и сжарилъ курицу. Онъ положилъ ихъ передъ собою на подносѣ и приготовился ѣсть. Но прежде чѣмъ начать ѣсть, онъ счелъ нужнымъ задуматься. Вотъ онъ и думаетъ: «Теперь у меня есть аппетитъ; но все-таки я не очень голоденъ; если я теперь съѣмъ свой пловъ и свою курицу, изъ этого выйдетъ то, что я наполню свое брюхо безъ особаго удовольствія. Для этого не стоило ни варить пловъ, ни жарить курицу, а достаточно одного кукурузнаго чурека (хлѣбъ). Нѣтъ, лучше пойду погуляю, посмотрю, что дѣлается на базарѣ; тѣмъ временемъ проголодаюсь, и тогда съѣмъ пловъ и курицу съ удовольствіемъ».

Онъ оставилъ на мѣстѣ подносъ; потомъ, заперъ комнату, ключъ положилъ подъ камень и ушелъ гулять.

Вотъ идетъ по дорогѣ мулла Насрэддинъ, а на встрѣчу ему два молодыхъ человѣка. Мулла Насрэддинъ посмотрѣлъ на нихъ подозрительно.

— Куда вы идете, мошенники? вскричалъ онъ на нихъ.

Тѣ съ удивленіемъ посмотрѣли на него.

— А! вы еще молчите? продолжалъ кричать мулла Насрэддинъ: такъ я знаю, куда вы идете. Вы, плуты, идете съѣсть мой пловъ. Что? угадалъ?... Вонъ стоитъ мой домъ: я оставилъ въ комнатѣ пловъ и жареную курицу, комнату заперъ, а ключъ

*) Имя муллы Насрэддина встрѣчается въ народныхъ сказаніяхъ почти всѣхъ кавказскихъ горскихъ племенъ.

положилъ подъ большой камень, что передъ дверьми; если только вы съѣдите пловъ и курицу, я васъ потащу къ кадію,—слышите? Потащу къ кадію!

Съ этими словами онъ оставилъ ихъ и пошелъ своей дорогой.

Прохожіе приняли его за дурака и не повѣрили ему. Но, проходя мимо дома муллы Насрэддина, они увидѣли камень передъ дверьми, о которомъ онъ говорилъ. Одинъ изъ нихъ, просто изъ любопытства, поднялъ камень—и что-же онъ видитъ? Ключъ. Отворилъ имъ дверь и смотритъ—стоитъ подносъ съ пловомъ и курицей. Прохожіе сначала не имѣли дурного умысла; но пловъ и курица соблазнили ихъ, и они оставили муллѣ Насрэддину однѣ только кости. Уходя, они заперли комнату, а ключъ положили подъ камень. . .

Вотъ, послѣ долгой прогулки, мулла Насрэддинъ возвращается домой и думаетъ:

«Съѣли они мой пловъ? или нѣтъ?... Если ключъ лежитъ подъ камнемъ — значитъ, они не тронули его; а если его тамъ нѣтъ, то они съѣли».

Подходитъ къ камню, приподнимаетъ его и видитъ ключъ. Отворяетъ комнату—и видитъ, что на подносѣ лежатъ однѣ косточки. Мулла Насрэддинъ такъ и растянулся на полу отъ горя. Потомъ онъ всталъ, сѣлъ около подноса и думаетъ:

«Кто-же съѣлъ мой пловъ? Если-бы я не нашелъ ключа подъ камнемъ, то могъ-бы сказать, что они съѣли. А ключъ лежалъ на мѣстѣ. Обвинять ихъ нельзя»...

Вдругъ онъ видитъ, что муха прилетѣла и сѣла на косточки. Мулла Насрэддинъ притаилъ дыханіе. Онъ тихо подкрался и схватилъ муху за ножки. Та, стараясь вырваться, начала жужжать. Мулла Насрэддинъ разсвирѣпѣлъ.

«Какъ»! закричалъ онъ, «ты съѣла весь мой пловъ, съѣла курицу и еще смѣешь жужжать?!... Зззз... Паутина тебѣ, проклятая тварь! черезъ нее я съ голоду долженъ умереть, а она еще зззззз...! Постой-же! я потребую правосудія! я потащу тебя къ кадію»!

Мулла Насрэддинъ, съ мухою въ рукѣ, приходитъ къ кадію.

— Кадій! говоритъ онъ ему: я пришелъ къ тебѣ судиться. Я оставилъ въ комнатѣ пловъ и жареную курицу и ушелъ гулять. Комнату заперъ, а ключъ положилъ подъ камень. Возвратившись, я нашелъ ключъ на мѣстѣ; но ни плова, ни курицы не

нашелъ. Я поймалъ вотъ эту муху на мѣстѣ преступленія. Кромѣ того, ей мало что съѣла пловъ и курицу: она еще мнѣ прямо зззззз...! Ты посмотри въ книгу аллаха (коранъ) и что тамъ сказано, ты и исполнишь».

Чтобы отвязаться отъ дурака, кадій досталъ коранъ, посмотрѣлъ и говоритъ:

— Въ книгѣ сказано, что нужно выпустить муху и куда она сядетъ, то мѣсто ударить вотъ этою палкою (даетъ ему свою палку). Тогда обнаружится, кто правъ, кто виноватъ. Если попадешь—значитъ, она виновата, а если не попадешь—она чиста.

— Такъ сказано въ книгѣ? спросилъ мулла Насрэддинъ *).

— Да! отвѣчалъ кадій.

Мулла Насрэддинъ выпустилъ муху, которая повертѣлась нѣсколько разъ въ воздухѣ и сѣла на лобъ кадія. Мулла Насрэддинъ ударилъ по ней палкою, что есть мочи, — и кадій повалился, истекая кровью.

Мулла Насрэддинъ удовлетворился этимъ и пошелъ домой.

Когда выздоровѣлъ, кадій приказалъ своему рабу поколотить муллу Насрэддина, и тотъ исполнилъ его приказаніе.

Мулла Насрэддинъ опять является къ кадію.

— Что тебѣ надобно? спросилъ кадій, едва удерживая свой гнѣвъ.

— Я опять къ тебѣ за правосудіемъ, кадій, сказалъ мулла Насрэддинъ. Твой рабъ поколотилъ меня, и я требую удовлетворенія. Посмотри въ книгу и скажи, что тамъ написано на этотъ счетъ.

Кадій посмотрѣлъ; потомъ позвалъ своего раба и приказалъ ему отдать муллѣ Насрэддину 20 копѣекъ (четыре дирхэма), говоря, что въ книгѣ такъ сказано. Мулла Насрэддинъ взялъ данную монету и началъ ее разсматривать. — Это не двадцать копѣекъ, а пятнадцать, сказалъ онъ и возвратилъ монету. Рабъ началъ увѣрять, что это 20, и не принялъ. Тогда мулла Насрэддинъ предложилъ монету кадію, требуя, чтобы онъ разрѣшилъ ихъ споръ.

Какъ только кадій взялъ въ руку монету, мулла Насрэддинъ началъ его колотить по головѣ.

— Что ты дѣлаешь, мошенникъ! вскричалъ кадій, падая.

---

*) Преданіе говоритъ, что мулла Насрэддинъ былъ ученый и очень умный человѣкъ, но притворялся дуракомъ.

— Какъ, что дѣлаю? спросилъ мулла Насрэддинъ: твой рабъ сначала поколотилъ меня, а потомъ отдалъ деньги, и ты сказалъ, что это справедливо. А я тебѣ еще впередъ отдаю! Развѣ я не имѣю права колотить тебя?

II.

Мулла Насрэддинъ и чортъ.

Всѣ были увѣрены, что муллу Насрэддина нельзя обмануть; но чортъ (всегда готовый возстать противъ людской молви) взялся надуть его. Увидавъ издалека чорта и зная, зачѣмъ онъ жалуетъ къ нему, мулла Насрэддинъ подбѣжалъ къ скалѣ, которая висѣла надъ его домомъ, и оперся плечомъ, стараясь, будто-бы, удержать ея паденіе.

Подходитъ чортъ и говоритъ ему:

— Я хочу надуть тебя, мулла Насрэддинъ. Хочешь со мной спорить?

— Теперь мнѣ некогда, говоритъ мулла Насрэддинъ. Видишь—я занятъ. Притомъ со мной нѣтъ моего мѣшка, безъ котораго я не буду спорить съ тобою. Впрочемъ, если хочешь, я принесу мѣшокъ; но только пока поддержи эту скалу.

— А что такое? спрашиваетъ чортъ.

— А то, что эта скала упадетъ, если не поддержать ее, и разрушитъ мой домъ.

Чортъ согласился. Онъ уперся, что есть силы, въ скалу. Мулла Насрэддинъ ушелъ въ комнату. По уходѣ его чортъ думаетъ себѣ: «Не лучше-ли разрушить его домъ? вѣдь это будетъ обманомъ? Я обѣщался удерживать. Такъ и быть. Онъ отошелъ отъ скалы, но скала не упала.

— Можешь убираться, ты уже обманутъ. Скала и не думала упасть! сказалъ мулла Насрэддинъ.

Съ этими словами онъ ушелъ въ «кумай» *). Чортъ, недовольный этимъ, послѣдовалъ за нимъ.

*) Мѣсто, куда собираются горцы для разговора въ свободное время,—площадь.

— Куда тебѣ со мной тягаться! сказалъ мулла Насрэддинъ чорту, когда они пришли въ кумай. Тебя и всякій обманетъ. Хочешь, я поведу тебя къ рѣчкѣ и приведу назадъ, не давъ тебѣ напиться?

Чортъ согласился, и они оба отправились къ рѣчкѣ. Когда они пришли, мулла Насрэддинъ оборотился назадъ и спросилъ съ удивленіемъ:

— Гдѣ-же свидѣтели?

— Какіе свидѣтели?

— Какъ, какіе? Ты будешь говорить, что напился воды, а я, что нѣтъ. Какой-же толкъ выйдетъ изъ этого безъ свидѣтелей?

— Ну, такъ пойдемъ за свидѣтелями, сказалъ чортъ, и они отправились обратно въ кумай.

— Мы были у рѣчки? спросилъ мулла Насрэддинъ чорта, когда они пришли въ кумай.

— Были, отвѣчаетъ чортъ.

— Напился ты воды?

— Нѣтъ!

— Такъ чего-же тебѣ еще нужно!

Съ этого времени чортъ призналъ себя побѣжденнымъ.

III.

Мулла Насрэддинъ и воры.

Разъ, ночью, воры захотѣли обокрасть муллу Насрэддина. Они проломали стѣну и вошли въ его спальню. Мулла Насрэддинъ не спалъ, но притворился спящимъ. Когда они забрали все, мулла Насрэддинъ тихо, будто спящій, скатился съ тюфяка. Сначала воры испугались-было и хотѣли бѣжать, думая, что онъ проснулся; но потомъ, увидѣвши, что тотъ не шевелится, обрадовались и взяли его тюфякъ, одѣяло и подушку. Когда воры ушли, мулла Насрэддинъ послѣдовалъ за ними.

На площади воры замѣтили, что за ними кто-то слѣдуетъ. Испугавшись, они спросили его, кто онъ такой и куда идетъ?

— Я хозяинъ вещей, которыя вы несете, отвѣчалъ мулла

Насрэддинъ. Куда я иду? Вѣдь вы хотите перевести меня на другую квартиру? Вотъ, я и иду туда съ вещами.

Воры бросили, что успѣли захватить у муллы Насрэддина, и убѣжали.

Мулла Насрэддинъ, не мало удивленный, провелъ остальную ночь на площади.

IV.

Мулла Насрэддинъ въ борьбѣ съ роднымъ ауломъ.

а) *Жители аула оскверняютъ домъ муллы Насрэддина.*

Разъ мулла Насрэддинъ сильно оскорбилъ — не знаю чѣмъ —свой родной «джамаатъ» (почетные граждане аула, отцы семействъ). Чтобы отомстить ему за это, джамаатъ обратилъ его домъ въ общественное отхожее мѣсто. Въ это время самого муллы Насрэддина не было дома; онъ былъ въ Дербентѣ.

Возвратившись оттуда, мулла Насрэддинъ нашелъ въ домѣ уже порядочное количество нечистотъ. Не обнаруживая ни малѣйшаго знака неудовольствія, онъ собралъ эти нечистоты, высушилъ и размельчилъ. Потомъ, онъ наполнилъ ими мѣшки, положилъ на ословъ и отправился въ сосѣдній городъ.

Тамъ онъ объявилъ, что привезъ порошокъ противъ мышей и крысъ. Оказался огромный спросъ на его товаръ, такъ-что онъ продалъ весь свой товаръ впродолженіи двухъ дней; а продавалъ онъ дорого: за одинъ наперстокъ, наполненный его лекарствомъ, онъ бралъ цѣлый абазъ. На третій день мулла Насрэддинъ возвращается въ аулъ съ наполненными серебромъ мѣшками и благодаритъ джамаатъ за одолженіе, которое онъ ему оказалъ. — Что такое? спрашиваетъ удивленный джамаатъ. Мулла Насрэддинъ разсказалъ все, причемъ однако не упомянулъ вовсе о томъ, что онъ высушилъ и размельчилъ испражненія, и о томъ, что онъ выдавалъ ихъ за порошокъ противъ мышей.

Жители аула начали очищать свои отхожія мѣста; они навьючили наословъ нечистоты и отправились въ городъ продавать. Въ это самое время прискакалъ къ мулѣ Насрэддину посланный

изъ города, гдѣ онъ продавалъ порошокъ; посланный спросилъ его: какъ употреблять этотъ порошокъ противъ мышей.

Мулла Насрэддинъ отвѣчалъ, что нужно поймать мышь и насыпать ей порошокъ въ глаза. Посланный возвратился въ городъ и разсказалъ, что такъ и такъ-молъ надо.

Джамаатъ города сильно разсердился.

— Зачѣмъ-же намъ еще трудиться сыпать порошокъ въ глаза и покупать его за деньги (говорилъ онъ), когда можно — поймавши—просто убить мышь. Но дѣлать было нечего: покупка была уже совершена.

Въ «этотъ часъ» жители муллы Насрэддинова аула ходили по улицамъ и предлагали всякому встрѣчному человѣческій калъ. Жители города напали на нихъ и побили.

б) *Жители аула убиваютъ мать муллы Насрэддина.*

За это джамаатъ разсердился на муллу Насрэддина пуще прежняго. Жители ворвались въ его домъ и, не найдя его самого, убили его родную мать.

Мулла Насрэддинъ взялъ трупъ матери и вышелъ изъ аула. Шелъ три дня и три ночи и пришелъ къ одному богатому мельнику. Прежде чѣмъ войти въ комнату, онъ поставилъ трупъ около рѣки, что протекала передъ самымъ домомъ, да такъ поставилъ, что всякому онъ казался-бы живой старухой.

Мулла Насрэддинъ засталъ семейство мельника за обѣдомъ: ѣли вареники *). Его пригласили, какъ дорогого гостя, раздѣлить ихъ обѣдъ. Мулла Насрэддинъ во время обѣда бралъ съ тарелки по два вареника разомъ: одинъ ѣлъ, а другой клалъ въ карманъ. Удивленный хозяинъ спросилъ, за чѣмъ онъ кладетъ въ карманъ. Мулла Насрэддинъ отвѣчалъ, что онъ откладываетъ ихъ для своей матери, которая ждетъ его у воротъ. Хозяинъ приказалъ дочери позвать ее. Та пошла, и возвратилась, говоря, что гостья не идетъ.

— Она слишкомъ застѣнчива, сказалъ мулла Насрэддинъ.

— Такъ притащи ее! сказалъ хозяинъ дочери.

Дочь отправилась къ трупу и начала опять приглашать его. Когда тотъ не шевелился, она дернула его сильно. Трупъ покачнулся, потерялъ равновѣсіе и бухъ въ воду. Прибѣжалъ мулла Насрэддинъ, началъ кричать и охать, говоря, что утопили его

*) Чудо-хинкъ: *чудо* - пирогъ, *хинкъ* - хинкалъ, въ родѣ лепешекъ.

мать. Чтобы успокоить его, мельникъ выдалъ за него свою красавицу дочь, одарилъ его всякими богатствами и отпустилъ домой.

Пришелъ мулла Насрэддинъ въ свой аулъ съ женою и говоритъ жителямъ: благодарю васъ за то, что убили мою старуху.

— Какъ-такъ? спрашиваютъ его.

— Да такъ, говоритъ онъ. Я понесъ трупъ въ городъ и промѣнялъ на молодую дѣвушку. Тамъ, сколько угодно мѣняютъ и въ придачу дадутъ вотъ столько,—и онъ показалъ дары мельника.

Тогда жители начали убивать всѣхъ старухъ въ аулѣ: кто убилъ свою мать, кто бабушку, кто тетушку, а кто и жену. Взяли трупы старухъ и отправились продавать ихъ въ городъ.

Пришедши туда, они начали предлагать всякому встрѣчному трупы старухъ, требуя за нихъ молодыхъ, да еще съ приданымъ. Жители города сочли ихъ за дураковъ и прогнали дубинами.

в) *Жители аула сожигаютъ домъ муллы Насрэддина.*

Не зная, чѣмъ отомстить муллѣ Насрэддину за его послѣдній обманъ, жители аула сожгли его домъ. Мулла Насрэддинъ собралъ угли—остатокъ отъ своего дома,—наполнилъ ими мѣшки, навьючилъ на осла и поѣхалъ въ городъ. Прежде чѣмъ наполнить мѣшки углями, онъ опустилъ на дно мѣшковъ по нѣсколько серебряныхъ абазовъ.

Прибывши въ городъ, онъ остановился ночевать у одного богатаго еврея. Утромъ всталъ мулла Насрэддинъ и началъ прыгать, кричать и плакать, говоря, что его мѣшки были наполнены серебромъ, но что ночью его обокрали и вмѣсто серебра ему оставили угли. Онъ потащилъ еврея къ кадію.

Кадій рѣшилъ: если мулла Насрэддинъ правъ, то на днѣ мѣшковъ найдется хоть одна монета, потому-что воры, обыкновенно, по торопливости, не успѣваютъ все захватывать, и поэтому онъ рѣшился самъ отправиться въ домъ еврея и освидѣтельствовать мѣшки. Кадій приказалъ высыпать угли. Угли высыпали и вмѣстѣ съ ними выпали на землю и абазы.

Кадій нашелъ муллу Насрэддина правымъ и приказалъ еврею наполнить ему мѣшки серебромъ.

Мулла Насрэддинъ возвратился въ аулъ съ серебромъ и

началъ благодарить своихъ сожителей за то, что они сожгли его домъ.

— Что такое? спрашиваютъ тѣ.

— Вы сожгли мой домъ: я взялъ отъ него угли и отправился продавать въ городъ. За полный мѣшокъ углей тамъ даютъ полный мѣшокъ серебряныхъ абазовъ. Только нужно говорить, что продаешь угли отъ сгорѣвшаго дома.

Жители начали сожигать свои дома и сожгли цѣлый аулъ. Полученные угли они пошли продавать въ городъ. Жители города, видя, что они требуютъ баснословныя цѣны, конечно, не покупали углей, да еще, считая продавцевъ сумасшедшими, натравили на нихъ собакъ.

г) *Жители аула бросаютъ муллу Насрэддина въ море.*

Собрался въ аулѣ весь джамаатъ для обсужденія, какому наказанію подвергнуть муллу Насрэддина. Одни говорятъ, что нужно убить его, другіе—повѣсить, третьи—камнями закидать; наконецъ, четвертые говорятъ, что нужно бросить его въ море, чтобы на землѣ не было и духу его. Такъ и рѣшили: бросить его въ море.

Узнавши объ этомъ, мулла Насрэддинъ побѣжалъ къ морю. Смотритъ, пастухъ пасетъ свое громадное стадо барановъ.

— Да увеличатся твои бараны! говоритъ ему мулла Насрэддинъ.

— Будь здоровъ! отвѣчаетъ пастухъ. Куда такъ поспѣшаешь, мулла Насрэддинъ?

— Да вонъ за мной бѣгутъ всѣ жители аула, говоритъ онъ: они хотятъ заставить меня быть ихъ царемъ. Я — разумѣется—не хочу и бѣгу.

— Почему-же не хочешь?

— Да такъ. Я не умѣю и собой управлять, не то что народомъ... Однако, мнѣ пора проститься съ тобою.

— А жаль, говоритъ пастухъ, что я не на твоемъ мѣстѣ. Я-бы съ радостью согласился.

— Въ самомъ дѣлѣ? спрашиваетъ мулла Насрэддинъ.

— Да! отвѣчаетъ пастухъ.

— Если ты такъ желаешь быть царемъ, одѣнься въ мое платье, побѣги къ морю и остановись у самого берега. Они прибѣгутъ, схватятъ тебя и поведутъ посадить на тронъ.

Пастухъ поспѣшно переодѣлся въ одежду муллы Насрэдина, побѣжалъ къ морю и остановился у самаго берега. Прибѣжали жители и бросили его въ море.

Черезъ три дня мулла Насрэддинъ приходитъ въ аулъ, пригоняя съ собой и 10,000 барановъ. Испуганные жители сначала хотѣли бѣжать въ лѣсъ; но потомъ остались и начали спрашивать его, что съ нимъ случилось.

Мулла Насрэддинъ поблагодарилъ ихъ за то, что они бросили его въ море. «Теперь я знаю, гдѣ найти барановъ, прибавилъ онъ. Тамъ, на днѣ моря, имъ счету нѣтъ. Жаль только: одинъ я не успѣлъ захватить много». Большая часть жителей аула кинулась въ море за баранами. Когда эти долго не возвращались, остальные начали тѣснить муллу Насрэддина. Но мулла Насрэддинъ сказалъ, что тѣ хотятъ пригнать всѣхъ барановъ, которые пасутся въ морѣ; но для этого ихъ числа недостаточно. Тогда и всѣ остальные бросились въ море съ крикомъ: «на помощь». Послѣ этого мулла Насрэддинъ сталъ жить спокойно.

V.

Мулла Насрэддинъ умираетъ.

Однажды мулла Несрэддинъ пошелъ съ осломъ за дровами въ лѣсъ. Онъ полѣзъ на дерево и началъ рубить вѣтвь, на которой самъ сидѣлъ, у ея основанія.

Одинъ прохожій говоритъ ему: мулла Насрэддинъ, ты упадешь, если будешь такъ рубить.

Мулла Насрэддинъ, думая, что тотъ шутитъ, не обратилъ вниманія и продолжалъ рубить.

Когда онъ срубилъ вѣтвь, то упалъ вмѣстѣ съ нею. Удивленный, онъ бѣжитъ за прохожимъ, догоняетъ его и говоритъ ему:

— Ты узналъ, что я упаду; слѣдовательно, ты долженъ знать, когда я умру. Съ помощью Бога, я требую, чтобы ты сказалъ мнѣ, когда я умру.

Желая отъ него отвязаться, прохожій говоритъ ему:

— Ты умрешь, когда твой оселъ «сдѣлаетъ три раза невѣжливость».

Удивленный этимъ отвѣтомъ, мулла Насрэддинъ оставилъ прохожаго и пошелъ нагружать осла дровами.

При возвращеніи домой, они должны были подняться на гору. Какъ только они стали подниматься, оселъ «сдѣлалъ невѣжливость».

— Разъ! вскричалъ въ испугѣ мулла Насрэддинъ: значитъ, одна треть души моей улетѣла.

На серединѣ подъема, оселъ еще разъ повелъ себя дурно.

— Два! произнесъ мулла Насрэддинъ: значитъ, у меня остается одна-треть души.

На вершинѣ горы оселъ и въ третій разъ не выдержалъ...

— Три! и я умеръ! воскликнулъ мулла Насрэддинъ. Онъ отошелъ немного въ сторону отъ дороги и легъ на землю, а оселъ по близости началъ щипать траву.

Пришли волки и напали на осла.

«О-охъ! какъ-бы я былъ живъ!» говорилъ мулла Насрэддинъ, лежа на землѣ и видя, какъ волки раздираютъ его осла. «Но теперь я мертвъ, и — бѣдный мой оселъ! — тебѣ я безполезенъ! . . .

М. Амировъ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

СРЕДИ ГОРЦЕВЪ СѢВЕРНАГО ДАГЕСТАНА

(ИЗЪ ДНЕВНИКА ГИМНАЗИСТА).

5-го мая 187... года. Т.-Х.-Шура.

Сегодня съ самаго утра я никуда не выходилъ изъ комнаты, въ ожиданіи изъ дома лошадей. Вечеромъ, часовъ въ девять, ко мнѣ пришелъ одинъ изъ моихъ бывшихъ школьныхъ товарищей и попросилъ къ себѣ. Я отправился. Оказалось, что въ это самое время прибыли лошади и съ ними самъ отецъ мой. Не найдя меня дома въ такое позднее время, онъ остался очень недоволенъ мною. Онъ ждалъ цѣлый часъ и, не вытерпѣвъ, вышелъ искать меня. Мы встрѣтились на улицѣ и не узнали другъ-друга, хотя свѣтъ фонарей былъ очень достаточенъ для того, чтобы различить знакомыя черты лица. Я не узналъ его потому, что онъ сильно одряхлѣлъ, а онъ потому, что я сильно выросъ. Но на помощь явился мой братъ—школьникъ...

Узнавши, что передо мною стоитъ отецъ, я бросился къ нему въ объятія. Онъ открылъ-было и свои, но вдругъ остановилъ меня рукою и взволнованнымъ голосомъ сказалъ: «Пойдемъ въ комнату. Здѣсь не мѣсто для нѣжностей». Я былъ сильно удивленъ этимъ. Затѣмъ дорогою онъ не произнесъ ни одного слова. Когда-же мы пришли въ комнату, онъ тотчасъ приказалъ слугѣ принести дорожныя сумки, а мнѣ переодѣться въ горскій костюмъ. Я повиновался. Потомъ онъ спросилъ меня,

гдѣ я былъ въ такое позднее время; я сказалъ. Лицо его немного просіяло.

Наступило время вечернеі молитвы, и я, не дожидаясь отцовскаго приказанія, совершилъ обрядъ омовенія и помолился. Я замѣтилъ, что лицо старика еще болѣе прояснилось. Вслѣдъ затѣмъ онъ самъ сталъ молиться, и молился необыкновенно долго. Я слышалъ не разъ въ его молитвѣ мое имя и выраженіе: «Прости меня, Боже,...». Послѣ молитвы онъ подозвалъ меня къ себѣ и началъ говорить со мной о религіи.

Оставшись мною совершенно доволенъ, онъ обнялъ меня, а также позволилъ и себя обнять. Только тогда начался между нами разговоръ, котораго можно было ожидать при встрѣчѣ отца съ сыномъ послѣ долгой разлуки.

Черезъ нѣсколько времени разговоръ нашъ опять коснулся религіи: отецъ давалъ мнѣ и брату моему много наставленій и говорилъ очень долго. Изъ его рѣчей мнѣ въ особенности понравилось слѣдующее мѣсто: «Дѣти мои! Съ покоренія Дагестана русскими, наступили иныя времена и установились иныя обстоятельства. Что до того времени въ молодомъ человѣкѣ считалось благородною и хорошею чертою, то теперь русскими властями и русскими законами считается преступленіемъ. Вмѣсто прежнихъ похвалъ и одобреній отъ старшихъ за эту черту, онъ (молодой человѣкъ) получаетъ теперь угрозы начальника и часто за нее попадаетъ въ тюрьму, даже въ Сибирь, какъ, напримѣръ, вотъ такой-то (онъ произнесъ имя одного изъ моихъ ближайшихъ родственниковъ, который, защищая кровную честь своего рода, убилъ человѣка и за это отправленъ въ Сибирь на поселеніе). Не желая, въ старости, на радость моимъ недоброжелателямъ, безпокоиться за васъ, я рѣшился, вопреки обычаямъ нашихъ предковъ, вопреки требованіямъ нашей религіи, отдать васъ въ школу, чтобы вы могли тамъ познакомиться и помириться съ установленіями и обычаями русскихъ и чтобы я не безпокоился за васъ въ будущемъ. Съ какимъ трудомъ я перенесъ при этомъ плачъ и жалобы вашей матери, упреки род-

ственниковъ и друзей и злобную улыбку на лицѣ монхъ враговъ—знаю только я одинъ. Если-бы, послѣ этой жертвы съ моей стороны, вы оказались недостойными сыновьями, т. е. если-бы позабыли свой родной аулъ, своихъ родственниковъ, обычаи вашихъ предковъ и—въ особенности—свою религію, то каковое чувство испытывала-бы душа вашего отца и что отвѣтилъ-бы онъ предъ Богомъ на страшномъ допросѣ»! Лицо его помрачилось. Онъ остановился немного. Потомъ лицо его приняло страшное выраженіе.

«О! тогда», продолжалъ онъ съ возрастающимъ гнѣвомъ: «я проклялъ-бы день вашего рожденія, и тысячу разъ скорѣе желалъ-бы видѣть васъ зарѣзанными моими собственными руками, чѣмъ такими.... И на краю свѣта тогда вы не спаслись-бы отъ моей руки».... Я старался всѣми силами успокоить его. Я сказалъ, что то, чему мы учимся въ Россіи, дѣлаетъ человѣка разумнымъ, а разумный человѣкъ не можетъ отвернуться отъ самыхъ дорогихъ и священныхъ предметовъ и проч. Въ жизни я въ первый разъ говорилъ съ отцомъ о серьезномъ предметѣ, и я замѣтилъ, что мои слова произвели на него успокоительное дѣйствіе. Даже, вопреки обычаямъ горцевъ, онъ высказалъ мнѣ свое удовольствіе, полученное имъ отъ моихъ словъ. «Да отвратитъ васъ Богъ, дѣти мои, отъ ложнаго пути, чтобы отецъ вашъ не явился къ Нему съ «чернымъ» лицомъ», заключилъ онъ, отпуская насъ спать.

6-го мая.

Я долго не могъ заснуть. Около часу ночи дверь въ комнату, гдѣ мы спали съ братомъ, отворилась и со свѣчкой въ рукахъ появился отецъ. Я притворился спящимъ. Онъ тихо подошелъ ко мнѣ. Онъ долго просидѣлъ около меня въ глубокомъ размышленіи. Потомъ подошелъ къ брату и, поцѣловавъ его въ голову, вышелъ изъ спальни. Необъяснимое чувство овладѣло мною, и я пролежалъ до утра, не смыкая глазъ.

Кстати, о моемъ отцѣ. Отецъ мой — сынъ очень уважае-

маго и извѣстнаго среди горцевъ уздени, который былъ во время покоренія Дагестана старшиною и предводителемъ .....ской общины. Въ молодости, отецъ отличался самымъ буйнымъ и чисто-горскимъ характеромъ, занимаясь отчаяннымъ разбойничествомъ и участвуя во многихъ набѣгахъ. Послѣ утвержденія русской власти въ нашей общинѣ, онъ удалился въ Кайтагъ (въ Южномъ Дагестанѣ), который тогда не былъ еще покоренъ, но потомъ возвратился домой, женился и началъ заниматься хозяйствомъ. Когда одинъ аулъ нашей общины взбунтовался, онъ взялся усмирить его, и дѣйствительно, съ помощью порученныхъ ему казаковъ, достигъ этого почти безъ кровопролитія. За это его назначили сотеннымъ командиромъ и дали ему крестъ. Потомъ онъ былъ представленъ къ чину. Но все-таки прежнія его наклонности одержали верхъ. Онъ началъ раскаиваться, что оставилъ прежнюю буйную жизнь,—и убѣжалъ къ непокорнымъ. Онъ поступилъ въ конницу Шамиля, которой командовалъ Гаджи-Муратъ, и сталъ близкимъ человѣкомъ къ послѣднему. Но послѣ того какъ Гаджи-Муратъ былъ убитъ и отрядъ его разсѣялся, отецъ мой возвратился домой и, никѣмъ не тревожимый, началъ опять заниматься хозяйствомъ. Онъ привязался къ этому занятію, въ особенности, когда сдѣлался отцомъ двухъ сыновей, т. е. когда родился я и братъ мой. Однако, онъ не долго наслаждался спокойною семейною жизнью. Онъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ и отправленъ въ «Сибирь», т. е. въ Россію. Его обвинили въ томъ, что онъ свой домъ обратилъ въ «станцію» для «мюридовъ», т. е. сподвижниковъ Шамиля. Дѣло въ томъ, что съ покореніемъ Даргинскаго округа и части Кайтаго-Табасаранскаго, сношенія Шамиля съ еще непокореннымъ Кайтагомъ были прерваны. Но мюриды, пользуясь темнотою ночи, все-таки проѣзжали туда и обратно. Не будучи въ состояніи—въ особенности лѣтомъ—совершать въ одну ночь этотъ переѣздъ, они заводили себѣ сторонниковъ въ покорныхъ аулахъ и скрывались у нихъ днемъ. Въ числѣ послѣднихъ, какъ показали доносчики, находился и мой отецъ.

Онъ пробылъ въ ссылкѣ три года и вернулся домой. Съ тѣхъ-поръ онъ живетъ дома, занимаясь единственно своимъ маленькимъ хозяйствомъ . . . . . .

. . . . . .

Сейчасъ вошелъ отецъ и объявилъ, что черезъ полчаса поѣдемъ. При этомъ онъ намекнулъ на то, какъ мы должны вести себя въ аулѣ. И такъ, завтра въ полдень, я буду на родинѣ! Такъ-какъ по пріѣздѣ кого-либо съ дальней дороги, по обычаю нашему, начинаются тотчасъ-же встрѣчи и визиты, то, желая въ день пріѣзда, послѣ утомительной (въ особенности послѣ долгой сидячей жизни) ѣзды избѣгнуть такихъ торжественныхъ встрѣчъ, я выразилъ отцу желаніе постараться пріѣхать домой поздно вечеромъ. Отцу не понравилось это и онъ отказалъ наотрѣзъ. Его гордость, его самолюбіе требовали, чтобы въѣхать въ аулъ торжественно, съ двумя сыновьями въ цвѣтущемъ юношескомъ возрастѣ, при стеченіи народа. Если-бы онъ былъ нами недоволенъ, то конечно не сдѣлалъ-бы этого. Но онъ былъ доволенъ нами, даже очень. Этому помогло и то обстоятельство, что извѣстіе о моемъ пріѣздѣ дошло домой черезъ одно высокопоставленное лицо, видѣвшее меня въ Т.-Х.-Шурѣ и давшее обо мнѣ весьма лестный отзывъ. Это извѣстно было всему аулу.

12-го мая, аулъ Х...и.

Было около часу дня, когда передъ нами открылась живописная долина, среди которой возвышается на холмахъ и скалахъ еще болѣе живописный и обширный аулъ Х...и. Боже мой! это былъ самый дорогой для меня уголокъ во всемъ мірѣ! Что почувствовала душа моя въ эту минуту, можетъ понять только тотъ, кто хоть разъ въ жизни находился въ моемъ положеніи...

Вообразите себѣ широкую, четырехугольную долину, окруженную со всѣхъ сторонъ высокими горами, одинаковыми со-

вершенно по высотѣ, но различными по характеру. На востокѣ и западѣ она окаймлена тонкими и гладкими хребтами, вершины которыхъ увѣнчаны непрерывнымъ рядомъ скалъ, будто гигантскою стѣною. Восточный хребетъ покрытъ сплошнымъ лѣсомъ, а западный совершенно свободенъ отъ него, но покрытъ восхитительною зеленью.

На сѣверѣ и югѣ долина ограничена широкими горными массами, вершины которыхъ представляютъ почти сплошныя плоскости, усѣянныя по мѣстамъ будто гигантскими кучами зелени, т. е. холмами. Южная возвышенность опять покрыта лѣсомъ, а сѣверная травою. Отъ послѣдней отдѣляется рядъ холмовъ, которые наполняютъ долину и по мѣрѣ удаленія своего въ глубь ея все понижаются. На одномъ изъ этихъ холмовъ, въ самой срединѣ долины, и возвышается аулъ. Его побольшей-части двухъ-этажныя каменныя сакли расположены террасами по склонамъ холма и на вершинной плоскости. Точно также террасами расположены и посѣвы жителей, покрывавшіе всю долину. Съ сѣвернаго и западнаго хребтовъ бѣгутъ многочисленные горные потоки, и въ видѣ двухъ рѣчекъ соединяются въ одну около самаго аула. Странный контрастъ былъ между горами и долиною. На горахъ полная весна, а въ долинѣ уже наступило лѣто. Горы были покрыты восхитительной майской зеленью; но не то въ долинѣ: въ нынѣшнемъ году дождя не было съ марта, и въ долинѣ жара начала уже свои опустошительныя дѣйствія, что здѣсь бываетъ впрочемъ довольно рѣдко. Въ мѣстахъ, не занятыхъ посѣвами, трава уже побѣлѣла и стебельки хлѣбныхъ растеній (пшеницы и ячменя) приняли унылый видъ, и цвѣтъ ихъ изъ темнозеленаго сдѣлался голубоватымъ. Казалось, каждый стебель, каждая былинка шептали: «О Боже, пошли намъ влаги»!... Такъ-какъ я зналъ, что единственный капиталъ каждаго жителя заключается въ этихъ стебелькахъ, то мой восторгъ пріутихъ...

Мы находились на восточномъ хребтѣ, гдѣ скалы, вдругъ прерываясь, образуютъ ворота шириною въ три сажени или

около того. Здѣсь насъ ждали около тридцати человѣкъ, вышедшихъ къ намъ на встрѣчу. И отсюда до самаго аула, насъ встрѣчали толпы народа (исключительно мужчинъ) *), а при входѣ въ аулъ и въ особенности около нашего дома, насъ ждали еще болѣе многочисленныя толпы.

По обычаю, тотчасъ по пріѣздѣ, нужно съ двумя или тремя изъ родственниковъ или близкихъ знакомыхъ отправиться во всѣ дома, гдѣ, во время вашего отсутствія, случились смерть, убійство или подобное крупное несчастіе. Церемонія этого рода состоитъ въ томъ, что, приблизившись къ самому близкому родственнику умершаго или убитаго, нужно прочесть молитву за упокой души покойника, выразить свое сожалѣніе по этому случаю и, наконецъ, разставаясь съ посѣщаемымъ, произнести: «да сохранитъ васъ остальныхъ (родственниковъ) Богъ въ здравіи и благополучіи!» Пока вы не сдѣлаете этого визита, ни потерпѣвшій несчастіе, ни его ближайшіе родственники, не посѣтятъ васъ и даже сильно оскорбятся.

По окончаніи визитовъ за упокой души, которые называются «алхамъ», отъ названія при этомъ читающейся молитвы, возвращаются домой.

Тутъ начинаются другого рода визиты, соотвѣтствующіе европейскимъ. Въ нихъ участвуютъ и женщины. Но женщины не входятъ въ то отдѣленіе, гдѣ сидятъ мужчины, а собираются къ матери пріѣзжаго, въ другую комнату, если только таковая существуетъ. Когда домъ наполнится посѣтителями, вызываютъ васъ изъ другой комнаты, привѣтствуютъ, а потомъ расходятся. Женщины по-большей-части приходятъ не съ пустыми руками. Онѣ приносятъ любимыя среди горцевъ кушанья, которыя обыкновенно поѣдаются мужчинами-посѣтителя-

*) Хотя у нашихъ горцевъ женщины не закрываютъ лицъ, какъ это дѣлается почти въ большей части магометанскаго міра, и участвуютъ вмѣстѣ съ мужчинами во всѣхъ полевыхъ и домашнихъ работахъ, однако онѣ не выходятъ на встрѣчу пріѣзжимъ. Даже мать и сестры встрѣчаютъ только у воротъ.

ми. Кромѣ того, передъ посѣтителями ставится бутылка водки съ рюмочкою, и каждый изъ нихъ, исключая «тоува-дакивти» (т. е. принявшихъ присягу не пить ничего опьяняющаго, а таковыхъ очень много среди ихъ), выпиваютъ по рюмочкѣ, рѣдко по двѣ. Женщинамъ-же кушанья не предлагаются, а въ руки дѣтей, которыхъ онѣ по обыкновенію съ собою приносятъ или приводятъ, смотря по возрасту, или-же самимъ женщинамъ, если при нихъ нѣтъ дѣтей, вручаются обыкновенно вашей матерью конфекты или рѣдкіе въ горахъ фрукты (финики, кишмишъ и проч.) Такіе визиты продолжаются около недѣли.

Послѣ этого начинаются приглашенія къ себѣ на ужинъ со стороны родственниковъ, хорошихъ знакомыхъ и сосѣдей пріѣзжаго. Для этого случая каждый изъ нихъ, если средства позволяютъ, зарѣжетъ барана, купитъ двѣ-три бутылки водки изъ ближайшаго города или урочища, т. е. тамъ, гдѣ проживаютъ русскіе (а въ аулахъ не позволяютъ содержать кабаки), созоветъ своихъ закадычныхъ друзей и кутитъ до полуночи при звукахъ «чугура» *). Если вы не имѣете обыкновенія пить, то все-таки должны хоть подносить рюмку къ губамъ, иначе хозяинъ дома обидится. Если-же у него нѣтъ средствъ зарѣзать барана, онъ довольствуется сушонымъ мясомъ. Этотъ обычай сильно развивается въ послѣднее время. Причина этому, по моему мнѣнію, слѣдующая:

Горецъ—большой охотникъ до свѣжаго мяса. Но ему оно достается очень рѣдко. Въ горахъ мясо приготовляется на весь годъ, по-большей-части въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Для этого рѣжутъ отъ одной до пятнадцати штукъ барановъ или одного быка, и мясо ихъ высушиваютъ. Употребляютъ его бѣдные по-крайней-мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ, а самые богатые почти ежедневно, но только за ужиномъ. Если-же для удовлетворенія своего аппетита горецъ зарѣжетъ барана безъ какого-нибудь торжественнаго случая, не говоря уже о быкѣ, общественное мнѣ-

*) Инструментъ въ родѣ балалайки, со стальными струнами, на которомъ играютъ посредствомъ гибкой корочки черешневаго дерева.

ніе будетъ преслѣдовать его за неумѣренность. (А общественнаго мнѣнія горецъ боится сильно). Такимъ образомъ онъ можетъ ѣсть свѣжее мясо только въ сентябрѣ, или-же когда кто-нибудь умеръ (въ этомъ случаѣ участвующихъ при похоронахъ родные покойника приглашаютъ и угощаютъ). Если-же подобные случаи не представляются, то нѣкоторые прибѣгаютъ къ хитрости: зарѣжетъ барана и скажетъ, что баранъ вдругъ заболѣлъ и околѣлъ *). Но возвратимся къ гостямъ.

Приходящимъ и уходящимъ нѣтъ конца. Каждый, кто приходитъ, даетъ «саламъ» и, по приглашенію, садится. Сначала онъ сдѣлаетъ нѣсколько вопросовъ, а потомъ, уступая мѣсто другому, оставляетъ васъ и пускается въ разговоръ съ ближайшимъ сосѣдомъ. Понемногу комната наполняется. Одни сидятъ на полу, на коврахъ, вокругъ подноса съ яствами, а кто помоложе стоятъ вдоль стѣнъ, не принимая участія въ разговорѣ и слушая стариковъ. По приходѣ новыхъ гостей, прежде пришедшая партія оставляетъ комнату. Каждый при выходѣ изъ комнаты скажетъ вамъ непремѣнно: «куда-бы ни поѣхалъ—да возвратишься ты цѣлымъ и здравымъ». Если-же женщины прощаются, то къ этому прибавляютъ еще: «да исполнятся желанія твоей души». Замѣчу кстати, что въ нашемъ языкѣ существуетъ много такихъ выраженій, которыя употребляются исключительно женщинами, и такихъ, которыя употребляются исключительно мужчинами **).

Наконецъ, часовъ въ девять вечера окончились посѣщенія и только послѣ этого можно было поговорить съ родными. Но тутъ разговоры не могли долго продолжаться, потому что мой усталый организмъ требовалъ спокойствія. Видя это, мать постлала мнѣ на полу мягкую постель и я легъ.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ и гдѣ

*) Мясо дохлаго животнаго, даже павшаго отъ повальной болѣзни, у насъ ѣдятъ какъ богатые, такъ и бѣдные, если только успѣютъ перерѣзать ему горло, пока оно не околѣло, и если при этомъ покажется кровь.

**) Авторъ—уроженецъ Даргинскаго округа и природный языкъ его есть языкъ *хюркилинскій*.

спятъ наши горцы. Какъ я выше указалъ, у большей части горцевъ бываетъ только по одной комнатѣ, которая ночью и превращается въ спальню. Постель состоитъ изъ толсто-набитаго грубою шерстью тюфяка, одѣяла и очень большой подушки; въ этомъ и состоятъ всѣ постельныя принадлежности, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ. Разница бываетъ въ томъ только, изъ какой матеріи онѣ приготовлены, изъ тонкой, московской, или грубой, мѣстной. Постели располагаются на полу по-большей-части въ слѣдующемъ порядкѣ: около очага ложатся мужъ и жена вмѣстѣ; немного дальше отъ нихъ укладываютъ на одну постель всѣхъ дѣтей, сколько-бы ихъ ни было, отъ 2-хъ до 14-ти-лѣтняго возраста, а дочерей во всякомъ возрастѣ; еще дальше, въ глубинѣ комнаты, ложатся старшія дѣти. Послѣднее бываетъ въ такомъ случаѣ, когда родители ихъ уже въ почтенныхъ лѣтахъ; въ иномъ-же случаѣ, они спятъ либо на галлереѣ, либо сами для себя приготовляютъ особый чуланчикъ. Постельнаго бѣлья или ночнаго у насъ не полагается и всѣ безъ исключенія, начиная отъ родителей и кончая ребенкомъ, спятъ á la Адамъ и Ева.

14-го мая.

Ни одно чувство у горца не развито такъ сильно, какъ любовь къ свободѣ. Какъ понимается эта свобода—это другой вопросъ. И единственно этою любовью къ свободѣ объясняется замѣчающаяся въ горцѣ непріязнь къ всему «русскому», т. е. европейскому.

Я сказалъ выше о томъ, какъ отецъ мой не позволилъ мнѣ прикоснуться къ себѣ, когда я былъ въ гимназической формѣ, и какъ поспѣшно приказалъ мнѣ переодѣться. Одинъ только сумасшедшій позволилъ-бы себѣ въ русской одеждѣ расхаживать по улицамъ въ аулѣ. Сумасшедшій, я говорю, потому, что

только онъ не побоялся-бы потерять всякое уваженіе къ своей особѣ, даже со стороны своихъ ближайшихъ родственниковъ.

Не смотря на то, что я былъ одѣтъ чисто по-горски, не смотря на то, что я скрывалъ всѣ привычки, которыя пріобрѣлъ въ Россіи, и старался заводить рѣчи чисто въ горскомъ духѣ, не смотря на то, что я аккуратно посѣщалъ мечеть и старался разговаривать въ религіозномъ духѣ съ муллою, не смотря, наконецъ, на то, что все мое вниманіе было поглощено желаніемъ понравиться своимъ землякамъ, — однако я не могъ достичь этого желанія. Мужчины, хотя и приходятъ ко мнѣ часто, но обращаются со мною холодно-вѣжливо, и въ глазахъ ихъ можно читать какое-то полу-презрѣніе, полу-сожалѣніе. Женщины-же постоянно косятся на меня и стараются со мной не встрѣчаться. Но на ихъ лицахъ можно прочесть скорѣе боязнь и любопытство (которое конечно не удовлетворяется, такъ-какъ женщины при встрѣчѣ съ мужчинами проходятъ съ опущенными глазами), чѣмъ другое чувство. Когда я прохожу по улицѣ, окна наполняются женщинами, причемъ онѣ стараются однако не быть мною замѣченными, — смотрятъ на меня, какъ на чудо. Одною изъ главныхъ причинъ этого послѣдняго служатъ, кажется, мои отпущенные волосы, часть которыхъ выглядываетъ изъ-подъ громадной папахи (шапки).

Странное дѣло, наши женщины даже боятся смотрѣть на русскаго. Когда какой-нибудь захожій солдатъ-охотникъ приходитъ въ аулъ (что случается весьма рѣдко), женщины съ трудомъ рѣшаются выйти на улицу и пойти за водою; а ночью боятся выйти и на дворъ. Когда дѣти плачутъ, матери ихъ заставляютъ молчать словомъ «солдатъ» (впрочемъ, кромѣ «солдатъ», употребляется и «мамай»). Такое дѣйствіе слова «солдатъ» объясняется свѣжестью преданій объ ужасахъ послѣдней войны.

Впрочемъ — «въ семьѣ не безъ урода», — есть между горцами, даже между женщинами, и такіе, которые отправляются въ русскія поселенія, имѣютъ тамъ сдѣлки съ русскими и даже дружатся съ ними. Но подобные случаи очень рѣдки. Въ на-

шемъ аулѣ я знаю только двухъ женщинъ, которыя бывали въ русскомъ поселеніи *).

Нашлись такіе смѣльчаки между моими немногочисленными приверженцами, которые какъ-то разъ рѣшились защищать меня отъ нападокъ стариковъ. Но они легко потерпѣли пораженіе.—*Цура-ра ца*, *гизъ-ра ца* (свинья и одна, щетина и одна)—перебилъ одного изъ нихъ почтенный гаджи (т. е. совершившій путешествіе въ Мекку), а это значитъ, что «между свиньей и щетиной нѣтъ большой разницы», т. е. какъ свинья, такъ и щетина, одинаково нечисты.

—«Коренной русскій заслуживаетъ гораздо большаго снисхожденія (прости меня, аллахъ!), чѣмъ «новый русскій»,—прибавилъ онъ, какъ мнѣ передавали, — «потому-что хотя онъ *не вѣритъ въ Бога*, но остается вѣренъ обычаямъ своихъ предковъ, остается, какъ и его предки, на ложномъ пути, а между-тѣмъ этотъ (т. е. я) измѣнилъ обычаямъ своихъ предковъ и съ истиннаго пути сошелъ на ложный.... Бѣдные его родители—да проститъ ихъ всевышній аллахъ»,— прибавилъ онъ, вздохнувъ изъ глубины сердца, — «что скажутъ они въ свое оправданіе въ день страшнаго суда?!»

Слышать подобныя слова отъ самыхъ уважаемыхъ людей, каковы гаджи и муллы, и переносить ихъ—не легко моимъ родителямъ. Отецъ не разъ раскаивался въ своемъ поступкѣ, но понимая и пользу этого поступка, старался пропускать такіе упреки мимо ушей. Но не такъ легко переноситъ ихъ мать моя. Ей не больше 33-хъ лѣтъ, а между-тѣмъ ей смѣло можно дать шестьдесятъ, и единственная причина этого есть горе, причиненное ей моимъ пребываніемъ среди русскихъ. Видѣть своими глазами все это и переносить—не такъ легко и намъ самимъ, какъ воображаютъ нѣкоторые.

---

*) Да не забудетъ читатель, что я говорю о горцахъ, которые живутъ въ глубинѣ горъ, вдали отъ русскихъ.

15-го мая.

Нашъ домъ находится на площади, около мечети. Сюда-то и собираются въ свободное время потолковать о томъ-о семъ всѣ жители одного изъ шести кварталовъ нашего аула. Этотъ обычай въ аулѣ сильно развитъ. Тѣмъ болѣе теперь сборища эти многочисленны, что въ настоящую пору работъ бываетъ очень мало. Это мѣсто называется «кумай». Оно раздѣляется на двѣ части; на одной собираются «старшіе», т. е. женатые, семейные, а на другой молодые.

Мнѣ сильно захотѣлось побывать среди «старшихъ» и послушать ихъ разговоры. Я и пошелъ. Я сталъ немного въ сторонѣ. Разговоръ шелъ о томъ, что у нихъ недавно отнялъ, посредствомъ ходатайства у окружного начальника, часть земли одинъ изъ маленькихъ сосѣднихъ ауловъ. Дѣло въ томъ, что во время оно, когда господствовало кулачное право, нашъ аулъ, какъ многолюдный и сильный, распоряжался землями другихъ ауловъ, меньшихъ по величинѣ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и аулъ, о которомъ шелъ разговоръ. Съ утвержденіемъ русскихъ, утвердилось и правосудіе, и мелкіе аулы, опираясь на него, подняли головы и добились, чего желали. Начальство, рѣшивъ дѣло въ ихъ пользу, было совершенно справедливо. Ободренные этимъ, нѣкоторые аулы подняли иски и на такія мѣстности, на которыя они никогда не имѣли никакого права. Дѣло окончилось въ ихъ пользу, опять на основаніи того, что прежде нашъ аулъ насильно отнималъ участки земли у сосѣдей. Подобный случай произошелъ недавно передъ моимъ пріѣздомъ, и объ этомъ толковали старики въ «кумаѣ». — «Эхъ! прошли счастливыя времена», сказалъ одинъ изъ присутствующихъ, «когда передъ нашимъ именемъ дрожали сотни ауловъ, вмѣстѣ взятые. А теперь и самый ничтожный изъ нихъ *расхаживаетъ на нашей головѣ* и отнимаетъ у насъ мало-по-малу наши посѣвы, наши покосы, лѣса и пастбища. Подождите: они скоро доберутся и до нашихъ женъ и дѣтей. Да! прошли золотыя времена, и нѣтъ имъ возврата!.... Боже, за что Ты наказалъ насъ?»

— «Они возвратятся, если каждый изъ васъ возьметъ свой *мажаръ* (винтовку) и пойдетъ истреблять до послѣдняго—этихъ подлыхъ рабовъ», сказалъ очень дерзкимъ тономъ одинъ изъ «молодыхъ», приблизившись къ собранію. «Нечего роптать на Бога, а ропщите на себя, трусы!» прибавилъ онъ. Старики возмутились этою выходкою и прогнали его.

—«И молодые послѣдовали примѣру нашихъ прежнихъ рабовъ», сказалъ первый ораторъ, «и они потеряли къ намъ всякое уваженіе».

— «По неволѣ потеряешь, когда вы недостойны его», закричалъ издали другой смѣльчакъ. «Ваши отцы васъ не тому учили, чему вы насъ учите!», прибавилъ онъ. Среди молодежи послышались знаки одобренія.

— «А вѣдь онъ правъ!», сказалъ почтенный старикъ, хотя былъ сильно недоволенъ поведеніемъ горячей молодежи. Разговоръ на эту тему продолжался довольно долго. Хотя въ содержаніи разговоровъ было очень немного одобрительнаго съ европейской точки зрѣнія, однако мысли высказывались съ такою увѣренностью въ справедливости ихъ и сопровождались такими глубокими вздохами, что произвели на душу мою глубокое впечатлѣніе... Спустя около часу времени, разговоръ перешелъ на другой предметъ и старики перестали волноваться. Одинъ изъ нихъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: что такое—телеграфъ?—Я объяснилъ, какъ могъ.—«Значитъ, ты вѣришь ему»? Я сказалъ, что не только вѣрю, но даже увѣренъ въ справедливости сказанныхъ мною словъ. Говоря такъ, я сдѣлалъ громадную ошибку. Это произвело на стариковъ самое дурное впечатлѣніе. — «Уже, уже! успѣлъ!», послышалось изъ устъ многихъ.

— «Нѣтъ, неправда!» вмѣшался другой. „Поставили столбы, вырубленные изъ обыкновеннаго лѣса, съ желѣзною ниткою (проволокою), и говорятъ, что они передаютъ слова; говорятъ, что желѣзная арба (локомотивъ) возитъ на себѣ людей и тяжести безъ быковъ; говорятъ, что желѣзный столъ

шьетъ; говорятъ—и мало-ли что говорятъ! но все это вздоръ! Этимъ хотятъ только насъ обмануть, удивить, хотятъ погубить насъ, свести съ истиннаго пути; хотятъ, чтобы мы позабыли Бога и поклонялись-бы этимъ идоламъ! Но этого имъ не достичь! Милостивый Богъ поможетъ намъ, своимъ грѣшнымъ рабамъ».

— Если это такъ, т. е., если все это вздоръ, чѣмъ объяснить то обстоятельство, что на проведеніе телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ и устройство машинъ тратятся громадные капиталы? спросилъ я.

— «Когда мы собираемся зарѣзать быка осенью, то цѣлое лѣто не употребляемъ его ни на какую работу; мы не жалѣемъ для него хорошаго корму, постилаемъ подъ него кучу соломы, отводимъ для него особое пастбище: то-же самое можно отвѣтить и на это», сказалъ старикъ. —Я попросилъ пояснить смыслъ словъ его.

— «Я говорю, что этимъ хотятъ отвлечь наше вниманіе въ сторону, чтобы получше воспользоваться нами потомъ, дѣйствуя съ другой стороны. Слыхано-ли дѣло, чтобы побѣдители и невѣрные обращались такъ, какъ съ нами обращаются русскіе? Хотя намъ связали руки, они не грабятъ нашего имущества, не уводятъ нашихъ женъ и дѣтей въ плѣнъ и даже защищаютъ насъ отъ воровъ и мошенниковъ. Я говорю, что это не даромъ, что тутъ скрывается что-нибудь страшное. Въ прежнія времена, ни шамхалы тарковскіе, ни уцміи кайтагскіе, ни ханы казикумухскіе, не обращались съ нами такъ, какъ они, — ни даже самъ Шамиль!» При этомъ словѣ всѣ съ благоговѣніемъ произнесли: «да успокоитъ аллахъ душу его въ раю».

Убѣждать въ противномъ и доказывать, что цивилизація, руководя русскими, не дозволяетъ имъ дѣйствовать иначе, что они не имѣютъ никакихъ заднихъ мыслей и желаютъ горцамъ добра, —доказывать это было-бы совершенно напрасно. Чтобы помочь такому горю, есть только одно средство, это: ***просвѣщеніе***. Горецъ, по своей пылкой натурѣ, забываетъ все, кро-

мѣ того, о чемъ говоритъ; онъ поступаетъ такъ какъ-бы для того, чтобы лучше доказать свою мысль, какъ это дѣлаютъ и нѣкоторые адвокаты. И вотъ чѣмъ объясняются встрѣчающіяся иногда противорѣчія въ его разговорѣ. Изъ послѣднихъ словъ старика можно заключить, что въ случаѣ, если-бы онъ былъ увѣренъ въ искренности русскихъ, въ отсутствіи въ ихъ дѣйствіяхъ заднихъ мыслей, то онъ былъ-бы доволенъ настоящимъ положеніемъ. Нѣтъ. Онъ вовсе недоволенъ былъ-бы и въ такомъ случаѣ, какъ это видно изъ вздоховъ другого старика о прошедшихъ временахъ. Но возвратимся къ разсказу.

Вскорѣ мулла взошелъ на камень (минаретъ существуетъ только у главной или чумаа-мечети и рѣдко у квартальныхъ мечетей) и прокричалъ по-арабски: «Богъ великъ; я свидѣтельствую, что нѣтъ Бога, кромѣ Его, и свидѣтельствую, что Мухаммедъ пророкъ Его; поспѣшите на молитву; Богъ великъ; нѣтъ Бога, кромѣ Бога». Онъ сошелъ и тотчасъ-же вошелъ въ мечеть. Всѣ споривше прекратили споръ и послѣдовали его примѣру. Я тоже вошелъ въ мечеть, оставилъ въ передней, какъ обыкновенно бываетъ, башмаки (а сапогъ я не носилъ въ аулѣ, чтобы не дать предлога ругать себя) и, взявъ въ руки чотки, которыя висятъ во множествѣ на главной стѣнѣ (т. е. на обращенной къ Меккѣ), присѣлъ на коверъ въ углу. Скоро началась и молитва. Во время молитвы въ мечетяхъ всегда стоятъ рядами. Когда построились въ ряды, я очутился на краю, а съ правой стороны меня стоялъ тотъ почтенный гаджи, который, навѣстивъ меня, не взялъ моей протянутой руки, какъ-бы гнушаясь мною. Онъ не замѣтилъ сначала, что я стою около него. Потомъ, во время молитвы, замѣтивши это, онъ началъ отъ меня удаляться, толкая другого сосѣда своего въ сторону. Это дѣлалъ онъ для того, чтобы его одежда не прикоснулась къ моей (а я былъ одѣтъ въ чисто-горскій и приготовленный дома костюмъ). Если-бы можно было оставить рядъ и перейти въ другой, то это онъ сдѣлалъ-бы съ удовольствіемъ, точно такъ-же, какъ и я. Но сдѣлать это во время молит-

вы кораномъ не позволяется, и потому мы должны были оставаться въ одномъ ряду. Я увѣренъ, что послѣ того гаджи впродолженіи цѣлой недѣли, если не мѣсяца, послѣ каждой изъ пяти молитвъ, совершенныхъ въ сутки, просилъ аллаха, чтобы онъ простилъ его за то, какъ во время молитвы онъ дурно подумалъ обо мнѣ... Молитва кончилась, и мы вышли. Старики начали разговаривать о томъ, что дождя нѣтъ съ марта и что если еще впродолженіи десяти дней не будетъ его, то имъ придется умереть голодною смертью. Дѣйствительно, въ прошломъ году былъ очень плохой урожай, такъ-что многимъ не хватило хлѣба даже до лѣта. И теперь многіе питаются кукурузою, привезенною изъ Чечни. А если и въ нынѣшнемъ году случится неурожай, то имъ придется разсѣяться по всему Дагестану, за кускомъ хлѣба, какъ это обыкновенно дѣлается въ такихъ случаяхъ.

Оставляя гимназію, я посмотрѣлъ въ календарь. Я это сдѣлалъ какъ-бы мимоходомъ, желая узнать, не застигнутъ-ли меня въ дорогѣ дожди. Къ моей радости, я прочелъ, что до второй половины мая дождя не будетъ. Теперь уже наступала вторая половина мая и, если вѣрить календарю, на дняхъ слѣдовало ожидать дождя. Я сказалъ присутствующимъ, что на дняхъ, не дальше трехъ дней, будетъ дождь; но потомъ раскаялся, что сказалъ это. Мулла возмутился. «Это дѣло аллаха», закричалъ онъ, «и никто изъ правовѣрныхъ не можетъ этого знать. А говорить такъ—большой грѣхъ». Дѣло приняло дурной оборотъ. Скоро всѣ узнали, что я предсказывалъ дождь. Какъ ни пріятна была эта новость, однако всѣ качали головами изъ сожалѣнія ко мнѣ, за «мое заблужденіе».—Если-бы дождь не пошелъ, я прослылъ-бы среди нихъ лжецомъ, а если-бы пошелъ—отступникомъ: что лучше?

Муллы утверждаютъ, что существуетъ такая наука, при помощи которой все можно узнавать и все дѣлать, и называется она «сихру». Говорятъ также, что какой-то фараонъ (пир'аванъ), который объявлялъ себя богомъ и совершалъ чудеса, зналъ эту на-

уку. Кто занимается ею, тотъ считается самымъ большимъ грѣшникомъ въ глазахъ аллаха. Предсказаніе погоды и затмѣній небесныхъ свѣтилъ объясняютъ тоже этой наукой. Такимъ образомъ, если пойдетъ дождь, меня обвинятъ въ изученіи этой «сихру». Я предпочитаю скорѣе слыть лжецомъ (только, разумѣется, въ этомъ случаѣ), чѣмъ величайшимъ грѣшникомъ. Я умолялъ вѣтры, чтобы они унесли облака подальше, какъ можно дальше...

Наступили сумерки, и муэззинъ опять призвалъ жителей на молитву. Всѣ опять вошли въ мечеть, въ томъ числѣ и я. На этотъ разъ я постарался уже не стать около гаджи-фанатика. По окончаніи молитвы, я направился-было домой, но меня остановилъ одинъ изъ моихъ близкихъ знакомыхъ и пригласилъ къ себѣ на ужинъ.

Ужинъ у насъ подается сейчасъ-же по наступленіи сумерекъ. Это есть настоящій обѣдъ въ русскомъ смыслѣ. Горцы обыкновенно ѣдятъ три раза въ сутки: утромъ между 7 и 9 часами, смотря по времени года, въ 12 часовъ и вечеромъ. Утромъ и въ полдень ѣдятъ одинъ сухой хлѣбъ (незначительная часть жителей), или хлѣбъ съ сыромъ (большая часть жителей), или-же съ молокомъ, сметаной, яичницей и проч. (тоже незначительная), а въ ужинъ всякій старается поѣсть чего-нибудь горячаго *). Чаю, кофе, шоколаду—никто не употребляетъ въ цѣломъ аулѣ. И такъ, я былъ приглашенъ на ужинъ.

Я вошелъ въ комнату пригласившаго меня и засталъ тамъ нѣсколькихъ гостей, тоже приглашенныхъ; въ числѣ ихъ находился извѣстный въ аулѣ *чугурчи*, т. е. играющій хорошо на инструментѣ чугурѣ; тамъ-же были и танцоры. Комната была убрана, т. е. весь хламъ былъ сдвинутъ прочь съ ея середины; маленькихъ дѣтей увели къ сосѣду, а старшій сынъ хозяина былъ *ташкана*, т. е. прислуживалъ гостямъ.

Среди комнаты находился большой подносъ, на который,

*) Хлѣбъ приготовляютъ или у себя дома, въ горячей золѣ очага (зимою), или въ пурняхъ, которыя содержатся бѣдными вдовами; за это имъ дается по горсти за каждый хлѣбъ. Пурня—это мѣсто, гдѣ сходятся женщины.

кромѣ хлѣба, были поставлены блюдечки—съ сыромъ, съ пчелинымъ медомъ, съ яичницей, съ сметаной—и только. Это была закуска (при подобныхъ „торжественныхъ“ случаяхъ ужинъ подается поздно, въ полночь, а закуска всегда стоитъ передъ гостями). На подносѣ не было ни салфетокъ, ни тарелокъ, ни ножей, ни вилокъ—всего этого у горцевъ не полагается. Подлѣ подноса, на полу, стояла большая бутылка съ водкою (и рюмка), а вокругъ него были положены семь подушекъ, назначенныхъ для сидѣнья гостямъ и хозяину дома. Надъ огнемъ висѣлъ котелъ, около котораго хлопотала хозяйка.

Какъ только я вошелъ, гости встали и пригласили меня сѣсть (этого требуетъ правило вѣжливости), а одинъ изъ нихъ предложилъ рюмку водки. Я принялъ рюмку и сѣлъ. За мной послѣдовали и прочіе. Я поднесъ рюмку къ губамъ и возвратилъ подавшему (это простое поднесеніе къ губамъ означаетъ, что вы съ удовольствіемъ выпили-бы, если-бъ имѣли прывычку, но.... и впродолженіи цѣлаго вечера, когда идетъ круговая и когда очередь доходитъ до васъ, вы должны исполнять эту церемонію).

Разговоръ не клеился до-тѣхъ-поръ, пока гости не опьянѣли. Тогда чугурчи заигралъ веселую арію, и танцы начались.

По окончаніи танцевъ, чугурчи заигралъ другую арію и запѣлъ. Сначала онъ пѣлъ безотносительно къ кому-нибудь, а потомъ каждаго изъ присутствующихъ угостилъ особыми стихами. Нѣкоторыхъ похвалилъ, другихъ (своихъ друзей) осмѣялъ въ комическихъ куплетахъ. Напримѣръ, для хозяина дома онъ спѣлъ слѣдующее:

«Изъ тюркменскихъ степей пригоняющій табунъ, изъ хаискихъ горъ приводящій стада, достоинство твоей винтовки извѣстно персидкому шаху, и какъ остра твоя сабля—знаетъ русскій солдатъ... О, мой соколъ! (такой—то)»..

Я тоже былъ угощенъ куплетами; мнѣ, какъ еще молодому, онъ выразилъ свои пожеланія достичь..... но его пожеланія относились только къ богатству. Это было ничто иное,

какъ намекъ на то, что я оставилъ аулъ и отправился въ гимназію, ради денегъ.

Въ вступленіи и въ окончаніи, пѣвецъ непремѣнно пропоетъ куплеты въ честь ,,дамы своего сердца", и, что всего страннѣе, въ концѣ каждаго куплета прибавляетъ: ,,чтобъ твой мужъ поскорѣе умеръ", или ,,да будетъ убитъ твой мужъ", или ,,да истребится твой родъ» *).

Окончились пѣсни — возобновились танцы; затѣмъ опять пѣсни и танцы и т. д. Наконецъ, подали *хинкалъ*, т. е. настоящій ужинъ.

Хинкалъ—это самое любимое кушанье горца. У насъ его приготовляютъ слѣдующимъ образомъ: сначала варятъ мясо въ котлѣ; когда мясо уварится, вынимаютъ его, и на мѣсто его въ котелъ бросаютъ тонкія четырехъ-угольныя лепешки изъ тѣста (это собственно и есть *хинкъ*); когда и онѣ уварятся, вынимаютъ ихъ посредствомъ особо-устроенной широкой деревянной ложки съ дырочками въ днѣ. Лепешки кладутся въ большой глиняной чашкѣ (въ родѣ супника). Онѣ не подаются прямо изъ котла, но въ ту-же чашку наливаютъ изъ котла часть супу (который образовался отъ варенія мяса и лепешекъ), приправляютъ его сильно чеснокомъ, перцемъ, солью, уксусомъ и проч. **). Въ такомъ видѣ это кушанье подается вмѣстѣ съ мясомъ. Чашка съ хинкаломъ ставится на подносѣ, а мясо—тоже въ особой чашкѣ—передъ хозяиномъ дома, который и раздѣляетъ его между гостями. (Если при этомъ былъ зарѣзанъ баранъ, то его голову предлагаютъ прежде всего самому старшему, который беретъ отъ нея часть и *одинъ глазъ*, а остальное передаетъ ближайшему; такимъ образомъ голова обходитъ всѣхъ гостей, изъ которыхъ каждый непремѣнно отвѣдаетъ ея, хозяину-же оставляется другой глазъ). Затѣмъ подаются остроконечныя

---

*) Мужъ по-нашему *мур'улъ*; но пѣвецъ употребляетъ не это слово, а *ваг*. Послѣднее соотвѣтствуетъ слову ,,maître" во французскомъ языкѣ, т. е. значитъ: господинъ, хозяинъ, супругъ и проч.

**) Эта смѣсь называется *ци*, что собственно значитъ соль.

деревянныя палочки, которыми нужно ловить лепешки въ ,,ци“. Когда въ чашкѣ не останется лепешекъ, начинаютъ обмакивать хлѣбъ въ ,,ци“ посредствомъ этихъ-же палочекъ. Наконецъ подаютъ супъ. Супъ и ,,ци“ смѣшиваютъ, и въ такомъ видѣ ѣдятъ деревянными ложками. Супомъ заканчивается ужинъ, и гости расходятся. Что-же касается до мяса, то его ѣдятъ между прочимъ во все продолженіе ,,хинкала“, какъ съ лепешками, такъ и съ супомъ и ,,ци“. При этомъ очень интересно смотрѣть, какъ гости потчиваютъ другъ-друга лучшими кусками изъ своей порціи. Мясо беругъ руками, причемъ сильно пачкаются, и по окончаніи ѣды руки обтираютъ объ одежду, отчего на ней лежитъ всегда у горца толстый слой сала и грязи. Во время хинкала я возбудилъ смѣхъ гостей своимъ стараніемъ не запачкаться саломъ: я бралъ мясо двумя пальцами и ѣлъ неловко. Одинъ изъ гостей попытался, въ шутку, подражать мнѣ—и всѣ разсмѣялись...

20-го мая.

Вѣтры не услышали моей молитвы и вотъ уже цѣлыхъ два дня дождь льетъ ливмя. Что думаетъ по этому поводу отецъ, я еще не знаю. Но онъ третьяго дня сдѣлалъ мнѣ выговоръ за то, что я вмѣшался въ разговоръ стариковъ и высказалъ свое предположеніе на счетъ дождя. Впрочемъ, я радъ, что идетъ дождь, потому что онъ осчастливитъ тысячи семействъ; а что до меня, то я и такъ уже прослылъ ,,отступникомъ“.

Вчера старики опять засѣдали въ ,,кумаѣ“ (такъ-какъ онъ закрытъ отъ дождя выступающею впередъ крышею мечети). Мнѣ хотѣлось побывать тамъ и послушать раговоры.

Разговоръ шелъ о дождѣ. Всѣ радовались ему. Сначала мнѣ показалось, что, подъ вліяніемъ этой радости, они позабыли о моемъ предсказаніи. Но я ошибся. Что они не позабыли—можно было видѣть изъ взглядовъ, брошенныхъ на ме-

ня изъ-подлобья многими изъ нихъ. Черезъ нѣсколько времени одинъ изъ стариковъ подозвалъ меня къ себѣ и вѣжливо, съ участіемъ, спросилъ:

«Сынъ мой, откуда ты узналъ это» (т. е. предсказаніе о дождѣ)? — Я отвѣчалъ, что какъ-то случайно прочелъ объ этомъ въ одной книгѣ, и прибавилъ, что я этому вовсе не повѣрилъ и никогда не повѣрю подобнымъ вещамъ (да простится мнѣ за эту ложь: «изъ двухъ золъ меньшее»). Отвѣтъ мой произвелъ на старика хорошее впечатлѣніе.

— «И не вѣрь въ такія вещи и въ будущемъ! Да сохранитъ тебя аллахъ отъ неугодныхъ ему дѣлъ», прибавилъ онъ.

Тутъ, сидѣвшій недалеко гаджи поднялся съ своего мѣста, подошелъ ко мнѣ и довольно осторожно, не безъ отвращенія, взялъ меня за волосы.

— «А это зачѣмъ?» спросилъ онъ.

Я сказалъ, что не я одинъ ношу волосы, что ихъ носятъ и турки, которыхъ мы считаемъ лучшими мусульманами, даже самъ султанъ.

— «Неправда»! перебилъ онъ меня: «они не лучше насъ! они хуже насъ! Я видѣлъ и турокъ и арабовъ, я былъ въ Стамбулѣ, въ Маккѣ (Мекка), въ Мисри (Каиръ), въ Шамѣ (Дамаскъ), въ Вайтулъ-Мукаддасѣ (Іерусалимъ), я былъ вездѣ и видѣлъ, что они пустились по ложной дорогѣ. Они дружатся съ невѣрными, одѣваются въ ихъ костюмы, оставляя свои священныя одежды, и не хотятъ знать насъ! Да и самъ султанъ сталъ невѣрнымъ. Одни только мы остались вѣрными Ему», произнесъ онъ, поднявъ глаза къ небу; но вдругъ перемѣнилъ тонъ и прибавилъ довольно тихо:

«Видно — скоро наступитъ конецъ міру. И мы не настоящіе мусульмане *). Если-бы мы были имп, то не сражались-бы съ невѣрными противъ Шамиля (да успокоитъ аллахъ

*) Существуетъ повѣрье, что предъ наступленіемъ страшнаго суда не останется въ мірѣ ни одного „вѣрующаго“, т. е. мусульманина.

его святую душу!), нашего славнаго имама, а вмѣстѣ съ нимъ погибли-бы въ газаватѣ».

Первая половина словъ гаджи не понравилась присутствующимъ, потому-что горцы привязаны къ туркамъ и съ благоговѣніемъ относятся къ султану. Я слышалъ даже, какъ они произносили: ,,нашъ султанъ''. Впрочемъ, можно подразумѣвать не ,,политическій'' нашъ, а ,,духовный'', такъ-какъ султанъ считается духовнымъ главою всѣхъ мусульманъ. Отъ второй-же половины словъ они почувствовали какъ-бы невольный стыдъ. . . Кстати, о Шамилѣ. Пока Шамиль не былъ взятъ въ плѣнъ, наши горцы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, не особенно почитали его. Но теперь считаютъ его даже святымъ. Узнавши изъ газетъ о смерти его въ Меккѣ, я написалъ объ этомъ изъ С. домой, въ письмѣ къ отцу, почему въ нашемъ аулѣ узнали объ этомъ впервые изъ моего письма. Какъ-разъ въ то самое время случилось сѣверное сіяніе и въ Дагестанѣ было землетрясеніе. Причиной этого муллы выставили смерть Шамиля, и всѣ имъ повѣрили. Я увѣренъ, что дагестанскіе гаджи будутъ посѣщать гробъ Шамиля, наравнѣ съ гробомъ Мухаммеда.

Возвращаюсь къ разсказу.

Вдругъ послышались невдалекѣ крикъ и плачъ. Всѣ встали и направились къ дому, откуда они неслись. Впереди шли мулла и почтеннѣйшій изъ стариковъ, затѣмъ слѣдовали другіе старики, и наконецъ молодые, въ числѣ которыхъ находился и я. Всѣ знали въ чемъ дѣло. Въ томъ домѣ лежалъ опасно-больной, и плачъ возвѣщалъ о томъ, что онъ скончался.

До прибытія нашего, родственники умершаго успѣли встащить толстыя бревна на плоскую кришу и на одномъ изъ нихъ усѣлись всѣ. Мы тоже направились на крышу. При приближеніи нашемъ, они встали, молча и съ опущенными глазами. Мулла поднялъ руки и прочелъ тихо молитву за упокой души усопшаго. По окончаніи молитвы, всѣ безъ исключенія разомъ сказали:

«Да войдетъ онъ въ рай! да будете вы (остальные родственники) здравы»!

Послѣ этого всѣ сѣли, кто на бревна, кто прямо на землю, не смотря на значительную сырость отъ дождя, и образовали нѣсколько группъ. Въ каждой изъ нихъ пустились въ разговоры. Въ однѣхъ говорили о достоинствахъ умершаго, а въ другихъ разговаривали о чемъ попало и даже смѣялись.

Время-отъ-времени родственники покойника сходили съ крыши и съ громкимъ плачемъ входили въ комнату, гдѣ тотъ лежалъ. Затѣмъ они опять возвращались на крышу и занимали свои мѣста. Мало-по-малу всѣ жители аула пособрались толпами къ дому покойника, причемъ каждая приходившая толпа исполняла туже церемонію, что и мы. Женщины тоже собрались, но онѣ прямо уходили въ комнату, не всходя на крышу, и присоединялись къ плачущимъ.

Плачъ нашихъ женщинъ не представляетъ собою непріятной смѣси всевозможныхъ раздирающихъ душу возгласовъ, какъ это бываетъ у нѣкоторыхъ нецивилизованныхъ народовъ. Напротивъ, онъ очень мелодиченъ и пріятенъ для слуха. Одна изъ женщинъ исполняетъ solo, т. е. поетъ пѣсню, въ которой восхваляются качества усопшаго и приводятся нѣкоторые факты изъ его жизни, и въ концѣ каждаго куплета дружный хоръ остальныхъ прерываетъ пѣвицу. Исполнять solo предоставлено каждой.

Посѣщеніе въ честь усопшаго называется «мур'а», и оно продолжается отъ трехъ дней до недѣли. «Мур'а» и пурня (какъ я выше указалъ) суть единственныя мѣста, гдѣ женщины въ большомъ числѣ могутъ сходиться вмѣстѣ, потолковать и посплетничать, и онѣ пользуются ими какъ нельзя лучше.

Спустя около получаса, какъ мы пришли, муллу и одного старика позвали въ комнату, чтобы совершить обрядъ омовенія. Еще не успѣли они исполнить его, какъ ужъ донесли, что могила готова, слѣдовательно, скоро вынесутъ и тѣло.

Мертваго выносятъ у насъ на носилкахъ, которыя хра-

нятся всегда въ мечети. Трупъ покрываютъ шелковою или бумажною матеріей. При укладываніи его въ могилу, мулла громко читаетъ молитвы (одну главу корана: «ясинъ»), а тридцать человѣкъ изъ знающихъ читать по-арабски берутъ по одной тетрадкѣ (изъ тридцати) корана (джузъ) и прочитываютъ ихъ, удалившись немного въ сторону. Матерія, которая покрывала трупъ, раздѣляется между муллою и тридцатью читальщиками. Доставшійся каждому изъ нихъ кусокъ матеріи называется «вахбатала».

Что до гроба, то его у насъ не существуетъ, а трупъ, завернутый въ бѣлый саванъ, кладутъ лицомъ къ Меккѣ въ могилу и засыпаютъ землею. Наконецъ, мулла окропитъ могилу водою, и всѣ расходятся либо по домамъ, либо возвращаются въ «мур'а». Впродолженіи недѣли могила посѣщается всѣми, утромъ рано, до восхожденія солнца, и вечеромъ, при заходѣ его.

24-го мая.

Молодые у насъ обыкновенно женятся осенью; но домъ для новобрачныхъ строится еще весною. При обмазкѣ его глиною, устраиваютъ «той» (балъ, пикникъ) и приглашаютъ какъ молодыхъ людей, такъ и дѣвицъ. Они-то и обмазываютъ стѣны. Парни приготовляютъ глину, а дѣвицы мажутъ. Это продолжается не больше двухъ-трехъ часовъ. При этомъ бываютъ любопытныя сцены. Парни во время работы не упускаютъ случая острить на счетъ дѣвицъ, и каждая изъ послѣднихъ, если направленную на нее молодымъ человѣкомъ остроту находитъ ловкой, отвѣчаетъ ему любезностью, т. е. шлепаетъ его по лицу или по другой части тѣла порядочнымъ кускомъ довольно жидкой глины. Отъ этого къ концу работы трудно бываетъ различить многихъ изъ молодыхъ людей.

Я былъ сегодня приглашенъ на такой той. Боясь отъ непривычки простудиться, я не принялъ участія въ работѣ пар-

ней (глину топчутъ голыми ногами), а также и не пускался въ остроты. Я стоялъ въ сторонѣ и наблюдалъ за работой. Я думалъ, что меня не будутъ безпокоить. Но не тутъ-то было. Вдругъ одинъ изъ моихъ друзей схватилъ меня за руку и увлекъ въ комнату, гдѣ работали дѣвушки.

— «Ну-ка его хорошенько!», сказалъ онъ дѣвушкамъ: «лицо его, рученьки его бѣленькія, платье его *)! Да такъ, чтобы онъ помнилъ про насъ и въ «землѣ русскихъ» и разсказывалъ-бы тамошнимъ дѣвушкамъ» (матушха—рурси) **).

И вотъ наступаетъ на меня цѣлая толпа дѣвушекъ и онѣ начинаютъ мнѣ мазать руки, лицо, одежду, волосы. Но и при этомъ легко было замѣтить, что онѣ дѣлали это не такъ развязно, какъ относительно другихъ. Онѣ дотрогивались до меня, какъ-бы конфузясь, нерѣшительно, хотя въ подобныхъ случаяхъ скромность дѣвицъ изчезаетъ. Скоро своей фигурой я напоминалъ только-что вставшаго изъ лужи буйвола. Пойти домой и перемѣнить одежду—не позволяло самолюбіе. Этимъ я посрамилъ-бы себя. Я остался, и началъ мстить проказницамъ, бросая въ нихъ самъ при удобномъ случаѣ глиною. Впрочемъ, признаться откровенно, этимъ я самъ былъ не очень недоволенъ.

Вскорѣ работа окончилась. Наступила пора веселью. Заигралъ «зурначи» (артистъ на дудкѣ), застучалъ «дамрука» (барабанщикъ)—и пошли пляски.

Горская пляска извѣстна въ Россіи подъ названіемъ «лезгинки». Но лезгинка танцуется не у всѣхъ одинаково. У насъ, напримѣръ, она танцуется слѣдующимъ образомъ. Но для большей наглядности, я позволю себѣ немного отступить.

Дѣло происходитъ по-большей-части на плоской крышѣ. Зурначи и дамрука садятся прежде всѣхъ. Около нихъ обра-

---

*) Ко мнѣ относились съ насмѣшкою за то, что я заботился о чистотѣ одежды и тѣла.

**) Русскую женщину называютъ „матушха“ (мàтушка), а рурси—дѣвица.

зуютъ довольно большой кругъ. Три-четвертыхъ круга занимаютъ парни, изъ которыхъ одни сидятъ, другіе стоятъ, а четвертую часть занимаютъ дѣвушки, которыя стоятъ въ кучѣ.

При звукахъ зурны, шумѣ «дама» и хлопаньи руками, парень выходитъ на средину круга и начинаетъ плясать, обратившись лицомъ къ зурначи и—слѣдовательно—задомъ къ дѣвушкамъ. Въ это самое время выступаетъ по своей волѣ и одна изъ дѣвушекъ. Хлопающіе закричатъ тогда: «ила хар'а» (оборотись)! Танцующій оборачивается, быстро подходитъ къ ней, не переставая плясать, и они оба начинаютъ дѣлать круги. Дѣвушка не допускаетъ парня слишкомъ близко къ себѣ, и она не имѣетъ права перестать до-тѣхъ-поръ, пока парень не перестанетъ, или-же пока другая не выступитъ замѣнить ее. Парня также можетъ замѣнить другой. И это право замѣны часто приводитъ горцевъ къ непріятностямъ. Напримѣръ, вы неравнодушны къ извѣстной дѣвушкѣ, такъ-же, какъ и она къ вамъ. Вы вступаете въ пляску, въ надеждѣ, что она тоже выйдетъ къ вамъ. Предположимъ—она и вышла. Но въ эту минуту другой, тоже неравнодушный къ ней, выступаетъ перебить ее у васъ, и вы не имѣете права отстаивать. Значитъ, нанесена обида и вамъ, и ей. За обидою слѣдуетъ ссора, а послѣ ссоры драка (такъ-какъ «шайтанъ не перестаетъ натравлять»), тутъ кстати кинжалы, — словомъ въ итогѣ получится убійство. Значитъ, плотина прорвана — и вода надѣлаетъ много бѣды. Припомните обычай кровомщенія и все вамъ будетъ понятно. Поэтому, оставимъ эту мрачную картину и вернемся лучше къ пиру.

Въ кругу около сидящихъ поставлены подносы съ закускою, бутылки водки и кувшины съ бузою *). Всѣ пьютъ и веселятся, не забывая однако и о пляскахъ. Такъ-какъ аулъ расположенъ на покатости **), то съ крышъ домовъ, располо-

*) Буза—напитокъ, приготовляемый изъ ячменя.

**) Хотя для передвиженій это неудобно, но за то въ санитарномъ отношеніи представляетъ много выгодъ: дождевые потоки не даютъ возможности накопляться на улицахъ нечистотамъ и вообще грязи бываетъ меньше.

женныхъ выше того дома, гдѣ мы находились, «той» видѣнъ, какъ на ладонѣ, и потому крыши сосѣднихъ домовъ наполнены женщинами и дѣвушками. Вотъ одинъ молодой парень оглядываетъ этихъ сидящихъ, и глаза его останавливаются на нѣкоторыхъ. Онъ сейчасъ призываетъ «чархачи» *) и нашептываетъ ему что-то на ухо.

Тогда между дѣвушками, которыя сидѣли на крышѣ, произошло замѣшательство. Нѣкоторыя изъ нихъ собрались-было убѣжать, но чархачи подоспѣлъ съ товарищами и остановилъ ихъ. Около десяти дѣвушекъ, не смотря на ихъ «видимое» сопротивленіе, притащили къ кругу **).

Чархачи подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Шахъ приказываетъ тебѣ *не быть масломъ въ водѣ*, т. е. это значитъ: шахъ приказываетъ тебѣ слѣдовать примѣру другихъ, иначе—танцовать.

Я извинился, говоря, что не умѣю, что я отвыкъ отъ плясокъ.

Чархачи донесъ шаху и вернулся съ новой инструкціей:

— Шахъ приказываетъ тебѣ *не быть сорокой*, сказалъ онъ. Это значило: не болтай много, а исполняй приказаніе. Шахъ всегда говоритъ иносказательно. Сколько я ни бился, все-таки подъ конецъ долженъ былъ повиноваться шаху, подъ опасеніемъ наказанія.

Я пустился плясать. Ни одна изъ дѣвушекъ не рѣшалась выступить. Замѣтивъ это, чархачи бросился въ средину ихъ и вытащилъ одну изъ новоприведенныхъ. Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько круговъ, какъ зурначи пересталъ играть. Я вынулъ кошелекъ и бросилъ къ нему двадцати-копѣечную серебряную монету, которую онъ и опустилъ въ барабанъ. Затѣмъ онъ

---

*) Выборный, который долженъ смотрѣть за порядкомъ. На тоѣ, кромѣ «чархачи», выбирается и «шахъ», который можетъ арестовывать и наказывать виновыхъ—и это бываетъ очень комично.

**) Одному только чархачи позволено прикасаться къ женщинѣ.

сталъ продолжать игру. Я сдѣлалъ еще два круга и вручилъ такую-же монету ей въ руки *), и—кончилъ.

Чархачи подбѣжалъ ко мнѣ и сказалъ:

— Шахъ доволенъ тобою, и въ знакъ своей высокой милости, онъ дѣлаетъ тебя своимъ вазиромъ (визиремъ).

— Да здравствуетъ шахъ, сказалъ я и, какъ визирь, сѣлъ по правую сторону его. Моего предшественника арестовали. Мнѣ поднесли «чархара» и закричали: Да здравствуетъ низирь! Ура! Пляски прервались, и дѣвушки пошли закусывать. Но черезъ четверть часа онѣ возвратились.

Пляски возобновились. На этотъ разъ вмѣсто лезгинки начали «киркàнъ-куàри» **). Сначала пустились гуськомъ около тридцати мужчинъ. Когда они перестали, пустилось столько-же женщинъ. Затѣмъ мужчины опять (тѣ-же самые, что и въ первый разъ), а за ними опять женщины. Послѣ долгихъ перемѣнъ такого рода, зурначи заигралъ поскорѣе, и произошло общее mêlée, причемъ каждая пара—мужчина и женщина—начала плясать особо, не обращая вниманія на прочихъ.

Вообще этотъ танецъ похожъ очень на шестую фигуру кадрили съ ея шенами, турами, балансе и проч., съ тою только разницею, что молодые горцы для бòльшаго эффекта начинаютъ кувыркаться, подпрыгивать и выдѣлывать «разныя штуки».

Наступило время полуденной молитвы. Старики, которые пировали въ комнатѣ, разошлись первые; за ними послѣдовали дѣвушки, и мало-по-малу всѣ разошлись, наполняя улицы крикомъ и шумомъ. Только немногіе изъ пьяныхъ остались на мѣстѣ и продолжали веселиться.

Такимъ образомъ Мухаммедъ совершенно основательно думалъ, что подъ вліяніемъ спиртныхъ напитковъ правовѣрные могутъ пропускать молитвы...

*) Въ этомъ случаѣ зурначи необходимо дать денегъ, а дѣвушкѣ можете и не дать; но, обыкновенно, и ей дается. Кромѣ того, во время пляски вы можете подарить дѣвушкѣ что-угодно.

**) «Кирка»—названіе сосѣдняго аула, а «куаръ» значитъ рядъ. Слѣдовательно «кирканъ-куари» означаетъ «киркинскій рядъ.

31-го мая.

Было около половины девятаго часа вечера. Я собирался ужинать. Со мной вмѣстѣ находились и нѣсколько горцевъ.

Вдругъ невдалекѣ раздался выстрѣлъ. За нимъ и другой. Мы схватили оружіе и вышли, думая, что совершилось убійство. Но мы ошиблись. Не спѣли мы сдѣлать и десяти шаговъ по направленію выстрѣловъ, какъ услышали крикъ: «стрѣляйте въ честь вдовы»! Мы тотчасъ вернулись въ комнату. Мало-по-малу аулъ началъ оглушаться сотнями выстрѣловъ изъ ружей и пистолетовъ. Пальба продолжалась до утра...

Какъ я сказалъ выше, дѣвушки выходятъ замужъ только осенью. Но вдовы могутъ выходить замужъ, когда имъ угодно. Бракосочетаніе вдовцовъ и вдовъ происходитъ безъ всякихъ торжественныхъ ходовъ, и совершается по возможности тайкомъ. Иначе, можетъ произойти та-же исторія, свидѣтелями которой мы были сейчасъ. А это не нравится новобрачнымъ.

Но не то бываетъ, когда происходитъ бракосочетаніе молодыхъ. У насъ обрученіе происходитъ, какъ я выше упомянулъ, еще въ то время, когда будущіе женихъ и невѣста не достигли десятилѣтняго возраста. Въ этомъ они собственно не принимаютъ никакого участія,—это дѣло ихъ родителей. Обыкновенно, родители мальчика обращаютъ вниманіе только на честность и состоятельность родителей дѣвушки, и наоборотъ. Обрядъ обрученія состоитъ въ слѣдующемъ: мать мальчика подноситъ родителямъ дѣвушки *чуду* (пирогъ съ сыромъ и говядиной) и матеріи на одежду послѣдней; кромѣ того, ей на пальцы надѣваютъ кольцо изъ серебра или золота. Или-же, какъ это дѣлаютъ другіе, призываютъ дѣвушку къ себѣ домой, надѣваютъ на ея голову платокъ и дарятъ нѣсколько колецъ или ожерелье. Съ этого времени дѣвушка считается невѣстою и должна избѣгать встрѣчъ съ женихомъ—даже когда послѣдній приходитъ въ домъ ея родителей. Они не говорятъ другъ съ другомъ до самой свадьбы. И съ этого времени излишки доходовъ обѣихъ сторонъ идутъ на приданое невѣсты (не въ ви-

дѣ денегъ, а на пріобрѣтеніе домашнихъ принадлежностей: ковровъ, тюфяковъ, одѣялъ, подушекъ и проч.) и на свадебные подарки жениха, которые онъ подноситъ невѣстѣ весною того года, въ которомъ долженъ совершиться бракъ.

Положимъ, насталъ брачный день. Начинается процессія. Какъ только она тронется, отецъ дѣвушки выводитъ изъ конюшни корову (и буйвола, если состоятеленъ), и отрѣзываетъ имъ кончикъ уха. Это значитъ, что онъ даритъ ихъ дочери. Процессія продолжается дальше по направленію дома жениха. Впереди всѣхъ идутъ родственники дѣвушки, съ хлѣбомъ-солью и съ кувшиномъ бузы. За ними слѣдуютъ мальчики и дѣвушки, съ домашними принадлежностями невѣсты. Затѣмъ идетъ покрытая шелковою матеріею невѣста, которую ведутъ за руки двѣ женщины *). Наконецъ слѣдуютъ зрители. Неоднократно молодые люди загораживаютъ процессіи дорогу. Въ такомъ случаѣ имъ нужно предложить хлѣбъ-соль и бузу, послѣ чего они пропускаютъ. Когда процессія проходитъ мимо окна какого-нибудь дома, то изъ окна на голову невѣсты бросаютъ горсть муки, отчего невѣста и ближайшія спутницы ея дѣлаются совершенно бѣлыми. Когда процессія приходитъ въ домъ жениха, отецъ послѣдняго выводитъ двухъ быковъ и обрѣзываетъ у нихъ кончики ушей, а иногда и лошадь, у которой обрѣзываетъ клочокъ волосъ отъ хвоста. Невѣсту вводятъ въ комнату, а женихъ ожидаетъ ее за дверьми. Какъ-только она переступитъ порогъ, онъ даетъ ей хорошаго, прехорошаго пинка **), и это—первая любезность будущаго супруга!

Въ это время изъ дому выносятъ коверъ, грубой мѣстной работы; при видѣ этого молодые люди раздѣляются на двѣ равныя партіи: одна изъ нихъ входитъ во дворъ, другая-же остается за воротами. Коверъ бросаютъ между двухъ партій. Обѣ схватываютъ его за концы и тянутъ: одна во дворъ, другая на

*) Эти женщины называются *накеурцанти* (*накъ*—рука, *вуцисъ* — держать).

**) Вѣроятно, въ знакъ власти мужа надъ женою.

улицу. Той партіи, которая успѣетъ завладѣть ковромъ, дается *аируша* (смѣсь изъ муки, масла и меду), а буза дается обѣимъ партіямъ. Иногда силы обѣихъ партій равны,—тогда онѣ возятся цѣлый часъ безъ всякаго успѣха. Случаются при этомъ и несчастія: коверъ можетъ разорваться, и тогда обѣ партіи отлетятъ въ сторону съ страшной силой на цѣлыхъ три сажени. Вообще, эта борьба во всякомъ случаѣ не происходитъ безъ ушиба или подобнаго несчастія.

Послѣ начинаютъ пировать въ домѣ жениха. Въ десять или одиннадцать часовъ ночи снимаютъ покрывало съ новобрачной. При публикѣ постилаютъ постель, и всѣ молодые люди бросаются на нее *). Затѣмъ всѣ расходятся, оставляя вмѣстѣ жениха и невѣсту.

Если женихъ найдетъ, что «честь невѣсты запятнана», то онъ сейчасъ-же возвѣщаетъ объ этомъ выстрѣломъ изъ пистолета. Тогда родители спѣшатъ увести свою опозоренную дочь домой, и кинжалъ отца или брата рѣдко щадитъ ее. (Пиръ возобновляется на слѣдующій день. Этотъ пиръ—тоже самое, что выше описанный мною «той»).

По прошествіи недѣли знакомые приглашаютъ къ себѣ молодую и дарятъ ей тарелки, блюдечки, стаканы и проч.

4-го іюня.

Сегодня я былъ свидѣтелемъ ужаснаго преступленія. Но чтобы изобразить его яснѣе, нужно начать издалека.

Нѣкто Саидъ жилъ съ первою своею женою около трехъ лѣтъ въ мирѣ и согласіи. Потомъ соскучился и рѣшился жениться еще на одной. Айша, уже мать сына и дочери, была сильно огорчена этимъ, хотя поступокъ ея мужа — въ аулѣ не рѣдкость. Ея огорченія удвоились, когда Саидъ началъ жить исключительно со второю своею женою, Рокіею. Она вознена-

*) Это называется *вурушъ-вачисъ* (*вурушъ*—тюфякъ, постель, *вачисъ* — топтать).

видѣла мужа, Рокію, Ису (сына послѣдней) и все, что касалось до нихъ,—возненавидѣла ихъ тою страшною ненавистью, которая зараждается подъ вліяніемъ ревности и оскорбленія. Когда она начала впервые страдать отъ этого, собственный сынъ ея Али, прижимаясь къ ея груди, изъ которой выходили тяжелые вздохи и проклятья,—въ недоумѣніи обращалъ свои маленькіе невинные глаза на лицо матери. Долго смотрѣлъ онъ ей въ глаза, но потомъ, какъ-бы испугавшись, еще сильнѣе прижимался къ ней.

Годы протекли, родители постарѣли, дѣти выросли; но положеніе почти не измѣнилось. Саидъ такъ-же, какъ и прежде, живетъ только съ Рокіей, а Айшу онъ и знать не хочетъ. Впрочемъ, есть и маленькая перемѣна: малютки Али и Иса не знали, что такое—ненависть, но юноши Али и Иса не только знаютъ, но даже питаютъ ее другъ къ другу.

Али былъ прежде умный, молчаливый ребенокъ,—теперь онъ благообразный юноша; онъ не любитъ ни отца, ни брата. Да какъ-же ему и любить ихъ! Онъ былъ горячо привязанъ къ матери; ея страданія заставляли страдать и его. А виновникомъ этихъ страданій—былъ отецъ. Этотъ-же самый отецъ ласкалъ Ису, одѣвалъ его богато и купилъ для него, когда ему было еще 14 лѣтъ, богатое оружіе: ружье, пистолетъ и кинжалъ, между-тѣмъ какъ на него не обращалъ никакого вниманія.

Разъ въ домъ Саида принесли мясо «жертвеннаго барана» *), и принесшій отдалъ его Айшѣ. Слѣдовало-бы отдать его Рокіѣ, такъ-какъ Саидъ жилъ съ нею. Рокія потребовала мясо, на что Айша отвѣчала, что и она не чужая и что если Саидъ хочетъ поѣсть мяса, то можетъ придти къ ней. Рокія разсердилась, и между ними произошла драка. Разгнѣванный Саидъ

*) Когда засуха продолжается слишкомъ долго и жители начинаютъ опасаться за хлѣба, то приносятъ въ жертву (каждый кварталъ отдѣльно) десятки барановъ и раздѣляютъ ихъ поровну между жителями всего аула. Послѣдніе, съ своей стороны, должны при сборѣ хлѣба вносить по мѣркѣ пшена для уплаты цѣнности зарѣзанныхъ барановъ.

схватилъ палку, поколотилъ обѣихъ и приказалъ Айшѣ отдать мясо. Айша повиновалась; но, пользуясь удобнымъ случаемъ, высказала мужу все, что успѣло накопиться въ ея сердцѣ впродолженіи двадцати-лѣтней несчастной жизни, причемъ сильно выбранила и самого Саида. Въ рукахъ его сверкнулъ кинжалъ и вонзился въ грудь несчастной.

Саидъ былъ изгнанъ изъ аула и скоро умеръ. Али покинулъ домъ отца, оставилъ брату отцовское имѣніе и началъ жить отдѣльно. Иса управлялъ имѣніемъ и одинъ пользовался доходами съ него.

Въ табунѣ на горахъ паслась лошадь Саида. Иса не присвоилъ ее себѣ, потому-что у него уже была лошадь, а предоставилъ Али пользоваться ею. Но Али не хотѣлъ знать ничего отцовскаго. Дѣло начало усложняться: кто имѣетъ лошадь въ табунѣ, тотъ долженъ нести извѣстныя повинности *). Али на это не соглашался. Иса несъ-бы самъ эти повинности, не обращая особаго вниманія на отказъ Али, но Рокія подстрекала его. Прежнюю свою ненависть къ несчастной Айшѣ она теперь направила на ея сына. По наущенію Рокіи, Иса отправился къ Али поговорить по этому поводу. Но Али не впустилъ его къ себѣ. На слова Исы, что онъ, Иса, вѣдь братъ его, Али отвѣтилъ, что его мать родила только одного сына и что, слѣдовательно, у него нѣтъ вовсе братьевъ: «а кромѣ матери и сестры моей — прибавилъ онъ — я не помню, чтобы я имѣлъ родныхъ». Оскорбленный Иса ушелъ. Но явилась Рокія и нача-

*) Табунъ и стада рогатаго скота (кромѣ дойныхъ коровъ) пасутся въ 8-ми верстахъ отъ аула, и хозяева ихъ должны поочереди отправляться караулить впродолженіи одного дня и двухъ ночей. За табуномъ смотрятъ днемъ двое, а ночью четверо; за стадомъ—днемъ 12, а ночью 24. Такимъ образомъ это отнимаетъ ежедневно работу у 14 человѣкъ. Это неудобно, но поступать иначе нельзя. Воровство сильно развито въ горахъ, и не проходитъ недѣли, чтобы не пропала лошадь или быкъ. Пастухъ, который согласился-бы ходить за табуномъ или стадомъ, долженъ былъ-бы вознаграждать хозяевъ пропавшаго скота. Поэтому невозможно найти отвѣтственнаго пастуха. Вознагражденіе хозяевъ, въ случаѣ пропажи животнаго, падаетъ и тѣхъ, которые караулили табунъ или стадо въ день обнаруженія пропажи.

ла оскорблять честь Али. Онъ не обратилъ на нее вниманія. Когда-же она коснулась чести его покойной матери, въ глазахъ его потемнѣло: онъ схватилъ ее и выбросилъ на улицу. Въ это время по улицѣ шелъ Иса, съ намѣреніемъ увести свою мать. Сдѣлавшись свидѣтелемъ поступка Али, онъ вынулъ кинжалъ,—Али за нимъ... Кончилось тѣмъ, что Али былъ убитъ, а Иса изгнанъ изъ аула (черезъ три мѣсяца и онъ былъ убитъ родственникомъ Али по матери). Домъ ихъ разоренъ. А Рокія? Рокію посадили на «чернаго» осла передомъ къ хвосту, вывели изъ аула при стеченіи всѣхъ жителей и «побили камнями», причемъ каждый изъ присутствовавшихъ бросилъ въ нее по одному камню *). Такимъ образомъ изъ потомства Саида осталось только двѣ дочери: одна—отъ Айши, другая—отъ Рокіи.

Прошло съ-тѣхъ-поръ около 35 лѣтъ. Дочери Саида давно вышли замужъ, и теперь имѣютъ уже взрослыхъ сыновей...

Я приступаю теперь къ описанію настоящаго происшествія. Потоки, увеличившись отъ недавняго дождя, разнесли всѣ мосты; по обыкновенію, жители вышли ихъ возстановлять. Недалеко отъ нашего дома былъ перекинутъ черезъ рѣчку мостъ, который также былъ снесенъ. Сегодня, около тридцати человѣкъ собрались поправить его. Я наблюдалъ изъ окна за ихъ работами. Около одиннадцати часовъ между ними произошло нѣчто въ родѣ схватки. Чтобы лучше видѣть, я побѣжалъ къ нимъ, и — аллахъ! что я тамъ увидѣлъ! Одинъ молодой горецъ лежалъ съ размозженной головою и безъ всякихъ признаковъ жизни. Родственники убитаго (ихъ было три человѣка), съ обнаженными кинжалами, старались напасть на убійцу, а родственники послѣдняго рѣшились защитить его. Но, къ счастію, нейтральныхъ оказалось больше, и они разняли ихъ Убитый былъ внукъ Рокіи (племянникъ Исы), а убійца—внукъ Айши (племянникъ Али). Вражда, которая существовала между женами

*) Эти обычаи, т. е. разореніе дома и побиваніе камнями (*каркова-далцисъ*: *каркови*— камни, *далцисъ*—собирать) не существуютъ болѣе, съ подвореніемъ русскихъ.

и родившимися отъ нихъ сыновьями Саида, перешла къ его дочерямъ и къ дѣтямъ послѣднихъ. Во время работъ на мосту, внукъ Рокіи, нечаянно приблизившись, сталъ копать землю рядомъ съ внукомъ Айши. Обиженный этимъ Али (такъ звали послѣдняго въ честь его дяди) размозжилъ ему голову однимъ ударомъ лопатки...

11-го іюня,

Сегодня опять я рѣшился пойти въ «кумай», съ цѣлью послушать разговоры стариковъ. Не успѣлъ я простоять около нихъ и пяти минутъ, какъ съ самой возвышенной части аула раздался крикъ «мангуша» (чаушъ, крикунъ сельскій): «слушайте, о жители»! Всѣ замолчали, и въ цѣломъ аулѣ водворилась глубокая тишина (мѣсто, гдѣ стоялъ мангушъ, господствуетъ надъ всѣмъ ауломъ). «Старшина, кадій и судьи», продолжалъ кричать мангушъ съ водвореніемъ тишины, «извѣщаютъ, что съ завтрашняго дня всѣ стада быковъ и три стада (изъ шести) барановъ не будутъ пастись въ Ирау, а перейдутъ на Чавази (плоскія возвышенности, принадлежащія аулу и назначенныя для пастбищъ). Потомъ старшина, кадій и судьи приказываютъ жителямъ: 1) не держать дома больше двухъ барановъ, 2) не держать дома быковъ, когда нѣтъ въ нихъ надобности, 3) выйти завтра по одному работнику изъ каждаго семейства для исправленія дорогъ. Кто не исполнитъ послѣднихъ двухъ приказаній, тотъ будетъ подвергнутъ штрафу въ пять рублей. Старшина, кадій и судьи приглашаютъ джамаатъ (стариковъ) въ «диванъ-хана» (мѣсто засѣданія сельскаго начальства), для обсужденія нужныхъ дѣлъ. Возьмите сказанное во вниманіе (архая)!»

— «Вархая» *), былъ отвѣтъ всѣхъ жителей. Старики

*) Слово «вархая» очень оскорбительное для человѣка, по своему значенію, слово и не можетъ быть переведено. Не смотря на это, оно есть единственный отвѣтъ, употребляемый жителями на возвѣщеніе крикуна. Однако, послѣдній и не думаетъ оскорбляться, зная, что это просто обычай.

тотчасъ покинули «кумай» и направились къ «диванъ-хана». Такъ-какъ всякій имѣетъ право входить въ «диванъ-хана» и слушать преніи, то и я изъ любопытства рѣшился отправиться туда.

Когда я пришелъ въ «диванъ-хана», джамаатъ былъ въ полномъ сборѣ. Мѣсто засѣданія его—простая большая комната, довольно мрачная, съ земляным поломъ. Кругомъ, вдоль стѣнъ, поставлены деревянныя скамейки, назначенныя для сидѣнья стариковъ. А для лицъ сельскаго управленія отведено отдѣльное мѣсто, также со скамейками и столомъ, на которомъ находились чернильница, перо (камышъ) и клочки бумаги. У стола сидитъ кадій; съ правой стороны его старшина (юзбаши—сотенный начальникъ), а съ лѣвой—четверо судей *). Немного въ сторонѣ отъ нихъ стоятъ «куалти» (сельская полиція), въ главѣ которой находится мангушъ. Послѣдній имѣетъ въ рукахъ палку. Затѣмъ располагаются по старшинству члены джамаата. Юзбаши, или старшина — лицо назначаемое правительствомъ; онъ контролируетъ рѣшенія суда и наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ дѣлъ въ немъ; безъ его подписи рѣшеніе кадія и судей не считается дѣйствительнымъ. Но все это больше номинально, чѣмъ дѣйствительно. Эта должность введена недавно и не успѣла пустить еще корни въ народѣ. Обыкновенно, юзбаши только присутствуютъ въ судѣ, сохраняя молчаніе и предоставляя полную волю кадію и судьямъ, такъ-что дѣла и ихъ исполненіе находятся собственно въ рукахъ кадія и четырехъ судей. Всѣ они выбираются жителями на одинъ годъ, и только въ послѣднее время начальство начало утверждать ихъ въ этихъ должностяхъ. Кадій рѣшаетъ дѣла по шаріату, а судьи по адату. Но въ послѣднее время шаріатъ и адатъ мало-по-малу теряютъ свое значеніе: жители весьма часто обращаются теперь къ наибскому суду.

Послѣ судей по достоинству первое мѣсто занимаетъ ман-

*) *Ше-холитъ*—что значитъ «сельскіе старшины»: *ше*, или *ши*—аулъ, а *холалъ*—старшій, большій.

гушъ, или крикунъ, лицо избираемое тоже на одинъ годъ. Онъ получаетъ отъ юзбаши или кадія приказанія, которыя или самъ исполняетъ, или поручаетъ для исполненія «куалти» (въ родѣ полицейскихъ). Число послѣднихъ 12. Каждый житель долженъ по очереди служить годъ «куалою» (куала — единств. число отъ куалти). Что-же касается до джамаата, то онъ присутствуетъ только при обсужденіи какихъ-нибудь важныхъ вопросовъ. Въ прежнее-же время онъ управлялъ всѣми дѣлами аула.

Изъ всѣхъ этихъ лицъ только кадій получаетъ жалованье отъ аула *); но судьи, мангушъ и куалти въ прежнее время все-таки обогащались впродолженіи одного года. Доходная статья ихъ—штрафы, а у кадія и судей сверхъ того—взятки. Но теперь имъ далеко не такъ выгодно, какъ прежде. Однако, возвращаюсь къ разсказу.

При моемъ приходѣ, какъ я сказалъ выше, джамаатъ уже засѣдалъ. Прежде всего кадій поспѣшилъ оправдать въ глазахъ его свои распоряженія на счетъ стадъ. Онъ сказалъ, что въ настоящемъ году, по причинѣ засухи, трава не выросла и высохла очень скоро, гдѣ она появилась; отъ этого скотъ рабочій слабѣе, чѣмъ когда-нибудь, и не въ состояніи будетъ вынести тяжелыхъ работъ, если не позаботиться объ немъ во время. «Поэтому мы распорядились, чтобы стада покинули Ирау, гдѣ до осени можетъ вырости хорошая трава и куда мы погонимъ тогда исключительно только рабочій скотъ, такъ-что онъ можетъ до зимы значительно поправиться и безъ труда перенести зиму». Джамаатъ одобрилъ это распоряженіе.

Послѣ этого кадій прочелъ просьбу одного «канлы» **), слѣдующаго содержанія:

«....скому кадію и джамаату Божіе благословеніе и Его

---

*) Жалованье кадія состоитъ въ томъ, что каждый изъ 12-ти «куала» долженъ дать ему по 10 мѣрокъ пшеницы въ годъ. Мѣрка туземная равняется $1^1/_2$ пуд. Слѣдовательно, онъ получаетъ 180 пудовъ пшеницы.

**) «Канлы»—изгнанникъ изъ аула по убійству; названіе это татарское и происходитъ отъ «*кахъ*», что значитъ кровь.

милость. Въ 1283 году (гиджры) житель нашего славнаго аула N былъ найденъ убитымъ около моего дома. Меня обвинили въ убійствѣ, хотя вина моя не была доказана; но 40 родственниковъ убитаго приняли присягу на коранѣ въ томъ, что я убилъ, а никто другой. Послѣ этого я былъ объявленъ убійцей (душванъ), и меня сдѣлали канлы на пятнадцать лѣтъ. Кромѣ того, меня принудили отдать родственникамъ убитаго (да успокоитъ его душу аллахъ!) трехъ-годоваго быка и заплатить штрафы. Но въ прошедшемъ году, черезъ признаніе жителя нашего славнаго аула С., обнаружилось, что я не былъ виновенъ въ вышеупомянутомъ убійствѣ. Поэтому я прошу славный .....скій джамаатъ позволить мнѣ возвратиться домой. Да сохранитъ васъ аллахъ въ счастіи и благополучіи. Аминь»!

— «Ну, что вы скажете»? обратился кадій къ джамаату.

— «Мы скажемъ», отвѣчалъ одинъ изъ стариковъ, «что нужно соблюдать адатъ. Что сказано въ адатѣ?» спросилъ онъ въ свою очередь одного изъ судей.

— «Нашъ адатъ не принимаетъ во вниманіе такой просьбы. Признанный убійцей и канлы присягой на коранѣ, по нашему адату, не можетъ быть возвращенъ или оправданъ, что-бы ни случилось впослѣдствіи. Иначе, это было-бы святотатство, оскорбленіе Бога (да смилуется Онъ надъ нами!). Иначе, это значило-бы, что мы готовы принимать присягу на св. коранѣ, не будучи вполнѣ увѣрены въ справедливости нашего дѣла».

Въ заключеніе онъ попросилъ кадія прочесть объ адатахъ, относящихся къ канлы. Кадій всталъ и началъ читать. Между прочимъ онъ прочелъ слѣдующее:

«Кто разъ объявленъ канлы принятіемъ присяги на коранѣ съ 40-ка родственниками и изгнанъ изъ аула, тотъ будетъ считаться убійцей и останется въ изгнаніи до истеченія срока, если-бы даже впослѣдствіи оказалось, что не онъ убійца. Показанія свидѣтелей и даже признаніе настоящаго убійцы, послѣ присяги на другого, не будутъ считаться дѣйствительными; однако, для безопасности, послѣдній все-таки будетъ изгнанъ въ качествѣ канлы»...

— «Ну, и отвѣчайте ему, что онъ не можетъ быть возвращенъ», отвѣчали старики.

— «Да какъ же... Какъ же это»? вмѣшался одинъ изъ родственниковъ канлы, молодой человѣкъ лѣтъ 22-хъ, «вѣдь онъ вовсе невиноватъ»?

— «Что-же дѣлать»? отозвался одинъ старикъ. «Противъ адатовъ нашихъ предковъ намъ не пойти! Не въ первый разъ это случается, и не съ одними вами такъ поступаемъ».

Одинъ изъ судей всталъ.

— «Сограждане (дила-шанти)»! сказалъ онъ, обращаясь къ собранію. «Назначимъ какой-нибудь день, хоть, напримѣръ, пятницу, и соберемтесь для разсмотрѣнія нашихъ адатовъ. Въ нихъ есть много такого, что не можетъ понравиться русскимъ. Если мы не поспѣшимъ выкинуть или исправить нѣкоторые изъ адатовъ, то мы навѣрно дождемся того дня, когда черезъ нихъ мы потеряемъ право рѣшать свои домашнія дѣла по адату. Ну, что тогда намъ останется дѣлать, когда это случится? Тогда намъ останется только снять съ себя оружіе и одежду нашихъ отцовъ и распустить женъ своихъ *), чтобы окончательно сдѣлаться мужиками и идти въ солдаты. Повторяю, поспѣшимте»!

Онъ сѣлъ. Среди джамаата произошло сильное замѣшательство: одни одобряли предложеніе, другіе нѣтъ. Между прочимъ юзбаши и судьи стояли за, а кадій—противъ. Послѣдній взялъ верхъ, послѣ краткой рѣчи, въ которой онъ приглашалъ джамаатъ всѣми средствами отстаивать установленія своихъ предковъ, съ какой-бы стороны на нихъ ни нападали. Джамаатъ отвергъ предложеніе судьи.

12-го іюня.

Вчера я упомянулъ о томъ, что лица сельскаго управленія, кромѣ юзбаши, выбираются самими жителями. Теперь я намѣренъ разсказать о днѣ этихъ выборовъ, такъ-какъ этотъ день есть одинъ изъ торжественнѣйшихъ въ аулѣ.

*) До-сихъ-поръ горцы думаютъ, что у русскихъ браки не существуютъ.

У горцевъ вообще чествуются два праздника — великій байрамъ и курбанъ-байрамъ. Но самый торжественный изъ праздниковъ нашего аула есть «андживаxъ» *), празднуемый весною. Примѣчательныя особенности этого праздника суть: первая вспашка земли, красныя яйца, скачки и выборы аульныхъ должностныхъ лицъ.

Предположимъ, что наступилъ этотъ день. Съ разсвѣтомъ, аулъ приходитъ въ движеніе. Взрослые чистятъ оружіе и сѣдлаютъ лошадей. Мальчики, наполнивъ свои карманы яйцами, спѣшатъ къ главной площади (которая находится передъ нашимъ домомъ); дѣвушки и женщины, разодѣтыя въ лучшія платья, наполняютъ сосѣднія крыши; старики тоже спѣшатъ на площадь, оставивъ дома свои громадныя шубы и одѣвшись въ болѣе легкую одежду; но они долго не остаются на площади: они приглашаютъ другъ-друга къ себѣ повеселиться, и скоро всѣ изчезаютъ. Поднимается солнце—и молодые, ловко гарцуя на крѣпкихъ коняхъ, появляются на площади. Мальчики разступаются, и на площади начинается джигитовка, причемъ каждый изъ молодежи старается выкинуть какую-нибудь новую и опасную штуку, зная, что глаза «милой» обращены на него. Джигитовка продолжается около двухъ часовъ. Затѣмъ выходятъ толпами послушные старики, и съ ними на этотъ разъ юзбаши, кадій, судьи и мангушъ съ куалти. Вслѣдъ за ними показывается «землепашецъ» (анджи-вахвиканъ), съ запряженными въ соху быками. Онъ несетъ на плечахъ сумки съ зернами. Землепашецъ, быки и соха украшены платками и ленточками. Начинается торжественная процессія, которая направляется къ ближайшему изъ пахатныхъ полей. Впереди идетъ «анджи-вахвиканъ», за нимъ аульныя должностныя лица, старики, мальчики и, наконецъ, верховые. Женщины остаются на своихъ мѣстахъ, такъ-какъ оттуда видно поле.

Въ полѣ образуютъ громадный кругъ; въ серединѣ его «анд-

*) «Андживаxъ» произошло изъ *анджи* — земля и *вахвакисъ* — начать. Праздникъ этотъ празднуется при наступленіи времени весеннихъ посѣвовъ.

жи-вахвиканъ» начинаетъ пахать. Какъ только онъ приступаетъ къ работѣ, присутствующіе начинаютъ бросать въ него землею, иные и большими кусками. «Анджи-вахвиканъ» подвергается этому земляному дождю по-крайней-мѣрѣ около четверти часа *).

Послѣ этого мангушъ закричитъ, чтобы желающій участвовать въ бѣгѣ отдѣлился. Отдѣляются почти всѣ молодые, въ числѣ около 12-ти человѣкъ. Мангушъ поравняетъ ихъ, и по данному знаку они побѣгутъ къ назначенному пункту. Кто прибѣжитъ первый, тотъ получаетъ призъ «шульми» (тушу баранины). Послѣ «бѣга» возвращаются въ аулъ на площадь, и опять начинается джигитовка. Черезъ часъ посылаютъ лошадей, назначенныхъ на скачку, за восемь верстъ отъ аула; съ ними отправляется и мангушъ. Онъ равняетъ лошадей и даетъ знакъ скакать. Лошадь, прискакавшая первою, получаетъ призъ **). Лошадь покрываютъ пестрою попоною, украшаютъ ее дорогими матеріями и ленточками, такъ-же, какъ и сѣдока. Всѣ поздравляютъ хозяина лошади, и онъ въ отвѣтъ приглашаетъ всѣхъ отцовъ семействъ къ себѣ и угощаетъ ихъ впродолженіи большей части дня. Въ слѣдующіе затѣмъ дни послѣдніе пируютъ у «куалти». Молодые-же первый день проводятъ въ джигитовкѣ, а въ слѣдующіе дни пируютъ другъ у друга.

Выборы должностныхъ лицъ назначаются въ ближайшую пятницу. По выходѣ изъ мечети всѣ остаются на площади. Какой-нибудь старикъ спрашиваетъ жителей, довольны-ли они кадіемъ, судьями и проч. Всякій имѣетъ право голоса: одни нападаютъ, другіе защищаютъ. На чьей сторонѣ больше голосовъ, та и беретъ верхъ. Если новоизбранный кадій принадлежитъ къ верхней части аула, то мангуша выбираютъ изъ нижней части. Изъ остальныхъ четырехъ кварталовъ выбираютъ по

---

*) «Анджи-вахвикану» часто достается крѣпко. Иногда онъ не въ состояніи выходить изъ комнаты впродолженіи недѣли. Не смотря на это, всякій считаетъ за честь быть «анджи-вахвиканомъ».

**) Призы при этомъ бываютъ различные: то быкъ, то извѣстное количество пшеницы, или-же даютъ участокъ изъ общественныхъ полей.

судьѣ. Кромѣ того выбираютъ въ этотъ день «будуна», въ родѣ письмоводителя кадія.

Но въ послѣднее время, по причинѣ частыхъ смѣщеній сельскихъ должностныхъ лицъ, не всегда выборы ихъ приходятся на праздникъ весны; даже иногда не бываетъ вовсе выборовъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что прежде съ праздникомъ этимъ связаны были непремѣнно и выборы....

21-го іюня.

Сегодня я отправился въ главную мечеть. Тамъ меня встрѣтили съ радушнымъ любопытствомъ *муталимы*, т. е. воспитывающіеся при мечети.

Когда я вошелъ къ нимъ, то увидѣлъ около десяти молодыхъ людей, лежавшихъ на полу, завернувшихся въ большія шубы и упершихся головами на руки. Передъ ними лежали толстыя книги. При моемъ появленіи, они быстро соскочили со своихъ мѣстъ и горячо привѣтствовали меня, хотя мы не встрѣчались прежде нигдѣ. Но вѣрно и то, что они какъ-бы то ни было знали меня.

Они пригласили меня сѣсть на коверъ (мечеть внутри убрана двойнымъ слоемъ ковровъ), а сами усѣлись вокругъ. Первымъ дѣломъ они начали спрашивать меня: какъ называется тотъ городъ, гдѣ я обучаюсь, много-ли со мною вмѣстѣ учится, какъ тамъ учатъ, чему и проч. и проч.

Я по-возможности удовлетворялъ ихъ любопытство. Когда я разсказалъ обо всемъ, они выразили свое удивленіе многому, и въ особенности удивлялись числу гимназистовъ (я сказалъ имъ, что со мною обучается свыше 500), количеству книгъ, которыя каждый изъ нихъ можетъ прочесть въ годъ, зданію; но больше всего—пищѣ.

— Да помилуй! воскликнули они. Какая сакля можетъ вмѣстить столько людей? Какой-же мулла можетъ давать имъ уроки каждый день, когда нашъ мулла едва успѣваетъ да-

вать намъ (десяти человѣкамъ)? Откуда можно доставать столько книгъ, когда у насъ въ цѣломъ аулѣ не бываетъ и десятой части того? Откуда достаютъ столько «напаки» (пища муталимовъ)?—Ну, нѣтъ! это ты шутишь!

Мнѣ не повѣрили вовсе *).

— А что, умѣешь исчислять? обратился одинъ изъ нихъ ко мнѣ послѣ долгихъ разспросовъ.

Я сказалъ: да.

— Ну-ка, узнай, сколько будетъ птенцовъ, если на полѣ семь деревьевъ, на каждомъ деревѣ по семи вѣтокъ, на каждой вѣткѣ по семи вѣточекъ, на каждой вѣточкѣ по семи гнѣздъ и, наконецъ, въ каждомъ гнѣздѣ по семи птенцовъ?—прибавилъ онъ торжественнымъ голосомъ.

Я сказалъ.

Всѣ, крайне удивленные, переглянулись. Они никакъ не ожидали, чтобы я могъ рѣшить эту простую задачу. У насъ въ горахъ не преподаютъ даже четырехъ простыхъ правилъ ариѳметики, и, навѣрно, задавшій мнѣ эту задачу просидѣлъ надъ ней по-крайней-мѣрѣ сутки, если не больше.

Думая, что мнѣ прежде извѣстна была эта задача, они задали другую, третью, которыя еще легче было рѣшить. Потомъ, когда убѣдились, что я превосхожу ихъ по этой части, они начали относиться ко мнѣ съ большимъ почтеніемъ. Они попросили меня задать имъ нѣсколько задачъ. Я исполнилъ просьбу ихъ, и они ловко рѣшали въ умѣ, если въ задачѣ не было умноженія или дѣленія въ слишкомъ большихъ числахъ. Потомъ я рѣшилъ и объяснилъ имъ по двѣ задачи изъ ариѳметики, алгебры, геометріи и тригонометріи, при томъ болѣе наглядныя. Они, ничего не понимая, выражали мнѣ только свое удивленіе. Они-бы вовсе не повѣрили, если-бы была возможность не повѣрить. Напримѣръ, я взялся и исчислилъ разстояніе отъ

*) У насъ всѣ увѣрены въ томъ, что хоть разъ побывавшій среди русскихъ научается врать.

линіи соприкосновенія крыши мечети съ восточной стѣной до линіи соприкосновенія пола съ западной стѣной.....

Послѣ этого одинъ изъ муталимовъ, съ нѣкоторымъ смущеніемъ, признался мнѣ, что онъ съ большимъ удовольствіемъ отправился-бы къ русскимъ учиться, если-бы прежде зналъ, что у нихъ все это такъ, т. е. что европейская наука превосходитъ горскую. Но старшій муталимъ возсталъ противъ него:

«Домà у нихъ (т. е. у гимназистовъ) лучше, но они «наполнены идолами» (канджъ), пища у нихъ лучше, но ее приготовляютъ въ тѣхъ-же котлахъ, гдѣ для себя солдаты варятъ свинину; книги у нихъ лучше, но тамъ «не говорится ни слова ни о Богѣ, ни о Его пророкѣ»... Гораздо угоднѣе будетъ Богу и скорѣе попадемъ въ рай, если будемъ ѣсть ячменный хлѣбъ и учиться «аллахъ-ла-каламу» (божьей наукѣ) *). Мы должны заботиться не о благахъ здѣшней жизни.....»

Такъ говорилъ молодой муталимъ, который готовился уже занять гдѣ-нибудь мѣсто муллы, и говорилъ отъ всей души.

— «Хола-цихуръ» въ «худжру»! закричалъ въ дверяхъ мальчуганъ лѣтъ 12-ти. Для объясненія этихъ словъ я долженъ немного отступить.

Желая сдѣлать богоугодное дѣло, горецъ обязуется вносить въ пользу мечети извѣстное количество изъ пшеницы, добытой съ извѣстнаго поля пахатной земли **). Такимъ образомъ въ мечеть вносится ежегодно пшена отъ 200 до 300 мѣрокъ. Большая часть этого количества назначается для содержанія муталимовъ, а меньшая раздается бѣднымъ ***). Муталимская часть называется «напака». Напакою завѣдуетъ «будунъ», т. е. письмоводитель кадія; онъ есть также и единственный учитель муталимовъ.

Молодые горцы обучаются корану сначала въ частныхъ

*) Подъ этимъ подразумѣвается, кромѣ корана, нѣсколько грамматикъ и юридическихъ книгъ на арабскомъ языкѣ.

**) Въ случаѣ продажи земли, обязательство это переходитъ къ новому хозяину.

***) Кромѣ того, бѣдные въ аулѣ получаютъ 10% всѣхъ сборовъ.

школахъ за незначительную плату (по рублю съ мальчика). Когда кто-либо изъ нихъ достигнетъ того, что въ состояніи читать коранъ, то оставляетъ школу и отправляется искать «напаку» въ другіе аулы (въ своемъ родномъ аулѣ нельзя получать напаку). Съ этого времени они носятъ названіе муталимовъ. Муталимы живутъ днемъ и ночью въ мечети. Они приготовляютъ сами для себя пищу, чинятъ и моютъ свою одежду. Они получаютъ среди своихъ товарищей различныя названія, смотря по роду своихъ занятій.

Мальчики отъ 10 до 15 лѣтъ отъ роду называются «цихурами». Обязанности послѣднихъ — ходить по аулу за молокомъ, дровами, солью, говядиной и проч. *).

Муталимы старше 15 лѣтъ называются собственно-муталимами. Они ходятъ за водою, обращаютъ по мѣрѣ надобности зерновой хлѣбъ въ муку, т. е. относятъ его на своихъ плечахъ на мельницу и приносятъ назадъ. Они наблюдаютъ за чистотою и порядкомъ въ мечети и проч.

Наконецъ, самый старшій изъ муталимовъ называется «великимъ» (хола-муталимъ). Онъ начальникъ всѣхъ муталимовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и поваръ. Онъ приготовляетъ утромъ и вечеромъ «хинкалъ» для всѣхъ. Приготовляетъ онъ пищу въ «худжрѣ». Это — маленькая канурка рядомъ съ мечетью, со всѣми необходимыми принадлежностями горской кухни, т. е. съ котломъ, ложками, вилками, очагомъ и проч. Помощникъ «великаго-муталима» въ худжрѣ есть «цихуръ», который зажигаетъ огонь, ставитъ котелъ и помогаетъ ему. «Великій муталимъ» называется также великимъ-цихуромъ (хола-цихуръ).

Теперь, полагаю — понятны будутъ слова мальчика (цихура): «хола-цихуръ въ худжру».

Великій-цихуръ отправился приготовить хинкалъ, и черезъ часъ далъ знать, что готово. Муталимы отправились обѣдать, а я вернулся домой.

*) «Цихуры» прямо приходятъ въ домъ горца и просятъ чего имъ нужно, говоря: «подайте, хозяева, муталимамъ того-то». Имъ рѣдко отказываютъ.

23-го іюня.

Странное явленіе я замѣчаю среди жителей Дагестана. Каждый здѣшній аулъ имѣетъ свои особенности. Кромѣ того, жителей Дагестана можно раздѣлить на три особыя группы (сюда, впрочемъ, не входятъ кайтагцы и казикумухцы). Первая группа населяетъ равнину, т. е. прибрежья Каспійскаго моря; вторая группа населяетъ горныя долины, а третья—горныя возвышенности. Странное явленіе, замѣчаемое мною, заключается въ томъ, что женщины въ каждой изъ этихъ группъ принимаютъ не одинаковое участіе въ хозяйственныхъ работахъ.

Около самаго моря находится городъ Дербентъ. Онъ населенъ по-большей-части богатыми татарами, которыхъ почему-то горцы и русскіе обыкновенно называютъ персіянами. Въ Дербентѣ женщины не принимаютъ никакого участія, ни въ хозяйственныхъ, ни въ домашнихъ работахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ даже не занимаются шитьемъ и не показываются на улицахъ безъ покрывала.

Къ сѣверо-западу отъ Дербента находится Теркеме. Это самая плодородная часть Дагестана, съ которой жители получаютъ довольно значительные доходы. Женщины въ Теркеме—за ничтожными исключеніями—принимаютъ участіе въ домашнихъ работахъ, т. е. ходятъ за водою, доятъ коровъ, чистятъ и убираютъ комнаты, шьютъ, пекутъ хлѣбъ и проч. Но большая часть времени у нихъ пропадаетъ даромъ въ ничего-недѣланіи, между-тѣмъ мужчины работаютъ денно и ночно. Вообще въ Теркеме мужчины работаютъ—такъ-сказать—до смерти.

Далѣе, у подножья горъ, лежитъ такъ называемое «Ваца-Хари». Здѣсь мужчины работаютъ столько-же, сколько и въ Теркеме; но женщины дѣятельнѣе, чѣмъ тамъ. Онѣ иногда присутствуютъ и на поляхъ, хотя и не принимаютъ дѣятельнаго участія въ полевыхъ работахъ; все домашнее хозяйство—въ ихъ рукахъ, и онѣ никогда не посылаютъ своихъ мужей на мельницу, а сами туда ходятъ; ходятъ также на базаръ для продажи своихъ произведеній (около Шуры и Дашлагара).

За «Ваца-Хари» слѣдуютъ горныя долины. Здѣсь женщины столько-же работаютъ, сколько и мужчины. Онѣ участвуютъ во всѣхъ полевыхъ и домашнихъ работахъ, рядомъ съ мужчинами. Но если отдѣльно разсматривать здѣсь каждый аулъ, то замѣтимъ, что чѣмъ ближе онъ находится къ равнинѣ, тѣмъ дѣятельность женщины меньше,—и наоборотъ. Такъ-что у подножья высокихъ горъ дѣятельность женщины беретъ отчасти перевѣсъ надъ дѣятельностью мужчины (аулы: Микага, Ураки, Муливка, Муира).

Далѣе, на горахъ, женщины далеко больше работаютъ, чѣмъ мужчины. Сверхъ всякихъ домашнихъ работъ, женщины исполняютъ здѣсь исключительно нѣкоторыя полевыя работы. Занимаются жатвою однѣ женщины, и—странное дѣло—заниматься этою работою мужчины считаютъ для себя унизительнымъ.—Что-же это значитъ? Входятъ въ причины этого тепло и холодъ? И если нѣтъ, то чѣмъ это объяснить?

Въ Кайтагѣ, не смотря на то, что онъ не гористая страна (Нижній Кайтагъ), женщины работаютъ больше мужчинъ. На мой вопросъ, почему это такъ, одинъ кайтагецъ отвѣчалъ мнѣ, что причина этого слѣдующая. Въ прежнее время, въ Кайтагѣ трудно было найти человѣка, который или самъ не убилъ-бы человѣка, или не участвовалъ-бы въ убійствѣ *). Отъ этого онъ, изъ боязни мести, долженъ былъ скрываться у себя дома или покидать аулъ, предоставляя хозяйство женѣ. Съ теченіемъ времени женщины привыкли къ полевымъ работамъ,—и этотъ порядокъ вошелъ въ обычай страны. Не могу сказать что-нибудь ни за, ни противъ этого объясненія, такъ-какъ мало знакомъ съ Кайтагомъ.

Что-же касается до Казикумуха, то тамъ, не смотря на то, что онъ находится недалеко отъ снѣжныхъ вершинъ, мужчины и женщины одинаково дѣятельны. Но это происходитъ, какъ

---

*) Извѣстно, что и теперь въ Кайтагѣ совершаются убійства чаще, чѣмъ гдѣ-либо въ Дагестанѣ.

мнѣ кажется, отъ бѣдности и непроизводительности края. Безъ этого соединеннаго усилія мужчины и женщины тамъ трудно кормиться...

25-го іюня.

Вчера вечеромъ послѣ ужина я собирался заниматься, какъ вошелъ мальчикъ и сказалъ, что Алишихъ-Аци зоветъ меня къ себѣ. Я послѣдовалъ за мальчикомъ, причемъ захватилъ съ собою «Басни Крылова», зная, зачѣмъ меня зовутъ. Алишихъ-Аци—старикъ, болтунъ, острякъ и очень веселый человѣкъ. Поболтать съ нимъ, послушать его разсказы, остроты — было моимъ единственнымъ утѣшеніемъ во время скуки въ аулѣ. Этотъ старикъ вовсе не похожъ на другихъ. Онъ готовъ поболтать, пошутить, какъ со стариками, такъ и съ молодыми. Поэтому я употребилъ всѣ средства, чтобы снискать его расположеніе и подружиться съ нимъ. Въ этомъ много помогли мнѣ «Басни Крылова». Онъ полюбилъ эти басни, заставлялъ меня переводить ихъ, а потомъ въ «кумаѣ» разсказывалъ другимъ, причемъ выставлялъ ихъ собственными произведеніями. Мнѣ строго было приказано съ его стороны сохранять молчаніе, что я—разумѣется—въ точности исполнялъ.

Когда я пришелъ въ домъ его, то все было готово: положены были для сидѣнья подушки, горѣла свѣча, и сидѣло много гостей. Между послѣдними не было ни одного «старика».

Потолковали сначала немного о томъ-о семъ, а потомъ Алишихъ-Аци приказалъ мнѣ начать.

Я прочелъ и перевелъ басню «Лисица и виноградъ». Послѣ минутнаго молчанія онъ попросилъ меня перевести еще разъ. Я исполнилъ его просьбу.

— Это совершенно справедливо, сказалъ онъ.—Да вотъ, напримѣръ, мой Муртуза-Али (при этомъ онъ указалъ пальцемъ на одного изъ присутствовавшихъ): онъ хотѣлъ недавно купить лошадь Хамзы, и лошадь ему нравилась крѣпко. Ког-

да-же за нее запросили слишкомъ дорого, то онъ поскупился и не купилъ; теперь — для утѣшенія себя — говоритъ, что лошадь не хороша; иначе онъ купилъ-бы. Всѣ расхохотались.

Затѣмъ Алишихъ-Аци попросилъ меня перевести еще басню, гдѣ говорилось-бы опять о лисѣ. Я перевелъ басню «Ворона и Лисица». По обыкновенію, онъ попросилъ повторить и, когда я исполнилъ его просьбу, онъ сильно захохоталъ.

— «Ха! ха! ха!» продолжалъ хохотать Алишихъ-Аци — «куда не проникнутъ эти русскіе! Я думалъ, что русскіе меня называютъ Алишихомъ, а оказывается, что нѣтъ. Ха! ха! ха! Да вѣдь лисица-то — я *)! А ты, мой голубчикъ»! обратился онъ къ своему младшему сыну, «русскіе тебя величаютъ вороной (ворона — *кана* и ложь — канà), хотя ты и не умѣешь лгать **). Сколько разъ ты отказывался исполнить мою просьбу, когда я просто просилъ тебя, и сколько разъ ты исполнялъ тоже самое, когда я притворялся.... какъ ты назвалъ лисицу?»—обратился онъ ко мнѣ. Я удовлетворилъ.... «Когда я притворялся *лисица*», прибавилъ онъ, продолжая все хохотать. Онъ разсказалъ потомъ остальнымъ значеніе басни, и тѣ въ свою очередь начали хохотать. Меня удивлялъ всегда Алишихъ-Аци. Онъ безъ особыхъ затрудненій понималъ значеніе всякой басни, болѣе или менѣе приблизительно, между-тѣмъ другимъ трудно было растолковывать.

Я перевелъ еще нѣсколько басенъ и имѣлъ такой-же успѣхъ. Когда я отложилъ книгу въ сторону, Алишихъ-Аци взялся разсказать мнѣ одну мѣстную сказку про «лисицу и волка».

Волкъ, Лисица и «Куклахай» ***). Алишихъ-Аци кашлянулъ, погладилъ бороду и началъ: «Было (*ливри-ікуаръ*— что значитъ: было, говорятъ,) поле, на полѣ—дерево, въ де-

---

*) По простотѣ, Алишихъ-Аци думалъ, что одинъ онъ на свѣтѣ умѣетъ притворяться «лисой».

**) Лгать—кана-уhісъ, что значитъ высказывать вороны, т. е. небылицы.

***) *Куклахай* — воображаемая птица. Объ ней часто упоминается въ сказкахъ.

ревѣ—дупло, въ дуплѣ—гнѣздо, въ гнѣздѣ—пташки и куклахай съ ними. Они жили весело и счастливо. Пташки уже выростали, и черезъ нѣсколько дней могли покинуть гнѣздо. Куклахай отъ радости прыгаетъ и гордится передъ своими кумушками. Но за эту гордость наказалъ ее аллахъ (онъ не любитъ, когда не въ свое время радуются и гордятся).

Онъ послалъ къ куклахаю волка.

Пришелъ волкъ и завылъ ужаснымъ воемъ:

Это поле мое,
На полѣ дерево мое,
Въ деревѣ дупло мое,
Въ дуплѣ гнѣздо мое,—
Эй, куклахай, куклахай!
Сколько у тебя дѣтей?

—У меня только трое, свѣтлый мой князь волкъ! сказала куклахай, дрожа отъ страха и кланяясь въ поясъ.

Волкъ сильно разгнѣвался: «отчего у тебя нечетное число»? вскричалъ онъ. «Бросай мнѣ одного! иначе, я прикажу срубить дерево, тѣмъ-болѣе, что зима скоро будетъ».

Дѣлать было нечего, и куклахай, заливаясь слезами, бросила ему одного птенца. Волкъ проглотилъ его и ушелъ.

На слѣдующій день волкъ опять пришелъ и завылъ подъ деревомъ:

Это поле мое,
На полѣ дерево мое,
Въ деревѣ дупло мое,
Въ дуплѣ гнѣздо мое,—
Эй, куклахай, куклахай!
Сколько у тебя дѣтей?

— У меня только двое, свѣтлый князь волкъ, сказала въ испугѣ куклахай, кланяясь низко.

— «На что тебѣ двое»? сказалъ волкъ. «Тебѣ одного довольно. Отпусти ко мнѣ другого на воспитаніе». Куклахай не согласилась. Волкъ приказалъ рубить дерево. Явились дровосѣки съ острыми топорами. Куклахай, увидѣвъ ихъ, громко

зарыдала и выбросила изъ гнѣзда еще одного птенца, думая, что имѣть хоть одного все-таки лучше, чѣмъ ни одного. Волкъ проглотилъ его и ушелъ прочь.

На третій день волкъ опять явился и завылъ:

Это поле мое,
На полѣ дерево мое,
Въ деревѣ дупло мое,
Въ дуплѣ гнѣздо мое,—
Эй, куклахай, куклахай!
Сколько у тебя дѣтей?

— У меня только одинъ сынъ, свѣтлый князь волкъ, сказала куклахай, едва дыша отъ страха.

— «Зачѣмъ тебѣ безпокоиться изъ-за него; ты лучше отпусти его ко мнѣ на службу, а самъ порхай по кустамъ», сказалъ волкъ.

Куклахай отказала. Волкъ разсердился и приказалъ рубить дерево. Дровосѣки начали рубить. Но куклахай выбросила изъ гнѣзда послѣдняго птенца, думая, пусть хоть гнѣздо ей останется. Волкъ съѣлъ птенца и ушелъ.

Куклахай полетѣла далеко въ лѣсъ, сѣла на кустикъ и начала громко плакать и пѣть:

Было поле,
На полѣ дерево,
Въ деревѣ дупло,
Въ дуплѣ гнѣздо,
Въ гнѣздѣ мои малютки,
Всѣ трое красотки:
Аллахъ великій!
Чѣмъ возбудила я твой гнѣвъ?

Откуда ни возьмись, явилась лисица.

— «О чемъ ты плачешь, куклахаюшка»? спросила она. А куклахай запѣла:

Было поле,
На полѣ дерево,
Въ деревѣ дупло,
Въ дуплѣ гнѣздо,
Въ гнѣздѣ мои малютки,

Всѣ трое красотки;—
Волкъ лютый пришелъ
И всѣхъ троихъ увелъ.
Вотъ, о чемъ я плачу!
Вотъ, о чемъ я горюю!

— «Не плачь, душечка, куклахаюшка»! сказала лиса—«а лучше пойдемъ со мною: мы отомстимъ злому волку».

Они пошли вмѣстѣ по дорогѣ. Вдругъ на встрѣчу имъ волкъ. Куклахай спряталась, а лисица пошла къ нему прямо.

— «Здравствуй, куманекъ»! сказала она.

— Здравстуй, кумушка! Куда ты идешь?

— «Я проголодалась очень, иду на мельницу поживиться мукою, тѣмъ-болѣе, что хозяйка ушла въ аулъ за огнемъ, и на мельницѣ не оставила никого. Пойдемъ вмѣстѣ, куманекъ, если хочешь»!

— Хорошо, сказалъ волкъ, и они пошли вмѣстѣ.

Когда пришли къ мельницѣ, лисица предложила волку поживиться, а сама обѣщалась караулить. Волкъ вошелъ въ мельницу и черезъ полчаса *) возвратился. Затѣмъ вошла лисица; но она тотчасъ-же возвратилась.

— Что-же ты, кумушка? Зачѣмъ такъ скоро возвратилась?

— «Я не довѣряю тебѣ, куманекъ! Ты пожалуй убѣжишь, а не будешь караулить».

— Да нѣтъ-же, кумушка, совсѣмъ нѣтъ! и не думалъ даже объ этомъ.

— «Я все-таки не могу вѣрить. Мнѣ моя жизнь дорога, какъ и тебѣ твоя. Я войду, если только ты позволишь себя привязать. Иначе, не согласна».

— Ну, хорошо! Если ты это находишь нужнымъ, то я согласенъ.

Лиса привязала его хвостомъ къ колесу, а сама, вмѣсто того чтобы войти въ мельницу, обошла ее и спустила воду.

*) Короткое время у насъ не измѣряютъ минутами, а берутъ единицею измѣренія время, въ которое можно позавтракать, т. е. около получаса. Напримѣръ, 2 часа=4 завтракамъ.

Колесо начало сильно кружиться, а съ нимъ и волкъ. Несчастнаго бросало то туда, то сюда; то въ воду его, то на воздухъ, то объ камень, то объ стѣну. Прибѣжали на крикъ жители и начали его колотить дубинами. Несчастный куманекъ рвался, рвался; вырвался-таки послѣ долгихъ усилій и насилу убѣжалъ, но только безъ хвоста.

— Постой-же, кумушка, думаетъ онъ, я доберусь до тебя.

Пока волкъ не убѣжалъ въ лѣсъ, лисица и куклахай наблюдали за нимъ и смѣялись. Потомъ лисица послала куклахая въ аулъ и приказала ей разсказывать всѣмъ, какъ волкъ похитилъ у нея дѣтей.

Черезъ нѣсколько дней волкъ и лисица встрѣтились.

— А, это ты, негодница! Попалась? Что ты со мной сдѣлала? вскричалъ волкъ.

— «Что ты, что ты, куманекъ? Что я тебѣ сдѣлала? Я тебя въ первый разъ вижу».

— Развѣ ты не та лисица, которая пригласила меня на мельницу и потомъ такъ жестоко обманула меня? Видишь, я черезъ тебя лишился хвоста!

— «Да проститъ тебѣ аллахъ за эту несправедливость ко мнѣ съ твоей стороны! Я докторъ, и занимаюсь только лѣченіемъ ранъ. Кромѣ пользы, я никому не приношу ничего».

— Да правду-ли ты говоришь?

— «Прощай, куманекъ, видно не сдобровать мнѣ съ тобою. Ты еще не вѣришь мнѣ».

— Хорошо! если ты докторъ, то вылѣчи меня. Видишь, какая у меня рана!

— «Я согласна. Только повинуйся мнѣ».

Волкъ обѣщался повиноваться во всемъ, и лиса повела его къ стогу сѣна.

— «Спрячься здѣсь и ни за что не вылѣзай,—иначе все будетъ напрасно».

Волкъ влѣзъ въ стогъ, а лисица зажгла его. Когда пламя добралось до волка, то онъ силился, силился выдержать

жаръ, думая, что это необходимо для его излѣченія; но когда сгорѣла на немъ вся шерсть и пламя начало жарить мясо, онъ не вытерпѣлъ—вырвался наружу. Когда увидѣлъ, что лисицы тутъ нѣтъ, онъ догадался, что онъ еще разъ былъ обманутъ. Тѣмъ временемъ лисица отправилась къ «раяту» (раяты, подданные) волка и начала увѣщевать ихъ низложить волка, такъ-какъ онъ теперь безъ хвоста и безъ шерсти. При этомъ она старалась выставить впередъ свой пушистый хвостъ и старательно гладила свою мягкую шерсть. «Раятъ» объявилъ волка низложеннымъ и провозгласилъ княземъ лисицу. Только куры были противъ такого провозглашенія.

Когда депутація пришла къ волку и объявила ему о происшедшемъ, то онъ отъ горя тутъ-же издохъ.

Прошла зима и наступила весна; «куклахай» опять снесла яйцы и вывела дѣтей. Она сѣла на верхушкѣ дерева и запѣла:

Мои малютки,
Мои красотки!
Вотъ поглядите:
Выростаютъ крылышки,
Выростаютъ перышки,—
И вы полетите,
Чтобы погулять
По бѣлому свѣту
И пѣть-распѣвать
Съ разсвѣта до ночи.
Не придти теперь волку,
Не придти злодѣю,
Чтобы лишить мать
Милыхъ дѣтушекъ.

Не успѣла «куклахай» окончить свою пѣсню, какъ появилась лисица въ княжеской одеждѣ, съ дровосѣками, и приказала рубить дерево.

— «Подождите, подождите»! закричала «куклахай» дровосѣкамъ и, обратившись къ лисицѣ, сказала: «не приказывай, кумушка, рубить, — вѣдь здѣсь живу я съ дѣтушками; вѣдь мы съ тобою друзья?

— «Я тебя не знаю и знать не хочу», отвѣчала лисица и приказала рубить. Дерево срубили; лисица достала изъ гнѣзда птенцовъ и съѣла. «Куклахай» плакала цѣлые три дня и три ночи, а потомъ поклялась не нести болѣе никогда яицъ и не выводить птенцовъ».—Тамъ всѣхъ ихъ оставляю, а самъ прихожу, заключилъ Алишихъ-Аци.—Вотъ почему теперь «куклахаевъ» вовсе не видно нигдѣ, прибавилъ онъ. Сказка эта мнѣ очень понравилась, и я былъ въ восторгѣ. Алишихъ-Аци спросилъ меня, что подразумѣвается подъ волкомъ, лисицею и куклахаемъ. Отчасти желая доставить ему торжество, отчасти интересуясь послушать его собственныя объясненія,—я сказалъ: не знаю. Затѣмъ онъ объяснилъ все и тонъ его высказывалъ самодовольство. Объясненія его на счетъ значенія этой басни были совершенно вѣрны, и я не считаю нужнымъ приводить ихъ, потому-что они слишкомъ ясны и безъ того для всякаго...

26—27-го іюня,

У меня въ шкатулкѣ лежало нѣсколько фотографическихъ карточекъ, и я никому не показывалъ ихъ, боясь возбудить различные толки среди жителей. Двѣ недѣли тому назадъ, онѣ у меня вдругъ изчезли. Думая, что ихъ вытащили мальчуганы, я призвалъ братишку и его пріятелей и потребовалъ назадъ. Но легко можно было заключить, что они даже и не видѣли ихъ ни разу. Я сталъ распрашивать домашнихъ; но ничего не добился. Карточки такъ и изчезли. Я замѣтилъ только одно: когда я объ этомъ сообщилъ матери, она спросила, нужны-ли онѣ мнѣ очень? Я отвѣчалъ, что очень нужны. При этомъ я былъ сильно удивленъ: когда я сказалъ, что онѣ мнѣ очень нужны, мать измѣнилась въ лицѣ. Я, однако, объяснилъ это тѣмъ, что она изъ любви ко мнѣ раздѣляетъ мою печаль о потерѣ, думая, что она очень важна...

Сегодня все объяснилось. Оказывается, что ихъ взяла мать.

Горцы думаютъ до-сихъ-поръ, что русскіе поклоняются

идоламъ. Подъ этими идолами они подразумѣваютъ образа. Поэтому, многіе горцы всякую картину считаютъ идоломъ русскихъ *).

Разсматривая мои вещи, какъ я сегодня узналъ, мать моя увидѣла фотографическія карточки и сильно испугалась. Она подумала, что не покланяюсь-ли я имъ и не обожаю-ли ихъ (она была отчасти права, потому-что тамъ были портреты нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ я дѣйствительно обожаю). Въ этомъ сомнительномъ положеніи она сочла нужнымъ упрятать подальше и держать ихъ, пока не пріѣдетъ отецъ, чтобы посовѣтоваться и рѣшить, что съ ними дѣлать. Мое безпокойство относительно ихъ оправдывало ея предположенія, и она—оказывается—сильно страдала. Наконецъ, пріѣзжаетъ отецъ (онъ ѣздилъ въ Шуру по своимъ дѣламъ), и мать спѣшитъ сообщить ему о важномъ открытіи. Когда она показала карточки, отецъ — разумѣется—засмѣялся, увѣрилъ ее, что это пустяки, и возвратилъ ихъ мнѣ. Мать говоритъ мнѣ теперь, что она нѣсколько разъ собиралась бросить ихъ въ огонь; но побоялась, чтобы при этомъ не произошло какого-нибудь ужаснаго происшествія.

29-го іюня.

Горцы, кажется, готовы добровольно помириться со всѣми нововведеніями въ ихъ гражданскомъ быту, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы имъ были дарованы три права: первое—это право носить оружіе; второе—носить національный костюмъ и третье—не идти въ солдаты, т. е. чтобы ихъ не подвергали военной повинности. На счетъ второго они почти не безпокоятся; но первое и въ особенности послѣднее составляютъ предметы ихъ заботъ и опасеній. Горецъ чрезвычайно привязанъ къ своему оружію. Онъ считаетъ его какъ-бы существеннымъ членомъ своего тѣла.

Съ другой стороны, до такой-же степени онъ питаетъ не-

*) Въ числѣ важнѣйшихъ идоловъ русскихъ, по ихъ мнѣнію, находится крестъ.

расположеніе къ солдатской службѣ. Въ его глазахъ передъ этой службой самый адъ ничто, не смотря на то, что «мухаммеданскій адъ» далеко страшнѣе, чѣмъ Дантовскій.

Всякій, кто видѣлся со мной, спѣшилъ первымъ долгомъ спросить меня: не слышалъ-ли я какихъ-нибудь толковъ въ Россіи на счетъ отнятія оружія и рекрутскаго набора, и каждый или сильно радовался, или приходилъ въ глубокое уныніе, смотря по характеру моего отвѣта.

Всякому также извѣстно, что горецъ сильно привязанъ къ родинѣ, подразумѣвая подъ этою родиной его родной аулъ, съ его жителями. Скажу болѣе: я не могу вообразить народъ, который былъ-бы такъ привязанъ къ своей родинѣ, какъ дагестанскіе горцы (я не говорю здѣсь о сознательномъ патріотизмѣ, а безсознательной привязанности). Ничто изъ моихъ словъ не удивляло ихъ такъ, какъ мои увѣренія въ томъ, что я впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ своего пребыванія въ Россіи не чувствовалъ особенно-сильной тоски по родинѣ. — Помилуй! говорили они. Да какъ-же это можно! Когда намъ случается отлучиться куда-нибудь изъ аула, то мы не можемъ провести спокойно и одной ночи, не говоря о недѣлѣ или мѣсяцѣ. Какъ-же ты можешь не чувствовать тоски впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ? Если-бы даже ты (избави, аллахъ!) сдѣлался «русскимъ» *) (а теперь пока еще—хвала аллаху!—нѣтъ), то и тогда, какъ намъ кажется, ты долженъ былъ-бы скучать по мѣсту, гдѣ ты родился. Нѣтъ, нѣтъ! это невозможно! Этому не повѣримъ! Такъ говорили не одни отцы семействъ. Не смотря на эту рѣдкую привязанность къ своей родинѣ, горцы массами переселяются въ Турцію. Причина этого обстоятельства—вышеупомянутая боязнь относительно отнятія оружія и рекрутскаго набора. Поэтому, я увѣренъ вполнѣ, что горцы, по-крайней-мѣрѣ дагестанскіе, до послѣдняго переселятся въ Турцію, если узнаютъ, что у нихъ отнимутъ оружіе и среди нихъ будутъ набирать рекрутъ. Если-же кто-нибудь захочетъ возразить мнѣ, выставляя причиною переселенія горцевъ ихъ религіозный фанатизмъ,

*) Те..христіаниномъ.

то въ такомъ случаѣ я долженъ обратить его вниманіе на то, кто именно переселяется въ Турцію — закоренѣлые фанатики, каковы муллы и кадіи, или-же обыкновенные жители, которые не прочь заниматься промыслами, запрещаемыми кораномъ, каковы, напримѣръ, воровство, грабежъ и убійство! И за что теперь сами турки не любятъ горцевъ-переселенцевъ?

Я приведу здѣсь одинъ эпизодъ изъ послѣдней войны, изъ котораго ясно можно видѣть, до чего доходитъ привязанность горца къ оружію *). Дѣло происходило за годъ или два до взятія Шамиля въ плѣнъ.

Одинъ изъ мирныхъ ауловъ взбунтовался, и для наказанія его присланъ былъ отрядъ, числомъ около 1500 человѣкъ. Отрядомъ командовалъ полковникъ. Не желая войти въ самый аулъ, который находился на крутизнѣ, полковникъ **) приказалъ всѣмъ жителямъ выйти на извѣстное мѣсто, находящееся недалеко отъ аула, и изъявить свою покорность. Жители, дѣйствительно, явились туда и изъявили покорность. Полковнику не понравилось то, что они пришли въ полномъ военномъ вооруженіи, т. е. каждый, сверхъ кинжала и пистолета, имѣлъ еще ружье. Онъ потребовалъ выдать оружіе и, конечно, не ожидалъ сопротивленія, такъ-какъ горцевъ было немного. Затронутые за живое, горцы отказались повиноваться. Полковникъ сначала приказалъ построиться солдатамъ въ боевой порядокъ, а потомъ сказалъ рѣчь, въ которой убѣждалъ горцевъ быть покорными, говоря, что Россія самая могущественная держава, что противъ нее бороться не въ состояніи ни одно государство, не то что горсть горцевъ, значитъ, сопротивляться было-бы безумiемъ,—словомъ, говорилъ вѣрно. Въ заключеніе онъ опять потребовалъ выдать оружіе и прибавилъ, что въ случаѣ отказа онъ употребитъ силу.

*) Эпизодъ этотъ мнѣ разсказывалъ одинъ старикъ, который самъ былъ свидѣтелемъ его.

**) Впрочемъ, трудно судить, полковникъ-ли командовалъ отрядомъ или кто-другой, такъ-какъ это мнѣ разсказывалъ горецъ, а горцы плохо различаютъ чины по эполетамъ.

Горцы взволновались, и одинъ изъ нихъ, выступивъ впередъ, сказалъ:

«Мы знаемъ, что Россія сильна, мы знаемъ, что намъ опасно съ ней бороться, мы знаемъ даже, что всѣ будемъ легко покорены ею въ случаѣ возмущенія, мы знаемъ, что и Шамиль не уйдетъ отъ вашихъ рукъ, — мы все это знаемъ; но оружія все-таки не можемъ выдать». Видя-же, что солдаты приготовляются къ сраженію, онъ прибавилъ: «то есть, мы оружіе выдадимъ, если будете заставлять; но не иначе выдадимъ, какъ вотъ такимъ образомъ». При этомъ онъ прицѣлился изъ пистолета и выстрѣлилъ въ близь-стоявшаго офицера, и потомъ, пистолетъ, уже холостой, бросилъ къ ногамъ полковника. Это послужило сигналомъ къ кровопролитію...

Я былъ сегодня свидѣтелемъ трогательной сцены. Сегодня нѣсколько семействъ покинули аулъ и отправились въ Турцію.

Около насъ жило одно семейство, состоящее изъ мужа (Бухандъ-Али), жены и троихъ сыновей. Оно жило довольно счастливо и было обезпечено въ матеріальномъ отношеніи, хотя у него не было поземельной собственности. Бухандъ-Али занимался производствомъ сѣделъ, деревянныхъ подносовъ, повозокъ, ящиковъ и т. п. Два старшихъ сына доставали себѣ заработокъ, а мать ихъ также не оставалась сложа руки. Словомъ, они имѣли свой уголокъ и свой кусокъ хлѣба.

По моемъ пріѣздѣ въ аулъ, Бухандъ-Али пришелъ ко мнѣ и спросилъ между-прочимъ, правда-ли, что въ Россіи установляется всеобщая военная повинность. Я сказалъ ему, что правда, но поспѣшилъ прибавить, что это, по-крайней-мѣрѣ въ настоящее время, не относится къ горцамъ.

— «Въ самомъ дѣлѣ»? спросилъ онъ. «Мнѣ говорили въ Шурѣ, что это относится и къ горцамъ»... Лицо его нѣсколько просіяло, но тотчасъ-же опять нахмурилось. «Впрочемъ,

это все равно», прибавилъ онъ, «не сегодня, такъ завтра».... Оказывается, что онъ услышалъ о всеобщей военной повинности и, опасаясь за своихъ дѣтей, рѣшился ѣхать въ Турцію. Сегодня наступилъ день его отъѣзда.

Для жителей аула этотъ день былъ праздникомъ (отложены были всѣ работы); но не праздникомъ радости и веселья, а печали. Съ самаго утра всякій спѣшилъ сдѣлать семейству Бухандъ-Али «прощальные визиты» и никто не приходилъ съ пустыми руками. Женщины приносили продовольствіе на дорогу, мужчины давали деньги.

На это участіе жителей все семейство (исключая самого Али) отвѣчало громкимъ рыданіемъ и потоками слезъ, потому-что не въ состояніи было выговорить слова. Но самъ Бухандъ-Али старался быть хладнокровнымъ. Наступилъ полдень, и семейство Али выступило въ дорогу. Всѣ жители отъ мала до велика провожали его нѣсколько верстъ, оглушая воздухъ громкимъ плачемъ. Плакали женщины, плакали дѣти, плакали мужчины.—«Братья, сестры и дѣти!» говорилъ Али, обратившись къ народу, «благодареніе и покровительство Бога (желаю) вамъ, за ваше участіе во мнѣ. Я знаю причину вашего рыданія: да, меня не ждутъ тамъ богатство и радость; если-бы и ждали, то и тогда я не былъ-бы счастливъ. Да и можно-ли быть счастливымъ, когда человѣкъ покинулъ свой родной аулъ, своихъ соотечественниковъ (жители аула), своихъ друзей и родственниковъ, когда не имѣетъ возможности посѣщать могилы своихъ отцовъ въ пятницу и въ день великаго-байрама и посѣщать «кумай» въ свободное время, когда не видишь ни одного родного лица и не слышишь родного слова. Я знаю это; но все-таки считаю нужнымъ ѣхать. Прощайте, братья, сестры и дѣти! Да сохранитъ васъ аллахъ счастливыми! да не лишитъ онъ васъ своего покровительства!»... Рыданія помѣшали ему продолжать. Отвѣтъ жителей былъ единодушенъ; онъ не выражался словами, но заключалъ въ себѣ многое... «Не просите меня писать къ вамъ оттуда», продолжалъ онъ: «я не бу-

ду писать... Не совѣтую вамъ слѣдовать моему примѣру, не совѣтую также оставаться здѣсь. Пусть каждый поступаетъ такъ, какъ ему нравится»... На границѣ владѣній аула произошло настоящее и еще болѣе трогательное прощаніе. Каждый, громко рыдая, обнималъ отъѣзжавшихъ. Они уѣхали. Пройдетъ еще много дней, пока-то аулъ приметъ свою обыкновенную физіономію.

7-го іюля.

Опять возникли поземельные споры съ однимъ изъ сосѣднихъ ауловъ. Недѣли двѣ тому назадъ Б—скіе пастухи пригнали на постбища нашего аула стада барановъ и козъ. Узнавши объ этомъ, нѣкоторые изъ жителей нашего аула прибѣжали на мѣсто пасьбы, поколотили пастуховъ, отняли у нихъ оружіе и зарѣзали двухъ козъ *). Б—скіе жители подали жалобу начальству.

Такъ-какъ вышеупомянутое мѣсто было спорное между Б—цами и жителями нашего аула и объ этомъ было подаваемо и прежде много жалобъ, то, для прекращенія спора, начальство той и другой стороны (Б—цы принадлежатъ къ одному округу, а нашъ аулъ къ другому) командировали на мѣсто наибовъ разслѣдовать дѣло и донести.

Вчера пріѣхалъ въ аулъ нашъ наибъ, а сегодня онъ собирался ѣхать на спорное мѣсто. Такъ-какъ я имѣлъ случай познакомиться съ нимъ, то, въ качествѣ его знакомаго, тоже отправился туда.

Память о прошедшемъ еще свѣжа, и потому почти всѣ жители, вооружась съ ногъ до головы, сопровождали наиба. Въ прежнее время, если возникалъ поземельный споръ между двумя аулами, то сильнѣйшій изъ нихъ или просто, безъ вся-

*) Обычай этотъ существуетъ издавна. Если-бы вмѣсто барановъ здѣсь было стадо рогатаго скота, то зарѣзали-бы корову.

кихъ переговоровъ, нападалъ на другой, грабилъ его (разорялъ даже) и иногда заставлялъ его замолчать; но иногда сильнѣйшій соглашался и на переговоры, въ знакъ своей особой милости. Переговоры происходили всегда на границѣ, и туда сходились не уполномоченные, а всѣ жители того и другого аула. Почти всегда во время переговоровъ происходила ссора, и битва бывала почти неизбѣжна.

Не того-ли ждали и сегодня жители нашего аула, сопровождая наиба вооруженною толпою?

Наибу не понравилась громадная свита. Онъ готовъ былъ допустить конныхъ; но когда увидѣлъ, что идутъ пѣшіе, то приказалъ возвратиться всѣмъ, кромѣ необходимыхъ, т. е. юзбаши, кадія, судей, мангуша и уполномоченныхъ («вакиловъ»). Сначала никто не обратилъ вниманія на это приказаніе, но потомъ, когда наибъ началъ кричать на нихъ, они остановились, дали ему немного уѣхать впередъ, а затѣмъ опять послѣдовали за нимъ, впрочемъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него. Это повторялось нѣсколько разъ.

Наибъ былъ новичекъ въ своей должности, и потому, не ожидая особыхъ неудобствъ отъ этой многочисленной свиты, наконецъ согласился допустить ее.

Черезъ два часа мы доѣхали (мы ѣхали очень тихо и съ остановками) до того мѣста, которое Б—цы считали настоящею границею. Здѣсь мы нашли и Б—цевъ съ ихъ наибомъ; наибъ нашъ остановился тоже здѣсь. Но жители нашего аула были возмущены этимъ. Они начали громко кричать, что это не граница, что слѣдуетъ вести переговоры на настоящей границѣ. Но гдѣ была эта настоящая граница, еще не было рѣшено, и потому наибъ не обратилъ на нихъ вниманія. Это обстоятельство произвело на нихъ дурное впечатлѣніе.

Б—цы какъ разъ въ этотъ день пригнали сюда и свои стада, чего не смѣли дѣлать прежде. Жители нашего аула хотѣли напасть при наибахъ на стада и зарѣзать корову и двухъ

козъ—по обычаю, и мнѣ стоило много труда удержать ихъ отъ этого.

Наибы, надѣясь на мирное соглашеніе (маслаатъ) обѣихъ сторонъ безъ ихъ вмѣшательства, приказали уполномоченнымъ сойтись и переговорить. Но переговоры ни къ чему не привели. Вмѣсто того, чтобы рѣшать споръ спокойно, вѣжливо — уполномоченные начали ругаться, угрожать другъ-другу и т. п.

— «Вы наши холопы и бѣглецы», говорилъ одинъ изъ уполномоченныхъ нашего аула, «которыхъ мы допустили поселиться на нашей границѣ единственно изъ милости, защищали васъ въ оное время отъ чужихъ нападеній своимъ оружіемъ и дали вамъ въ пользованье нашъ лѣсъ, наши пастбища, — вы теперь осмѣливаетесь съ помощью «русскихъ» говорить намъ въ лицо такъ безсовѣстно, что у васъ были земля и пастбища? Постойте: *когда придетъ тотъ день, въ который наша земля будетъ оставлена русскими* *), мы зададимъ вамъ. Посмотримъ, будете-ли и тогда такъ гордо поднимать голову, какъ теперь поднимаете! — Тогда ужъ конечно мы не будемъ *обувать собакъ»* **), прибавилъ онъ. Уполномоченные другой стороны отвѣчали въ этомъ-же смыслѣ. Словомъ, въ концѣ концовъ, получилось то, что переговоры еще болѣе усложнили дѣло и сдѣлали соглашеніе (маслаатъ) невозможнымъ.

Узнавъ объ этомъ, Б—скій наибъ вышелъ изъ себя и, по своей горячей натурѣ, началъ кричать и ругать уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ. Жители нашего аула приняли его слова на однихъ себя и оскорбились. Произошло сильное замѣшательство.

Горцы были увѣрены въ томъ, что наибы будутъ защищать свою сторону словомъ и дѣломъ, какъ предводители обѣ-

*) Это выраженіе такъ часто употребляется горцами, что оно обратилось въ обыкновенное, какъ-бы не заключающее въ себѣ ничего особеннаго. У насъ многіе вѣрятъ въ то, что русскіе когда-нибудь покинутъ Дагестанъ.

**) «Обувать собакъ»—значитъ—оказывать покровительство, услуги кому-нибудь и не получать отъ него благодарности. Если обуть собаку, то она стрыетъ обувь.

ихъ сторонъ. Имъ въ голову не приходило, что они будутъ относиться къ спору безпристрастно—справедливо. Они не могли вообразить, что оба наиба—представители одной и той-же власти, однихъ и тѣхъ-же интересовъ. Они думали, что каждый изъ нихъ будетъ тянуть въ свою сторону, хотя этого и не требовала справедливость, и что каждой сторонѣ придется помогать своему наибу. Молчаніе нашего наиба они приняли за трусость его передъ Б—скимъ наибомъ, и потому, предлагая свои услуги, старались его ободрить.

«Мы не позволимъ тебя обижать», кричали наши ему, «мы съумѣемъ тебя защитить. Ты не бойся! Ты не позволяй кричать Б—скому наибу»...

Словомъ, дѣло чуть не дошло до кроваваго столкновенія. По-крайней-мѣрѣ наши были готовы броситься на противниковъ и на ихъ наиба и были увѣрены въ томъ, что и нашъ наибъ одобритъ ихъ дѣйствіе, станетъ во главѣ ихъ. Но, къ счастію, этого не случилось.

Пошелъ сильный дождь. Наибы и верховые поспѣшили въ ближайшее *махи* *), гдѣ было все готово къ ихъ принятію, а пѣшіе воротились домой. Такимъ образомъ сама природа постаралась отвратить печальное происшествіе.

Пріѣхавши въ махи, мы остановились у одного достаточнаго горца. До нашего прихода, какъ я упомянулъ выше, все было приготовлено, т. е. убрано было нѣсколько комнатъ (своя и ближайшихъ сосѣдей), зарѣзаны и сварены бараны, куплено ведро водки и проч. Мы прибыли въ махи около 10 часовъ утра и остались тамъ до 2 часовъ. Во все это время наибы разузнавали дѣло, призывая въ свою комнату, то уполномоченныхъ, то свидѣтелей, то кадіевъ, у которыхъ хранятся обыкновенно всѣ документы. Между-тѣмъ всѣ остальные пили и веселились въ другихъ комнатахъ.

Пріѣздъ окружного начальника, наиба и прочихъ началь-

*) Махи—хуторъ, выселокъ.

ствующихъ лицъ въ аулъ составляетъ настоящій праздникъ для юзбаши, кадія, судей, машгуша и нѣкоторыхъ членовъ джамаата. Извѣстно, что гостепріимство сильно развито среди горцевъ *). Всякій горецъ считаетъ за честь принять къ себѣ пріѣзжаго и угостить его, а тѣмъ болѣе высокопоставленное лицо. Когда наибъ или кто-нибудь другой изъ начальниковъ извѣщаетъ юзбаши, что онъ ѣдетъ, то послѣдній приказываетъ одному изъ достаточныхъ горцевъ, чтобы онъ приготовилъ домъ. Горецъ приготовляетъ все, что нужно, не только для угощенія начальника и его нукеровъ, но и для угощенія юзбаши, кадія, судей и проч., во все продолженіе пребыванія начальника въ аулѣ. Это ему стоитъ не дешево. Онъ, конечно, все это дѣлаетъ не безъ надежды получить что-нибудь отъ начальника; но рѣдко ему что-нибудь достается, кромѣ пустой благодарности.

Такъ случилось и сегодня. Бѣдный Димъ-Багандъ (нашъ кунакъ въ махи) сдѣлалъ для наибовъ все, что могъ, что позволяли сдѣлать средства, думая по простотѣ, что каждый наибъ постарается похвастать передъ своимъ сотоварищемъ своей щедростью (шавагатомъ). Но онъ ошибся: наибы уѣхали, не давъ ему ровно ничего. Димъ-Багандъ прослезился.

Но иногда не то случается. Бывали случаи, что при полученіи извѣстія о пріѣздѣ начальника, юзбаши и кадій разсылаютъ по всѣмъ ауламъ приказы (часто отъ лица начальника, безъ его позволенія), чтобы они доставили туда-то столько-то провизіи,—и въ подобномъ случаѣ провизіи привозится столько, что больше половины ея остается на долю хозяина дома, гдѣ останавливался начальникъ. Но, какъ видно, теперь проходятъ эти блаженныя для хозяевъ времена...

---

*) Всякій пріѣзжій въ аулъ найдетъ гостепріимство. Кто хоть разъ былъ прежде въ аулѣ, у того навѣрное есть кунакъ; кто-же пріѣхалъ въ первый разъ, тотъ легко можетъ найти его: для этого онъ или войдетъ въ любой домъ, съ вопросомъ: «не угодно-ли кунака»?, или-же обратится къ машгушу, который непремѣнно найдетъ для него кунака.

Мы выѣхали изъ махи въ половинѣ третьяго. Мы объѣздили все спорное мѣсто, выслушали много показаній и при наступленіи вечера успѣли возвратиться въ аулъ. Сегодня ничего не было рѣшено. Нужно на это употребить завтрашній день.

Странное дѣло! Наибамъ нужно было составить понятіе о характерѣ спора, увидѣть спорное мѣсто и потомъ донести объ этомъ высшему начальству. Это простое дѣло не было окончено впродолженіи цѣлаго іюльскаго дня! Вообще горцы часто жалуются на начальство за то, что оно тянетъ слишкомъ долго самое простое дѣло. Но отчего-же это происходитъ? Это зависитъ почти всегда отъ переводчиковъ. Кто-же такіе переводчики? Переводчиками въ горахъ служатъ знающіе по-русски, а по-русски знаютъ говорить только возвратившіеся изъ «Сибири», т. е. изъ Россіи, арестанты и имъ подобные бродяги. Горецъ высказываетъ передъ начальникомъ свою жалобу на своемъ родномъ языкѣ, а переводчикъ переводитъ его слова. При этомъ онъ можетъ вставить въ слова горца различныя варіаціи и даже совсѣмъ измѣнить текстъ. Это онъ дѣлаетъ смотря по надобности. На чью сторону станетъ переводчикъ, та нерѣдко и беретъ верхъ. Переводчикъ, конечно, не дѣлаетъ этого даромъ.

Иногда одно и тоже дѣло разбирается и кончается такъ или иначе. Напримѣръ, два горца приходятъ съ жалобою, и переводчикъ, надѣясь поживиться, склоняется на сторону одного изъ нихъ. Дѣло оканчивается такъ, какъ хотѣлъ переводчикъ. Но тотъ, за кого онъ хлопоталъ, не далъ ему ничего. Тогда онъ говоритъ другому, чтобы онъ черезъ недѣлю опять пришелъ съ жалобой. Тотъ и приходитъ. При этомъ переводчикъ постарается скрыть, что это-же самое дѣло разбиралось прежде. Для этого онъ совершенно измѣняетъ сущность дѣла. Споръ рѣшается, конечно, въ пользу послѣдняго горца, т. е. переводчикъ опять беретъ верхъ. Тогда приходитъ съ жалобою первый горецъ, въ пользу котораго рѣшили прежде, и жалует-

ся, прибавляя, что столько-то дней тому назадъ дѣло было уже рѣшено. Но переводчикъ передаетъ не то, и жалобщика прогоняютъ.

Что-же касается дѣла, которое разсматривалось сегодня, то для него вовсе не нужно двухъ дней. Я еще до 12 часовъ составилъ себѣ ясное о немъ понятіе.

Лѣтъ 150 назадъ, аула Б—и не существовало вовсе. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ аулъ, прежде сходились границы трехъ сосѣднихъ ауловъ: нашего, М—ки и У—съ. Нашъ аулъ и М—ки прежде принадлежали къ свободнымъ общинамъ, а У—съ былъ бекскій аулъ. Преступники, изгнанные изъ свободныхъ общинъ, не желая слишкомъ удаляться отъ своей родины, выпросили позволеніе у бека поселиться здѣсь, обѣщая ему извѣстную дань. Сначала имъ было достаточно земли, данной имъ бекомъ; но потомъ, съ возрастаніемъ поселенцевъ, возрасли и потребности въ землѣ. Тогда они начали хлопотать передъ жителями нашего аула и М—ки объ уступкѣ имъ частей земли въ пользованіе и добились, чего желали. Наши говорятъ, что они уступили Б—цамъ землю только для пользованія травою, а Б—цы говорятъ, что ихъ аулъ старѣе нашего и отвергаютъ уступку земли, утверждая, что она издавна принадлежала имъ. Но нашлись свидѣтели, которые доказали, что аула Б—и прежде не существовало.

9-го іюля.

Сегодня наибъ выслушивалъ другого рода жалобы нашего джамаата, — именно о порчѣ посѣвовъ жителями сосѣднихъ ауловъ, которые ходятъ въ лѣсъ за дровами. Но собственно жалобы были направлены не на порчу хлѣба, а на неправильное—по ихъ мнѣнію—рѣшеніе спора на счетъ лѣса между ними и сосѣдними аулами.

Владѣнія ауловъ, лежащихъ къ западу отъ нашего, лишены вовсе лѣса. Въ прежнее время жители этихъ ауловъ упот-

ребляли вмѣсто топлива «кизякъ» (высушенный навозъ) и въ незначительномъ количествѣ привозили дрова изъ нашихъ лѣсовъ. Наши, когда не было недостатка въ дровахъ и когда, слѣдовательно, не умѣли вовсе цѣнить ихъ важность, не обращали вниманія на то, что въ ихъ лѣсъ ходятъ за дровами иноаульцы. Но съ-тѣхъ-поръ, какъ водворились въ горахъ русскіе и основано было въ сосѣдствѣ одно урочище, Д. дѣвственные лѣса въ нѣсколько лѣтъ истребились и началъ чувствоваться недостатокъ въ топливѣ и въ строительномъ матерьялѣ *). Тогда жители начали вести по-своему лѣсное хозяйство и запретили «чужимъ» рубить дрова въ ихъ лѣсу. Послѣдніе обратились съ жалобой къ начальству, говоря, что ихъ дѣды и прадѣды ходили въ—скій лѣсъ за дровами и что—слѣдовательно—и они имѣютъ право ходить. Но окружной начальникъ отвергъ ихъ жалобу, причемъ высказалъ слѣдующія слова:

«Прежде, сказалъ онъ, не знали употреблять на что-нибудь годное разорванныя тряпки и ихъ выбрасывали. Нищіе приходили и брали ихъ для себя. Теперь тряпки не бросаются, а продаются на фабрики писчей бумаги. Правы-ли будутъ тѣ нищіе, которые придутъ съ жалобой на хозяевъ тряпокъ за то, что они не выбрасываютъ ихъ»?—Нѣтъ, отвѣчали жалобщики.—«Вѣдь отцы и дѣды нищихъ пользовались тряпками»? прибавилъ начальникъ.—Все-таки не правы, отвѣчали жалобщики. — «Слѣдовательно, и вы не правы», заключилъ начальникъ.

При новомъ начальникѣ аулы опять подняли споръ о лѣсѣ и выиграли дѣло, т. е. имъ позволено было пользоваться нашимъ лѣсомъ. Не смѣя прямо протестовать противъ этого рѣшенія, жители нашего аула пустились по окольнымъ путямъ, чтобы доказать неправильность рѣшенія (по ихъ мнѣнію).

Во-первыхъ, они говорятъ, что приходятъ въ лѣсъ въ слишкомъ большомъ числѣ, и поэтому, при встрѣчахъ прихо-

*) По этому поводу горцы говорятъ, что «съ водвореніемъ русскихъ» исчезъ «варакатъ», что значитъ: урожай, обиліе.

дящей и уходящей аробъ, одной изъ нихъ приходится проходить, по узкости дороги, по посѣву, чтобы не столкнуться. При этомъ они не забываютъ упомянуть о томъ, что если-бы прежде ходили иноаульцы въ лѣсъ по этой дорогѣ въ большомъ числѣ или постоянно, то она была-бы—безъ сомнѣнія—шире *). Во-вторыхъ, жалуются, что вся трава на поляхъ поѣдается быками иноаульцевъ. Далѣе, говорятъ, что если земля ихъ, то и лѣсъ, который растетъ на этой землѣ, принадлежитъ имъ (т. е. теперь только приступаютъ къ настоящей жалобѣ), поясняя, что если баранъ принадлежитъ кому-нибудь, то ему-же будетъ принадлежать и шерсть на немъ..

Затѣмъ послѣдовали частныя жалобы. Жалобъ вообще было слишкомъ много, потому и половина ихъ не была выслушана. Изъ выслушанныхъ только слѣдующія обратили мое вниманіе. Во-первыхъ, пришли два горца просить наиба освободить ихъ отъ подати (рубль съ дыма). Одинъ изъ нихъ былъ молодой человѣкъ, одѣтый въ какую-то старую шубу, съ лицомъ и тѣломъ, которыя дышали силою и здоровьемъ. Меня удивила старая шуба и жалкій внѣшній видъ горца: я всегда видѣлъ его щегольски одѣтымъ. Онъ говорилъ, что не въ состояніи платить подати, такъ-какъ у него нѣтъ ни дома, ни земли и никакого имущества. Это дѣйстительно была правда; но вѣрно и то, что онъ живетъ лучше другого богатаго. Откуда и какимъ образомъ?—Воровствомъ. Жалоба его была выслушана и наибъ обѣщался представить ее окружному начальнику.

Другой былъ старикъ, одѣтый очень плохо, съ блѣднымъ сухощавымъ лицомъ. Онъ сказалъ, что у него есть поземельная собственность, но она столь незначительна, что не можетъ прокормить его и впродолженіи шести мѣсяцевъ. Онъ сказалъ, что въ прошломъ году былъ неурожай и у него не было вовсе хлѣба, къ тому-же у него околѣлъ быкъ... Это вступленіе не понравилось наибу и жалобщика вывели. При этомъ

*) Въ горахъ нерѣдко трудно и почти невозможно измѣнить направленіе и размѣры дороги.

юзбаши отъ удовольствія погладилъ свою красную бороду. Отчаяніе жалобщика тронуло меня, и я, отозвавши его въ сторону, началъ спрашивать въ чемъ дѣло. Онъ сказалъ, что у него околѣлъ быкъ и поэтому онъ не могъ въ нынѣшнемъ году засѣять поле. Потомъ онъ сказалъ, что онъ продалъ мясо околѣвшаго быка (дохлятину въ горахъ ѣдятъ всѣ безъ исключенія), и выручилъ нѣсколько рублей. Рубль отдалъ въ прошедшемъ году при собираніи «почтовыхъ сборовъ» (такъ называется въ горахъ подымная подать), другой рубль поручилъ Шаавану, съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ ему при новомъ собираніи подати *). Но теперь Шааванъ говоритъ, что и не видалъ его рубля. Поэтому онъ, жалобщикъ, не въ состояніи найти податнаго рубля (!) и желаетъ, чтобы его хотя на этотъ разъ освободили отъ подати.

Затѣмъ вошелъ одинъ старикъ, держа за руку семилѣтнюю дѣвочку. Онъ сказалъ, обратившись къ наибу, что его дочь (которую онъ держалъ за руку) и ея шестилѣтняя подружка во время игры подрались, при чемъ его дочь толкнула подружку. Та ударилась объ камень и получила на лбу маленькую рану, которая черезъ пять дней закрылась. Эту шалость дѣвочки юзбаши, кадій и судьи отнесли къ второй категоріи преступленій **) и взяли штрафъ (25 рублей). Онъ просилъ теперь, чтобы наибъ приказалъ сельскому начальству возвратить несправедливо взысканный съ него штрафъ. — «Да будетъ цѣла твоя голова!» заключилъ жалобчикъ. Призвали другую дѣвочку. На лбу ея нашли едва замѣтный слѣдъ раны.

Послѣ этого наибъ выслушалъ жалобу одного горца на сельское начальство, за то что послѣднее несправедливо рѣшило его дѣло съ джамаатомъ одного квартала въ аулѣ. Дѣло это состояло въ слѣдующемъ:

---

*) Подобные случаи, т. е. отдача денегъ, назначенныхъ на подати, въ чужія руки для сохраненія, очень часты въ аулѣ. Это потому, что количество денегъ очень мало въ горахъ, и въ руки бѣдняка трудно попасть рублю.

**) Первая категорія—убійство, вторая—нанесеніе раны, третья—воровство и угроза оружіемъ и проч.

Весною текущаго года горецъ началъ перестраивать свой домъ. Между-прочимъ, онъ хотѣлъ прибавить къ нему одинъ этажъ. Но «квартальный джамаатъ» (въ отличіе отъ аульнаго джамаата) не позволилъ ему сдѣлать это. «Домъ Султанъ-Махмуда (такъ зовутъ хозяина дома) находится на той улицѣ, по которой зимою гоняютъ рогатый скотъ на водопой къ рѣчкѣ», отвѣчалъ одинъ изъ судей на вопросъ наиба, на чемъ основано рѣшеніе суда въ пользу джамаата. «Если построить домъ въ два этажа, то онъ закроетъ собою часть улицы отъ солнечныхъ лучей. Поэтому, вода тающаго снѣга, которая протекаетъ по улицѣ, будетъ замерзать на этомъ мѣстѣ. Слѣдовательно, изъ этого выходитъ, что скотинѣ трудно будетъ миновать его, не подвергаясь опасности упасть и даже убиться. Вотъ почему», прибавилъ судья *), обращаясь къ наибу, «мы рѣшили дѣло въ пользу квартальнаго джамаата».

— Да вѣдь мѣсто, на которомъ строится домъ, составляетъ собственность Султанъ-Махмуда, возразилъ наибъ; онъ можетъ строить на этой землѣ, что ему угодно, какъ на своей полной собственности.

— «Наибъ! твоя голова да будетъ здорова»! возразилъ въ свою очередь судья: «у васъ въ Россіи—можетъ быть—существуетъ такой «законъ». Но по нашимъ адатамъ не всегда и не всякій можетъ пользоваться своею собственностью такъ, какъ ему угодно. Спора нѣтъ, когда это пользованіе не приноситъ вреда другому. Напримѣръ, у насъ обыкновенно послѣ сбора хлѣба выжигаютъ поля, чтобы истребить остатокъ соломы. Положимъ, одинъ уже очистилъ свое поле отъ посѣвовъ, между-тѣмъ какъ другіе еще нѣтъ. Такъ, неужели онъ имѣетъ право зажечь свое поле, которое находится среди чужихъ и отъ котораго пламя можетъ распространиться на чужія поля и такимъ образомъ истребить ихъ добро?». Жалоба Султанъ-Махмуда была отвергнута *)...

*) Между членами сельскаго суда, кромѣ кадія, всѣ безграмотны. Грамотнаго никогда не выбираютъ на должность судьи.

**) 13-го іюля. Султанъ-Махмудъ пригласилъ юзбаши, кадія, судей и

Послѣ обѣда въ 2 часа наибъ покинулъ нашъ аулъ, произведши собою самое дурное впечатлѣніе на жителей аула. Наибъ нашъ простой, мягкій, добродушный, слабый и тучный человѣкъ. Одѣвается очень просто: на немъ солдатскій полушубокъ. Горцу не можетъ нравиться ни одно изъ этихъ качествъ. Горецъ прежде всего любитъ хорошій внѣшній видъ, т. е. статность, правильность чертъ и живость въ манерахъ. Потомъ, онъ любитъ въ начальникѣ безграничную справедливость, непоколебимую твердость въ своемъ рѣшеніи и простое (но никакъ не нѣжное) обращеніе. Ни одной изъ этихъ чертъ, исключая развѣ справедливости, не было у наиба.

— Странны, однако, эти русскіе—говорили молодые горцы между-собою: разъ назначаютъ такого наиба, каковъ былъ прежній наибъ, котораго слѣдовало скорѣе сдѣлать генераломъ (янаралъ), чѣмъ наибомъ. А въ другой разъ назначаютъ вотъ этакого (т. е. настоящаго). Скажите, ради аллаха (аллахъ-ваханали), на что онъ похожъ? и т. д...

Конечно, они ошибались, потому-что наибъ своимъ умомъ и отличнымъ характеромъ достоинъ всякаго уваженія. Но существуетъ такая среда, въ глазахъ которой эти главныя качества человѣка теряютъ свою силу отъ недостатка другихъ, мелочныхъ, внѣшнихъ чертъ. Необразованные люди (каковы горцы) прежде всего судятъ о предметѣ по его внѣшнему виду и гдѣ этотъ внѣшній видъ не по ихъ вкусу, тамъ они не ждутъ найти что-нибудь хорошее.

15-го іюля.

Наконецъ, наступило время жатвы! Я, обыкновенно, послѣ утренней молитвы ложился спать и не вставалъ до 10 часовъ; но теперь по-неволѣ долженъ отказаться отъ этой привычки,

---

мангуша къ себѣ на ужинъ и угостилъ ихъ. При этомъ онъ выпросилъ позволеніе построить домъ. Ему позволили построить, съ условіемъ, чтобы онъ всегда очищалъ отъ льда часть улицы, прилегающую къ его дому.

потому-что шумъ, гамъ, стукотня не даютъ покою. Рано утромъ, крики рабочихъ, которые ищутъ нанимателя, оглушаютъ аулъ. Они кричатъ: «аршихана игулъ» (т. е. кому угодно (нанять) жнеца)? Кромѣ того, не меньше шуму производятъ нанимателя ихъ, уходящіе въ поля; сюда нужно присоединить лай собакъ на рабочихъ *), крикъ выгоняемаго скота и проч. Немного погодя доносятся до слуха отдаленные звуки пѣсенъ жнецовъ и жницъ **); а смотрѣть на нихъ и слушать ихъ пѣсни такъ пріятно, что совсѣмъ позабудешь о снѣ. Только сегодня приступили къ работѣ, и рабочіе еще свѣжи, бодры; губы у нихъ еще не растрескались, горло не высохло, члены свободны; поэтому, и пѣсни обильны и болѣе звучны.

Я подхожу къ окну. Передо мною разстилается холмистое пространство, покрытое хлѣбами, на блѣдно-желтомъ цвѣтѣ которыхъ копошатся снѣжно-бѣлыя фигуры рабочихъ. Вездѣ кипитъ работа, вездѣ льются пѣсни. Вотъ, почти передъ нашимъ домомъ, работаютъ около 10 человѣкъ, мужчины и женщины. Трое изъ послѣднихъ поютъ громко. Пѣсни не мѣшаютъ имъ нисколько работать; напротивъ, онѣ еще усерднѣе работаютъ при пѣснѣ, дѣлая каждый взмахъ рукою какъ разъ подъ тактъ, и мужчины, поддерживающіе пѣсню мысленно, дѣйствуютъ тоже подъ тактъ. Отъ этого шумъ дѣйствующихъ серповъ представляется чудными звуками какого-то волшебнаго инструмента. Порою, глядя на нихъ, мнѣ кажется, что передо мной работаютъ не люди, а какая-то чудная машина, потому-что трудно предположить въ движеніяхъ людей такую правильность. Никто не отстаетъ, никто не устаетъ. Всѣ дѣйствуютъ вполнѣ машинально-правильно.

Около восьми часовъ пѣсни замолкли; рабочіе покинули

*) Рабочіе, которые предлагаютъ свои услуги по утрамъ, бываютъ иноаульцы. А мѣстные рабочіе находятъ себѣ работу еще до наступленія времени жатвы.

**) Хотя нашъ домъ находится на главной площади, но тѣмъ не менѣе онъ есть крайній, т. е. съ другой стороны къ нему прилегаютъ поля, такъ-что изъ окна можно видѣть большую часть полей.

работу, собрали въ кучу снопы и сѣли завтракать подъ тѣнью собранной кучи. Черезъ часъ работа опять закипѣла и пѣсни зазвучали, и это продолжалось до 12 часовъ. Только передъ обѣдомъ пѣсни и работа ослабѣли отъ дѣйствія жара. Вмѣсто веселыхъ пѣсенъ послѣдовали протяжныя, унылыя. Въ звукахъ ихъ можно было слышать какъ-бы жалобу и ожиданіе чего-то. Вотъ, наконецъ, раздался крикъ муллы, возвѣщавшаго правовѣрнымъ наступленіе молитвеннаго времени. Работы остановились, пѣсни совсѣмъ утихли и рабочіе побѣжали къ рѣчкѣ совершать омовеніе...

Омовеніе и пища освѣжили рабочихъ и возвратили имъ силы. Поэтому, работа и пѣсни опять закипѣли и зазвучали послѣ обѣда и продолжались до вечера. Еще до захожденія солнца всѣ домохозяйки возвратились домой, чтобы приготовить ужинъ, подоить коровъ, пойти за водою и исполнить другія домашнія работы. Съ наступленіемъ-же сумерекъ, и рабочіе возвратились при крикахъ радости домой, гдѣ ихъ ожидалъ горячій «хинкалъ» въ домѣ нанимателя. Послѣ «хинкала», мѣстные рабочіе расходятся по своимъ домамъ, а ино-аульные остаются ночевать у того, кто ихъ нанималъ на дневную работу.

Рабочая плата у насъ самая ничтожная. Она равняется 15—30 копѣекъ на хозяйскомъ кормѣ, который обходится не дороже 10 копѣекъ. Иногда работникъ нанимается на цѣлый годъ. Онъ берется управлять всѣмъ хозяйствомъ, работая болѣе 14 часовъ въ сутки, и за это онъ получаетъ только ***восемь рублей въ годъ*** (отъ 5 руб. до 12 р.) при хозяйскихъ харчахъ и одеждѣ; даже считаются счастливцами тѣ, кто хоть на этихъ условіяхъ найдетъ себѣ работу.

У насъ, въ горахъ, «русскими» недовольны больше всѣхъ молодые люди и работники. Они недовольны потому, что съ покореніемъ Дагестана матеріальное положеніе ихъ ухудшилось. Большая часть отцовъ вовсе не одѣваетъ своихъ взрослыхъ сыновей. Послѣдніе должны сами доставать себѣ средства на по-

купку одежды и оружія. Добывать это прежде было легко, такъ-какъ обильными источниками доходовъ служили *грабительство, разбои и воровство*, на которые молодежь была направляема съ дѣтства своими родителями. Но теперь для подобной дѣятельности поле почти совсѣмъ закрыто (только воровство еще довольно въ силѣ). Понятно отсюда, почему молодые люди весьма недовольны настоящими порядками. Тоже самое съ работниками. Послѣдніе, во время лѣтнихъ работъ прежде нанимались за бо̀льшую, чѣмъ теперь, рабочую плату, потому-что работа не была единственною статьей ихъ дохода, и если они недовольны бывали этою платою, то покидали работу и 'присоединялись къ молодымъ, отправлявшимся куда-нибудь на «промыселъ». Хотя теперешняя молодежь не была свидѣтелями этихъ временъ, однако она знаетъ и мечтаетъ объ нихъ, желаетъ возвращенія ихъ, и они служатъ ей почти постоянною темою разговоровъ.

Число свободныхъ рукъ въ нашемъ краѣ очень значительно. Почва у насъ камениста, а между-тѣмъ на одну кв. милю приходится 2,600 душъ, по оффиціальнымъ даннымъ. Я увѣренъ, однако, что дѣйствительное число жителей нашего округа больше противъ оффиціальныхъ показаній по-крайней-мѣрѣ на $^1/_4$ *).

18-го іюля.

У отца довольно значительные посѣвы; но въ домѣ нѣтъ рабочихъ рукъ. Отецъ и мать слишкомъ стары для работъ, а я съ братомъ изнѣжены и неопытны, — не можемъ не только работать сами, но даже наблюдать за рабочими на поляхъ. Поэтому отецъ рѣшился собрать хлѣбъ посредствомъ «вука». Вука устраивается слѣдующимъ образомъ: приготовляютъ «бузу» (напитокъ), покупаютъ водки, рѣжутъ нѣсколько барановъ

*) Въ нашемъ аулѣ число дымовъ на $^1/_3$ больше противъ оффиціальнаго числа.

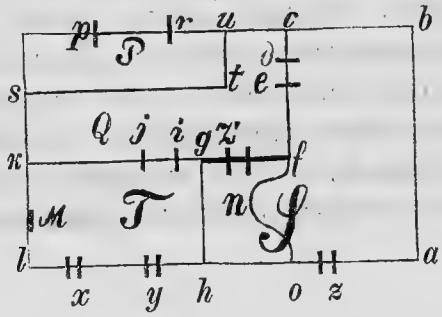
и потомъ даютъ знать, что завтра будетъ «вука», и желающій можетъ участвовать. Молодые люди, нерѣдко и дѣвушки, приходятъ наканунѣ вечеромъ къ хозяину и изъявляютъ желаніе участвовать въ «вукѣ». Хозяинъ принимаетъ услуги столькихъ лицъ, сколько ему надобно. Утромъ, въ день «вуки», приглашенные собираются къ дому хозяина и, по его указанію, отправляются на поля. При крикѣ и шумѣ, они (иногда числомъ 100 человѣкъ) работаютъ до 12 часовъ, затѣмъ возвращаются въ домъ хозяина, и здѣсь начинается пиръ (той), при звукахъ зурны и стукѣ барабана. Пиръ продолжается до вечера, а вечеромъ всѣ расходятся по домамъ. Кромѣ угощенія, хозяинъ не даетъ имъ ничего. Это и есть «вука», что значитъ — гуртомъ, разомъ.

Рабочіе съ большимъ удовольствіемъ соглашаются участвовать въ «вукѣ», потому-что это для нихъ ничто иное, какъ отдохновеніе послѣ тяжелыхъ работъ. Кромѣ того, горецъ готовъ всѣмъ пожертвовать, лишь-бы стать участникомъ пира (тоя), а что такое этотъ «той», я уже говорилъ выше. Обычай этотъ очень развитъ среди горцевъ. Устраивающій «вуку» бываетъ не въ убыткѣ, но и не въ барышѣ, потому-что у него на пиръ идетъ столько-же, сколько пошло-бы на наемъ рабочихъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Дома (стр. 9—10).

Дома у нашихъ горцевъ строятся исключительно каменные и по большей части въ два этажа. Но отдѣленій, или комнатъ, обыкновенно въ каждомъ этажѣ бываетъ не больше двухъ, рѣдко трехъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщаются скотина и хозяйственныя принадлежности, а въ верхнемъ жилыя комнаты и рѣдко кладовая для домашней рухляди. Планъ послѣднихъ слѣдующій:



Линіи *ab*, *al*, *lk*, *bc* преставляютъ каменныя стѣны, какъ для верхняго, такъ и для нижняго этажей. Линіи cf, fk представляютъ стѣны, въ нижнемъ этажѣ каменныя, а въ верхнемъ деревянныя, обмазанныя глиною. Плоскость S представляетъ собою обыкновенную комнату, а плоскость $\mathcal{T}$ представляетъ комнату, допускаемую богачами, если такъ можно выразиться, какъ роскошь. Плоскость Q есть крытый корридоръ въ верхнемъ этажѣ, а P и Q (въ нижнемъ этажѣ) — дворъ съ воротами (pr).

У большей части горцевъ существуетъ только одна комната (плоскость S), которая служитъ для горца всѣмъ, съ

гостинной до кухни. Особаго обычнаго порядка въ ней почти не существуетъ. Каждый располагаетъ въ ней домашнія принадлежности по своему вкусу. Но чаще встрѣчается слѣдующій порядокъ. Вдоль стѣны *bc* располагается большой деревянный сундукъ мѣстной конструкціи, назначаемый для зернового хлѣба, а вдоль ah до окошка z таковой-же сундукъ для муки, надъ которымъ стоитъ приборъ для мѣсива. Около нихъ навалены въ кучи небольшіе мѣшки, тоже съ зернами или мукою. На первомъ сундукѣ лежитъ въ безпорядкѣ всякая-всячина. А вдоль стѣны *ab* прибита посрединѣ полка, съ которой спускается занавѣска—коверъ. На полкѣ въ порядкѣ лежатъ убранныя тюфяки, подушки и одѣяла. За занавѣскою—необходимая домашняя посуда. Часть плоскости S, ограниченная *f*, *g*, *h*, *o*, *n*, служитъ кухнею и «домашнимъ очагомъ». Полъ этой части возвышается надъ поломъ остальной комнаты на одну треть аршина; въ *n* горитъ огонь; прямо наверху труба; вокругъ огня сидитъ все семейство. Полъ устланъ грубыми коврами, которые приготовляются каждымъ семействомъ для себя. Комната, которую представляетъ плоскость $\mathcal{T}$, съ настоящимъ каминомъ м, довольно хорошо убрана коврами, и исключительно назначена для гостей и для хозяина дома. Но подобныхъ комнатъ на 1200 семействъ аула приходится не болѣе 40 или 50-ти.

II. Землетрясеніе (стр. 23).

Горцы объясняютъ землетрясеніе такъ: говорятъ, что въ центрѣ земли находятся высочайшія горы «Капъ», отдѣляющія страну Яа́джуджъ-Маа́джуджевъ или Хатай (Китай) отъ остальнаго міра (Гималайскія горы?). Отъ нихъ распространяются во всѣ стороны семь другихъ горъ, которыя наполняютъ весь міръ. На вершинѣ Капа сидитъ ангелъ и держитъ въ рукахъ семь цѣпей, которыхъ концы привязаны къ семи упомянутымъ горамъ. Когда люди въ какой-нибудь странѣ забываютъ о могуществѣ Бога, когда они поступаютъ не такъ, какъ Онъ имъ указалъ въ коранѣ, тогда Богъ приказываетъ ангелу потрясти эту стра-

ну земли, чтобы напомнить заблудшимся о Его величіи. Прибавляютъ, что есть еще другая цѣпь, которая привязана къ «Капу». Если Богъ будетъ недоволенъ цѣлымъ міромъ, то Онъ прикажетъ ангелу потрясти самый «Капъ» и тогда разрушится міръ и настанетъ страшный судъ.

III. «*Вахбатала*» (*стр. 25*).

Въ числѣ читальщиковъ «джуз'а» участвуютъ и «мутаалимы», т. е. молодые люди, обучающіеся въ главной мечети. Число ихъ не бываетъ больше 15-ти. Они всѣ бываютъ уроженцы другихъ ауловъ. Они тоже получаютъ «вахбаталу», которую они, при возвращеніи домой, дарятъ своимъ невѣстамъ (у насъ дѣтей обручаютъ въ малолѣтствѣ); если таковой онъ не имѣетъ, то молодымъ родственницамъ. Такъ-какъ я тоже считаюсь «муталимомъ» (хотя съ эпитетомъ «русскій»), то принужденъ былъ, возвращаясь изъ гимназіи, запастись ленточками и разными кусками дорогихъ матерій.

IV. «*Чархара*» (*стр. 29*).

«Чархара» или чархъ-ара (*чархъ*—тѣло; *ара* или *аралъ*—здоровый, или *арадишъ*—здоровье) значитъ собственно «на здоровье». Такъ называется «чишлыкъ» (шашлыкъ), подносимый торжественно высокому гостю. Но въ послѣднее время молодые горцы называютъ «чархарою» не всякій шашлыкъ: при подобныхъ пиршествахъ (той), опьяненный молодой горецъ врывается въ сосѣдніе дворы и дома, не щадитъ попавшійся ему кусокъ мяса, куръ и даже барашковъ (онъ предпочитаетъ впрочемъ пѣтуха). Добычу онъ самъ сжаритъ, и торжественно, при крикахъ ура!, подноситъ или шаху, или его сановнику. Это и называютъ въ послѣднее время «чархарою». Шахъ, съ своей стороны, даетъ на этого рода грабительство свое согласіе, и сами хозяева не особенно этимъ безпокоятся. Только, если зарѣзанъ баранъ, то заставляютъ виновнаго заплатить за него.

М. Амировъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

VII ВЫПУСКУ

СБОРНИКА

СВѢДѢНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

Въ приложеніи къ VI выпуску «Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ» помѣщена статья: «Статистическія свѣдѣнія о Мангышлакѣ», причемъ, въ предисловіи къ ней, объяснены причины, побудившія Редакцію «Сборника» дать мѣсто этой статьѣ на страницахъ изданія, имѣющаго свое спеціальное назначеніе. Не повторяя здѣсь изложенія этихъ причинъ, ограничимся замѣчаніемъ, что онѣ-же обусловливаютъ помѣщеніе въ настоящемъ выпускѣ «Сборника» нижеслѣдующихъ приложеній, заключающихъ въ себѣ нѣкоторыя преданія и пѣсни обитателей Мангышлака. Возможностью обнародовать эти сказанія мы обязаны г. А. К., посѣтившему Мангышлакъ зимою 1870—1871 г., лично записавшему и переведшему ихъ почти буквально, при пособіи и совѣтѣ знающихъ переводчиковъ.

Ред.

Содержаніе.

1) Преданія Адаевцевъ о святыхъ, секты Ханафіе, жившихъ и умершихъ на Мангышлакѣ.

2) Воззваніе Мухаммедъ-Сафы къ Адаевцамъ въ 1870 г.

3) Разсказъ и стихи тюркменскаго пѣвца Нури (съ острова Челекеня), 1870 г.

4) О многочисленности и могуществѣ Уруса.

5) Киргизская пѣсни.

ПРЕДАНІЯ АДАЕВЦЕВЪ О СВЯТЫХЪ, СЕКТЫ ХАНАФІЕ, ЖИВШИХЪ И УМЕРШИХЪ НА МАНГЫШЛАКѢ.

По всему Мангышлаку разсѣяны во множествѣ могилы святыхъ, почитаемыхъ киргизами и тюркменами. На каждой могилѣ святого воткнуты длинные шесты, къ которымъ приходящіе на поклоненіе привязываютъ куски тряпокъ и т. п., въ видѣ жертвы. Охотники считаютъ обязанностью головы убитыхъ ими архаровъ (каменныхъ барановъ) класть на могилы святыхъ, туда-же кладутся и головы верблюдовъ и лошадей, хорошо и долго служившихъ ихъ хозяевамъ. Надъ нѣкоторыми могилами выстроены прочныя зданія изъ тесанаго камня, съ куполами и съ надписями изъ корана; при нѣкоторыхъ есть небольшія мечети, куда въ опредѣленное время собираются на молитву всѣ кочующіе поблизости. Присяга, принятая на могилѣ святого, указаннаго истцомъ, считается совершеннымъ доказательствомъ невинности отвѣтчика; но на нее рѣшаются немногіе. Присягающій долженъ взяться обѣими руками за шестъ, стоящій на могилѣ, и сказать: „не видалъ, не слыхалъ, не пилъ, не ѣлъ; если говорю неправду, да убьетъ меня Богъ, да убьетъ этотъ святой".

Преданій о чудесахъ, произведенныхъ святыми при жизни и послѣ смерти, очень много. Предлагаемый разсказъ записанъ со словъ Кафара Караджигитова, Бикъ-Булата Есекенова и муллы Ходжа-Берды.

Пророкъ Мухаммедъ, незадолго передъ смертью, подозвалъ къ себѣ нѣкоего Баба-Арслана, положилъ ему въ ротъ одно зерно нухуда (горохъ) и сказалъ: „черезъ триста семьдесятъ три года, отдай этотъ нухудъ Ходжа *) Ахмеду; а до того времени не вынимай его изо рта".

*) Ходжами называются потомки Мухаммеда, отъ дочерей его.

— „Какъ-же я могу это сдѣлать и почемъ узнаю Ходжа-Ахмеда“? спросилъ Баба-Арсланъ.

— „Ты проживешь сказанное мною число лѣтъ, а Ходжа-Ахмеда узнаешь по тому, что когда народъ въ Тюркестанѣ станетъ собираться въ мечеть, то онъ войдетъ въ нее первымъ, а выйдетъ послѣднимъ“, отвѣчалъ пророкъ Мухаммедъ.

Баба-Арсланъ жилъ еще триста семьдесятъ три года, по указанію пророка узналъ Ходжа-Ахмеда и передалъ ему нухудъ. Ходжа-Ахмедъ, получивъ нухудъ, тотчасъ-же его проглотилъ и уже съ того времени до самой смерти ничего не ѣлъ и ничего не пилъ. Онъ сдѣлался великимъ святымъ, ходилъ всегда съ палкою (эса) въ рукахъ, за что и прозванъ Эсави (или, по выговору киргизъ, Эсауй). У него было 3363 мюрида, по разсказамъ другихъ—14000. Послѣ смерти Ходжа-Ахмеда мюриды его разошлись въ разныя стороны, 363 изъ нихъ пришли на Мангышлакъ, гдѣ и умерли; всѣ они считаются святыми, хотя имена ихъ неизвѣстны; но могилы ихъ почитаются.

Главныхъ святыхъ два: Гакимъ-Ата, бывшій мюридомъ Ходжа-Ахмеда Эсауй, и сынъ его Султанъ-Эпе (Гюбби).

Однажды Ходжа-Ахмедъ Эсауй сидѣлъ въ мечети; по окончаніи молитвы онъ взглянулъ на выходившихъ изъ нея учениковъ и увидѣлъ, что одинъ изъ нихъ, держа коранъ на головѣ, выходитъ спиною къ дверямъ. Ходжа-Ахмедъ подозвалъ его и спросилъ: „зачѣмъ несешь коранъ на головѣ“?—„Считаю неприличнымъ носить его за плечами, потому-что въ немъ заключаются Божія повелѣнія; также считаю неприличнымъ обращаться спиною къ учителю, у котораго я изучилъ коранъ и обряды религіи“, отвѣчалъ мальчикъ. Такой отвѣтъ понравился Ходжа-Ахмеду; онъ взялъ этого мальчика къ себѣ на воспитаніе, училъ его, сдѣлалъ своимъ мюридомъ и приказалъ называться Гакимъ-Ата.

Когда Гакимъ-Ата, послѣ многолѣтняго ученія, достигъ совершенства въ познаніи тариката, Ходжа-Ахмедъ послалъ его въ Хиву и при отправленіи сказалъ: „Тебѣ предопредѣлено жить въ той странѣ. Многихъ ученіе твое сдѣлаетъ совершенными мюридами; тамъ-же ты женишься и будешь имѣть дѣтей“.

Выслушавъ все это со вниманіемъ, Гакимъ-Ата отправился въ путь верхомъ на верблюдѣ; черезъ нѣсколько дней онъ пріѣхалъ къ Хивинскому морю (Аральское море). На берегу моря, на концѣ одного пастбища, верблюдъ Гакимъ-Аты остановил-

ся, легъ на землю и, не смотря на понужденія, не хотѣлъ встать, а только ревѣлъ, отъ чего это мѣсто названо впослѣдствіи, да и донынѣ называется, *Багиргань*, что значитъ: ревъ или крикъ.

Пастбище это принадлежало хану Бура-хану; на немъ паслись его табуны; пастухи, увидя Гакимъ-Ату, подошли къ нему и сказали: „что ты за человѣкъ, что безъ позволенія нашего хана остановился на его землѣ? это дерзость съ твоей стороны".

— „Я пришлецъ, хочу пріютиться здѣсь", отвѣчалъ имъ Гакимъ-Ата.

— „Не позволимъ! потому-что это ханская земля", закричали пастухи и, схвативъ свои палки, хотѣли бить Гакимъ-Ату; но онъ, обратясь къ росшимъ вблизи деревьямъ, сказалъ: „удержите ихъ"! Въ тоже мгновеніе вѣтви деревъ вытянулись и захватили трехъ пастуховъ; остальные въ большомъ страхѣ бѣжали и, прибѣжавъ къ Бура-хану, разсказали ему о случившемся.

Бура-ханъ сказалъ своему визирю Абдулла-Седру, что человѣкъ, о которомъ говорятъ пастухи, долженъ быть необыкновенный, и приказалъ ему ѣхать и подробно обо всемъ узнать. Визирь пріѣхалъ къ Гакимъ-Атѣ и послѣ обычнаго привѣтствія вѣжливо спросилъ: кто онъ и откуда? Гакимъ-Ата отвѣтилъ: „имя мое Гакимъ-Ата, отецъ мой Гакимъ-Сулейманъ, наставникъ мой Ходжа-Ахмедъ Эсауй".

— „Зачѣмъ эти пастухи задержаны деревьями"? спросилъ Абдулла-Седръ.

— „Такова бываетъ участь тѣхъ, которые неугодны Богу", отвѣчалъ Гакимъ-Ата.

Визирь возвратился и разсказалъ хану о всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Выслушавъ его, ханъ сказалъ: „Гакимъ-Ата, эвліяуллахъ (великій святой), пришелъ въ наши предѣлы,—надо идти къ нему за благословеніемъ, съ приличными приношеніями, и признать его *пиромъ*" (тоже что муршидъ, наставникъ).

Затѣмъ ханъ собралъ совѣтъ, на которомъ было рѣшено представить въ подарокъ Гакимъ-Атѣ: красивую дочь Бура-хана, сто верблюдовъ, сто лошадей, сто штукъ рогатаго скота и сто барановъ, съ вожаками, конюхами, пастухами и рабами. Когда все это было доставлено къ Гакимъ-Атѣ, онъ благосклонно принялъ подарки и приказалъ деревьямъ отпустить задержанныхъ ими пастуховъ.

Вслѣдъ затѣмъ и самъ Бура-ханъ, съ визирями, беками и почетными людьми, явился къ Гакимъ-Атѣ и поступилъ къ нему

въ мюриды. Вскорѣ слава о святости Гакимъ-Аты распространилась по всему міру; число посѣтителей, желавшихъ его видѣть и слышать его поученія, день-ото-дня увеличивалось. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ остановился его верблюдъ, была построена крѣпость и скоро около нея выстроился большой городъ, названный Багирганъ.

Жена Гакимъ-Аты Анбарь родила отъ него трехъ сыновей: 1) Мухаммедъ-Ходжа, 2) Аскеръ-Ходжа и 3) Гюббн, называемаго киргизами Султанъ-Эпе. Первые двое учились въ школѣ, находившейся въ разстояніи 15-ти дневнаго пути отъ Багиргана; а послѣдній, родившійся въ отца, воспитывался дома. У Гакимъ-Аты въ домѣ жилъ еще одинъ ученикъ, по имени Шейхъ-Саэтъ, достигшій полнаго совершенства въ познаніи тариката. Однажды Гакимъ-Ата и жена его Анбарь бесѣдовали въ открытомъ полѣ, вдали отъ города; у нихъ зашла рѣчь о томъ, который изъ воспитанниковъ Гакимъ-Аты болѣе усовершенствовался въ познаніяхъ, сынъ-ли ихъ Султанъ-Эпе или Шейхъ-Саэтъ. Чтобы рѣшить споръ, Гакимъ-Ата громко назвалъ обоихъ по именамъ; послышался отвѣтъ: „что прикажете“? и вслѣдъ затѣмъ явился Шейхъ-Саэтъ, а Султанъ-Эпе не явился даже по второму и третьему зову, а пришелъ лишь спустя нѣсколько часовъ и принесъ двухъ оленей.

— „Нескоро пришелъ“, сказалъ сердито Гакимъ-Ата, и не захотѣлъ принять отъ него оленей.

— „На большомъ морѣ (Каспійское море) два судна разбились; бывшіе на нихъ люди кричали: о Султанъ-Эпе, помоги *)! Я, явившись туда, спасъ ихъ и въ туже минуту слышалъ твой зовъ; но какъ разстояніе велико, то я и опоздалъ“, сказалъ Султанъ-Эпе.

— „Не вѣрю“! сказалъ Гакимъ-Ата, „я хорошо знаю, какое разстояніе отсюда до большого моря“.

— „Если не вѣрите, вгляните на мое мокрое платье и слѣды веревки, которою я вытаскивалъ лодки, на моей спинѣ“.

Гакимъ-Ата посмотрѣлъ на спину своего сына и увидѣлъ на ней полосу, образовавшуюся отъ тренія веревкой.

— „Спасенные мною люди обѣщали принести въ даръ, че-

*) Киргизы вѣрятъ, что если погибающіе на водѣ обратятся съ молитвой къ Султанъ-Эпе, то будутъ спасены непремѣнно.

резъ пять мѣсяцевъ, десять тысячъ теньга *),—и принесутъ", сказалъ Султанъ-Эпе.

Гакимъ-Ата на это ничего не отвѣтилъ. Ровно черезъ пять мѣсяцевъ спасенные принесли десять тысячъ теньга. Скоро это происшествіе сдѣлалось повсемѣстно извѣстнымъ, и всѣ стали почитать Султана-Эпе за человѣка, одареннаго отъ Бога способностью совершать чудеса.

Гакимъ-Ата совѣтуемую утреннюю молитву совершалъ въ городской мечети, а обязательную въ Меккѣ, при каабѣ. Однажды Султанъ-Эпе спросилъ Гакимъ-Ату: „отецъ, гдѣ ты совершаешь обязательную утреннюю молитву"?

— „Летаю къ каабѣ и тамъ молюсь", отвѣчалъ Гакимъ-Ата.

— „Это для тебя безпокойно, не можешь-ли сдѣлать такъ, чтобы кааба явилась сюда"? сказалъ Султанъ-Эпе.

— „Нѣтъ, этого сдѣлать я не въ силахъ; а если ты можешь, то сдѣлай. Посмотримъ", сказалъ Гакимъ-Ата.

Въ слѣдующее утро Гакимъ-Ата, войдя въ мечеть, увидѣлъ каабу и множество людей, молившихся при ней, и самъ совершилъ утренній намазъ. Жители Багиргана, увидя такое чудо, всѣ сдѣлались мюридами.

Однажды, въ праздникъ курбана, мюриды Гакимъ-Аты собрались вмѣстѣ, зарѣзали девять быковъ и съѣли все мясо, безъ остатка. Султанъ-Эпе при этомъ не былъ. Онъ пришелъ только на слѣдующій день и, узнавъ, что для него не оставили ни куска мяса, спросилъ отца: почему о немъ позабыли?

— „Кто дѣлалъ дѣло, тотъ получилъ свою часть; а какъ тебя не было, то тебѣ ничего и не слѣдуетъ", сказалъ Гакимъ-Ата.

Султанъ-Эпе попросилъ мюридовъ своего отца принести къ нему шкуры, снятыя съ зарѣзанныхъ ими быковъ, и кости; когда они это исполнили, то онъ, обратясь къ отцу, сказалъ: „Прикажи этимъ шкурамъ и костямъ встать и идти на пастбище".

— „Я не въ силахъ это исполнить", сказалъ Гакимъ-Ата.

— „Когда такъ, то позвольте мнѣ сдѣлать".

Получивъ отъ отца согласіе, Султанъ-Эпе воскликнулъ: „Бисмилляхъ! (во имя Божіе!)", собралъ шкуры и кости своею

*) Мелкая хивинская серебряная монета; по настоящему курсу 9 теньга равны 2 рублямъ.

эсою (палкой) въ одно мѣсто и, слегка ударивъ по кучѣ, сказалъ: „волею Божіею, вставайте“! Быки ожили, встали и пошли на пастбище. Послѣ этого чуда, Султанъ-Эпе, простившись съ отцемъ и матерью, сталъ невидимъ.

Гакимъ долго и вездѣ розыскивалъ изчезнувшаго сына, но нигдѣ не могъ найти. Когда Ходжа-Ахмедъ Эсауй узналъ обо всемъ происшедшемъ, то сдѣлалъ Гакимъ-Атѣ строгій выговоръ, за грубое обращеніе съ сыномъ, и сказалъ: „да течетъ вода надъ твоей могилой впродолженіи сорока лѣтъ“.

Когда Гакимъ-Ата умеръ, его похоронили возлѣ города; вскорѣ послѣ этого Ургенчская рѣка (Аму-Дарья) перемѣнила русло, разрушила городъ Багирганъ и текла надъ этимъ мѣстомъ ровно сорокъ лѣтъ; по истеченіи этого времени она отошла и могила Гакимъ-Аты открылась.

Старшіе сыновья Гакимъ-Аты, Мухаммедъ-Ходжа и Аскеръ-Ходжа, узнавъ объ изчезновеніи брата, разыскивали его повсемѣстно, для этого пришли на Мангышлакъ и тамъ умерли оба. Они также были святыми и творили чудеса. Могилы ихъ находятся близъ родника Меретъ *).

Лѣтъ черезъ сто по изчезновеніи Султана-Эпе, когда на Мангышлакѣ кочевали Ногаи, въ верхней части равнины, называемой теперь *Султанъ-Эпе-сай* **), собралось много кибитокъ. Между кочующими былъ одинъ мулла, учившій дѣтей; въ числѣ его учениковъ былъ одинъ мальчикъ, по имени Хейрулла, плѣшивый отъ паршей, рябой и хромой. Каждый день его били, въ школѣ—мулла, а дома—родители. Товарищи смѣялись надъ нимъ и постоянно его обижали. Однимъ словомъ, жизнь его была самая тяжелая. Однажды ушелъ онъ далеко въ степь, рѣшившись лишить себя жизни; уставши отъ ходьбы, онъ прислонился къ большому камню и, обратясь къ Богу съ горячей молитвой, много плакалъ, билъ себя въ грудь, наконецъ заснулъ. Въ полдень слѣдующаго дня, когда онъ все еще спалъ, представился ему во снѣ какой-то неизвѣстный человѣкъ и сказалъ: „сынъ мой! не плачь, открой ротъ“. Хейрулла это исполнилъ, незнакомецъ плюнулъ ему въ ротъ, отчего въ мальчикѣ тотчасъ-же проявились мудрость и познанія. Затѣмъ незнакомецъ сказалъ ему:

---

*) Верстахъ въ 40 къ сѣверо-востоку отъ Александровскаго форта, недалеко отъ залива Сары-ташъ.

**) Къ сѣверо-западу отъ Мерета, верстахъ въ 10-ти.

„встань, иди по степи и на томъ мѣстѣ, гдѣ увидишь сидящаго орла, построй мечеть“. На это Хейрулла сказалъ: „я слабый мальчикъ и не могу поднять, даже небольшого, камня“. Тогда незнакомецъ сказалъ: „я Султанъ-Эпе; когда будешь поднимать камни, произноси: о Султанъ-Эпе! камни божественной силой поднимутся и ты легко ихъ положишь, куда будетъ нужно“. Сказавъ это, Султанъ-Эпе изчезъ.

Хейрулла проснулся, пошелъ по степи и скоро увидалъ сидящаго орла; когда онъ близко подошелъ къ нему, то орелъ громко сказалъ: „Султанъ-Эпе“, взлетѣлъ и изчезъ. Хорошенько замѣтивъ мѣсто, гдѣ сидѣлъ орелъ, Хейрулла вернулся къ своему учителю. Мулла, прибивъ его за то, что онъ такъ долго не являлся, далъ ему книгу и приказалъ читать. Хейрулла прочелъ безъ затрудненія. Тогда мулла задалъ ему еще семь страницъ новаго урока,—онъ прочелъ ихъ одинъ разъ и отвѣчалъ какъ ученый. Такимъ образомъ обнаружилась полученная имъ премудрость и весь народъ дивился такому чуду. Послѣ этого Хейрулла ушелъ въ степь и, придя къ замѣченному мѣсту, прикасался руками къ большимъ камнямъ, восклицая: „о Султанъ-Эпе!“ Каждый камень, тронутый имъ, легко поднимался и ложился на то мѣсто, гдѣ было нужно. Такимъ образомъ Хейрулла очень скоро построилъ мечеть. Слѣды мечети и бывшаго около него дома видны и теперь. Между развалинами, говорятъ, была дорога; но теперь она заросла, потому-что по ней никто не ходитъ; однако мѣсто это и доселѣ почитается за святыню; сюда ходятъ молиться больные, которые скоро получаютъ облегченіе отъ болѣзни, и женщины, желающія имѣть дѣтей, которыя также получаютъ желаемое. Послѣ этого чуда, Хейрулла получилъ прозваніе „Суфій“.

Ходжа-Ахмедъ Эсауй имѣлъ четырнадцать тысячъ мюридовъ. Однажды, для испытанія преданности ихъ къ себѣ, онъ подвязалъ къ нижнему платью кишку, наполненную водой, взялъ палку и пошелъ въ мечеть. Когда начался намазъ, Ходжа-Ахмедъ, молившійся впереди всѣхъ, сдавилъ кишку,—бывшая въ ней вода вытекла; замѣтивъ это, мюриды сказали: „наставникъ нашъ мочится, чистота его нарушилась, не слѣдуетъ молиться съ нимъ“, и одинъ за однимъ вышли изъ мечети; продолжать молитву остались только двое мюридовъ: Гакимъ-Ата и Чобанъ-Ата. Когда они окончили молитву и вышли изъ мечети, ихъ окружили мюриды и спросили: зачѣмъ они молились за человѣ-

комъ, сдѣлавшимся нечистымъ? Тѣ разсказали имъ о кишкѣ съ водою, подвязанной Ходжа-Ахмедомъ лишь для испытанія своихъ учениковъ; узнавши объ этомъ, всѣ мюриды раскаялись въ своемъ поступкѣ и опять пришли къ Ходжа-Ахмеду, для слушанія его наставленій и поученій.

Незадолго передъ своею смертію, Ходжа-Ахмедъ, помолившись въ мечети и сидя въ ней, бросилъ свою эсу въ окно; эса улетѣла; тогда онъ, обратясь къ своимъ мюридамъ, сказалъ: „кто принесетъ мнѣ мою палку, тому прочту суру Фатиха“ *). Всѣ мюриды бросились вонъ изъ мечети искать палку, только одинъ Чобанъ-Ата всталъ, дошелъ до дверей мечети, но тотчасъ-же вернулся и сѣлъ. Ходжа-Ахмедъ обратился къ нему и спросилъ: „зачѣмъ ты сидишь“?

— „Я бы пошелъ, если-бы вы теперь-же прочли мнѣ Фатиха; палка уже очень далеко отсюда, на западѣ, она на Мангышлакѣ, на берегу большого моря“, сказалъ Чобанъ-Ата.

Въ это время не нашедшіе палки стали возвращаться въ мечеть. Ходжа-Ахмедъ, обратясь къ нимъ, сказалъ: „изъ такого большого числа учениковъ, я имѣю только одного достойнаго и друга“. Затѣмъ прочелъ Чобанъ-Атѣ Фатиха, позволилъ ему идти на Мангышлакъ, отыскивать его эсу, и простился съ нимъ навсегда.

Чобанъ-Ата отправился въ путь, шелъ нѣсколько мѣсяцевъ, наконецъ пришелъ на Мангышлакъ, гдѣ, по божьему указанію, нашелъ то мѣсто, на которое упала эса Ходжа-Ахмеда, и увидѣлъ, что она уже обратилась въ высокое дерево; а подъ деревомъ сидитъ, почтенный на видъ, человѣкъ, который, казалось, ожидалъ прибытія Чобанъ-Аты. Они скоро познакомились. Чобанъ-Ата женился на его дочери и остался здѣсь жить навсегда.

Вскорѣ по всему Мангышлаку стало извѣстно о прибытіи Чобанъ-Аты, его мудрости и учености; къ нему стали приходить для слушанія его поученій, и десять тысячъ человѣкъ сдѣлались его мюридами.

У Чобанъ-Аты было трое дѣтей, сыновья: 1-й Исанъ-Ата (Эхсанъ) и 2-й Чагрикъ-Ата (Шахъ-Рохъ) и дочь Тергинъ-Биби.

Чобанъ-Ата творилъ много чудесъ при жизни и послѣ смерти; перечислить ихъ всѣ невозможно. Онъ похороненъ вблизи

---

*) Первая глава корана.

того мѣста, гдѣ имъ найдена эса Ходжа-Ахмеда *). Молящіеся на его могилѣ скоро получаютъ желаемое.

Бай-Мухаммедъ Маяевъ **) разсказывалъ: «Въ молодости я разъ былъ очень боленъ и въ большой нуждѣ; случилось мнѣ въ это время, быть вблизи могилы Чобанъ-Аты; я отправился туда, помолился и сдѣлалъ незръ (какое-бы то ни было приношеніе), съ мысленною просьбой о доставленіи мнѣ благополучія. Ночью, во снѣ, я увидѣлъ, почтеннаго на видъ, человѣка съ большой бѣлой чалмой на головѣ и возлѣ него семьсотъ барановъ; онъ сказалъ мнѣ: «о сынъ мой! этихъ барановъ я подарю тебѣ». На другой день я почувствовалъ себя почти здоровымъ и возвратился домой; черезъ нѣсколько времени отъ разныхъ лицъ я получилъ въ подарокъ барановъ, которые у меня стали размножаться такъ удачно, что къ концу года ихъ было ровно семьсотъ штукъ.

Исанъ-Ата имѣлъ только одного сына, по имени Караманъ-Ата (Кагерманъ), который во всемъ былъ похожъ на дѣда, творилъ много чудесъ, построилъ мечеть, въ одномъ днѣ пути отъ могилы Чобанъ-Аты, и по смерти похороненъ вблизи ея.

Могила Караманъ-Аты весьма почитается; преимущественно на ней присягаютъ именемъ святого всѣ, отъ кого требуется очистительная присяга. Много разъ случалось, что ложно присягнувшіе именемъ Караманъ-Аты тутъ-же умирали и родъ ихъ вскорѣ совсѣмъ прекращался.

Когда-то между двумя отдѣленіями, кочевавшими на Мангышлакѣ, былъ споръ по одному важному дѣлу; было рѣшено, для окончанія дѣла, чтобы сто человѣкъ съ одной стороны приняли присягу на могилѣ Караманъ-Аты. Они приняли ее, хотя дѣло ихъ было неправое. Когда они отошли на сто шаговъ и сѣли на лошадей, чтобы ѣхать домой, вдругъ послышался громъ, подобный пушечному выстрѣлу, лица ихъ почернѣли, всѣ сто упали съ лошадей и въ туже минуту умерли.

У одной женщины пропалъ платокъ; его съѣла ея корова; не зная объ этомъ, она заподозрила въ воровствѣ свою сосѣдку и потребовала отъ нея очистительной присяги, на могилѣ Караманъ-Аты. Обѣ пошли туда и заподозрѣнная присягнула въ

*) Въ 120 верстахъ къ юго-востоку отъ Александровскаго форта, на хивинской дорогѣ.

**) Бывшій начальникъ верхней Адаевской дистанціи, заурядъ-хорунжій, убитый въ мартѣ 1870 года въ отрядѣ полковника Рукина.

своей невинности; когда онѣ возвратились домой, то увидали, что возлѣ кибитки лежитъ издохшая корова, животъ у нея лопнулъ и изъ него высунулся пропавшій платокъ.

Много было еще подобныхъ случаевъ, отъ чего каждый убѣжденъ, что ложно присягнувшій именемъ Караманъ-Аты будетъ непремѣнно наказанъ.

Чагрикъ-Ата имѣлъ двухъ сыновей: Шахъ-Мардана и Каба-Али, который называется также Капамъ-Ата.

Шахъ-Марданъ извѣстенъ болѣе подъ именемъ Чахмагъ-Ата чахмагъ—высѣкать огонь), потому-что когда въ дорогѣ встрѣчалась надобность достать огня, то ему достаточно было прикоснуться однимъ ногтемъ къ другому, чтобы искры посыпались въ изобилiи.

Однажды Чахмагъ-Ата, по окончаніи молитвы, заснулъ въ мечети; въ это время большая партія изъ враждебнаго отдѣленія, ограбивъ кочевавшихъ вблизи, подошла къ мечети, съ цѣлью ограбить и ее. Но найдя двери крѣпко запертыми извнутри и не могши разбить ихъ, разбойники стали вести подкопъ; когда они уже оканчивали подрывать стѣну, тогда бывшіе въ мечети мюриды, услышавъ стукъ, воскликнули: «о Чахмагъ-Ата, помоги»! Въ ту-же минуту всѣ копавшіе превратились въ камни.

На вершинѣ горы Имеди (въ Кара-тау) есть мѣсто, считающееся святымъ и называемое Сахабій (облачный), потому-что, какъ говорятъ, Чахмагъ-Ата взошелъ сюда по облаку.

Разсказываютъ также, что Чахмагъ-Ата, спасаясь отъ преслѣдовавшаго его врага, бѣжалъ; но когда наступило время молитвы, онъ остановился, выбралъ большой камень, взошелъ на него и сталъ молиться; молился онъ ровно два года, не замѣчая времени. На этомъ камнѣ и доселѣ видны слѣды ногъ, рукъ, лба и носа, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ прикасался къ нему, дѣлая земные поклоны. По прошествіи двухъ лѣтъ, на это мѣсто явился его врагъ и отрубилъ ему голову; но Чахмагъ-Ата, взявъ отрубленную голову подъ мышку, бѣжалъ и скоро изчезъ; на камняхъ, гдѣ онъ ступалъ, остались слѣды ногъ его, на большомъ разстояніи. Мѣсто это находится въ глубокомъ оврагѣ, недалеко отъ урочища Кунанъ-Су.

На урочищѣ, называемомъ Ханга, въ 25 верстахъ отъ Александровскаго форта, есть могила святого Мюхтимъ-Бабы, происходящаго отъ потомковъ Имама Гуссейна. Онъ пришелъ на Мангышлакъ изъ того мѣста Персіи, гдѣ живутъ тюркмены Ку-

рекалъ; вскорѣ къ нему явились мюриды и число ихъ было значительно; въ это время въ окрестностяхъ Ханги не было ни одного дерева. Однажды мюриды пришли къ Мюхтимъ-Бабѣ и просили у него позволенія идти гулять въ сады. Онъ имъ сказалъ: «сегодня не уходите никуда; если завтра не найдете вблизи садовъ, то позволяю вамъ идти».

Мюриды послушались его, остались; на слѣдующій день утромъ рано они увидѣли, что вся ближайшая гора покрыта превосходными деревьями, со множествомъ плодовъ. Очарованные этимъ зрѣлищемъ и удивленные совершившимся чудомъ, они пришли къ Мюхтимъ-Бабѣ, пали къ его ногамъ и покаялись въ своихъ грѣхахъ. Послѣ этого число мюридовъ Мюхтимъ-Бабы стало увеличиваться и дошло до нѣсколькихъ тысячъ.

Послѣ смерти Мюхтимъ-Бабы, сады, никѣмъ не поддерживаемые, уничтожились; до настоящаго времени уцѣлѣло изъ нихъ только. нѣсколько тутовыхъ деревьевъ.

Чудеснымъ образомъ явились еще сады на равнинѣ Султанъ-Эпе. Это произошло такъ: однажды Хейрулла-Суфій сидѣлъ въ уединеніи, занимаясь благочестивыми размышленіями; пришло къ нему нѣсколько человѣкъ съ одной стороны и нѣсколько человѣкъ съ другой; пришедшіе сѣли и стали разговаривать; зашла рѣчь о святыхъ; одни давали преимущество надъ всѣми святыми Султанъ-Эпе; другіе-же особенно величали Мюхтимъ-Бабу, въ особенности за то, что онъ однимъ словомъ покрылъ пустынную гору великолѣпными садами. Услышавъ это, Хейрулла-Суфій сказалъ:

— «Если Мюхтимъ-Баба однимъ словомъ произвелъ сады, то я, имѣющій только ничтожную частицу достоинствъ Султанъ-Эпе, покажу ихъ вамъ; взойдите на эту гору, посмотрите на равнину и вы увидите на ней сады, какіе желаете».

— «Ты безумецъ! говоришь, самъ не зная что», сказали сторонники Мюхтимъ-Бабы.

Услышавъ это, Хейрулла-Суфій въ порывѣ гнѣва воскликнулъ: «хюве-хаккъ!» (есть истина), вскочилъ и сталъ вертѣться на одномъ мѣстѣ, потомъ быстро побѣжалъ на гору, гдѣ и упалъ; всѣ присутствовавшіе пошли за нимъ и вскорѣ съ великимъ удивленіемъ увидѣли, что равнина, на большомъ пространствѣ, вся покрыта превосходными деревьями. Тогда всѣ они громогласно прославили Бога, пали къ ногамъ Хейрулла-Суфія и сдѣлались преданными ему мюридами.

На урочищѣ Гуграхъ, возлѣ колодцевъ Бурлы, есть могила одного святого. Онъ пришелъ на Мангышлакъ изъ Хорасана, изъ города Мешхеда, въ то время когда тамъ кочевали калмыки, сдѣлалъ противъ нихъ газаватъ и убитъ ими. Говорятъ, что когда калмыки отрубили ему голову, онъ схватилъ ее въ руки, вскочилъ на коня и изчезъ; слѣды его коня видны и доселѣ. Киргизы его называютъ Масатъ-Ата, по мѣсту его родины Мешхеда.

Недалеко отъ Чина (окраина Усть-Урта), при началѣ песковъ Акъ-тюбя, есть гора и на вершинѣ ея святое мѣсто, называемое Данишмендъ-Ата *). Про него разсказываютъ слѣдующее: однажды Данишмендъ-Ата сидѣлъ на одной изъ Кукайскихъ горъ, въ Тюркестанѣ, и занимался благочестивыми размышленіями; къ нему подошелъ юродивый и сказалъ: «я слышалъ, что на Мангышлакѣ есть мѣсто, прославленное чудесами Султанъ Эпе, сына Гакимъ-Аты,—собираюсь идти туда помолиться».

— «Если это такъ, то и я пойду туда съ тобой». Сказавъ это, Данишмендъ-Ата всталъ и спустился съ горы, чтобы идти далѣе съ юродивымъ. Вдругъ послышался голосъ изъ горы: «возьмите и меня съ собой».

— «Въ такомъ случаѣ я сяду на тебя и поѣдемъ», сказалъ Данишмендъ-Ата, взошелъ на гору и сѣлъ на вершинѣ; гора тронулась съ мѣста и направилась къ западу; когда она передвинулась на Мангышлакъ, Данишмендъ-Ата сказалъ: «къ святымъ мѣстамъ неприлично подъѣзжать верхомъ». Гора остановилась, Данишмендъ-Ата слѣзъ съ нея и отправился пѣшкомъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ, прославленнымъ чудесами Султанъ-Эпе.

На Унджагѣ, на южной оконечности урочища Караялчи **), есть могила одного святого, называемаго Кашкаръ-Ата ***); онъ былъ календаръ (отшельникъ, избѣгающій мірскихъ суетъ), пришелъ на Мангышлакъ изъ Хорасана, питался оленьимъ мясомъ; когда онъ нуждался въ пищѣ, олени сами приходили къ нему и онъ рѣзалъ ихъ безпрепятственно. Нѣсколько сѣвернѣе нахо-

*) Персидское слово, означающее: ученый, постигшій всѣ тонкости шаріата.

**) Называется по могилѣ Кара-Ялчи (черный работникъ). По преданію, на этомъ мѣстѣ убитъ работникъ одного богатаго и знатнаго тюркмена, увезшій дочь своего хозяина и настигнутый на этомъ мѣстѣ.

***) Кашкаръ—стада барановъ.

дится могила его ученика и преемника изъ мангышлакскихъ тюркменъ, извѣстнаго подъ именемъ Халифе (намѣстникъ), почитаемаго также святымъ. Оба они творили немало чудесъ; настоящія имена ихъ неизвѣстны.

Все, что извѣстно о мангышлакскихъ святыхъ, здѣсь разсказано; хотя, кромѣ упомянутыхъ, есть еще множество другихъ, но о дѣяніяхъ ихъ и жизни къ киргизамъ не перешло преданій, потому-что на Мангышлакѣ безпрерывно перемѣнялись кочевавшія племена: тамъ были ногаи, тюркмены, калмыки, опять тюркмены и наконецъ киргизы.

Воззваніе Мухаммедъ-Сафы *) къ Адаевцамъ въ 1870 году.

Адаевскій народъ! выслушай слова мои:
Дурныя мысли изъ памяти выкинь,
Съ чистымъ сердцемъ приди ко мнѣ.
Дурныя мысли изъ памяти выкинь!

* * *

Сперва Рукина и Бай-Мухаммеда **) убилъ ты;
Обманулъ ихъ,—отвѣтишь на будущемъ свѣтѣ.
Едва десять дней прошло,—начались твои бѣдствія.
Дурныя мысли изъ памяти выкинь!

* * *

Возмутившись, что смогъ, ограбилъ ты;
Потомъ—возложилъ всю надежду на божію милость;
Какъ русскій волкомъ сталъ, ты обратился въ барана.
Дурныя мысли изъ памяти выкинь!

* * *

Откочуемъ! сказалъ ты, покинемъ Мангышлакъ!
Понравилась тебѣ эта пагубная мысль,
И сдѣлалъ ты съ рукъ неидущее дѣло.
Дурныя мысли изъ памяти выкинь!

* * *

*) Тюркменскій старшина, оказавшій послѣ возмущенія адаевцевъ въ 1870 году довольно важныя услуги при сношеніяхъ съ ними. Умеръ отъ холеры въ концѣ 1871 года.

**) Заурядъ-хорунжій Маяевъ, бывшій начальникомъ верхней Адаевской дистанціи.

Убѣгая отъ русскихъ, оставилъ привольныя мѣста;
Кто видѣлъ это—поучался; кто слышалъ—смѣялся.
Русскій львомъ сталъ, ты обратился въ лисицу.
Дурныя мысли изъ памяти выкинь!

* * *

Умнымъ не будетъ ѣдящій мясо съ саломъ *).
Мелкому озеру сравняться-ли съ моремъ глубокимъ?
Только безумная баба съ мужемъ ссору заводитъ!
Дурныя мысли изъ памяти выкинь!

* * *

Водяная змѣя съ удавомъ не свивается,
Простой баранъ съ архадомъ **) не бодается,
Пестрая ворона съ ястребомъ не дерется.
Дурныя мысли изъ памяти выкинь!

* * *

Горшокъ съ чугуномъ вздумалъ драться!
Не обдумавши, пошли,—съ дороги сбились.
Теперь, самъ знаешь, кругомъ ты обойденъ.
Дурныя мысли изъ памяти выкинь!

* * *

Не по силамъ пустилъ ты стрѣлу на высокую гору!
Въ первый-же походъ много взяли у тебя скота;
Меня если спросишь? скажу: нѣтъ въ томъ грѣха.
Дурныя мысли изъ памяти выкинь!

* * *

Мухаммедъ-Сафа говоритъ: совѣтъ дамъ,
Повѣрь словамъ моимъ, скорѣй покорись!
Все я самъ видѣлъ, некуда тебѣ уйти.
Дурныя мысли изъ памяти выкинь!

Разсказъ и стихи Тюркменскаго пѣвца Нури (съ острова Челекеня), въ 1870 году.

Когда до насъ дошелъ слухъ, что Казакъ (киргизы) сжегъ

*) Адаевцамъ хлѣбъ неизвѣстенъ. Зимой, когда отъ безкормицы скотъ худѣетъ, они ѣдятъ мясо, съ бараньимъ саломъ, которое нарочно для этого отливается плоскими кусками.

**) Каменный баранъ (ovis argal.).

дома Уруса, утушилъ его очаги, убилъ Бай-Мухаммеда и одного полковника съ сорока человѣками, и изумился и сказалъ: это что за удивительное дѣло? Турецкій султанъ, англичане, различные франки, неоднократно, соединившись вмѣстѣ, дрались съ Урусомъ; но онъ стоялъ твердо и не пришелъ въ затрудненіе отъ ихъ нашествія. Шамиль тридцать лѣтъ сражался съ Урусомъ и наконецъ попался-таки въ плѣнъ. А Казакъ что за человѣкъ, чтобы осмѣлиться на такое дѣло!

Сдѣлалъ ты великое дѣло, не подумавши:
Голову свою на вѣтеръ пустилъ, Казакъ!
Смѣльчакомъ ставши, бросился ты,
Подобно мотылькѣ, въ огонь, Казакъ!

* * *

Дурное начало не принесетъ добра.
Взялся ты не за прибыльное дѣло:
Лишишься богатства, отымутъ стада твои,
И станешь ты пѣшій, Казакъ!

* * *

Отберутъ у тебя золото и драгоцѣнности,
Лишатъ твоихъ женъ и дочерей украшеній,
А потомъ и сыновей твоихъ
Запишутъ въ солдаты, Казакъ!

* * *

Голова твоя попала въ водоворотъ,
Который скоро увлечетъ и туловище;
А сердце твое, день-ото-дня наполняясь грустью,
Никогда болѣе не возрадуется, Казакъ!

* * *

Никакой благоразумный человѣкъ
Не кидаетъ камня, не по силамъ.
Жена ругаетъ-ли своего мужа?
О, лишившійся ума, Казакъ!

* * *

На каменистой почвѣ пшеница не растетъ!
Жаръ твой мало-по-малу утихнетъ,

Будутъ стрѣлять въ тебя гранатами, пулей,
И въ прахъ ты обратишься, Казакъ,!

* * *

Нури-пѣвецъ говоритъ: о бѣднага!
Самъ заслужившій постыдное горе,
Выведутъ семейства твои на базаръ;
А имя твое на вѣки опорочено, Казакъ!

О многочисленности и могуществѣ Уруса.

Разскажу о томъ все, что я видѣлъ:
Есть дорога, идущая изъ желѣзной крѣпости *),
Изъ-за стѣнъ ея выйдетъ сто тысячъ конницы,
На лошадяхъ, не ѣдящихъ травы, не пьющихъ воды.

* * *

Прійдетъ сто тысячъ солдатъ, сто тысячъ эсауловъ,
Сто тысячъ бековъ, сто тысячъ караульныхъ,
Сто тысячъ удальцовъ, сто тысячъ всадниковъ,
Имѣетъ еще Урусъ сто тысячъ дружинъ.

* * *

Прійдетъ сто тысячъ князей, сто тысячъ панцырниковъ,
Сто тысячъ казаковъ, сто тысячъ конныхъ,
Сто тысячъ дагестанцевъ, смѣлѣе львовъ,
Имѣетъ еще на водѣ сто тысячъ пароходовъ.

* * *

Привезутъ сто тысячъ пушекъ, сто тысячъ ящиковъ,
Выпустятъ сто тысячъ выстрѣловъ по міру.
Сто тысячъ продающихъ вино, сто тысячъ его пьющихъ,
Имѣетъ еще сто тысячъ Рустамовъ, сто тысячъ Зааловъ.

* * *

Прійдетъ сто тысячъ сардаровъ, съ царской властью;
Сто тысячъ на слонахъ, сто тысячъ на носорогахъ,
Сто тысячъ служителей, превосходящихъ красотою дѣвицъ,
Имѣетъ еще сто тысячъ одеждъ драгоцѣнныхъ.

* * *

---

*) Дербента.

Сто тысячъ занимаются разведеніемъ садовъ,
Сто тысячъ колесницъ, готовыхъ къ дѣлу,
Сто тысячъ содержатъ караулы по дорогамъ,
Имѣетъ еще сто тысячъ правосудныхъ судей.

* * *

Сто тысячъ начальниковъ начнутъ командовать;
Увидя сто тысячъ враговъ—всѣхъ изрубятъ мечами.
Сто тысячъ ничего небоящихся копьеносцевъ,
Имѣетъ еще сто тысячъ гренадеровъ.

* * *

Сто тысячъ музыкантовъ заиграютъ на инструментахъ,
Сто тысячъ есть такихъ, которые враговъ не считаютъ,
Прійдетъ сто тысячъ охотниковъ съ ястребами,
Имѣетъ еще въ ста тысячахъ мѣстахъ скотоводовъ.

* * *

Нури-пѣвецъ насказалъ такъ много словъ,
Потому-что иногда онъ паритъ въ воздухѣ.
Имѣетъ еще Урусъ сто тысячъ сундуковъ золота,
И лошадей съ жемчужнымъ уборомъ.

Киргизская пѣсня.

Десяти лѣтъ я достигнулъ:
Зеленую вѣтку въ лукъ согнулъ,
Тонкія стрѣлки въ цѣль пускалъ.
Гдѣ почесть, гдѣ слава?
Пятнадцати лѣтъ достигнулъ:
Въ красное, зеленое одѣлся,
Туго поясомъ подтянулся,
Всѣмъ красивымъ казался.
Гдѣ почесть, гдѣ слава?
Двадцати пяти достигнулъ:
Бѣлыя шаравары засучивъ,
Хоть и самъ я молчалъ,
Да и врагъ пикнуть не смѣлъ.
Одна дѣвица полюбила.
Гдѣ почесть, гдѣ слава?

Тридцати пяти достигнулъ:
Пику съ бубенчиками взявъ,
Безрукавную кольчугу надѣвъ,
Прохладное время выбравъ,
Сиваго скакуна погналъ,
Съ крикомъ врага побѣдилъ.
Гдѣ почесть, гдѣ слава?
Сорока пяти достигнулъ:
Въ дальній походъ отправился,
И съ сѣвера и съ юга, въ степи,
Разбойники на людей нападали,
Не боялся, одинъ я проѣхалъ!
Гдѣ почесть, гдѣ слава?
Пятидесяти пяти достигнулъ:
Ссорившіеся кучками ходили,
Судилъ ихъ, языкомъ работалъ;
Бійликъ *) за то получалъ.
Гдѣ почесть, гдѣ слава?
Шестидесяти пяти достигнулъ:
Борода и усы посѣдѣли,
Прежней силы лишился.
Дѣвка говоритъ: . . . .
Взять ты хочешь меня,
Только видомъ моимъ утѣшайся!
Хоть убей!—не пойду за тебя!
Когда-то, ты и былъ молодецъ;
Но теперь твоя голова —
Все равно, что прошлогодній навозъ!
Гдѣ почесть, гдѣ слава?

А. К.

12 февраля 1873 г.

*) Плата бію за производство суда

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

„Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ издается по слѣдующей программѣ:

I. Научныя изслѣдованія, касающіяся кавказскихъ горцевъ.

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ.

III. Путешествія, мемуары и разсказы, характеризующіе бытъ горцевъ.

IV. Горская лѣтопись (важнѣйшія распоряженія по горской администраціи; современныя статистическія свѣдѣнія о горцахъ; библіографія сочиненій, касающихся горскаго быта; разнаго рода текущіе вопросы и замѣтки, разъясняющія настоящее положеніе горцевъ; извлеченія изъ дѣлъ Кавказскаго Горскаго Управленія и пр.).

„Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ выходитъ въ свѣтъ выпусками, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждый, въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ накопленія научно-литературнаго матеріала, удовлетворяющаго программѣ изданія.

За статьи, признанныя удобными къ помѣщенію въ „Сборникѣ“, назначается гонорарій, по уговору съ авторомъ, полагая за капитальныя статьи по 50 и болѣе руб. отъ печатнаго листа.

Статьи, предназначаемыя для „Сборника“, равно и всѣ сношенія по редакторской части изданія, просятъ адресовать въ Тифлисъ, въ Кавказское Горское Управленіе, на имя редактора „Сборника“, Н. И. Воронова.

Содержаніе вышедшихъ въ свѣтъ книгъ „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“:

1-й выпускъ.

I. Предисловіе.

II. Адаты и судопроизводство по нимъ (съ приложеніями), *А. В. Комарова.*

III. Этнографическіе очерки Аргунскаго округа (съ 3-мя рисунками), *А. П. Ипполитова.*

IV. Шамхалы Тарковскіе (съ родословною таблицею).

V. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

а) Кое-что о словесныхъ произведеніяхъ горцевъ, *П. У.*

б) Казикумухскія (лакскія) народныя сказанія (Нѣсколько словъ о казикумухахъ; сказки, басни, анекдоты и пословицы).

VI. Изъ путешествія по Дагестану, *Н. И. Воронова.*

VII. Воспоминанія муталима, *Абдуллы Омарова.*

VIII. Горская лѣтопись:

1) Статистическія свѣдѣнія о кавказскихъ горцахъ, состоящихъ въ военно-народномъ управленіи.

2) Крѣпостные въ Кабардѣ и ихъ освобожденіе, *Е. С.—ва.*

3) Освобожденіе зависимыхъ сословій во всѣхъ горскихъ округахъ Терской области.

4) Освобожденіе безправныхъ рабовъ въ Дагестанѣ.

5) Положеніе дѣла освобожденія зависимыхъ сословій въ горскихъ округахъ Кубанской области.

6) Изъ горской криминалистики: I. Народная казнь женщины въ сел. Калаки. II. Убійство и казнь женщины въ сел. Оглы.

7) Библіографическая замѣтка.

Приложеніемъ къ I-му выпуску служитъ *Карта земель горскаго населенія, состоящаго въ военно-народномъ управленіи.*

II-й выпускъ.

I. Начало христіанства въ Закавказьѣ и на Кавказѣ, *П. У.*

II. Ученіе „Зикръ“ и его послѣдователи въ Чечнѣ и Аргунскомъ округѣ, *А. П. Ипполитова.*

III. Ученіе о тарикатѣ:

1) Адабуль-Марзія, соч. шейха *Джемалэддина Казикумухскаго*, перев. съ арабскаго: а) Отъ редакціи; б) Предисловіе къ рукописному сочиненію Джемалэддина о тарикатѣ, сепда *Абдурахмана*; в) Адабуль-Марзія и г) Послѣсловіе отъ переписчика.

2) Тарикатскія легенды, поученія и письма (перев. съ арабскаго и татарскаго).

IV. Матеріалы для исторіи Дагестана:

1) Казикумухскіе и Кюринскіе ханы (съ приложеніями и родословною таблицею), *А. К.*

2) Мехтулинскіе ханы (съ родословною таблицею).

V. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ (Аварскія народныя сказанія: а) Нѣсколько словъ объ аварцахъ, *Н. В.*; б) Сказки и басни, собранныя и переведенныя съ аварскаго *Айдемиромъ Чиркеевскимъ*).

VI. Этнографическіе очерки:

1) Свадьба въ горскихъ обществахъ Кабардинскаго округа, *Н. Ф. Грабовскаго.*

2) Воспомпнанія муталима (окончаніе), *Абдуллы Омарова.*

VII. Горская лѣтопись:

1) Устройство поземельнаго быта горскихъ племенъ Сѣвернаго Кавказа, *П. А. Гаврилова.*

2) Научное извѣстіе (Грамматическія и филологическія изслѣдованія Хюркилинскаго языка, П. К. Услара, *Н. В.*

III-й выпускъ.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Очеркъ устройства общественно-политическаго быта Абхазіи и Самурзакани.

2) Низамъ Шамиля (матеріалъ для исторіи Дагестана).

3) Горскіе евреи, *І. Я. Чернаго*.

4) Привиллегированныя сословія Кабардинскаго округа.

5) Экономическій и домашній бытъ жителей Горскаго участка Ингушевскаго округа, *Н. Ф. Грабовскаго* (съ приложеніемъ: похороны и поминки у горцевъ, *Чаха Ахріева*).

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

Осетинскія народныя сказанія: а) Предисловіе отъ собирателя; б) Сказки, басни и анекдоты; в) Легенды, преданія и повѣрья, *Джантемира Шанаева*.

III. Этнографическіе очерки:

1) Домашняя и семейная жизнь дагестанскихъ горцевъ Аварскаго племени, *Н. Львова*.

2) Какъ живутъ лаки (изъ воспоминаній дѣтства), *Абдуллы Омарова*.

3) Изъ путешествія по Дагестану (съ двумя рисунками). *Н. И. Воронова*.

IV. Горская лѣтопись:

1) О распространеніи грамотности между горцами, *П. У.*

2) Экономическое положеніе бывшихъ зависимыхъ сословій Кабардинскаго округа, *Н. Ф. Грабовскаго*.

3) Изъ горской криминалистики.

IV-й выпускъ.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Очеркъ суда и уголовныхъ преступленій въ Кабардинскомъ округѣ, *Н. Ф. Грабовскаго.*

2) Природа и люди Закатальскаго округа, *А. И. Фонъ-Плотто.*

3) Матеріалы для древней исторіи осетинъ, *П.*

4) Истинные и ложные послѣдователи тарпката, *Мугеддина Магомедъ-Ханова* (переводъ съ арабскаго, съ предисловіемъ, *А. Омарова*).

5) Ичкерія (историко-топографическій очеркъ), *И. М. Попова.*

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

Изъ чеченскихъ сказаній: а) Нѣсколько словъ о герояхъ въ ингушевскихъ сказаніяхъ, *Ч. Ахріева*; б) чеченскія сказки, басни и пословицы.

III. Этнографическіе очерки:

1) Какъ живутъ лаки, *Абдуллы Омарова.*

2) Свадьба у сѣверныхъ осетинъ, *Джантемира Шанаева.*

IV. Горская лѣтопись:

1) Извлеченіе изъ отчета объ осмотрѣ казенныхъ свободныхъ земель нагорной полосы между рр. Тебердой и Лабой (съ картою).

2) Нѣсколько словъ о примѣненіи народныхъ обычаевъ къ судопроизводству Абхазіи.

3) Замѣтка о карачаевскихъ адатахъ по долговымъ обязательствамъ, *Н. Г. Петрусевича.*

4) Изъ горской криминалистики (криминальные случаи: а) изъ дѣлъ Полеваго Аудиторіата и б) изъ дѣлъ Кавказскаго Горскаго Управленія).

5) Борьба съ леопардомъ, *Н. Г. Петрусевича.*

V-й выпускъ.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Дагестанскія лѣтописи. I. Извлеченіе изъ исторіи Дагестана, составленное Мухаммедомъ-Рафи, съ предисловіемъ *П. У.*

2) Кавказско-горскія письмена (съ 4-мя таблицами), *Л. П. Загурскаго.*

3) Матеріалы для исторіи Осетинъ, гл. VI—XXXVI, *В. Б. Пфафа.*

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

1) Осетинскія народныя сказанія: а) Нѣсколько словъ отъ собирателя и б) Нартовскія сказанія, *Джантемира Шанаева.*

2) Изъ Чеченскихъ сказаній, *Чаха Ахріева.*

3) Изъ Кабардинскихъ сказаній о Нартахъ, съ предисловіемъ отъ собирателя.

III. Этнографическіе очерки:

1) Религіозныя вѣрованія Абхазцевъ (съ рисункомъ), *А—а.*

2) Ингушевскіе праздники, *Чаха Ахріева.*

IV. Горская лѣтопись:

1) Полемика Дагестанскихъ ученыхъ по вопросу объ отчужденіи собственности по *назру* (обѣту), съ предисловіемъ.

2) Освобожденіе зависимыхъ сословій въ Сухумскомъ Отдѣлѣ (Абхазіи и Самурзакани).

3) Статистическія свѣдѣнія о кавказскихъ горцахъ, состоящихъ въ военно-народномъ управленіи.

VI-й выпускъ.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Абхазцы (Азега),—по поводу сочиненія г. Дубровина: „Очеркъ Кавказа и народовъ его населяющихъ“,—***.

2) Карта горскихъ народовъ, подвластныхъ Шамилю (съ приложеніями), *И. П. Линевича.*

3) Чеченское племя (съ примѣчаніями), *Умалата Лаудаева.*

4) Адаты жителей Кумыкской плоскости.

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

1) Кабардинская старина (I. Коварная жена.—II. Дохшуко Бгушоковъ.—III. Отцовское завѣщаніе.—IV. Жанболатъ.—V. Айдемирканъ.—VI. Князь Амоко Тосултановъ.—VII. Созырыхо, сынъ Коала.—VIII. Гоаша-Махо.—IX. Абадзехъ-кровомститель.—X. Два друга).

2) Кабардинскія сказки.

III. Горская лѣтопись:

1) Экономическое положеніе туземнаго населенія Сухумскаго отдѣла, *А—а.*

2) Научныя извѣстія: I. По поводу изслѣдованій П. К. Услара о Кюринскомъ языкѣ, *Н. В.*—II. Нѣсколько словъ о новомъ лингвистическомъ трудѣ академика Шифнера, *Л. П. Загурскаго.*

3) О самоубійствахъ въ Дагестанской области, *Н. В.*

4) Населеніе Закатальскаго округа по народной переписи 1871 года, *Н. В.*

5) Замѣтка.

IV. *Приложеніе*:

Статистическія свѣдѣнія о Мангишлакѣ (съ картою), *И. П. Линевича.*

VII-й выпускъ.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Сказаніе очевидца о Шамилѣ, *Гаджи-Али* (переводъ съ арабскаго).

2) Бывшее Елисуйское султанство (съ картою), *И. П. Линевича.*

3) Нѣсколько данныхъ для опредѣленія экономическаго быта жителей Елисуйскаго наибства, Закатальскаго округа, ***.

4) Присяга по обычному праву осетинъ, *Джантемира Шанаева.*

5) Адаты Даргинскихъ обществъ.

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

1) Изъ осетинскихъ народныхъ сказаній: а) Нартовскія сказанія (два варіанта о Сосрыко — О томъ, какъ великанъ поймалъ Урызмага—Нарты и Сырдонъ—Гатагъ и его сыновья—Хатагъ-Барагъ), *Дж. Шанаева;* б) Сказаніе о св. Уастырджи, *Гуцыра Шанаева.*

2) Даргинскія сказанія о Муллѣ Насрэддинѣ, *М. Амирова.*

III. Этнографическіе очерки:

Среди горцевъ Сѣвернаго Дагестана (изъ дневника гимназиста), *Гаджи-Мурада Амирова.*

IV. Приложенія:

1) Преданія Адаевцевъ о святыхъ, секты Ханафіе, жившихъ и умершихъ на Мангышлакѣ; 2) Воззваніе Мухаммедъ-Сафы къ Адаевцамъ въ 1870 г.; 3) Разсказъ и стихи Тюркменскаго пѣвца Нури (съ острова Челекеня), 1870 г.; 4) О многочисленности и могуществѣ Уруса и 5) Киргизская пѣсня,—собр. и перев. *А. К.*

Желающіе пріобрѣсти вышедшія книги „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ благоволятъ обращаться въ Кавказское Горское Управленіе или въ книжные магазины гг. Берештама и Вартанова, въ Тифлисѣ.

Цѣна каждаго выпуска „Сборника“ *два* руб. Цѣна Карты земель горскаго населенія *пятьдесятъ* коп. За пересылку по почтѣ плата особо.